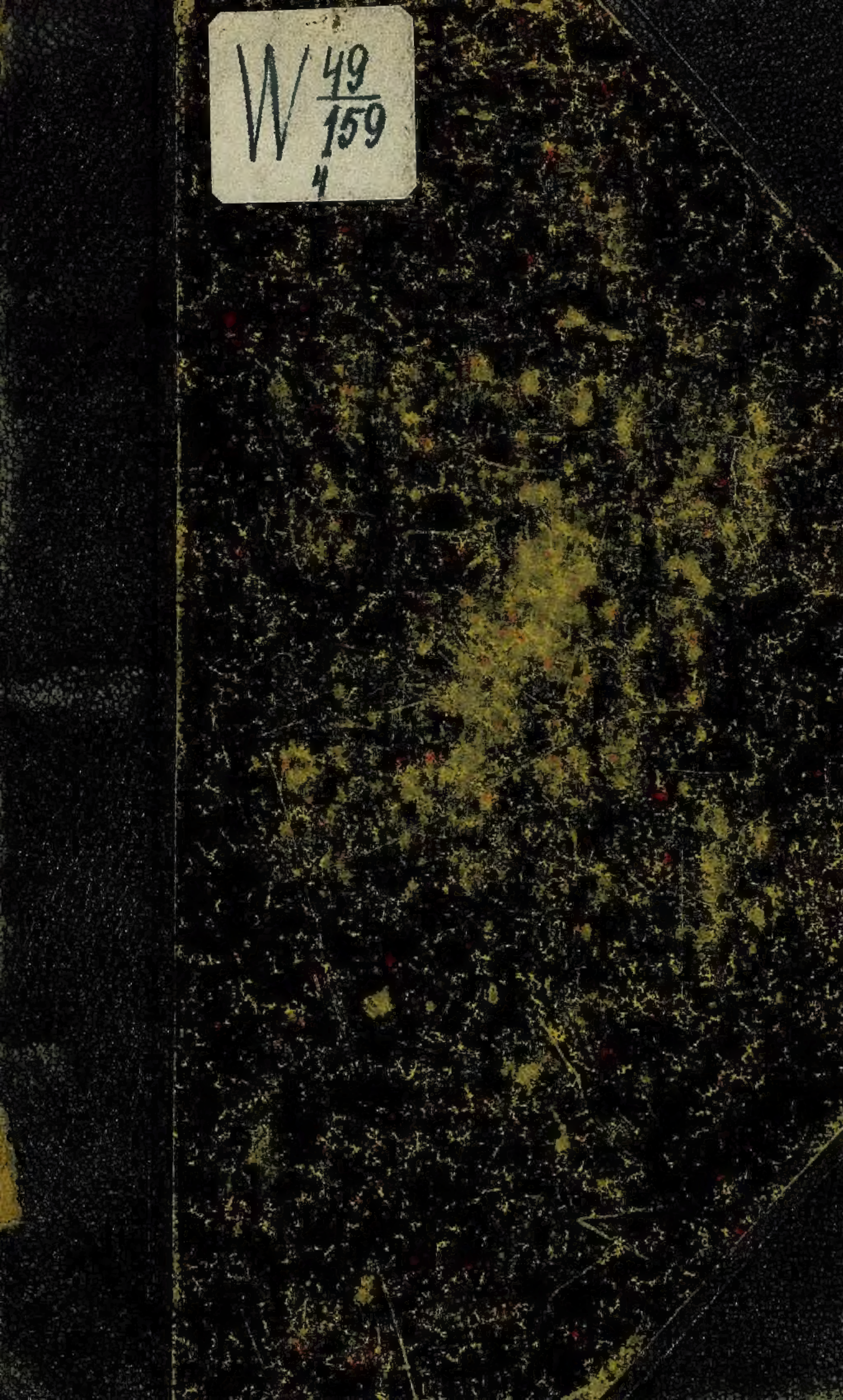

W 49/159
4

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

С.-Петербургъ.

1862.

ОДОБРЕНО ЦЕНСУРОЮ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Августа 6 дня 1862 года.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

АРХИВЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ И ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССІИ.

1860—1861.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

С.-Петербургъ.

1862.

СОДЕРЖАНІЕ.

Каменецъ Подольскій.

I.

Мѣстонахожденіе и мѣстоположеніе Каменца.—Крѣпостныя башни.—Лѣстницы.—Польскія ворота.—Памятникъ 1832 года.—Вѣтряная брама.—Надписи на брамѣ и развалинахъ древняго укрѣпленія.—Первое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Каменецъ.—Общій внутренній видъ города.—Торговая площадь.—Каланча.—Домъ Градской Думы.—Страсть къ надписямъ.—Колодезь.—Недостатокъ воды.—Гунская криница и проектъ водопровода.—Предположеніе о каменномъ мостѣ и мысль о постройкѣ собора.—Рабочіе и размѣнные столы на площади.

На рубежѣ Россіи, Австріи и Турціи, на дикой обрывистой скалѣ, со всѣхъ сторонъ омываемой мутными водами Смотрича, впадающаго въ чистый, быстроструйный Днѣстръ, древній Тирасъ (¹), тѣснится, нѣкогда славный, а нынѣ малоизвѣстный Каменецъ, главный городъ роскошной Подоліи.

Полуразрушившіяся каменныя башни, стоящія по обѣимъ сторонамъ Смотрича, у самаго въѣзда въ городъ по дорогѣ изъ Кіева, робко лѣпятся къ скаламъ, грустно отражаясь въ водахъ, омывающихъ ихъ подножіе. Въ былыя времена, между обѣими башнями существовалъ подводный проходъ, остатки коего еще и нынѣ виднѣются, а мѣстное повѣріе,—что ниже башень Смотричь недосягаемо глубокъ, и что утонувшіе въ этомъ мѣстѣ люди, или брошенныя вещи никогда не всплываютъ на верхъ, еще болѣе убѣждаетъ въ существованіи этого прохода.

Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ одной изъ этихъ башень, находящейся на лѣвой сторонѣ Смотрича, была въ давнія времена церковь, изъ которой остался только образъ св. фамиліи, стоящій и теперь на правой сторонѣ польской брамы. Послѣдній изъ бывшихъ въ ней священниковъ повѣсился; съ тѣхъ поръ, ежегодно,

---

(¹) Гванымъ, литовскій лѣтописецъ, названіе Тирасъ производитъ отъ италіанскаго слова tirare—стрѣлять, выражая этимъ необыкновенную быстроту теченія Днѣстра.

накануне Св. Христова Воскресенія, слышатся подъ этими развалинами звуки колоколовъ и пеніе жалобнымъ голосомъ извѣстнаго ирмоса: «Вскую мя отринулъ еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя чуждая тьма окаяннаго»; однакожъ окончанія этой пѣсни: «обрати мя къ свѣту заповѣдей Твоихъ, пути моя направи, молюся»,—никто еще не слыхалъ.

Нынѣ, между этими остатками башень, переброшенъ легкій деревянный мостикъ, для пѣшеходнаго сообщенія между собственно городомъ и предмѣстіемъ — Польскими фольварками. Широкія каменныя лѣстницы, имѣющія около 400 ступеней, красиво рисуясь по обрывамъ скалъ, представляютъ довольно удобный и безопасный путь для прохода къ мосту, одна часть котораго переброшена чрезъ Смотричь, а другая у старыхъ польскихъ воротъ (²) по самой аркѣ ихъ чрезъ улицу, того же названія. Насупротивъ этихъ воротъ, у большаго моста, сохранились еще остатки тройной каменной башни, плотно прижавшейся къ стѣнѣ; но время, вода и святотатственная рука человѣка, видимо разрушаютъ ихъ. Нижній рядъ оконныхъ амбразуръ этой башни, мало возвышаясь надъ поверхностію земли, ежегодно затапливается водой, которая, проникая во внутрь зданія, сильно вредитъ его прочности. Послѣ страшныхъ наводненій 1805 и 1806 годовъ, когда вода Смотрича поднялась,—какъ это видно по надписямъ и чернымъ полосамъ, проведеннымъ для памяти на кіотѣ св. Маріи Магдалины, прикрѣпленномъ къ стѣнѣ,—почти на 25 или 30 футовъ выше водъ меженнаго уровня, башня сильно повредилась и даже растреснулась, а наводненія 1820 и 1837 годовъ еще болѣе ускорили ея разрушеніе (³).

(²) Ворота эти названы польскими, какъ говоритъ преданіе, потому, что при послѣднемъ взятіи Каменца войсками русскими, Поляки бѣжали чрезъ нихъ изъ города. Другія же ворота, находящіяся близь жандармскихъ казармъ, на противоположной сторонѣ Каменца, чрезъ которыя вошли въ городъ изъ предмѣстія Карвасаръ наши войска, названы, въ память этого событія, русскими.

(³) Въ 1649 году, подобнымъ разрушительнымъ наводненіемъ р. Смотрича, сильно повреждены были укрѣпленія, городскія стѣны и ворота, какъ это видно изъ 3 пунк. статей, предложенныхъ отъ имени короля паномъ канцлеромъ конвокаціонному засѣданію 1 іюня 1649 года, въ коей сказано: Źe teraz inundatia Smotryce rźeki uczyniela szkodę w murach Kamienieckich, naipotrzebnieyszą do obrony poderwala Bramę, zey na Restauratią iako może bydź nai-

Проѣхавъ польскія ворота, при которыхъ, вмѣсто часовыхъ, почти всегда можно найти двухъ или трехъ нищихъ, сидящихъ подъ кіотомъ съ изображеніями св. фамиліи, св. Яна, покровителя странствующихъ, и св. Маріи Магдалины, и жалобнымъ напѣвомъ, подъ акомпанементъ лиры, разсказывающихъ о давно минувшихъ событіяхъ Подольской Украйны, мы начали подыматься, по узкой и довольно отлогой горѣ, межъ двухъ каменныхъ стѣнъ—природной и искусственной, къ такъ называемой *вѣтряной брамѣ*, получившей это названіе отъ постоянно дующаго въ этомъ мѣстѣ вѣтра и ведущей собственно въ Каменецъ. На полугорѣ мы замѣтили два тяжелыхъ каменныхъ столба, украшенные изображеніями, изсѣченными на бѣлыхъ каменныхъ же плитахъ, изъ коихъ одна представляетъ гербъ города Каменца—солнце, по сторонамъ коего уцѣлѣли отрывки бывшей нѣкогда надписи: PAL. POD; а ниже буквы: A. D. и L; а другое—двуглаваго орла съ распростертыми крыльями и означеніемъ 1832 года.

Столбы эти, какъ объяснилъ намъ мѣстный старожилъ, построены въ тридцать второмъ году, по прекращеніи возникшаго въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ Польши мятежа, на мѣстѣ бывшихъ вторыхъ польскихъ воротъ, кои, по ветхости, при разширеніи улицы, сломаны. Вышеописанная нами каменная плита съ изображеніемъ солнца была вынута изъ прежнихъ воротъ, а бывшая на ней надпись, по распоряженію мѣстнаго начальства, какъ несоотвѣтственная духу времени, изглажена; уцѣлѣли только тѣ буквы, кои были поглубже вырѣзаны, и кои приведены нами.

Вѣтряной брамой называютъ главныя ворота Каменца, находящіяся между круглой пятиэтажной каменной башней, построенной въ 1585 году Стефаномъ Баторіемъ, и смежнымъ укрѣпленіемъ, развалины коего частію превращены въ временный театръ, а мрачные и душные подвалы въ казармы и слѣсарныя заведенія квартирующихъ въ городѣ войскъ, частію остаются въ прежнемъ видѣ. На лицевой сторонѣ вѣтряной брамы, обращенной къ городу, сдѣлана, на бѣлой каменной доскѣ, красными литерами, слѣдующая

---

prędsze koszt łożyć, na co już P. Podskarbi ad rationem f. 3,000 posłał, żeby mu dana była Assecuratia od Wcion, żeby on tego, co uczyniel za powodem Kóla Imci z miłości ku Oyczyznie swoym nie prypłaciel». Памятники древнихъ актовъ т. I, 1845 года.

*

латинская надпись, положительно свидѣтельствующая о времени построенія и возстановленія ея:

A. D. 1585
Per Steph. Bathory R. P.
conditum,
Stanislao Augusto
Regnante Polonis
Restauratum et Auctum.
A. D. 1785.

На чугунной доскѣ, вдѣланной въ наружную стѣну бывшаго укрѣпленія, обращенную на Кармелитскую улицу, начертаны слова:

Sub avspicio
Serenissimi ac Potentissimi Principis
Augusti III
Regis Poloniae Magniq: Ducis Lithuaniae
Ac Principis Haereditarii Saxoniae Electoris
Illustrissimus Dominus Iosephus A Potok
Potocki
Castelanus Cracoviensis
Supremus Exercitium Regni Dux
Hoc opus incerpit erigere
Postquam Desiit vivere
Filius Illustrissim, Dns: Stanisla A Potok
Potocki
Palatinus et Generalis Terrarum Kioviae
Tam ductus Gloriae Parentis sui
Quam Amore Patriae
Hoc opus finivit.
Per C. Dahlke Colonelium cor. Artil. Regni
et Prim: Praefect: Archit: Militaris.
Anno Domini MDCCLIII.

Надпись эта, безспорно, опровергаетъ народное преданіе о постройкѣ этого и другихъ подобныхъ укрѣпленій Турками, кои, какъ увидимъ ниже, хотя довольно долго владѣли Каменцемъ и держались въ немъ очень сильно, но оставили, сравнительно, немного

памятниковъ строительнаго искусства. По всему видно, что они больше раззорили, чѣмъ построили.

Описанный нами главный, или лучше, со стороны Кіева, единственный въѣздъ въ городъ, особливо въ темную осеннюю ночь, при яркомъ свѣтѣ камфинныхъ фонарей и безчисленныхъ огоньковъ, мелькающихъ въ окнахъ многоэтажныхъ домовъ и бѣдныхъ лачужекъ, нецеремонно тѣснящихся другъ подлѣ друга внизу по-надъ рѣкой и надъ обрывами скалы, невольно поражаетъ путешественника. Вся эта масса строеній превращается какъ будто въ одинъ колоссальный дворецъ съ десятками этажей, куполовъ, балконовъ и колонъ. Въѣздъ на гору кажется нескончаемымъ. Вѣтряная башня представляется колоссомъ, вершина коего теряется въ облакахъ. Даже мутныя волны Смотрича, отражая въ себѣ безчисленные ряды огней и звѣздъ, получаютъ какую-то особенную прелесть и величавость. А юго-западное небо, невѣдомое жителю холоднаго сѣвера, съ миріадами звѣздъ, покрывая всю эту картину безпредѣльнымъ роскошнымъ шатромъ, окончательно придаетъ Каменцу такую чарующую прелесть, что, кажется, никогда не налюбовался бы имъ, никогда бы не хотѣлъ видѣть его иначе. И если бы въ эту минуту сладкаго очарованія, Каменецъ представился мнѣ въ его жалкой дѣйствительности, я вѣрно сказалъ бы, что это другой городъ. Но упоенія чувствъ нашихъ, какъ и заблужденія мыслей, невѣчны и большею частію скоропроходящи, и потому съ первымъ солнечнымъ лучемъ, съ первымъ шагомъ на улицу города, миражъ моего восторга исчезъ, и я увидѣлъ дѣйствительность, какой не могъ даже подозрѣвать.

Узкія, нечистыя улицы, съ тротуарами едва удобными для прохода одному, а часто и вовсе безъ тротуаровъ, сплошный рядъ домовъ, которые будто бы силятся вытѣснить одинъ другой, пестрая смѣсь дикой и безвкусной претензіи на роскошь въ постройкахъ и отвращающая бѣдность и нищета покрившихся на бокъ лачужекъ, высокія гонтовыя крыши 3-хъ и 4-хъ этажныхъ домовъ съ громадными фронтонами и жилищами на чердакахъ, напоминающіе старинные нѣмецкіе города, черепица и желѣзо, каменныя статуи, кронштейны, карнизы, пилястры, сандраки и разные орнаменты, наконецъ цѣлыя стѣны домовъ, построенныя

изъ хорошо обдѣланныхъ плитъ, добытыхъ изъ мѣстныхъ горъ, и рядомъ покосившіяся окна и двери приземистыхъ убѣжищъ пролетаріевъ, ветхія, деревянныя и свѣтящіяся кровли и падающія стѣны,—все это перемѣшано съ калейдоскопической причудливостію, съ поражающею безтолковостію. Глядя на безпрерывно взаимно пересѣкающіяся улицы Каменца, на повсемѣстную смѣсь безобразной громадности и жалкой нищеты, и въ тоже время на очаровательную мѣстность города, такъ щедро надѣленнаго всѣмъ необходимымъ для постройки удобныхъ и изящныхъ жилищъ, невольно приходишь къ грустной мысли, что кромѣ всетерпящаго времени, надъ созданіемъ Каменца никто еще не трудился съ заранѣе обдуманной идеей и съ разумно составленнымъ планомъ.

За исключеніемъ церквей и немногихъ общественныхъ зданій, всѣ постройки города носятъ на себѣ явный отпечатокъ полнаго произвола, дикаго безвкусія и совершеннаго незнанія архитектуры. Даже дома, окружающія единственную въ городѣ торговую площадь, безъ нужды загроможденную нѣсколькими частными строеніями и сотней деревянныхъ лавчонокъ, наполненныхъ разной мелочью, любимымъ предметомъ торговли жидовскаго племени, отличаются отъ домовъ другихъ улицъ лишь своей неуклюжей громадностію, да пестрой лентой безграмотныхъ вывѣсокъ.

Въ ряду этихъ домовъ, тотъ, въ которомъ помѣщается аптека Неталаса, извѣстная по дороговизнѣ и недоброкачественности отпускаемымъ ею лекарствъ, безспорно лучше другихъ; онъ былъ бы даже хорошъ, если бы въ тѣсномъ сосѣдствѣ другихъ домовъ, не терялась его оригинальность. Домъ этотъ, кромѣ своей наружности, замѣчателенъ еще и тѣмъ, что, какъ видно изъ польской надписи, вставленной крайне несимметрично въ одинъ изъ пилястровъ, онъ служилъ въ 1781 году временнымъ жилищемъ послѣдняго короля польскаго Станислава Августа IV Понятовскаго.

Среди площади, у зданія, въ которомъ помѣщается городская дума, возвышается высокая каменная четвероугольная каланча, съ высокими балконами и каменными же пирамидальными шпицами по угламъ. Говорятъ, что до пожара, бывшаго въ 1846 году, каланча эта имѣла, кромѣ 4 существующихъ, еще два этажа. Домъ городской думы, главный фасадъ коего закрываютъ деревянныя лавочки съ черепяными издѣліями и разными съѣстными припасами,

обращаетъ на себя вниманіе тяжелой каменной балюстрадой, тянущейся во всю длину его. На фронтонѣ дома изображено золотое солнце, а на стѣнѣ, надъ единственной дверью, на большой красной шиферной доскѣ, колоссальными буквами начертано:

Pro Restaurationis
Sumptu,
Palatinatui
Podoliae
Gratitudinem
inscribit.
S. P. Q. Camenecensis.
Anno Domini MDCCLIV.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ Каменцѣ въ высшей степени развита страсть къ вычурнымъ украшеніямъ домовъ извнутри и снаружи, и къ надписямъ. Это суетное желаніе передать о себѣ извѣстіе потомству заразило даже разсчетливыхъ Евреевъ. Многіе изъ нихъ украшаютъ дома свои начертаніями разныхъ изрѣченій, или означеніемъ времени постройки и имени строителя. Такъ надъ входомъ въ одинъ изъ винныхъ погребовъ, построеннымъ въ 1846 году, мы прочли извѣстный стихъ изъ св. Писанія:

Nolite iudicare ut non iudicemini (не судите, да не судими будете);

а на домѣ, отличающемся тяжелымъ безобразнымъ фронтономъ:

Сей домъ построилъ
Шлiома Хаимовичъ.
1805 года.

Кромѣ того, на многихъ домахъ встрѣчаются изображенія всевидящаго ока, разныхъ шифровъ, звѣздъ, арабесковъ и тому подобнаго. . . . .

Недалеко отъ думы, въ югозападномъ углу площади, находится глубокій, вырубленный въ скалѣ колодезь, накрытый большимъ каменнымъ шатромъ. Къ сожалѣнію, онъ содержится въ такой неисправности, что жители города давно уже не пользуются изъ него водой, питаясь, впрочемъ, нѣсколько лѣтъ тщетной надеждой скораго исправленія этого единственнаго въ городѣ источника.

Въ царствованіе Владислава IV, на варшавскомъ сеймѣ 1638

года, постановлено, чтобы каменецкіе мѣщане доставляли на торговую площадь воду, подъ опасеніемъ взысканія 2000 червонныхъ злотыхъ; но какъ сумму эту внесъ каменецкій армянинъ Пурсесъ, то, быть можетъ, на этотъ капиталъ и построенъ описанный нами колодезь.

Предположеніе это кажется намъ вѣроятнѣе народнаго преданія о сооруженіи колодезя Турками.

По неимѣнію въ Каменцѣ другаго не только общественнаго, но и частнаго колодезя, и по невозможности употреблять для питья воду р. Смотрича, наполненную всевозможными текущими изъ города нечистотами, и потому постоянно грязную и зловонную, потребная для питья и другихъ житейскихъ надобностей вода доставляется или изъ такъ называемой гунской криницы (¹), находящейся въ 3 верстахъ отъ города, считая это разстояніе не по прямому пути, а по дорогѣ, удобной для проѣзда, или же изъ казенной деревни Жабинецъ, лежащей въ 5 верстахъ отъ города на почтовой бессарабской дорогѣ, что и составляетъ постоянное довольно выгодное занятіе нѣкоторыхъ каменецкихъ Евреевъ и государственныхъ крестьянъ д. Жабинецъ, доставляющихъ воду для казенныхъ и частныхъ домовъ или помѣсячно, въ извѣстномъ количествѣ, за плату отъ 2 до 5 руб. въ мѣсяцъ, или же отъ 25 до 35 коп. сер. за бочку и отъ 3 до 6 грошей за коповку, равную по вмѣстимости казенному ведру.

Говорятъ, что есть предположеніе провести въ городъ воду изъ источника, называемаго гунской криницей, посредствомъ трубъ, переброшенныхъ чрезъ р. Смотричъ съ одной скалы на другую; но скоро ли приведется въ исполненіе это предположеніе—рѣшитъ одно время, а между тѣмъ, судя по струѣ воды, естественно отдѣляющейся отъ источника гунской криницы, и падающей кристальной лентой въ р. Смотричъ съ скалы, вышиной въ 50 футовъ, успѣхъ водопровода не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Ко-

---

(¹) Названіе гунской мѣстные археологи производятъ отъ Гунновъ, будто бы останавливавшихся близъ Каменца во время походовъ грознаго Аттилы, прозваннаго бичемъ божіимъ; но въ народѣ не сохранилось объ этомъ никакихъ преданій, хотя несомнѣнно, что гунская криница существуетъ съ незапамятныхъ временъ, и потому предположеніе это едвали можно считать вѣрнымъ.

нечно, съ устройствомъ, чрезъ Смотричь, пока все еще только предполагаемаго, каменнаго моста между городомъ и Польскими фольварками, доставка воды значительно облегчится, но въ ожиданіи осуществленія этого разумнаго предпріятія, желательно бы скорѣе видѣть устройство водопровода, такъ какъ въ настоящее время пріобрѣтеніе воды—этого первѣйшаго для жизни предмета, поглощаетъ у нашего бѣднаго канцелярскаго чиновника едва ли не все жалованье, если, разумѣется, онъ или его жена не имѣютъ досуга дѣлать сами ежедневно около 10 верстъ.

Заговоривъ о настоящихъ предположеніяхъ, которыя не могутъ еще скоро осуществиться, мы находимъ не лишнимъ упомянуть и о бывшемъ нѣкогда предположеніи, или по крайней мѣрѣ о высказанной мысли покойнаго императора Николая, воздвигнуть посреди описанной нами площади—православную соборную церковь. Выбрать для этого мѣсто болѣе удобное и приличное рѣшительно невозможно и потому намъ остается только пожалѣть, что означенная мысль Государя доселѣ остается не осуществленною; а между тѣмъ было время къ тому весьма удобное; это именно 1848 годъ, когда пожаръ истребилъ большую часть грязныхъ еврейскихъ домовъ, загромождающихъ площадь и служащихъ постояннымъ резервуаромъ зловонія.

Хорошо было бы также, для приданія городу внѣшней чистоты и благоустройства и для избѣжанія нынѣшней тѣсноты, уничтожить азіатскій обычай ставить предъ тротуарами рабочіе столики, на которыхъ трудолюбивые, но бѣдные жидки нецеремонно производятъ починку зонтиковъ, луженіе самоваровъ и каструль, шитье сапоговъ, починку стараго тряпья, точеніе ножей и прочія тому подобныя мастерства. Болѣе же зажиточные—промѣнивають крупные кредитные билеты на мелкую потертую и обрѣзанную монету; для чего собственно имѣется до 30 столиковъ, не считая двухъ частныхъ банкирскихъ конторъ, гдѣ, не смотря на крайній недостатокъ въ городѣ звонкой монеты, всегда можно найти порядочный запасъ ея, заплативъ, разумѣется, за промѣнъ до 10 процентовъ.

II.

Губернаторская площадь.—Укрѣпленіе 1746 года.—Домъ судебныхъ мѣстъ 1579 года, надписи.—Городской бульваръ.—Садъ Вита.—Православный соборъ и семинарія.—Армянскій костелъ.—Церковь св. Николая.—Троицкій монастырь.—Архіерейскій домъ.—Доминиканскій женскій монастырь.—Католическій соборъ.—Турецкій минаретъ.—Соборныя ворота.—Кармелитскій монастырь.—Церковь св. ап. Петра и Павла.—Доминиканскій костелъ и другіе храмы Каменца и предмѣстій его.—Кладбища.—Памятникъ Гацкой.

Кромѣ торговой или главной площади, расположенной въ самомъ центрѣ города и представляющей видъ правильнаго и довольно обширнаго квадрата, съ проѣздами на 9 улицъ, Каменецъ имѣетъ еще и другую площадь, называемую губернаторской, которая гораздо длиннѣе, но за то гораздо у́же первой, хотя однакожъ и на нее ведутъ 7 улицъ и переулковъ. Губернаторская площадь имѣла бы хорошій видъ, если бы не была загромождена слишкомъ выдающимися гауптвахтой и сараемъ для пожарныхъ инструментовъ; а также если бы окружающіе ее дома то не прятались другъ за друга, какъ испуганные школьники, то не высовывались за черту улицы, какъ праздные зѣваки.

Строющіеся по сторонамъ площади два трехэтажные дома— одинъ общественный для помѣщенія дворянскаго депутатскаго собранія, а другой частный для клуба, пока единственные представители современнаго архитектурнаго искусства въ Каменцѣ.

На западной сторонѣ площади, кромѣ развалинъ укрѣпленія, построеннаго въ 1746 году по повелѣнію Августа III, короля польскаго, отъ котораго уцѣлѣли только части стѣнъ, обращенныхъ къ площади и бульвару съ прорѣзанными въ нихъ бойницами, сохранился еще старинный домъ, въ которомъ, со времени польскаго управленія, помѣщались присутственныя мѣста, а нынѣ дворянское депутатское собраніе. Уцѣлѣвшая надъ широкими воротами его надпись 1579 года, призываетъ на судей миръ:

Domine! conserva nos in pace $\frac{1.\ 5.}{7.\ 9.}$

На бѣлой каменной же доскѣ, вставленной въ одну изъ стѣнъ бывшаго укрѣпленія, красивыми литерами изображено:

Sub Avspicio

Serenissimi ac Potentissimi Principis
Avgusti III
Regis Poloniae Mag. Ducat. Lithuaniae
Ducis
Principis Haereditarii Saxoniae
Electoris
Illustrissimus Excellentissimus Dominus
Dominus Iosephus A Potok
Potocki
Palatinus Posnaniensis
Exercitium Regni Pol. Supremus Dux
Lezacciensis Sniatiniensis Capitaneus
Hoc opus erigere jussit.
Per Christ. Dahlke Colonell. et. Prim. Praef. Arch. Milit. Re-i
Anno Domini MDCCXLVI.

За стѣнами укрѣпленія, обнимающими древній домъ дворянскаго депутатскаго собранія, надъ обрывами скалы, устроенъ бульваръ, единственное сколько-либо удобное мѣсто для прогулки. Жаль однакожь, что на немъ мало тѣни и еще менѣе соблюдается общественныхъ приличій со стороны постоянно толпами тѣснящихся семействъ жидовъ, являющихся сюда даже съ грудными дѣтьми, и простаго народа, нерѣдко пьянаго, бродящаго въ оборванной и грязной одеждѣ. Жаль также, что нѣтъ порядочныхъ скамей, буфета, цвѣтника и рѣдко слышатся звуки музыки; хотя, какъ видно изъ напечатанной въ губернскихъ вѣдомостяхъ 1860-го года росписи городскихъ расходовъ, собственно для поддержанія бульвара, ежегодно расходуется, или по крайней мѣрѣ ассигнуется, 571 руб. 40 коп., кромѣ 15 руб., отпускаемыхъ для ремонтировки дома садовника. Любопытно знать, сколько уже обошелся городу бульваръ? Навѣрно, нѣсколько тысячъ, а между тѣмъ онъ плохъ, очень плохъ и, если выкупаетъ свои недостатки, то это единственно оригинальностію видовъ на замокъ, Польскіе фольварки и окрестности города. Между тѣмъ въ такомъ городѣ, какъ Каменецъ, гдѣ отъ тѣсноты построекъ, многолюдности, неопрятности, отъ дикаго обыкновенія выливать на улицы всякаго рода нечистоты, которыя, по неимѣнію подземнаго стока, постоянно струятся по камнямъ мостовой, отдѣляя убійственныя испаренія, прогулка на свѣжемъ открытомъ

воздухѣ бульвара составляетъ уже не роскошь, а первѣйшую жизненную потребность. Намъ кажется, что не только градскому начальству, но и врачебной управѣ слѣдовало бы смотрѣть на значеніе каменецкаго бульвара не съ другой какой-либо, а именно съ этой точки.

Кромѣ бульвара, мѣстомъ прогулки можетъ служить живописно раскинувшійся у подножія скалъ, по надъ р. Смотричемъ, садъ Витта ([5]), состоящій въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія. Но удобство прогулки въ немъ умаляется частію по неимѣнію хорошаго подъѣзда, а частію несовсѣмъ пріятнымъ сосѣдствомъ больницы и дома умалишенныхъ.

На противоположной дому дворянскаго собранія сторонѣ губернаторской площади, видѣнъ куполъ небольшаго, но довольно красиваго храма соборной православной церкви. Кѣмъ и когда построенъ храмъ этотъ—точныхъ свѣдѣній не имѣется; однакожъ, несомнѣнно, что онъ не существовалъ при взятіи Турками Каменца. По 1798 годъ онъ принадлежалъ базильянскому кляштору, а въ этомъ году обращенъ въ православную соборную церковь. Судя по внутреннему устройству, по фасаду, а частію и по тому еще, что храмъ этотъ обращенъ алтаремъ на востокъ, можно думать, что онъ основанъ православными. Эту догадку подтверждаетъ переданный мнѣ разсказъ, что въ минувшемъ 1859 году, при исправленіи церковнаго пола, открытъ былъ склепъ, въ которомъ, между множествомъ костей, виднѣлись части церковнаго облаченія, какое носитъ только православное духовенство. Можно, конечно, въ подтвержденіе нашего предположенія сослаться и на открытую въ прошломъ же году въ алтарѣ, при лѣвой боковой двери, старинную надгробную надпись, писанную по-славянски вязью; но такъ какъ надпись эта, очевидно, неполная, а съ другой стороны въ Каменцѣ очень часто попадаются не только въ храмахъ, но даже въ крѣпостныхъ стѣнахъ и частныхъ домахъ, вдѣланные въ стѣны, полъ и лѣстницы, древніе надгробные памятники—съ польскими, латинскими, армянскими и славянскими надписями,—очевидно, употребленные какъ строительный матеріалъ, то мы и не придаемъ этой находкѣ особеннаго значенія; если же и вносимъ

([5]) Садъ этотъ получилъ свое названіе отъ фамиліи прежняго владѣльца своего, бывшаго каменецкимъ комендантомъ, генерала Витта.

свѣдѣніе объ ней въ наши замѣтки, то единственно для предостереженія будущихъ изслѣдователей каменецкой старины. Гораздо больше значенія имѣетъ надпись, вырѣзанная на черной каменной доскѣ, вдѣланной въ стѣну подъ колоссальнымъ гербомъ князей Кантакузеновъ, господарей валахскихъ, на лѣвомъ клиросѣ. Тутъ читаемъ слѣдующія слова:

D O M

Ioanni Rudolpho Cantacuzeno

Primogenito Stephani Ducis Valachiae hoc monumentum perrenis amoris et memoriae gratia pos... Elisabeth Comitissa a Beaufremont Consors dolentissima. Natus hic Princeps Bucaresti 7 Martii A. 1699 in Valachia. Vitam obiit Lastowciis 1 Iunii in Polonia 1761 ...Corporis deposuit in Eccl. S. Ioan. R. C. Cam. Podol. A Cantacuzenis orienti.. A. 1341 imperantibus ortus Armis Turcarum amisso imperio in Proavis Dominium Valachiae

et Bessarabiae ad Patrem suum numeravit

Eodem exutus integram... vitam in Gallia Germania post... in Polonia conservavit

Quisquis es Viatoam fortunae vices adeo Variantis mizeris Constans haec in terris esse nequit eam in Caelis qvaere (*).

На правомъ крилосѣ — надпись на золоченой доскѣ указываетъ могилу перваго архіепископа подольскаго и брацлавскаго Іоаннкія Полонскаго, умершаго въ 1819 году февраля 7 дня.

Ни библіотека соборная, скромно помѣщающаяся на 2 или 3 полкахъ шкафа, вдѣланнаго въ нишу, ни ризница не заключаютъ въ себѣ никакихъ предметовъ, кои указывали бы на первоначальную судьбу храма. Мнѣ говорили, что образъ Іоанна Крестителя, находящійся на правой сторонѣ иконостаса, весьма древняго письма, но сознаюсь, я не нашелъ на немъ никакихъ признаковъ старины.

Два каменныхъ двухэтажныхъ дома собора заняты духовной семинаріей. Помѣщеніе ея тѣсно и неудобно.

Недалеко отъ собора, напротивъ губернаторскаго сада, находится одинъ изъ древнѣйшихъ по времени храмовъ гор. Каменца: это армянскій св. Николаевскій костелъ, бывшій въ началѣ гре-

(*) Нѣкоторыя слова этой надписи переданы очевидно невѣрно, и потому замѣнены здѣсь точками. *Ред.*

ко-армянскимъ, а въ 1666 году соединившійся съ католическою церковію.

Въ древнемъ служебникѣ костела, писанномъ по-армянски, на пергаминѣ, сохранилась армянская же надпись, переведенная на латинскій языкъ:

Hoc missale est pro memoriâ Ecclesiae S. Nicolai Taumaturgi Pontificis, in urbe Camenecensi scriptum, aerâ Armenicâ 798, ac Dominicâ 1349, in Crimeâ, in Civitate Surchat (Sudak) manu Domini Stephani presbyteri; post avtem quatraginta quinque annorum scripcionem hoc emit Camenecensis Dominus Sinan, filius Chutlubei, deditque promemoriâ supradictae Ecclesiae S. Nicolai, aerâ Armenicâ 847 et Dominica 1394 Augusti 15.

Hic avtem Dominus Sinan propriâ suâ pecuniâ aedificavit eamdem Ecclesiam S. Nicolai aerâ Armenica 847 et Dominica 1398, sicut patet ex diplomate aedificationis ejusdem Ecclesiae, quod conservetur in nostro Magistratu, quodque incipit sic: Hoc meae voluntatis propriaeque confirmationis manuscriptum est Sinani, filii Chutlubei; т. е. Служебникъ этотъ данъ на поминовеніе въ церковь св. Николая чудотворца епископа, въ городѣ Каменцѣ, писанъ эры армянской 798, а христіанской 1349 года въ Крыму, въ городѣ Судакѣ, рукой пресвитера Стефана; а чрезъ 45 лѣтъ по написаніи, купилъ его каменецкій господинъ Синанъ, сынъ Кутлубея, и далъ на поминовеніе вышеупомянутому храму св. Николая, эры армянской 847, а христіанской 1394 года августа 15. Тотъ же самый Синанъ собственнымъ иждивеніемъ соорудилъ этотъ храмъ св. Николая, эры армянской 847, а христіанской 1398 года, какъ это явствуетъ изъ акта заклада, сохранившагося въ нашемъ магистратѣ и такъ начинающагося: то есть моя воля, утвержденная собственноручнымъ подписомъ—Синанъ сынъ Хутлубея.

Пшездѣцкій, въ сочиненіи своемъ Podola, Wołyń i Ukraina, возбуждаетъ вопросъ: не былъ ли этотъ Синанъ сыномъ того самаго Кутлубея, царька татарскаго, который погибъ въ битвѣ съ Ольгердомъ подъ Синими водами? Правда, что періодъ времени, протекшаго между этой битвой и временемъ постройки храма св. Николая, т. е. между 1331 и 1398 годами, не превышаетъ предѣла человѣческой жизни, но намъ кажется, что еслибы Синанъ дѣйствительно былъ сыномъ Кутлубея и попалъ въ плѣнъ, то современные лѣтопи-

сатели не пропустили бы событіе это внести въ свои лѣтописи, да и въ самой надписи на служебникѣ, вѣроятно, было бы о томъ упомянуто, а между тѣмъ Синанъ называется въ ней только господиномъ каменецкимъ.

Въ небольшой, но замѣчательной выборомъ книгъ, библіотекѣ костела, мы замѣтили, кромѣ двухъ частей армянскаго служебника, написаннаго отличнымъ почеркомъ на пергаминѣ, черными и красными чернилами, и украшеннаго множествомъ розовыхъ фигурныхъ буквъ и виньетокъ, еще два толстыхъ фоліанта армянской рукописи — житія всѣхъ святыхъ, составленнаго, какъ видно изъ вытѣсненной, на кожанномъ переплетѣ, надписи, въ 1635 году. Жаль, что рукописи эти, въ числѣ другихъ, быть можетъ также замѣчательныхъ книгъ, небрежно валяются въ пыли, на полу, вмѣстѣ съ прочимъ хламомъ.

Въ сакристіи костела обратили наше вниманіе портреты благотворителей его, Армянъ—Чайковскаго, писанный въ 1762 году, его жены, 1768 года, и Рожка Богдановича, 1767 года. Всѣ они оправлены въ серебряныя шестиугольныя рамы.

Тутъ же нашли мы и современный портретъ основателя бывшаго армянскаго Благовѣщенскаго женскаго монастыря, обращеннаго послѣ уніатовъ въ св. Николаевскую приходскую церковь; имя его, къ сожалѣнію, неизвѣстно, а изъ портрета видно, что это былъ старикъ лѣтъ за 50, съ окладистой черной съ просѣдью бородой и обстриженными въ кружокъ волосами. Портретъ его первоначально находился въ Николаевской церкви, но во время обращенія ея въ православную, переданъ, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ, по живописи, писаннымъ на мѣдной доскѣ, образомъ Благовѣщенія,—въ описанный нами армянскій костелъ. Въ немъ, кромѣ исчисленныхъ памятниковъ старины, мы нашли еще колоколъ 1622 года, съ надписью: Vox mea in Auribus Tuis Domine (6).

Но самую главную достопримѣчательность и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

(6) Преданіе говоритъ, что за два или три десятка лѣтъ назадъ, колоколъ этотъ, во время богослуженія, упалъ съ колокольни на землю и при паденіи повредился. При осмотрѣ его, равно и при починкѣ никакихъ особенностей на немъ не замѣчали; но когда онъ былъ освященъ и начали приступать къ поднятію его на прежнее мѣсто, сакристенъ вдругъ увидѣлъ на немъ вышеприведенную надпись, начертанную, какъ будто бы, чудотворною силою.

святыню армянскаго костела, составляетъ икона Божіей Матери, которая, какъ говоритъ преданіе, вывезена изъ Турціи какимъ-то Армяниномъ, гораздо раньше постройки нынѣшняго костела. Во время раззоренія Каменца Татарами, въ числѣ прочихъ сокровищъ церковныхъ, увезена ими и икона эта въ Крымъ, а оттуда въ Турцію, гдѣ она оставалась болѣе 100 лѣтъ. Старанія каменецкихъ Армянъ выкупить у Турокъ плѣненную ими икону Божіей Матери сначала были напрасны; но послѣ Турки, ослѣпленные предлагаемымъ за нее золотомъ, рѣшились возвратить Армянамъ сказанную икону, за уплату такого количества золота, какое она будетъ вѣсить. Армянинъ, предлагавшій Туркамъ за икону Божіей Матери выкупъ, сначала было усумнился, зная, что вѣсъ иконы превыситъ не только все его имущество, но и многихъ другихъ Армянъ; но ночью Божія Матерь является ему во снѣ и разрѣшаетъ его сомнѣніе тѣмъ, что вѣсъ иконы ея не превыситъ одного червонца, что и случилось. Турки, по условію, возвративъ Армянамъ икону, чрезъ нѣсколько часовъ опять ожесточились и, признавъ силу Божію, явленную въ вѣсѣ иконы, за волшебство, рѣшились опять отнять у Армянъ икону Божіей Матери. И когда они, по этому случаю, учинили за ними погоню, то Армяне, при видѣ опасности, рѣшились сѣсть на первое попавшееся на берегу моря испорченное судно, и на немъ, подъ покровительствомъ Божіей Матери, спаслись съ драгоцѣнною для нихъ иконою. Преслѣдующіе же ихъ Турки поглощены моремъ, не смотря на то, что они преслѣдовали бѣгущихъ Армянъ на прочномъ кораблѣ.

Икона эта, до раззоренія Каменца Батыемъ, находилась въ древнемъ армянскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (что нынѣ Николаевская церковь), оттуда она, очевидно, была и плѣнена. По возвращеніи ея изъ плѣна, икона эта поставлена во вновь устроенномъ Синаномъ Хутлубеемъ армянскомъ костелѣ, гдѣ и теперь стоитъ за главнымъ престоломъ. Серебряная позлащенная риза Божіей Матери и такого же металла корона украшены драгоцѣнными камнями и множествомъ серебряныхъ привѣсокъ, свидѣтельствующихъ о чудесахъ, являемыхъ Божіею Матерію усердно прибѣгающимъ подъ святой покровъ Ея. Живопись иконы греческая, что свидѣтельствуетъ и надпись, сдѣланная готическими буквами на сіяніи вокругъ божественной главы Божіей Матери.

Служеніе въ армянскомъ костелѣ совершается на армянскомъ языкѣ, для чего употребляются книги, печатанныя большею частію въ Венеціи; въ числѣ ихъ библія 1733 года отличается особенною изящностію. Въ настоящее время въ Каменцѣ Армянъ считается около 160 человѣкъ, а потому большую часть прихожанъ этого костела составляютъ окрестные жители. Многіе изъ нихъ весьма мало, а другіе вовсе незнакомы съ своимъ природнымъ языкомъ. Между тѣмъ было время, когда Армяне составляли едвали не главную массу городскаго народонаселенія, занимая вмѣстѣ съ Русскими (православными) ту половину Каменца, которая начинается нынѣшней губернаторской площадію и оканчивается рѣкой. У нихъ, кромѣ описаннаго нами костела, было еще двѣ церкви, изъ коихъ одна Благовѣщенская, существующая и нынѣ, построена въ XII вѣкѣ, по всей вѣроятности была первымъ православнымъ храмомъ города Каменца и въ то же время первой женской обителью. Церковь эта, вытерпѣвъ всевозможныя бѣдствія въ тяжкіе годы татарскихъ, литовскихъ и турецкихъ набѣговъ и междоусобныхъ распрей сперва великихъ князей русскихъ, потомъ Польши и козаковъ, по раззореніи монастырскихъ зданій, отъ коихъ уцѣлѣли только части стѣнъ съ обломками каменныхъ карнизовъ и кронштейновъ, была въ 1822 году обращена въ уніятскую трехпрестольную церковь (7); а въ 1840 году возсоединена къ православію, удержавъ названіе свято-Николаевской. Бывшіе въ ней престольные образа, древняго письма—Благовѣщенія, св. великомученицы Варвары и Николая чудотворца, какъ святыня и древность, хранятся первый въ армянскомъ костелѣ, а послѣдніе на прежнемъ мѣстѣ. Въ настоящее время церковь эта украшена новымъ иконостасомъ и потому, не взирая на тѣсноту и мрачность,

(7) Хотя унія проникла въ Каменецъ еще въ 1795 году, но уніяты въ городѣ этомъ никогда своего храма не имѣли, а отправляли богослуженіе до 1822 года въ кармелитскомъ костелѣ, а съ сего времени по 1840 г. въ уступленномъ имъ отъ Армянъ Благовѣщенскомъ костелѣ (каплицѣ). Съ самаго начала костелъ этотъ, какъ видно изъ резолюціи армянской консисторіи, по просьбѣ каменецкихъ уніятовъ 11 апрѣля 1822 года, былъ уступленъ имъ только временно. Причиной же, побудившей уніятовъ перенести свое богослуженіе изъ кармелитскаго костела въ армянскій, былъ споръ между ими и католическимъ духовенствомъ.

приняла болѣе торжественный и храму приличный видъ, хотя извнѣ сохранила всю первобытную простоту, тяжесть и бѣдность архитектуры, какъ неподдѣльные признаки давнишней постройки ея, что подтверждается также свидѣтельствомъ армянскихъ и польскихъ надписей на каменныхъ надгробныхъ плитахъ, вынутыхъ изъ пола церковнаго, при замѣнѣ камня досками, и лежащихъ нынѣ на церковномъ дворѣ.

Не взирая на то, что Каменецъ искони былъ городомъ по-преимуществу православнымъ, что онъ основанъ Русскими, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ самое названіе его, что, наконецъ, въ первые годы своего существованія, онъ принадлежалъ князьямъ русскимъ и былъ даже, какъ увидимъ ниже, если не стольнымъ, то по крайней мѣрѣ удѣльнымъ городомъ Изяслава Владиміровича, не взирая на все это, число православныхъ храмовъ въ Каменцѣ, сравнительно съ числомъ костеловъ, весьма не велико, да и тѣ, кромѣ описанной нами Николаевской церкви, да быть можетъ еще Троицкаго монастыря, бѣдны и не могутъ считать годы своего существованія многими столѣтіями, какъ это встрѣчаемъ мы въ другихъ городахъ Руси. Между тѣмъ, было время, и даже не слишкомъ еще отдаленное, когда число православныхъ церквей въ Каменцѣ значительно превосходило настоящее. Изъ плана города, современнаго владѣнію Турокъ, видно, что кромѣ существующихъ нынѣ церквей, въ 1762 году были еще слѣдующія, коихъ даже и слѣдовъ не находимъ: Никольская, Богородичная, Михайловская, Спасская, Онуфріевская и Рождественская. Подпись же намѣстника каменецъ-подольскаго Θеодора, на актѣ 1641 года объ избраніи львовскимъ епископомъ Арсенія Желиборскаго, такими словами: Федоръ намѣстникъ Каменца Подольскаго съ духовенствомъ и 3 братствами,—ясно свидѣтельствуетъ, что, назадъ тому болѣе 200 лѣтъ, существовали въ Каменцѣ, кромѣ приходскихъ церквей, даже братства, а послѣднія учреждались по-преимуществу въ мѣстахъ, гдѣ было уже много православныхъ. Члены этого братства были духовныя и свѣтскія лица, посвятившія себя не только молитвѣ, но и служенію на пользу ближнихъ; воздвигая церкви, устроивая школы и богадѣльни, они много споспѣшествовали утвержденію вѣры, распространенію грамотности и просвѣщенія и къ облегченію несчастныхъ. Гдѣ дѣвались плоды

этихъ добрыхъ дѣятелей? Кто скажетъ намъ имена ихъ? Отвѣта нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ, а это грустное для каждаго вѣрнаго сына св. православной церкви молчаніе объясняется лишь тѣми историческими, кровавыми драмами, которыя, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, разыгрывались на земляхъ Подоліи. Но при настоящихъ обстоятельствахъ пора съ большимъ усердіемъ заняться созиданіемъ православныхъ храмовъ, что, впрочемъ, отчасти уже исполняется.

Свято-Троицкій первоклассный (8) монастырь находится недалеко отъ вѣтряной брамы и составляетъ уголъ квартала, возлѣ котораго, съ юговосточной стороны, проходитъ почтовая улица, а съ сѣверо-западной троицкій переулокъ. Когда и кѣмъ основанъ онъ, положительно неизвѣстно (9). Есть только ясное указаніе на то, что онъ существовалъ уже въ XVII вѣкѣ; ибо по взятіи Турками въ 1672 году Каменца, монастырь этотъ, вмѣстѣ съ другими церквами и костелами, обращенъ былъ султаномъ Магометомъ IV въ мусульманскую мечеть, въ какомъ видѣ и оставался до возвращенія Подоліи Польшѣ, т. е. по 1699 годъ. На планѣ же города Каменца, снятомъ въ 1672 году (10), онъ показанъ въ числѣ многихъ другихъ, бывшихъ въ то время русскихъ церквей, чѣмъ самымъ доказывается, что свято-Троицкій монастырь основанъ православными.

---

(8) Высочайшимъ указомъ 1795 года апрѣля 12 дня, велѣно учредить первоклассный монастырь въ губерн. городѣ Каменцѣ Подольскомъ, въ упраздненномъ іезуитскомъ кляшторѣ; но какъ кляшторъ этотъ занятъ былъ тогда подъ складъ казенныхъ вещей, и сверхъ того въ немъ помѣщались публичныя римско-католическія школы, то свято-Троицкій монастырь былъ устроенъ въ базиліанскомъ костелѣ. Іезуитскій же кляшторъ былъ разобранъ и на мѣсто его поставлено зданіе губернской гимназіи.

(9) О времени основанія большей части подольскихъ монастырей не имѣется положительныхъ свѣдѣній, потому что Базиліане, владѣвшіе во время уніи многими изъ нихъ, захватили всѣ важнѣйшіе монастырскіе акты. Однакожъ въ архивахъ львовскихъ можно найти много актовъ, касающихся монастырей и церквей подольскихъ.

(10) Снимокъ съ этого плана помѣщенъ въ атласѣ подольской губерніи, составленномъ въ 1842 году бывшимъ военнымъ губернаторомъ города Каменца и подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ генералъ-маіоромъ Флиге.

При Базилянахъ монастырь этотъ имѣлъ фундушевые капиталы, завѣщанные для него разными владѣльцами; но по обращеніи монастыря въ православный, наслѣдники завѣщателей отказались отъ платежа процентовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что фундушевые капиталы завѣщаны были не для православныхъ каменецкихъ монаховъ, а для Базилянъ. Настоятель Троицкаго монастыря, архимандритъ Стефанъ, въ 1809 году завелъ по этому искъ, который продолжался по 1834 годъ и, по опредѣленію Правительствующаго Сената, рѣшенъ въ пользу монастыря, который получилъ капитала и процентовъ 22.092 руб. 72½ коп. серебр. и 14.019 руб. 6 коп. ассигнаціями.

На значительную часть этой суммы, архимандритъ Наѳанаилъ, въ 1836 году, расширилъ и исправилъ монастырскій корпусъ, пристроилъ къ нему двухэтажный каменный флигель съ теплой церковью во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, а въ минувшемъ 1855 году кончено возобновленіе холодной церкви.

Нынѣ, кромѣ архимандрита и намѣстника, считается въ каменецкомъ монастырѣ 5 іеромонаховъ, 1 іеродіаконъ и 10 послушниковъ.

Одновременно съ учрежденіемъ Троицкаго монастыря и открытіемъ брацлавской и подольской епархіи въ 1795 году, назначено устроить помѣщеніе для архіерея (11) въ зданіяхъ упраздненнаго

(11) Первоначальное мѣстопребываніе подольскихъ архіереевъ было въ свято-Николаевскомъ Шаргородскомъ монастырѣ въ м. Шаргородѣ, могилевскаго уѣзда.

Въ давніе годы владычества великихъ князей русскихъ, Подолія, а вмѣстѣ съ ней и Каменецъ, въ духовномъ отношеніи, находилась въ зависимости сперва отъ кіевской, а потомъ галицкой епархіи.

Со времени же присоединенія Казиміромъ Великимъ Галиціи къ Польшѣ, Подолія, или по крайней мѣрѣ польская часть ея, по 1539 годъ, подчинялась кіевской епархіи; въ этомъ году король Сигизмундъ Августъ, по просьбѣ православныхъ жителей Галиціи, возстановилъ галицкую каѳедру, а епископамъ ея повелѣлъ именоваться — галицкими, львовскими и каменецкими. Впрочемъ, преосвященный Амвросій, авторъ Россійской Іерархіи, замѣчаетъ, что по нашествіи на Галицію Татаръ, прекратился временно рядъ галицкихъ епископовъ и что Галиція съ Подоліей управлялась въ это время намѣстниками кіевскихъ митрополитовъ, которые по этому случаю именовались галицкими и титулъ сей удержали за собой даже и въ то время, когда уже были особые галицкіе епископы. Возникшая въ 1595 году унія, произведшая

францисканскаго кляштора, переведеннаго въ м. Грудку, что однакожъ продолжалось дѣлаться до 1802 года. Въ это время преосвя-

раздѣленіе подольской церкви, была причиной зависимости ея отъ разныхъ каѳедръ. Уніятское духовенство въ духовныхъ дѣлахъ паствъ своихъ обращалось къ львовскимъ епископамъ, которые именовались (какъ видимъ изъ исторіи Уніи,—соч. Бантышъ-Каменскаго, 1795 года) львовскими и Каменца-Подольскаго, иногда же галицкими, по городу Галичу, что на Подоліи Галицкой. Эти же епископы принимали иногда и титулъ митрополитовъ галицкихъ. Благочестивое же духовенство, съ согласія русскаго правительства, относилось къ переяславскимъ, черниговскимъ и луцкимъ епископамъ и къ кіевскимъ митрополитамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не были изъ уніатовъ. Доказательствомъ этого могутъ служить хранящіеся въ ризницѣ каменецкаго каѳедральнаго собора антиминсы многихъ древнихъ церквей подольской епархіи, освященные или митрополитами кіевскими, или архіереями переяславскими (а).

Впрочемъ, и уніятское духовенство также не постоянно зависѣло отъ

а) Въ каѳедральномъ соборѣ хранится 45 антиминсовъ. Почти всѣ они съ св. мощами, освящены православными архіереями съ 1600 по 1795 годъ. Изъ нихъ значащіеся подъ NN:

1) Освященъ Петромъ Могилою, митроп. кіевскимъ и галицкимъ въ 1600 году.

2) Освященъ преосвященнымъ Діонисіемъ Балабаномъ, кіевскимъ, галицкимъ, екзархомъ св. апостольскаго константинопольскаго трона и всея Россіи митрополитомъ—того же 1600 года.

3) Освященъ преосвященнымъ Антоніемъ винницкимъ, кіевскимъ, галицкимъ, екзархомъ св. апостольскаго константинопольскаго трона и всея Россіи митрополитомъ—1676 года.

4) Освященъ преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, кіевскимъ, галицкимъ и всея Россіи митрополитомъ—1695 года.

5) Освященъ, за благословеніемъ св. патріарха Киръ Адріана московскаго и всея Россіи, преосвященнымъ Іоанномъ Максимовичемъ, черниговскимъ и новгородскимъ—1697 года.

7) Освященъ преосвященнымъ Діонисіемъ Жабокрицкимъ, православнымъ епископомъ луцкимъ и острогскимъ, прототроніемъ и екзархомъ кіевской митрополіи и архимандритомъ овручскимъ—1700 года.

11) Освященъ преосвященнымъ Арсеніемъ Берломъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ—1735 года.

13) Освященъ такимъ же архіепископомъ Гервасіемъ—1750 года.

16 и 17) Освящены преосвященнымъ Гервасіемъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ—1758 года.

22, 23, 24, 25, 26 и 27) Освящены преосвященнымъ Іовомъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ въ 1773 году.

щенный Іоанникій, частію на отпущенныя казною суммы, частію на счетъ доброхотныхъ пожертвованій, устроилъ въ этихъ зданіяхъ двѣ домовыя церкви: холодную во имя Успенія Божіей Матери въ нижнемъ этажѣ, гдѣ при Францисканахъ былъ костелъ, и теплую—во имя Преображенія Господня въ верхнемъ этажѣ. Первая изъ сихъ церквей въ 1835 году, попеченіемъ преосвященнаго Кирилла, украшена куполомъ, а послѣдняя обдѣлана внутри и переименована въ храмъ Рождества Христова.

Ризница архіерейскаго дома, не взирая на недавнее учрежденіе ея, имѣетъ уже нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ, именно:

1) Большой ручной золотой крестъ съ святыми мощами, украшенный съ лицевой стороны драгоцѣнными камнями (8 гранатами, 5 жемчужинами, 2 рубинами и 4 зернами бирюзы), а съ оборота надписью: «При благочестивомъ царѣ, великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ и преосвященномъ Макаріи митрополитѣ всея Россіи и при благовѣрной царицѣ, великой княгинѣ Анастасіи, сдѣланъ бысть сей крестъ къ Николаю чудотворцу, намѣстнымъ игуменомъ Варсонофіемъ, стараніемъ епископа Гурія смоленскаго и брянскаго». Въ кругѣ же надпись: «Лѣта 7060 апрѣля 3 дня».

2) Крестъ серебряный, позлащенный, съ рельефными рисунками, весьма древній, какъ можно заключать по его особенной формѣ и отдѣлкѣ. Внутри его, какъ видно изъ надписи, заключаются св. мощи: Андрея Первозваннаго, Григорія Богослова, Георгія мученика, митрополита Іоны, Іоанна Златоустаго, мучен. Авксентія, митрополита Филиппа, Іакова Персянина; и

львовскихъ архіереевъ. По случаю присоединенія Галиціи, по первому раздѣленію Польши въ 1772 году, къ австрійскимъ владѣніямъ, подольскіе уніаты, лишась возможности имѣть удобныя сношенія съ Львовомъ, вошедшимъ въ предѣлы Австріи, подчинились луцкимъ архіереямъ.

Съ присоединеніемъ же къ Россіи, по второму раздѣленію Польши, послѣдовавшему въ 1793 году, той части Подоліи, которая носила названіе Брацлавскаго воеводства, открыта, повелѣніемъ императрицы Екатерины II, брацлавская епархія, порученная временному управленію архіепископа минскаго и изяславскаго. По окончательномъ же раздѣлѣ этого государства въ 1795 году, за присоединеніемъ къ Россіи воеводства Подольскаго, епархія получила названіе брацлавской и подольской, а съ 1799 года, по переименованіи брацлавской губерніи въ каменецъ-подольскую, она получила обратное наименованіе, т. е. подольской и брацлавской, подъ которымъ существуетъ и нынѣ.

3) Серебряное кругло-овальное блюдо съ изображеніями: въ срединѣ миѳологической картины изъ двухъ мужескихъ и двухъ женскихъ лицъ, а на бортахъ—по направленію большой оси блюда портреты римскихъ императоровъ Антонія и Траяна, а по направленію меньшой—философовъ Сократа и Аристотеля.

Въ числѣ хранящихся въ ризницѣ нѣсколькихъ книгъ, самыя древнія: Духовный мечь и Жезлъ православія, печатанныя въ Кіевѣ въ 1666 году. Изъ Евангелій же самое древнее московской печати 1669 года.

Рядомъ съ архіерейскимъ домомъ находится женскій доминиканскій монастырь, не представляющій ничего замѣчательнаго; а недалеко, по той же улицѣ, католическій Петро-Павловскій соборъ, основаніе котораго относятъ къ 1361 году, къ царствованію Людвика Венгерскаго, получившаго отъ папы, за ревность къ католицизму, титулъ короля русскаго. Костелъ этотъ, по взятіи Каменца Турками, былъ обращенъ въ главную мечеть и при немъ устроенъ, изъ тесаннаго камня, высокій круглый минаретъ, стройно возвышающійся далеко выше крыши костела. Съ высоты минарета ежедневно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, имамы призывали правовѣрныхъ Турокъ для молитвы. Наконецъ, въ 1699 году, по возвращеніи Каменца Польшѣ, біскупъ Глинскій освятилъ вновь этотъ храмъ и поставилъ надъ полумѣсяцемъ позлащенное изображеніе Матери Божіей.

На колонѣ минарета виднѣется, вырѣзанная въ 1756 году, слѣдующая латинская надпись, передаваемая нами съ возможной точностію:

Virgini Matri Deiparae immaculatae urbis Protictrici,
effigiem hanc pro suo, et
grecis sub consiliando
Auxilio
Niccolaus de S. Temmale te lit. ru
bebe.. s. Episcopus Cameneсensis
Podoliae, Praep. Co.. mn. O. ieno. V. E.
.... lae Albae.. Rexit. Anno... S. T.
1. 7. 5. 6.

Кромѣ этой надписи, на контрафорсѣ праваго угла, отъ главнаго

входа въ костелъ, изображенъ небольшой гербъ, представляющій въ щитѣ стрѣлу, пущенную къ верху; внизу ея знакъ ∧, а по сторонамъ литеры $\frac{L.\ S.}{E.\ C.}$, на верху щита—папская тіара и епископскій жезлъ. Внизу—1561 годъ.

Весь, довольно обширный, дворъ собора хорошо вымощенъ большими каменными плитами, а надъ главнымъ въѣздомъ въ него, со стороны торговой площади, построены въ 1781 году, изъ тесанныхъ бѣлыхъ камней, парадныя ворота, тщательно украшенныя рѣзьбой и статуями по бокамъ 4 ангеловъ, а по срединѣ на высокомъ пьедесталѣ св. Яна. На карнизѣ ихъ имѣется латинская надпись: Hac intrabat Sta . . slaus Augustus . . . rex . . . dio . . . XI . . . bris, 1781 anno. Ворота эти служатъ лучшимъ украшеніемъ площади и города, и если бы они не были прислонены къ тяжелому и безобразному древнему монастырскому зданію, въ которомъ помѣщаются присутственныя мѣста, то казались бы еще величественнѣе.

Недалеко отъ собора, за гимназической площадкой, на той же кармелитской улицѣ, находится прекрасный кармелитскій костелъ, построенный въ первыхъ годахъ XVII вѣка, стараніемъ подольскаго подкоморія Мартина Богуша, частію на счетъ 40,000 злотыхъ, заплаченныхъ народнымъ собраніемъ въ вознагражденіе за разоренный Турками прежде бывшій кармелитскій монастырь, изъ матеріала коего построенъ ими мостъ, соединяющій городъ съ крѣпостію, частію на счетъ доброхотныхъ подаяній.

На той же улицѣ, близъ вѣтряной брамы, стоитъ небольшая каменная церковь св. апостоловъ Петра и Павла. Время постройки ея также неизвѣстно, хотя, судя по архитектурѣ, она можетъ быть отнесена къ памятникамъ конца XV или начала XVI вѣка. Во время владычества Турокъ въ Каменцѣ, она подверглась общей участи—разоренію. Находящаяся при ней колокольня построена въ недавніе годы. Замѣчательныхъ остатковъ старины ни внутри, ни снаружи храма мы не замѣтили.

На улицѣ, соединяющей обѣ городскія площади, находится красивой архитектуры костелъ Доминикановъ, воздвигнутый въ 1420 году, на мѣстѣ стараго деревяннаго, постройка коего, по словамъ Пшездзѣцкаго, относится ко временамъ князей Коріатовичей.

Этотъ деревянный костелъ, во время пожара 1420 года, сгорѣлъ.

изъ всей утвари его уцѣлѣлъ только образъ N Panny rożaneowej, почитаемый чудотворнымъ, который и до сего времени въ костелѣ находится.

Въ 1596 году, усердіемъ Потоцкихъ и Гумѣйскихъ, доминиканскій костелъ разширенъ пристройкой къ нему боковыхъ каплицъ. Въ такомъ видѣ онъ, по взятіи Каменца, перешелъ въ руки Турокъ, которые сперва устроили въ немъ казармы для янычаръ, а потомъ обратили въ мечеть, и поставили въ немъ каменную рѣзную каѳедру, которая и понынѣ на томъ же мѣстѣ остается.

Кромѣ описанныхъ нами кляшторовъ и костеловъ, католики имѣютъ еще въ самомъ городѣ, на углу губернаторской площади, костелъ Тринитарскій, построенный въ началѣ восемнадцатаго вѣка, монахи коего высланы сюда изъ Варшавы съ единственной цѣлію— выкупать плѣнныхъ христіанъ; а на предмѣстіи, Польскихъ фольваркахъ—въ домѣ Грохольскаго, монастырь Визитокъ, предназначенный, впрочемъ, къ уничтоженію, и кладбищенскій костелъ, построенный въ недавнее время надъ кіевской почтовой дорогой, рядомъ съ такою же православною церковью. На этомъ же предмѣстіи и на Фольваркахъ Русскихъ созидаются новыя православныя каменныя церкви, весьма красивой архитектуры, а на Карвасарахъ пока остается старая деревянная.

Вотъ и всѣ христіанскіе храмы въ Каменцѣ - Подольскомъ.

Кладбища обѣихъ націй богаты изящными памятниками, сдѣланными почти исключительно изъ бѣлаго извествоваго камня, добываемаго въ здѣшнихъ горахъ, на глубинѣ отъ 30 до 50 футовъ. Камень этотъ, при вынутіи изъ нѣдръ горъ, мягокъ и потому легко обдѣлывается при употребленіи самыхъ простыхъ орудій; но потомъ, отъ дѣйствія воздуха и влаги, постоянно твердѣетъ и становится желто-сѣроватымъ.

На польскомъ кладбищѣ, вдали отъ семьи другихъ могилъ и памятниковъ, у самаго рва, отдѣляющаго ниву божію отъ нивы человѣческой, бѣлѣетъ одинокая, какъ сиротка, надломанная колонна, украшенная вѣнкомъ розъ. Простая надпись на пьедесталѣ ея:

HELENA GACKA
przezywszy lat 19

Zycie skoncyła 12 wrzesnia
1852 г.

не говоритъ прохожему, какое значеніе въ свѣтѣ имѣла покойница; но странная уединенность памятника и засохшіе букеты цвѣтовъ, лежащіе на пьедесталѣ его, невольно возбуждаютъ любопытство, которое легко удовлетворяется при первомъ вопросѣ не только сторожа, но кого-либо изъ жителей города. Елена Гацкая—это жертва любви и романтизма, добровольно лишившая себя жизни въ цвѣтѣ молодости и красоты, бросившись съ высоты описаннаго нами минарета, на плиты соборной мостовой. Это печальное происшествіе еще слишкомъ памятно, и я былъ свидѣтелемъ, какъ многіе, проходя мимо минарета, съ видимымъ ужасомъ на лицѣ, осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ или подавляли горячую слезу грустнаго воспоминанія. Для меня, какъ изслѣдователя древностей, происшествіе это имѣло то непріятное послѣдствіе, что я никакъ не могъ добиться разрѣшенія взойти на минаретъ и полюбоваться съ него мѣстностями города. Сторожъ костела боялся и за мою холодную голову.

III.

Городскія укрѣпленія.—Русскія ворота.—Пороховый погребъ.—Турецкія бани.—Турецкій мостъ.—Городскія и крѣпостныя ворота.—Замокъ.—Башенный колодезь.—Гербы и надписи на башняхъ.—Замковыя ворота.—Передовыя укрѣпленія.—Подземныя сообщенія.—Изображеніе и надпись на оборонительной стѣнѣ.—Заключеніе.

Кромѣ описанныхъ нами въ двухъ первыхъ главахъ башенъ и укрѣпленій, изъ коихъ первыя построены Стефаномъ Баторіемъ въ 1585 году, а послѣднія по повелѣнію Августа III въ 1753 и 1756 г., отцемъ и сыномъ,—Іосифомъ и Станиславомъ Потоцкими, весь городъ, не взирая на его природную неприступность, отъ которой онъ и получилъ названіе: basztą rękǫ Bożą zbudowanǫ, поверхъ отвѣсныхъ скалъ, былъ окруженъ еще толстыми и высокими каменными стѣнами, съ прорѣзанными въ нихъ, для стрѣльбы изъ пушекъ и ружей, амбразурами и бойницами; остатки этихъ стѣнъ еще и понынѣ во многихъ мѣстахъ сохранились, въ особенности

на протяженіи между военнымъ госпиталемъ и домомъ доктора Бржезинскаго.

Городъ имѣлъ три въѣзда, хорошо защищенные, устроенными при въѣздныхъ воротахъ, или надъ ними, башнями и другими укрѣпленіями. Со стороны Подоліи (по дорогѣ изъ Кіева) были и нынѣ существуютъ такъ называемыя вѣтряныя ворота (Wietrzna Brama), которыя описаны уже нами. Со стороны м. Карвасаръ русскія ворота (Brama Ruska), а со стороны Хотина, т. е. Турціи—Замковыя (Brama Zamkowa). Названіе это относилось собственно къ тѣмъ воротамъ, кои стоятъ у самаго замка. Остальныя трое воротъ, на этомъ пути находящіяся, назывались и называются доселѣ—первыя, ближайшія къ городу: польскими, латинскими и городскими; вторыя, что на мосту—средними, мостовыми и красными, безъ сомнѣнія, отъ мѣста нахожденія ихъ на мосту, на срединѣ между городскими и замковыми воротами и, наконецъ, потому, что они выкрашены красной краской; а послѣднія, т. е. четвертыя, по счету отъ Каменца, а первыя по дорогѣ отъ Хотина, первыми замковыми же.

Русскія ворота, отдѣляя городъ отъ принадлежащаго князю Голицыну м. Карвасаръ, стоятъ на берегу р. Смотрича, прислонясь двумя башнями къ обрыву скалы, на которой расположенъ городъ, и входятъ такимъ образомъ въ общую цѣпь окружающихъ Каменецъ стѣнъ и укрѣпленій. Собственно на воротахъ, со стороны города, нѣтъ никакой надписи, или изображенія; но надъ входомъ въ укрѣпленіе, соединяющее надворотную башню съ стоящей у рѣки, на черной каменной доскѣ, выпуклыми буквами, изображено:

Hec § porta
Regie maie-
statis § impen-
sis § in § vigilia...
trium § Regum
erecta §.
1 § 7 § 1 § 7 §.

Пшездзѣцкій читаетъ эту надпись такъ:

Haec porta impensis regiae Maiestatis
Vigilantium Regum erecta. 1717.

А переводитъ: ta brama kosztem Królewskiego maiestatu wzniesiona. 1717. Эти ворота иждивеніемъ королевскаго величества воздвигнуты (1717).

Внизу подъ надписью вдѣланы въ стѣну рельефныя изображенія на такихъ же камняхъ: головы какого-то животнаго (кажется волка, держащаго въ зубахъ саламандру) и Георгія Побѣдоносца, поражающаго змія. Послѣдній барельефъ, конечно, представляетъ древній польскій гербъ города, но что означаетъ первый, рѣшить не беремся.

На другой сторонѣ воротъ отъ Карвасаръ, поверхъ арки, на двухъ-аршинной бѣлой каменной доскѣ, изображенъ рельефно, подъ большой царской короной, одноглавый орелъ, увѣнчанный подобной же малой короной и держащій въ одной рукѣ мечь, а въ другой—скипетръ; на груди его въ сердцеобразномъ щитѣ—шифръ изъ связанныхъ между собою буквъ: S. A. R. P., а подъ гербомъ: A. D. 1770 г.

Въ верхнемъ этажѣ надворотной башни и въ промежуточномъ укрѣпленіи помѣщается цейхгаузъ жандармской команды, люди которой живутъ частію въ нижнемъ этажѣ укрѣпленія, частію въ особо устроенномъ для нихъ домѣ.

Въ давніе годы русскія ворота, въ случаѣ надобности, закрывались дубовой, бревенчатой рѣшеткой, опускаемой посредствомъ блоковъ изъ простѣнковъ 2 этажа башни; механизмъ этотъ существуетъ и въ настоящее время.

Кромѣ собственно воротъ, есть еще одна арка, со стороны Карвасаръ, замыкающая небольшую предворотную площадку, на которую со всѣхъ башенъ обращены прорѣзы для стрѣльбы изъ ружей; но арка эта, кажется, никогда не закрывалась, и потому воротами считаться не можетъ.

На башнѣ, стоящей у рѣки, выше балконной двери втораго этажа, также изображенъ одноглавый орелъ, но уже другаго рисунка, именно съ опущенными крыльями, совершенно, впрочемъ, похожій на видѣннаго мною въ пятиэтажной башнѣ, находящейся надъ обрывомъ скалы, противъ школьной улицы. На обоихъ этихъ гербахъ замѣтны какія-то надписи; но кромѣ: A. D. 1783—на пятиэтажной башнѣ, ничего разобрать не возможно. Кажется, впро-

чемъ, что надпись можно прочесть такъ: Станиславъ Августъ король польскій, царствовавшій, какъ извѣстно, съ 1764 по 1798 годъ.

Кромѣ этой башни, между вѣтряной брамой и русской, сохранились еще слѣды и другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ, укрѣпленій, между коими можно еще отличить остатки трехъ круглыхъ башень и одно квадратное укрѣпленіе.

Всѣ они построены изъ большихъ камней, выломанныхъ въ здѣшнихъ же горахъ. Толщина стѣнъ часто болѣе 7 футовъ; подъ каждой башней устроены глубокіе погреба съ прочными сводами. Въ пятиэтажной же башнѣ подземелье имѣло два яруса. Изъ нижняго дверь вела къ рѣкѣ, а изъ верхняго — въ городъ. Всѣ круглыя башни имѣли коническія, остроконечныя каменныя же вершины, окруженныя зубчатымъ парапетомъ. Этажи раздѣлялись дубовымъ дощатымъ поломъ, положеннымъ на такія же балки, укрѣпленныя, кромѣ задѣлки концовъ въ стѣны, желѣзными крючьями, остатки коихъ, равно какъ и балокъ, еще и понынѣ сохранились.

Внизу же надъ рѣкой, почти въ равномъ разстояніи отъ моста и пятиэтажной башни, вполнѣ уцѣлѣлъ большой пороховой погребъ, превращенный въ кухню здѣшняго гарнизоннаго баталіона. Надъ однимъ изъ фронтоновъ его, подъ шифромъ Станислава Августа, украшеннымъ поверхъ круглаго щита царской короной, вырѣзано:

Addit vires marti;

а на другомъ, въ щитѣ коего нѣтъ никакого изображенія, начертано:

Non incauta futuri.

Недалеко отъ погреба, лежатъ груды стараго кирпича и камня: это остатки турецкихъ бань.

Выше, между мостомъ деревяннымъ, о которомъ мы упомянули въ 1-й главѣ, и каменнымъ, о которомъ сейчасъ скажемъ, есть также остатки укрѣпленій; а въ архіерейскомъ саду—развалины башни превращены въ открытую бесѣдку. Подобное же употребленіе остатковъ старины замѣчено нами и на противоположной сторонѣ города, въ саду Бржезинскаго.

Городъ соединяется съ крѣпостію или замкомъ узкимъ камен-

нымъ мостомъ, чрезъ р. Смотричь, построеннымъ Турками во время 27-лѣтняго владычества ихъ въ Каменцѣ. Потребный для моста камень взятъ ими изъ разрушеннаго кармелитскаго монастыря, построеннаго не задолго предъ осадой города, именно въ 1623 году, Кристиной Цеклинской изъ Бялобжескихъ.

Небольшой монастырь этотъ находился на западной сторонѣ Каменца, подлѣ нынѣшняго бульвара, почему и называли на skałce, слѣдовательно Туркамъ было очень удобно обратить камень монастырскихъ стѣнъ на сооруженіе моста. На мѣстѣ же кармелитскаго костела они устроили батарею, а погребъ, бывшій подъ храмомъ, обратили въ казармы. Въ послѣдствіи здѣсь была харчевня, а нынѣ складъ бульварнаго имущества.

Предъ самымъ въѣздомъ на мостъ стоитъ четырехугольная башня съ бойницами на всѣ четыре стороны: она-то и называется городскими воротами; а на срединѣ моста находится круглая проѣздная башня. Стѣна ея, обращенная къ городу, выкрашена красной-краской, почему и ворота получили названіе красныхъ. Башня эта затворялась желѣзными, рѣшетчатыми воротами, опускавшимися по уцѣлѣвшимъ еще каменнымъ пазамъ съ верху. Преданіе говоритъ, что и ворота эти также были выкрашены красной краской.

Дорога за красными воротами раздвоятся,—лѣвая вѣтвь ея ведетъ въ крѣпость, мимо входа въ глубокое подземелье, которое, по народному сказанію, соединяетъ Каменецъ съ Хотиномъ, а правая къ такъ называемымъ замковымъ воротамъ, за которыми вѣтвь эта также дѣлится на двое,—одна часть ея ведетъ между высокихъ, обложенныхъ тесаннымъ камнемъ, земляныхъ валовъ въ передовое укрѣпленіе, а другая—чрезъ послѣднія ворота на предмѣстье города Подзамчье.

Пройдя, отъ красныхъ воротъ, около 200 шаговъ—по направленію лѣвой оборонительной стѣнки, обращенной на м. Карвасары и построенной одновременно съ правой стѣной въ 1700 году,—мы, постепенно подымаясь, вошли на крѣпостный дворъ.

Длинная, но довольно узкая, площадка его ([12]), на которой когда-то стоялъ костёлъ св. Станислава, въ настоящее время ничѣмъ не застроена и только остатки фундамента свидѣтельствуютъ о бывшихъ зданіяхъ.

([12]) Длина крѣпостнаго, или замковаго двора 65, а ширина 17 саженъ.

Восемь каменныхъ башень и высокія стѣны, построенныя надъ страшнымъ обрывомъ скалы, замыкая дворъ со всѣхъ сторонъ, дѣлаютъ крѣпость неприступной. Въ былыя времена, она соединялась съ передовымъ укрѣпленіемъ посредствомъ деревяннаго подъемнаго моста, опускаемаго, въ случаѣ надобности, на высокіе каменные столбы.

На первой отъ воротъ двухъ-этажной башнѣ, имѣющей видъ правильнаго четырехугольника и называемой колодцовой, написано съ наружной стороны:

1544
Deus
Tibi soli gloria.
Ioh. Praet. fuit
Architector.

Башня эта прикрываетъ вырубленный въ цѣльной скалѣ колодезь, глубиной около 50, а шириной въ 7½ аршинъ. Въ обоихъ этажахъ устроены водоподъемныя колеса, приводимыя въ движеніе силами людей.

На слѣдующей, т. е. второй круглой башнѣ, находящейся на правой отъ входа сторонѣ, нѣтъ никакихъ надписей, но снаружи ея, надъ окномъ втораго этажа, замѣтны остатки украшавшаго ее герба, имѣвшаго въ щитѣ молотокъ, а сверху его епискупскую шапку и другіе аттрибуты духовной католической власти.

Третья башня имѣетъ туже форму и размѣръ, какъ и предыдущая; снаружи ея вполнѣ сохранилась вырѣзанная на камнѣ, большими выпуклыми буквами, надпись въ такихъ словахъ:

Turris Creslai
Epi Vladislavi
ensis hujus ca-
stri fundato-
ris impensis est.

Пшездзѣцкій замѣчаетъ, что упомянутый въ сей надписи Креславъ z Kurozwęk былъ епископомъ врацлавскимъ или куявскимъ и великимъ коронымъ канцлеромъ въ 1503 году.

Четвертая башня, круглая по формѣ, но самая огромная по размѣру, стоитъ противу воротъ. Сторона ея, обращенная къ землянымъ укрѣпленіямъ, защищена полуциркульной пристройкой съ

многими бойницами. Чрезъ эту-то пристройку былъ проходъ на вышеупомянутый нами мостъ.

Въ этой большой башнѣ, какъ говоритъ преданіе, была нѣкогда замковая каплица (церковь). Внутри ея, на вдѣланномъ въ стѣну камнѣ, сохранилась еще латинская надпись:

Sacbilu hoc cosecratu est.. r rev... dissimu dnum Martinu Bialobrzez.. Dei gra Episcopu Cameneccn. et Abbatem Gilen. Quod reparavit Gnros Nicola (?) Brzeski de Brzesce Terrarum Podoliae Gnralis Capitane (?) ad lavdem Dei Onipontentis et titulu Scti Michaelis Archageli: A. D. 1. 5. 7. 5. Dedicatio vero .. vivsloc. Pria Dnica St.. s... S. Celebrari. debet:

Michaelis.

Пшездзѣцкій же передаетъ ее въ такомъ, очевидно перефразированномъ и отчасти неполномъ и измѣненномъ видѣ:

Sacellum hoc consecratum est per reverendissimum Martinum Bialobrzeski Dei gratia Episcopum Camenecensem et Abbatem Genov. Quod reparavit Generosus Nicolaus Brzeski de Brzeście Terrarum Podoliae Generalis Capitaneus, ad laudem Dei omnipotentis in titulum S. Michaelis Archangeli. A. D. 1575.

Сверху камня, на которомъ вырѣзана приведенная нами надпись, очевидно, было еще какое-то изображеніе, или, быть можетъ, тоже надпись. Но этотъ памятникъ древности умышленно изъ стѣны вынутъ.

Пятая башня, называемая, по уцѣлѣвшей на ней штукатуркѣ, бѣлой, украшена со стороны обращенной къ м. Карвасарамъ, весьма хорошо сохранившимся гербомъ, на которомъ, не взирая на значительную высоту его отъ земли, мы хорошо разсмотрѣли въ щитѣ—чашу, а выше его бискупскую шапку и крестъ, соединенный лентой на подобіе греческаго омофора, съ лѣвой стороны щита кольчугу, а съ правой мечь.

Надъ входомъ со двора въ нижній этажъ этой башни, начертано:

Verus. amicu. est. rarior. finice.

Шестая башня не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ отличій, кромѣ неширокаго, въ родѣ пояса, углубленія на всей ея окружности; быть можетъ это потому, что она уже значительно обветшала.

На седьмой представленъ гербъ, имѣющій въ щитѣ, геральди-

ческій знакъ Абданъ, на верху же и съ боковъ его—бискупская шапка, лента, жезлъ и шаръ.

Наконецъ, на восьмой, квадратной въ основаніи, восьмиугольной въ срединѣ и совершенно круглой въ вершинѣ, сохранились слѣды большаго герба, въ которомъ, однакожъ, кромѣ папской тіары, мы ничего не могли разобрать.

Надъ входомъ же, съ крѣпостнаго двора, въ подземелье башни, на каменномъ дверномъ наличникѣ, изображенъ небольшой гербъ, представляющій въ продолговатомъ щитѣ — всадника, поверхъ щита корона, а по бокамъ можно еще прочесть буквы: P. P.
G. D.
P.

Вотъ все, что пощадило еще время въ нѣкогда грозномъ и неприступномъ замкѣ, носившемъ замѣчательное названіе: Antimurale Christianitatis.

Литовскій лѣтописецъ Гваньинъ замѣчаетъ, что крѣпость эта имѣла огромные запасы оружія и была неодолима; а историкъ Бѣльскій, описывая походъ турецкаго султана Османа въ 1621 году на Каменецъ, говоритъ, что государь этотъ, найдя, сверхъ ожиданія, городъ сильно укрѣпленнымъ, съ видимымъ удивленіемъ, спросилъ окружавшихъ его сановниковъ: кто соорудилъ такой крѣпкій городъ? И получивъ въ отвѣтъ: самъ Богъ,—сказалъ: пусть же Онъ и беретъ его, и велѣлъ войскамъ отступать. Такого же мнѣнія о Каменецкомъ замкѣ были и козаки, какъ это явствуетъ изъ отвѣтовъ, спрошеннаго подъ пыткой въ 1648 году, козака Яремы Копчевича, который, между прочимъ, объявилъ: «что козаки думали о походѣ подъ Каменецъ, но нѣкоторые отсовѣтывали, говоря, что тамъ ничего не успѣемъ сдѣлать, потому что Богъ далъ защиту, одинъ Богъ и завоюетъ». Этотъ несчастный Копчевичъ, по снятіи съ него допроса и окончаніи пытки, по рѣшенію конфедераціоннаго суда, приговоренъ къ смертной казни ([13]).

По возвращеніи отъ Турокъ Каменца, Поляки содержали въ этомъ замкѣ важнѣйшихъ преступниковъ. Съ присоединеніемъ же Подоліи къ Россіи, Каменецкій замокъ началъ постепенно терять свое значеніе, что, впрочемъ, было естественнымъ послѣдствіемъ

([13]) Памятники Древн. Актовъ. Томъ I. Кіевъ, 1845 года.

успѣховъ военнаго искусства и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія. Наконецъ, въ вѣчно памятный 1812 годъ, повелѣніемъ императора Александра Благословеннаго, Каменецкая крѣпость упразднена.

Замковыя ворота, незамыкая собственно ни описаннаго нами замка, ни вообще крѣпости, приличнѣе бы назвать, по ихъ изящной архитектурѣ и тщательной постройкѣ, тріумфальными; да едва ли они въ былое время и не имѣли такого значенія. Эта громадная, чрезвычайно искусно изъ камня изсѣченная королевская корона, такъ легко покоющаяся на повисшей надъ портикомъ воротъ королевской же мантіи, украшенной шифромъ изъ буквъ S. A. R. P., этотъ торжественный смыслъ надписей, начертанныхъ по обѣ стороны воротъ, изъ коихъ первая, окружающая королевскій шифръ, выражаетъ ту мысль, что

Optimus Princeps
in pace bella prospiciens
securitati publicae
MDCCLXXI.

т. е. отличный государь и среди мира думаетъ объ общественной безопасности

1771 года;

а другая, написанная на карнизѣ фронтона, со стороны Подзамчья, говоритъ, что

Felix regnum, quod tempore pacis tractat bella,

т. е. счастливо то государство, которое въ часы мира готовится къ войнѣ,—

все это подтверждаетъ нашу догадку.

Выше карниза, на большой бѣлой каменной доскѣ, уцѣлѣли слѣды бывшей когда-то весьма длинной надписи, но намъ нельзя составить ни малѣйшаго понятія о смыслѣ и значеніи ея. Видно, однакожь, что надпись эта стерта не рукой времени, а рукой человѣка.

Пройдя описанныя нами ворота и взглянувъ на увѣнчанную густой и яркой зеленью восьмиугольную трехэтажную башню, стоящую на берегу Смотрича, едва касаясь основанія воротъ, съ коими видимо она была соединена, мы, миновавъ послѣдній проѣздъ, пошли межь двухъ высокихъ земляныхъ валовъ, хорошо обложенныхъ тесаннымъ камнемъ, въ передовое укрѣпленіе, пред-

ставляющее довольно обширную площадку, окруженную съ трехъ сторонъ двойнымъ рядомъ валовъ и рвовъ. Подъ валами устроены два широкихъ, но совершенно мрачныхъ проѣзда во внутрь двора и кромѣ того четыре тайныхъ выхода на верхъ.

Предъ главнымъ фасадомъ укрѣпленія продѣланъ въ скалѣ не глубокій, но довольно широкій ровъ, который наполнялся водой, постоянно въ изобиліи струившейся изъ-подъ основанія передней стѣнки, высота которой съ наружной стороны равняется высотѣ почвы. Въ настоящее время вода струится только въ одномъ мѣстѣ, но, по неочисткѣ родника, въ такомъ количествѣ, что едва достаетъ ее для окрестныхъ жителей.

Укрѣпленіе это, будучи весьма высоко, хорошо защищаетъ замокъ со стороны Хотина. Въ прежнее время оно соединялось съ замкомъ мостомъ, переброшеннымъ чрезъ отдѣляющій его обрывъ скалы, и подземельными проходами. Первый недавно обрушился, а послѣдніе закрыты.

Со стороны Карвасаръ замокъ, не взирая на природную неприступность, окруженъ оборонительной стѣнкой, въ которой, насупротивъ основанія бѣлой башни, вставлена каменная доска съ изображеніемъ солнца въ лучахъ и надписью: сверху—sumptus, по сторонамъ

[illegible] pal [illegible] pod

а снизу: MDCCLXI.

Вотъ все, что представляетъ въ настоящее время Каменецъ пытливому взору ревностнаго изыскателя. Не имѣя никакихъ предварительныхъ свѣдѣній объ описанныхъ мною предметахъ, кромѣ лишь самыхъ краткихъ, отрывочныхъ и невсегда вѣрныхъ замѣтокъ Пшездзѣцкаго, я долженъ былъ во всемъ убѣдиться лично, а это не всегда легко и удобно, въ особенности, когда дѣло касается отношенія къ офиціальнымъ мѣстамъ и лицамъ; но мнѣ посчастливилось кой-какъ преодолѣть эти препятствія. Въ какой же мѣрѣ труды мои увѣнчались успѣхомъ, пусть судитъ читатель, вниманію коего, для полноты очерка, предлагаю, въ слѣдующей главѣ, исторію Каменца, хотя и краткую, но, по-возможности, обнимающую всѣ періоды его существованія.

IV.

Основаніе Каменца.—Каменецъ въ составѣ Галицкаго княжества.—Осада Каменца половецкимъ ханомъ Котяномъ и союзниками.—Взятіе его великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ.—Раззореніе Каменца Батыемъ.—Каменецъ подпадаетъ подъ власть великихъ князей литовскихъ.—Правленіе въ Подоліи и въ особенности въ Каменцѣ князей Коріатовичей.—Взятіе Каменца Ольгердомъ.—Состояніе православія въ Подоліи во времена владычества его князей литовскихъ.—Каменецъ переходитъ подъ власть короля польскаго Ягеллы (Владислава II).—Ягелло отдаетъ его Витовту.—Князь Өедоръ Коріатовичъ захватываетъ Каменецъ и вновь теряетъ его.—Витовтъ уступаетъ Каменецъ Ягеллѣ, но потомъ вновь получаетъ его.—Свидригайло дѣлается великимъ княземъ литовскимъ, но лишившись Каменца, оскорбляетъ короля, начинаетъ съ нимъ войну и теряетъ все княжество, а Каменецъ и Подолія, при правленіи Сигизмунда, переходятъ подъ власть Польши.

Основаніе города Каменца теряется въ отдаленной древности. По крайней мѣрѣ никто изъ лѣтописцевъ не говоритъ положительно о времени его заложенія, хотя всѣ соглашаются, что онъ принадлежитъ къ небольшому числу древнихъ городовъ Подоліи.

Сказаніе Стрыйковскаго о томъ, что князья Коріатовичи, занимаясь однажды охотою, случайно пришли на мѣсто, гдѣ лежитъ нынѣ Каменецъ, и плѣнившись положеніемъ, построили городъ, — небольше какъ сказка; ибо Каменецъ упоминается лѣтописцами еще въ XII вѣкѣ, хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ основанъ еще раньше.

Не имѣетъ также никакого достовѣрнаго основанія пріурочиваніе Каменца къ тому мѣсту, на которомъ существовалъ древній городъ Клепидава, или Петродава, заложенный Даками недалеко отъ р. Днѣстра, въ предѣлахъ нынѣшней подольской губерніи, хотя предположеніе это все же болѣе правдоподобно, чѣмъ сказка Стрыйковскаго; по крайней мѣрѣ, показанное на древнихъ картахъ, составленныхъ по Птоломею, мѣсто нахожденія Клепидавы, неслишкомъ разнится отъ мѣстонахожденія Каменца; но, съ другой стороны, положительно извѣстно, что въ древности существовало нѣсколько городовъ, въ недалекомъ отъ нынѣшняго Каменца разстояніи, изъ коихъ многіе давно исчезли, не оставивъ даже исторіи своего имени. Если же мы будемъ итти путемъ однѣхъ догадокъ, то, пожалуй, основываясь на древнемъ названіи одного изъ принадлежащихъ Каменцу источниковъ—Гунской криницей,

дойдемъ до временъ Аттилы, пребываніе коего въ этихъ мѣстахъ также несомнѣнно.

Въ древней лѣтописи Полѣтика, принадлежавшей Шлецеру, въ числѣ городовъ польскихъ, Каменецъ показанъ первымъ, такъ: «А се городы польскіе: Каменецъ съ городы—Ловецъ, Бряславъ, Соколецъ, Звенигородъ, Черкасы, Черневь—новый городъ, Вошица, Скала, Банота» (14).

Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что Каменецъ получилъ если не основаніе, то по крайней мѣрѣ имя отъ Русскихъ; будучи заложенъ на небольшой голой каменной скалѣ, онъ весьма характеристически названъ Каменцемъ, что на языкѣ Малороссіянъ значитъ небольшой камень. Можетъ быть, что первыми жильцами Каменца были и не Русскіе (т. е. Украинцы), а римскіе изгнанники, селившіеся, какъ извѣстно, въ приднѣпровскихъ мѣстностяхъ Молдавіи и Бессарабіи, но все же названіе—Каменецъ происхожденія чисто русскаго.

Въ XII вѣкѣ Каменецъ входилъ въ составъ княжества Галицкаго.

Въ 1196 году князья Мстиславъ Мстиславичъ (сынъ Мстислава Храбраго) и Владиміръ галицкій, сражаясь съ княземъ волынскимъ Ростиславомъ Мстиславичемъ, плѣнили много людей въ окрестностяхъ Каменца, который, спустя 24 года, именно въ 1220 г., принадлежалъ уже Данилу Романовичу.

Въ 1199 году Каменецъ былъ осажденъ союзными силами Котяна, хана половецкаго, князей: черниговскаго, сѣверскаго, пинскаго и туровскаго и венгерскаго королевича Андріяна; но благодаря, съ одной стороны, неприступной позиціи, съ другой,—ловкой политикѣ князя Данила Романовича, успѣвшаго склонить на свою сторону Котяна, осада не удалась и союзники со стыдомъ отступили отъ города.

Между тѣмъ, въ исходѣ 1239 года, Литва, пользуясь враждой великихъ князей Ярослава владимірскаго и Михаила черниговскаго, и нашествіемъ на Русь полчищъ татарскихъ, напала на области смоленскія и произвела въ нихъ большія опустошенія. Тогда великій князь Ярославъ Всеволодовичъ владимірскій, пройдя чрезъ об-

---

(14) Несторъ. Русскія лѣтописи на древне славянскомъ языкѣ, Шлецера. Часть II, Санктъ-Петербургъ, 1816 года.

ласть московскую къ Смоленску, разбилъ Литву, плѣнилъ князя ихъ и отобралъ какъ плѣнныхъ Смолянъ, такъ и всю военную добычу, направился къ городу Изяслава—Каменцу, который и взялъ приступомъ. Находившійся въ это время въ Каменцѣ князь, Михаилъ Всеволодовичъ Чермный-черниговскій, едва спасся бѣгствомъ, а супруга его взята въ плѣнъ, но по ходатайству князя Данила Романовича галицкаго возвращена своему мужу.

Въ 1240 году князь Михаилъ черниговскій жилъ въ Кіевѣ, и какъ въ то время тамъ не было никого старше и значительнѣе его, то онъ и пользовался правами и почестями великокняжескими. Между тѣмъ военачальникъ Батыя, Менгу-Ханъ потребовалъ сдачи города. Князь Михаилъ, отказавъ ему, отправился вслѣдъ за сыномъ своимъ Ростиславомъ въ Угры просить помощи. Татары бросились въ погоню за княземъ, но безуспѣшно. Разгнѣванный Батый, всею силою орды своей, напалъ на Кіевъ и взялъ его. Послѣ чего развѣдавъ, что князья Данило Романовичъ галицкій и Михаилъ черниговскій собираютъ силы, для сопротивленія ему, оставивъ въ Кіевѣ воеводу своего, пошелъ по дорогѣ на Владиміръ-Волынскій, взялъ городъКоловяжію, избивъ въ немъ всѣхъ христіанъ, потомъ напалъ на принадлежавшій въ то время князю Изяславу Мстиславичу Каменецъ, разбилъ стѣны его пороками (15), жителей, не различая пола и возраста, предалъ смерти, или увелъ въ плѣнъ, а городъ превратилъ въ груду развалинъ. Съ этой поры Подолія, подобно другимъ областямъ русскимъ, дѣлается жертвою Татаръ, почти въ продолженіи 110 лѣтъ. Въ теченіи этого періода, несчастный Каменецъ, съ горстью жителей, возвратившихся на свои пепелища, неразъ подвергался набѣгамъ и раззореніямъ.

Опустошеніе Подоліи Татарами было роковымъ предвѣстіемъ скораго паденія всего галицкаго княжества. И дѣйствительно, около 1331 года, великій князь литовскій Гедиминъ, всѣ подольскіе города отъ Червоно-города до Кременца подчинилъ Литвѣ (16), поручивъ внукамъ своимъ Юрію, Александру, Константину и

(15) Древнее стѣнобитное орудіе, которое, до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, замѣняло нынѣшнюю осадную артиллерію.

(16) Доказательствомъ владычества литовскихъ князей въ Подоліи служитъ грамота князя Александра Коріатовича отъ 17 марта 1375 г. Подлинникъ ея,

Θеодору Коріатовичамъ искать себѣ владѣній, что и было ими исполнено. Князья же Коріатовичи возобновили и укрѣпили прежніе города Галиціи и Подоліи: Теребовль, Скалу, Бакоту и Каменецъ, а Смотричь, Меджибожъ, Хмельникъ, Винницу (17) и другіе города построили. Между тѣмъ Татары продолжали опустошать Подолію и въ 1351 году произвели на нее всеобщее нападеніе, но бывъ страшно поражены преемникомъ Гедимина, великимъ княземъ Ольгердомъ, подъ Синими водами, навсегда потеряли права свои на этотъ несчастный край, который, послѣ тяжкаго 110 лѣтняго ига, подъ кроткимъ и благоразумнымъ правленіемъ Коріатовичей, началъ быстро заживлять раны свои.

Скоро однакожъ Юрію Волохи предложили у себя господарство, Александръ былъ вызванъ въ Новогрудокъ для принятія удѣла отца своего, а Θедоръ, по смерти четвертаго брата Константина, сдѣлался единственнымъ правителемъ Подоліи, распространивъ

писанный на пергаминѣ, хранится въ архивѣ бывшаго доминиканскаго монастыря въ Смотричѣ. Вотъ слова грамоты:

«Во имя Отца и Сына и св. Духа аминь. Мы князь литовскій, князь Александръ Коріатовичъ, божею милостью князь и господарь подольскои земли, чинимъ вѣдомо своимъ листомъ всякому доброму, ктожъ на сей листъ посмотритъ, штожъ былъ братъ нашъ князь Юрій Корьятовичъ придалъ Млинъ къ церкви къ матцѣ Божьей оу Смотричи, то и мы князь Александръ подтверждаемъ того своимъ листомъ. Дали есьмо на вѣки той Млинъ и мѣсто оу Млина къ церкви и тѣмъ мнихомъ казательного закону; а кого коли исправлютъ людей къ себѣ оу томъ мѣстѣ оу Млина, тыѣ люди дали есьмо имъ совсѣмъ правомъ; альто штожь коли всѣ Божо и земляне будутъ городъ твердиты, тогда тыѣ люди такожъ имѣютъ твердиты городъ Смотричь; ажъ то штожъ коли всѣ земляне имутъ давати дань оу Татаръ, то серебро имѣютъ такожь тыѣ люди дати. А по Млину граница горѣ Смотричомъ до мосту, а доловѣ Смотричомъ што дуброва межи Ходорновѣмъ селомъ, тое дубровы половина къ Млину, а въ полѣ, гдѣ себѣ прооруютъ нивы, то ихъ имѣютъ прислушати. А на то дали есьмо свой листъ и печать завѣсили своего князства, а свѣдцы на то: Гришко панъ староста подольскій, смотрицкій воевода Рогожка, Прокопъ Синенко Карабчіѣвскій; а писаль листъ оу Смотричи послѣ нароженія Божія лѣта 1375, нашего лѣта мца марта 17 дня оу день стго Алексѣя Человѣка Божія».

(17) Бакота нынѣ небольшое селеніе ушицкаго уѣзда подольской губерніи.—Смотричъ и Хмельникъ считаются заштатными городами, изъ коихъ первый, не имѣетъ особеннаго городоваго управленія.—Меджибожъ мѣстечко проскуровскаго уѣзда, а Винница уѣздный городъ подольской губерніи.

владѣнія свои отъ Брацлава до Покутины ([18]). Обширность владѣній внушила Коріатовичу мысль отложиться отъ своего дяди, а чтобы легче достигнуть этого, онъ отдался подъ покровительство Людовика Венгерскаго, который не замедлилъ прислать въ Подолію многочисленное войско.

Ольгердъ, узнавъ объ измѣнѣ своего племянника, въ томъ же 1351 году явился въ Подолію, взялъ всѣ укрѣпленные города: Брацлавъ, Соколецъ, Смотричъ и Каменецъ, бывшаго въ этомъ послѣднемъ городѣ намѣстника князя Ѳеодора заключилъ въ темницу, а Волохамъ отрубилъ головы. Нѣтъ сомнѣнія, что разгнѣванный дядя не пощадилъ бы и племянника своего, но тотъ благовременно, захвативъ всѣ сокровища, бѣжалъ въ Венгрію. Такимъ случаемъ Подолія присоединилась къ Литвѣ и Ольгердъ посадилъ въ Каменцѣ воеводой Петра Гастольда, женатаго на дочери богатаго подольскаго боярина Бучацкаго, предоставивъ, однакожъ, въ послѣдствіи высшую княжескую власть въ Подоліи племяннику своему Александру, который далъ жителямъ Каменца разныя привилегіи, изложенныя въ грамотѣ 7 ноября 1374 года ([19]).

([18]) Брацлавъ уѣздный городъ подольской губерніи. Покутина—нынѣшняя Буковина.

([19]) Stanislaus Augustus Dei gratia Rex Poloniae, Magnus Dux Lithvaniae, Russiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Volhyniae, Podoliae, Podlachiae, Livoniae, Smolensciae, Severiae et Czernichoviae.

Significamus praesentibus literis Nostris, quorum interest, universis et singulis. Reperiri in archivo Metrices Regni librum vulgo intitulatum: transumpta literarum Palatinatus Podoliae in conventu Regni generali anno 1564 Varsaviae celebrato per incolas ejusdem Palatinatus productarum, in eoque contineri sub die nona februarii, folio 44, privilegium a civibus Camenecensibus exhibitum tenoris sequentis: Kto na ten list wejrzy Jżeśmy przyzwali k sobie mieczany do Kamienieckiego miasta, a daliśmy wolą na dwadzieścia lat, a dwieście łanów daliśmy ku miastu, a między Muxą y Bohowiczą od Tarnawskiey drogi asz od Korowi ziemie, aż do Dniestru daliśmy k miastu tamim łany wymierzyć, y dalismy rzeki brzeg Nistru od ujścia Muxe aż do ujścia Bokowice. A jeszce krom tego daliśmy k miastu pastwy wygon od miejskiey krynice do Muxe, a Muxą doem do xiężich niżo. A kiedy wolą wysiedzą mieszcanie, mają dawać od łanów po dwadzieścia groszy szerokich płatu. A sądzić sie im przed swem prawem, przed swemi raicami, a woiewodzie nie trzeba sie w to wstępować nic. Jeśli będzie który bojarżin albo służebnik Kniazi albo ziemianin uczyni którą winę w mieście, y z tej winy dostoien będzie śmierci mieszcanow, niekarząc, go w książęce karanie na zamek, niechajże sam Kniaż karże

Съ этой поры Подолія, а съ нею и Каменецъ, въ теченіи 102 лѣтъ, принадлежали князьямъ литовскимъ, хотя Польша во все это время

---

swoie ludzie. Jesli będzie kniasz zemianin albo dworżanin, mieć będą sąd z mieszczaninem, tedy sądzić woiewodzie z wóitem; i będzieli winował kniasz dworżanin albo ziemianin, niechaj że wojewoda bierze winę na kniazich ludziach, a jeśli będzie mieszcanin winował, tedy wójt winęjwezmie. A cokolwiek win będzie wszistkich, przyidzie wóitowi trzecia część winy, a dwie części winy to Kniaż daie ku miastu na pomoc. A jatki sukienne i kramne i szewcze i chlebne, rzeznicze i łaznią, to Kniaż odpuscił k miastu, co przyidzie kolwiek pieniędzy z tego, to miastu nalezeć ma. Mieszcanom mocnić miasto dla siebie, jeśliby mieszcanie nie chcieli budować miasta temi pienędzmi, tedy te pieniądze od mieszcan zaś mają być dane Kniaziowi w skarb. A cokolwiek się stanię po grzechu, czego Boże niedai, aż ktory człowiek Bożym przepuszczeniem umrze i z domem wszystek i z żoną, wóitowi i mieszcanom dzierżać ten dom rok i sześć niedziel, a nic z tego domu nie ruszać, aż sie najdzie przirodni jakiś iego plemienia. Za ten rok i za sześć niedziel, iesli sie nie najdzie nikt jego pokolenia, tedy ten dom dać Kniaziu, to na jego woli będzie, kogo zechce, tego w ten dom posadzi. A wysiedziawszy wolą dwadzieścia lat, mieszcanie mają dawać płat, a wóit i mieszcanie mają mnie Kniażiu spryiać i być sprawiedliwemi i wiernemi, a z woiewodą i boiary i z dworzany być z nami wespół przy złym i przy dobrym i mają być pomocnicy i uczynkiem i słowem i przyiaźnią i mocą i radą bez wszelakiej chitrości. Pisan ten list na zamku w Kamieńcu 1374 od Bożego Narodzenia miesiąca Lutego 7 dnia w dzień S'. Jana Krzciciela. Jacobus Chaczińśki consul camenecensis accepit literas superius scriptas.

Quod ejusmodi Privilegium, prout in praefato libro continetur, Nos rescribi et Parti requirenti authentice extradi permisimus. In quorum fidem Sigillum Regni praesentis est appressum. Datum Varsaviae decima octava Mensis Novembris Anno Domini millesimo septingentesimo octuogesimo. Regni vero nostri decimo septimo.

Antt. Okęcki E. P. S. R. Canc: L. S.

Relatio Jllrmi Excelmi et Rdn. Dni Antonii Onuplirii de Okęcie Okęcki. Eppi Posnanen et Varsaviae supraemi Regni Cancellarii
Joannes Slomiński M. R. Praefectus S. R. Mtis Secretarius

Privilegium civitatis Camenecen, in revisione literarum Anno 1564 exhibitum.

Оригиналъ этой грамоты хранится въ числѣ прежнихъ актовъ въ государственномъ архивѣ. Въ дѣлахъ же магистрата каменецкаго находится только извлеченіе изъ писаннаго въ 1780 г., за подписомъ канцлера Окенцкаго.

не оставляетъ видовъ своихъ на Подолію, основывая домогательства свои на мнимыхъ правахъ, которыя передалъ Людовику Венгерскому измѣнившій Ольгерду Ѳеодоръ Коріатовичъ. Права эти Ядвигою, какъ наслѣдницей Людовика, перенесены были на своего мужа Ягелла.

Подъ владычествомъ литовскихъ князей Подолія забыла на нѣкоторое время несчастія, причиненныя ей игомъ татарскимъ. При князьяхъ этихъ начали возникать въ ней новые города и населенія. Ожилъ духъ народа, а съ этимъ вмѣстѣ ожила гражданская дѣятельность его. Самая вѣра православная нашла себѣ ревностныхъ покровителей въ этихъ князьяхъ. Коріатовичи были христіане, греческаго закона; они до того простирали ревность къ православію, что когда Казиміръ Великій одному изъ нихъ, именно Константину, предложилъ послѣ себя корону съ тѣмъ, чтобы онъ перешелъ въ латинскую вѣру, Константинъ, не желая сдѣлаться отступникомъ, отвергъ лестное для себя предложеніе польскаго короля([20]). Ольгердъ хотя былъ язычникъ, но по своимъ родственнымъ связямъ съ русскими князьями не только не преслѣдовалъ православной вѣры, но даже уважалъ ее. Сынъ же его Свидригайло, по словамъ Длугоша, даже изъ латинской вѣры перешелъ въ греческую. Вообще должно замѣтить, что при князьяхъ литовскихъ какъ во всей Подоліи, такъ и въ Каменцѣ православная вѣра была господствующею. Къ этому-то времени и относится построеніе тѣхъ многихъ православныхъ церквей Каменца, которыя существовали въ немъ, не взирая на послѣдующія неблагопріятныя событія, даже до раззоренія города Турками. Если же польскіе лѣтописцы и говорятъ, что въ половинѣ XIV столѣтія явилось въ Каменцѣ католическое епископство, основанное по повелѣнію Людовика Венгерскаго; то, судя по разногласнымъ показаніямъ ихъ относительно времени этого событія, должно думать, что учрежденіе католическаго епископства относится къ позднѣйшему времени, именно, когда уже Польша начала пріобрѣтать нѣкоторое вліяніе на Подолію. Впрочемъ, первые каменецкіе епископы, по свидѣтельству тѣхъ лѣтописцевъ, были не что иное, какъ суффрага-

---

Извлеченіе это приведено нами выше, и заимствовано изъ сочиненія Пшездзѣцкаго.

([20]) Стрыйковскій, стр. 446.

пы, или викаріи епископовъ краковскихъ, и, по крайней мѣрѣ до присоединенія Подоліи къ Польшѣ, не имѣли и не могли имѣть въ ней, какъ странѣ православной, ни одного подвластнаго себѣ костела.

Въ 1386 году великій князь литовскій Ягелло, женясь на пятнадцатилѣтней дочери короля Людовика Ядвигѣ и вступивъ, подъ именемъ Владислава II, на престолъ польскій, отдалъ Подолію брату своему Витовту.

Въ 1395 году князь Ѳеодоръ Коріатовичъ II-й, не желая потерять права свои на эту страну, заперся сперва въ Брацлавѣ, а потомъ, увидѣвъ невозможность выдержать въ немъ, по слабости укрѣпленія, осаду, перешелъ въ Каменецъ, гдѣ, подкрѣпляемый Волохами и надѣясь на недоступность крѣпости, храбро защищался. Но вслѣдствіе возникшаго между Подольцами и Волохами несогласія, разбитъ, захваченъ въ плѣнъ и отправленъ въ Вильну. Намѣстникъ Ѳедора Постицъ изгнанъ, а Каменецъ вмѣстѣ съ Подоліею обращены въ литовскую область и поручены управленію великокняжескихъ намѣстниковъ.

Въ слѣдующемъ 1396 году честолюбивая Ядвига, боясь усиленія власти Литовцевъ въ Подоліи, и считая страну эту нѣкоторымъ образомъ наслѣдственною для себя, по причинамъ, о которыхъ мы сказали уже выше, настояла надъ королемъ, чтобы онъ отобралъ у брата своего Витовта Подолію съ замками: Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою и Червоно-городомъ. Витовтъ согласился на требованіе короля, но съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ ему 46.000 злотыхъ, употребленныхъ на военныя издержки при отраженіи Татаръ. Въ казнѣ Ядвиги не было такой суммы денегъ и потому король занялъ ихъ у воеводы краковскаго, отдавъ ему, въ обезпеченіе платежа, четыре подольскихъ замка, а въ числѣ ихъ и Каменецъ. Недовольная сдѣлкой этой, Ядвига заставила короля отдать краковскому воеводѣ, въ замѣнъ замковъ, Силезскія земли, что и было исполнено. Съ этого времени Каменецъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, находился подъ управленіемъ королевскихъ воеводъ и старостъ.

Въ 1401 году король Владиславъ II Ягелло назначилъ въ намѣстники Подоліи брата своего Свидригайла; но этотъ безпокойный князь, забывъ родственныя отношенія къ королю и увлекаемый властолюбіемъ, соединясь съ крестоносцами, поднялъ оружіе про-

тивъ собственнаго отечества; но, будучи разбитъ, долго скитался безъ власти и славы, пока наконецъ братолюбивый Ягелло не сжалился надъ нимъ и не отдалъ ему Подолію въ ленное владѣніе. Этотъ снисходительный поступокъ короля и брата не удовлетворилъ безпокойнаго Свидригайла, и онъ снова перешелъ на сторону крестоносцевъ. Тогда справедливо раздраженный король отнялъ у него Подолію и Каменецъ, который сильно укрѣпивъ, поручилъ управленію Петра Шафранца.

Въ 1402 году Витовтъ вновь принялъ Подолію подъ свою защиту и управленіе; но по смерти его, въ 1430 году, Свидригайло достигъ наконецъ великокняжества литовскаго, и скоро заплатилъ черной неблагодарностію королю за многократное братское снисхожденіе его. Несчастный король былъ схваченъ имъ и заключенъ въ тюрьму. Свита его окружена толпой вооруженныхъ Литовцевъ, которые не только съ ней, но и съ самымъ королемъ обходились крайне грубо и жестоко. Этотъ поступокъ повелъ къ междоусобнымъ войнамъ, причинившимъ краю много вреда.

Немедленно по смерти Витовта, имѣвшаго помѣстья въ Подоліи, нѣкоторые изъ польскихъ вельможъ, именно: Павелъ, епископъ каменецкій, Григорій Кердей, братья Бучацкіе и многіе другіе, собравъ своихъ людей, прибыли къ Каменцу и, пригласивъ въ свой станъ хитростію городскаго старосту Довгерда, взяли его подъ стражу, а замокъ Каменецкій объявили принадлежащимъ королю. Узнавъ объ этомъ событіи, Свидригайло пришелъ въ такую ярость, что тотъ часъ же бросился въ покои Короля, прибывшаго въ Вильно, собственно для совершенія обряда возведенія Свидригайла на великокняжескій литовскій престолъ, и осыпавъ бранью и угрозами, схватилъ за бороду. Много труда стоило приближеннымъ прекратить эту родственно-царственную ссору. Свидригайло успокоился только тогда, когда положено было оставить Каменецъ во временномъ его владѣніи, впредь до разбора правъ Польши на Подолію. Оставляя Вильну, Король послалъ къ Михаилу Бучацкому повелѣніе немедленно сдать Каменецъ и всю Подолію командированному Свидригайломъ русскому воеводѣ Николаю Бабѣ. Вмѣстѣ съ Бабой былъ отправленъ въ Каменецъ Тарло Заклика, слугѣ котораго придворные короля тайно вручили большую восковую свѣчу для передачи ея Бучацкому, немедленно по пріѣздѣ въ Каменецъ.

поручивъ сказать: «что если, ему Бучацкому, нужно что-нибудь найти и если онъ не хочетъ обмануться; то пусть посвѣтитъ этой свѣчей». Слуга съ религіозной набожностію исполнилъ данное ему порученіе, не подозрѣвая въ немъ никакихъ хитростей, но Бучацкій, понявъ тайное значеніе подарка, разломалъ свѣчу и, найдя въ ней записку:

«Что хотя король отправляетъ Тарлу съ повелѣніемъ отдать Литовцамъ Каменецъ; но это дѣлаетъ не по доброй волѣ, а изъ опасенія попасть въ тюрьму; за тѣмъ для отвращенія очевиднаго вреда коронѣ польской, не слѣдуетъ исполнять повелѣнія, а напротивъ, нужно взять подъ стражу Тарлу и князя Бабу, самому же быть осторожнымъ»,—поступилъ сообразно этому наставленію.

Тогда Свидригайло обратился къ оружію, и пригласивъ Александра, воеводу волошскаго, огнемъ и мечемъ опустошилъ окрестности каменецкія. Съ этой поры вражда между Литвой и Польшею еще болѣе усилилась. Интригамъ и заговорамъ не было ни мѣры, ни конца.

Въ 1433 году король Владиславъ отнялъ, наконецъ, у Свидригайла все литовское княжество и посадилъ на его мѣсто брата, стародубскаго князя Сигизмунда, обязавшагося уступить Подолію съ Каменцемъ Польшѣ.

V.

Новая попытка Свидригайла овладѣть Каменцемъ.—Претензіи Литвы на Подолію и возшествіе на польскій престолъ Казиміра.—Каменецъ въ закладѣ у Бучацкаго.—Неудачныя осады Каменца въ 1474 году Татарами, а въ 1476—Турками.—Неудавшееся нападеніе на Каменецъ волошскаго господаря Богдана.—Участіе Папы въ сооруженіи каменецкой крѣпости.—Пораженіе Татаръ подъ Каменцемъ.—Исторія внутренняго его устройства.—Привилегіи королей, данныя Русскимъ, Полякамъ и Армянамъ, въ городѣ живущимъ.— Права Жидовъ.—Новое пораженіе Татаръ и Турокъ подъ Каменцемъ.— Самонадѣянность Поляковъ.—Унія и послѣдствія ея.

По смерти Ягелло взошелъ на польскій престолъ юный Владиславъ III, кончившій жизнь свою на 21 году въ сраженіи съ Турками подъ Варной. Въ царствованіе его Свидригайло пытался было еще разъ добыть Каменецъ, но не имѣлъ успѣха. По смерти Владислава, Литва вновь начала присвоивать себѣ Подолію и Волынь. Это повело къ новымъ безпорядкамъ, и братъ Владислава Кази-

міръ, какъ великій князь литовскій, въ теченіи двухъ лѣтъ отказывался отъ польской короны; наконецъ, въ 1447 году, благодаря истинной привязанности малопольскихъ жителей къ дому Ягелловъ, получилъ ее и короновался въ Краковѣ. Съ этой поры, въ лѣтописяхъ не находимъ никакихъ особенно-замѣчательныхъ событій въ судьбѣ Каменца. Извѣстно только, что онъ поступилъ въ закладное владѣніе наслѣдниковъ Өедора Бучацкаго, отъ коихъ въ 1463 году, по повелѣнію короля, былъ выкупленъ и укрѣпленъ.

Въ 1474 году, Татары, подъ предводительствомъ хана Айдара, пытались было взять Каменецъ, но не имѣли въ томъ успѣха, въ чемъ, конечно, Каменецъ болѣе обязанъ природной неприступности, чѣмъ заботливости польскаго правительства, которое хотя и посылало войска свои на защиту Подоліи отъ набѣговъ татарскихъ, и хотя не разъ орды варваровъ были поражаемы войсками королевскими, но послѣдствіемъ битвъ этихъ, при неурядицѣ внутренняго правленія, были лишь безчисленныя могилы, коими усѣяны поля Подоліи, а жители ея не переставали страдать.

Въ 1476 году Турки пошли по стопамъ своихъ единовѣрцевъ и коварныхъ друзей—Татаръ и, взявъ Хотинъ, переправились чрезъ Днѣстръ, съ намѣреніемъ захватить Каменецъ; но подоспѣвшія во время войска польскія спасли городъ, который съ этой поры болѣе и болѣе укрѣплялся и увеличивался, привлекая подъ защиту стѣнъ своихъ множество шляхты, добровольно жертвовавшей частію достоянія своего на укрѣпленіе города.

Еще не успѣли бѣдные жители Каменца оправиться отъ страха, внушеннаго имъ безпрестанными нападеніями Татаръ и Турокъ, еще не забыли они рядъ междоусобныхъ браней между князьями литовскими и королями польскими, какъ новая гроза начала собираться надъ ними изъ-за днѣпровскаго края.

Въ 1500 году волошскій господарь Богданъ осадилъ Каменецъ, но воинственный гетманъ Николай Каменецкій не только отразилъ нападенія и разбилъ войска господаря, но принудилъ его самаго къ подданству. Захваченнымъ же въ плѣнъ 50 волошскимъ боярамъ приказалъ, среди города, отрубить топоромъ головы, въ отмщеніе за подобный поступокъ Богдана съ Поляками, взятыми за нѣсколько времени Волохами при Теребовлѣ.

Эта блистательная побѣда еще болѣе возвысила въ глазахъ

польскаго правительства значеніе Каменецкой крѣпости, начавшей уже обращать на себя вниманіе даже и другихъ государствъ.

Въ 1516 году Папа Левъ, желая оказать защиту значительно увеличивавшемуся на счетъ благосостоянія другихъ націй католическому населенію города, и сооруженнымъ въ немъ храмамъ, опредѣлилъ даже часть собранной тогда милостыни на сооруженіе стѣнъ въ Каменцѣ. Не отъ этого ли обстоятельства и названа въ послѣдствіи Каменецкая крѣпость: Antimurale Christianitatis, и не этимъ ли слѣдуетъ объяснить странность украшенія башень крѣпостнаго замка папской тіарой, бискупскими шапками, жезлами, крестами, чашей и другими символами религіи и духовной католической власти?

Въ 1528 году была, кажется, послѣдняя замѣчательная битва подъ стѣнами Каменца, въ которой королевскіе ротмистры Яславскій и Скрицкій разбили отрядъ Татаръ. Съ этой поры, почти въ теченіи ста лѣтъ, Каменецъ былъ свободенъ отъ вторженія Турокъ и Татаръ, что позволило Стефану Баторію еще болѣе укрѣпить городъ и почти возсоздать крѣпость и замокъ, описанные нами въ III главѣ.

Столь продолжительный періодъ безопасности со стороны внѣшнихъ враговъ далъ Каменцу возможность укрѣпиться внутренно, украсить городъ приличными зданіями, развить торговлю и устроить управленіе, въ чемъ, при разноплеменности жителей города, населеніе коего составляли—Русскіе, Армяне и Поляки, давно уже ощущалась особенная надобность. Короли, своими грамотами, споспѣшествовали такому устройству города.

Вотъ главнѣйшіе памятники ихъ отеческой заботливости:

Въ 1432 году Владиславъ II Ягелло подтвердилъ войту каменецкому права магдебургскія. Какъ очень часто между шляхтой и старостами возникали споры, которые доходили даже до короля, то посему, для разбора сихъ дѣлъ, Сигизмундъ I, въ 1518 году, принужденъ былъ назначить коммиссію, составленную изъ примаса Яна Ласка, бискупа куіявскаго Мацея Древицкаго, воеводы краковскаго Кристофа Шидловскаго и великаго гетмана короннаго Николая Фарлея, которая, разсмотрѣвъ взаимныя претензіи шляхты и мѣщанъ, опредѣлила: чтобы мѣщане каменецкіе отъ каждаго воза клади, изъ Турціи привезенной, давали старостѣ по одному

камию; чтобы Жиды, по селамъ и деревнямъ вокругъ Каменца, не перекупали живности; чтобы староста соблюдалъ справедливость между Волохами и мѣщанами, также какъ и между шляхтой; дабы поселяющіеся въ городѣ и записывающіеся въ мѣщанство свободно пользовались мѣстными правами; наконецъ, чтобы мѣщане имѣли полную свободу рубить лѣсъ сосѣднихъ имѣній, по силѣ давнихъ правъ и привилегій. Постановленіе коммиссіи король утвердилъ вполнѣ.

Въ 1491 году Казиміръ IV, изъ рода Ягелловъ, обращая вниманіе, что русскіе жители каменецкіе, отъ незаботливости назначаемыхъ отъ короны войтовъ, подвергаются притѣсненіямъ, жилища ихъ тѣсны и обветшалы,—что это обстоятельство грозитъ даже вредомъ всему городу, повелѣлъ, дабы Русскіе, впредь до дальнѣйшаго повелѣнія, сами избирали себѣ войта изъ своего народа и своей религіи, съ правомъ, въ случаѣ надобности, отрѣшать его отъ должности. Но въ тоже время войтъ этотъ имѣлъ право судить Русскихъ во всѣхъ дѣлахъ на основаніи собственныхъ ихъ законовъ—«z prawem miecza». За тѣмъ Русскіе избавлены отъ всякаго вліянія воеводъ, кастеляновъ, старостъ и иныхъ королевскихъ урядниковъ. Войтъ русскій могъ также приводить къ присягѣ безъ вознаго. Его суду подлежали не только всѣ Русскіе, живущіе въ предѣлахъ королевства, но даже и тѣ, которые изъ-за границы пріѣзжали.

Первымъ русскимъ каменецкимъ войтомъ былъ нѣкто Николай изъ Пастржицъ.

Въ 1496 году Іоаннъ Албрехтъ, принимая въ уваженіе, что Каменецъ, находясь на «pograniczu pogańskiem», подверженъ большимъ несчастіямъ и нападкамъ непріятелей, милостиво потвердилъ Армянамъ каменецкимъ всѣ прежнія льготы, данныя имъ отъ королей и князей, дозволилъ имъ также судиться собственнымъ правомъ, посредствомъ своихъ же войтовъ во всѣхъ дѣлахъ, не обращаясь ни въ какой земскій или городовой судъ ([21]).

([21]) Оригиналъ этой привилегіи, писанный на пергаминѣ, хранится въ магистратѣ каменецкомъ. Содержаніе ея такое:

Iohannes Albertus Dei gratia Rex Poloniae.

Significamus tenore praesentium quibus expedit, universis praesentibus et futuris. Quomodo civitati nostre Cameneczensi que temporibus gravibus et formidine hostium praemitur, et tanquam in confinis Regniet in conspectu Pa-

Въ 1502 году король Александръ, на сеймѣ въ Краковѣ, подтвердилъ всѣ привилегіи Армянъ. Тоже сдѣлалъ Сигизмундъ I въ 1507 году, а Сигизмундъ Августъ въ 1548 году на сеймѣ въ Піотрковѣ.

Въ 1543 году, согласно просьбѣ каменецкихъ мѣщанъ, король Сигизмундъ далъ указъ Влодку, старостѣ каменецкому, чтобы Турки и Волохи, занимающіеся торговлей, не ѣздили чрезъ городъ, чтобы шляхта, имѣющая дома въ Каменцѣ, не уклонялась отъ платежа податей и исполненія домовыхъ повинностей.

Въ 1549 году Сигизмундъ Августъ, на сеймѣ піотрковскомъ, оставилъ до времени всѣ привилегіи Казиміра, данныя Русскимъ.

Въ 1552 году, на краковскомъ сеймѣ, тотъ же король, сходно просьбѣ русскаго войта Назара Григоровича, на вѣчныя времена освободилъ Русскихъ отъ суда польскихъ бурмистровъ и ратмановъ, что въ прежнихъ привилегіяхъ не было съ надлежащею точностію объяснено. Съ неудовольствіемъ приняли Поляки такую

---

ganorum site, gratiose prospitientes ad instantem Armenorum Incolarum Civitatis ejusdem Camenecensis petitionem, ut tam Civitas quam ipsi in juribus suis a predecessoribus nostris Regibus, Principibus, Ducibus et dominis Regni Poloniae juste et legitime quomodocumque prefatis Armenis datis et concessis, no gratia ad id accedentis conserventur. Illis quod potiantur, gaudeant et utifruantur. Nos itaque volentes Armenos praefatos de bonivolentia et gratia nostra specili, favore nostro complecti, ipsis omnia jura, eorum literas, libertates et quascumque immunitates in se continentes et antecessoribus nostris Regibus, Principibus, ducibus et dominis Regni Poloniae quomodocumque, sub quibuscumque datis juste et legitime datas concessas et emanatas, quas hic volumus habere pro inserties in omnibus eorum punctis, articulis et conditionibus, ratificamus, apprecamus et confirmamus tenore praesentium mediantes. Volumusque et permittimus, Armenos prefatos in iisdem juribus eorum firmiter manuteneri et inviolabiliter observari quemadmodum ab antecessoribus in hactenus sunt tenti et conservari. Volumus etiam, ut ipsi Armeni coram Advocato eorum et non alibi, jure ipsorum, pro quibuscumque causis et rebus unicuique respondeant et illis convincantur. Si vero per quempiam ad quodcumque judicium Terestre vel Castrense evocati, seu quibus eorum de ipsorum jure evocatus fuerit, ex tunc illis minime respondere tenebuntur. In cujus rei testimonium Signetum nostrum annulare praesentibus est subappensum. Datum Sandomiriae, feria tertia in vigilia Epiphaniae dni. Anno ejusdem Millesimo quadringentesimo nonagesimo sexto, Regni vero nostri Anno quarto.

Commissii propria
Regio Maiestatis sub signeta.

явную милость короля къ Русскимъ; почему, не взирая на помянутую привилегію, бурмистры и ратманы этого народа насильно подчиняли Русскихъ своему суду, — что заставило, наконецъ, русскаго войта вновь обратиться съ просьбой къ королю. Вслѣдствіе чего, въ 1557 году, на сеймѣ варшавскомъ, Сигизмундъ Августъ повелѣлъ—за нарушеніе правъ русскихъ каменецкихъ войтовъ, взыскивать съ бурмистра и ратмановъ Каменца въ штрафъ по 14 гривенъ. Не взирая на эту мѣру, Поляки всѣми средствами старались угнетать русское народонаселеніе. Однако Генрихъ Валуа, Стефанъ Баторій и Сигизмундъ III всѣ прежнія привилегіи ихъ подтвердили, а послѣдній повелѣлъ даже, чтобы апелляціи на рѣшенія войта подавались только въ суды ассессорскіе.

Въ 1552 году Армяне подали просьбу Сигизмунду Августу о дарованіи имъ, наравнѣ съ другими обывателями Каменца, отбывающими одинаковыя повинности и подати, правъ въ производствѣ торговли, варенія пива, сыценія меда и продажи всякихъ напитковъ, въ чемъ того же года и получили, на сеймѣ піотрковскомъ, полное разрѣшеніе.

Въ 1553 году, тотъ же король, принимая въ уваженіе бѣдность Каменца, служащаго первымъ оплотомъ и первой твердыней королевства, согласно опредѣленію краковскаго сейма, позволилъ всѣмъ обывателямъ его, какъ римскаго, такъ греческаго и армянскаго закона, производить торговлю всѣми товарами, прогонять по всему королевству стада скота, безъ платежа пошлинъ и гильдій. Однакожъ мѣщане каменецкіе, прикрываясь привилегіей, не имѣли права транспортировать, подъ своимъ именемъ, чужіе товары, или прогонять стада, подъ опасеніемъ потери товара и конфискаціи имущества.

Въ 1567 году, на сеймѣ въ Піотрковѣ, съ утвержденія короля, постановлено, чтобы сотники, ротмистры и комендапты города и замка каменецкаго не занимали въ домахъ Армянъ квартиръ ни для себя, ни для солдатъ, исключая военнаго времени, когда число войскъ значительно умножится.

Въ 1574 году, Генрихъ Валуа подтвердилъ всѣ прежнія привилегіи Армянъ, наказалъ старостамъ каменецкимъ, бурмистрамъ и ратманамъ, чтобы они не привлекали Армянъ къ своему суду, а предо-

ставляли бы имъ судиться собственными войтами и лавниками, съ правомъ апелляціи въ суды ассессорскіе.

Въ 1576 году, Стефанъ Баторій, въ числѣ прежнихъ привилегій, предоставилъ Армянамъ свободное право ежегоднаго избранія войта и 4 присяжныхъ лавниковъ. Этотъ же король подтвердилъ также общій мѣстный обычай Каменца: бить и продавать по субботамъ мясо крупнаго и мелкаго скота, а по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ и четвергамъ бить и продавать мясо барановъ, овецъ и козъ.

Въ 1594 году, Сигизмундъ III сравнялъ городъ Каменецъ въ правахъ, привилегіяхъ и вольностяхъ съ г. Львовомъ.

Въ 1604 году, во время бывшаго въ Каменцѣ пожара, сгорѣла армянская ратуша. Король Сигизмундъ III, согласно просьбѣ Армянъ, дозволилъ имъ выстроить новую, каменную, исключительно для помѣщенія въ ней собственнаго суда, освободивъ зданіе это отъ военнаго постоя.

Въ 1614 году Армяне построили собственными средствами каменную больницу, для бѣдныхъ, но не имѣя средствъ содержать ее, обратились къ милости короля Сигизмунда III, который повелѣлъ, чтобы каждый Армянинъ, ведущій торговлю, при выѣздѣ изъ города, или при возращеніи изъ Турціи, платилъ по 3 польскихъ гроша на больницу, чтобы каждый рѣзникъ армянскій платилъ для тойже надобности по 2 гроша отъ зарѣзанной имъ большой и одинъ гр. отъ малой скотины; наконецъ, чтобы отъ каждой, провозимой чрезъ русскую браму фуры дровъ, бралось для тойже цѣли по одному полѣну. Милость, конечно, небольшая, ибо источникъ ея проведенъ изъ тогоже кармана, который слѣдовало бы пополнить, но при скудности, въ тогдашнюю пору, казны королевской, и эта мѣра заслуживаетъ похвалу.

Въ 1618 году, желая предупредить частые пожары, улучшить и на будущее время обезпечить отъ того городъ, тотъ же Сигизмундъ повелѣлъ городовымъ властямъ побуждать богатыхъ обывателей къ постройкѣ каменныхъ домовъ, а бѣдныхъ къ продажѣ своихъ мѣстъ болѣе зажиточнымъ.

Въ 1633 году, Владиславъ IV, на коронномъ сеймѣ, уволилъ мѣщанъ каменецкихъ отъ платежа пограничныхъ пошлинъ за такое количество ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, стоимость коихъ не

*

превышаетъ 300 злотыхъ. Однакожъ привилегія эта, по поводу возникшихъ злоупотребленій, въ 1643 году отмѣнена.

Жиды въ эту пору не составляли еще особаго народа въ Каменцѣ, такъ какъ съ давнихъ временъ имъ запрещено было поселяться въ этомъ городѣ. Уже въ 1447 году каменецкій староста Павелъ Цѣмержинскій объявилъ чрезъ вознаго приказъ, чтобы ни одинъ жидъ, даже прохожій, не смѣлъ болѣе 3 дней оставаться въ Каменцѣ, подъ опасеніемъ висѣлицы, а передерживающіе ихъ въ домахъ владѣльцы подвергались взысканію 14 гривенъ штрафа.

Въ царствованіе Сигизмунда I, въ 1543 году, вслѣдствіе жалобъ каменецкихъ мѣщанъ, что жиды скупаютъ по окрестнымъ селеніямъ всю живность, послѣдовалъ королевскій указъ, воспрещающій жидамъ подобную торговлю подъ тяжкимъ, за ослушаніе, наказаніемъ.

Въ царствованіе Іоанна Казиміра, во время мѣстныхъ смутъ, жиды ближайшихъ мѣстечекъ искали убѣжища въ Каменцѣ и, узнавъ пріязнь тамошнихъ людей, исходатайствовали себѣ отъ короля позволеніе жить и торговать въ немъ. Но по возникшимъ жалобамъ всѣхъ трехъ націй каменецкихъ, король Іоаннъ Казиміръ принужденъ былъ рескриптъ тотъ отмѣнить, что послѣдовало 15 сентября 1654 года. Съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣно каменецкому старостѣ Николаю Потоцкому выгнать жидовъ изъ города подъ штрафомъ 1000 червонныхъ. Не спѣшили, однакожъ, жидки съ выступленіемъ, и въ 1665 году послѣдовалъ новый указъ коммиссіи, назначенной для обслѣдованія причинъ упадка города, которымъ велѣно жидамъ немедленно изъ Каменца выйти и даже за городомъ, для продажи домовъ своихъ, не жить болѣе 12 недѣль. Вскорѣ Каменецъ взятъ былъ Турками; но жидки не проиграли на этомъ, ибо издавна находились въ связяхъ съ этими разрушителями Каменца. Уже въ 1502 году султанъ Баязетъ писалъ королю Александру объ отдачѣ женѣ жида Мошки, повѣшаннаго въ Каменцѣ за шпіонство, оставшагося послѣ него имѣнія.

Пока Каменецъ, пользуясь столѣтнимъ миромъ, малу по малу залечивалъ раны, полученныя имъ въ прежніе бѣдственные годы, пока онъ, благодаря заботливости королей, укрѣплялся и украшался внутренно и наружно, съ востока и юга начала собираться надъ нимъ туча татарскихъ и турецкихъ полчищъ; но святая

покровительница города, внявъ общему усердному моленію жителей, отвратила еще на нѣкоторое время грозившія городу бѣды, и пламенныя желанія Татаръ взять Каменецъ въ 1621 году и Турокъ въ 1633 году не имѣли успѣха. При чемъ послѣдніе, не взирая на то, что армія ихъ была вчетверо сильнѣе польской, имѣвшей, подъ начальствомъ великаго короннаго гетмана Станислава Конецпольскаго, только 11.000, разбиты наголову, въ виду стѣнъ Каменца, и лишились охоты дѣлать впредь набѣги на польскія владѣнія. Съ этой поры Поляки начали на самомъ дѣлѣ думать, что Каменецъ, подобно Кодаку, есть такая твердыня, о которую разобьются усилія цѣлаго свѣта. При такихъ понятіяхъ, за стѣнами крѣпости его, они дѣлались необходимо храбры, въ особенности, когда непріятель былъ еще далеко, или вовсе его не было. Съ этого же времени на укрѣпленіе Каменца обращено еще большее вниманіе, и народное сословіе обязало короля Владислава IV, при самомъ вступленіи его на престолъ, сильнѣе прежняго укрѣпить городъ. Однакожъ послѣдующія событія доказали Полякамъ, что для защиты мало одних стѣнъ, да пушекъ, а нужно еще единодушіе и личная благоразумная храбрость, чего, какъ показываетъ исторія, часто у нихъ не доставало.

Унія, возникшая въ 1595 году по проискамъ Папъ, съ наружнымъ смиреніемъ нещадившихъ крови христіанъ, для удовлетворенія своихъ властолюбивыхъ замысловъ, была первыми сѣменами, брошенными на поле будущихъ войнъ козацкихъ, послужившихъ, какъ извѣстно, къ гибели Польши.

Исторія Каменца тѣсно связана съ событіями, возникшими отъ введенія въ Подоліи и вообще Украйнѣ уніи, а потому мы удержимъ нѣсколько вниманіе наше на этомъ предметѣ.

Вскорѣ по обнародованіи уніи (22), повсемѣстно, куда только

---

22) По случаю этого замѣчательнаго событія была выбита въ Римѣ медаль, на которой съ одной стороны представлено было поясное изображеніе Папы Климента VIII, а съ другой тотъже Папа сидитъ на тронѣ, а предъ нимъ падающій ницъ Россіянинъ; внизу подпись: Ruthenis receptis 1598 года, т. е. на присоединеніе Россіянъ. См. Исторію Мало-Россіи соч. Бантышъ-Каменскаго, часть I, примѣчаніе 115.

проникала эта новоизобрѣтенная религія, воздвигнуты гоненія на благочестивыхъ, какъ называли себя въ то время православные. Такъ какъ поводомъ къ притѣсненію ихъ служила религія, то естественно, что православное духовенство первое испытало всевозможныя обиды и поруганія. Новопоставленные патріархомъ епископы, преслѣдуемые почти на каждомъ шагу своего духовнаго пути правительствомъ, издавна къ вѣрѣ греческой нерасположеннымъ, не смѣли являться къ своимъ каѳедрамъ, которыя заняты были уніатскими архіереями. Священники же, непринявшіе уніи, подвергались всевозможнымъ истязаніямъ, и не только лишались мѣстъ и правъ своихъ, но часто даже самой жизни. Подобнымъ образомъ было поступаемо и съ русскимъ дворянствомъ, не преклонившимся предъ непогрѣшимой святостію Папы и пребывшимъ въ православіи. Ихъ подвергали публичнымъ оскорбленіямъ, не допускали къ общественнымъ должностямъ, заключали въ темницы, лишали правъ состоянія и нерѣдко жизни. Послѣдствіемъ такихъ страшныхъ гоненій было, между прочимъ, то несчастное явленіе, что многіе изъ дворянъ, для сохраненія жизни своей и для мірскихъ выгодъ, пожертвовавъ религіозными убѣжденіями, приняли унію, и въ свою очередь сдѣлались гонителями прежнихъ своихъ собратій. Можно судить послѣ этого, какова была участь меньшей братіи нашей—поселянъ, державшихся вѣры предковъ своихъ. Проповѣдники уніи часто затруднялись въ придумываніи способовъ глумленія надъ ними. Ихъ безчеловѣчно мучили, терзали и нерѣдко даже употребляли въ работы, приличныя скотамъ. Римское духовенство разъѣзжало по селеніямъ Малороссіи для понужденія къ уніятству, запрягало въ свои длинныя повозки по 12 и болѣе человѣкъ, для прислуги же брало красивѣйшихъ дѣвицъ [23].

Преслѣдуя благочестивыхъ, уніяты и сотрудники ихъ католики не пощадили даже храмовъ господнихъ, въ коихъ незадолго предъ тѣмъ первые изъ нихъ сами приносили безкровную жертву. Церкви были заперты, или, для большаго поруганія, отдавались въ аренду жидамъ [24], которые брали за каждое служеніе

---

[23] См. историческое извѣстіе объ уніи. Соч. Бантышъ-Каменскаго. Москва, 1795 года.

[24] См. Памятники древнихъ актовъ. Кіевъ, 1845 года.

отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе и похороны отъ одного до пяти злотыхъ; иногда же храмы обращались въ питейные дома. Отъ этого много людей родилось, жило и умерло безъ соблюденія установленныхъ нашей Церковію требъ и таинствъ.

Евреи и Татары, жившіе въ Польшѣ, пользовались полной свободой богослуженія, между тѣмъ какъ благочестивые христіане, даже и въ такихъ епархіяхъ, которыя вовсе уніи не приняли, не смѣли публично совершать крестныхъ ходовъ, ни даже провожать тѣла умершихъ, или собираться для богослуженія. Такимъ образомъ Сигизмундъ III обратилъ до двухъ милліоновъ ([25]) Русскихъ или къ уніи, или къ латинскому обряду.

Наконецъ, на сеймѣ 1596 года постановлено поголовное истребленіе козаковъ—этихъ лучшихъ воиновъ, коими болѣзненная Польша только и держалась.

Русскіе сановники, движимые духомъ благочестія и сострадапія къ бѣднымъ своимъ собратіямъ, неоднократно представляли королямъ и сеймамъ жалобы, въ которыхъ подробно изображали бѣдственное состояніе православнаго русскаго народа, угнетаемаго уніятами. Даже благоразумнѣйшіе изъ Поляковъ, сознавая всю неправду поступковъ своего духовенства, совѣтовали удерживаться отъ неумѣренной ревности въ распространеніи уніи, доходившей до того, напримѣръ у Іосафата Кунцевича, архіепископа Полоцкаго, поплатившагося жизнію ([26]), что онъ совѣтовалъ даже изгнать изъ отечества всѣхъ Русскихъ не уніатовъ, подобно тому, какъ сдѣлалъ нѣкогда то Филиппъ III съ Маврами, а между тѣмъ не уніатовъ, предназначавшихся къ изгнанію, было 400,000!

([25] Исторія государства польскаго. Соч. Бантке, часть II. С.-Петербургъ, 1830 г. и Извѣстіе объ уніи, Бантышъ-Каменскаго.

([26]) Дорого заплатили Русскіе за этотъ необдуманный поступокъ витебской черни. Гоненіе на нихъ воздвигнуто было повсемѣстно въ ужасающемъ размѣрѣ. Самъ Папа Урбанъ VIII, въ письмѣ своемъ къ Сигизмунду, просилъ не щадить ни огня, ни меча для пораженія еретиковъ. Ferro igitur atque igne abstinere Rex potentissime non debes sentiat haeresis non deesse cruentis sceleribus supplicia.—Уніяты причислили Кунцевича къ святымъ Римской Церкви, и вмѣсто мощей его показываютъ въ городѣ Бѣлой статую, сдѣланную изъ воска. См. Исторію объ Уніи, стр. 85. Энгель, стр. 123.

Не взирая на все это, жалобы и протесты или вовсе отвергались, или принимались съ холодностію и отлагались для разбора на слѣдующихъ сеймахъ. Сановники, осмѣлившіеся защищать истину, попадали въ немилость, какъ это постигло знаменитаго и перваго поборника православія, кіевскаго воеводу князя Острожскаго (27); другіе теряли свое званіе и нерѣдко даже предавались казни, какъ государственные измѣнники и бунтовщики. Такъ гетманъ Косинскій, за протестъ противу введенія уніи, въ 1596 году, обманомъ былъ приглашенъ въ Брестъ-Литовскій, а тамъ схваченъ и замурованъ при одномъ кляшторѣ въ каменный столбъ. Гетманъ же Наливайко, будучи подобнымъ коварнымъ образомъ приглашенъ въ Варшаву, подъ предлогомъ присутствованія на сеймѣ, по прибытіи туда, сперва былъ брошенъ въ тюрьму, а потомъ безчеловѣчно на площади, въ раскаленномъ мѣдномъ быкѣ, вмѣстѣ съ полковниками: Лободою, Мазепою и Кизимомъ, сожженъ; а гетману Павлюку, также взятому въ плѣнъ обманомъ, живому содрали съ головы кожу, набили ее мякиной и выставили на сваѣ въ Чигиринѣ, въ 1597 году.

Съ несчастнымъ же гетманомъ Остраницей и тридцатью семью первѣйшими Малороссіянами, предательски захваченными не въ пылу битвы и не съ оружіемъ въ рукахъ, а въ стѣнахъ Каневскаго монастыря, среди молитвъ, мстительные Поляки поступили еще безчеловѣчнѣе. Гетманъ Остраница, генеральный обозный Сурмила и полковники Недрыгайло, Боюнъ и Рындичь, послѣ тщетной и неумѣстной попытки римскаго духовенства—обратить ихъ и другихъ въ католицизмъ, были колесованы: имъ переломали сначала руки и ноги, потомъ медленно тянули изъ нихъ по колесамъ жилы до самой кончины. Полковники: Гайдаревскій, Бушрамъ, Запалѣй и обозные: Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи. Ессаулы: Постылычь, Гарунъ, Сутяга, Недобай, Харкевичъ, Чудакъ, Чурай и сотники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ пробиты гвоздями къ доскамъ, облиты смолою и сожжены. Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлѣй и Загнидѣба растерзаны желѣзными лапами. Остальные старшины четвертованы.

---

(27) См. Кіевлянинъ, 1840 г.

Такіе и подобные имъ звѣрскіе и безчеловѣчные поступки властей польскихъ съ поборниками православія и защитниками народа русскаго, естественно привели благочестивыхъ къ тому страшному ожесточенію и къ той непреодолимой жаждѣ мести, которые угашаются только кровію враговъ. Обѣ Украины—южная и западная, находились именно въ такомъ раздраженномъ и оскорбленномъ состояніи, когда, для спасенія этого несчастнаго края и для наказанія надменности и клятвопреступности Поляковъ, явился Богданъ Хмельницкій.

VI.

Просьба гетмана Барабаша къ королю Владиславу и его отвѣтъ.—Захватъ письма короля Хмельницкимъ.—Первыя побѣды Хмельницкаго и взятіе Каменца.—Тревожное состояніе Каменца и Подоліи.—Письмо судьи подольскаго къ подкоморію львовскому изъ Каменца о состояніи этого города.—Обращеніе Хмельницкаго къ королю и вельможамъ польскимъ.—Смерть Владислава.—Новая война по вступленіи на престолъ Казиміра.—Гетманъ Потоцкій располагаетъ свои войска подъ Каменцемъ.—Звѣрскіе поступки его въ этомъ городѣ съ православными.—Первая осада Каменца Татарами и отрядомъ козаковъ въ 1651 году.—Вторая осада его Тимоѳеемъ Хмельницкимъ въ 1652 году.—Возстаніе Дорошенка.—Турція объявляетъ Польшѣ войну.—Медаль, выбитая по этому случаю въ Варшавѣ.—Осада и взятіе Каменца Турками, Татарами и козаками.—Геройскій поступокъ Нѣмца, командовавшаго каменецкимъ гарнизономъ.—Условіе сдачи Каменца.—Дѣйствія въ немъ Турокъ.—Залучьская пещера.—Бучацкій миръ.—Побѣда Собѣскаго надъ Турками у Хотина.—Неудачная осада королевичемъ Яковомъ Каменца.—Внезапное нападеніе на Каменецъ великаго коронпаго гетмана.—Новая побѣда польскихъ войскъ надъ отрядами Татаръ у Каменца.—Восшествіе на престолъ короля Августа II и возвращеніе по Карловицкому трактату Каменца и Подоліи Польшѣ.—Медаль на этотъ случай.—Новыя привилегіи жителямъ Каменца.—Возстаніе гайдамаковъ.—Учрежденіе польскими помѣщиками народной милиціи.—Усмиреніе и казнь гайдамаковъ.—Каменецъ возвращается Россіи.

Состоя при гетманѣ Барабашѣ генеральнымъ писаремъ, Хмельницкій зналъ о всѣхъ неистовствахъ Поляковъ и ихъ достойныхъ сотрудниковъ—уніятовъ и жидовъ. Сердце юнаго героя, будущаго избавителя Малороссіи, при каждомъ извѣстіи о притѣсненіяхъ и оскорбленіяхъ роднаго края, обливалось кровію: онъ кипѣлъ местію; но не имѣя средствъ—пособить родинѣ, то предавался простному отчаянію, то обращался къ молитвѣ, не переставая, однакожъ, настаивать надъ слабымъ и преданнымъ Полякамъ гетманомъ Барабашемъ, чтобы онъ попытался обратиться еще разъ къ защитѣ до-

браго короля Владислава, искренно любимаго и уважаемаго всѣми его подданными. Наконецъ, Барабашъ, внявъ настоятельной просьбѣ Хмельницкаго, написалъ къ королю жалобу о чинимыхъ православнымъ обидахъ и притѣсненіяхъ и просилъ защиты. На просьбу эту король отвѣчалъ письмомъ, заключавшимся этими достопамятными словами: «Когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣете, кто же вамъ за себя стать воспрещаетъ» (28).

Барабашъ, зная пылкость Хмельницкаго и раздраженное состояніе народа и козаковъ, не хотѣлъ обнародовать этотъ отвѣтъ короля, хорошо предвидя, какія ужасныя послѣдствія повлекло бы за собою объявленіе его. Но Хмельницкій, воспользовавшись пирушкой по случаю крестинъ своего сына, на которой Барабашъ, напившись до пьяна, заснулъ, снялъ съ руки его перстень, съ изображеніемъ знаковъ гетманскаго достоинства и, отправивъ его ночью въ Чигиринъ къ гетманшѣ, захватилъ, этимъ способомъ, всѣ секретныя бумаги, а въ томъ числѣ и письмо Владислава. Имѣя въ рукахъ разрѣшеніе короля защищать народъ русскій силою оружія, Хмельницкій смѣло поднялъ знамя мести и свободы и кровь Поляковъ, и уніятовъ и жидовъ потекла рѣками въ обѣихъ Украинахъ, а наиболѣе въ Подоліи и Волыни, сдѣлавшихся главнымъ театромъ междоусобной брани и мести народной.

Взявъ крѣпость Кудакъ, которую Поляки считали неприступною, Хмельницкій обратилъ наскоро собранныя свои силы на отрядъ гетмана Потоцкаго и, разбивъ его при Желтыхъ водахъ (въ екатеринославской губерніи), гдѣ также погибъ и Потоцкій, обезславившій имя свое коварнымъ поступкомъ съ гетманомъ Павлюкомъ, напалъ на Каменецъ и подвергъ эту твердыню, эту скалу польской славы и гордости, такъ долго противостоявшую Туркамъ и Татарамъ, участи Кудака, доказавъ этимъ справедливость словъ своихъ, сказанныхъ нѣкогда при осмотрѣ послѣдней крѣпости: «что все созданное руками человѣка можетъ имъ же быть разорено».

Не имѣя надобности въ крѣпостяхъ, и не находя даже возможности удерживать ихъ за собою, Хмельницкій, бросивъ Каменецъ и разсѣявъ собравшіяся было для защиты его польскія войска, на-

(28) См. Исторія Малороссіи, соч. Бантышъ-Каменскаго. Часть I, стр. 232.

правилъ отряды свои въ разныя мѣста Украины, для очищенія ея отъ Поляковъ.

Между тѣмъ, брошенный Поляками городъ находился въ постоянномъ трепетѣ, боясь новаго, столь же неожиданнаго, какъ и неотразимаго удара Хмельницкаго. Польскія власти, незадолго гордыя и самонадѣянныя, впали въ малодушіе и робость, не во время сознавая, что сами причиною постигающаго ихъ бѣдствія. Такъ Лука Мясковскій, судья подольскій, писалъ еще 2 апрѣля 1648 года изъ Бара (29) къ пану канцлеру коронному: «Хмельницкій сильно укрѣпляется полисадомъ и рвами, на неприступномъ островѣ Буцкѣ; провіанту въ изобиліи; есть и пороховой заводъ. Онъ желаетъ того, чего и прежде желалъ, и сверхъ того, чтобы ни одинъ Ляхъ не былъ старшиною въ запорожскомъ войскѣ. Вотъ чего надѣлали жадность полковниковъ и тиранское съ козаками обхожденіе! Прибавлю, что съ ними будетъ продолжительная и трудная война». Панъ синдикъ львовскій, въ письмѣ своемъ къ одному изъ придворныхъ, 4 іюля 1648 года, начатомъ словами: «конечно, мы погибаемъ!» между прочимъ, выражается такъ: «ихъ (т. е. войска польскія) преслѣдовалъ свирѣпый непріятель, слишкомъ гордый своими успѣхами, тогда какъ наши (я принужденъ уже признать это справедливымъ) лишены были благоразумныхъ распоряженій. Нѣкоторые, замѣчая вражду начальниковъ между собою, другіе, пораженные паническимъ страхомъ, не безъ предчувствія предвидѣли какое-то великое несчастіе». Воевода же браславскій, въ письмѣ своемъ къ канцеру коронному, отъ 9 августа, изображаетъ еще ярче и опредѣлительнѣе ужасъ Поляковъ. Вотъ его слова: «на всѣхъ напалъ такой страхъ, что не только непріятель одерживаетъ верхъ, видя что никто не смѣетъ смотрѣть ему въ глаза и что всѣ обращаются въ бѣгство; но даже крестьяне-холопы издѣваются надъ нами, и потому вся чернь присоединяется къ тѣмъ войскамъ холопскимъ, козачьимъ или разбойничьимъ».

Съ приближеніемъ, въ октябрѣ 1648 года, отряда Хмельницкаго къ Каменцу, жители города пришли въ ужасъ, хотя на этотъ разъ Хмельницкій и не думалъ брать городъ, а удовольствовался только тѣмъ, что лишилъ Поляковъ возможности набирать въ ближайшихъ

(29) Нынѣ заштатный городъ.

селеніяхъ рекрутъ и отвлекъ войска республики отъ мѣстъ, ближайшихъ къ Днѣстру. Судья подольскій, въ письмѣ своемъ изъ Каменца отъ 27 октября 1648 года къ пану подкоморію львовскому, писанномъ цифрами, и отправленномъ, изъ опасенія, чтобы оно не попало въ руки рыскавшихъ подъ самымъ городомъ козаковъ, чрезъ Волошскую землю и Семиградскую область на Краковъ, выражался такъ: «Умоляемъ о спасеніи и подкрѣпленіи насъ людьми и съѣстными припасами, потому что, находясь въ осадѣ, мы имѣемъ мало и того и другаго. Осталось только три деревни, которыя доставляютъ рекрутъ. Жиды околѣваютъ съ голоду, нищета ужасная, камни доселѣ не обтесаны, домы, церкви передъ воротами не снесены, на валахъ въ замкѣ нѣтъ парапетовъ, пушкарей немного, городъ полонъ измѣны, пѣхоту составляетъ издавна коварная Русь, даже Армяне и католики бунтуютъ, претерпѣвая угнетенія отъ солдатъ, и уходятъ; нѣтъ ни каганцовъ, ни смоляныхъ бочекъ на случай сильнаго штурма. По крайней мѣрѣ, вы, друзья наши, сжальтесь надъ нами».

Пользуясь такимъ первымъ успѣхомъ, Хмельницкій послалъ къ королю Владиславу и чинамъ Республики самое трогательное представленіе, съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его къ поднятію оружія, заключивъ его такими словами: «И такъ, обращаюсь къ тебѣ, наияснѣйшій король, справедливый и любимый монархъ нашъ, обращаюсь и къ вамъ совѣтникамъ его и всѣмъ вельможамъ польскимъ: бойтесь Бога милосерднаго, истребите въ сердцахъ вашихъ питаемую къ намъ издавна вражду и злобу несправедливую и толико для собственныхъ народовъ вашихъ гибельную; возстановите въ нихъ миръ и тишину, да прославитъ онъ васъ за дѣла ваши! Сіе единственно отъ васъ зависитъ, а я всегда готовъ исполнить то, что долгъ и обязанность къ Богу и народу отъ меня требуютъ». Ханъ же крымскій приложилъ къ письму гетмана записку: «Помыслите сами, до чего довело васъ высокомѣріе! Прощайте и ожидайте насъ скоро въ Варшавѣ и Краковѣ».

На посланіе это не было никакого отвѣта, между тѣмъ богобоязливый Владиславъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему, какъ говоритъ одинъ малороссійскій лѣтописецъ, по приказанію примаса, рукой королевскаго духовника. Узнавъ объ этомъ, гетманъ Хмельницкій возрыдалъ горько и велѣлъ по всѣмъ церквамъ править

панихиды о душѣ королевской и въ поминальныхъ субботникахъ вписать имя Владислава, пострадавшаго правды ради и за народъ благочестивый.

Вступившій на польскій престолъ Іоаннъ-Казиміръ, въ 1649 году, объявилъ посполитное рушеніе на козаковъ и ихъ гетмана—Хмельницкаго. Началась новая, еще болѣе жестокая война; но послѣ пораженія польской арміи сперва подъ Сбаражемъ, а послѣ подъ Зборовымъ, гдѣ самъ Король нѣсколько разъ былъ окружаемъ козаками и Татарами, но по предварительному приказанію Хмельницкаго никто къ нему не прикасался, заключенъ былъ, 7 сентября 1649 года, выгодный для козаковъ и постыдный для Польши миръ. Но онъ продолжался недолго. Въ слѣдующемъ же 1650 году король велѣлъ гетману Николаю Потоцкому расположиться подъ Каменцемъ и быть въ готовности выступить противъ козаковъ. И когда Хмельницкій спросилъ его: для какой цѣли расположилъ лагерь свой въ мирное время у Каменца-Подольскаго; то Потоцкій отвѣчалъ, что, по древнему обычаю, Поляки содержатъ во всякое время готовое войско на границахъ. Но королевство, возразилъ посланецъ Хмельницкаго Кравченко, не имѣетъ надобности въ этой стражѣ, бывъ ограждено защитою козаковъ. Какіе это защитники, отвѣчалъ Потоцкій, когда допускаютъ поселянамъ оскорблять помѣщиковъ; потомъ прибавилъ: я расположился здѣсь по приказанію короля и безъ его повелѣнія не сниму лагаря. Кравченко уѣхалъ, а Потоцкій излилъ свою безсильную ярость надъ несчастными жителями Каменца, исповѣдывавшими греческую вѣру. Многіе изъ нихъ, по напрасному обвиненію въ измѣнѣ, четвертованы, другіе посажены на колъ, инымъ обрѣзаны уши и носъ. Эти-то послѣдніе, явясь къ Хмельницкому, громко вопили о мщеніи.

Весною 1651 года Татары и отрядъ козаковъ, подъ начальствомъ есаула Демка и писаря Тетери, осадили Каменецъ, благовременно, по распоряженію гетмана Мартина Калиновскаго, усиленный значительнымъ гарнизономъ. На этотъ разъ городъ спасенъ только тѣмъ, что Хмельницкій, обращая силы свои противу короля, выступившаго изъ Варшавы 10 апрѣля и собравшаго до 100.000 войска, велѣлъ снять осаду Каменца, что и послѣдовало 19 мая.

Наконецъ, послѣ битвы 1 и 2 іюля 1652 года подъ Батогомъ, или

Батовомъ, гдѣ отрядъ гетмана Калиновскаго разбитъ наголову и гдѣ вмѣстѣ съ гетманомъ погибъ цвѣтъ польскаго воинства, Хмельницкій снова обратился къ Каменцу, но осадилъ его на этотъ разъ, кажется, собственно для обезпеченія бракосочетанія сына своего Тимофѣя съ Розандой, дочерью Луппулы, господаря валахскаго. Для веденія осады Каменца, Тимофѣй вызванъ былъ изъ Валахіи. Жители Каменца были въ большомъ страхѣ, хотя гарнизонъ крѣпости и былъ усиленъ четырьмя хоругвями; съ одной стороны угрожали имъ осаждающіе, съ другой—появившаяся въ окрестностяхъ чума, а съ третьей наконецъ, при недостаткѣ провіанта и при затруднительности въ доставкѣ его изъ зачумленныхъ мѣстъ, голодъ. За отсутствіемъ старосты Потоцкаго, гарнизономъ командовалъ нѣкто Моравицкій, что также неодобрительно дѣйствовало на осажденныхъ. Хмельницкій, не желая съ одной стороны напрасно подвергать войска свои огню крѣпости, а съ другой—не имѣя особой надобности и желанія взять Каменецъ, отправилъ чрезъ одного польскаго плѣннаго шляхтича къ бургомистру, ратманамъ, войту, лавникамъ и жителямъ предложеніе о сдачѣ города безъ боя, обѣщая имъ въ этомъ случаѣ милость и покровительство, но получивъ отказъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько частныхъ атакъ, безполезныхъ для осаждавшихъ, но тягостныхъ для осажденныхъ, по случаю вкравшейся въ обозъ его чумы, къ неописанной радости короля и всей Польши, а къ досадѣ Турокъ и Татаръ, поспѣшно снялъ осаду города.

Этимъ оканчивается прямое участіе Каменца въ войнахъ Хмельницкаго и городъ этотъ, въ продолженіи слѣдующихъ двадцати лѣтъ, остается покойнымъ, въ ожиданіи злополучнѣйшей участи.

Какъ ни сильны были данные Хмельницкимъ Полякамъ уроки разумнаго и человѣколюбиваго обращенія съ народомъ украинскимъ, но они скоро забыли ихъ, и въ гетманство властолюбиваго Дорошенка начали повторяться прежнія притѣсненія и несправедливости.

3 мая 1671 года, преслѣдуемый Поляками, Дорошенко обратился съ просьбой къ царю Алексѣю Михайловичу о принятіи его въ подданство Россіи, изложивъ въ своемъ письмѣ тѣ бѣдствія, какія претерпѣвалъ народъ заднѣпровской Украйны отъ Поляковъ и уніатовъ; но получивъ чрезъ царскихъ бояръ отвѣтъ: «чтобы онъ

для блага Украйны, согласно андрусовскому миру, находился въ подданствѣ короля польскаго»,—обратился подъ защиту турецкаго султана Магомета IV, увѣривъ его, что, при разстроенномъ состояніи Польши, весьма легко завоевать Подолію, необходимую для обезпеченія турецкихъ границъ. Порта, счастливо кончившая кандійскій походъ и заключившая миръ съ Венеціею, была очень рада привести въ исполненіе давнишнее и постоянное свое желаніе—пріобрѣсть Подолію.

3 октября 1671 года султанъ объявилъ Польшѣ войну, подъ предлогомъ воспрепятствованія королю отнять у Дорошенка ту область Украйны, которая якобы состоитъ подъ покровительствомъ Турціи. Поляки, упоенные своими послѣдними успѣхами, не только не обратили должнаго вниманія на угрозу сильнаго сосѣда, но даже, не ожидая развязки дѣла, по свойственной имъ самонадѣянности и хвастливости, выбили медаль, представляющую Турка, поражаемаго женщиной, метающей молніи, съ подписью: soli vicinior in te fulmino, т. е. стоя ближе къ солнцу, поражаю тебя молніей. Между тѣмъ сильная турецкая армія быстро двигалась къ границамъ Польши. Скоро вѣсть объ этомъ достигла Варшавы и испуганное министерство слишкомъ поздно начало принимать необходимыя къ защитѣ города мѣры. Созванъ былъ сеймъ, на которомъ король Михаилъ удостовѣрился только, что онъ потерялъ всякое довѣріе членовъ. Величайшее несогласіе царствовало между первѣйшими особами государства. Войска собирались медленно. Каменецъ, на который главнѣйшимъ образомъ направлены были силы Турокъ, и который, какъ первый стражъ государства, требовалъ наибольшаго вниманія и попеченія, весьма плохо приготовился къ принятію непріятеля. По причинѣ существовавшей тогда въ Польшѣ неурядицы, каменецкіе жители не приняли, въ походѣ минувшаго года, въ стѣны города двухъ полковъ пѣхоты, которыми гетманъ Собіескій настоятельно хотѣлъ усилить гарнизонъ крѣпости. Даже полкъ бискупа краковскаго впущенъ въ городъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы полковникъ за всѣ припасы платилъ наличной монетой. Когда непріятель приблизился уже къ Днѣстру, тогда только было отпущено 20.000 злотыхъ на закупку припасовъ для продовольствія гарнизона и начались кой-какія исправленія укрѣпленій. Но все это дѣлалось съ поспѣшно-

стію, и потому какъ попало; между тѣмъ 4 августа 1672 года турецкая армія безпрепятственно переправилась чрезъ Днѣстръ у Хотина.

Крымскій ханъ и Дорошенко присоединились къ султану, который двинулся къ Каменцу съ стапятидесятитысячною арміею.

Осажденные, при видѣ столь многочисленной арміи и зная скудость собственныхъ средствъ къ оборонѣ, въ первые же дни упали духомъ. Султанъ, лично командовавшій арміею, не терялъ времени, обложилъ городъ и началъ быстро вести подступы, которые въ теченіи пяти дней были уже кончены. Въ восьмый день осады былъ взятъ приступомъ главный бастіонъ, на которомъ и водружено турецкое знамя. Городъ же и крѣпость непрестанно обстрѣливали двѣсти орудій. Испуганные жители послали парламентера, который хотя и былъ принятъ и помѣщенъ на квартирѣ. въ обозѣ у Чауши-Паши, но Турки не переставали бросать въ городъ бомбы и гранаты и вести мины подъ внѣшніе окопы, которые вскорѣ и взлетѣли на воздухъ. Тогда осажденные, не находя возможности далѣе защищаться и не надѣясь на скорую помощь извнѣ отъ войскъ короля, которыми командовалъ Собіескій, подняли на шпицѣ замка бѣлое знамя, какъ знакъ покорности. Это было 18 августа 1672 года.

Командовавшій гарнизономъ Нѣмецъ, считая рановременную сдачу города, безъ предварительнаго его на то согласія—послѣдствіемъ трусости и измѣны Жидовъ и Поляковъ, и не желая перенести это безчестіе, велѣлъ зажечь весь оставшійся въ крѣпости порохъ, при взрывѣ котораго погибъ самъ и часть гарнизона. Этотъ геройскій поступокъ иноземца, заплатившаго своею жизнію за срамъ природныхъ жителей, едва не подвергъ Каменецъ окончательному раззоренію, ибо разгнѣванный султанъ счелъ взрывъ нарушеніемъ капитуляціи, но предстательство великаго визиря отклонило это новое несчастіе.

Каменецъ отданъ Туркамъ съ условіемъ, чтобы сохранены были вообще богослуженіе, жизнь и имущество дворянъ и недворянъ; чтобы предоставлено было войскамъ вынести орудія меньшихъ размѣровъ; чтобы желающіе выѣхать изъ города могли получить все свое имущество, для подъема котораго Турки обязаны дать потребное число подводъ; остающимся же въ городѣ не должно

быть дѣлаемо никакихъ препятствій въ пользованіи собственностію и, наконецъ, чтобы домы дворянъ и духовенства не были назначаемы подъ постой турецкихъ солдатъ.

На этомъ условіи немедленно послѣдовалъ выводъ обезоруженнаго польскаго гарнизона и нѣкоторой части жителей подъ конвоемъ 4 тысячъ Турокъ, коими начальствовалъ алепскій паша.

Вслѣдъ за выходомъ гарнизона и по принятіи отъ коменданта крѣпости ключей, султанъ Магометъ IV торжественно вступилъ въ городъ. Впереди отряда ѣхали беглербеи и паши. Султанъ сидѣлъ на быстромъ конѣ, одѣтый въ зеленый плащъ, обшитый серебряными галунами. Его окружала густая толпа пѣхоты, вооруженной пиками. Верхомъ на конѣ, подобно Магомету II, въѣхалъ онъ въ католическій каѳедральный костелъ для принесенія молитвы за побѣду. За нимъ паши внесли знамя съ изображеніемъ времени взятія Каменца, а мулла ввелъ пойманнаго на базарѣ восьмилѣтняго христіанскаго мальчика, надъ коимъ, по обряду мусульманскому, для освященія костела, превращеннаго съ той минуты въ турецкую мечеть, былъ совершенъ обрядъ обрѣзанія. Вотъ все, что сохранили намъ современные лѣтописцы о торжественномъ вступленіи Магомета IV въ Каменецъ.

По занятіи города, султанъ не счелъ нужнымъ свято соблюдать условія капитуляціи. Скоро участи каѳедральнаго собора подверглись и многіе другіе церкви и костелы. Только четыре изъ нихъ, а въ томъ числѣ и одинъ армянскій костелъ, оставлены для христіанъ. Въ іезуитскомъ коллегіумѣ, равно въ костелѣ св. Екатерины были устроены конюшни. Доминиканскій костелъ обращенъ въ казармы для янычаръ, коихъ было размѣщено въ городѣ около 15 тысячъ; впослѣдствіи, однакожъ, въ немъ была устроена мечеть и поставлена каменная каѳедра, и понынѣ существующая. Другія церкви и публичныя зданія получили подобное же назначеніе; нѣкоторыя же изъ нихъ совершенно разрушены и матеріалъ употребленъ для исправленія крѣпости и устройства моста. Варвары ничего не пощадили: кресты, украшавшіе храмы божіи, замѣнены металлическими знаками луны, колокола сняты, святыя иконы и надгробныя плиты употреблены для мощенія грязныхъ улицъ города, тѣла многихъ прежде почившихъ лицъ, погребенныя при церквахъ и костелахъ, или вывезены за городъ, или вы-

брошены изъ гробовъ на поруганіе черни; словомъ, почти все, что составляло святыню города, подверглось или поруганію или разрушенію.

Вскорѣ по занятіи Каменца, другіе города и селенія Подоліи испытали туже горькую участь. Турки и Татары вездѣ пребываніе свое ознаменовали опустошеніемъ и раззореніемъ. Несчастные жители, при одномъ извѣстіи о приближеніи къ жилищамъ ихъ этихъ варваровъ, бросали свои пожитки, угоняли скотъ, а сами укрывались въ лѣсахъ и разсѣлинахъ горъ; но лютость враговъ христіанства преслѣдовала несчастныхъ и въ этихъ мрачныхъ убѣжищахъ, нерѣдко превращая ихъ въ гробы цѣлыхъ деревень.

Миляхъ въ двухъ отъ Каменца, близь с. Залучья, въ имѣніи помѣщика Крыжановскаго, существуетъ и нынѣ, въ обрывѣ горъ, обрамливающихъ Смотричъ, длинный рядъ небольшихъ пещеръ, едва удобныхъ для помѣщенія, стоя или сидя, отъ 5 до 10 человѣкъ, въ которыхъ, какъ говоритъ преданіе, погибло, отъ звѣрской лютости Турокъ, почти все населеніе Нѣгина и Залучья. Это было такъ: нѣсколько дней уже бѣдные жители названныхъ нами селеній укрывались въ пещерахъ, которыя хотя и соединяются одна съ другой, но снабжены природой однимъ общимъ выходомъ. Небольшое количество съѣстныхъ припасовъ, преимущественно хлѣба и кореньевъ, которые они могли взять съ собой, было почти съѣдено, а вода вся израсходовалась; а потому, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, была выслана ими за водой, къ протекающему у подножія скалы Смотричу, одна молодая дѣвица; вмѣстѣ съ дѣвушкой выбѣжала изъ пещеръ и любимая ея собачка. Пока дѣвушка зачерпывала воду, собаченка, обрадовавшись, что вышла на свободу, съ громкимъ лаемъ и веселыми прыжками, побѣжала вдоль берега по направленію къ опустѣвшему Залучью, сбивая съ листьевъ растеній крупныя капли росы утренней и обозначая такимъ образомъ путь свой полосой измятой травы. Не успѣла еще бѣдная дѣвушка вползти въ свое мрачное жилище съ кувшиномъ холодной воды, не успѣла она утолить благотворной влагой жажду родныхъ и друзей, какъ Турокъ, пасшій недалеко на горѣ лошадей, услыша лай собаки и попавъ на слѣдъ ея, явился у входа въ пещеру. Открывъ такимъ случаемъ убѣжище Нѣгинцевъ и Залучанъ, Турокъ извѣстилъ о томъ своихъ кровожадныхъ товарищей и, за-

бивъ при помощи ихъ устье пещеры соломою, зажегъ ее. Скоро густой ѣдкій дымъ наполнилъ всѣ многочисленныя извилины пещеры. Внутри ея раздался произительный крикъ задыхавшихся отъ дыма людей; извнѣ отвѣчалъ ему сатанинскій смѣхъ варваровъ; но вотъ крикъ и смѣхъ радости, мольбы и вопли отчаянія мало по малу стали замирать, какъ бы теряясь въ отдаленіи, а наконецъ смолкли навѣки. Прошло около двухъ сотъ лѣтъ, кости невинныхъ мучениковъ все еще мирно лежатъ подъ мрачными сводами пещеры. Ежегодно православные и католическіе служители алтаря совершаютъ надъ ними усердную молитву; каждодневно прохожій, завидя стоящій у входа пещеры красный крестъ, возсылаетъ къ Судьѣ Правосудному свою грѣшную молитву о спасеніи душъ, пострадавшихъ за вѣру. А гдѣ же прахъ тѣхъ варваровъ, которые безъ всякой нужды совершили это ужасное убійство? Гдѣ онъ? Быть можетъ вѣтеръ развѣялъ его по степямъ Украины! Быть можетъ псы и враны разнесли его по горамъ и дебрямъ! Но гдѣ бы ни скрыли они свои бренные остатки, хотя бы въ золотыхъ гробахъ, исторія и потомство отвсюду шлютъ имъ проклятія (30).

Взятіе Каменца грустно отозвалось въ сердцахъ Польши и Литвы. Уязвивъ самолюбіе Поляковъ, оно было, по словамъ г-жи Монморанси, причиною преждевременной кончины злополучнаго короля Іоанна Казиміра. Толки же о сдачѣ города, по случаю измѣны, заставили въ 1673 году польское правительство назна-

---

(30) Кромѣ сообщеннаго нами преданія, имѣющаго достовѣрное историческое основаніе, о Залучскихъ пещерахъ въ народѣ еще много другихъ темныхъ разсказовъ. Говорятъ, напримѣръ, что пещеры эти тянутся на продолженіи 10 и даже 14 верстъ, въ доказательство чего приводятъ то, что когда, лѣтъ 50 тому назадъ, разложенъ былъ въ первой пещерѣ большой огонь, то дымъ показался въ с. Пѣгинѣ, находящемся въ 3 вер. отъ пещеры, и въ с. Вербкѣ, отстоящемъ на 8 верстъ. Однакоже никто не проникалъ въ пещеры не только на такое большое растояніе, но даже и на версту, и хотя говорятъ, что какой-то крестьянинъ изъ с. Залучья проходилъ, тащя за собой веревку, чтобы при безпрестанныхъ поворотахъ не сбиться съ пути, болѣе 150 саженъ, но по причинѣ будто бы сильнаго холода, возвратился назадъ, то это также подлежитъ сомнѣнію, хотя несомнѣнно, какъ я лично въ томъ убѣдился, что каждая пещера имѣетъ по одному или по нѣскольку сообщеній съ другими, что температура ихъ ниже температуры атмосферы наружной, и что, наконецъ, всѣ онѣ наполнены совершенно чистымъ воздухомъ.

*

чить слѣдствіе для открытія виновныхъ, но исторія не передаетъ намъ—какой успѣхъ имѣли эти розысканія. Напрасно король Михаилъ искалъ помощи у папы и другихъ государей Европы. Никто не помогъ ему, и безславнымъ Бучацкимъ трактатомъ гордая Польша обязалась ежегодно платить Туркамъ по 22.000 червонныхъ и, кромѣ того, уступила имъ Подолію съ Каменцемъ, а козакамъ всю Украину.

Двадцать семь лѣтъ владычествовали Турки въ Каменцѣ, съ варварской ревностію искореняя все не магометанское. Исторія не сохранила намъ свѣдѣній объ образѣ жизни въ Каменцѣ христіанъ того времени, но нѣтъ причинъ думать, чтобы они наслаждались спокойствіемъ.

На другой день по кончинѣ короля Михаила, именно 11 ноября 1673 года, въ день св. Мартина, Собѣскій разбилъ у Хотина 80,000 Турокъ и Татаръ; самъ сераскиръ Гуссейнъ-Паша едва спасся бѣгствомъ. Хотинъ достался Польшѣ, но Каменецъ, усиленный остатками разбитой турецкой арміи и благовременно снабженный всякаго рода запасами, устоялъ. Эта знаменитая побѣда открыла Собѣскому путь къ престолу. Между тѣмъ, пока шло избраніе короля, султанъ Магометъ IV вновь занялъ Хотинъ.

1687 годъ также не былъ счастливѣе, хотя союзъ Польши съ Россіею подавалъ болѣе надежды на успѣхъ. Предположено было, чтобы Поляки осадили Каменецъ въ то самое время, когда Русскіе пойдутъ въ Крымъ. Однакожъ, какъ крымскій походъ князя Василія Голицына, такъ и осада Каменца королевичемъ Іаковомъ были равно безъуспѣшны. Раздраженный неудачей, король обвинилъ коронныхъ гетмановъ въ недоброжелательствѣ ихъ къ королевичу, говоря, что будто бы они старались, чтобы сынъ его Іаковъ не взялъ Каменца.

19 августа 1689 года великій коронный гетманъ хотѣлъ было, нечаяннымъ нападеніемъ, вырвать Каменецъ изъ рукъ Турокъ, но когда приступъ не удался, онъ повелъ правильную осаду города; однакожъ, по недостатку припасовъ и изъ опасенія, чтобы Турки не поспѣли на помощь осажденнымъ, отступилъ.

6 октября 1694 года польское войско одержало блистательную побѣду надъ Татарами, которые конвоировали съѣстные припасы, назначенные для снабженія Каменца. 5000 возовъ съ провіан-

томъ досталось въ руки побѣдителямъ; но городъ все же не былъ взять, что произошло частію отъ недостатка дисциплины въ войскѣ, неполучившемъ за службу свою жалованья.

Король Августъ II обязался, при восшествіи на престолъ, между прочимъ, возвратить коронѣ Каменецъ-Подольскій, употребивъ для того собственное свое саксонское войско. Въ сентябрѣ 1698 года, онъ дѣйствительно послалъ для осады Каменца, въ пособіе войскамъ коронному и литовскому, 20,000 Саксонцевъ; но Татары, желая предупредить атаку, въ числѣ 6,000, сами напали на часть польскихъ войскъ, стоявшихъ при Подгайцахъ, подъ командой Счаснаго Потоцкаго, и хотя были разбиты и принуждены даже сжечь собственную добычу, но, возвратясь въ Каменецъ, усилили гарнизонъ его и не допустили Поляковъ взять городъ силой оружія.

Наконецъ, 26 января 1699 года, содѣйствіемъ императора Петра Великаго и другихъ европейскихъ государствъ, познанскій воевода Станиславъ Малаховскій заключилъ съ Турками въ Карловицахъ миръ, по которому оба, такъ долго враждовавшія государства, вошли въ то положеніе, въ которомъ были они до короля Михаила. По силѣ Карловицкаго трактата, Каменецъ возвращенъ Польшѣ; но вторженіе Татаръ въ предѣлы государства, послѣдовавшее во время медлившагося, по проискамъ венеціанскаго посла, подписа мира, удалило исполненіе этого давно жданнаго событія до 22 сентября тогоже года. Въ этотъ день, къ неописанной радости жителей и цѣлаго государства, Турки выступили изъ города, взявъ съ собой, кромѣ огромныхъ запасовъ амуниціи, 800 пушекъ. Въ память же освобожденія города отъ варваровъ выбита медаль, нѣсколько экземпляровъ которой еще не такъ давно найдено въ самомъ городѣ, при вынутіи земли подъ фундаменты домовъ ([31]). На лицевой сторонѣ этой медали изображенъ портретъ Августа II, съ надписью вокругъ: Augustus Poloniarum Rex, Saxoniae dux et Elector; внизу мелкимъ шрифтомъ 1699 годъ; на оборотѣ представлена крѣпость на скалѣ, предъ нею стоитъ на колѣнахъ женщина, вѣнчанная короной; одной рукой она держитъ

---

[31] См. Подольскія губернскія вѣдомости 1855 года № 37, статья Василія Шевича: «о монетахъ и медаляхъ, находимыхъ въ землѣ, въ кам.подольской губерніи».

щитъ съ головой медузы, а другой указываетъ на крѣпость. Подъ изображеніемъ написано: Caminice in Podolia; сверху его: gloriose recuperatum Die 22 Septembris; на полѣ медали: 1699 a., а на ободкѣ: Divino annuente numine ex vota non inigno non injuste et feliciter, т. е. Каменецъ-Подольскій, 22 сентября 1699 года помощію божіей, справедливыми желаніемъ и правомъ благополучно со славою возвращенъ.

По возвращеніи Каменца Польшѣ, короли ея, желая, по-возможности вознаградить жителей за понесенные ими во время войнъ и долгой неволи оскорбленія и убытки, подтвердивъ всѣ прежнія права и привилегіи, дали имъ и другія преимущества. Такъ въ 1703 году Августъ II, даровавъ Каменцу права свободнаго избранія членовъ магистрата, предоставилъ этому учрежденію власть суда по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, съ апелляціей на рѣшеніе его лишь въ королевскій судъ.

Августъ III въ 1732 году и Станиславъ Августъ IV въ 1764 году также подтвердили всѣ данныя Каменцу предшественниками ихъ права и преимущества. При послѣднемъ же королѣ, въ 1784 году, учреждена была особая коммиссія для составленія проекта лучшаго управленія городомъ. Послѣдствіемъ трехлѣтнихъ занятій этой коммиссіи было устройство общаго магистрата для всѣхъ трехъ народовъ, въ Каменцѣ жившихъ. Членамъ этого суда ежегодно отпускалось 1200 злотыхъ и предоставлено носить особой формы черную одежду, которую не могли употреблять другіе жители города. Для предсѣдательства въ магистратѣ ежегодно избиралось по два бургомистра и по одному войту. Порядокъ этотъ сохранился до присоединенія Каменца къ Россіи.

Жиды, такъ усердно помогавшіе Туркамъ, Татарамъ, Полякамъ и уніатамъ въ очередномъ угнетеніи народа православнаго, немедленно, по освобожденіи Каменца, были выгнаны изъ него; однакожъ, по свойственной имъ настойчивости въ преслѣдованіи своихъ интересовъ, вскорѣ вновь мало по малу вошли въ городъ и захватили торговлю его въ свои руки. А потому въ 1780 году состоялось коммиссарское рѣшеніе, которымъ постановлено: удалить Евреевъ изъ города въ теченіи 24 часовъ, съ тѣмъ, что если кто изъ нихъ добровольно не выйдетъ въ этотъ срокъ, то будетъ

лишенъ имѣнія и заключенъ въ тюрьму. Дома же ихъ велѣно взять въ пользу города, а школу разрушить. Казалось бы, что послѣ столь строгаго и опредѣлительнаго рѣшенія. Евреи навсегда оставятъ Каменецъ: однакожь этого не случилось и не взирая на то, что постановленіе коммиссаровъ никогда отмѣняемо не было, Евреи остались въ городѣ до послѣдняго дня нахожденія его подъ властію Польши (32).

Возвращеніе Каменца и Подоліи Польшѣ не принесло этому несчастному краю давно желаннаго спокойствія и не водворило въ немъ порядка и тишины. Польскіе магнаты, вступивъ въ прежнія права свои, слѣдуя тайнымъ внушеніямъ іезуитовъ, начали еще съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовать православіе и народность русскую. Это пробудило затихшую на время ненависть угнетеннаго народа, на защиту котораго явились грозные гайдамаки, потопившіе свое многолѣтнее страданіе въ рѣкахъ крови Поляковъ, уніятовъ и жидовъ (33). Устрашенные подвигами гайдамаковъ, польскіе паны,

(32) Да и по присоединеніи Каменца къ Россіи, жиды, не взирая на высочайшіе указы 31 января и 20 іюня 1833 и 17 іюля 1834 года объ удаленіи ихъ изъ города, съумѣли, благодаря снисходительности мѣстныхъ властей, удержаться въ немъ подъ разными предлогами до 1848 года, когда, наконецъ, послѣдовало разрѣшеніе селиться имъ въ Каменцѣ. Съ этой поры они составляютъ главное населеніе города. Торговля перешла въ ихъ руки; цѣны на всѣ жизненные припасы увеличились; тѣснота и зловоніе стали отличительной чертой Каменца. Звонкая монета почти исчезла изъ обращенія.

(33) Память объ истребленіи, въ эту по истинѣ несчастную годину, жидовъ сохранилась въ молитвахъ ихъ и донынѣ читаемыхъ въ синагогахъ 17,29 мая. Вотъ двѣ изъ нихъ въ русскомъ переводѣ:

«Господи всемилосердый, сущій въ небесахъ! пріими души мучениковъ, дай имъ насладиться миромъ хотя послѣ смерти! Это души праведныхъ, учителей и пастырей твоего избраннаго народа.

«И вотъ они теперь закланы какъ стадо звѣрей безсловесныхъ; орда проклятыхъ нападаетъ на нихъ, завладѣваетъ ими и заставляетъ ихъ испить всю чашу злополучія.

«Сердца наши раздирались отъ горести, узнавъ, что въ эти несчастные дни, въ эти злопамятныя ночи погибли отъ меча убійцъ величайшіе изъ нашихъ книжниковъ, толкователей священнаго закона.

«Тѣ, которые день и ночь изучали священный завѣтъ твой, пролили ручьи своей крови; множество учащагося юношества и дѣтей пало отъ ударовъ истребителей. Ихъ стяжанія сдѣлались добычею пламени.

«Глава учителей (раввиновъ), мудрый Эхіелъ палъ, простирая руки свои съ

собрались 17 сентября 1750 года въ Брацлавѣ, для общаго обсужденія мѣръ, па защиту Брацлавскаго воеводства, и опредѣлили созвать народную милицію и начальство надъ нею поручили князю Михаилу Святополку Четвертинскому (34); но и эта отчаянная мѣ-

молитвою къ единому Богу; мечъ поразилъ главу его и его праведная душа отлетѣла къ Всевышнему.

«Преклонные лѣтами старцы, младенцы у грудей матерей своихъ, напрасными воплями наполняли воздухъ.

«Господь отмститъ за неправду! священная книга (Библія), божественный законъ, осквернены руками нечестивыхъ; о нѣтъ! они попраны и ихъ ногами!

«Гдѣ вашъ Богъ? говорили эти варвары, эти страшилища,—«пусть защититъ онъ васъ». О Господи! взгляни на насъ горѣ и всѣ нечастные разсѣятся и падутъ какъ плевела изъ колосьевъ.

«О заповѣди! о святой завѣтъ (Библія)! прикройтесь рубищемъ, посыпите главу вашу пепломъ! Кто теперь будетъ читать васъ, кто васъ истолкуетъ намъ?

«Излей, милосердый Отче, твои милости на этихъ мучениковъ, да пріютятся они подъ сѣнію твоихъ крыльевъ и да насладятся миромъ, хотя послѣ смерти! Аминь».

Другая еврейская молитва о томъ же предметѣ.

«Господи милосердый! сущій въ небесахъ, успокой души мучениковъ Немирова, Бердичева, Погребищъ, Тульчина, Пулинъ, Бара, Умани, Краснаго и 300 другихъ городовъ Руси (чермной), Украины, Подоліи, Литвы и Волыни. Эти несчастныя жертвы были великіе учители (равины), писатели, просвѣщенные служители Божества, отличные проповѣдники, посвятившіе всю свою жизнь изученію закона. Раввины: Эхіелъ Михель, сынъ Эліазара, Хаимъ, сынъ Авраама, Соломонъ, сынъ Самуила, Исаакъ и Элазаръ, сыновья Экизіеля, Азріелъ, сынъ Якова, Моисей, сынъ Іонафана, а также раввины Лазарь, Яковъ, Самсонъ и другіе благородные мужи погибли! Мужчины, жены, дѣвицы, младенцы, всѣ были умерщвлены. Ихъ кровь текла ручьями въ этомъ злосчастномъ 5.409 (1648 отъ Р. Х.) году. Эти мученики не хотѣли измѣнить своему закону: «Богъ есть единъ»! восклицали они и пали подъ ножами убійцъ. Разбойники не пощадили ни пола, ни возраста. Земля была усѣяна убіенными; ихъ кровь дымилась какъ ѳиміамъ предъ алтаремъ Всемогущаго!

«О Господи милосердый! упокой души мучениковъ сихъ, награди ихъ за ихъ испытанныя добродѣтели!».

(34) Предлагаемъ вниманію читателей, любопытный Laudum boni ordinis Брацлавскаго воеводства, 17 сентября 1750 года, заимствованный нами изъ прекраснаго сочиненія А. Скальковскаго: «Наѣзды Гайдамакъ на Западную Украину».

«Laudum boni ordinis воеводства Брацлавскаго 17 сентября 1750 года: «Мы члены палатъ (депутаты и сенаторы), государственные сановники, чиновники земскіе, градскіе (полицейскіе) и все рыцарство (дворянство) воеводства Брацлавскаго, возблагодаривъ Бога всемогущаго, за то, что намъ, въ столь зло-

ра не принесла ожидаемой пользы. Скоро имена Гонты и Желѣзняка получили громкую извѣстность не только въ Подоліи, но и во всей Украйнѣ. При одной вѣсти о приближеніи гайдамаковъ подъ

получное время, по причинѣ раззореній, чинимыхъ въ краѣ нашемъ гайдамаками, позволилъ безопасно собраться и согласно, uno labio, избрать высокородныхъ господъ депутатовъ главнаго коронного трибунала, для представленія Королю Его Милости, примасу, великому гетману и др., что воеводство наше Брацлавское in confinio россійской, татарской и волосской границъ лежащее, представляетъ теперь изъ себя печальный опытъ, что среди всеобщаго мира, beata tranquillitate sue gaudere не можетъ, ибо своевольныя заграничныя (т. е. запорожскія) ватаги, уже не furtivo transitu, но большими дорогами violente et aperte Marte, dimicando на земли воеводства нашего, tumultuarie наѣзды дѣлаютъ. Ихъ неукротимое неистовство, стремясь in depopulationem нашего края, in praedium et favillam городовъ, селъ, замковъ и дворовъ помѣщичьихъ, монастырей и храмовъ utriusque ritus, къ жестокому избіенію людей utriusque sexus, свѣтскаго и духовнаго чина, которыхъ кровь невинно пролита, вопіетъ о мщеніи:—свидѣтельствуетъ, что они о конечномъ истребленіи нашемъ помышляютъ. Обращая вниманіе на это несчастное угнетеніе страны нашей, наѣздами своевольныхъ гайдамакъ, нѣсколько лѣтъ уже продолжающееся, такъ что нетолько въ домахъ нашихъ пребывать, но даже государственной службы исполнять не можемъ, не говоря уже о безпрестанно угрожающей намъ потерѣ имѣній, здоровья и жизни. Зная также, что всякій имѣетъ природное право думать о своей защитѣ, мы пожелали ad normam другихъ коронныхъ воеводствъ, учредить у себя свою внутреннюю милицію. Вслѣдствіе сего, со всеобщаго всѣхъ насъ согласія, на защиту воеводства нашего, опредѣлили и полагаемъ: учредить ландмилицію земское войско, обязываясь, amore boni publici, со всѣхъ имѣній нашихъ королевскихъ (староствъ), земскихъ, дворянскихъ и духовныхъ, въ воеводствѣ нашемъ находящихся, со всякихъ 120 избъ: осѣдлыхъ, тяглыхъ или пѣшихъ, крестьянскихъ, свободныхъ (gracialskich), и чиншевыхъ (оброчныхъ), и Филипонскихъ (русскихъ раскольниковъ), съ тою только разницею, что одна изъ раскольничьихъ избъ за 2 простыхъ считаться будетъ,—давать по одному солдату изъ людей знающихъ уже военную службу, хорошаго поведенія, здоровыхъ и къ службѣ годныхъ. Мундиръ онаго долженъ быть: катанка (т. е. сюртучекъ) и шаровары зеленаго цвѣта, на доброй лошади не менѣе 100 зл. стоющей, съ хорошимъ кожаннымъ сѣдломъ, съ ружьемъ, пикою, бердышемъ, съ запасомъ пуль и пороху на всю кампанію».—Милиція ежегодно 2 апрѣля должна была собираться для службы. Она подлежала военному суду своихъ ротмистровъ, или отрядныхъ командировъ; сіи послѣдніе обязывались содержать на свой счетъ другихъ офицеровъ, т. е. поручиковъ и хорунжихъ, и сдѣлать знамя съ гербомъ воеводства. Фуражъ и провіантъ доставлялся отъ земства по опредѣленной пропорціи. Главнымъ командиромъ всей ландмили-

командой этихъ вождей возставшаго народа, города и села приходили въ ужасъ. Участь Немирова, Бара, Балты, Погребищь, Тульчина, Пулинъ, Бердичева, Умани и многихъ другихъ городовъ приводила въ страхъ даже укрѣпленный Каменецъ. Католики повсемѣстно начали готовиться къ смерти, поспѣшно укрывая въ землю свои драгоцѣнности (35). Жиды ежедневно молились въ своихъ школахъ объ избавленіи ихъ отъ тиранства гайдамаковъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта страшная рѣзня, еслибы войска русскія, послѣ безпримѣрной жестокости Гонты и Желѣзняка въ Умани, не приняли въ 1768 году дѣятельнаго участія въ поимкѣ и уничтоженіи отчаянной шайки гайдамаковъ. Гонта, Желѣзнякъ и множество козаковъ было захвачено Донцами и предано въ руки правосудія. Желѣзнякъ и другіе его соотечественники, какъ подданные Россіи, были отправлены въ Москву, гдѣ наказаны кнутомъ и розгами и сосланы въ Сибирь. Съ Гонты Поляки въ с. Сербахъ (близь Могилева) содрали кожу, отрубили ему руки и ноги, вырвали сердце, а послѣ еще четвертовали. Другимъ гайдамакамъ рубили головы, вѣшали, или лишали ноги и руки, наконецъ двѣсти человѣкъ было повѣшено въ Каменцѣ и Львовѣ. Этимъ мрачнымъ событіемъ кончились народныя возстанія въ Подоліи и Украйнѣ. Но истощенная продолжительными войнами и обезсиленная своеволіемъ магнатовъ, Польша быстро приближалась къ концу своего политическаго быта и послѣ троекратнаго раздѣленія ея между Россіей, Австріей и Пруссіей, въ 1795 году, въ числѣ 332 городовъ, мѣстечекъ и 1322 селъ съ 1.176,590 жителями, присоединенъ къ Россіи и Каменецъ-Подольскій, почти пятьсотъ лѣтъ находившійся подъ перемѣннымъ игомъ и владычествомъ Литвы, Татаръ, Поляковъ и Турокъ.

Съ этой поры исторія Каменца тѣсно связана съ исторіей цѣлаго Государства, но еще слишкомъ рано разворачивать страницы ея, а потому оставимъ это на долю безпристрастнаго потомства.

ціи избранъ князь Михаилъ Святополкъ Четвертинскій, подкоморій браславскій.

(35) Не только Поляки, но жиды и даже самые гайдамаки скрывали въ это время свои сокровища. Много изъ нихъ уже найдено, но еще болѣе лежитъ въ землѣ. Въ интересной рукописи о кладахъ, изданной въ 1857 г. въ Кіевѣ Н. Сементовскимъ, собраны объ этомъ любопытныя свѣдѣнія.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Въ то время, когда настоящее мое сочиненіе было уже совершенно окончено, и я приготовлялся къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ, гдѣ намѣревался издать его, счастливый случай свелъ меня съ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и любознательнѣйшихъ старожиловъ Каменца, Михаиломъ Ильичемъ Вощининымъ, долгое время бывшимъ директоромъ здѣшней гимназіи. Мы поразговорились, рѣчь зашла о Каменцѣ, потомъ о моемъ сочиненіи, и почтеннѣйшій Михаилъ Ильичъ, сочувствуя всякому разумному предпріятію, разсказавъ откровенно непріятную исторію съ принадлежащимъ ему подлиннымъ, современнымъ владычеству Турокъ планомъ Каменца, какъ-то странно пропавшимъ у бывшаго гражданскаго губернатора подольской губерніи Петрова, вызвался сообщить мнѣ по крайней мѣрѣ сохранившійся у него переводъ бывшей на планѣ латинской надписи. На другое же утро онъ обязательно исполнилъ свое обѣщаніе и тѣмъ самымъ далъ мнѣ возможность съ одной стороны пояснить нѣкоторыя темныя мѣста моего сочиненія, а съ другой—передать потомству драгоцѣнный для исторіи края и православія документъ.

Вотъ текстъ его, передаваемый слово въ слово: «Каменецъ городъ подольскій, стоящій на высокой и со всѣхъ сторонъ открытой скалѣ, образовавшейся удивительнымъ искусствомъ природы на подобіе горы, отдѣленный глубокою, но пріятною долиною и рѣкою, и окруженный отвсюду неприступными утесами, построенъ Константиномъ и Георгіемъ Куріатовичами, князьями подольскими, почти за 300 лѣтъ. По смерти же сихъ князей, онъ присоединенъ къ Царству Польскому. Съ самаго начала его населяли природные Русскіе, потомъ начали селиться Поляки, Нѣмцы и, наконецъ, Армяне. Такое разнообразіе въ правахъ и языкѣ жителей поселило въ князьяхъ недовѣрчивость, и они, опасаясь, чтобы жители, полагаясь на природное укрѣпленіе города, не взбунтовались, построили, на противоположной сторонѣ онаго, въ предосторожность отъ очевидной опасности, два замка—старый и новый. Но эти замки, не имѣвши достаточнаго гарнизона, не могли противостоять силѣ Турокъ, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ городомъ, подпали подъ ихъ власть,—что случилось августа 29 дня 1672 года».

Объясненіе знаковъ.

A. Замокъ новый, B. замокъ старый, C. укрѣпленіе, D. ворота польскія, E. ворота русскія, F. ратуша и рынокъ польскій, G. ратуша и рынокъ армянскій, H. костелъ каѳедральный св. апост. Петра и Павла, а нынѣ мечеть султана, въ которую имѣлъ торжественный входъ 3-го сентября, K. костелъ св. Николая, при коемъ былъ монастырь отцевъ проповѣдниковъ, а нынѣ мечеть султана, L. монастырь отцевъ францисканов, M. коллегія отцевъ іезуитовъ, а нынѣ конюшня султанская, N. монастырь отцевъ кармелитовъ босыхъ, O. костелъ св. Екатерины съ больницею, а нынѣ конюшня, P. костелъ св. Михаила архангела съ монастыремъ св. Доминика, а нынѣ redinatory янычаръ, содержавшихъ караулъ при русскихъ воротахъ, Q. больница св. Іосафі, R. церковь св. апост. Петра и Павла, первоначально русская, а нынѣ отданная католикамъ для отправленія ихъ богослуженія, S. костелъ св. Станислава въ старомъ замкѣ, а нынѣ мечеть.— Церкви армянскія: первая св. Николая подъ буквою S; вторая— преблаженной Дѣвы Маріи подъ буквою T; подъ буквою V—каменная, уступленная для отправленія богослуженія Армянамъ; X. церковь русская Пресвятыя Троицы—нынѣ мечеть Мусагон-Боссе, тайнаго секретаря султанова; Y. церковь русская св. Іоанна, нынѣ мечеть верховнаго визиря; Z. церковь русская Вознесенія Господня. 2) Церковь русская св. Николая, 3) церковь русская преблагословенной Маріи Дѣвы, 4) церковь русская св. Михаила архангела, 5) церковь русская во имя Спасителя въ долинѣ, 6) церковь русская св. Онуфрія въ долинѣ, 7) церковь русская Рождества Господня въ долинѣ, 8) церковь русская св. Креста на Карвасарахъ, 9) сгорѣвшая церковь св. N, а нынѣ только замокъ, 10) мельница польская, 11) мельница русская, 12) мельница армянская, 13) мельница для дѣланія пороху, попросту пороховня, 14) brafatoria, 15) баня, 16) башня огромной величины короля Стефана, называемая crenarium, 17) башня на углѣ стараго замка, разрушенная Турками подложеннымъ порохомъ и вскорѣ послѣ возобновленная, 18) остатки башни, разрушенной отъ пороха въ ней хранившагося и нечаянно зажженнаго (продавцами овощей, живишими въ старомъ замкѣ) во время грабежа (или расхищенія овощей, бывшихъ въ старомъ замкѣ). При этомъ случаѣ погибло

народа и солдатъ болѣе шести сотъ человѣкъ. Это случилось накануне вторженія Турокъ, по закатѣ солнца. 20) Самая высокая возвышенность крутизны скалы, окружающей гору, на которой построенъ городъ. 21) Крутизна противоположной скалы, возвышающейся надъ долиною и окружающей городъ отъ однихъ воротъ до другихъ. 22) Обрывы въ скалѣ, исправленные искусствомъ. 23) Мостъ, соединяющій городъ съ старымъ замкомъ. 24) Каналъ подъ крѣпостнымъ мостомъ, соединяющій рѣку съ обоихъ концевъ. 25) Входъ Турокъ въ каналъ новаго замка, въ простонародіи contrascepu названный. 26) Признаки (или слѣды) вырытыхъ Турками подземельевъ».

Внизу написано стихами посвященіе этого плана епископу краковскому.

«Жителямъ Каменца угрожала величайшая опасность,
«Приходитъ на стражу требицкій лебедь,
«Укрѣпляетъ стѣны своими первосвященными знаменами,
«И божественное дѣло защищается священною войною;
«О если бы всѣ были такъ храбры,
«То Каменецъ не страдалъ бы въ неволѣ!

«Пресвѣтлѣйшему, великому и достопочтеннѣйшему господину Андрею Требицкому, по благодати божіей и апостольскаго престола, епископу краковскому, герцогу селизбургскому, великому господину и почтеннѣйшему благодѣтелю.

Купріанъ Томашевичъ CCDDD нижайшій составилъ сіе съ привиллегіею S. L. M. въ XVI лѣтъ».

Документомъ этимъ частію обнаруживаются, а частію доказываются слѣдующія событія:

1) Что первыми поселенцами Каменца были природные Русскіе, потомъ же начали селиться Поляки, за ними Нѣмцы и, наконецъ, Армяне. Если же въ настоящее время Нѣмцевъ въ городѣ, кромѣ разумѣется недавно поселившихся, и нѣтъ, и если въ привилегіяхъ королей также ничего не говорится о жителяхъ этой націи, то это, безъ сомнѣнія, или потому, что, по малочисленности Нѣмцевъ, они не могли составлять особаго народа, и слѣдовательно нуждаться въ особомъ устройствѣ правленія, или, что еще вѣрнѣе, что они, какъ католики, пользовались правами, данными Полякамъ.

2) Князья Коріатовичи построили замокъ не для защиты отъ внѣшнихъ непріятелей, а для безопасности отъ собственныхъ подданныхъ.

3) Названіе воротъ: однѣхъ польскими, а другихъ русскими есть очень древнее и происходитъ отъ мѣстъ нахожденія ихъ въ частяхъ города, заселенныхъ жителями той или другой націи, а не потому, какъ объясняетъ народъ, что при взятіи Каменца Русскими, въ однѣ изъ нихъ вступили наши побѣдоносныя войска, а въ другія бѣжали Поляки (см. выше гл. I).

4) Что православныхъ церквей было не только гораздо больше чѣмъ нынѣ, но больше чѣмъ костеловъ и кляшторовъ католическихъ, чѣмъ самымъ опровергается нелѣпая мысль нѣкоторыхъ, слѣпо преданныхъ католицизму, полуграмотныхъ патріотовъ, что будто Каменецъ издавна и по-преимуществу былъ городомъ католическимъ, и что будто бы главное по числу народонаселеніе его составляли Поляки, а не Русскіе. Подтверждается также, что Армяне каменецкіе исповѣдывали прежде греческую вѣру, а не латинскую, и нынѣшній каменный костелъ ихъ былъ храмомъ православнымъ, потому и драгоцѣннѣйшая святыня его—образъ Матери Божіей, есть прямое духовное наслѣдіе не совратившихся въ католицизмъ и забывшихъ вѣру отцевъ своихъ—Армянъ, а православныхъ Русскихъ.

5) Что въ Каменцѣ было два замка и при нихъ пороховой заводъ.

6) Что взрывъ одной изъ башень стараго замка, случившійся наканунѣ вступленія Турокъ въ Каменецъ, произошелъ не вслѣдствіе геройскаго самоотверженія, какъ разсказываютъ польскіе историки, какого-то Нѣмца, командовавшаго гарнизономъ, а отъ неосторожности продавцовъ овощей и, наконецъ,

7) Что Турки дѣйствительно вырыли, или точнѣе сказать вырубили въ скалахъ много подземелій, о которыхъ и доселѣ сохранилось въ народѣ много разсказовъ, столь же мрачныхъ и запутанныхъ, какъ и подземелья эти.

А. Сементовскій.

Панцырные бояре

Подъ именемъ *панцырныхъ бояръ* извѣстенъ особый разрядъ свободныхъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ въ витебской губерніи на собственныхъ и помѣщичьихъ земляхъ (*) и сохранившихъ доселѣ нѣкоторыя черты своего прежняго историческаго значенія. Не смотря на громкое названіе свое, панцырные бояре были не болѣе какъ простолюдины, хотя въ ряду разныхъ категорій этого класса и занимали высшее мѣсто. Чтобы яснѣе указать мѣсто, которое принадлежало панцырнымъ боярамъ между другими сословіями Великаго Княжества Литовскаго, необходимо указать вообще на значеніе бояръ въ Литвѣ. Здѣсь, подъ вліяніемъ польскихъ понятій и обычаевъ, высокое значеніе, которое соединялось въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ съ достоинствомъ боярина, исчезло, бояре образовали среднее состояніе между дворянствомъ и крѣпостнымъ населеніемъ (**). Немногіе только изъ нихъ, преимущественно принявшіе католическую вѣру, успѣли примкнуть къ дворянству или шляхтѣ, и, какъ видно изъ Литовскаго Статута 1588 г., сохранили общія преимущества, присвоенныя этому высшему сословію. Отданныя имъ за службу въ пользованіе имѣнія, они могли всегда оставлять свободно и свозить съ нихъ всѣ свои строенія, а если имѣніе было имъ отдаваемо по акту, дозволявшему служить съ тѣмъ имѣніемъ кому угодно, то пріобрѣтали на него и права полной собственности. Всѣ другіе бояре составляли низшій классъ свободнаго народонаселенія, простолюдиновъ, и жили въ имѣніяхъ королевскихъ (господарскихъ), духовныхъ, городскихъ и дворянскихъ. Они употребляемы были преимущественно для охраненія границъ и вообще для военной цѣли, на разныя низшія службы въ замкахъ, на посылки, на охраненіе тюремъ и т. п., и потому подраздѣлялись на *бояръ панцырныхъ*, *путныхъ*, *потюремныхъ*, *вотчинныхъ* и *вольныхъ* или *захожихъ*. Права и обязанности бояръ простолюдиновъ, за исключе-

(*) Т. IX Св. Зак. (изд. 1857 г.), ст. 614 п. 6, и прим. къ ст. 616 и 617.

(**) Slavische Rechtsgeschichte von W. A. Macieiovski, въ переводѣ Буссе и Навроцкаго, ч. III, 1839, стр. 72—74.

ніемъ панцырныхъ, о конхъ будетъ сказано ниже, заключались въ слѣдующемъ:

1) Пользуясь землями въ имѣніяхъ королевскихъ, духовныхъ, городскихъ и дворянскихъ, они не только отчуждать ихъ, но даже и отдавать въ наемъ могли не иначе, какъ съ согласія владѣльцевъ имѣній.

2) Безъ согласія владѣльца (пана) они могли ручаться въ суммѣ только не свыше 4 копъ грошей.

3) По завѣщанію могли распоряжаться только одною третью движимости, а двѣ трети должны были оставлять въ пользу владѣльца имѣнія, и дѣти ихъ не могли отходить изъ имѣнія, не оставя ⅔ движимаго имущества.

4) Въ дѣлахъ исковыхъ, объ обидахъ и убыткахъ, они не могли дѣйствовать прямо отъ своего имени и нуждались въ защитѣ своихъ владѣльцевъ.

5) Удалившіеся самовольно изъ имѣнія, если не принадлежали только къ числу вольныхъ или захожихъ, могли быть отыскиваемы владѣльцами до истеченія земской давности. Бояре же вольные, захожіе, пробывъ 10 лѣтъ въ имѣніи, могли оставлять его не иначе, какъ заплативъ владѣльцу 10 копъ грошей, и возвративъ полученное ими пособіе.

6) Отъ другихъ людей, состоявшихъ въ крѣпостной зависимости, которыхъ Статутъ называетъ челядью, бояре отличались еще тѣмъ, что въ порядкѣ уголовной расправы получали высшій платежъ за голову и высшее вознагражденіе за нанесенныя поврежденія, а въ порядкѣ суда и гражданскаго взысканія, отвѣтствовали по взысканіямъ съ недвижимыхъ имѣній землевладѣльца лишь въ случаѣ несостоятельности людей тяглыхъ.

Повинности бояръ вольныхъ, захожихъ, въ частныхъ имѣніяхъ опредѣляемы были условіями, которыя заключалъ съ ними владѣлецъ имѣнія; въ Статутѣ же Литовскомъ на это нѣтъ указаній. Для имѣній королевскихъ (господарскихъ), казенныхъ, повинности этихъ бояръ опредѣлены были изданнымъ въ 1557 г. Уставомъ для всѣхъ сего рода имѣній въ Литовскомъ княжествѣ.

Бояре путные получили такое названіе отъ своего назначенія состоять на посылкахъ и развозить вѣсти и листы или грамоты. За пользованіе землею они облагались, вмѣсто натуральныхъ по-

винностей, денежными и только въ тѣ годы, въ которые отправляли путную службу, освобождались совсѣмъ отъ платежа. Они не пользовались никакими особенными личными преимуществами, и, равняясь во всемъ съ другими видами бояръ простолюдиновъ, и вообще съ крестьянами казенными и помѣщичьими, также подлежали тюремному сбору, также не имѣли права искать лично за понесенную обиду и не могли быть поручителями. Повинности бояръ путныхъ вообще опредѣляются въ актахъ Литовской Метрики слѣдующимъ образомъ:

«Бояре путные, стародавные, а не скупные хочемъ имѣти абы были на двухъ волокахъ постановлены, съ которыхъ, абы за вси повинности пѣнезми отацовавши водле грунту яко люди осадные платили, а на службу тяглую и въ подводы ходити не повинны, а коли изъ расказанія нашаго на дорогу поѣдутъ, того году ничего платити не маютъ, а безъ воли и расказанія нашаго вроду нашому ихъ на дорогу и нигдѣ не посылати, а будучи на дорозѣ служити имъ по старому навязка имъ, яко и передъ онымъ водле статута, служокъ съ такихъ же бояръ ревизорове обирати и не больль только съ потребу при каждомъ замку и дворѣ нашомъ заставити маютъ, которыхъ служба будетъ ѣздити за Литвы нашими да дворомъ оному врадовы прилеглыхъ, а съ пѣнязми платовъ нашихъ до Вильни до скарбу и за кривдами подданыхъ коли сею изъ росказанья врадоваго ѣздити, а за то на одинъ конь двѣ волоки вольныхъ отъ всихъ платовъ мѣта, а на потребу вроду ѣздити неповинны».

Впрочемъ, повинности путныхъ бояръ ближе опредѣляемы были въ каждомъ казенномъ имѣніи особенными правилами, которыя сохранились въ описяхъ нѣкоторыхъ подобныхъ имѣній (*).

(*) Такъ въ описи 1552 г. Черкасскаго замка мы читаемъ: «Бояре Черкаскіе обязаны были служити конно, збройно и ѣздити съ старостою, або и безъ старосты съ служебниками его противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними. А хотя бы и не было слуху о людяхъ непріятельскихъ, однакоже для осторожности отъ нихъ повинни бояре съ старостою, або со слугами его ѣздити на поле раза два и три на лѣто».

Въ описи 1552 г. замка Каневскаго: «повинни Каневцы такъ мѣщане, яко и бояре и подданые ихъ и церковные и гости, вси противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними конно и збройно бывати съ старостою и безъ сего, съ слугами его нижли мѣщане тяглые и которые стаціи подводы и иншые

Путные бояре могли быть повышаемы въ бояръ панцырныхъ по особой милости королевской (зъ ласки господарской), при чемъ получали въ собственность земли, съ которыхъ несли прежде службу путную, что видно напр. изъ грамоты, 17 іюля 1579 г., Стефана Баторія Озерецкимъ путнымъ боярамъ.

Назначеніе *бояръ панцырныхъ* было оберегать литовскую границу отъ московскаго царя, почему Стефанъ Баторій и называетъ ихъ, въ приведенной сей часъ грамотѣ, *людьми пограничными* (*). Съ этою цѣлью жаловали имъ земли великіе князья литовскіе и короли польскіе, съ разными привилегіями. Древнѣйшая изъ сохранившихся грамотъ о панцырныхъ боярахъ принадлежитъ царствованію короля Казиміра и относится къ 8 марта 1488 г. (**).

тягли подоспмаются безъ старости на службу полную ѣздити неповинни. До воротъ остроговыхъ сторожовъ наймаютъ вси мѣщане, бояре и подданные ихъ складаючи на то зъ дому каждаго по грошу, а жита по четверти. Повинни тѣжъ Коневцы, мѣщане и бояре ѣздити съ старостою въ ловы на Супой (рѣку) и ловити тамъ три роси».

Въ описаніи 1552 же года замка Острогскаго: «Острогскіе бояре сверхъ службы военной повинни Острогъ работа вси, яко мѣщане, такъ бояре и люди ихъ. Сторожа до воротъ остроговыхъ наймаютъ бояре, даютъ ему на годъ полпята копы грошей. Бояре, которые въ Острозѣ сѣдятъ, число ихъ 26, а за Острогами бояръ числомъ два, земель боярскихъ пустыхъ пять».

Въ описяхъ замка Кременецкаго 1552 г.: «за расказаніе королевы ее милости оброна мужиковъ тяглыхъ 24, и вчинено ихъ слугами для посыланія и до вѣденія вѣстей и для ношенія листовъ, гдѣ жъ коль вѣкъ, а земли потому подъ ними якъ и подъ сими мужиками волостными, а лишними земли придано».

Въ описи 1552 г. замка Мозырскаго: «То слуги путные, которыхъ вчинилъ панъ Михайло Гагинъ державца першій Мозырскій, а передъ тѣмъ были тяглыми, винни ѣздити на довѣданіе вмѣстѣ о непріятеле, а и зъ листомъ старостинымъ Михновалъ, а Етасъ Тышкевичъ, тыхъ слугъ дымами и службами 5. А 6-й Левинъ Лужикъ, котораго панъ Галетольтъ съ тягла мѣстное выпемили и не путной службѣ посадилъ».

Всѣ эти выписки извлечены изъ документовъ, хранящихся въ Литовскихъ Метрикахъ, но какъ у насъ въ рукахъ были только копіи, то мы и не ручаемся за точность нѣкоторыхъ выраженій, искаженныхъ, вѣроятно, при неоднократной перепискѣ.

(*) Акты Западной Россіи, т. III, N 113.

(**) Акты Зап. Рос., т. I, № 219, и Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ М., 1824, ч. I № 1. Въ грамотѣ сказано между прочимъ: а штожъ тые бояре здавна, за Витовта, зъ мѣстомъ и зъ волостью подачокъ и тяглей ни которыхъ съ ними не служивали, только служивали *службою панцырною* на дорогу, гдѣ потреба.

Ею жалуется могилевскимъ боярамъ Сидору Ильиничу съ братьями земля Семеныгинская (*), съ освобожденіемъ ихъ отъ подводъ и разныхъ пошлинъ и съ возложеніемъ на нихъ обязанности служить *доспѣхомъ*, какъ сказано въ грамотѣ, т. е. нести ратную панцырную службу съ жалуемой земли на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ несли ее и съ прежнихъ своихъ отчинъ.

Грамота эта была подтверждена королевою Еленою 30-го декабря 1505 г., Сигизмундомъ I-мъ 15-го мая 1539 г. и Сигизмундомъ III 16 октября 1624 г. (**).

Подтвердительная грамота королевы Елены имѣетъ для насъ особенно тотъ интересъ, что въ ней прямо высказано, что панцырные бояре существовали уже въ XIV столѣтіи; именно со времени великаго князя Витовта, которому, можетъ быть, даже принадлежитъ и самая мысль учрежденія этого рода постоянной, осѣдлой военной стражи на границѣ Великаго Княжества Литовскаго съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ,—мысль, внушенная постоянно враждебными отношеніями обоихъ государствъ.

Изъ жалованныхъ въ разное время и подтвердительныхъ панцырнымъ боярамъ грамотъ видно, что великіе князья литовскіе и короли польскіе предоставляли имъ земли на вѣчныя времена, въ полное, неограниченное и потомственное владѣніе, съ правомъ отчужденія ихъ дареніемъ, продажею и другими способами, но съ условіемъ передачи новому владѣльцу и обязанности нести панцырную службу, соединенную съ правомъ на землю; освобождали отъ всѣхъ повинностей и податей и требовали одной военной службы, которая, отъ вооруженія бояръ, получила названіе панцырной, и отправлялась въ извѣстной соразмѣрности съ ихъ отчинами, копію и збройно, какъ говорится въ грамотахъ. Находясь подъ управою и судомъ старостъ, бояре панцырные должны были по первому ихъ требованію выѣзжать съ своими слугами и съ мѣщанами въ поле, противъ непріятелей, или въ погоню за ними, а когда не было слуха о непріятеляхъ, то для одной осторожности (***).

(*) Земля Семеныгинская, иначе Макрицкая, находится нынѣ въ самомъ Могилевѣ на рынкѣ; она уступлена городу въ 1626 г. Анною Богдановною Парцевскою. См. Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ, ч. I-я стр. 8.

(**) Акты Зап. Рос. т. IV, № 91, 219, и Бѣлорусскій Архивъ древнихъ грамотъ т. I, М., 1824, N N 1 и 4.

(***) Акты Зап. Рос. т. I, N N 91 и 219, т. III, N 113, т. IV, 13.

Кромѣ указанныхъ выше грамотъ панцырнымъ боярамъ, и напечатанныхъ въ Бѣлорусскомъ Архивѣ и въ Актахъ западной Россіи, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, нынѣ панцырные бояре доказываютъ права своего панцырнаго боярства сохранившимися у нихъ подлинными грамотами, которыя относятся къ 1547, 1580, 1593, 1636, 1667 (грамота царя Алексѣя Михайловича, въ которой они названы панцырными казаками), 1670, 1680, 1720, 1746 и 1764 годамъ.

Права, которыя предоставлялись панцырнымъ боярамъ означенными привилегіями, заключались въ слѣдующемъ:

Безъ суда они не могли быть наказаны и сохраняли на вѣчныя времена дарованныя имъ королями имѣнія, которыхъ не могли, впрочемъ, продавать безъ утвержденія королевскаго. Жены умершихъ бояръ имѣли право владѣть имѣніемъ мужей до вторичнаго замужства, при вступленіи же во второй бракъ оставляли при себѣ только часть, отказанную имъ по завѣщанію мужей, прочее же имущество должны были отдавать дѣтямъ, братьямъ или ближнимъ сродникамъ умершаго. Съ панцырныхъ бояръ запрещено было брать на подводы лошадей, а также употреблять ихъ въ какую-либо для княжескаго двора службу или посылать ихъ на заставы и дѣлать имъ другія притѣсненія, но они должны были всегда быть готовыми къ войнѣ.

Тѣмъ изъ нихъ, кои издавна имѣли отъ предковъ своихъ внутри города дома или желали заниматься купеческимъ и ремесленнымъ промыслами, разрѣшалось исправлять всѣ купеческія и мѣщанскія должности; а тѣмъ, кои отъ дѣдовъ и отцовъ своихъ получили жалованные дворы, позволено было имѣть на нихъ слугъ и селить людей.

По присоединеніи въ 1772 г. Бѣлорусскаго края къ Россіи, панцырные бояре, состоявшіе въ прежней полоцкой, что нынѣ витебская губернія, и жившіе на ихъ земляхъ крестьяне, при бывшей въ то время ревизіи, были приписаны въ число дворцовыхъ крестьянъ.

Въ 1780 году они обратились въ Правительствующій Сенатъ съ просьбою о возвращеніи имъ правъ панцырнаго боярства со всѣми землями и крестьянами, и ссылались при семъ случаѣ на представленную ими грамоту 1667 года царя Алексѣя Михайловича и копіи

съ другихъ древнихъ привилегій, а равно и на плакатъ 1772 года августа 16, утверждавшій всѣ прежнія права жителей Бѣлорусскаго края.

Сенатъ, по разсмотрѣніи этого дѣла, нашелъ: 1) что панцырные бояре, не принадлежа ни къ шляхетскому, ни къ крестьянскому сословію, суть вольные люди, поселившіеся на особыхъ земляхъ, за которыя были обязаны отправлять военную службу; 2) что въ данныхъ панцырнымъ боярамъ привилегіяхъ ничего не изображено такого, что̀ бы давало имъ право держать за собою крестьянъ, или вообще ставило ихъ наравнѣ съ шляхтичами.

Посему Правительствующій Сенатъ полагалъ: всѣхъ доказавшихъ панцырное свое боярство, какъ издревле по званію и породѣ своей, бывшихъ военныхъ людей, оставить при собственности владѣемыхъ ими земель и при ихъ привилегіяхъ, съ платежемъ податей, наравнѣ съ малороссійскими казаками, на основаніи указа 3 мая 1783 г. п. 1, ст. 5, по 1 р. 20 к. съ муж. пол. души.

Напротивъ того, разнаго званія людей, живущихъ на земляхъ панцырныхъ бояръ, но не доказавшихъ своего отъ нихъ происхожденія, всѣхъ безъ изъятія, Правительствующій Сенатъ полагалъ оставить по-прежнему въ числѣ дворцовыхъ крестьянъ.

Тѣмъ изъ панцырныхъ бояръ, которые показали себя происходящими отъ шляхетства, Сенатъ предоставилъ доказывать дворянскія ихъ права, на основаніи всемилостивѣйше дарованной 21 апрѣля 1785 года дворянству грамоты. Докладъ объ этомъ Правительствующаго Сената удостоился 21 января 1788 года высочайшаго утвержденія (*).

По свѣдѣніямъ, представленнымъ въ Сенатъ полоцкимъ намѣстническимъ правленіемъ, по ревизіи 1782 г., доказавшихъ свои панцырныя права въ трехъ войтовствахъ, непоротовскомъ, истецкомъ и езерицкомъ, оказалось 3.412, недоказавшихъ же своихъ боярскихъ правъ, но живущихъ на таковыхъ земляхъ—2.756. Происхожденіе изъ шляхетства доказывали только 22 панцырныхъ боярина.

Земли во владѣніи панцырныхъ бояръ считалось, раздѣленной на 48 службъ, всего 20.530 дес. и 41 кв. саж. (**).

(*) Полн. Собр. Зак. XXII, N 16,611.

(**) Тамъ же.

Въ 1806 году бѣлорусскій военный губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, представлялъ Правительствующему Сенату, что панцырные бояре, хотя по высочайше утвержденному 21 января 1788 г. докладу Сената и сравнены съ малороссійскими казаками, однакоже въ рекрутской повинности не участвовали, даже отъ общественныхъ земскихъ обязанностей уклонялись, причисляя себя къ особому разряду людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ; при этомъ онъ испрашивалъ разрѣшенія, не распространяются ли и на панцырныхъ бояръ всѣ тѣ повинности, въ томъ числѣ и рекрутская очередь, которыя исправляются малороссійскими казаками, равно и самый порядокъ внутренняго ихъ управленія, на основаніи высочайшаго указа 1797 г., о волостяхъ состоявшагося.

По истребованіи отъ государственнаго казначея заключенія по этому дѣлу, Сенатъ, сообразивъ его мнѣніе о правахъ панцырныхъ бояръ, касательно отправленія земской и рекрутской повинностей, съ существующими узаконеніями, полагалъ, что панцырные бояре, бывъ сравнены во всемъ съ малороссійскими казаками, отъ повинностей никакими особенными постановленіями не освобождены и должны отправлять во всемъ равныя съ тѣми казаками обязанности, т. е. давать рекрутъ натурою, платить государственныя подати и исправлять земскія и общественныя повинности по общимъ узаконеніямъ, и потому полагалъ возложить на нихъ всѣ тѣ обязанности, съ начала 1808 года. На исполненіе сего послѣдовало высочайшее повелѣніе въ 8-й день сентября 1807 года (*).

Поселившіеся на земляхъ панцырныхъ бояръ крестьяне были въ послѣдствіи, въ разное время, всемилостивѣйше пожалованы съ землями, на которыхъ они жили, нѣкоторымъ лицамъ за службу.

Отъ этого произошла смѣсь чрезполоснаго владѣнія помѣщиковъ съ панцырными боярами, и безконечныя тяжбы, которыя не прекратились и донынѣ, потому что панцырные бояре, по своимъ привилегіямъ, почитаютъ всю землю принадлежащею имъ однимъ.

Въ 1804 году Сенатъ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшую просьбу панцырныхъ бояръ о возвращеніи имъ земель, заселенныхъ пожалованными разнымъ особамъ крестьянами, и о переселеніи тѣхъ

(*) П. С. З. XXIX, N 22.615.

крестьянъ въ другія мѣста, полагалъ оставить панцырныхъ бояръ при владѣемыхъ ими земляхъ, отдѣливъ ихъ отъ смежныхъ владѣльцевъ надлежащимъ обмежеваніемъ, и какъ панцырные бояре были сравнены съ малороссійскими казаками, коимъ позволено было продавать ихъ земли, то и панцырнымъ боярамъ предоставить право распоряженія недвижимыми ихъ имѣніями; но при поднесеніи о семъ всеподданнѣйшаго отъ Сената доклада послѣдовало высочайшее повелѣніе, объявленное 3-го апрѣля 1803 года бывшимъ министромъ юстиціи княземъ Лопухинымъ, слѣдующаго содержанія: 1) прежде всего снять на планъ всѣ земли, кои обществу панцырныхъ бояръ въ началѣ были отведены; 2) означить, какія точно изъ сихъ земель остались въ ихъ владѣніи и какія за тѣмъ поступили крестьянамъ; 3) сравнить количество владѣемыхъ панцырными боярами и крестьянами земель съ настоящимъ числомъ ихъ душъ, и 4) по этому сравненію и по соразмѣрности земель, ими владѣемыхъ, разсмотрѣть и опредѣлить уже окончательно мѣру и образъ размежеванія ихъ съ помѣщичьими и другаго рода крестьянами.

Доставленныя Сенатомъ, вслѣдствіе означеннаго высочайшаго повелѣнія, свѣдѣнія заключаются въ слѣдующей таблицѣ.

Войтовства.	Земли, пожалованной королями, удобной и неудобной.	По ревизіи 1795 г.		Въ 1820 г. Земли.			По новому расчисленію назначалось земли.	
		Панцырныхъ бояръ.	Крестьянъ.	Панцырныхъ бояръ.	Крестьянъ.	Въ общемъ владѣніи у бояръ и крестьянъ подъ сѣнокосами и озерами.	Всего.	На душу по ревизіи 1795 года.
Истецкое .	28.055 д.	2025	704	15.830 д. 2.251 с.	6.600 д. 449 с.	5.624 д. 145½ с.	20.800 д. 615 с.	9 д. 1135 с.
Непоротовское . . .	32.009 —	2239	579	20.828 — 499 —	6.128 — 112 —	5.052 — 1.170 —	24.500 — 904 —	10 — 2262 —
Езерицкое . .	13.539 —	970	377	7.407 — 1.583 —	2.320 — 287 —	3.811 — 528 —	9.116 — 1.642 —	9 — 596 —
Итого.	73.603	5234	1660	44.066 — 1.938 —	15.048 — 848 —	14.487 — 1.834½ —	54.417 — 761 —	

Министръ финансовъ, на заключеніе коего переданы были оз-

наченныя свѣдѣнія въ 1823 году, признавая справедливымъ отмежеваніе помѣщиковъ отъ панцырныхъ бояръ къ особымъ мѣстамъ и уравненіе ихъ землею по числу душъ ревизіи 1795 г., полагалъ принять для размежеванія бояръ отъ помѣщиковъ слѣдующія правила: 1) къ каждому отдѣльному помѣщичьему селенію нарѣзать, въ особенное владѣніе по числу душъ, причитающееся количество удобной земли; 2) въ селеніяхъ общаго владѣнія бояръ и помѣщичьихъ крестьянъ нарѣзать послѣднимъ, каждому къ особымъ мѣстамъ, земли на томъ же основаніи; 3) остальную землю предоставить въ общее владѣніе панцырныхъ бояръ; 4) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть лѣсъ, отвести къ каждому помѣщичьему селенію надлежащій участокъ онаго, остальное же количество предоставить въ общее владѣніе панцырныхъ бояръ; 5) какъ помѣщикамъ, которые сами пожелаютъ перевести своихъ крестьянъ изъ общаго съ боярами селеній, въ селенія единственнаго своего владѣнія, такъ и боярамъ, которые согласятся переселиться изъ подобныхъ же селеній, оказывать всѣ возможныя пособія и облегченія.

Между тѣмъ витебскій генералъ-губернаторъ, представляя Правительствующему Сенату о разстроенномъ положеніи панцырныхъ бояръ и о лежащихъ на нихъ огромныхъ недоимкахъ, испрашивалъ у Сената, для скорѣйшаго прекращенія раззорительныхъ для бояръ споровъ и тяжбъ о земляхъ и искательства о обращеніи нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ въ бояре, разрѣшенія на приведеніе въ исполненіе высочайшаго повелѣнія 1805 года о размежеваніи панцырныхъ бояръ съ помѣщиками. По окончаніи размежеванія и по ограниченіи панцырныхъ бояръ округами, генералъ-губернаторъ полагалъ нужнымъ и справедливымъ, внутри округовъ, поравнять между ними земли, нарѣзкою соразмѣрныхъ по числу душъ участковъ, и потомъ продажу таковыхъ участковъ запретить, признавъ какъ самихъ лично, такъ и земли ихъ казенною собственностью.

Сенатъ, сообразивъ все это съ высочайше утвержденымъ 21 января 1788 года всеподданнѣйшимъ докладомъ Сената и съ высочайшимъ повелѣніемъ 3-го апрѣля 1805 года, полагалъ 3-го марта 1825 года: 1) заключеніе г. министра финансовъ о размежеваніи замель панцырныхъ бояръ и помѣщичьихъ крестьянъ утвердить во всемъ, возложивъ исполненіе на Губернское Правленіе обще съ

Казенною Палатою съ тѣмъ, чтобы они, не смотря на возраженіе какъ той, такъ и другой стороны, а особливо въ маловажныхъ случаяхъ, дѣйствовали по своему соображенію и усмотрѣнію.

2) Касательно представленія генералъ-губернатора предоставить ему, чтобы, собравъ надлежащія свѣдѣнія и сообразивъ ихъ съ пожалованными панцырнымъ боярамъ привилегіями, онъ вошелъ съ особымъ представленіемъ въ Сенатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсмотрѣвъ просьбы панцырныхъ бояръ о томъ, чтобы всѣ земли и угодья оставить въ одномъ ихъ владѣніи, а поселившихся на тѣхъ ихъ земляхъ крестьянъ перевести на другія земли, Сенатъ полагалъ, что такія просьбы уваженія заслуживать не могутъ, ибо поселившіеся на земляхъ панцырныхъ бояръ съ древнихъ временъ крестьяне высочайшими указами пожалованы разнымъ владѣльцамъ съ землями, и тѣмъ болѣе, что, по расчисленію Казенной Палаты, приходилось земли по числу душъ панцырныхъ бояръ во всѣхъ трехъ войтовствахъ весьма достаточно, именно около 9 и 10 десятинъ на душу.

Государственный Совѣтъ, находя заключеніе Сената правильнымъ, положилъ утвердить его, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе 13-го января 1827 г. Впрочемъ, и отъ такого рѣшенія вопросъ въ дѣйствительности впередъ не подвинулся; соображеній, которыхъ Правительствующій Сенатъ требовалъ отъ витебскаго генералъ - губернатора, не представлено и до сихъ поръ, а самое размежеваніе земель, состоящихъ въ чрезполосномъ владѣніи панцырныхъ бояръ съ сосѣдними помѣщиками, до самаго 1859 г. не могло состояться; не смотря на всѣ мѣры и убѣжденія, принятыя для того, чтобы склонить панцырныхъ бояръ къ согласію на полюбовное размежеваніе, они въ 1848 году положительно отъ этого отказались, отзываясь, что ими представлены генералъ-губернатору доказательства о ихъ привилегіяхъ на право принадлежности владѣемыхъ ими земель и что они имѣютъ надежду получить въ свое владѣніе даже и тѣ земли, которыя заселены помѣщичьими крестьянами. Наконецъ, уже въ 1859 г. командированъ былъ межевымъ управленіемъ въ витебскую губернію межевой инженеръ, который, при содѣйствіи мѣстныхъ чиновъ управленія государственныхъ имуществъ, успѣлъ согласить панцырныхъ бояръ на полюбовное

размежеваніе и съ этою цѣлью въ 1860 г. приступлено уже было къ снятію земель панцырныхъ бояръ на планъ.

Съ учрежденіемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, панцырные бояре, наравнѣ съ другими свободными сельскими обывателями, отнесены были къ завѣдыванію Министерства Государственныхъ Имуществъ и по тремъ древнимъ войтовствамъ своимъ образовали три сельскихъ общества: Истецкое, Езерійское и Непороговское; но недовольные таковымъ причисленіемъ къ составу государственныхъ крестьянъ, нѣкоторые изъ нихъ обратились сначала къ Министру Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ въ Сенатъ съ жалобою о неправильномъ причисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Объясняя, что дарованныя имъ отъ польскихъ королей земли и права утверждены за ними россійскимъ правительствомъ, и что по закону (прим. къ 827, 834 и 835 ст. IX т. Св. Зак. о сост.) панцырные бояре, доказавшіе дворянское происхожденіе, пользуются правами, сему званію присвоенными, они ходатайствовали о воспрещеніи Витебской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ причислять ихъ, какъ доказавшихъ боярское происхожденіе, къ классу государственныхъ крестьянъ, и отрѣшать избираемыхъ ими старшинъ, о предоставленіи имъ вполнѣ всѣхъ правъ, издревле званію ихъ присвоенныхъ, о неподчиненіи ихъ крестьянскому суду и расправѣ и несмѣшеніи съ крестьянами въ отправленіи рекрутской повинности, о дозволеніи имъ оброкъ за земли и прочія денежныя повинности вносить прямо въ Уѣздное Казначейство и о порученіи надзора въ боярскихъ селеніяхъ мѣстной полиціи. Сенатъ, разсмотрѣвъ это прошеніе, указомъ 22-го сентября 1845 года, опредѣлилъ: 1) объявить просителямъ, что если они считаютъ себя въ правѣ пользоваться вполнѣ преимуществами, дарованными панцырнымъ боярамъ, доказавшимъ дворянское происхожденіе, то должны доказательства свои о томъ представить могилевскому и витебскому генералъ-губернатору, который, на основаніи указа 28-го января 1827 года, по соображеніи съ пожалованными панцырнымъ боярамъ привилегіями, если найдетъ просьбу ихъ подлежащею удовлетворенію, о предоставленіи имъ просимыхъ ими преимуществъ, обязанъ будетъ войти въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ. 2) Просьбу бояръ объ устраненіи вліянія на нихъ мѣстнаго Управленія Государственныхъ Имуществъ оста-

віть безъ уваженія, ибо по силѣ 6 пунк. 629 ст. IX т. Св. Зак. бывъ отнесены къ классу сельскихъ обывателей, на казенныхъ земляхъ водворенныхъ, состоятъ они въ завѣдываніи Министерства Государственныхъ Имуществъ, и за тѣмъ они, просители, выйти изъ сего завѣдыванія не прежде могутъ, какъ по признаніи ихъ въ правѣ пользоваться преимуществами, дарованными панцырнымъ боярамъ, доказавшимъ дворянское происхожденіе.

О послѣдствіяхъ разсмотрѣнія представленныхъ вслѣдствіе указа Сената панцырными боярами генералъ-губернатору доказательствъ ихъ дворянскаго происхожденія, у насъ свѣдѣній не имѣется.

Недостатокъ земельныхъ угодій, которыя при томъ отличаются дурнымъ своимъ качествомъ, при увеличившемся населеніи панцырныхъ бояръ, частыю неурожаи, повторявшіеся въ витебской губерніи, недоимки, накопившіяся вслѣдствіе того въ значительныхъ размѣрахъ, а также и постоянныя нескончаемыя тяжбы за земли съ сосѣдними помѣщиками, побудили въ 1849 году 20 семействъ панцырныхъ бояръ, въ числѣ 59 муж. и 68 жен. пола душъ, просить о переселеніи ихъ въ тобольскую губернію, что и было имъ разрѣшено Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.

Успѣхъ этого добровольнаго переселенія превзошелъ всѣ ожиданія. За первыми переселенцами послѣдовали скоро новые, такъ что въ настоящее время въ витебской губерніи на прежнихъ мѣстахъ осталось только 4853 д. м. п. по 10 й ревизіи, противъ числа душъ по 9-й ревизіи на 1183 менѣе.

Законодательство наше донынѣ различаетъ, какъ мы видѣли, двѣ категоріи панцырныхъ бояръ: однихъ собственниковъ, живущихъ на пожалованныхъ издревле предкамъ ихъ земляхъ, другихъ безземельныхъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ. Какъ тѣ, такъ и другіе ограждены закономъ, перешедшимъ въ нашъ Сводъ изъ Литовскаго Статута, постановленіями отъ притязаній частныхъ владѣльцевъ на ихъ личность.

Панцырнымъ боярамъ, живущимъ на собственныхъ земляхъ, предоставлено право отыскивать даже дворянское званіе, какъ это было допущено и въ 1788 году; для всѣхъ же, непричисляющихъ себя къ дворянскому сословію, опредѣлены способы доказательства ихъ панцырнаго происхожденія. Панцырные бояре не могутъ ли-

шиться земель своихъ безъ суда, но и отчуждать ихъ могутъ не иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія; но при этомъ они передаютъ эти земли по наслѣдству или завѣщаніямъ, и даже жены ихъ владѣютъ землею мужей своихъ до вторичнаго замужства.

Панцырные бояре, водворенные на владѣльческихъ земляхъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обращаемы въ вотчинныхъ крестьянъ, какъ бы давно они ни были поселены на тѣхъ земляхъ. Въ 1811 году опредѣлено было, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 25 апрѣля, для помѣщиковъ за отходящихъ отъ нихъ въ панцырные бояре крестьянъ вознагражденіе въ 150 р. асс. (45 р. сер.), примѣняясь къ общей нормѣ вознагражденія помѣщиковъ за отсуждаемыхъ отъ нихъ людей (*).

Высочайше утвержденнымъ 28 февраля 1823 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, панцырные бояре на помѣщичьихъ земляхъ освобождены были вовсе отъ оброка въ казну, а вмѣсто того обложены, наравнѣ съ вольными людьми, подушною податью по 7 р. асс. (2 р. сер.) съ души и по 30 к. асс. (9 к. сер.) на устройство дорогъ (**), а также пошлинъ за право винокуренія, и нынѣ платятъ всего 2 р. 67 к. сер.

По закону, перешедшему въ нашъ Сводъ изъ Литовскаго Статута, панцырные бояре на помѣщичьихъ земляхъ не могли до 1859 г., безъ вѣдома и позволенія владѣльца, ни ручаться за кого-либо въ суммѣ, превышающей 9 р. сер. (4 копъ грошей), ни дѣйствовать прямо отъ своего имени, а только чрезъ владѣльца земли, объ удовлетвореніи за причиненіе имъ обиды, и всякій разъ, въ случаѣ нанесенія ими обиды, владѣлецъ былъ вмѣстѣ съ ними вызываемъ въ судъ. По вслѣдствіе представленія управлявшаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ товарища министра о стѣснительности такаго закона (ст. 883 и 884 IX т. Св. Зак. о сост.), Государственный Совѣтъ, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ 26 марта 1859 г., положилъ отмѣнить эти стѣснительныя статьи.

(*) П. С. З. XXXI, N 24.605

(**) П. С. З. XXXVIII, N 29.343 и Свод. Зак. т. V (изд. 1857 г.) Прил. къ ст. 17 Уст. о Подат.

Панцырныхъ бояръ числилось, въ бывшей полоцкой, нынѣшней витебской губерніи, по ревизіямъ:

	по 4-й		по 5-й (*)	по 7-й	по 8-й	по 9-й		по 10-й	
На собственныхъ земляхъ.	въ 1782	1791	1795	1817	1835	1851		1857	
Въ уѣздахъ:	Мужескаго			пола.		м.	ж.	м.	ж.
Невельскомъ . .	3412	1266	5234	1872	2378	6036	6365	4853	5429
Себежскомъ . .		2154		2936	3627				
На помѣщичьихъ земляхъ (**).									
Въ уѣздахъ:									
Витебскомъ . . .		—		20	46	48		Свѣдѣній не	
Рѣжицкомъ . . .		—		36	30	39		имѣется.	
	3412	3420	5234	4884	6081	6123	6365	4853	5429

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на медленное приращеніе панцырныхъ бояръ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, а также на перевѣсъ въ числѣ душъ женскаго пола по 10-й ревизіи, сравнительно съ мужскимъ; но такъ какъ уменьшеніе числа душъ мужскихъ по 10-й ревизіи сравнительно съ 9-й произошло отъ переселенія панцырныхъ бояръ въ тобольскую губернію, то очевидно, что перевѣсъ жен. пол. по 10-й ревизіи долженъ происходить отъ того, что значительная часть женщинъ отказались слѣдовать за своими семействами и предпочли остаться на родинѣ.

Такимъ образомъ, горсть сельскихъ обывателей, подъ названіемъ панцырныхъ бояръ, составляетъ категорію совершенно свободныхъ

(*) Свѣдѣніе за этотъ годъ заимствовано нами изъ одного рукописнаго описанія, имѣющагося въ Географическомъ Обществѣ о полоцкомъ намѣстничествѣ и составленнаго въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII столѣтія. По войтовствамъ показано тамъ панцырныхъ бояръ, сравненныхъ съ малороссійскими казаками, въ Невельскомъ уѣздѣ по Истецкому войтовству 1246, по Орлейскому десятку—20; въ Себежскомъ уѣздѣ: по Непоротовскому войтовству 1453 д. м. п., по Укленжскому 31, по Езерицкому 670.

(**) Свѣдѣнія о числѣ панцырныхъ бояръ на помѣщичьихъ земляхъ мы заимствовали изъ бумагъ П. И. Кеппена, а по 9-й ревизіи изъ его сочиненія: Девятая ревизія, стр. 28.

людей, большею частью собственниковъ, и коихъ отличіе отъ прочихъ подобнаго же рода крестьянъ заключается лишь въ способѣ пользованія или, правильнѣе, распоряженія принадлежащими имъ участками. Но нужно ли сохраненіе этого своеобразнаго способа отчужденія и наслѣдованія землею, завѣщаннаго исторіею и неоправдываемаго болѣе государственною потребностью, исчезнувшею съ исчезновеніемъ Великаго Литовскаго княжества и его враждебныхъ отношеній къ Московіи, ни повинностями, о коихъ сохранилось воспоминаніе лишь въ историческихъ памятникахъ, да въ устныхъ разсказахъ, и въ оружіи, перешедшихъ отъ предковъ къ нынѣшнимъ боярамъ.

Полное уравненіе панцырныхъ бояръ съ другими крестьянами собственниками, не менѣе добровольнаго ихъ выселенія въ тобольскую губернію, содѣйствовало бы уничтоженію воинственнаго или, правильнѣе, безпокойнаго духа этихъ потомковъ древнихъ военныхъ слугъ великихъ князей литовскихъ.

В. Вешняковъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЕТЕРАНА 1813—1814 годовъ (*).

Памятенъ мнѣ прежде всего уѣздный городъ Инсаръ (Пенз. губ.): въ немъ жилъ мой отецъ, бывшій помѣщикомъ одной деревни въ здѣшнемъ уѣздѣ и владѣльцемъ сѣнныхъ полянъ на рѣкѣ Иссѣ. Домъ нашъ находился противу церкви Рождества Христова. Онъ былъ деревянный, дубоваго толстаго лѣса, вершковъ 12 и 14 въ отрубѣ, старинной архитектуры, съ крышею изъ кленоваго гонта. Стѣны не были обшиты снаружи тесомъ, какъ это дѣлается нынѣ, по той простой причинѣ, что въ то время (въ 1760—70-хъ годахъ) какъ строился домъ, пиленый тесъ едва былъ извѣстенъ и пилъ двуручныхъ было не много, а о пильныхъ машинахъ и слыхомъ не слыхать было, если же употреблялся на какіе подѣлки тесъ, то колотый и оттесаный топоромъ и рѣдко строганый настругомъ (такимъ тесомъ была обита означенная церковь Рождества), при чемъ тесницы ставили стоймя, съ узорными вырѣзками на концахъ, закрывавшими съ верху тесницу, что дѣлало видъ карниза. Колотый тесъ былъ въ употребленіи отъ обилія лѣса: дремучія непроходимыя рощи представляли неистощимый запасъ для рѣдкаго еще народонаселенія, которое и пользовалось имъ безъ разбору; такъ, напримѣръ, вмѣсто нынѣшнихъ плетней изъ хвороста, селенія огораживались тыномъ, то есть 8 и 9 вершковый лѣсъ кололи пополамъ въ три аршина длины, а нижній конецъ затесывали въ видѣ кола и такимъ образомъ на городьбѣ ставили одну половинку къ другой такъ плотно, чтобы не могъ пролѣзть и цыпленокъ; сверху же стойки раскалывали и запускали въ нихъ тонкія жерди, чтобы нельзя было вынимать ихъ и раскачивать.

Нашъ домъ состоялъ изъ сѣней величиной аршинъ четырнадцати въ квадратѣ, раздѣленныхъ пополамъ на входъ лакейскій и дѣвичій; въ нихъ были сдѣланы и небольшія кладовыя. Другой уголъ дома, съ подъѣзднаго параднаго крыльца, былъ раздѣленъ на двѣ комна-

(*) Воспоминанія эти писаны мною для моихъ дѣтей, которыя желали имѣть на письмѣ то, что я имъ разсказывалъ о моей прошлой жизни. *Ветеранъ 1813—1814 год.*

ты—лакейскую и кабинетъ; изъ обѣихъ этихъ комнатъ былъ входъ въ залу, имѣвшую пять оконъ по фасаду; за ней гостиная въ четыре окна; въ противоположной же части дома, за корридоромъ, распредѣлялись внутреннія комнаты, съ поперечнымъ темнымъ же выходомъ въ комнату няни моей и мою, такъ что я всегда трусливо ходилъ въ этой темнотѣ. Расположеніе внутренности дома врѣзалось въ моей дѣтской памяти столь явственно, что я могу и теперь еще составить его планъ, хотя мнѣ было только три года, когда меня вывезли отсюда и послѣ того я уже болѣе его не видалъ.

Отецъ мой жилъ въ этомъ домѣ довольно долго, состоя на службѣ въ г. Инсарѣ городничимъ, товарищемъ воеводы и предводителемъ дворянства. Здѣсь же родился и я, и отъ трехлѣтняго возраста сохранилъ въ воспоминаніи всѣ предметы, живые и неодушевленные, бывшіе на моихъ глазахъ: помню въ кіотѣ за образами вербу съ вишенками, которой мнѣ не давали играть; помню палисадникъ передъ домомъ, выходившій на улицу: онъ былъ засаженъ малиной, смородиной и черемховыми кустами, въ которыхъ я беззаботно наслаждался плодами зрѣлыми и незрѣлыми; помню друзей и пріятелей моего батюшки—крестнаго моего отца Максима Петровича Литвинова, мужественной наружности, съ кривымъ глазомъ, Александра Ивановича Енкѣева, огромнаго мужчину съ татарской физіономіей, гладко остриженнаго подъ гребенку и съ чрезвычайно выпуклыми глазами; помню городничаго В. Я. Фонкерпена и его соловенькихъ лошадокъ, на которыхъ онъ часто меня каталъ, ухаживая за всѣмъ нашимъ семействомъ, въ надеждѣ получить руку племянницы моего батюшки, въ чемъ однако ему было отказано; помню наши городскія сани изъ бѣлой жести, съ боками, вытѣсненными узорами, раскрашенныя зеленой и красной краской, помню нашу вороную лошадь, извѣстную подъ именемъ саратовской, чрезвычайно шибкой рыси, и какъ бывало няня, катаясь со мной, говаривала кучеру: «что ты, Іуда Иванычь, такъ закатываешъ: вѣдь у меня съ барченкомъ ажно духъ захватываетъ на морозѣ»; помню Анну Ѳедоровну Макарову, небогатую дворянку старушку, которая ежедневно бывала у матушки гостьей и всегда веселая, въ особенности, когда по вечерамъ въ гостиной собиралась семья наша и немногіе посторонніе: въ этихъ бесѣдахъ только и слышенъ былъ голосъ Анны Ѳедоровны и всѣ смѣялись отъ

души, такъ какъ эта старушка, при большомъ умѣ, обладала чрезвычайной остротой и юморомъ; ее всегда отвозили домой на нашей лошади и всегда поздно ночью, что крайне не нравилось людямъ и кучерамъ, избалованнымъ въ добромъ дворянскомъ домѣ: такъ когда однажды зимой повезли Анну Ѳедоровну въ розвальняхъ на одной лошади, кучеръ, можетъ быть въ росхмель, а можетъ и съ похмелья, въ ухабѣ будто нечаянно упалъ съ козелъ, выронилъ изъ рукъ возжи—лошадь поскакала, и бѣдная Анна Ѳедоровна намаялась отъ испугу, однакожъ цѣла и невредима добралась до своего дома, послѣ того просила однако Савелья Матвѣевича кучеромъ съ ней не посылать.

Инсарской уѣздъ былъ уже и тогда наполненъ жившими здѣсь значительными дворянскими фамиліями, изъ числа коихъ Араповъ, Улыбышевы, Мошковы, Хрущевы, Бахметьевы, Вельяшевы были пріятными посѣтителями батюшки, самъ же онъ никуда не выѣзжалъ, лишившись вовсе зрѣнія. Въ этомъ несчастномъ положеніи онъ находился лѣтъ пятнадцать. По каждое воскресенье изъ его пріятелей непремѣнно кто нибудь пріѣзжалъ къ обѣду; въ иной праздникъ даже очень много собиралось гостей: какъ сказывали, обѣдывало до ста человѣкъ. У батюшки была своя музыка, которую я очень помню; изъ инструментовъ особенно занималъ меня віолончель: я не пропускалъ случая пощелкать толстыми его струнами, когда позволялъ музыкантъ. По зимамъ нерѣдко были балы, на которые собиралось человѣкъ полтораста гостей; тутъ всегда отличался одинъ небогатый помѣщикъ А, маленькой ростомъ, съ рыжими изкрасна волосами, щедушный, но удалой и выдѣлывавшій на славу казачка.

Среди тихой патріархальной уѣздной жизни я замѣтилъ въ одинъ день необыкновенную суету въ домѣ; лакеи сновали впередъ и назадъ, дѣвушки тоже, кто запиралъ ларцы и скрынки, кто связывалъ узлы съ какимъ то мягкимъ буторомъ. Все это для меня было необыкновенно; спрашиваю няню, что это все бѣгаютъ? «нишни, милый, отвѣчаетъ она—собираемся въ Москву». Какъ, няня, и меня возьмутъ? «Возьмутъ, родимой, и я съ тобой поѣду». И вотъ насталъ радостный день отъѣзда. Помню, что все наше семейство размѣщалось въ четырехъ кибиткахъ; не знаю, долго ли ѣхали, но ѣхали все на своихъ лошадяхъ—до самой Москвы. Не

*

знаю, въ какой части города стояли мы въ Москвѣ; но помню, что насъ посѣщали Лаговщины и Вѣтровы; помню, что однажды батюшка, имѣвшій большой поташный заводъ и продавъ, вѣроятно, большую партію, получалъ отъ купца деньги золотыми, поставленными кучками; эти золотые были съ крестами, слѣдовательно чекану императрицы Екатерины; помню какъ старикъ-продавецъ клюквы, неся на головѣ лотокъ, распѣвалъ: «ай по ягоду, по клюкву, по красную по крупну; Марья Ивановна, московская барыня, клюковку съ лотка покупала, сахарцомъ посыпала, денежки платила, дружбу любовь водила». Въ то время клюква и калужское тѣсто были народнымъ лакомствомъ и имѣли большой расходъ.

По возвращеніи изъ Москвы не могу сказать долго ли мы пробыли въ Инсарѣ, но въ 1801-мъ году всей семьей уже находились въ Сердобскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ выстроенъ новый весьма большой домъ, и складена каменная церковь иждивеніемъ батюшки. И здѣсь мы были посѣщаемы сосѣдями, изъ коихъ Челюскины, Рылеевы, Пожневы были къ намъ въ близкихъ пріязненныхъ отношеніяхъ; пріѣзжало также много небогатыхъ помѣщиковъ: одинъ изъ нихъ Т. любилъ выпить чарочку, а другой Л. былъ напротивъ весьма воздерженъ. Т. въ синей суконной сибиркѣ съ огромными мѣдными пуговицами, и подпоясанный гаруснымъ кушакомъ, пріѣзжалъ на бѣговыхъ дрожкахъ аккуратно каждый четвергъ на базаръ, а отсюда заѣзжалъ къ намъ обѣдать, также и по воскресеньямъ. Послѣ обѣда батюшка, бывало, спрашиваетъ по секрету на ушко сосѣда: «что Т., покраснѣлъ или нѣтъ?» то есть достаточно ли подпилъ за обѣдомъ; если Л. отвѣчалъ «да», то Т. позволялось отправиться къ Сергѣю Потаповичу, нашему управителю, потолковать о хозяйствѣ (чтобы избавиться отъ его докучливости); а между тѣмъ и Т. отъ этого былъ не въ убыткѣ: у Сергѣя Потапыча въ подвалѣ стояли сороковыя бочки съ вишневкой, клубничникомъ, яблоновкой, смородиновкой, и вотъ за разговоромъ Сергѣй угоститъ Т. до нельзя. А какъ по тогдашнимъ законамъ дворянамъ дозволялась домашняя выкурка вина, и вмѣсто девяноста ведерной пропорціи въ дѣйствительности выкуривалось четырежды девяноста, и притомъ можно вообразить и крѣпость вина, когда четверть ржи и другаго хлѣба намѣривалась въ девять мѣръ лукошниками, что составляло на нынѣшнюю мѣру конечно одиннадцать мѣръ, и

брали съ такой четверти по четыре ведра, а остальное, называемое погонь, раздавали безъ разсчету крестьянамъ,—то такихъ наливокъ Потапычъ давалъ Т-у штофчикъ и на дорогу.

Базаръ въ селѣ—дѣло важное: отовсюду съѣзжается народъ, вмѣстѣ съ товаромъ привозятъ и различныя вѣсти, при чемъ съ продажей и покупкой или мѣной являются неизбѣжно попойка, ссора и миръ. На камзолинскомъ базарѣ господствовалъ за то время не исправникъ или засѣдатель, а полковникъ Ж: онъ былъ охотникъ попить самъ и подпоить другихъ,ктобы ни попался; наслажденіемъ его было въ особенности перессорить между собою мелкихъ помѣщиковъ, если же кто упирался, не шелъ на ссору, то онъ самъ впадалъ въ азартъ или, бывало, на базарѣ же зазоветъ его къ себѣ въ деревню и непремѣнно заставитъ попробовать нагайки своего Тингая (такъ звался его любимый псарь). Но въ послѣднее время изъ сосѣдей одинъ молодой дворянинъ, выйдя въ отставку изъ военной службы, познакомился съ полковникомъ, и при первыхъ оргіяхъ на базарѣ повелъ на него атаку въ защиту своихъ крестьянъ и такъ храбро, что полковникъ отказался отъ дальнѣйшихъ набѣговъ.

Про этого полковника разсказывали много анекдотовъ въ родѣ слѣдующаго. Домъ въ его деревнѣ былъ выстроенъ на горѣ; подъ горою протекала рѣка, а за рѣкой шла проѣзжая дорога. Хозяинъ дома усвоилъ себѣ невинную привычку, состоявшую въ томъ, что когда онъ сидѣлъ на балконѣ, то всякой проѣзжающій по дорогѣ за рѣкой обязанъ былъ остановиться, сойти съ экипажа и, снявъ шапку или шляпу, поклониться полковнику; неисполненіе этого извинялось лишь проѣзжающимъ издалека, сосѣдямъ же это даромъ съ рукъ не сходило. Однажды у полковника, по окончаніи жнитва ржи, были собраны крестьяне пипровать, попить зелена вина и бражки-пивца моренаго; вино, какъ извѣстно, было домашней сидки на собственной винокурнѣ, а въ пиво для расхмелю подливался винный погонь, подслащенный медомъ: пивцо дѣлалось разбористое *съ перушкомъ*, ибо погонъ вина былъ несравненно крѣпче нынѣшняго полугара. Это угощеніе производилось передъ балкономъ полковника, на которомъ онъ самъ присутствовалъ, потягивая пуншикъ съ французской водочкой. Попойка была въ разгарѣ и бочки винныя и пивныя потребителями были уже опростаны и стояли на днахъ стойма, какъ доказательство въ успѣхѣ хозяйскаго

угощенія и усерднаго старанья потѣшить его по пословицѣ: хозяина почтить—весь день пропить. Въ это время за рѣкой ѣхалъ на телѣгѣ священникъ изъ недальняго села и не останавливаясь проѣхалъ уже господской домъ. Полковникъ удивился дерзости и своевольству священника, не исполнившаго извѣстнаго правила. Взволнованный этой выходкой, онъ гнѣвно закричалъ: «Тингай!» Надо сказать, что Тингай былъ у него въ должности дворецкаго, кравчаго и главнаго псаря и въ точности исполнялъ всѣ приказанія своего повелителя, хотя бы эти приказанія были и позорны и безчестны. На возгласъ своего барина безотлучный Тингай съ подобострастіемъ отозвался: «чего изволите»? Полковникъ мановеніемъ руки указалъ на вольнодумца-священника, приговоривъ «видишъ-его»!—«вижу, сударь, и исполню». Тотчасъ Тингай кидается на коня и съ огромною нагайкой въ рукѣ и двумя удалыми спутниками скачетъ въ слѣдъ за священникомъ; тутъ только послѣдній вспомнилъ о законѣ полковника, догадался, что трое всадниковъ скачутъ за нимъ, и не въ его пользу и не къ добру, ударилъ лошадь, поѣхалъ шибко, но могъ ли уѣхать отъ трехъ быстрыхъ лошадей скакуновъ. Въ мигъ наѣздники остановили его, и Тингай требовалъ, чтобы онъ предсталъ предъ очи его высокоблагородія г. полковника; священникъ отказывался, не соглашался и, какъ видно по дѣлу, съ настойчивостію. Чтобы побѣдить его упорство, Тингай хватилъ его нагайкой; священникъ въ свою очередь выхватилъ кистень и началъ отмахиваться (кистень состоитъ изъ аршиннаго ремня, привязаннаго къ черенку аршинной же длины; къ концу ремня прикрѣпленъ деревянный шаръ, корневой или дубовый, вершка два или три въ діаметрѣ). Все это происходило на виду полковника, удивленнаго и крайне раздраженнаго сопротивленіемъ священника. Но наперсники его превозмогли, взяли подъ уздцы лошадь и привели плѣннаго предъ грознаго хозяина, который и началъ обычнымъ порядкомъ допрашивать мнимаго преступника. Когда же священникъ вмѣсто повинной сталъ самъ держать крѣпкую рѣчь, то полковникъ, судья въ своемъ дѣлѣ, указалъ Тингаю на священника и бочку, прибавивъ: «туда его и подъ гору». Въ одно мгновеніе выколотили дно у бочки, нахлобучили на попа, заколотили опять дно и скатили бочку подъ крутую гору. Продѣлка эта возбудила продолжительный и неистовый хохотъ трехъ-сотенной пьяной

компаніи. Пока потѣшались, бочка скатилась въ самую рѣку, хотя и неглубокую въ этомъ мѣстѣ, но, къ несчастію священника, угодила открытой втулкой на дно рѣки, и онъ задохся. Когда наступила пора гостямъ расходиться по домамъ, полковникъ приказалъ освободить священника. Приступили къ бочкѣ, отколотили дно, съ крикомъ: «вылѣзай, батька», но батька молчитъ; наконецъ вынули покойника и принесли къ хозяину къ балкону; приказано: мертвое тѣло затоптать въ тину въ озерѣ, телѣгу сжечь, а лошадь на псарной дворъ въ супъ собакамъ. Такой подвигъ не могъ однако остаться тайной: крестьяне перешептывались и переговаривали между собою, такъ что слухъ дошелъ до исправника. Капитанъ-исправникъ пріѣзжаетъ съ судомъ и понятыми, которыхъ оставилъ въ селѣ, а самъ явился къ полковнику какъ гость. Хозяинъ тотчасъ взялся за угощеніе: принесли пуншъ и пошелъ кутежъ. Но все это не удержало исправника спросить о попѣ: куда онъ поѣхалъ изъ селенія и когда. Тогда полковникъ разразился на исправника ярымъ гнѣвомъ, обѣщался повѣсить его на *провѣсный балыкъ* на первой осинѣ, предложилъ лучше не касаться глупаго, по его мнѣнію, дѣла, вложилъ ему въ карманъ триста рублей ассигнаціями и приказалъ ѣхать отъ себя не оглядываясь. Сказано и сдѣлано. Вотъ и другой случай, разсказанный мнѣ о томъ же полковникѣ. Въ близкомъ отъ него разстояніи жилъ тоже отставной полковникъ, семейный человѣкъ весьма почтенный и уважаемый всѣми; съ моимъ батюшкой онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Въ чемъ-то онъ провинился предъ полковникомъ Ж, по мнѣнію этого послѣдняго, и значитъ, по непреложному суду его, слѣдовало наказать Р. Тотчасъ отдано приказаніе вѣрному Тигаю собрать барщину на коней, и немедленно является до двухъ сотъ конниковъ, кто съ косой, кто съ вилами, дубиной, кистенемъ. Вся эта ватага отправляется въ набѣгъ подъ главнымъ начальствомъ самого полковника Ж, останавливается и оцѣпляетъ кругомъ небольшую деревеньку въ 50 душъ, принадлежавшую доброму Р. Тутъ посылается къ нему парламентеръ съ предложеніемъ явиться къ Ж. съ повинной; Р, увидѣвъ, что отъ пьянаго и буйнаго ждать добра нечего, кинулся на лошадь верхомъ безъ сѣдла, пролетѣлъ стрѣлой мимо цѣпи и прямо къ моему батюшкѣ съ просьбой объ участіи. Батюшка отправилъ Р. на свой хуторъ

верстахъ въ восьми отъ села и послалъ Сергѣя Потапыча къ полковнику Ж. въ его лагерь, просить убѣдительно посѣтить его. Какъ ни былъ азартенъ полковникъ, но уважилъ батюшку и тотчасъ къ нему явился, такъ какъ мѣсто атаки отстояло не болѣе какъ на пять верстъ. Батюшка успѣлъ кротостью уговорить полковника если не совсѣмъ оставить претензію на Р, то отложить ее до утра, на что онъ и согласился, и за тѣмъ уѣхалъ домой. Проводя его, батюшка немедленно взялся за Тингая, объявилъ ему, что Р., какъ онъ слышалъ, поѣхалъ въ Саратовъ съ жалобой и что необходимо снять скорѣе крестьянъ съ цѣпи и уничтожить всякую огласку и тѣмъ охранить барина отъ худыхъ послѣдствій. Тингай въ точности исполнилъ совѣтъ батюшки и отпустивъ крестьянъ домой, урезонилъ и самого барина, и на третій день полковникъ пріѣхалъ благодарить слѣпаго кума (такъ онъ называлъ батюшку, бывъ дѣйствительно воспріемникомъ моего брата) за добрый совѣтъ. Оба эти происшествія относятся ко времени съ 1795 до 1802 года и были уже послѣдними подвигами полковника. Губернаторъ Бѣляковъ положилъ конецъ буйному его произволу; оставались за нимъ только погуляшки на базарахъ въ селѣ Камзолѣ и то болѣе его дворовыми людьми, еще не совсѣмъ укрощенными въ продѣлкахъ.

Время дѣтскаго моего возраста текло пріятно почти на полной свободѣ. Съ трудомъ, бывало, отыщетъ меня няня, когда я послѣ чая съ сдобными булками или кренделями домашняго печенья, какъ стрѣла, улеталъ въ огородъ, гдѣ меня прельщали гороховые стручки, бобы и огурцы, которыми я и пользовался свободно; но на краснѣвшіеся изъ-за стеколъ въ оранжереѣ персики мнѣ приходилось только любоваться, ибо дверь была подъ замкомъ и ключъ хранился у батюшки. Передъ обѣдомъ, когда начиналъ уже появляться голодъ, я отправлялся въ кухню добыть чего нибудь перекусить, и въ этомъ никогда небыло отказу отъ добраго Семена Семеновича, главнаго кухмистера; да и было чѣмъ угостить или удовлетворить моему желанію: обиліе тогдашней стряпни на кухнѣ было поразительно; я не говорю уже о ежедневномъ семейномъ обѣдѣ: онъ всегда былъ матеріаленъ и сытенъ; но вотъ краткій отчетъ объ обѣдѣ для гостей: онъ состоялъ изъ двухъ горячихъ—щей и супа, консоме тогда не знали,—были супы изъ куръ съ рисомъ, съ

клецками, съ макаронами, вермишелью, потрохами; къ нимъ два пирога; за тѣмъ два иногда холодныхъ, бо́льшею частію винегретовъ, которые приготовлялись такъ: дѣлалась изъ теста муфта, обмазывалась чухонскимъ масломъ и оклеивалась фигурами разныхъ колеровъ, вырѣзанными изъ бархата, тафты, цвѣтной бумаги; фигуры эти изображали животныхъ—козелковъ, зайцевъ, барановъ, птицъ, цвѣты, плоды; въ такую изукрашенную муфту, поставленную уже на блюдѣ, накладывали винегретъ изъ разныхъ мясъ и рыбъ съ пикулями, которые тогда имѣли свои названія по различію огородныхъ овощей, изъ которыхъ были приготовлены. За винегретомъ слѣдовали соусы, двухъ,четырехъ, иногда и болѣе сортовъ. На жареное подавалось по два и по три сорта птицъ и баранина, телятина же тогда мало употреблялась: ее считали какъ бы запрещенной уставомъ церкви, кромѣ праздника пасхи; блюды жаренаго ставили попарно въ строгой симметріи. Пирожныя готовились болѣе мучныя, съ миндалемъ, разныхъ фигуръ и видовъ; на блюдахъ являлись цѣлые дома, корзины, деревья, обложенные мелкими штучками печенья. На столъ же для параду и украшенія ставились такъ называемыя тогда филейныя доски. Это были рамки изъ посеребреной или позолоченой мѣди около деревянной доски въ поларшина въ квадратѣ, закрытой съ верху цвѣтнымъ стекломъ, а вокругъ вставлялися изрѣдка бронзовыя же, вершка въ два вышиною, колонки, на которыхъ съ одной на другую на проволочной цѣпочкѣ привѣшивались фестонами хрустальныя подвѣски разныхъ фигуръ. Такихъ филейныхъ досокъ ставилось, смотря по длинѣ стола, по четыре и болѣе одна подлѣ другой, и вокругъ нихъ разставлялись уже миски и блюда съ кушаньями, въ строгомъ симметрическомъ порядкѣ, а между блюдъ размѣщались бѣлыя и красныя вина и различныя наливки. Угощеніе начиналось всегда въ неизмѣнномъ порядкѣ съ холодныхъ, а потомъ уже подавались супы, пироги, соусы, жареное и пирожное. Кушанье подносили гостямъ не къ ряду, какъ нынѣ, а по старшинству или почету хозяина къ гостямъ; можно вообразить, какая была толкотня и замѣшательство: нѣкоторыхъ обносили, а нѣкоторымъ и вовсе не подавали: бѣдные малочиновные съ большаго пира иногда отправлялись голодные и доѣдали уже дома; при этомъ, по неизбѣжной мѣшкотности прислуги, можно вообразить сколько времени доста-

валось высидѣть за столомъ. Десертъ за обѣдами не подавался: для него въ гостиной накрывали особенный столъ, на который и ставились разныя сласти. Варенье подавалось на блюдечкахъ съ одной ложкой на каждомъ, такъ что эта ложка была для всѣхъ гостей общей—люди тогда не такъ были брезгливы и разборчиво-осторожны, да можетъ быть и причинъ менѣе было нынѣшняго къ опасеніямъ. Дѣйствительно, я не запомню изъ тогдашнихъ физіономій ни одной, изуродованной цингой или другой болѣзнью; вообще натура человѣка, даже просвѣщеннаго, тогда не такъ была изнѣжена и разслаблена какъ нынче; хилыхъ существъ было видно мало, а напротивъ здоровый румяный цвѣтъ лицъ обоего пола былъ порукою ихъ здоровья и крѣпости. Но въ общежитіи и тогда уже принята была извѣстная манера вѣжливости. Каждый посѣтитель, входя въ гостинную, былъ обязанъ подойти къ ручкѣ ко всѣмъ дамамъ сколько бы знакомыхъ его тутъ нибыло; иная ручка можетъ быть и не очень чисто была вымыта, а иная и черезъ чуръ некрасива, но это все было ни почемъ: обычай исполнялся безпрекословно, не поцѣловать у знакомой дамы ручку значило нанесть ей страшную обиду; не было ничего мудренаго, еслибъ мужъ, сватъ или братъ вступились за мнимо обиженную; но дуэлей тогда было мало на слуху, а всегда приступали къ дѣлу ближе и скорѣе,—за придирки слѣдовала или пощечина или потасовка; бо̀льшею частію подобные случаи были вспышкой; радушный хозяинъ спѣшилъ примирять поссорившихся гостей, и за тѣмъ добрыя наливки окончательно заливали гнѣвъ, такъ что пріѣхавъ домой сами ссорившіеся уже не помнили о происшедшемъ, развѣ кто изъ постороннихъ припоминалъ имъ въ насмѣшку, что вотъ де что между вами случилось.

Въ 1803 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, начали поговаривать у насъ въ домѣ о путешествіи въ Ломовъ на богомолье и ярмонку. Сборы и приготовленія продолжались довольно долго, да и нельзя было иначе по тогдашнему времени и обычаю; надо было для семьи и прислуги заготовить для пути всѣ потребности, если же бы что забыли взять съ собой изъ дома, то на дорогѣ уже добыть было нельзя, кромѣ прекраснаго воздуху, хорошей воды, дичи и рыбы. Дѣйствительно, мнѣ кажется, температура была тогда не такъ сурова, какъ нынче. Настанетъ, бывало, весна, самая благотвор-

вая: во всей природѣ разливается теплота, съ перепадающими по временамъ дождями, оживлявшими всю растительность; въ концѣ мая или съ іюня начинались жары, а съ половины августа воздухъ освѣжался; словомъ, все было не такъ какъ нынѣ—апрѣль теплый, а май холодный съ безпощадными морозами. Тогда въ сердобскомъ уѣздѣ выспѣвали на бахчахъ въ изобиліи и дыни и арбузы нисколько не хуже нынѣшнихъ камышинскихъ, а геодезы говорятъ, будто магнитная стрѣлка съ 1785 по 1845 годъ показываетъ на 2½ градуса разницы. Почтовыхъ лошадей нельзя было въ то время доставать, даже и вольныхъ, особенно когда ихъ требовалось въ запряжку болѣе двадцати; ибо населенность была еще рѣдкая, такъ что тридцать и болѣе верстъ на проѣздахъ не было селеній. По этому, отправляясь за полтораста верстъ и дѣлая на своихъ лошадяхъ шагомъ не болѣе двадцати верстъ въ станцію, везли съ собой и овесъ для лошадей и провизію для людей. Такъ отправлялись и мы въ шести экипажахъ съ тремя телѣгами; на послѣднихъ помѣщались палатки. Какое было для меня раздолье и удовольствіе, когда мы останавливались въ полдень для обѣда и для покормки лошадей. Мѣсто для этого выбиралось преимущественно на лугу у воды и притомъ, если можно было, у лѣса; тутъ разстанавливали экипажи и обозъ въ такомъ порядкѣ, какъ иногда нынче располагаются цыганскіе таборы. Еще, бывало, не успѣютъ остановиться, какъ я, братъ и сестры, выскочивъ изъ экипажей, уже бѣгали по шелковистой травѣ: пестрота цвѣтовъ, бабочки, а иногда и клубника завлекали насъ далеко. Между тѣмъ пока кучера отпрягали лошадей, спутывали имъ переднія ноги путами и пускали на лугъ щипать траву до дачи имъ овса, батюшка отдавалъ приказанія: «Иванъ, возьми ружье, посмотри нѣтъ ли утокъ или другой дичи; а ты Семенъ съ Поликарпомъ ступайте съ бреднемъ», и они отправлялись на поискъ вольной провизіи. Въ тоже время поваръ разводитъ огонь, становитъ таганъ, а на него огромный мѣдной чайникъ (тогда самовары были въ особой чести и употреблялись только въ домахъ). Дѣвушки и камердинеръ батюшка Яковъ Иванычъ разстилали на лугу ковры, а на серединѣ ихъ накрывали скатерть и разстанавливали чайный приборъ и всѣ чайныя принадлежности. Тогда отправляли отыскивать насъ, и мы возвращались съ поисковъ добычи отъ великолѣпной щедрой при-

роды: ягоды, цвѣты, пахучія травы были наградой нашего набѣга; цвѣты и травы разбрасывались около ковра и распространяли благоуханіе. Вся семья садилась на ковры вокругъ чайнаго прибора—пить чай. Между тѣмъ поваръ изъ привезенной и пріобрѣтенной провизіи готовилъ обѣдъ: если на кормежку останавливались въ 8—9 часовъ, то обѣдъ готовился къ 12 часамъ. Онъ состоялъ изъ гораздо большаго числа блюдъ, нежели готовилось дома, изъ опасенія какъ бы которое кушанье не оказалось неудачнымъ. Подавали супъ или кашицу, ветчину, ботвинью, которую везли въ бутылкахъ, къ ней рыбу сушеную и распаренную въ горячей водѣ, вяленыя индѣйки и поросята, наконецъ жареную птицу или рыбу, такъ что бывало соскучишься отъ продолжительнаго подаванія яствъ, изъ коихъ болѣе половины оставались нетронутыми. Уборка и укладка всего разобраннаго для обѣда требовали опять много времени. Послѣ обѣда надо было господамъ отдохнуть и людямъ пообѣдать. Въ этотъ промежутокъ собирали съ лугу лошадей, привязывали къ телѣгамъ и задавали овесъ. Такимъ образомъ кормежка продолжалась не менѣе шести часовъ, и съѣзжали съ мѣста въ дальнѣйшій путь не ранѣе четырехъ-пяти часовъ по полудни, когда дневной жаръ уже охлаждался, а часамъ къ восьми останавливались на ночовку по близости селенія, за околицей, на лугу же. Такъ ѣхали мы полтораста верстъ не менѣе какъ три-четыре дня. Наконецъ увидали мы и цѣль путешествія—знаменитый Ломовъ. Не доѣзжая верстъ пять, посланы были два квартирьера верхами на отложенныхъ съ пристяжекъ лошадяхъ съ приказаніемъ осмотрѣть свободное мѣсто лагеря, узнать чьи фамиліи пріѣхавшихъ заняли мѣста, и нѣтъ ли мѣстъ свободныхъ между знакомыхъ ставокъ. По возвращеніи сихъ посланныхъ кортежъ нашъ отправился на предназначенный пунктъ, гдѣ и остановились экипажи. Изъ нихъ велѣно было ничего не вынимать, пока не разберутся съ телѣгъ привезенныя палатки, которыя и были разставлены одна подлѣ другой. Одна изъ нихъ, раздѣленная на четыре части, составляла спальную и туалетную семьи и кабинетъ батюшки, а другая, болѣе просторная и раздѣленная внутри, составляла пріемную, столовую и гостиную. Къ стѣнамъ поставлены были на козлахъ доски, покрытыя коврами: онѣ служили диванами, съ пособіемъ нѣсколькихъ походныхъ складныхъ стульевъ; въ та-

комъ родѣ были и складные столы. За этими двумя палатками ставилась третья—дѣтская палатка, а за нею уже въ нѣкоторомъ отдаленіи палатка четвертая—для горничныхъ дѣвушекъ и кухни. За палатками ставились экипажи и коновязи для лошадей. Такими группами палатокъ на берегу рѣки или ручья занималось пріѣзжающими пространство на версту и болѣе и имѣло видъ лагеря. Раскрашенныя масляной краской различныхъ цвѣтовъ и узоровъ палатки представляли красивую картину, особенно въ нѣкоторомъ отдаленіи.

По устройствѣ всего и по приведеніи въ порядокъ походнаго хозяйства внутри и внѣ палатокъ, началась забота объ туалетахъ, женскихъ и мужскихъ, а по устройствѣ и этихъ принадлежностей, приступили къ сношеніямъ съ знакомыми, пріѣхавшими на ярмонку: посылались лакеи узнать о здоровьи и доложить о пріѣздѣ, за этимъ начались и личныя посѣщенія. Тутъ въ бесѣдахъ главный разговоръ велся о томъ, кто что намѣренъ купить и сколько чего, нѣтъ ли слуховъ о цѣнахъ; далѣе—пріѣхали ли такія то и такія то фамиліи, то есть тѣ, на которыхъ имѣлись виды и проч. Главнѣйшая цѣль дворянскихъ фамилій въ посѣщеніи Ломовской ярмонки заключалась въ составленіи браковъ—тутъ были и играли главную роль женихи и невѣсты.

Когда открывалась ярмонка въ такъ называемыхъ рядахъ, то на прилавкахъ размѣщались госпожи покупательницы, бѣленыя и нарумяненыя, нѣкоторыя полныя, бѣлыя, съ естественнымъ цвѣтомъ лица, но все таки притертыя для моды, что же касается до престарѣлыхъ, тощихъ и смуглыхъ лицъ, то ихъ несчастныхъ просто наштукатуривали. Лучшія платья и блонды украшали дѣвицъ и молодыхъ и немолодыхъ вдовушекъ; въ ушахъ блестѣли бриліантовыя серьги; на пальцахъ выставлялись на показъ такія же кольца, а на шеѣ жемчугъ, словомъ тутъ было выставлено все богатство дѣвицы-невѣсты, въ оправданіе пословицы, «товаръ лицомъ продается». Родители были въ свою очередь на столько заботливы, что заблаговременно изготовляли отдѣльныя записки и духовныя завѣщанія на то приданое, которыми намѣрены были наградить своихъ дочекъ-невѣстъ, и эти бумаги брали съ собой на случай сговора и для удостовѣренія жениховъ.

Не были въ бездѣйствіи и женихи: они расточали всѣ усилія къ

роскоши и любезности, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые пріѣзжали изъ отдаленныхъ губерній и о состояніи которыхъ на подвижной Ломовской биржѣ курсъ довѣрія не былъ достаточно опредѣленъ вѣрными свѣдѣніями. Если съѣзжалось семействъ сто и болѣе, то сколько бывало здѣсь суматохи!. Обѣды, вечера, прогулки мимо палатокъ не прекращались, безконечныя рекомендаціи новыхъ лицъ, освѣдомленія о нихъ, запутанные неясные отвѣты приводили въ затрудненіе, а иногда и отчаяніе заинтересованныя лица; тутъ втѣснялись и клеветы и хвалы и сплетни и увѣренія съ хорошей стороны и предостереженія отъ бѣды и напасти, а сами разскащики между тѣмъ промышляли въ свою пользу; не обходилось безъ ссоръ и скандаловъ на каждомъ шагу. Бывали и комическія сцены, какъ напримѣръ слѣдующая: одинъ молодой человѣкъ дворянинъ слылъ нѣкоторое время львомъ ярмонки. Онъ былъ высокаго роста, стройный, съ приличною наружностью. Носилъ онъ синій фракъ съ свѣтлыми желтыми пуговицами; лифъ у фрака сзади на спинѣ съ пуговицами былъ по тогдашней модѣ, доведенной имъ до крайности, почти подъ лопатками, полы фрака далеко ниже колѣнъ, а спереди талья подъ ложечкой; воротникъ, сзади приподнятый выше шейнаго платка, почти закрывалъ весь затылокъ, жилетъ бѣлый съ краснымъ поджилетникомъ, вязаные шерстяные триковые палевые панталоны, въ обтяжку, опущены въ сапоги личные козловой кожи, востроносые и съ бѣлыми отворотами. Въ этомъ костюмѣ, съ взбитымъ кокомъ изъ волосъ на припудреной головѣ, молодой человѣкъ расхаживалъ по ярманкѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, съ полнымъ сознаніемъ достоинства и въ полномъ убѣжденіи на успѣхъ и побѣды. Въ числѣ пріѣзжихъ было семейство X. Двое молодыхъ людей этого семейства, сыновья зажиточныхъ родителей, имѣли при себѣ, по тогдашней привычкѣ богачей окружать себя домашними шутами, какого то штукаря Господова. Изъ зависти ли, или просто для насмѣшки они нарядили этого Господова точно въ такой же костюмъ, какой былъ на господинѣ П.: разница была въ томъ только, что Господову дали вмѣсто лорнета огромное зажигательное стекло. И вотъ этотъ искуственный двойникъ сталъ преслѣдовать его всюду, не только въ рядахъ ярмонки, но даже и при посѣщеніи палатокъ. Послѣдствіемъ этого было то, что въ половинѣ ярмонки Н. уѣхалъ во сво-

яси, а Господовъ, въ утѣшеніе и удовольствіе своихъ патроновъ, остался побѣдителемъ, удержавъ за собою поле битвы. Купцы въ свою очередь не дремали. Когда собиралось общество въ рядахъ и прилавки занимались невѣстами, разукрашенными и разряженными, и около нихъ толпились молодые и пожилые ловеласы, они предлагали свои товары дамамъ и дѣвицамъ и въ то же время спрашивали одобренія жениховъ, и обратно, предлагая товары женихамъ, спрашивали одобренія невѣстъ. Такимъ образомъ подстрекалось самолюбіе, тщеславіе, чванство, усиліе доказать на дѣлѣ свою состоятельность, страсти и ухищренія, и деньги сыпались въ карманы купцовъ безотчетно; пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ они сбывали всякую дрянь; залежавшіяся вещи шли за высокую цѣну и въ заключеніе, когда кончалась какъ торговля купцовъ, такъ и торговля жениховъ и невѣстъ, первые возвращались съ барышами и деньгами, а вторые прежде всего безъ денегъ и съ вещами или дурнаго качества или такими, которыя имъ вовсе ненужны, а главное одни изъ нихъ съ пріятными надеждами и побѣдами, другіе обманутые, съ горестью въ сердцѣ. Къ счастью, все это не могло относиться къ нашему семейству. Брачная спекуляція не входила въ составъ видовъ батюшки: старшей сестрѣ было не болѣе восьми лѣтъ, а старшій братъ былъ въ Петербургѣ записанъ въ кавалергарды; цѣль старика была помолиться чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери въ здѣшнемъ монастырѣ и повидаться съ родными и знакомыми. По исполненіи того и другаго, палатки наши были сняты и уложены, и мы выступили въ обратный походъ такимъ порядкомъ, какъ ѣхали сюда. Однажды остановились мы кормить на такомъ мѣстѣ, гдѣ не было подножнаго корма для лошадей, а между тѣмъ въ верстѣ виднѣлся стогъ сѣна; батюшка приказалъ изъ него взять сколько было нужно и по цѣнѣ чего стоило сѣно завязать въ ветошку мѣдныя деньги, а къ ветошкѣ привязать длинное мочальце; узелокъ этотъ велѣно было положить въ стогъ сѣна такъ, чтобы хозяинъ по выпущенному мочальцу могъ замѣтить уплату. Видя все это, я сначала не понималъ что тутъ дѣлаютъ; но когда мнѣ растолковали, то предложилъ мое мнѣніе привязать за мочальцо воробья, по которому хозяинъ и узнаетъ о сдѣланной ему уплатѣ. И люди и батюшка посмѣялись моему предложенію. Надо сказать, что старикъ мой батюшка былъ человѣкъ без-

примѣрной честности, религіозный и цѣломудренный даже въ холостой жизни. Раскажу случай, бывшій съ нимъ въ Петербургѣ. Находясь сержантомъ съ полкомъ въ лагерѣ для ученія, прихожу я однажды—разсказывалъ онъ—къ себѣ на квартиру и послѣ обѣденнаго стола легъ отдохнуть; вдругъ, уже заснувъ, я почувствовалъ какъ будто муха бѣжитъ у меня по щекѣ, но какъ ничего такого не было, то легъ вторично; но не успѣлъ заснуть, какъ въ другой разъ почуствовалъ тоже самое. Я вскочилъ и увидѣлъ передъ собою молодую женщину весьма изрядную собою. «Милостивый государь—сказала она—не вините никого въ причиненномъ вамъ безпокойствѣ, это я провела мокрой ниткой по щекѣ вашей, имѣя въ виду провести съ вами время въ уединеніи». Съ этими словами она бросилась обнимать меня и цѣловать. Я былъ внѣ себя и довольно грубо сказалъ, что никакой ея ласки не хочу и шутить съ нею не намѣренъ. За тѣмъ оставивъ постель, я началъ укорять ее въ невѣрности мужу (это была жена маіора) и въ поступкѣ, неприличномъ женскому полу, и удалился поспѣшно въ лагерь, благодаря Бога, что онъ избавилъ меня отъ грѣха и худой славы. Вотъ еще другой бывшій съ нимъ же случай, разсказанный имъ самимъ. Мнѣ было—говоритъ онъ—не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда меня перевели въ сухопутной шляхетной кадетской корпусъ и, по представленію полковника директору корпуса князю Борису Григорьевичу Юсупову, произвели по корпусу въ чинъ фельдфебеля вмѣстѣ съ сержантомъ барономъ Филиппомъ Вигель, съ капраломъ Андреемъ Лопухинымъ, а въ сержанты были въ тоже время произведены Осипъ Ушаковъ, Николай Чаусовъ, Иванъ Притчинъ, Иванъ Карауловъ, Семенъ и Акимъ Сулимы. Однажды, когда я занимался въ моей каморѣ дѣлами, часу въ третьемъ почи, вошелъ ко мнѣ мальчикъ съ просьбою, чтобъ я вышелъ на галлерею для нѣкоторой нужды. Выходя за нимъ въ узкія темныя сѣни, я спросилъ его, куда онъ меня ведетъ и зачѣмъ. Здѣсь дожидается васъ дѣвица, сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ тутъ же бросилась ко мнѣ на шею женщина со слезами: то была дочь капитана, семейство котораго я иногда посѣщалъ—дѣвица прекрасная собой. «Извините меня, говорила она, въ моемъ отважномъ поступкѣ,—я пришла къ вамъ, не бывъ болѣе въ состояніи переносить любовь къ вамъ и тоску сердца.» Я былъ уже въ ея объятіяхъ; но

мнѣ было извѣстно, что молодымъ женщинамъ строго запрещалось ходить въ корпусъ и притомъ особенной склонности я къ этой дѣвицѣ никогда не имѣлъ: и такъ, сдѣлавъ ей строгой выговоръ за ея неосторожность, я возвратился въ мою камору, заперся и продолжалъ писать.

Какіе великіе люди не покланялись женщинамъ и не падали передъ ними, но и подобные примѣры воздержанія и строгой нравственности въ описываемое время, можетъ быть, были вовсе не рѣдкость. У батюшки была еще и другая добродѣтель—акуратность и расчетливость; благодаря имъ и своей честности, онъ въ мнѣніи всѣхъ своихъ знакомыхъ оставилъ о себѣ память честнаго и благороднаго человѣка.

По возвращеніи изъ Ломова въ деревню, началось наше ученье. Нанятъ былъ Французъ—мосье Леружъ—вандеецъ, эмигрантъ, капитанъ королевской службы, мужчина лѣтъ шестидесяти, толстый, высокаго роста, сѣдой, почти всегда красный (цвѣтъ лица соотвѣтствовалъ его фамиліи) послѣ двухъ рюмокъ водки, съ физіономіей Бурбоновъ или Конде. Онъ былъ наставникомъ во французскомъ языкѣ двухъ моихъ сестеръ, брата моего Дмитрія и моимъ. Въ назначенные часы собирались мы въ классной комнатѣ. Въ 9-ть часовъ утра былъ урокъ по діалогамъ наизусть; въ 10 часовъ мосье Леружъ изволилъ выходить вмѣстѣ съ нами въ столовую завтракать, тутъ онъ выпивалъ свою порцію водки—рюмку чуть не съ нынѣшней квасной стаканъ, закусывалъ чѣмъ случалось, но преимущественно паровой рѣдькой, потомъ отправлялись въ классъ на продолженіе уроковъ. Учитель спрашивалъ изъ діалоговъ по русски, а мы отвѣчали по французски, и конечно гдѣ въ попадъ, а гдѣ и нѣтъ, но безъ дальныхъ претензій со стороны Леружъ; черезъ полчаса уроки замолкали; начинались разсказы учителя и конечно на русскомъ ломаномъ діалектѣ о томъ, какъ живутъ во Франціи; мы слушали и смѣялись на уморъ. Къ 12-ти часамъ учитель начиналъ сердиться на насъ за насмѣшки, но тутъ было уже время оканчивать классы, и мы отправлялись къ обѣду, послѣ котораго мосье Леружъ ложился почивать, а я съ братомъ отправлялись въ садъ, гдѣ всегда ожидали насъ мальчишки фавориты—двое сыновей прикащика Сергѣя Потапыча, получавшіе отъ насъ подачки отъ обѣда. Задобривъ ихъ такимъ образомъ, отправлялись мы въ смородину, къ

огурцамъ, моркови, бобамъ; насытившись всѣми этими продуктами, отправлялись на конный дворъ на поиски въ соломенныхъ повѣтяхъ воробьиныхъ гнѣздъ, душили несчастныхъ десятками хуже голодныхъ кошекъ; а послѣ этихъ подвиговъ возвращались въ классъ на 2 часа для переводовъ и чистописанія. Можно вообразить какъ шли эти уроки послѣ глубокаго сна и можетъ быть съ похмелья учителя и послѣ нашей бѣготни и полученныхъ нами царапинъ: написанныя нами каракульки могли бы быть обличителями успѣховъ нашихъ занятій; въ 6 часовъ кончался классъ и мы отправлялись въ столовую пить чай. Федосья Петровна, прикащица, приносила цѣлое рѣшето свѣжаго печенья, кренделей, булокъ, калачиковъ, сухарей, которые мы употребляли на славу. Черезъ часъ послѣ бѣганья въ саду или гдѣ попало, насъ съ братомъ отыскивали и приглашали къ батюшкѣ для полученія порціи сластей—арбуза или дыни, вишенъ, персиковъ или привозныхъ изъ Саратова яблокъ, грушъ, а иногда и для выговора за какія нибудь наши неумѣренныя шалости. Какъ бы то ни было, но время было блаженное, мы наслаждались какъ дѣти настоящимъ, а о будущемъ и въ голову не приходило. Но всему бываетъ конецъ; такъ и нашей деревенской жизни. Найдя, что образованіе наше не можетъ совершиться въ деревнѣ, батюшка рѣшился переѣхать въ Пензу. Здѣсь мы прожили съ мѣсяцъ на квартирѣ, а потомъ купили домъ (деревянный съ антресолями) у Анны Ивановны Ознобишиной въ Верхней Пѣшей улицѣ, за 2500 рублей ассигнаціями. Это произошло въ половинѣ лѣта. Осень этого года и начало зимы прожили мы весьма пріятно; всегда были гости, хотя батюшка, по слѣпотѣ своей и нездоровью, не могъ у себя въ кабинетѣ принимать многихъ. Частымъ его посѣтителемъ былъ его соученикъ по кадетскому корпусу и сослуживецъ Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель, въ послѣдствіи отецъ жены моей, состоявшій тогда въ Пензѣ гражданскимъ губернаторомъ; пріятельницами матушки были Александра Гавриловна Дубенская, Надежда Карповна Копьева, Анна Николаевна Смирнова, Александра Васильевна Милешина, урожденная Зубова, родственница намъ по Олимпіадѣ Николаевнѣ Зубовой. Старшая сестра моя, весьма умная и по тогдашнему образованная дѣвушка, очень пріятной наружности, но въ высшей степени скромная, имѣла много жениховъ, которые всячески ласкали меня и брата. Въ

это время занемогъ батюшка: его пользовалъ докторъ Христіанъ Ивановичъ Бухманъ, лучшій тогда медикъ; на консультаціи были приглашаемы и другіе доктора: Яковъ Матвѣичъ Европеусъ, Петръ Петровичъ Петерсонъ, но всѣ пособія и усилія были тщетны; онъ скончался тихою смертію. Это произошло въ январѣ 1805 года; тѣло его перевезли въ любимую его Юм—ку и оно погребено у каменной церкви Рождества Христова, сооруженной имъ на свой счетъ. Послѣ погребенія отца, мы цѣлый годъ прожили въ деревнѣ, а когда опять переѣхали въ Пензу, то тотчасъ отдали меня и брата Дмитрія въ пансіонъ Галье, француза, тоже эмигранта. Въ 1806 году я былъ опредѣленъ на службу въ пензенское губернское правленіе. Не смотря на то, постоянно являлся и въ пансіонъ; но ученье шло плохо. Въ 1810 году я начиналъ понимать мои недостатки, встрѣчаясь съ товарищами и сверстниками и затрудняясь въ разговорахъ, такъ какъ многаго и многаго я не понималъ, хотя и они звѣздъ съ неба не хватали. Это положеніе крайне меня безпокоило; я не зналъ какъ восполнить мои недостатки въ свѣдѣніяхъ. Разъ случилось мнѣ взять въ руки Московскія Вѣдомости, гдѣ я напалъ на публикацію о продажѣ книгъ вновь отпечатанныхъ; изъ нихъ одна заинтересовала меня: это былъ Плутархъ для юношества или жизнеописанія славныхъ мужей древности. Съ неописаннымъ восторгомъ пришелъ я къ старшей сестрѣ и сказалъ ей о находкѣ, которую желалъ бы читать; она съ первою же почтою, на собственныя деньги, выписала мнѣ Плутарха. Прочтя эту книгу съ наслажденіемъ, я получилъ охоту ознакомиться съ исторіей, а она обратила мое вниманіе на распредѣленіе государствъ въ Европѣ, что повело и къ изученію географіи; но иностранные языки я зналъ еще мало.—1811-й годъ засталъ меня въ неопредѣленномъ положеніи. Вездѣ слышно было о французахъ, объ ихъ военныхъ дѣйствіяхъ, о бывшихъ неудачахъ русскихъ армій. Всѣ были озабочены политическими обстоятельствами. Къ концу года предположенія и непріятныя предчувствія усилились. Наступилъ 1812 годъ и съ нимъ сомнѣнія и ожиданія разъяснились. Наполеонъ съ 500.000-ной арміей перейдя русскія границы, двинулся быстро внутрь государства. Битва подъ стѣнами Смоленска и внутри города кончилась оставленіемъ его непріятелю, армія наша отступила къ Бородину: здѣсь опять борьба

на жизнь и смерть. Послѣ жестокаго кровопролитнаго боя подъ командой Кутузова, наша армія опять отступила по дорогѣ къ Москвѣ. Вѣсти о успѣхахъ непріятеля и нашихъ отступленіяхъ приходили ежедневно, а иногда и два раза въ день; все впало въ уныніе, всѣ спрашивали другъ друга, нѣтъ ли какихъ новостей, съ тоскою и отчаяніемъ въ сердцѣ прибавляя: «ужъ не близко ли Москвы непріятель, не обложена ли Москва, неужели не устоитъ Москва? неужели Царь допуститъ раззореніе Москвы? нѣтъ ли какой измѣны?» Въ душевномъ волненіи дворяне и народъ отправлялись отъ мала до велика въ храмы и здѣсь съ колѣнопреклоненіемъ, изливая слезы, молились о спасеніи земли русской, матушки бѣлокаменной Москвы. Когда же на эктеніи литургисавшій взывалъ къ Вседержителю о избавленіи отъ нашествія иноплеменныхъ, тогда слышались громкія рыданія всѣхъ находившихся въ церкви. Отъ обѣдни большая часть стремилась къ почтовому дому справляться не пришла ли почта, нѣтъ ли курьера? Зловѣщее предчувствіе поражало всѣхъ и каждаго, всѣ спрашивали: почему не берутъ еще рекрутъ, почему всѣхъ насъ не ведутъ на защиту земли нашей, всѣ готовы жертвовать собой, умереть сладкою смертію за отечество, отдать все имущество за спасеніе вѣры, царя и отечества. Наконецъ полученъ высочайшій манифестъ императора Александра, которымъ объявлялось, что императоръ Наполеонъ съ французской огромной арміей вторгся въ предѣлы Россіи, и дѣлалось воззваніе къ вѣрноподданнымъ о защитѣ отчизны. Воззваніе это нашло отголосокъ и въ вельможѣ и въ крестьянинѣ: предложено для усиленія арміи составить ополченіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ, а въ званіе офицеровъ приглашены сами дворяне. Патріотизмъ проявился въ полномъ смыслѣ слова: все воспламенилось, все закипѣло усердіемъ къ отечеству и местію на враговъ; на устахъ каждаго носились слова: Пожарскій, Мининъ, земля русская, Москва, Батюшка Царь, помоги намъ, Господи. Не говоря о классѣ образованномъ, о взрослыхъ простолюдинахъ, крестьянскіе мальчики, младенцы собирались на улицахъ въ кучки, уговаривались играть въ французовъ, становились на двѣ стороны, на одной были русскіе, а на другой мнимые французы, но на послѣднюю становились не иначе какъ по жеребью или назначенію и непремѣнно съ обязательствомъ при

нападенія русскихъ отступать, такъ что игра кончалась всегда торжествомъ русскихъ и крикомъ ура. И сколько было примѣровъ огромныхъ пожертвованій, сколько самоотверженія. Въ комитеты, учрежденные по городамъ для составленія ополченія, дворяне сами являлись наперерывъ, въ особенности бывшіе въ военной службѣ и недавно ее оставившіе. Вмѣстѣ съ другими записанъ былъ и старшій братъ мой Степанъ, но какъ въ это время онъ уже былъ женатъ, а матушка въ преклонныхъ лѣтахъ и слабаго здоровья; притомъ при ней были двѣ сестры дѣвушки, и имѣніе въ разныхъ мѣстахъ, то съ разрѣшенія матушки я съ братомъ Дмитріемъ оставили статскую службу и вступили въ ополченіе, отъ котораго и былъ уволенъ старшій братъ, съ оставленіемъ въ должности уѣзднаго судьи въ Писарѣ. При содѣйствіи тогдашняго губернатора князя Сергѣя Григорьевича Голицына мы были назначены въ 3-й пѣхотный полкъ, формировавшійся въ городѣ Писарѣ подъ командою полковника Марка Васильевича Кушкерева. Чтобы явиться къ нему, надо было обмундироваться и завестить всѣмъ необходимымъ: это я началъ покупкою лошадей верховой и вьючной, для чего отправился въ село Беково, а оттуда въ село Засѣцкое— имѣніе Мерлина, у котораго былъ тогда знаменитый конный заводъ, преимущественно верховыхъ лошадей; много мнѣ ихъ показывали, но цѣны назначались высоки, не по моимъ деньгамъ; по этому я отправился отсюда въ село Аркадакъ и тамъ купилъ степную выдержанную гуртовщикомъ подъ сѣдло лошадь, которая мнѣ весь послѣдующій походъ служила какъ нельзя лучше. Возвращаясь изъ Аркадака въ Пензу, подъ самымъ городомъ, я встрѣтилъ князя Мансырова; спрашиваю его: «что новаго». Онъ едва намекнулъ, какъ я уже угадалъ горькую вѣсть, что Москва взята французами. Признаюсь, никогда въ продолженіи моей жизни не ощущалъ я того, что было тогда со мною: остолбенѣвъ, я безсмысленно стоялъ нѣкоторое время, потомъ вдругъ побѣжалъ, оставивъ повозку за собой. Мансыровъ остановилъ меня. Всѣ горюютъ—сказалъ онъ— и всѣ собираются возвращать Москву. При словѣ «Москва» я опомнился, сѣлъ въ повозку и пріѣхалъ домой. Здѣсь нахожу у матушки гостей,—Анну Фроловну Печерину съ маленькой дочкой и молодаго мужчину въ синемъ фракѣ, лѣтъ 32—35. Куда какъ некстати показалось мнѣ это посѣщеніе; однакожъ матушка меня поз-

накомила съ гостемъ; на другой день онъ опять пріѣхалъ; мы провели съ нимъ день, а къ вечеру сестра моя Капитолина сказала, что этотъ гость г. Ч., саратовской помѣщикъ, ищетъ ея руки. По привязанности моей къ сестрѣ, эта новость запала мнѣ въ душу тяжелымъ камнемъ; въ раздумьи о будущности ея, я всю ночь почти не спалъ, по утру же, когда еще неуспѣлъ одѣться, сестра прислала за мной свою фрейлину—Настасью. Какъ скоро я взошелъ, она начала объяснять мнѣ свои мысли, выставляя и выгоды и невыгоды сдѣланнаго ей предложенія и требуя моего совѣта. Это польстило моему самолюбію, но я не рѣшился отвѣчать необдуманно. Со слезами на глазахъ я ушелъ отъ нея въ залу, измѣрилъ ее бѣгая изъ угла въ уголъ, наконецъ съ тѣми же слезами возвратился къ сестрѣ, упалъ передъ ней на колѣни и уже не совѣтовалъ, а просилъ и умолялъ ее согласиться на бракъ, въ убѣжденіи, что женихъ человѣкъ солидный, что мы идемъ въ походъ, что на старшаго брата надѣяться нечего, что матушка и она съ меньшой сестрой остапутся въ такое ужасное и смутное время въ безпомощномъ положеніи, что выйдя замужъ она и сама будетъ пристроена и счастлива и не покинетъ, въ случаѣ нужды, матушку и сестру Марью. Мои ли слова, или ея собственная рѣшимость имѣли послѣдствіемъ, что жениху дано слово, и слава Богу. Выйдя замужъ, сестра была весьма счастлива. Я же послѣ помолвки отправился въ полкъ. Полковникъ тотчасъ назначилъ меня въ роту субальтерномъ, и я немедленно принялся учиться фронту и службѣ, вовсе мнѣ новой и неизвѣстной. Это было, кажется, въ исходѣ сентября 1812 г.—мнѣ шелъ тогда семнадцатый годъ.

Едва всмотрѣлся я въ мои военноучебныя занятія, какъ полковникъ призываетъ меня къ себѣ и приказываетъ отправиться въ г. Ломовъ для набора ратниковъ въ помощь къ маіору Зимнинскому. Въ исполненіе этого приказанія я прибылъ въ Ломовъ и долженъ былъ приняться за совершенно новое для меня занятіе. Маіоръ былъ боленъ и въ присутствіе набора не ходилъ, почему весь пріемъ 800 человѣкъ остался за мною. Благодаря обязательности маіора Евреннова, который при этомъ вразумлялъ меня, люди были приняты и постепенно отправлялись партіями въ Инсаръ; съ послѣднею отправилъ я прапорщика Белелюбскаго, а на другой день, закончивъ дѣло по пріему, выѣхалъ и

самъ тоже въ Инсаръ, располагая догнать здѣсь партію; но каково было мое удивленіе, когда, отъѣхавъ верстъ съ 20 отъ Ломова, я нашелъ моихъ ратниковъ спящими въ кустахъ, а офицера полураздѣтаго въ телѣгѣ. Это меня встревожило; спрашиваю: «почему партія остановилась здѣсь, а не на второмъ переходѣ, гдѣ она должна бы быть по маршруту», и получаю въ отвѣтъ отъ полустараго Белелюбскаго, что люди отзываются усталостью, а нѣкоторые отправились къ домашнимъ проститься съ семействами верстъ за 7—10. Дѣлать было нечего: я отдалъ приказъ нѣсколькимъ человѣкамъ ѣхать на подводныхъ лошадяхъ за отпущенными, съ тѣмъ чтобъ выслать ратниковъ на ихъ домашнихъ подводахъ и догнать насъ какъ можно скорѣе, а самъ повелъ партію. Не доходя до Инсара, всѣ люди собрались; я сдѣлалъ имъ перекличку и представилъ партію самъ. Полковникъ, осмотрѣвши людей, остался наборомъ и исправностію доволенъ, и отдалъ благодарность въ приказѣ по полку. Вскорѣ всѣ роты были укомплектованы и я былъ назначенъ въ 4-ю роту 2-го баталіона, въ которой ротнымъ командиромъ былъ поручикъ Т., вышедшій въ отставку изъ кавказскаго корпуса, знавшій хорошо службу, но горькой пьяница и буянъ. Меня онъ полюбилъ, и когда находился въ трезвомъ состояніи, занимался ученіемъ роты. Я по неволѣ долженъ былъ вникнуть во всѣ подробности по ученью и управленію ротой, ибо когда мой командиръ былъ, какъ говорится, не въ себѣ, то ученіе оставалось за мной однимъ и поротно и на полковомъ плацу. Къ счастію, при мнѣ находился нанятый мною собственно для моего наставленія отставной унтеръ-офицеръ, который былъ въ этомъ случаѣ моимъ учителемъ. Обмундировка ратниковъ состояла у офицеровъ въ сѣромъ суконномъ казакинѣ съ такими же шарварами (при чемъ у офицеровъ и унтеровъ воротники и лампасы были зеленаго цвѣта), а по казакину ременный поясъ съ пряжкою; у простыхъ ратниковъ были пики трехъ аршинъ длиною, а у офицеровъ сабли, кто какую имѣлъ, и надо сказать очень плохія, такъ что нѣкоторые клинки изъ простаго желѣза гнулись какъ моченое лыко. Я съ братомъ жилъ въ домѣ старшаго брата Степана и въ это время къ намъ пріѣхала изъ Пензы матушка съ сестрою Марьей.

Здѣсь я долженъ разсказать событіе, которое до сихъ поръ свѣжо въ моей памяти. Передъ нашимъ домомъ была деревянная церковь

Рождества Христова и тутъ же порядочная площадь, на которой происходило и ученіе моей роты. Не помню когда именно, но кажется въ первыхъ числахъ декабря (8 или 9) вышелъ я къ ротѣ и приготовивъ ее повелъ на полковой плацъ, противъ квартиры полковника. Онъ жилъ въ домѣ Головизнина, недалеко отъ чугуннаго завода Марьи Васильевны Никоновой. На плацу не нашелъ я однако ни одного офицера при ротахъ, хотя былъ въ сборѣ весь полкъ, состоявшій изъ четырехъ баталіоновъ, въ каждомъ по четыре роты въ 180 человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы стоять фрунтомъ побаталіонно и ротно, люди съ пиками въ рукахъ бѣгали изъ одной кучки въ другую, нѣкоторые лежали, по временамъ слышенъ былъ какой-то ропотъ; моя рота тоже начала расходиться. Спрашиваю фельдфебеля: «что значитъ этотъ безпорядокъ?» Да что, ваше благородіе—бунтовать хотятъ, отвѣчалъ онъ. Тотчасъ пошелъ я къ полковнику; но нахожу домъ его окруженнымъ ратниками, которые требовали, чтобы онъ къ нимъ вышелъ. Съ большимъ трудомъ пробился я сквозь толпу, однако къ удивленію моему вхожая дверь была заперта и никого не впускали. Послѣ долгихъ переговоровъ, чтобъ меня впустили, наконецъ поручикъ Дмитрій Михайловичъ Мещериновъ отворилъ дверь на столько, что я могъ пролѣзть, имѣя саблю наголо, и по входѣ моемъ тотчасъ задвинули опять запоръ. Тутъ я нашелъ всѣхъ офицеровъ полка, разсуждающихъ что̀ дѣлать? На спросъ мой, что все это значитъ, узнаю, что ратники не хотятъ учиться и объявили, что не пойдутъ въ походъ, котораго ожидали со дня на день, въ убѣжденіи, что ополченіе собрано не по волѣ Государя, а по волѣ самихъ дворянъ и съ тѣмъ чтобъ, приведя ихъ передъ французскую армію, продать безоружныхъ Наполеону, а онъ какъ плѣнныхъ отошлетъ ихъ воевать за него въ другія нѣмецкія земли, точно также какъ продали Москву, а въ доказательство самовольства дворянъ они представляли то, что, вопреки узаконеннаго обычая, у нихъ ни лбовъ, ни бородъ не брили, къ присягѣ не приводили, обмундировка не рекрутская, а крестьянская, и—главное—не объявляли имъ печатнаго указа Царя, за золотой печатью: всѣ эти дикія нелѣпости были слѣдствіемъ, какъ полагали, интригъ Наполеона, который дѣйствовалъ чрезъ шпіоновъ, разсѣянныхъ тогда по всей Россіи во множествѣ, въ особенности Евреевъ и обрусѣв-

шихъ Поляковъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ нелѣпомъ убѣжденіи ратники настоятельно требовали выхода къ нимъ полковника и всѣхъ офицеровъ, по неудовлетвореніи же ихъ требованія начали пиками бить стекла въ окнахъ, которыя не были закрыты ставнями, и за тѣмъ вдругъ раздался крикъ нѣсколькихъ голосовъ: на заводъ, на заводъ, за соломой; обложимъ домъ и зажжемъ: пусть сгорятъ окаянные предатели. Въ эту минуту подходитъ ко мнѣ полковникъ Кушнеревъ и даетъ запечатанный пакетъ, довольно толстый, сказавъ: извольте отправиться немедленно курьеромъ въ Пензу и представить это донесеніе губернатору и дивизіонному ополченія (первымъ былъ тогда камергеръ князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ, а вторымъ генералъ-маіоръ Николай Федоровичъ Кишинскій). Я докладываю полковнику, что ратники могутъ у меня отнять пакетъ, и потомъ гдѣ взять лошадей. «Пакетъ извольте спрятать и беречь, а лошадей добудьте гдѣ знаете», былъ отвѣтъ. Офицеры присовѣтовали мнѣ разстегнуться и заложили пакетъ за спину подъ мундиръ. Полковникъ далъ это порученіе мнѣ какъ кажется потому, что моя рота была сформирована лучше другихъ и волненія въ ней не замѣчалось, значитъ оставалась нѣкоторая довѣренность роты къ Т. и ко мнѣ, а главное потому, что я въ самомъ пылу бунта и раздраженія прошелъ между всего полка невредимымъ и послѣдній пришелъ въ домъ, почему заключили, что и обратно меня пропустятъ скорѣе, чѣмъ другаго; а на расторопность и смѣтку мою полковникъ тоже надѣялся. Такимъ образомъ я выпущенъ былъ въ тѣже двери, въ которыя былъ впущенъ; но едва показался въ толпѣ, какъ она меня обступила съ крикомъ: «куда идешь, зачѣмъ?» Я отвѣчалъ: «иду домой, къ матушкѣ, обѣдать». Вретъ, обманываетъ молокососъ,—и нѣкоторые начали уже толкать меня, а одинъ разорвалъ на мнѣ застежки мундира и вытащилъ книжку съ деньгами, коихъ было около тысячи рублей красненькими ассигнаціями; толщина книжки была причиной алчности и дерзости грабителя, вѣроятно полагавшаго вмѣстѣ съ деньгами найти еще какія нибудь приказанія на бумагѣ; не успѣлъ онъ вырвать мою книжку, какъ другіе стали у него отнимать и начался дѣлежъ моихъ денегъ. Въ эту критическую для меня минуту, когда судьба поставила меня лицемъ перваго въ жертву неистовой толпы, вдругъ выбѣгаютъ двое ратниковъ, Егоръ Устиновъ и Федоръ

Филимоновъ (отданные изъ нашего имѣнія), и останавливаются около меня съ крикомъ: «не трогайте, это нашъ баринъ!» Къ нимъ присоединилось еще четверо ратниковъ, принятыхъ изъ села Пушкина, которыхъ всѣхъ, какъ славныхъ ребятъ, Т. и я любили и сдѣлали ихъ урядниками. Всѣ шестеро выручили меня изъ толпы и окруживъ повели, подъ охраной пикъ, съ крикомъ: «не трогай, не дадимъ обижать». Но въ это самое время одинъ здоровый ратникъ, просунувъ между моихъ охранителей руку, схватилъ за полу шубу мою, накинутую на плеча, и сдернулъ ее съ меня въ одну минуту. Защитники мои бросились было отнимать ее, но чтобы предупредить схватку, я упросилъ ихъ оставить это дѣло, хотя шуба и была цѣнная даже по тогдашнему,—на тумаковомъ мѣху, не хуже доброй собольей. Тогда мы пошли дальше краемъ дороги, стараясь миновать бунтующей толпы. Между тѣмъ ратники, человѣкъ болѣе ста, бѣгавшіе на чугунный заводъ за соломой, хотѣли уже обкладывать ею домъ и зажечь; но другіе непьяные остановили, говоря, что огонь не шутка, хотя и зимнее время, но можетъ сдѣлаться общій пожаръ и причинить несчастіе другимъ невиновнымъ. Во время этого спора человѣкъ тридцать, помогая другъ другу, влѣзли по углу дома на крышу, просунулись слуховымъ окошкомъ на чердакъ и съ пиками въ рукахъ спустились въ комнаты дома: тутъ началась развязка. Офицеры стали отмахиваться саблями и рубить по пикамъ, но длинѣ копхъ ратникамъ неловко было дѣйствовать въ тѣсныхъ комнатахъ, поэтому они рѣшились отворить двери, и вышли на площадь. Тутъ на перваго напали на полковника; разбили ему голову до крови, такъ что она потекла ручьемъ на мундиръ, сорвали съ него ордена, и одинъ изъ ратниковъ надѣлъ ихъ на себя и провозгласилъ: «я теперь вашъ полковникъ, меня слушайтесъ; болѣе никого небить, слышите! ведите въ тюрьму—тамъ допросимъ». Но уже нѣсколько офицеровъ были переранены въ кровь. Мгновенно бунтующая толпа хлынула рысью, ведя подъ руки офицеровъ; дойдя до меня, пересѣкли мнѣ дорогу, и тутъ я увидалъ полковника и офицеровъ окровавленныхъ. Одинъ офицеръ сказывалъ, что полковникъ невидимо вышелъ изъ своего дома и спрятался въ домѣ Головизнина, и что будто здѣсь нашли его ратники по указанію маіора Зимнинскаго, когда ратники ворвались въ домъ, гдѣ я оставилъ офицеровъ. Этому событію я уже

нѐ былъ свидѣтелемъ, потому достовѣрно и не знаю, гдѣ былъ взятъ полковникъ, но вѣроятно вмѣстѣ съ офицерами, ибо уходить въ другой домъ ему было некогда, да кажется, что и домъ Головизнина тотъ самый, гдѣ квартировалъ полковникъ и гдѣ всѣ мы были вмѣстѣ съ нимъ. Предоставляю вообразить другимъ мое положеніе: имѣя подъ мундиромъ пакетъ съ донесеніями, я думалъ: что, если обыщутъ и найдутъ его у меня, что будетъ? но Богъ сохранилъ меня: защитники мои довели меня до моего дома благополучно и сдали меня на руки человѣку моему Родіону Михайловичу, приказавъ строго беречь меня и приговоривъ, что онъ будетъ отвѣчать за барина, а что сами они пойдутъ выручать Дмитрія Ивановича; дѣйствительно, они выручили моего брата и спрятали на кожевенномъ заводѣ, принадлежавшемъ батюшкѣ, въ двухъ верстахъ отъ Инсары. По пришествіи моемъ въ домъ, я увидѣлъ въ немъ полное разрушеніе: тогда какъ толпа ратниковъ атаковала домъ полковника, прочіе кинулись артелями разбивать кабаки и домы, въ числѣ коихъ напали на домъ брата моего Ст., гдѣ мы жили. Мебель, сундуки, шкапы—все было разломано, имущество расхищено, стекла выбиты, двери, большею частію наружныя, выломаны, даже полы были взломаны въ предположеніи, что тамъ спрятано какое нибудь добро. Къ счастію, матушка съ сестрой были вывезены благополучно изъ города на кожевенный заводъ. Начинало смеркаться; мнѣ надо было ѣхать въ Пензу; а лошадей не было кромѣ одной. Эту лошадь камердинеръ Родіонъ Михайловичъ запрегъ въ простыя сани, присовѣтовалъ мнѣ снять съ себя мундиръ, накинуть нагольный тулупъ, обернуть ноги онучами и надѣть лапти (мундиръ же и прочее связали въ узелъ и спрятали въ конюшнѣ въ сѣнной трухѣ), въ сани постлалъ немного соломы, на которую я и легъ, а сверху меня закрылъ соломой же и около меня воткнулъ желѣзныя вилы стоймя, за тѣмъ, пригласивъ повара нашего Федора Семенова, сѣлъ съ нимъ на облучки саней и какими то глухими переулками вывезъ меня благополучно изъ города,—и тутъ только я вылѣзъ изъ моей соломенной тюрьмы. На 4 или 5 верстѣ намъ встрѣтились три огромныя господскія повозки, ѣхавшія въ городъ; предполагая, что это должно быть большое семейство, я остановилъ первую повозку и на вопросъ мой узналъ, что это семейство Селунскихъ,—жена полковника Селунскаго

съ дочерьми и малолѣтными сыновьями; мужъ ея былъ командиромъ 1-го полка ополченія, формировавшагося въ городѣ Саранскѣ. Желая скрыть отъ ея людей мое настоящее положеніе, я началъ объясняться съ ней по французки, но она плохо понимала, наконецъ сказалъ ей, чтобъ она рѣшительно въ Инсаръ не ѣздила, а воротилась для спасенія себя куда знаетъ; самъ же, не теряя времени поѣхалъ далѣе. Съ самаго выѣзда моего изъ Инсара погода была ужасная, дорогу завалило снѣгомъ, такъ что нѣсколько разъ я ее терялъ и уже часовъ въ 12 пріѣхалъ въ село Хитрово, въ имѣніе Петра Андреяновича Вельяшева. Подъѣхавъ къ дому, вхожу въ прихожую; но лакеи, видя мою одежду, не хотѣли докладывать барину, что я желаю его видѣть и отсылали меня къ священнику, предполагая что я семинаристъ. Это заставило меня позвать Федора Семенова, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ изъ дома Вельяшева, гдѣ онъ учился въ поварахъ—люди узнали его и уже по его словамъ доложили барину; я нашелъ его въ кабинетѣ, сказалъ ему кто я, куда посланъ и по какому случаю: все это очень озадачило старика, онъ радушно предложилъ мнѣ угощеніе—чай, ужинъ, но я отъ всего отказался, и только просилъ дать какъ можно скорѣе лошадей и провожатаго, что онъ и исполнилъ. Въ селѣ Бибиковѣ, нашемъ имѣніи, я нашелъ въ избѣ у старосты матушку и сестру, спасенныхъ людьми. Послѣ первой радости свиданія онѣ разсказали, что кучеръ Поликарпъ Лукьяновъ запрегъ лошадь въ зимнюю повозку тогдашняго солиднаго размѣра, накладенную пожитками, въ которой помѣстились матушка, сестра и барская барыня матушки Прасковья Петровна, на козлахъ же сѣли Поликарпъ и лакей Никифоръ Козминъ, и такимъ образомъ на одной лошади, по занесенной снѣгомъ проселочной дорогѣ, пріѣхали они изъ Инсары въ Бибиково, т. е. сдѣлали безостановочно сорокъ верстъ съ тяжестью до шестидесяти пудовъ; поэтому можно судить о силѣ лошади: таковы были тогда конскіе заводы у помѣщиковъ; въ нынѣшнее время и признаковъ этихъ заводовъ уже не осталось, не смотря на всѣ мѣры, принимаемыя коннозаводчиками къ распространенію сильныхъ лошадей; причина та, что нѣтъ уже тѣхъ обширныхъ степей съ ковыльными травами, которыя представляли обильный кормъ и пространное пастбище, такъ что если бывало табунъ лошадей шарахнется (чего либо испугавшись), то пастухи не скоро могли догнать

ихъ; случалось, что онѣ даже убѣгали верстъ за сорокъ. Прежде четырехъ лѣтъ лошади не знали конюшни, оставаясь на корму въ естественномъ положеніи и развиваясь на свободѣ вмѣсто выправки ихъ нынѣшней гимнастикой, въ запряжку же употребляли ихъ не ранѣе шести лѣтъ и то еще не считали такую лошадь вступившей въ настоящую силу; вотъ почему тогдашнія лошади служили хозяину до тридцати лѣтъ; не смотря на то удивительно, что эти самыя лошади въ ѣздѣ съ первой запряжки были чрезвычайны смирны. . . . .

Пробывъ въ Бибиковѣ часа полтора, покуда собрали и запрягли лошадей, я отправился въ Пензу. Здѣсь я немедленно явился къ дивизіонному командиру генералъ-маіору Кишинскому, и вручилъ ему донесеніе полковника. Прочитавъ бумагу, генералъ при мнѣ же поѣхалъ къ губернатору, сказалъ адъютанту Саврасову, чтобы собрался конный полкъ ополченія къ его квартирѣ на площадь, а мнѣ приказалъ поскорѣе пополнить мою обмундировку и за тѣмъ отправиться въ полкъ. Такимъ образомъ съ недѣлю пробылъ я въ Пензѣ, куда пріѣхали матушка съ сестрой и братьями, и когда возвратился въ полкъ, то уже нашелъ здѣсь новаго полковаго командира (Кушеревъ вышелъ за болѣзнію въ отставку) — подполковника Петра Алексѣевича Бекетова. Тутъ я узналъ, что для усмиренія бунтовавшихъ ратниковъ, по распоряженію гражданскаго губернатора, истребованы были военныя команды изъ войскъ, бывшихъ тогда на походѣ чрезъ Пензенскую губернію въ г. Орелъ, изъ корпуса генерала Лобанова-Ростовскаго, съ коими прибылъ на мѣсто генералъ-маіоръ Адамовичъ и изъ Саратова бригадный командиръ внутренней стражи полковникъ Румянцовъ съ 136 человѣками гарнизонной команды и казаковъ. По усмиреніи ратниковъ въ Инсарѣ, команды эти были раздѣлены и обращены въ города Саранскъ и Чембаръ противъ возмутившихся и тамъ ратниковъ 1-го и 2-го полковъ ополченія, а когда и здѣсь водворился порядокъ, то, по распоряженію командующаго корпусомъ ополченія, генерала графа Петра Александровича Толстаго, былъ присланъ полковникъ Николай Николаевичъ Муравьевъ для производства слѣдствія и учрежденія военно-судной коммиссіи. Къ нему былъ присоединенъ, въ званіи депутата отъ гражданъ, присланный отъ пензенскаго губернатора для увѣщанія ратниковъ, надворный

совѣтникъ Ларіоновъ, а по Саранску губернскій стряпчій Степанъ Матвѣевичъ Поповъ. По слѣдствію оказалось, что возмущеніе возникло отъ ложныхъ слуховъ, дошедшихъ отъ одного ратника Федота Петрова, который, бывъ посланъ въ Пензу, слышалъ тамъ отъ рекрутской жены, имя которой не запомнитъ, что будто читали на базарѣ указъ о распущеніи ополченія, о чемъ Петровъ, возвратясь въ Инсаръ, объявилъ двумъ ратникамъ, Егору Попову и Якову Федорову; сверхъ того, пріѣзжавшіе изъ нижне-ломовскаго уѣзда села Есиневки люди разсказывали, что они давно ждутъ возвращенія своихъ ратниковъ, такъ какъ въ Тамбовѣ распущена милиція и прибавляли еще, что ратниковъ къ присягѣ не велѣно приводить, а безъ присяги въ походъ не поведутъ, что по этому и по неволѣ ихъ распустятъ. Такое разглашеніе имѣло послѣдствіемъ то, что когда данъ былъ приказъ о выступленіи въ походъ, то ратники 3-го полка 1-го баталіона 1-й роты потребовали присяги и именнаго повелѣнія, послѣ чего полковникъ Кушкеревъ, вышедя передъ фронтъ, увѣщевалъ воиновъ къ послушанію, но какъ это оказалось безъуспѣшнымъ, то приказалъ взять двѣнадцать человѣкъ подъ арестъ и отправился на свою квартиру; но затѣмъ болѣе чѣмъ половина полка отправилась въ городъ толпою, забрала пики и начала разбой кабаковъ и домовъ обывательскихъ, а остальные остались около квартиры полковника, начали въ домѣ бить пиками стекла, ворвались въ комнаты, перехватали офицеровъ и полковника, били его и нѣкоторыхъ офицеровъ до крови, потомъ отвели въ тюрьму, разграбили полковую сумму (ассигнаціями до тридцати тысячъ рублей), такъ что вмѣстѣ съ пограбленнымъ въ городѣ имуществомъ цифра похищеннаго восходила до ста тридцати тысячъ ассигнаціями. По этому слѣдствію военно-судная коммиссія распредѣлила ратниковъ къ наказанію на три категоріи: изъ всѣхъ трехъ полковъ тридцать два человѣка опредѣлено наказавъ кнутомъ, сослать въ каторжную работу, двѣсти восемьдесятъ человѣкъ прогнавъ шпицрутенами, отправить въ дальніе гарнизоны, и наконецъ до 800 человѣкъ наказать передъ полками палками. Присужденіе и приведеніе въ исполненіе конфирмовалъ дивизіонный командиръ ополченія генералъ-маіоръ Василій Петровичъ Титовъ, поступившій на мѣсто генерала Кишинскаго, вышедшаго въ отставку. Въ числѣ причинъ, усилившихъ развитіе бунта, можно полагать отсут-

ствіе дисциплины, несохраненіе субординаціи ратниковъ къ офицерамъ: изъ послѣднихъ, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ, небогатые люди, отпускали ратниковъ по нѣскольку разъ домой къ роднымъ, получая за это гостинцы изъ съѣстныхъ припасовъ и деньги, о дѣйствительномъ же разграбленіи казенныхъ денегъ тайна осталась за тогдашнимъ полковымъ казначеемъ Алексѣемъ Федоровичемъ Реновымъ.

При наказаніи преступниковъ кнутомъ я не присутствовалъ, но когда осужденные проходили подъ шпицрутенами, то ихъ крики, ослабѣвавшіе по мѣрѣ изнеможенія и утраты послѣднихъ силъ, помѣщеніе изнеможенныхъ на опрокинутыя дровни для окончанія положеннаго числа ударовъ, истекающая кровь, даже смрадъ крови (ибо былъ теплый день безъ вѣтра)—все это глубоко потрясло меня и при первомъ возможномъ случаѣ я поспѣшилъ оставить мѣсто наказанія, прося Бога изгладить у меня изъ памяти видѣнное; но и теперь, обсуждая хладнокровно это наказаніе, я не могу не пожелать, чтобы оно замѣнено было другимъ.

По окончаніи наказанія и по приведеніи въ порядокъ полка, мы выступили въ походъ подъ прикрытіемъ 150 человѣкъ башкиръ, такъ что половина ихъ шла въ авангардѣ, а другая въ аріергардѣ, а пики везли на подводахъ въ нѣсколькихъ переходахъ позади полковъ. Тяжелъ подъемъ въ русскихъ путешествіяхъ вообще, подъемъ же полка, худо дисциплинированнаго, въ особенности! Съ 10-ти часовъ утра поднялась страшная погода при морозѣ градусовъ въ 20; дорога была занесена снѣгомъ; между тѣмъ люди, кромѣ ранцевъ несли на себѣ много ненужныхъ вещей и разной провизіи вареной, соленой, жареной и каленой, данной имъ сродничками на дорогу; на 12—14 верстѣ многіе стали уже отставать и перемѣшались съ чужими ротами; тоже было и съ обозомъ. Подъ ночевку назначено было три или четыре селенія; люди помѣстились на квартирахъ, кто куда попалъ: помню, что я съ братомъ и двумя офицерами, Дмитріемъ и Егоромъ Михайловичами Мещериновыми, остановился на одной квартирѣ, куда мы пришли часовъ въ 10-ть вечера, усталые до нельзя. Для меня все это было новое дѣло: почти на половину время, въ прежней домашней жизни, я ходилъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, и вдругъ перейти въ сапоги съ шерстяными чулками, промаршировать по морозу и вьюгѣ двадцать верстъ

и вмѣсто лимонаду и шеколаду разрѣшить на ерофѣичъ,—какъ хотите важная перемѣна въ жизни 17-ти лѣтняго мальчика; но тогда и въ голову не входило мнѣ мое будущее: я беззаботно предавался судьбѣ безъ дальнихъ соображеній.

Мы вошли въ просторную и теплую избу, освѣщенную лучиной. Дмитрій Михайловичъ, какъ отставной поручикъ изъ гусарскаго полка Шевича, былъ привыченъ къ походамъ: онъ скомандовалъ зажечь наши свѣчи и подавать самоваръ, чему я чрезвычайно обрадовался, во первыхъ потому, что съ непривычки дымъ начиналъ мнѣ ѣсть глаза, а чай послѣ перехода, ознобу и усталости, истинное наслажденіе. Фадѣй, камердинеръ Мещеринова, проворно подалъ самоваръ—и началось распиваніе чаю. Вдругъ слышу возгласъ Д. М-ча (державшаго бутылку въ рукахъ). «Петръ? (такъ онъ меня звалъ) знаешь ли, въ этой бутылкѣ сколько добра и зла?»—Нѣтъ, не знаю.—«Попробуй, можетъ и узнаешь».—Съ этими словами онъ влилъ мнѣ чего то въ чашку. Спрашиваю: что это?—«Французся! Покуда мы съ тобой, учись, другъ, познавать добро и зло: ты юноша неопытный,—мнѣ хочется тебя помуштровать. Пей».—Я попробовалъ и поморщился. М. былъ немного близорукъ, устремилъ взглядъ на меня и спрашивалъ: что?—Не вкусно, говорю. «Вотъ видишъ—продолжалъ онъ—подольешь въ мѣру—добро; перельешъ лишнее—будетъ зло и будешь пьянъ; я чай, тебя учили не упиваться виномъ, въ немъ же есть блудъ; пьяный человѣкъ никуда не годится, готовъ на всякое зло и неспособенъ ни на какое добро,—помни это, другъ Петръ; а чашку то дай мнѣ, я ее допью.» Этотъ почтенный человѣкъ во весь походъ наблюдалъ за мной, вразумлялъ меня и дѣйствительно любилъ; я тогда привыкъ къ нему какъ къ охранителю моему и благодѣтелю, посланному мнѣ свыше: тогда я уважалъ его, а теперь вспоминаю съ благоговѣніемъ, какъ о личности добродѣтельной; да и офицеры всего корпуса уважали его. Послѣ чаю, опять послышалась его команда и тому же Фадѣю: ужинать, Фадѣй!—Увидѣвъ, что поданы въ кострюлѣ щи, я удивился какъ успѣли такъ скоро сварить ихъ, и узналъ, что ихъ сварили еще въ Писарѣ, розлили въ бурачки, и изъ одного замерзлаго теперь разогрѣли. За щами подали жареную индѣйку, а передъ столомъ принесена была бутыль, обшитая войлокомъ, изъ которой Мещериновъ налилъ мнѣ въ рюмку что то густое;

«нука, Петръ, попробуй и этого!» Я глотнулъ полрюмки,—это былъ ерофѣичъ, но густой какъ постное масло: отъ морозу водянистыя части замерзли и не выливались изъ бутыли, а спиртъ сгустился; слѣдовательно, я вмѣсто полрюмки хватилъ цѣлую, что во время ужина въ теплой избѣ меня порядочно разобрало. Я легъ спать на передней лавкѣ, всѣ прочіе тоже разложились и заснули. Черезъ часъ меня будитъ мой Родіонъ Михайловичъ. Я просыпаюсь, смотрю и не вѣрю себѣ: передо мною стоитъ слѣдователь ратниковъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ; выѣхавъ изъ Писара, онъ долго плуталъ въ погоду и, попавъ въ селеніе, устремился на первый огонь въ окнѣ; ему сказали, что тутъ стоятъ офицеры, поэтому онъ и вошелъ. Поздоровавшись со мной, онъ запретилъ будить товарищей, и самому приказывалъ ложиться и спать, просилъ только для себя чаю и, если есть, рому. Я не послушался его, самъ сдѣлалъ чай, добылъ ромъ, а между тѣмъ полковникъ влѣзъ на печь, туда ему Родіонъ и подалъ чай; согрѣвшись, онъ настоялъ, чтобъ я спать ложился, а когда мы проснулись, то его уже не было: онъ поѣхалъ далѣе. По утру ударили сборъ: надо было сдѣлать перекличку. Каково же было мое удивленіе и замѣшательство, когда ратниковъ оказалось въ ротѣ лишь на половину, а вмѣсто недостававшихъ были изъ другихъ ротъ. Что можно было подумать: дѣйствительно ли мои заночевали въ другихъ ротахъ, или нѣкоторые бѣжали; но дѣлать было нечего. Отойдя отъ квартиръ верстъ восемь, на переходѣ, когда весь полкъ соединился ротами, полковникъ остановилъ полкъ на привалъ, приказалъ ратникамъ перейти каждому въ свою роту и ротнымъ командирамъ сдѣлать перекличку по спискамъ: къ счастію, всѣ оказались налицо и извѣстно бѣжавшихъ не было.

Такъ начался походъ и продолжался переходами верстъ 20—25 въ день, подъ прикрытіемъ башкиръ, которые своими грубыми, дикоазіятскими выходками много забавляли насъ; шутки ихъ съ ратниками производили много смѣху. Я не любилъ ѣхать въ саняхъ или верхомъ, какъ многіе дѣлали изъ офицеровъ; но всегда шелъ передъ полкомъ вмѣстѣ съ музыкантами и пѣсельниками. Стараньемъ полковаго адъютанта Дмитрія Яковлевича Федорова и баталіоннаго Ивана Тимофѣевича Шишкина, былъ сформированъ порядочный хоръ пѣсельниковъ; главную роль игралъ запѣвало

Журавлевъ, не помню изъ чьего имѣнія принятый, но бывшій женскимъ портнымъ—прегорькой пьяница; но дискантъ имѣлъ такой, какого я не слыхивалъ—звонкій, чистый, какъ колокольчикъ. Никогда не забуду, какъ разливался онъ соловьемъ, гдѣ-нибудь въ уединенной рощѣ. Любимыя его пѣсни были: « о чемъ ты, Маша, плачешъ?» и другая—«пролегала тутъ дорожка»—обѣ заунывныя пѣсни хватали прямо за сердце.

Маршрутъ нашъ лежалъ на Чембаръ, Тамбовъ, Курскъ, Кіевъ. Этотъ послѣдній особенно заинтересовалъ насъ своимъ населеніемъ, состоявшимъ изъ малороссіянъ, ихъ языкомъ, образомъ жизни и избами, болѣе опрятными, чѣмъ у нашихъ русскихъ. Въ 30 верстахъ отъ Кіева остановились мы на контонпръ-квартирахъ за весеннею распутицей: въ моей квартирѣ была хозяйская дочь, хорошенькая и веселенькая; иногда я мѣшалъ ея работамъ, и когда бывало ущипнешъ ее, не получа удовлетворительнаго отвѣта, то она сердилась, говоря: отчепсь, смурый, огняной. Чтобы объяснить это выраженіе, я долженъ напомнить, что офицеры всѣхъ полковъ вышли въ походъ въ сѣрыхъ козакинахъ, съ зелеными воротниками; потомъ начальство признало полезнымъ сдѣлать различіе между полковъ цвѣтомъ воротниковъ: для этого полковой командиръ отправилъ меня въ Кіевъ, куда прибывъ, явился я къ корпусному командиру, графу Толстому, и онъ приказалъ сѣрый цвѣтъ замѣнить чернымъ, съ воротникомъ и лампасами на брюкахъ ранжеваго цвѣта, а киверъ имѣть четыреугольной, въ вышину фуражки, съ ранжевымъ же околышемъ. По этой формѣ сдѣлавъ мундиръ, явился я на смотръ къ графу Толстому, который и одобрилъ ее; послѣ чего я опять отправился къ полковому командиру, а отсюда въ свою роту, въ село Рогозово, помѣщицы Елизаветы Степановны Сулима, пожилой женщины, ласкавшей меня матерински. Простоявъ тутъ еще недѣли три, пока продолжалась распутица, по случаю переходнаго времени съ зимы на лѣто, мы выступили въ походъ, подъ звуками барабановъ и пѣснями соловьевъ и жаворонковъ, между которыми солировалъ и пьяный Журавлевъ, приложивъ правую руку къ уху. На этомъ походѣ занемогъ мой добрый благодѣтель и наставникъ, Дмитрій Михайловичъ Мещериновъ: горячка въ двѣ недѣли сокрушила его крѣпкую натуру; онъ умеръ на дневкѣ и я съ братомъ его, Егоромъ, почетно и съ честію

предали его землѣ; впрочемъ, теперь уже не помню мѣсто, гдѣ похоронено его тѣло—кажется, не далеко отъ Владиміра на Бугѣ.

Походная жизнь моя въ это счастливое время текла беззаботно; неприхотливая пища, какая гдѣ случится, сонъ тихій, сладкій и безмятежный поддерживали мое здоровье. Перейдя границы герцогства Варшавскаго, мы нашли здѣсь другую мѣстность, другихъ людей, другія условія быта: если встрѣчали гдѣ радушный пріемъ, то онъ былъ какъ бы контрабандой; всѣ опасались, что Наполеонъ опять воротится въ Польшу и москалей выгонитъ. Не такъ рѣшила однако судьба. Быстро двинули насъ въ Силезію, чрезъ часть прусскихъ владѣній. Въ Богеміи мы простояли съ недѣлю на бивакахъ, упражняя во все время ратниковъ ученіемъ стрѣльбою въ цѣль; къ сожалѣнію, ружья тульской работы, бракованныя, были совершенно неудовлетворительны: замки къ ложамъ, вмѣсто привинтки шурупомъ, заколачивались деревянными шпильками и привязывались веревочками. Во 2-мъ полку случилась такая исторія: дежурный по полку, прапорщикъ Владыкинъ, шепѣлявый на языкъ, съ присвистомъ, пришелъ съ рапортомъ къ полковнику Дмитріеву, который былъ въ походѣ съ женой; кромѣ нея, были тутъ и гости. Владыкинъ отрапортовалъ, что по полку все обстоитъ благополучно, только такой-то роты ратникъ, стрѣляя въ цѣль, подстрѣлилъ Гермалика (то есть, какъ думалъ Владыкинъ, Гермаль—человѣкъ, а Гермаликъ—человѣчекъ, мальчикъ); этимъ развеселилъ онъ всю компанію, а Дмитріевъ заплатилъ отцу нѣмчика за лекарства.

Въ одну ночь моего дежурства по полку произошла тревога во всемъ лагерѣ. Тревога эта такъ была сильна, что М., второпяхъ надѣвъ брюки безъ жилета и мундира, сѣлъ на лошадь—послѣ уже ординарецъ подалъ ему шинель. Насъ взбарабошили башкиры, которые содержали конную цѣпь передъ лагеремъ. А дѣло было вотъ въ чемъ: ночью австрійскій, намъ уже союзный конный полкъ, перемѣнялъ позицію; какъ скоро показалась голова полка, башкирскій часовой хватилъ изъ винтовки, а за нимъ другой, и пошла потѣха; кричатъ: непріятель, непріятель; а никому въ голову не придетъ, что непріятель цѣлымъ полкомъ съ неба еще ни разу не падалъ, а сосредоточилъ свои силы подъ Дрезденомъ; тамъ его снова наши разбили, и въ это самое время, какъ говорили, былъ

убитъ въ нашей главной арміи генералъ Моро, а Наполеонъ удралъ какую-то хитрую штуку, такъ что Дрезденъ опять былъ оставленъ нашими войсками, преслѣдовавшими главную французскую армію къ Лейпцигу. Наполеонъ посадилъ въ Дрезденѣ маршала Сенсира съ тридцати-тысячнымъ гарнизономъ: на него-то нашъ корпусъ и назначили въ блокаду, расположивъ наши войска биваками, вокругъ крѣпости. Тутъ въ первый разъ довелось намъ попробовать недостатокъ продовольствія—все и вездѣ главными арміями—непріятельской и нашей было опустошено и забрано; фуражировки были безплодныя, маркитанты рѣдки и бѣдны, хлѣбъ въ фунтъ вѣсу платился по талеру. Къ счастію нашему, какъ-то спаслись отъ всеобщаго истребленія десятинъ десять капусты и картофелю: здѣсь замѣтили зайцевъ, ловля которыхъ была для насъ потѣхою: человѣкъ тридцать ратниковъ, окруживъ это мѣсто, сходились къ центру и такимъ образомъ ловили зайца три, четыре, между тѣмъ французы съ цѣпи пускали въ ловцовъ пули; поэтому нашу охоту запретили. Въ одинъ день, передъ сумерками, выпросился я на фуражировку, на мызу, между нашей цѣпи форпостовъ и французской. Въ крестьянской избѣ я нашелъ мѣшокъ муки, кадочку побольше ведра шинкованной квашеной капусты и кувшинъ постнаго масла; забравъ эту провизію, я отправился назадъ и отошелъ шаговъ съ пятьдесятъ, какъ вдругъ услыхалъ блеяніе козла или барана; хотѣлъ опять воротиться, но отложилъ эту добычу до завтра. Когда пришелъ я въ лагерь, то капусту раздѣлили между офицерами полка, а изъ муки въ постномъ маслѣ начали жарить лепешки, и это казалось вкуснымъ: офицеры ѣли горячія лепешки и прихваливали. На другой день отправились мы на туже мызу, на поискъ барана, долго шарили и шныряли по угламъ скотнаго двора, наконецъ въ стойлѣ конюшни находимъ привязанную лошадь и козленка; такъ какъ кормить лошадь было нечѣмъ, то воспользовались только козленкомъ; но когда мы возвратились въ лагерь, то по нашему разсказу о лошади, вызвался поручикъ Ивановъ, бывшій изъ даточныхъ солдатъ и выслужившійся на Кавказѣ еще при генералѣ Цыціановѣ, отправился добывать ее и благополучно пріобрѣлъ (это была темногнѣдая кобылка, трехъ лѣтъ) и воротился, повторяя по-нѣмецки и грузински: «ихъ данке—батона». На слѣдующее утро зарѣзаннаго козленка раздѣлили въ ротѣ, а часть отослали къ

полковнику. Изъ моей доли Родіонъ Михайловичъ вздумалъ было сварить щи, но эти щи, незаквашенные, безъ соли и безъ хлѣба, причинили мнѣ страшные колики. Родіонъ Михайловичъ велѣлъ мнѣ лечь на спину и началъ мять мнѣ полегоньку животъ, словомъ, поступилъ со мною такъ, какъ часто обращаются съ лошадью, которая валяется одержимая чемéромъ: къ счастію, операція эта удовлетворила моего почтеннаго лекаря, я освободился отъ коликъ, въ особенности когда напился чаю съ ромомъ; чай этотъ только что былъ полученъ мною изъ Россіи, чрезъ нашего генерала Алексѣева, которому вручила его матушка вмѣстѣ съ деньгами: изъ четырехъ фунтовъ два остались за нами, а два пошли въ подарокъ и раздѣлъ между офицерами, какъ драгоцѣнная рѣдкость за границей.

1-го октября, послѣ наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля, былъ обложенъ нашимъ корпусомъ (графа Толстаго) Дрезденъ; 2 и 3 чиселъ были поиски фуражировокъ, о которыхъ я упомянулъ выше. 4-го октября въ ночь на 5-е я наряженъ былъ въ караулъ на форпостъ, въ королевскій садъ, гдѣ былъ большой каменный домъ, окруженный съ трехъ сторонъ фруктовыми деревьями, между коими были изрѣдка огромныя липы; онъ обнесенъ каменной стѣной, которая со стороны крѣпости имѣла нѣсколько проломовъ отъ пушечныхъ ядеръ; ихъ-то мнѣ приказано было оберегать ночью. Смѣнившись съ ротою Нейшлотскаго полка, я разставилъ часовыхъ; ночь прошла благополучно; но 5-го октября, чуть стало свѣтать, мы замѣтили въ воротахъ города, въ разстояніи отъ нашей цѣпи саженъ на 250, какое-то движеніе; минутъ черезъ двадцать послышался пушечный выстрѣлъ съ непріятельской батареи, потомъ другой и третій: стали всматриваться—непріятельская конница скакала уже на нашу пѣшую артиллерію, въ центрѣ нашего лагеря; я стоялъ противу пролома въ стѣнѣ, противъ меня выдвинулась колона пѣхоты съ стрѣлками впереди; вдругъ колона эта раздвоилась, раздались выстрѣлы изъ двухъ орудій, и ядра, пролетѣвъ надъ нашими головами, попали въ липы, коихъ сучья съ шумомъ посыпались на насъ,—французы лѣзли уже въ проломы; но нашъ крикъ «ура» и выставленныя пики съ штыками остановили наступающихъ. Такъ какъ положеніе мѣстности было покато къ городу, а за нашимъ лагеремъ возвышена версты на двѣ,

то дѣйствіе войскъ было намъ ясно видно, какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ; весь нашъ лѣвой флангъ круто завернулся назадъ, центръ тоже далеко былъ сбитъ съ мѣста, и тамъ, гдѣ бивакировалъ нашъ полкъ, неслись непріятельскіе кирасиры. Видя все это, я не получалъ однакожъ ни отъ кого никакого приказанія, наконецъ, явился нашъ баталіонный командиръ, маіоръ Андреяновъ; я спрашиваю у него приказанія, онъ вмѣсто отвѣта говоритъ: «Шувалова взяли въ плѣнъ» (офицеръ 1-го полка, саранскій помѣщикъ); въ эту минуту изъ непріятельскихъ орудій пустили въ проломъ уже картечью, все однако мы остались цѣлы, кромѣ одного барабанщика. Послѣ сего безполезно было держаться въ саду—мы стали отступать, и конечно въ безпорядкѣ; къ тому же, при переходѣ черезъ какой-то оврагъ, завязло орудіе нашей конной артиллеріи, и мы должны были его вытаскивать. Тутъ встрѣтилъ меня нашъ дежурный маіоръ Новиковъ, приказалъ мнѣ остановиться и собирать солдатъ какихъ бы полковъ ни было; но можно вообразить, въ какой мѣрѣ могло быть исполнено это приказаніе, когда никто своихъ не видѣлъ; наконецъ, выстрѣлы почти совсѣмъ прекратились, и мы потащились сами не зная куда, однакожъ попали въ городъ Аусснгъ. Это было уже ночью; тутъ произошла суматоха своего рода: одни кричали: «третій полкъ сюда, тамъ нейшлотцы; сюда 43-й егерской» и такъ далѣе, всякій выкликалъ своихъ, время же было холодное, осеннее съ дождемъ, грязь размятая чуть не по колѣно. Проведя ночь безъ пищи, безъ квартиръ и сна, мы съ радостію привѣтствовали наступившее утро и получили дизлокацію куда кому идти. Между тѣмъ непріятель, осмотрѣвъ занятыя имъ селенія, нашелъ здѣсь, конечно, мало поживы. Черезъ нѣсколько дней—не помню черезъ сколько именно, насъ повели опять противъ Дрездена и такъ или иначе, но, послѣ перестрѣлки 17 октября, непріятель втѣсненъ былъ опять въ городъ и недѣли черезъ двѣ или три гарнизонъ, въ количествѣ, какъ говорили старшіе, тридцати тысячъ, сдался. При этомъ войска наши были выстроены передъ городскими воротами въ шпалеры, а позади насъ стояли резервы въ колонахъ. Отворились городскія ворота, изъ нихъ непріятельскія войска должны были выходить. Передъ этимъ они останавливались рядами противъ насъ, и складывали ружья въ козлы. Нѣкоторымъ французскимъ солдатамъ явно было досадно;

вмѣсто того чтобы поставить ружья, они били прикладами въ землю, какъ дубиной, и этимъ много поломали ружей, пока не остановили ихъ офицеры; сдача продолжалась часовъ восемь. Когда безоружные отошли на нѣкоторое отдаленіе, однакожъ подъ конвоемъ нашихъ войскъ, въ городъ ввели наши полки и регулярными войсками заняли караулъ. По размѣщеніи на квартирахъ, мы кинулись по ресторацiямъ, въ намѣреніи утолить голодъ; но не тутъ то было: все было опустошено и мы убѣдились, что голодъ заставилъ маршала Сенсира сдать гарнизонъ и городъ, въ которомъ начинали уже свирѣпствовать и болѣзни. Большая была наша радость, когда объявили полкамъ выдти въ окрестныя селенія.

Въ Дрезденѣ наше ополченіе сложило пики и негодныя тульскія ружья, а вмѣсто ихъ приняло ружья французскія, съ орѣховыми ложами и мѣдными по̀лками, тѣ самыя, которыя непріятель сложилъ при оставленіи города; тутъ же взята реквизиція сукномъ темнозеленымъ, изъ котораго пошили на ратниковъ, вмѣсто козакиновъ, мундиры съ красными воротниками, по формѣ общей армейской. Эта обмундировка дала видъ нашему полку уже регулярной пѣхоты, тѣмъ болѣе, что и по ученію и по выправкѣ людей мы были уже по времени старѣе нѣкоторыхъ армейскихъ полковъ, комплектовавшихся послѣ нашей формировки.

Около двухъ недѣль простоявъ на квартирахъ подъ Дрезденомъ, мы выступили въ походъ подъ Магдебургъ, гарнизонъ котораго тоже нуждался въ продовольствіи и почти каждый день дѣлалъ вылазки по селеніямъ, еще не такъ опустошеннымъ. Здѣсь съ 24 декабря я опять былъ въ аванпостномъ дѣлѣ: сначала непріятель оттѣснилъ насъ, но вскорѣ пришедшее подкрѣпленіе заставило его воротиться въ крѣпость.

Изъ подъ Магдебурга выступили мы въ походъ подъ Гамбургъ. Зная, что ни за дрезденскія, ни за магдебургскія дѣла наши полки не были представлены къ наградамъ, мнѣ очень хотѣлось заслужить что-либо, поэтому я чрезвычайно радовался, когда нарядили меня на форпосты передъ гамбургской крѣпостью со стороны Отендорфа, гдѣ я и о̀тстоялъ мой срокъ въ караулѣ; къ сожалѣнію, ничего съ непріятелемъ не было; пришелъ на смѣну меня отъ нашаго полка мой братъ, я упросилъ его воротиться, а съ его людьми остался въ караулѣ; но и этотъ срокъ прошелъ даромъ; поэто-

му, когда опять пришелъ офицеръ нашего баталіона на смѣну меня, то я и его упросилъ воротиться и остался вмѣсто его. Это замѣтилъ подполковникъ Лутковскій, который командовалъ нашими форпостами и полагалъ, что меня за какую-нибудь вину не смѣняютъ; но я ему объяснилъ причину, что онъ весьма одобрилъ. Наконецъ, на другой день, 28 января, открылась перестрѣлка: я бѣгалъ по цѣпи какъ неистовый; мнѣ хотѣлось ближе подвинуться къ непріятельскимъ стрѣлкамъ, чтобы кинуться на штыки, и конечно въ одномъ азартѣ, не имѣя ничего вѣрнаго на выигрышъ; однакожъ въ эту экспедицію было взято непріятельское орудіе егерями 43 полка и, какъ говорили, до двухъ сотъ плѣнныхъ. Подполковникъ Лутковскій, по прекращеніи перестрѣлки, представлялъ меня генералъ-маіору Булатову, а командиръ коннаго казачьяго полка ополченія нашего, князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ, рекомендовалъ меня генералъ-лейтенанту Чаплицу, почему за экспедицію 28 числа я былъ награжденъ орденомъ святой Анны 3 класса. 5 февраля ночью насъ свели въ экспедицію между Гамбургомъ и Гарбургомъ—по льду на Эльбѣ, для того, какъ говорили, чтобъ захватить непріятельскіе караулы и пушки, расположенные на гамбургскомъ мосту; но на Эльбѣ ледъ былъ еще такъ тонокъ, что къ намъ, передовымъ войскамъ, выступила вода; поэтому нашъ отрядъ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, воротился, не выполнивъ своего назначенія; въ слѣдъ за симъ нашъ полкъ перевели на другую сторону Эльбы подъ Гамбургъ. Здѣсь мы простояли до окончанія компаніи, когда получено было объ этомъ извѣстіе графомъ Беннигсеномъ, главнокомандующимъ польскою нашей арміей, у коего находился нашъ корпусъ графа Толстаго подъ Гамбургомъ. Графъ Беннигсенъ приказалъ выставить на форпостѣ, на бѣломъ флагѣ, вензель французскаго короля Людовика восемнадцатаго, а въ отвѣтъ на это маршалъ Даву, командовавшій гарнизономъ въ Гамбургѣ, будто бы приказалъ противъ флага выставить нарисованную на полотнѣ висѣлицу; всей этой продѣлки я самъ не видалъ, но слышалъ такой разсказъ въ кругу нѣсколькихъ офицеровъ.

Такъ прекратились военныя дѣйствія, а съ ними уменьшилась и наша служебная забота, водворилась надежда скораго возвращенія въ Россію. Французскій гарнизонъ, получа офиціальный приказъ

изъ Парижа, вышелъ изъ Гамбурга восвояси, а наши войска частію заняли городъ, а остальныя расположили въ окрестностяхъ Гамбурга на просторныя квартиры, и какъ службы уже почти не было, въ особенности намъ ополченцамъ, кромѣ карауловъ, то я изъ деревни выпросился у полковаго командира и поѣхалъ въ Гамбургъ пожить. Мнѣ однако здѣсь не понравилось, да и запрещено было часто жить офицерамъ, дабы не обременять города квартирами. Поэтому я переѣхалъ въ Альтону, гдѣ и нанялъ квартиру (въ улицѣ Клейнъ-бергъ-штрассе) у сахаровара, который отвелъ мнѣ хорошую комнату и обходился со мною какъ съ дорогимъ гостемъ, въ особенности молодая его жена, красавица блондинка. Въ этомъ семействѣ я съ удовольствіемъ проводилъ время; хозяева часто смѣялись моему неправильному выговору нѣмецкихъ словъ, ибо дома я не учился этому языку, но въ Германіи долженъ былъ имъ заняться и достигъ того, что хотя неправильно, но могъ на немъ свободно объясняться и меня хорошо понимали.

Изъ Альтоны мнѣ нужно было съѣздить къ князю Василью Сергѣевичу Голицыну, на ту сторону Эльбы, въ мѣстечко Букстеуде. Я поѣхалъ чрезъ Гамбургъ, мостомъ, и оттуда нанялъ форшпанъ. Не найдя Голицына въ Букстеуде, возвращался назадъ, но онъ самъ меня встрѣтилъ на берегу Эльбы въ гостинницѣ. Время было ненастное и дулъ сильный холодный вѣтеръ. За стаканомъ пуншу мы переговорили, что нужно. Голицынъ поѣхалъ къ родственнику своему генералу Шепелеву, а мнѣ хозяинъ посовѣтовалъ, вмѣсто форшпана, нанять лодку и, вмѣсто того чтобъ колесить дальній объѣздъ, переправиться черезъ Эльбу и выдти въ Отензенъ, близь Альтоны. Я зналъ Отензенъ, гдѣ мы, русскіе, собирались почти ежедневно въ трактирѣ у Рамвиля. Поэтому совѣтъ хозяина былъ охотно мною принятъ, но на берегу нѣмецъ лодочникъ, къ которому я обратился, убѣждалъ меня погодить немного, указывая на птицъ, летавшихъ надъ водой, догадываясь, что настанетъ буря. Бывъ немного послѣ пунша навеселѣ, я настоятельно сталъ требовать перевоза; старикъ спросилъ меня, умѣю ли я плавать, и когда я отвѣтилъ «нѣтъ», сказалъ «нихтъ гутъ», положилъ весло въ привязанную лодку, а самъ отправился; я думалъ, что онъ скроется отъ меня, но вмѣсто того онъ привелъ молодаго, дюжаго парня и велѣлъ меня перевозить; такъ мы отчалили отъ берега, но не про-

плыли и третьей части рѣки, какъ усилившійся вѣтеръ взволновалъ рѣку, по которой плаваютъ большія корабли, такъ-что бѣдную нашу лодку начало кидать, какъ орѣховую скорлупу. Лодочникъ тотчасъ прибралъ парусъ, и сѣлъ позади меня такъ плотно, что ногами своими обнялъ мои ноги. Я спрашиваю его: зачѣмъ? Неравно, отвѣчалъ онъ, потрусите и закачаете лодку. Дѣйствительно, заплывши за середину рѣки, я струхнулъ такъ, что и хмѣль пропалъ и сидѣлъ у лодочника какъ въ тискахъ, ни живъ ни мертвъ. Страхъ былъ однако напрасный: мы благополучно добрались до берега, у самаго Отензена. На квартирѣ я нашелъ записку отъ полковаго командира, что онъ будетъ ко мнѣ на двое сутокъ. Въ назначенное время онъ дѣйствительно пріѣхалъ и привезъ съ собой полковаго адъютанта Федорова. Пріѣздъ ихъ случился въ счастливое для меня время по игрѣ: я былъ въ выигрышѣ въ фортунку червонцевъ до трехъ сотъ; проигравшись послѣ того, я все еще удержалъ съ сотню, на которую мы втроемъ и четвертый Марковъ прожили весело два дня. Разставшись съ друзьями, я недѣли двѣ пробылъ еще въ Альтонѣ, посѣщая и Гамбургъ и Отензенъ: въ послѣднемъ была игра въ банкъ и фортунку—метали нѣмцы, нѣмцы же держали и фортунку, по червонцу и по два; я почти всякой день проигрывалъ, но какъ-то разомъ выигралъ до трехъ сотъ червонцевъ. Въ этотъ день мнѣ казалось не было человѣка богаче меня въ мірѣ: сейчасъ же явились и просители-пріятели: давъ двумъ изъ нихъ въ займы тридцать пять червонцевъ, я до сихъ поръ не получалъ ихъ въ уплату.

Наконецъ, полученъ приказъ по полкамъ выступить въ походъ въ Россію. Обжившись на чужбинѣ и сойдясь съ людьми прежде вовсе незнакомыми, но пріятными, и зная, что уже болѣе не придется видѣть ни Эльбы, съ ея кораблями, ни Гамбурга, съ его народною кипучею дѣятельностью и торговлею, ни Отензена, гдѣ я выигрывалъ золото, хотя въ слѣдъ за тѣмъ оно и спускалось, ни Энглишъгартена,—я не могъ не пожалѣть всего этого, но все-таки привязанность къ родинѣ сильно влекла меня домой. Въ Россію мы тронулись уже дисциплированные, стройно дѣлая переходы не очень большіе. Надежда увидѣть милыхъ сердцу, по двухъ-лѣтнемъ отсутствіи, одушевляла насъ, а великолѣпная природа, съ которою мы разставались, прекрасно обработанныя поля, мимо которыхъ мы проходили,

привѣтливые хозяева квартиръ, благословлявшіе нашъ путь—все это располагало насъ къ самымъ пріятнымъ ощущеніямъ. Вспоминая объ этомъ походѣ, я какъ теперь вижу небольшіе лоскуты земли, по-возможности правильной формы, обсаженные кустарникомъ, непроходимымъ ни для куръ, ни для поросятъ; лоскуты эти были засѣяны и запаханы тщательно; веселыя нѣмочки убирали съ нихъ серпами хлѣбъ, а тамъ, гдѣ уже снопы были свезены, загоняли для пастьбища коровъ, которыя и ночевали здѣсь, и тутъ же доили ихъ дѣвушки и женщины, такъ-какъ всѣ эти поля находились лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ домовъ, гдѣ жили земледѣльцы. Отправляясь иногда съ квартиръ пошутить съ нѣмочками, посмотрѣть какъ онѣ доятъ коровъ и т. п., я сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ уборки у нихъ молока, которая мнѣ очень понравилась: онѣ сливаютъ его изъ дойницъ не въ горшки, какъ у насъ, а въ деревянныя шаечки, величиною поларшина въ діаметрѣ и вершка въ четыре вышины; къ верху, противъ дна, онѣ немного сужены, такъ-что удобно ставить одну на другую штукъ по десяти колоной; ихъ помѣщаютъ въ особой комнатѣ въ чистомъ воздухѣ или въ сѣняхъ въ большомъ шкапѣ. Отъ широкаго разлива молока въ шаечкахъ скорѣе и лучше отстаиваются сливки. Я замѣтилъ также машинки для сбиванія чухонскаго масла, соломорѣзки для корма скотины, колеса съ ножами для рѣзки капусты, картофеля и рѣпы, чтобъ тоже кормить скотину; этимъ тремъ машинкамъ я сдѣлалъ рисунки, по которымъ впослѣдствіи ввелъ ихъ у себя въ хозяйствѣ. Одного не удалось мнѣ ввести у себя въ употребленіе—это пастьбу свиней. Въ Германіи имъ надѣваютъ на голову намордники съ шпильками или гвоздями, такъ-что гвозди или шпильки направлены животному въ ноздри, что препятствуетъ ему рыть и портить луга; также чтобы перегнать даже небольшое стадо свиней изъ одной мѣстности въ другую, напримѣръ свиней двадцать, у насъ посылаютъ двухъ человѣкъ, да еще иногда про запасъ съ лошадью, между тѣмъ какъ въ Германіи изъ двадцати свиней къ каждой за заднюю ногу привязана веровочка; концы этихъ веревокъ соединены вмѣстѣ и связаны въ видѣ палки, которую одинъ мальчикъ держитъ въ лѣвой рукѣ и такимъ образомъ направляетъ ихъ, имѣя въ правой рукѣ кнутъ, куда желаетъ. Изъ прочихъ предметовъ мнѣ понравилась отдѣлка

рабочихъ орудій и инструментовъ: плуга, бороны и проч., вслѣдствіе чего они въ работѣ идутъ вѣрно, да и легко ихъ двигать лошадямъ, которыя, впрочемъ, вообще рослы, такъ-что почти каждая годится въ каретную упряжку. Огороды и сады превосходно распредѣлены и воздѣланы: каждое деревцо, обрытое и ухоленное хозяиномъ, ростетъ весело; его не безпокоитъ, конечно, сосѣдская корова или жеребенокъ, а плоды не поворуютъ деревенскіе мальчики и жители: Боже сохрани отъ такого преступленія. Мнѣ случилось квартировать на концѣ деревни противу кирхи; около нея кругомъ была небольшая площадь, обсаженная вмѣсто загородки колючимъ кустарникомъ крыжовника, а за кирхой жилъ пасторъ; на этой площадкѣ были посажены смородина, малина и черешня: изъ деревни мальчики и дѣвочки ежедневно ходили къ пастору въ школу учиться и, не смотря на то, что на кустахъ и деревьяхъ красовались спѣлые плоды, дѣти никогда не соблазнялись сорвать ни ягодки—такъ наблюдается здѣсь и вводится въ привычку терпѣніе, благонравіе и уваженіе къ чужой собственности. Къ сожалѣнію, нельзя было сказать того же о нашихъ русскихъ, уже видѣвшихъ и знавшихъ эти условія. Такъ, случилось намъ проходить однимъ селеніемъ, гдѣ на улицѣ передъ каждымъ домомъ были посажены черешневыя деревья, что составляло прелестную аллею и притомъ съ спѣлыми розовыми плодами; наши солдаты накинулись, какъ дикіе, на ягоды и стали даже обламывать самыя вѣтви; конечно, ихъ остановили; но между тѣмъ порча произведена была значительная и, вѣроятно, хозяева намъ спасибо за это не сказали.

Продолжая походъ, пришли мы подъ Берлинъ, но какъ на него нашъ маршрутъ не указывалъ, то мы должны были обходить его; поэтому я съ братомъ выпросился у полковаго командира посмотрѣть городъ. Въ полторы сутки, которые мы пробыли здѣсь, при отсутствіи наблюдательности, мы, конечно, не могли здѣсь многимъ воспользоваться, да и все, что мы тогда здѣсь видѣли, какъ сонъ теперь изчезло изъ памяти. Изъ подъ Берлина направились мы къ Варшавѣ. Не смотря на запрещеніе отлучаться изъ полковъ въ городъ, я съ братомъ опять выпросился; мы переодѣлись въ партикулярное платье: я надѣлъ на себя венгерскую куртку, обложенную черной мерлушкой, и какъ время было жаркое,

то она меня крайне утомила. На разводѣ литовскаго полка я въ первый разъ видѣлъ его высочество Константина Павловича; но тутъ узналъ меня генералъ-маіоръ Друцкой, при которомъ я былъ у генерала Чаплица съ письмомъ отъ князя Голицына: проходя мимо меня, онъ сказалъ мнѣ въ полголоса: «удалитесь, запрещено пріѣзжать въ Варшаву». Взявъ за руку брата и, не говоря ни слова, я поспѣшилъ на квартиру, и переночевавъ, мы отправились въ полкъ. Варшава большой городъ, но не понравилась мнѣ.

Вообще въ герцогствѣ Варшавскомъ жители всѣхъ классовъ встрѣчали насъ не такъ, какъ на походѣ въ Германію; тогда глядѣли косо, бывало ничего не допросишься, ничего не купишъ, всѣ отвѣты были не хотя, не только не радушны, но видимо непріязненны; теперь, на возвратномъ пути, явно все измѣнилось, или по крайней мѣрѣ наружность была привѣтлива, предупредительна, чему мы, конечно, не могли вполнѣ вѣрить и невольно иногда смѣялись вѣжливости, доходившей даже до излишества; замѣтно было, что поляки учуяли перемѣну въ политикѣ и разочаровались въ обѣщаніяхъ Наполеона. Вступивъ въ Бѣлостокъ, мы уже были въ границахъ Россіи. Изъ Могилева на Днѣпрѣ корпусъ ополченія раздѣлился по маршрутамъ прямѣйшими направленіями полковъ, каждаго къ своей губерніи. Въ это время полученъ былъ высочайшій приказъ, что офицеры, находившіеся въ ополченіи и желающіе продолжать военную службу, могутъ вступить въ армейскіе полки тѣми же чинами, въ коихъ состояли по ополченію, на что назначался полугодичный срокъ; остающіеся же внѣ службы офицеры удерживали за собою право носить тѣ мундиры, которые были имъ впослѣдствіи присвоены. Такъ-какъ въ нашемъ полку былъ апробованъ начальствомъ ополченскій казакинъ чернаго сукна, впослѣдствіи же подъ Дрезденомъ намъ присвоена форма общаго армейскаго мундира (въ немъ мы закончили и компанію), то было не извѣстно, на какую изъ двухъ этихъ формъ мы имѣемъ положительное право, и этотъ вопросъ остался доселѣ не разрѣшеннымъ,—никто объ этомъ серьезно не заботился и офиціально не спрашивалъ. Къ концу зимы мы добрались и до великороссійскихъ избъ, со всѣми ихъ національными принадлежностями. Я испыталъ на себѣ вполнѣ слова поэта, что и дымъ отечественный

сладокъ. Дѣйствительно, русская печь, щи, квасъ—все это было близко къ сердцу, какъ родное, и пріятно; особенно обрадовались мы блинамъ въ Моршанскѣ, которыхъ не видавъ такъ долго, я едва не объѣлся. Изъ Моршанска я выпросился у полковника ѣхать впередъ въ Пензу; сборы разумѣется были самые проворные, но на бѣду случилась задержка другаго рода. Офицеръ ополченія коннаго полка Евреиновъ напросился ко мнѣ, чтобъ я его взялъ съ собою; я далъ ему слово, но онъ цѣлые сутки продержалъ меня, — у него не было на дорогу денегъ; онъ искалъ занять, но не нашелъ, и сказалъ мнѣ это уже тогда, какъ отъѣхали половину станціи: нечего было дѣлать, пришлось его и везти и кормить въ дорогѣ на свой счетъ; но путь былъ уже не далекъ и Богъ помогъ совершить его благополучно, не смотря на то, что былъ уже послѣднее зимнее время. Подъѣзжая къ Пензѣ, первое, что я увидѣлъ, была соборная колокольня: я перекрестился и, сердце забилось отъ восхищенія, мечта о домашнемъ счастіи сладко на меня повѣяла и манила меня скорѣй, скорѣй домой, въ объятія матушки и сестры; нетерпѣливо требовалъ я отъ ямщика, чтобы онъ погонялъ усталыхъ уже лошадей; наконецъ въѣхалъ на дворъ и вошелъ въ домъ, весь забрызганный грязью. Въ залѣ меня встрѣтила меньшая моя сестра (старшая жила уже въ Саратовѣ); поздоровавшись съ ней, я побѣжалъ, какъ безумный, въ комнату матушки: радость видѣть ее живой, мысль, что по прежнему буду пользоваться ея нѣжностью и ласками, наполняли меня счастіемъ; распросы съ обѣихъ сторонъ оставались почти безъ отвѣта; главное—матушка желала знать о братѣ моемъ, гдѣ онъ; а онъ выѣхалъ изъ полка ранѣе меня двумя днями, такъ-какъ обоихъ насъ вмѣстѣ полковникъ не могъ отпустить, чтобъ тѣмъ не огорчить другихъ офицеровъ, которымъ отказалъ въ отпускѣ, а братъ, ѣхавъ проселочными дорогами, много потерпѣлъ остановокъ за лошадьми и пріѣхалъ уже въ Пензу на другой день послѣ меня. Долго матушка не довѣряла мнѣ о здоровьѣ брата, ея фаворита, но, наконецъ, мои увѣренія ее успокоили. Пріѣхавъ въ одиннадцатомъ часу утра и едва успѣвъ умыться съ дороги, я долженъ былъ сѣсть обѣдать, и какъ вкусны показались мнѣ родительскіе щи и каша! Тотчасъ послѣ обѣда начали пріѣзжать къ матушкѣ гости съ поздравленіемъ, по случаю

возвращенія сына; изъ нихъ нѣкоторые прибыли въ Пензу на житье во время моего отсутствія, и потому я долженъ былъ имъ рекомендоваться. Такъ прошелъ этотъ день. На другой мнѣ слѣдовало явиться къ пензенскимъ властямъ,—къ губернатору, бывшему моему начальнику Голицыну, отъ него къ вице-губернатору Евреинову и къ баталіонному командиру Водопьянову; вездѣ, послѣ ласковыхъ пріемовъ, происходили длинные распросы, гдѣ я былъ въ сраженіи, гдѣ ихъ знакомые, и наконецъ, о разныхъ подробностяхъ заграничныхъ, такъ-что болѣе трехъ домовъ посѣтить я не успѣлъ и въ два часа воротился къ себѣ; но матушка, узнавъ, что я былъ только въ трехъ домахъ, сказала мнѣ, что я долженъ сдѣлать непремѣнно визитъ Маврѣ Петровнѣ Вигель: она была ей добрая пріятельница; почему на другой день въ 12 часовъ я отправился къ ней. Послѣ доклада обо мнѣ, минутъ черезъ пять, меня пригласили въ гостиную, гдѣ меня встрѣтила брюнетка въ голубомъ шлафорѣ, съ персиковыми щечками, черными глазами, длинными ресницами и не совсѣмъ законченнымъ уборомъ головы, высокаго роста, довольно граціозная. Дѣвушка эта до того поразила меня, что я затруднился сказать о себѣ; къ счастію, она знала кто я и ласковымъ пріемомъ дала мнѣ возможность поправиться. Минутъ черезъ десять двѣ горничныя ввели старушку Мавру Петровну, я представился и ей; начались опять распросы; но меня почему-то тянуло съ разговоромъ къ встрѣтившей меня дѣвицѣ, которая оказалась дочерью Мавры Петровны —Александра Филипповна. Обѣ онѣ, кажется, замѣтили это и улыбались моей наивности. Отъ нихъ я поѣхалъ еще съ визитами, но у кого ни былъ, вездѣ мнѣ представлялась брюнетка въ голубомъ платьѣ; я не понималъ перваго впечатлѣнія или, лучше сказать, не довѣрялъ ему; но вотъ прошла цѣлая недѣля (это была 3-я великаго поста) и мечта меня не оставляла, такъ-что, встрѣтившись съ дѣвицей В., я откровенно сказалъ ей объ этомъ и замѣтилъ, что моя откровенность пріятно ее удивила. Наступила пасха: во время заутрени я былъ подлѣ нея, но долго затруднялся, какъ раздѣлить съ ней обычаи праздника, наконецъ, рѣшился съ ней похристосоваться; этотъ случай еще болѣе остановилъ на ней мое вниманіе. Между тѣмъ при роспускѣ ополченія, какъ я уже сказалъ, былъ объявленъ приказъ, которымъ дозволялось вступать тѣми же чинами въ армію въ по-

лугодичный срокъ. Въ чаду развлеченія и удовольствій прошелъ для меня незамѣтно этотъ срокъ. Матушка совѣтовала мнѣ вступить въ гражданскую службу, однако я послалъ просьбу къ военному министру о помѣщеніи меня въ павловскій гренадерскій полкъ, который въ это время былъ присоединенъ къ гвардіи. Военный министръ чрезъ пензенскаго губернатора отказалъ мнѣ, на томъ основаніи, что я пропустилъ срокъ, и что полкъ присоединенъ къ гвардіи. Я послалъ вторичную просьбу, приложилъ свидѣтельство о болѣзни, по которой не могъ выслать ее ранѣе, и прибавилъ, что прошу опредѣленія на службу, какъ царской милости, такъ-какъ за сраженія подъ Дрезденомъ и Магдебургомъ не получилъ никакой награды; но и на эту просьбу послѣдовалъ отказъ. Тогда я подумалъ, что видно не судьба продолжать мнѣ службу и сталъ искать другаго рода жизни: брюнетка въ голубомъ платьѣ предстала предо мной съ новой силой, я познакомился съ ней ближе, но когда сталъ спрашивать мнѣнія матушки, то получилъ отъ нея отвѣтъ, что я молодъ еще жениться, что дѣвушка старѣе меня, что она подвержена болѣзненнымъ припадкамъ и т. п.; но всѣ эти резоны были слабы уничтожить во мнѣ влеченіе. Къ счастію, я обратился къ моей старшей сестрѣ: ея участіе рѣшило дѣло въ семейномъ совѣтѣ въ мою пользу. Не откладывая вдаль, я сдѣлалъ предложеніе, въ подкрѣпленіе котораго доставилъ выпрошенное мною письмо отъ матушки. Послѣ продолжительнаго раздумья, Мавра Петровна, наконецъ, согласилась. Оставалось готовиться къ свадьбѣ, но тутъ явилось важное препятствіе: у меня не доставало денегъ, которыя были необходимы для свадьбы и для обзаведенія хозяйствомъ въ семейномъ быту. Заемъ десяти тысячь рублей ассигнаціями по 10 процентовъ удовлетворилъ вполнѣ моимъ требованіямъ. Свадьба состоялась безъ всякой роскоши, въ селѣ Лебедевкѣ, пензенскаго уѣзда, откуда мы тотчасъ поѣхали къ матушкѣ въ деревню, а отъ нея къ другимъ роднымъ, и наконецъ, по удовлетвореніи требованіямъ обычая и этикета, пріѣхали въ родовую деревню, въ которой домъ былъ выстроенъ еще батюшкой, деревянный большой, принадлежавшій мнѣ вмѣстѣ съ братомъ. Домъ этотъ мы раздѣлили пополамъ, то есть роспилили его поперегъ, и доставшейся мнѣ половины оказалось для меня очень достаточно. Зиму 1816 г. я прожилъ въ Пензѣ, въ нанятой квартирѣ, очень

пріятно, а весною 1817 года надо было ѣхать въ деревню и перестроивать домъ. Но едва мы отправились, какъ получаемъ отъ тещи письмо, въ которомъ она увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ Кіевъ на богомолье и убѣдительно проситъ насъ туда же ѣхать. Жена была рада этому вызову, не думая о возможности его исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, оставленіе хозяйства, которое заключалось въ 125 душахъ, при посѣвѣ пятидесяти десятинъ въ полѣ, по случаю недостатка земли, которой завладѣлъ у меня старшій братъ во время моего пребыванія за границей; ничтожная выручка за продаваемый хлѣбъ, которому цѣна была 25—30 копѣекъ за пудъ ассигнаціями; расходы, требовавшіе на перестройку дома и на поѣздку не менѣе 2000 рублей, ибо приходилось ѣхать въ четвероместной каретѣ (у насъ родилась уже дочь, слѣдовательно надо было взять съ собою кормилицу и горничную)—всѣ эти соображенія заставляли меня не желать поѣздки; но какъ говоритъ пословица: «сила солому ломитъ», такъ было и со мной, и мы отправились въ путь. Подъ Кіевомъ въ Браварахъ съ женою сдѣлался въ первый разъ самый болѣзненный припадокъ. Надо сказать, что она не могла ни слышать о мертвыхъ, ни видѣть кладбища и траурной одежды,—все приводило ее въ страшное волненіе. Дорога въ Браварахъ, по причинѣ глубокаго песка, пролегала объѣздомъ подлѣ церкви, по могиламъ кладбища; ямщики, разумѣется, не зная желаній проѣзжающихъ, въѣхали на примятые холмы могилъ, но жена пришла въ жалкое состояніе... Пробывъ въ Кіевѣ до начала сентября, мы возвратились въ деревню, гдѣ меня встрѣтило сердечное горе: бывшій мой дядька, сопровождавшій и оберегавшій меня въ походѣ, какъ другъ и родственникъ, Родіонъ Михайловичъ, которому я поручилъ управленіе имѣніемъ и постройку дома въ наше отсутствіе, скончался отъ паралича. Кончина его сильно на меня подѣйствовала, я впалъ даже въ уныніе, сознавая себя какъ бы сиротой, безъ подпоры. Усердіе его было безгранично, равно какъ и вниманіе. Узнавъ характеръ жены моей, онъ наблюдалъ за ея спокойствіемъ. Такъ напр. въ ревизскихъ сказкахъ, которыя она просматривала, въ графахъ, гдѣ отмѣчаются убылые, онъ выдумалъ вмѣсто слова *умеръ*, которое могло на нее непріятно подѣйствовать, писать русскими словами: *капутъ*. Въ хозяйствѣ я былъ совершенно новъ и незнающъ,

но нечего было дѣлать—принялся какъ умѣлъ. Домъ кое-какъ достроили, перешли въ него жить, а между тѣмъ долгъ все увеличивался; по книгѣ онъ значился выше двадцати тысячъ ассигнаціями. Въ это самое время старшій братъ, видя мое стѣсненное финансовое положеніе, пріѣзжаетъ ко мнѣ, показываетъ пачку бѣленькихъ ассигнацій и предлагаетъ купить у меня деревню. Я, конечно, отказалъ ему и это было причиной раздраженія его противъ меня, которое продолжалось двадцать лѣтъ, до самой его смерти. Но мое состояніе вскорѣ поправилось. Матушка разочла передать намъ свое имѣніе и мнѣ пожаловала въ кузнецкомъ уѣздѣ 130 душъ, впрочемъ, малоземельныхъ, съ песчанымъ грунтомъ и притомъ большею частію подъ дровянымъ лѣсомъ; крестьяне платили по пятнадцати рублей ассигнаціями оброку съ души. Такимъ образомъ у меня составилось около 250, да за женой было 50, но земли при всѣхъ имѣніяхъ было очень мало, такъ-что, не смотря на двадцать двѣ тысячи долгу, я рѣшился увеличить его чрезъ покупку земли. Для этого отправился въ Саратовъ за совѣтомъ къ благодѣтельницѣ моей сестрѣ; мнѣ нужно было купить по крайней мѣрѣ тысячу десятинъ; она мнѣ сказала, что есть желающій продать, пріѣхавшій изъ Харькова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Өедоръ Кондратьевичъ баронъ Биберштейнъ. Земля, которую онъ продавалъ, была пожалованная ему, но онъ хотѣлъ, за отдѣленіемъ изъ нея части, продать вмѣстѣ весь остальной участокъ, въ которомъ было 3800 десятинъ: это меня озадачило, и я объявилъ, что не въ силахъ по моимъ средствамъ сдѣлать такую покупку. Подумавъ, баронъ обѣщался дать мнѣ отвѣтъ завтре, и дѣйствительно, на другой день самъ пріѣхалъ ко мнѣ и объявилъ, что согласенъ продать свою землю по восемнадцати рублей ассигнаціями за десятину, на слѣдующихъ условіяхъ: купить мнѣ весь участокъ, съ разсрочкой платежа на шесть лѣтъ, за указные проценты, вносить при томъ слѣдовавшую сумму, по мѣрѣ моей возможности, лишь бы въ шести-лѣтній срокъ уплатить весь капиталъ; при написаніи запродажной записи уплатить столько, сколько я могу, впредь же до совершенія купчей и окончательной уплаты землю оставить у него въ залогѣ. Всѣ эти условія (какъ я узналъ послѣ) онъ мнѣ предложилъ послѣ справки обо мнѣ лично, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Выслушавъ его предложенія, я опять задумался и

потомъ сказалъ: «позвольте и мнѣ сообразиться и завтре я буду у васъ уже съ рѣшительнымъ отвѣтомъ». Посовѣтовавшись съ сестрой и зятемъ и отслуживъ молебенъ великомученицѣ Варварѣ, я согласился на условія Биберштейна и съ 1200 руб. асс. рѣшился на покупку участка въ семдесятъ тысячъ; отчего мой долгъ, съ прежними и процентами, возвысился до ста тысячъ ассигнаціями. Это обязательство, принятое мною на себя, направило меня на хозяйственную дѣятельность, даже свыше моихъ силъ, но нечего было дѣлать. Двадцать шесть лѣтъ къ ряду я почти не выходилъ изъ коляски и тарантаса, объѣзжая мои поселки и хозяйства. Признаюсь, тогдашняя система хозяйства мнѣ не нравилась; при томъ, видя людей, работавшихъ на помѣщика въ потѣ лица и за небрежность, иногда вовсе ненамѣренную, при уборкѣ хлѣба подвергавшихся наказаніямъ, я не могъ хладнокровно смотрѣть на ихъ положеніе; по возвращеніи изъ-за границы, я уже мечталъ о томъ, какъ бы освободить крестьянъ, а землю оставить за собой; но это мое мнѣніе было признано сумазброднымъ. Послѣ этого я публиковалъ имѣніе къ продажѣ, но и она не состоялась, и за симъ я уже рѣшился на описанную покупку земли. Въ промежутокъ времени мнѣ удалось продать 1400 десятинъ, по двадцати пяти рублей за десятину, а на остальныхъ 2400 десятинахъ я поселилъ сто душъ, переведенныхъ изъ кузнецкаго уѣзда; этимъ увеличился и составился у меня полный посѣвъ; когда же я продалъ клочекъ земли въ селеніи Темашковѣ, за полторы тысячи руб. ассиг., и получилъ наслѣдство послѣ брата, то мое положеніе облегчилось—съ помощью Божіей я удержалъ за собою все остальное имѣніе и въ годичномъ оборотѣ денегъ дефицита уже не было, не смотря на расходы по воспитанію дѣтей и жизни въ городѣ.

Возвращаюсь къ воспоминанію о жизни въ первые годы моей женитьбы. Лѣтомъ я жилъ въ деревнѣ, а зимой въ Пензѣ. Добрый городъ Пенза населенъ жителями радушными и гостепріимными. Высшее общество образованное и имѣетъ независимое состояніе. Старинныхъ дворянскихъ фамилій считалось здѣсь въ то время до семидесяти, кромѣ пріѣзжавшихъ временно изъ уѣздовъ, а по окончаніи войны съ французами это общество увеличилось возвратившимися изъ арміи семейными офицерами отставными и отпускными—они были представителями славы и доблести русскаго ору-

жія въ минувшую войну, да и безъ того тогдашнее общество было весело настроено: приглашенія на балы и обѣды не прекращались и хотя во всякомъ провинціальномъ городѣ бываютъ всегда нѣкоторыя несогласія между партіями, которыя были и въ Пензѣ, почему и здѣсь общество двоилось, но за всѣмъ тѣмъ залы и гостиныя всегда были полны, такъ-что въ хорошемъ домѣ четыреста посѣтителей считалось дѣломъ обыкновеннымъ. Хотя цѣны на всѣ продукты были и не высоки, однакожъ денегъ въ рукахъ было много; поэтому вездѣ замѣтны были обиліе и роскошь. Въ промежутки баловъ и обѣдовъ бывали и публичные спектакли, въ которыхъ участвовали лица высшаго сословія. Кромѣ того въ Пензѣ было три театра: помѣщиковъ Горихвостова, Кожина и Гладкова—послѣдній изъ нихъ былъ худшій, потому что всѣ актеры были изъ крѣпостныхъ людей; при театрахъ инструментальная музыка была у каждаго своя. Независимо отъ этихъ оркестровъ, у нѣкоторыхъ были небольшіе, для домашняго употребленія (ихъ можно насчитать до восьми); въ губерніи была еще духовая музыка помѣщика Кошкарева, которую по искуству игры называли знаменитою и даже европейскою—такъ была она хороша. Бывало Кошкаревъ расположится пріѣхать на зиму въ Пензу, и привезетъ съ собой и музыкантовъ человѣкъ шестьдесятъ. Въ числѣ увеселеній и забавъ видное мѣсто занимали и карты, являлись охотники-игроки съ полными карманами, но были и игроки удѣльщики: душа ихъ знаетъ на вѣрное ли они играли или нѣтъ, только денегъ много перешло въ ихъ карманы. Главнымъ страдательнымъ лицомъ былъ при этомъ П...Продавъ имѣніе въ сердобскомъ уѣздѣ за двѣсти тысячъ ассигн., онъ пріѣхалъ въ Пензу и, за исключеніемъ двадцати пяти тысячъ, выданныхъ дочери въ приданое, остальныя всѣ спустилъ въ продолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, потомъ принялся за движимость—экипажи, лошади, и также проигралъ ихъ. Однажды является ко мнѣ на дворъ подвода—сани. Человѣкъ докладываетъ: «отъ П.». Вышло вотъ-что. Старушка жена несчастнаго игрока была хорошо знакома съ моей женой; видѣвши, что мужа обираютъ безпощадно, она собрала столовое и прочее серебро, уложила въ бѣлье и нѣкоторыя цѣнныя вещи заперла въ сундукъ и прислала ихъ ко мнѣ подъ сохраненіе. Такъ П. дошелъ до нищенскаго положенія. Когда игра кончилась, нечего было уже выигрывать и игроки разъѣха-

лись, то сундукъ былъ возвращенъ хозяйкѣ и она продала изъ него большую часть, тайно хранила у себя вырученныя деньжонки и съ ними уѣхала изъ Пензы. Какъ водится, около картъ прилѣпляются и дѣла сердечныя; такъ было и здѣсь: одинъ отставной, высокаго роста, добивался отвѣта отъ замужней женщины, дѣлая видъ, что ищетъ руки ея сестры, весьма скромной дѣвушки. Какой-то зажига, маленькой ростомъ, щедушный, но отчаянный, кѣмъ-то подбитый, взялся обработать великана и обѣщался на первомъ балѣ сорвать перчатку съ руки дѣвушки въ томъ убѣжденіи, что великанъ, какъ трусъ, не вступится за дѣвушку и роль его разоблачится. Сказано и сдѣлано: великанъ озлобился, началъ хмуриться, видимо забрало его за живое, ибо перчатка была брошена къ нему, и, наконецъ, вызвалъ зажигу въ другую комнату; послѣдній догадался, что отъ него даромъ не отдѣлается, въ особенности когда великанъ началъ къ нему приступать, что называется къ горлу, припрыгнулъ и хватилъ великана въ рожу; этотъ началъ его душить, а зажига кричитъ: «моя первая, моя первая!»

Вступленіе на престолъ императора Николая Павловича обѣщало пресѣченіе множества золъ, вкравшихся въ наше управленіе и судъ. Слѣдствія и розыски навели ужасъ на грѣшныхъ лихоимцевъ; такъ одинъ изъ нихъ, опасаясь, чтобы всѣ, въ прошлое время содѣянные имъ грѣхи не открылись разомъ, придумалъ слѣдующую штуку. Собравъ всѣ уличавшія его доказательства, какъ-то подлинные судебные бумаги и акты, частную переписку о посулахъ, и прочее, сбереженное въ продолженіи тридцати лѣтъ, онъ вложилъ ихъ въ рогоженый куль, запаковалъ бумаги овечьей шерстью и ночью отправилъ въ свою деревню, верстъ за двадцать отъ города, приказавъ этотъ драгоцѣнный куль утопить и втискать въ озеро. Но надъ этимъ несчастнымъ осуществилась подьяческая поговорка: умѣй брать да умѣй и концы хоронить! или видно грѣхъ его попуталъ. Слѣдователь, зорко наблюдавшій за преступникомъ, по дошедшимъ до него слухамъ, отправилъ дворянскаго засѣдателя въ погоню за бумагами; засѣдатель по горячимъ слѣдамъ расторопно всё развѣдалъ, и роковой куль досталъ съ понятыми со дна озера и еще въ мокромъ видѣ представилъ къ слѣдователямъ; а они, не принимая его къ себѣ, отправили въ градскую полицію. Здѣсь, въ общемъ присутствіи градскихъ и уѣздныхъ властей, куль

былъ разобранъ, бумаги обсушены и сдѣлана имъ опись; много изъ нихъ было по дѣламъ уголовнымъ; многихъ онѣ огласили не тѣми честными судьями, какъ ихъ разумѣли по службѣ; между прочимъ найдено подлинное слѣдствіе виновнаго, въ бытность его исправникомъ, о томъ, что одна барыня засѣкла человѣка; слѣдствіе это отослали въ подлежащій земскій судъ, а тамъ оказалось другое его же слѣдствіе о томъ же человѣкѣ, что онъ по какому-то случаю бѣжалъ и хотѣлъ перелѣзть черезъ плетень, попалъ на острый колъ, пропоролъ животъ и отъ того смерть приключилась. Дѣло подсудимаго рѣшено было тѣмъ, чтобы его, какъ отрѣшеннаго отъ должности, впредь никуда не опредѣлять и къ выборамъ дворянскимъ не допускать.

Въ это время въ Саратовѣ былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ, образованный, честный, благонамѣренный, сдѣлавшій много для саратовской губерніи освобожденіемъ ее отъ закоренѣлыхъ взяточниковъ. Между прочимъ, въ Саратовѣ источникомъ обогащенія мѣстныхъ промышленниковъ служилъ соляной промыселъ съ Елтонскихъ озеръ; какъ было не черпать соли потихоньку за двадцать пять копѣекъ ассигнаціями за пудъ, съ тѣмъ, чтобы провезти ее въ Саратовъ за такую же цѣну и продать, на пріѣзжающія подводы, по рублю, тогда какъ въ магазинахъ она продается около полутора рубля за пудъ и то еще съ песочкомъ, а тутъ чистая. Этотъ промыселъ доставлялъ рубль на рубль барыша; какъ было не богатѣть жителямъ отъ такого эльдорадо или своего рода Калифорніи! Какъ же озлобились промышленники-контрабандисты на А. Б. Голицына, когда онъ обратилъ на нихъ свое вниманіе. По этому случаю разсказывали, между прочимъ, будто нѣсколько барокъ, нагруженныхъ корчемной солью, изъ страха попасться въ плѣнъ, съ просверленными днами, канули на дно Волги, и осолили живую рыбу, такъ-что Сидоръ Карповичъ Сидоровъ съ товарищами кушали уже стерляжью уху не соливши. Но если Волга представляла торгующему сословію возможность такъ легко обогощаться, то и почтенные мужи, сидѣвшіе въ кабинетахъ, на мягкихъ бархатахъ, въ пуху и шелку, и разъѣзжавшіе на колесницахъ, запряженныхъ конями кровной породы, не совсѣмъ были свободны отъ нареканій. За многими изъ нихъ, равно и за женами, какъ по-

ложительно было извѣстно, не было недвижимаго имѣнія, развѣ уже подъ старость, въ даръ супругѣ, кой-кто купилъ земельку отъ тысячи до пяти тысячъ десятинъ, этакъ дескать престарѣлымъ людямъ на спокой души и тѣла, а жалованье по службѣ получали они небольшое, такъ откуда же, спрашивала молва, достается имъ то то, то другое. Такъ объ М. разсказывали слѣдующій анекдотъ. Ко дню какого-то праздника онъ купилъ дорогую блестящую карету и приказалъ, по секрету отъ жены, запречь ее и подать къ крыльцу; потомъ, когда супруга собралась идти пѣшкомъ къ обѣднѣ, сказалъ ей, что самъ ее проводитъ; но выйдя на крыльцо, она была поражена блескомъ кареты, хомутовъ и лошадей въ лаксадахъ; ливрея на лакеѣ въ конецъ озадачила барыню. Почти насильно мужъ усадилъ ее въ карету и отправилъ въ походъ шагомъ: жена ни жива ни мертва сидѣла въ разукрашенномъ экипажѣ, а мужъ пѣшкомъ, сторонкой, слѣдовалъ за ней и любовался своей продѣлкой. По окончаніи обѣдни, онъ пригласилъ на пирогъ пріятелей, а кучеру приказалъ проѣхать по улицѣ мимо оконъ. «Ну, Фекла Филифонтьевна, какова посудинка то?» сказалъ онъ при этомъ своей супругѣ.—Хороша, батюшка, хороша, не знаю чѣмъ тебя и поблагодарить, сизинькой? «Ну чѣмъ, матушка, гитарой»,—такъ называли тогда въ Саратовѣ въ среднемъ слою нынѣшнихъ камелій.

Возвращаюсь къ взяточникамъ. Я былъ такъ счастливъ, что не имѣлъ сомнительныхъ дѣлъ и не начиналъ никогда тяжебъ, а только отбивался отъ нихъ и то отъ одного старшаго брата, а потому съ меня взятокъ не спрашивали и я ихъ не давалъ: недобросовѣстно было бы съ моей стороны поклепать кого-либо; дѣло другое приказные: имъ всегда мы платимъ за трудъ.

Служба уѣзднымъ предводителемъ подвергла меня неудовольствію нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ уѣздѣ: одни состояли на службѣ, другіе намѣрены были поступить въ нее, но какъ новыя условія въ отношеніи къ служащимъ не совпадали съ старымъ порядкомъ, съ привычками, съ которыми надо было разставаться, то отсюда явилось на меня не только негодованіе, но пробудилась и месть. Такъ одинъ бывшій засѣдатель расположился на городскомъ выгонѣ въ бахчевномъ шалашѣ, вблизи дороги, съ ружьемъ, караулить моего проѣзда; но благородный и безкорыстный, хотя иногда хмѣльной, исправникъ предупредилъ меня объ этомъ, такъ-какъ передъ

выходомъ въ шалашъ Ч. похвалился, что непремѣнно меня убьетъ. Я версту лишнюю взялъ въ сторону отъ дороги и миновалъ засады; видя неудачу, Ч. выстрѣлилъ на воздухъ. По благомыслящіе дворяне остались ко мнѣ благосклонны.

По окончаніи этой службы въ 1832 и 1833 годахъ, Богъ благословилъ меня окончить одно судебное дѣло, по притязаніямъ старшаго брата, тяготившее мое родственное къ нему чувство. По другому дѣлу, относительно чрезполоснаго владѣнія въ кузнецкомъ уѣздѣ съ разными посторонними дворянами, мнѣ посчастливилось, благодаря моей настойчивости, согласить владѣльцевъ на полюбовный раздѣлъ земли къ однимъ мѣстамъ, о чемъ и была составлена полюбовная сказка, утвержденная кузнецкимъ уѣзднымъ судомъ. Окончаніе этихъ дѣлъ много меня успокоило, не смотря на принесенныя мною жертвы, чтобы достигнуть желаемой цѣли. Впослѣдствіи и по сердобскому имѣнію мнѣ было удалось согласовать 28 здѣшнихъ владѣльцевъ на раздѣлъ земли къ однимъ мѣстамъ: уже была составлена и подписана полюбовная сказка; но, за отсутствіемъ моимъ, одинъ изъ владѣльцевъ вынудилъ отъ нѣкоторыхъ изъ участвующихъ измѣненіе, на которое они, по неосторожности, согласились, и это повело къ неудовольствію и тяжбамъ, еще доселѣ не конченнымъ, тогда какъ, по моимъ предположеніямъ, устранялись всякіе къ тому поводы.

Среди хозяйственныхъ заботъ подкралось и ко мнѣ черное время: нервическая горячка съ рецидивомъ разлучила меня съ горячо любимою мною женою. Кончину ея и мое горестное положеніе я не буду описывать. Къ вамъ обращаюсь я, милые мои дѣти! вы хотя были еще малы, но горячо сочувствовали мнѣ въ безвременной потерѣ нашего общаго друга. Это обстоятельство и впослѣдствіи возрастъ вашъ и положеніе, въ особенности вступленіе ваше въ бракъ, указали моему чувству обезпечить васъ въ жизни семейной и вещественной: я передалъ вамъ все имѣніе, бывшее въ моихъ рукахъ, стараясь, по равномѣрной любви моей къ вамъ, уравновѣсить части, сколько мой разсудокъ представлялъ на то возможности; прошу васъ не гнѣваться на меня, если раздѣлъ имѣнія, мною сдѣланный, не вполнѣ удовлетворилъ вашимъ видамъ, чего впрочемъ я доселѣ, къ моему счастію, въ васъ не замѣчалъ; наконецъ, благодарю васъ за поддержаніе моего существованія: въ немъ

я сознаю и чувствую полноту вашей дѣтской любви и дружбы ко мнѣ.

Устройствомъ дѣтей прекратилась моя дѣятельность по имѣнію. За мною осталась одна обязанность гражданина—сохранить къ обществу то отношеніе, въ которомъ я доселѣ къ нему находился, и еслибы встрѣтился случай быть ему полезнымъ, то почелъ бы себя счастливымъ послужить ему по послѣднимъ моимъ силамъ и крайнему моему разумѣнію.

Припоминая прошлое, я невольно останавливаюсь передъ тѣмъ, что успѣло совершиться въ моемъ любезномъ отечествѣ въ теченіи моей жизни. Сколько благотворныхъ, счастливыхъ перемѣнъ произвели время и усилія человѣка. Изданіе Свода Законовъ, развитіе наукъ и промышленности, вступленіе въ торговлю съ новыми странами, улучшеніе путей сообщенія по примѣру иностранцевъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ, въ особенности проведеніе желѣзныхъ дорогъ и, наконецъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостнаго права—сколько великихъ событій, за которыя остается только благодарить благое провидѣніе, въ ожиданіи еще будущихъ, уже начатыхъ преобразованій разныхъ отраслей государственнаго управленія.

Но крестьянскій вопросъ—вопросъ цѣлыхъ вѣковъ, и я не могу пройти его однимъ мимолетнымъ воспоминаніемъ. Какъ пріятно видѣть подобныхъ себѣ людей свободными, въ полной волѣ располагать разумно своею личностію и своей собственностью, хотя, конечно, это сбудется вполнѣ лишь со временемъ, когда крестьяне научатся уважать чужую собственность, научатся честно держать данное слово; будутъ избѣгать пьянства, въ которомъ видѣли они высшее для себя наслажденіе; вообще, когда они научатся понимать то состояніе, въ которое они поставлены. Безъ сомнѣнія, въ то время вознаградятся и жертвы, принесенныя нынѣ помѣщиками для общаго блага...

Среди размышленій о крестьянскомъ дѣлѣ, и я не могъ не подумать о выкупѣ у помѣщиковъ земли, отходящей въ пользованіе крестьянъ. Въ мою неученую, старую голову запала мысль о томъ, что выкупъ вполнѣ возможенъ и при томъ такъ, что можно обойтись безъ заграничнаго займа, и не касаясь оборотовъ и капиталовъ кредитныхъ установленій. Я принялъ въ соображеніе: 1) что

крестьяне, получая отъ помѣщика по одной десятинѣ пашни въ полѣ на тягло, весьма исправно платили доселѣ оброкъ въ пользу помѣщика, никакъ не менѣе пятнадцати рублей серебромъ съ тягла; 2) крестьянъ, получающихъ увольненіе, находится около одиннадцати милліоновъ душъ: полагая по двѣ десятины кругомъ надѣла на душу, потребовалось бы 22 милліона десятинъ; если каждую оцѣнить по семидесяти пяти рублей, то составится цифра въ одинъ милліардъ 650 милліоновъ; 3) крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ полагается до 20-ти милліоновъ душъ и какъ въ благоустроенномъ государствѣ не можетъ быть допущено разнообразія между населеніемъ одинаковаго промысла и занятія, относительно ихъ правъ, преимуществъ и повинностей, то слѣдовало бы: какъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ зависимости помѣщиковъ, такъ и крестьянъ государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ привесть къ одному знаменателю, надѣливъ ихъ равнымъ количествомъ земли, и обложивъ равнымъ же сборомъ съ нихъ податей и повинностей; такимъ образомъ, составилось бы изъ означенныхъ трехъ наименованій крестьянъ отъ девяти до десяти милліоновъ тяголъ, полагая двѣ съ половиною души въ одно тягло; 4) чтобы удовлетворить помѣщиковъ за отбираемую у нихъ землю, можно бы выдавать имъ квитанціи или рентовые листы, съ правомъ по разсчету на капиталъ 3-хъ процентовъ на сто (процентъ достаточный, по моему мнѣнію, ибо капиталисты, помѣщающіе свои деньги изъ приращенія въ кредитныхъ установленіяхъ, довольствовались же тремя процентами). Предоставляя, такимъ образомъ, помѣщикамъ по ихъ рентамъ полученіе процентовъ, слѣдуетъ уплатить имъ и самый капиталъ, по жеребью или тиражу, въ продолженіи срока, исчисленнаго банковыми правилами, который долженъ погаситься взносомъ одного процента; слѣдовательно, нужно всего четыре процента. Разчисляя эти проценты на двѣ десятины или по оцѣнкѣ ихъ на 150 руб., всего шесть рублей, и взыскивая ихъ съ соединенныхъ десяти милліоновъ тяголъ, составится изъ нихъ шестьдесятъ милліоновъ рублей, четвертая часть коихъ, то есть 15 милліоновъ, пойдутъ ежегодно на погашеніе капитала по тиражамъ въ пользу помѣщиковъ, а 45 милліоновъ на уплату рентовыхъ процентовъ. Въ продолженіи всего срока, впредь до уплаты капитала, этотъ разсчетъ можетъ обязать крестьянское тягло взносомъ отъ семи до восьми

рублей (разумѣя около десяти милліоновъ тяголъ, соединенныхъ изъ всѣхъ трехъ вышеописанныхъ поименованій). Въ годъ такой уменьшенной оброкъ какъ не уплатить крестьянину, тогда какъ при томъ же надѣлѣ земли онъ платилъ помѣщику исправно ежегодно по пятнадцати рублей, а можетъ и болѣе. Раздѣлавшись, такимъ образомъ, съ крестьянами, помѣщики тотчасъ могли бы перейти къ вольнонаемному труду, и тѣ же крестьяне у прежняго или посторонняго помѣщика могли бы заработывать несравненно болѣе причитающагося съ нихъ оброка или взноса въ казну. Этимъ средствомъ прекратились бы и случаи къ столкновеніямъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, тѣмъ болѣе, что и вся сельская полицейская расправа должна быть устроена помимо участія помѣщика.

Руководствуясь этими соображеніями о выкупѣ, я написалъ довольно подробное мнѣніе, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями относительно этого предмета, и въ 1859 году января 30 дня отправилъ его къ предсѣдателю редакціонныхъ коммиссій, покойному генералъ-адъютанту Ростовцеву и еще къ другимъ лицамъ, для сообщенія его особамъ, участвовавшимъ въ составленіи законодательныхъ проектовъ объ устройствѣ быта крестьянъ. Не знаю, это ли мое мнѣніе обратило на себя счастливое воззрѣніе генерала Ростовцева, и повело его къ принятому имъ направленію, или же мое мнѣніе совпало съ его собственнымъ, прежде имъ обдуманнымъ; но только въ 1859 же году апрѣля 29 и мая 20 онъ внесъ въ редакціоныя коммиссіи предложеніе, планъ коего тождественъ съ моимъ, что значится въ занятіяхъ коммиссій подъ названіемъ: «Матеріалы редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу», томъ 1-й книга 1-я, на страницахъ отъ 40 до 56 включительно и на 158. Какъ бы то ни было, почитаю себя вполнѣ счастливымъ, если и моя строка, какъ лепта, получила мѣсто при общихъ соображеніяхъ.

Ветеранъ 1813—1814 годовъ.

ЗАПИСКА О ЕВРЕЯХЪ, Г. Р. ДЕРЖАВИНА (*).

Поводъ къ составленію этой записки подробно разсказанъ Державинымъ въ его автобіографіи (**). Интересна она, во 1-хъ, какъ произведеніе *Державина*, а во 2-хъ, какъ голосъ XVIII в. о вопросѣ, который и теперь не разрѣшенъ еще окончательно.

«Обязанъ будучи,—начинаетъ Державинъ,—въ слѣдствіе высочайшей воли Государя Императора, сказать мое мнѣніе объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго и обузданія корыстныхъ промысловъ Евреевъ такимъ образомъ, чтобъ они, снискивая себѣ пропитаніе собственными своими руками, были болѣе, чѣмъ нынѣ, благу общему полезными, прочитывалъ и развѣдывалъ я все, что только до сихъ предметовъ принадлежитъ. По всему этому нахожу, что мнѣніе мое должно быть въ двухъ частяхъ: во первыхъ, вообще о бѣлорусскихъ обитателяхъ, во вторыхъ о Евреяхъ».

Въ первой части Державинъ излагаетъ причины бѣдности бѣлорусскихъ крестьянъ; однѣ изъ нихъ относитъ онъ къ личнымъ недостаткамъ Бѣлоруссовъ, а другія къ отсутствію правильнаго хозяйства. «Поселяне въ Бѣлоруссіи хотя единоплеменны русскому народу, но примѣчается въ нихъ удивительная разность и въ нравахъ и въ образѣ жизни. Русскіе крестьяне не токмо въ смежныхъ провинціяхъ, но издавна въ сей краи зашедшіе, трудолюбивы и прилежны къ земледѣлію. Въ случаѣ хлѣбнаго недорода, наполняютъ недостатокъ свой изворотомъ и разными промыслами и никогда почти не требуютъ ссуды, или помощи отъ владѣльцевъ, несравненно принося больше прибыли, сколько исправнымъ платежемъ оброка, столько тщательнымъ обработываніемъ полей. Напротивъ того, Поляки лѣнивы въ работахъ, непроворны, чужды ото всякихъ промысловъ и нерадѣтельны въ земледѣліи; не заботятся о будущемъ, но ищутъ какъ-бы прогулять время и отлынять отъ трудовъ. Нѣсколько разъ примѣчено, что въ самую рабочую пору,

(*) Въ подлинникѣ она озаглавлена: «Мнѣніе сенатора Державина объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи недостатка хлѣбнаго обузданіемъ корыстныхъ промысловъ Евреевъ, о ихъ преобразованіи и о прочемъ».

(**) Записки Г. Р. Державина. М. 1860, 8°, стр. 407.

цѣлые дни просиживаютъ надъ озеромъ съ удою. Въ случаѣ неурожая хлѣба, поставляютъ необходимымъ долгомъ просить снабженія отъ помѣщиковъ, не только для сѣмянъ, но и для пищи. По собраніи жатвы, не умѣренны и не осторожны въ расходахъ: пьютъ, ѣдятъ, веселятся и отдаютъ жидамъ за старые долги и за попойки все то, что они ни потребуютъ. Оттого зимою обыкновенно уже показывается у нихъ недостатокъ: ѣдятъ хлѣбъ невѣенной, весною колотуху или изъ ржаной муки болтушку; въ маѣ же, іюнѣ и іюлѣ довольствуются, съ небольшою пересыпкою какого нибудь жита, изрубленными и сваренными травами, на подобіе каши; терпя голодъ, такъ бываютъ истощены, что съ нуждою шатаются и отъ того успѣховъ въ земледѣліи въ семъ краю быть не можетъ. Присовокупя къ тому, что въ праздничные дни, кои они, сверхъ установленныхъ, множество выдумали еще сами, обращаются въ пьянствѣ и просиживаютъ въ корчмахъ. Таковый польскихъ крестьянъ образъ жизни произшелъ, кажется, отъ древней ихъ свободы: что вольно имъ было переходить отъ помѣщика къ помѣщику, что платили тогда весьма легкія подати, что поступали въ управленіе отъ одного арендатора къ другому. А отъ того будучи не привязаны ни привычкою, ни довѣренностію къ помѣщикамъ, ни заботою о строительствѣ домовъ своихъ, первыхъ почти совсѣмъ не зная, а о вторыхъ не имѣя ни малѣйшаго раченія, уповаютъ сегодня или завтра перейти на новыя жилища, а отъ того такъ сдѣлались ко всему равнодушны и вялы, что похожи на отчаянныхъ. Словомъ, живутъ со дня на день, лишь бы какъ нибудь провести время».

За тѣмъ, Державинъ указываетъ на отсутствіе въ Бѣлоруссіи правильнаго хозяйства, которое особенно терпитъ отъ корыстолюбія Евреевъ-арендаторовъ и корчмарей. «Нѣкоторые помѣщики, отдавая на откупъ жидамъ въ своихъ деревняхъ винную продажу, дѣлаютъ съ ними постановленія, чтобъ ихъ крестьяне ничего для себя нужнаго нигдѣ, ни у кого не покупали и въ долгъ не брали, какъ токмо у сихъ откупщиковъ, и никому изъ своихъ продуктовъ ничего не продавали, какъ токмо симъ жидамъ же откупщикамъ. А сіи, покупая отъ крестьянъ и продавая имъ втрое дороже и дешевле (*такъ*) истинныхъ цѣнъ, обогащаются барышами и доводятъ поселянъ до нищеты; а особливо при возвращеніи отъ нихъ въ займы взятаго хлѣба; ибо ежели не съ сугубымъ превосходствомъ, то уже

конечно должны отдать вдвое. Ктожъ изъ нихъ сего не исполнитъ,—бываютъ наказаны. Такими-то и тому подобными узами (не говорю сего обо всѣхъ) отняты почти всѣ способы у поселянъ быть зажиточными и сытыми.... Къ вящшему же ихъ разстройству не токмо въ каждомъ селеніи, но въ иныхъ и по нѣскольку настроено владѣльцами корчемъ, гдѣ, для ихъ арендаторскихъ и жидовскихъ прибытковъ, продается по днямъ и по ночамъ вино. Сіи корчмы не что иное суть, какъ сильный соблазнъ для простаго народа. Въ нихъ крестьяне развращаютъ свои нравы, дѣлаются гуляками и нерадѣтельными къ работамъ. Тамъ выманиваютъ у нихъ жиды нетокмо насущный хлѣбъ, но и въ землѣ насѣянной, хлѣбопашенныя орудія, имущества, время, здоровье и самую жизнь. Сіе злоупотребленіе усугубляетъ обычай, такъ называемый *коледа*, посредствомъ коей жиды, ѣздя по деревнямъ, особливо осенью при собраніи жатвы, и напоивъ крестьянъ со всѣми ихъ семействами, собираютъ съ нихъ долги свои и похищаютъ послѣднее ихъ нужное пропитаніе......»

Этимъ двумъ причинамъ и нѣкоторымъ побочнымъ Державинъ приписываетъ жалкое положеніе, въ которомъ онъ нашелъ бѣлорусскій край и предлагаетъ мѣры для ихъ устраненія. Важнѣйшія изъ послѣднихъ заключаются въ томъ, что 1) нужно поднять упавшее земледѣліе, а для того предоставить помѣщикамъ нѣкоторыя льготы; 2) обратить вниманіе помѣщиковъ на упадокъ нравственности въ крестьянахъ и заставить ихъ принять мѣры противъ этого болѣе правильнымъ распредѣленіемъ крестьянскихъ работъ; 3) ограничить право винокуренія и 4) обязать помѣщиковъ отдавать имѣнія въ аренду не иначе, какъ на сроки отъ 9 до 15 лѣтъ, имѣя въ виду сохранить ихъ тѣмъ отъ истощенія арендаторами, которые, по краткости сроковъ, не заботятся о дальнѣйшемъ благосостояніи арендуемыхъ имѣній.

Этимъ Державинъ и оканчиваетъ первую часть своей записки. Во второй ея части рѣчь идетъ собственно о Евреяхъ; сначала излагается очеркъ исторіи этого народа, а за тѣмъ представляется современное автору положеніе Евреевъ въ Россіи. Эта часть записки приводится здѣсь вполнѣ. Она составляетъ важнѣйшую часть труда, какъ видно, довольно усидчиваго, не безъинтереснаго и въ настоящее время, особливо по отношенію къ ея автору. Къ сожалѣ-

нію, приложенія, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Державинъ, нами не найдены при подлинникѣ. Въ заключеніе Державинъ прилагаетъ свой проектъ преобразованія гражданскаго быта русскихъ Евреевъ. При запискѣ онъ имѣется въ двухъ видахъ: пространномъ и сокращенномъ, самимъ же авторомъ; такъ какъ и въ послѣднемъ легко уразумѣть мысль Державина въ главныхъ ея основаніяхъ, то мы и ограничиваемся приведеніемъ его одного.

А. Л.

Извѣстно, что лучшія учрежденія заимствуются изъ нравовъ тѣхъ народовъ, для коихъ учреждаются; а нравы изображаетъ исторія; то дабы елико можно представить мнѣніе мое о Евреяхъ основательнѣе, почелъ я занужное коснуться оной. Вижу изъ самаго священнаго писанія, что Израильтяне, по случаю голода, вышли изъ страны Хананейской въ Египетъ и тамъ размножилися. Хотя въ сравненіи съ прочими народами были не многолюдны, но производили и нынѣ производятъ много о себѣ шуму; освободясь же отъ Египта, населили Палестину. Отъ послѣдняго раззоренія Іерусалима (*) разсѣялись по лицу земному, и кочуя, такъ сказать, по городамъ и селеніямъ, переходятъ съ мѣста на мѣсто, чрезъ столько столѣтій; когда нѣсколько царствъ разрушилось и почти слѣды ихъ изчезли, они удерживаютъ свое единство, языкъ, вѣру, обычаи, законы. Древле предупредѣленный народъ владычествовать, нынѣ униженъ до крайности и въ то самое время, когда пресмыкаются, подъ игомъ чуждымъ, по большой части *властвуютъ* (**) надъ тѣми, между которыми обитаютъ. Вездѣ во всѣхъ вѣкахъ за свою взмѣрчивость, свары и злодѣянія, а иногда и по клеветамъ, былъ иноплеменными не любимъ, презираемъ и гонимъ; но завсегда покровительствованъ особо изданными для него законами, даже индѣ отличаемъ и преимуществами (***). Съ одной стороны называется избраннымъ

(*) 70 лѣтъ послѣ Р. Х. римскимъ полководцемъ Титомъ, Веспесіановымъ сыномъ, который послѣ былъ императоромъ.

(**) Церковная исторія Шрека.

(***) Въ 315 году императоръ греческій Константинъ запретилъ сперва употреблять жидовъ въ какія-либо публичныя должности, но какъ прежними импе-

отъ Бога; съ другой родомъ неблагодарнымъ, строптивымъ, лукавымъ, невѣрнымъ и развращеннымъ. Свѣтскія лѣтописи объявляютъ о Іудеяхъ тоже. Одни уважаютъ оныхъ, приписываютъ первымъ ихъ патріархамъ просвѣщеніе науками и нравоученіемъ всего человѣческаго рода и что *истинное богопознаніе*, законы и спасеніе отъ нихъ начало свое воспріяли (*). Другіе, изображая Евреевъ всѣми гнусными красками, присвояютъ имъ всѣ мерзости и пороки, какіе только *ко вреду человѣческому* выдумать можно (**). Обличаютъ паче въ гордости, трусости и ненависти всѣхъ, кто только не ихъ религіи, а болѣе христіанъ. Укоряютъ также въ корыстолюбіи, пронырствѣ, ласкательствѣ, обманахъ и опрометчивости въ доносахъ, склонности къ предательству, смутамъ и самымъ мятежамъ (***); словомъ ежели бы описывать подробнѣе всѣ преступленія, въ древнихъ и новыхъ временахъ на жидовъ взводимыя, то слишкомъ должно бы распространиться. По симъ видно причинамъ политики попрошали, и едва-ли еще рѣшился вопросъ сей: *могутъ ли быть жиды полезными государству?* (****) По строгимъ однако и мудрымъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ державахъ о нихъ *учрежденіямъ* (*****), предоставляется разрѣшить времени: долго-ли они подъ уздою сихъ установленій спокойными пребудутъ? но какъ бы то ни было: ежели всевысочайшій промыслъ, для исполненія какихъ своихъ намѣреній, сей по нравамъ своимъ опасный народъ оставляетъ на поверхности земной и его не истребляетъ; то должно его терпѣть и правитель-

---

раторскими законами имѣли они на сіе право, то двухъ или трехъ человѣкъ приказалъ къ тому удостоивать; но въ послѣдующее время распространилъ сіе право на всѣхъ учителей и старѣйшинъ сего народа. То же императоръ Онорій и Феодосій, Валентіанъ и прочіе давали многія привилегіи, но послѣ по худымъ поступкамъ отмѣняли и подвергали даже жестокой казни.

(*) Церковная Исторія Шрека, часть 1, стр. 397; Оксестиръ, часть 2.

(**) Унка Исторія, т. 23, кн. 19, стр. 631.

(***) По самому священному писанію видно, что управляемы они были патріархами, судіями, царями, пророками, испрашивая ихъ сами, а послѣ роптали и возставали противъ нихъ. Въ послѣдующія времена вели междоусобныя войны въ Александріи при Птоломеяхъ и въ Римѣ при императорахъ производили безпрестанные смуты и мятежи.

(****) Въ Пруссіи и Цесаріи.

(*****) Юст., часть 2.

ства, подъ скиптръ коихъ онъ прибѣгнулъ, споспѣшествуя установленію судебъ, обязаны простирать и о жидахъ свое попеченіе такимъ образомъ, чтобъ они и себѣ и обществу, между которымъ водворились, были полезными.

Жиды въ Польшѣ изъ давнихъ временъ жительствовавшіе, а именно: *отъ 1096 года* (*), а потомъ, по изгнаніи изъ Германіи, умножившіеся около четвертагонадесять вѣка, происходятъ отъ нѣкоего ихъ родоначальника, называющагося по гебрейски или халдейски Ашхе насимъ (**), подъ коимъ словомъ разумѣется европейскій или нѣмецкій жидъ; а тѣ, которые отлучились въ Азію, нарицаются Сфарды. Доказательствомъ тому служитъ, что всѣ здѣшніе жиды говорятъ понынѣ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а богослуженіе свое отправляютъ на гебрейскомъ (***). По высылкѣ ихъ около помянутыхъ времянъ изъ Испаніи (гдѣ изъ розданныхъ ими тамошнему народу взаймы денегъ, осталось много безъ взысканія), умножились въ здѣшнемъ краю при владѣніи Казимира Великаго, и чтобъ не подвергнуть себя впредь случившемуся съ ними въ Испаніи, изобрѣли, или употребили давно извѣстное имъ средство, забирать въ долгъ деньги у народа, между котораго они обитаютъ, дабы чрезъ то удерживаться въ ономъ. Они подвергали въ поручительство за суммы, занятыя ими, всего ихъ общества движимое имѣніе, посредствомъ ихъ кагаловъ, кои отъ заимодавцевъ снискали себѣ тѣмъ самымъ привязанность и уваженіе. Сверхъ того, способствовало имъ отмѣнное *благоволеніе* царствовавшаго тогда короля, реченнаго Казимира (****), которой по нѣкоей особой къ нимъ склонности, многими данными привелегіями, открылъ имъ свободу ко всякому промыслу и даже къ шляхетскому праву. Они, пользуясь сею его милостію, или паче непросвѣщеніемъ его народа, наполнили города, мѣстечки и, наконецъ, разсѣялись по деревнямъ и корчмамъ, содержа въ своихъ рукахъ все то, что до внутренней оптовой и мелочной торговли и денеж-

(*) Исторія Юршевича, т. 4.

(**) Географ. Филиппа Клювера.

(***) Простой народъ его не понимаетъ, а только рабины, и тѣ по тайнымъ назначеніямъ въ тальмудахъ объясняютъ его, какъ хотятъ, по своимъ вымысламъ.

(****) Кромеръ, чл. 12.

ныхъ оборотовъ принадлежитъ. Хотя послѣ узнали Поляки ощутительный вредъ отъ внѣдрившихся между ими сихъ корыстолюбивыхъ пришельцовъ и старались ограничить ихъ пронырствы и расхищеніе своихъ имуществъ конституціями 1454, 1565, 1567, 1588, 1633, 1638, 1670, 1678 и 1690 годовъ, въ выпискѣ, здѣсь съ прочими законами подъ литерою Б прилагаемой, которыми, то есть конституціями, запрещено давать деньги имъ въ займы и брать отъ нихъ даже съ залогомъ на время дворянскихъ имѣній; содержать на откупѣ и на арендахъ таможенные сборы, перевозы, продажу соли, корчмы, ни самимъ собою, ни подъ чужимъ именемъ, также имѣть работниковъ и работницъ изъ христіанъ и дѣлать перекупы всякихъ товаровъ и продуктовъ, и чинить малѣйшее помѣшаніе въ торговлѣ христіанамъ, подъ строгимъ за ними наблюденіемъ и взысканіемъ за преступленія по законамъ. Для того подвергнуты они суду и расправѣ общихъ правительствъ и установленіевъ республики, съ изъятіемъ однако таковымъ, чтобъ ихъ противу христіанъ въ свидѣтели не принимать. Хотя прежде еще сего не дозволено имъ было жить въ Краковѣ, а конституціею 1766 года возбранено уже имѣть имъ сонмища свои и въ столичномъ городѣ Варшавѣ. Съ другой стороны получили нѣкоторые города привилегіи, какъ то: по Бѣлоруссіи Витебскъ; Могилевъ и Чириковъ отъ Іоанна III и другихъ королей, дозволяющіе имъ торговой промыслъ, покупку городовыхъ мѣстъ и прочія городовыя выгоды, хотя сіи привилегіи, яко исключительныя и не отмѣняютъ общихъ о Евреяхъ законоположеній. Послѣ того, по разнымъ случаямъ, разныя выходили къ обузданію ихъ постановленія, но тщетно, ничто не помогло. Жадность къ корысти разрушила всѣ оплоты, а слабость исполнительной власти способствовала и укрѣпляла зло. Тунеядцы сіи обманами и пронырствами пребывали въ изобиліи на счетъ своихъ гостепріимцовъ, и содержали ихъ всегда своими данниками. Никогда никто не былъ изъ нихъ хлѣбопашцемъ, а всякій имѣлъ и переводилъ болѣе хлѣба, нежели семьянистой крестьянинъ, въ потѣ лица своего достающій оный. Не находилось также никогда между ими капиталистовъ по торговлѣ, но вѣроломствомъ и банкрутствомъ нерѣдко дѣлались они обладателями чуждыхъ стяжаній. Подобно въ прочихъ ремеслахъ и рукодѣліяхъ они не поднимались и не несли никогда

дѣйствительной тягости работъ; ибо всевозможно избѣгали трудолюбія, будучи по ихъ талмудамъ удостовѣрены, что они господствовать, а другіе народы раболѣпствовать должны (*). При всемъ томъ находили изобильное свое продовольствіе и содержаніе съ многочисленными своими семействами. Таково было состояніе Евреевъ во время польскаго владѣнія по всей Польшѣ и Бѣлоруссіи.

Не упоминая объ изгнаніи жидовъ изъ Кіева, около 1113-го года, Владиміромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ (**), а изъ Новагорода, 1528 года, царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ (***), прозорливости великихъ россійскихъ монарховъ отнести должно установленіе въ послѣдующія времена такихъ законовъ, которые строго воспрещали имѣть приходъ и въѣздъ симъ искуснымъ грабителямъ въ предѣлы имперіи; но со времени перваго отдѣленія отъ Польши Бѣлоруссіи, присовокупился и родъ сей вмѣстѣ съ краемъ подъ сѣнь скипетра всеросійскаго. Съ тѣхъ поръ отъ времени до времени непримѣтно и подъ разными предлогами вкрадывается и разселяется въ Малой и новой Россіи и другихъ сопредѣльныхъ Бѣлоруссіи губерніяхъ; а особливо въ Кіевѣ весьма много ихъ показалось.

Новѣйшія мѣстныя о Евреяхъ свѣдѣнія, покойнымъ графомъ Чернышевымъ, бывшемъ прежде генераломъ-губернаторомъ въ Бѣлоруссіи и много отъ разныхъ людей въ лучшее объясненіе характера сего народа собранныя и здѣсь приложенныя подъ лит. В., не думаю, чтобъ были вовсе несправедливы и плодъ

(*) Напротивъ того, изъ исторіи видно, что Іудеи краткое только время были вольными, а пребывали всегда въ рабствѣ у иноплеменныхъ народовъ: самъ Авраамъ обиталъ въ чужой землѣ. Іаковъ до старости своей служилъ разнымъ народамъ; въ Египтѣ были рабами, даже въ Палестинѣ состояніе ихъ нѣсколько разъ перемѣнялось: то были управляемы судьями, то иностранцами, священниками, а подъ царями не болѣе 400 лѣтъ находились. Подпадали подъ власть Ассиріанъ, Мѣдянъ, Персовъ и наконецъ Сиріянъ, которымъ платили дань. Шрекъ, кн. 6, стр. 366.

(**) Исторія Татищева, кн. II, стр. 213.

(***) Они такожъ изгнаны изъ Англіи королемъ Эдуардомъ I-мъ въ 1291 году. L'histoire universelle depuis le commencement du monde jusquà présent, t. 23, livr. 19, page 631. Изъ Франціи неоднократно, а въ послѣдній разъ изгналъ (прогналъ) ихъ король Филиппъ, наименованный Краснымъ, послѣдуя примѣру Эдуарда, короля англійскаго (L'histoire de la dispersion des Juifs), а изъ Ишпаніи въ 1492 году (Basnaze, libr. XV), за разныя ихъ злодѣянія, дабы очистить государство отъ вреднаго сего народа.

единственной ненависти, какъ они говорятъ, вдыхаемой различіемъ вѣры. Сіи свѣдѣнія подобны историческимъ и суть таковы: Жиды умны, проницательны, догадливы, проворны, учтивы, услужливы, трезвы, воздержны, скромны, не сластолюбивы и проч; но съ другой стороны, неопрятны, вонючи, праздны, лѣнивы, хитры, любостяжательны, пронырливы, коварны, злы и потому подобное. Можно о томъ читать обстоятельно въ упомянутыхъ приложеніяхъ. Но я замѣчу только здѣсь важнѣйшія, или лучше вреднѣйшія, для обществъ, между коими они обитаютъ, обычаи и обыкновенія. 1) Находятся у нихъ школы, то есть: молитвенницы, или училища ихъ вѣры и воспитанія. Тамъ рабины, наполняясь изступленіемъ древнихъ ихъ тальмудовъ или толковниковъ религіи, преданіевъ, обычаевъ и законовъ, превращаютъ начальныя основанія ихъ чистаго богослуженія и нравственности въ ложныя понятія о справедливости и неправдѣ и вмѣсто общественной, практической добродѣтели поощряютъ простой народъ къ однимъ обрядамъ и ненависти другихъ народовъ. А чрезъ то такъ его ослѣпили и непрестанно ослѣпляютъ, что возвысилась и утвердилась между ими и прочими неединовѣрными съ ними, такъ сказать, неразрушимая стѣна, которая, окружая ихъ мракомъ, содержитъ въ твердомъ единствѣ и отдѣленіи отъ всѣхъ обитающихъ съ ними. Тамъ дѣтей своихъ они воспитываютъ съ наивеличайшимъ тщаніемъ относительно только религіи ихъ и суевѣрствъ, а въ прочемъ ничему иному не учатъ, правилъ благоправія и честности не преподаютъ; напротивъ поощряютъ и наставляютъ къ обманамъ, хотя и хвастаютъ, что будто между ими находятся мужи, имѣющіе великія знанія. За наученіе тальмудовъ платятъ они дорого и ничего не жалѣя. Я видалъ отъ возхожденія до захожденія солнца стариковъ и юношей, кривляющихся и трясущихся съ воплемъ надъ сими книгами. Законъ свой содержатъ, особливо въ буквальномъ смыслѣ обрядовъ, весьма твердо. Въ субботу ни за что не примутся. Посты свои наблюдаютъ съ крайнымъ благоговѣніемъ, весьма строго и постоянно. Женятся весьма рано, иногда прежде 10 лѣтъ, отъ чего хотя плодущи, но слабы. Доколѣ школы будутъ существовать въ настоящемъ ихъ положеніи, ни малой не предвидится надежды къ перемѣнѣ ихъ нравовъ. Въ сихъ сонмищахъ преподается и укореняется суевѣрное ученіе, что они почитаютъ себя единственно истинными богочтителями, а о всѣхъ

другихъ не единовѣрныхъ съ ними думаютъ уничижительно, признавая ихъ за язычниковъ и идолопоклонниковъ, подъ названіемъ: Акумъ (поганые). Тамъ вперяется въ народъ безпрестанное ожиданіе Мессіи, котораго они въ помраченіи своемъ баснословятъ быть господомъ вселенной, не духомъ истины и добродѣтели, чѣмъ спаситель нашъ, соединивъ земное съ небеснымъ, учинилъ человѣка по блаженству его души царемъ міра, Божеству подобнымъ; но они думаютъ, что ихъ Мессія, покореніемъ подъ свою державу вещественно всѣхъ земнородныхъ, будетъ надъ ними плотски владычествовать, возвратитъ имъ прежнее ихъ царство, славу, великолѣпіе, и воздвигнувъ матеріально вновь храмъ Соломоновъ, вознесетъ ихъ имя паче всякаго имени. Потому-то изъ дѣтства упоенные сими предъубѣжденіями, закорѣнѣвшіе и состарѣвшіе во оныхъ, или лучше сказать, не имѣя никакого понятія о человѣколюбіи, безкорыстіи и прочихъ добродѣтеляхъ, ни къ чему они болѣе не привязываются, какъ къ собранію богатствъ, сокровищъ, для созиданія того храма, или для плотскихъ своихъ удовольствій нужныхъ (*). Впрочемъ, думаютъ только о настоящемъ, не заботясь ни мало о будущемъ; а потому ни въ какомъ случаѣ не мучася совѣстію, пускаются на все. Честь у жида ничего не стоитъ. Себя они чтутъ предъ всѣми другими превосходнѣйшими. Въ слѣдствіе того, чтобъ не показать своего униженія, не снимаютъ ни предъ кѣмъ съ головъ своихъ ярмолокъ (**). При малѣйшемъ, а особливо общемъ ихъ благоденствіи, взмѣриваются до чрезвычайности, думая, что пришло время Мессіи, которой дастъ имъ собственныхъ своихъ первосвященниковъ, вождей, судей и прочее. Примѣръ сего надменія, какъ сказываютъ здѣсь, при дозволеніи имъ права засѣдать въ магистратахъ и пользоваться привилегіями купечеству и мѣщанству, наравнѣ съ прочими подданными, чего, какъ выше яв-

(*) Извѣстно по исторіи, что когда императоръ Іуліянъ отступникъ, гоня христіанъ и покровительствуя Евреевъ, дозволилъ имъ во Іерусалимѣ возобновить ихъ храмъ, которой и дѣйствительно былъ начатъ, то жиды, сбѣгаясь со всѣхъ концовъ земныхъ, сносили туды свои сокровища, и женщины даже своими драгоцѣнностями жертвовали. Храмъ сей однако чудесными чрезъестественными или естественными событіями, въ первомъ своемъ началѣ, разрушенъ. О семъ не только духовные, но и свѣтскіе историки удостовѣряютъ.

(**) Сей обычай, у азіятскихъ народовъ принятый, кажется, происходитъ отъ преданій зороастровыхъ.

ствуетъ, не позволялось имъ польскими законами, весьма былъ ясно всѣми видимъ. 2) Имѣютъ они кагалы, то есть: судилища, или мѣста правленія, составленныя тоже изъ избраннѣйшихъ ихъ старѣйшинъ, или рабиновъ, какъ и школы ихъ. Они существуютъ издревле и владычествуютъ надъ ихъ народомъ самовластно. При забраніи бѣлорусскаго края къ Россіи оставлены они, плакатомъ 1772-го года государыни императрицы, на прежнемъ ихъ положеніи, какъ думать должно, единственно для государственныхъ податей, чтобъ чрезъ нихъ удобнѣе было сбирать оныя. Въ сихъ кагалахъ опредѣляются и совершаются всѣ ихъ духовныя и гражданскія дѣла. Духовные: позволеніе и запрещеніе хоронить умершихъ на ихъ кладбищахъ; обрѣзывать младенцевъ; входить въ школы и ихъ собранія; браки, разводы, употреблять рѣзниковъ, безъ коихъ никакого животнаго въ пищу себѣ употреблять не могутъ. Гражданскіе: судъ между ими, расправа, наслѣдствы, полиція и сборъ съ ихъ народа денегъ, не токмо для государственныхъ податей, но и для общественныхъ ихъ нуждъ. Сіи сборы существуютъ у нихъ, кромѣ многихъ прочихъ, подъ двоякими главными названіями, а именно: *Хебрикадышь* (священный) и *коробка*. Изъ нихъ первый якобы на погребеніе бѣдныхъ, чѣмъ присвоили себѣ кагальные право забирать у наслѣдниковъ богатыхъ умершихъ имѣнія, иногда и до половины; второй, якобы на содержаніе школъ и вспоможенія убогимъ, которой взыскивается съ рѣзниковъ весьма дорогою цѣною за продажу *каширнаго мяса* (*). Все сіе составляетъ кагаламъ ежегодно знатную сумму доходовъ, несравненно превосходнѣйшую, нежели съ ихъ ревизскихъ душъ государственныя подати. Кагальные старѣйшины въ ней никому никакаго отчету не даютъ (**). Бѣдная ихъ чернь отъ сего находится въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть. Взглянуть на нихъ гнус-

---

(*) *Каширнымъ* называется дозволенное мясо, а недозволенное-*трефель*. Естьли послѣднее продается по 2 коп., первое не менѣе 6; смотритъ за симъ подраббинокъ, по преданіямъ тальмудовъ, которые произошли отъ извѣстныхъ всѣхъ моисеевыхъ законовъ. Чрезъ сіе угнетается народъ, а богатѣютъ раббины и кагальные.

(**) Феодосій императоръ въ 429 году узаконилъ, чтобъ о собираемой въ ихъ кагалы казнѣ счетъ ежегодно требованъ былъ правительствомъ для свидѣтельства.

но. Напротивъ, кагальные богаты и живутъ въ изобиліи, управляя двоякою пружиною власти, то есть: духовною и гражданскою, въ рукахъ ихъ утвержденною, имѣютъ великую силу надъ ихъ народомъ. Симъ средствомъ содержатъ они его, или по видимому разсѣянное общество, ихъ политическое тѣло, не токмо въ неразрывной связи и единствѣ, но въ великомъ порабощеніи и страхѣ. Уѣздные подкагалки подчинены губернскому кагалу, а губернскій—синагогѣ или главному духовному суду, бываемому по случаю чрезвычайныхъ собраній въ Брестѣ или Вильнѣ, или гдѣ бы то ни было, по большею частію, какъ слышно, внѣ Россійской имперіи. Сей духовной судъ есть великій центръ ихъ правленія. Въ него изъ губернскихъ кагаловъ, чрезъ нижнія инстанціи или подкагалки, переносятся всякаго рода дѣла по аппеляціямъ (*).

Примѣчено даже за нѣкоторыми малосмысленными христіанами, что и они подвергаются суду сихъ раббиновъ, которые не изъ свойственнаго имъ правосудія, но для дальнѣйшихъ своихъ видовъ и ослѣпленія прочихъ простолюдиновъ, доставляютъ имъ нѣкоторое удовлетвореніе: ибо въ дѣлѣ съ христіаниномъ у нихъ правды быть не можетъ. Сіе запрещено тальмудами. Славится здѣсь въ разбирательствѣ тяжбъ чрезвычайными собраніями, даже иностранныхъ Іудеевъ, нѣкоторый жидъ Зальмакъ Бороховичь, живущій въ мѣстечкѣ Лезнѣ, предъ глазами котораго ополичилъ я винокуреніе, производимое жидами подъ предлогомъ дворянскаго права. Въ лицѣмера сего, лично видѣннаго мною, вѣруютъ наиболѣе *Хосады* (**), почитая его своимъ патріархомъ. Слово его имъ законъ.

Хосады сіи суть ихъ раскольники или сектаторы, въ недавнемъ времени отъ древнихъ ихъ преданій нѣкими новыми обрядами отличающіеся. Уже примѣтно виденъ между ими раздоръ. Первые жалуются на послѣднихъ, что они дѣтей ихъ, а особливо богатѣйшихъ купцовъ, сманивая въ свою секту, обираютъ у нихъ золото и

(*) Хотя отъ губернскаго начальства предписано и было, чтобъ на губернской кагалъ вносить аппеляцію къ губернатору, но сего потому ли не исполнялось, что не было конфирмовано высочайшею властію, или что жиды находятъ множество способовъ уклоняться и отъ самыхъ законовъ.

(**) *Праведный* или *преподобный*. Нѣкоторые ученые и просвѣщенные люди увѣряли меня, что его секта подобна иллюминатамъ и обѣщали доставить мнѣ о ней книгу, но какъ оной я не получилъ и точныхъ свѣдѣній не имѣю, то и не могу удостовѣрить, въ чемъ подлинно состоитъ сія секта.

серебро, которое остается въ неизвѣстное употребленіе вышеупомянутаго ханжи. Многіе утверждаютъ, что будто чрезъ него переводятъ они серебряныя и золотыя деньги въ Палестину на богоугодныя тамъ дѣла, чаятельно при случаѣ пришествіи Мессіи, котораго всечасно ожидаютъ на созданіе ихъ храма (*). 3) Въ нѣкоторыхъ изъ ихъ кагаловъ и школъ находятся у нихъ раббины, называемые ими кабалистиками, которые таинственныя означенія тальмудовъ объясняя по своему вымыслу и буквы священнаго писанія перенося изъ одного мѣста къ другому и подбирая ихъ слово къ слову, составляютъ изъ нихъ реченіи къ дѣяніямъ нынѣшнихъ временъ, или лучше къ желаніямъ ихъ относящіяся. Таковымъ прогностичествомъ, чародѣйствами и подобными изувѣрствами или лучше потачками и укрывательствомъ самыхъ уголовныхъ преступленій, доводятъ они простой народъ до предпріятой имъ цѣли. И потому многіе изъ жидовъ не начинаютъ никакихъ важныхъ дѣлъ безъ вычисленія выкладокъ, или совѣтовъ ихъ кабалистиковъ. 4) Въ оныхъ же кагалахъ установляются *Херимы* (**), то есть страшныя заклинанія на всѣ ихъ общества, или на нѣкоторое лицо частное ихъ рода въ храненіи какой-либо тайны, или въ домогательствѣ всѣми средствами, даже самой злобы, какую только изобрѣсти можно, чего либо имъ нужнаго. Удивительный примѣръ сему былъ въ недавнихъ годахъ, противъ нѣкоего польскаго помѣщика, Тизенгаузена, въ Зельванскомъ ихъ собраніи учиненный, о коемъ въ приложеніи подъ литерою Г. читать можно (***). Тамъ позволено было на

(*) Императоръ Онорій въ 329 г. повелѣлъ, чтобъ и серебро, въ синагогахъ собираемое и называемое данью апостольскою, отнюдь патріархами ихъ въ Палестину высылаемо не было, то неудивительно, что ежели они и нынѣ золото и серебро по таковымъ и выше сего сказаннымъ преданіямъ переводятъ въ Палестину. Впрочемъ вышеупомянутая дань почиталась наравнѣ съ податьми императорскими, и потому назвали aurum coronarium, происхожденіе свое имѣетъ отъ закона іудейскаго, которымъ предписано давать десятую часть въ храмъ іерусалимской, по разрушеніи же онаго обратилась сія дань въ доходъ ихъ патріарха.

(**) Заговорщики на жизнь французскихъ королей Генриха III и IV употребляли чародѣйства раббиновъ, которые страшные по тальмуду производя заклинаніи, прокалывали восковыя куклы ихъ чрезъ шесть недѣль кинжалами, предъ жертвенникомъ, въ удостовѣреніе непреложной ихъ смерти.

(***) Въ дѣлѣ покойнаго генералъ-лейтенанта Зорича находится признательная одного Еврея записка, что противъ его Херимъ былъ составленъ.

тѣхъ жидовъ, кои противъ общихъ ихъ пользъ къ помѣщику сего прилѣпились, сочинять даже фальшивые векселя, подписываться подложно подъ ихъ руки и утверждать все то присягою въ мѣстахъ судебныхъ. Изъ сего видно, что жидовская клятва, не кагалами имъ опредѣленная, ничего для нихъ не значитъ. 5) Въ сихъ же сонмищахъ, или кагалахъ опредѣляются и даются также *Хазаки*, то есть вѣчное право на содержаніе какой-либо аренды или откупа, въ которой они по своему произволенію отдаютъ чьи бы то ни было чужія недвижимыя имѣнія, какъ то: деревни, корчмы, мельницы, луга и проч.; такимъ образомъ, ежели только разъ настоящими владѣльцами отданы оные были какому либо жиду на аренду, или на откупъ, то другой жидъ не смѣетъ уже, хотя бы и съ прибавкою оброчной суммы, приступить къ торгу и взять оныхъ въ свое содержаніе, отнявъ тѣмъ выгоды у перваго. Но ежели помѣщикъ отобралъ оные у Еврея и отдалъ въ содержаніе христіанину, тогда послѣ онаго, въ случаѣ новой отдачи, можетъ уже другой жидъ приступить къ снятію тѣхъ арендъ или откуповъ. Въ противномъ случаѣ жидъ, преступившій сіе кагальное постановленіе, подвергается лютымъ истязаніямъ, какія только въ тѣхъ ихъ кагалахъ совершаются и коихъ боится ихъ народъ, паче наказаній, бываемыхъ отъ правительства по дѣламъ криминальнымъ. 6) Тамъ же, то есть въ сихъ кагалахъ, исполняется, или по крайности теперь только, защищаемы бываютъ тѣ христіанскія кровопролитія (*), въ коемъ Іудеи по разнымъ временамъ и царствамъ подозрѣвались, и понынѣ по архивамъ замѣчаются, что видѣть можно изъ приложеній подъ литерою Д., хотя я, съ моей стороны, о сихъ *кровопролитіяхъ* думаю, что есть ли они и бывали гдѣ либо въ древности, то не иначе, какъ токмо по иступленію нѣкоторыхъ ихъ фанатиковъ, но счелъ однако за нужное не выпустить ихъ изъ виду (**). Чтожъ

(*) Въ древнія времена, по суевѣрству ихъ, въ поруганіе христіанской вѣры, носили они въ своихъ процессіяхъ образъ *Амана*, къ кресту прикованнаго. А Гаманѣй, ихъ патріархъ, многіе въ самомъ дѣлѣ чинилъ таковыя христіанскія кровопролитія, и по поводу распятаго одного христіанскаго мальчика, императоръ Феодосій въ 415 г. воспретилъ ему строить синагоги въ уединенныхъ мѣстахъ, чтобы они не могли производить такихъ неистовствъ, о каковыхъ по многимъ царствамъ и въ самой Польшѣ многіе находятся анекдоты и надписи на гробницахъ.

(**) Въ руской литературѣ существуетъ довольно обстоятельное изслѣдова-

принадлежитъ до прочихъ преступленій еврейскихъ, то о нихъ достовѣрно извѣстно изъ приложенной здѣсь подъ лит. Е. справки, въ которой явствуетъ, что рѣдко бываетъ дѣло уголовное, въ которомъ бы не были многіе или одинъ жидъ замѣшанъ, естьли не настоящимъ дѣйствіямъ, то по крайней мѣрѣ соучастіемъ. 7) Изъ сихъ же кагаловъ, или ихъ правительствъ, истекаютъ по ихъ народу всякія приказаніи, налогъ податей, наряды и прочія распоряженіи, которые исполняются съ такою точностію и скоростію, что удивляться должно. Живущіе по городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ тотъ часъ сообщаютъ все другъ другу. 8) Впрочемъ, жиды обращаются въ торговлѣ, а нѣкоторые, и то весьма мало, въ легкихъ ремеслахъ. Жены ихъ большою частью сидятъ въ городахъ и мѣстечкахъ по лавкамъ и вяжутъ чулки, чему послѣднему пріобучилъ ихъ принужденіемъ графъ Чернышевъ. Ѣздятъ по ярманкамъ и ходятъ по домамъ, чаятельно съ великою для себя прибылью; но вообще сказать должно, что вся жидовская торговля едвали полезна государству и казнѣ. Сіе еще прежде по дѣламъ коммерцъ-коллегіи мною замѣчено (*). 9) Нерѣдко они здѣсь упражняются при господахъ въ факторствѣ, или закупкѣ всего для ихъ домовъ нужнаго; сіи факторы, или лучше сказать повсемѣстные пристава, бдятъ, подъ видомъ прислугъ, душевно и тѣлесно надъ истощеніемъ хозяйскихъ имуществъ, и сообщаютъ нужныя извѣстія своимъ собратіямъ. Многіе польскіе владѣтели безъ жида шагу не ступятъ; и крестьяне по своимъ нуждамъ, не заплатя нѣсколько копѣекъ симъ хранителямъ, не смѣютъ показаться въ ихъ домы. 10) Занимаются также здѣсь жиды мелочными перекупками всякихъ произрастеній, и гдѣ ихъ много живетъ, тамъ вообще по городамъ бываетъ дороговизна въ съѣстныхъ припасахъ. Всего же больше упражняются въ деревняхъ въ продажѣ по корчмамъ горячаго вина, а паче въ раздачѣ въ долги всего нужнаго крестьянамъ, съ пріобрѣтеніемъ чрезвычайнаго росту; и потому, попавъ единожды крестьянинъ въ ихъ обязанность, не можетъ уже выпутаться изъ долгу. 11) Для сбору сихъ своихъ долговъ ѣздятъ они осенью

ніе объ этихъ «кровопролитіяхъ»; къ сожалѣнію, доступно оно очень не многимъ. А. А.

(*) О семъ по справкамъ въ дѣлѣ Зорича удостовѣриться можно.

такъ называемою *коледою*, какъ выше описано, иногда тайнымъ образомъ и по ночамъ, спаивая нетокмо самихъ хозяевъ, но женъ ихъ и дѣтей, развозимымъ съ собою виномъ, пьяныхъ обсчитывая, обираютъ съ ногъ до головы, и тѣмъ погружаютъ поселянъ въ совершенную бѣдность и нищету. Приложенное здѣсь подъ литерою Ж. польское сочиненіе, хотя по виду своему сатирическое и шуточное, но поелику, по собраннымъ мною извѣстіямъ, вижу я въ немъ совершенной образъ жида, помѣщика и крестьянъ бѣлорусскихъ, то и взялъ я смѣлость сюда пріобщить оное. Подлинно здѣсь находятся токовые жиды, арендаторы и легковѣрные помѣщики, предавшіе въ руки жидовскіе не токмо временно, но и безсрочно деревни свои, чрезъ вѣрющія письма, контракты и другія крѣпостныя сдѣлки. Всякъ себѣ представить можетъ, каковы суть крестьяне подъ господствомъ жидовъ! Должно однакожъ справедливость отдать и симъ послѣднимъ, что при нынѣшнемъ недостаткѣ хлѣба, они не мало голодныхъ поселянъ снабжали кормомъ. Впрочемъ, всякъ знаетъ, что не безъ расчета, ибо при снятіи жатвы, данное имъ сторицею они возвратятъ, ежели только правительство въ томъ не воспрепятствуютъ имъ, учиненными отъ него строгими предписаніями. 12) Жидовъ въ Бѣлоруссіи числится по послѣдней ревизіи мужскаго полу только 18,121 душа, но извѣстно, что множество ихъ прописныхъ или послѣ ревизіи изъ-за границы пришлыхъ. Доказывается сіе тѣмъ, что въ губернскомъ городѣ Витебскѣ находится, кромѣ наемныхъ, 700 еврейскихъ домовъ, а числится ревизскихъ душъ съ небольшимъ 500 мужеска полу; но въ каждомъ однако дворѣ до 20 ихъ найти можно, а также и явкою нынѣ таковыхъ прописныхъ въ правительствы. Потому думаю, что скоро ихъ найдется, какъ говорятъ здѣсь, болѣе 100,000 мужеска одного полу, ежели только захотятъ они употребить въ свою и государственную пользу милосердіе государя императора, оказанное имъ позволеніемъ въ годичной срокъ подать о себѣ вѣрнѣйшія сказки. Еслижъ они сего не учинятъ, то безъ особливаго чрезвычайнаго средства трудно имъ сдѣлать справедливую перепись; ибо, живя по городамъ, мѣстечкамъ, дворамъ господскимъ, деревнямъ и корчмамъ, безпрестанно почти перебѣгая другъ къ другу, называютъ себя не туточными жителями, а гостьми, изъ другаго уѣзда или селенія пришедшими. А притомъ какъ много изъ нихъ единообразныхъ, единоимянныхъ,

какихъ нибудь Мовшевъ, Абрамовъ, Лейбовъ, Хаймовичевъ, Лейзаровичевъ и тому подобныхъ; да къ тому же всѣ одѣты въ одинакое черное платье, то и теряется память и смѣшивается понятіе, при случаѣ ихъ счета и различія, а особливо по дѣламъ исковымъ и слѣдственнымъ. Трудно сыскать виноватаго: всякой откликнется и всякой не тотъ. Сіе должно отнести также къ ихъ хитрости. 13) На вопросъ мой, какимъ образомъ они могутъ себѣ достать прокормленіе своими собственными трудами, то есть хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и рукодѣліемъ, а не извлекать онаго отъ крестьянъ лихоимствомъ и не содержать по деревнямъ ни корчемъ, ни арендъ и переторжкою не заниматься, всѣ кагалы губернскіе и уѣздные почти одинаковымъ отозвались образомъ, во первыхъ, оправданіемъ себя, что они никакими корыстолюбивыми промыслами не извлекаютъ отъ крестьянъ хлѣба. Во вторыхъ, что прокормленіе свое получаютъ разными способами, законами дозволенными. Въ третьихъ, что способности и привычки къ хлѣбопашеству не имѣютъ и въ законѣ своемъ находятъ къ тому препятствіе. Въ четвертыхъ, что по купечеству и прочимъ общежительнымъ законностямъ съ помѣщиками и другими людьми обязаны контрактами и векселями, почему отлучиться никуды, безъ крайняго себя и прочихъ раззоренія, возможности не находятъ и, наконецъ, что сверхъ нынѣшнихъ ихъ упражненій, никакихъ другихъ способовъ, служащихъ къ ихъ продовольствію, не предвидятъ и не имѣютъ въ томъ надобности, а желаютъ остаться на прежнемъ положеніи, соглашаясь однако въ томъ, чтобъ по деревнямъ для собранія долговъ не ѣздить и крестьянамъ болѣе 50 к. въ ссуду не давать, возвергая, впрочемъ, недостатокъ хлѣба на самихъ помѣщиковъ, якобы крестьянъ своихъ угнетающихъ безмѣрными поборами и работами. Одинъ только Еврей польскаго короля, надворный совѣтникъ, Пота Хаймовичь представилъ необходимость доставить множеству праздныхъ людей сего народа безнужное пропитаніе, заведеніемъ разныхъ фабрикъ и рукодѣліевъ, такъ чтобъ, освободя ихъ отъ двойнаго оклада, изъ Бѣлоруссіи переселить на пространныя пустопорожнія мѣста. О чемъ подалъ свой проэктъ, которой, равно какъ и кагальные отзывы, при семъ въ подлинникахъ подъ литерами З. и И. прилагаю. На вопросъ же мой, чрезъ повѣтовыхъ маршаловъ, владѣльцовъ: какимъ образомъ крестьяне ихъ освободиться могутъ

отъ жида всякихъ корыстныхъ промысловъ такъ, чтобъ оставался довольный хлѣбъ у нихъ на пропитаніе, всѣ отозвались, что избавиться отъ того они другаго средства не предвидятъ, какъ только чтобы всѣ безъ изъятія жиды были изъ деревень и мѣстечекъ ихъ высланы въ тѣ города, гдѣ они записаны или куда начальству угодно будетъ; ибо единственною причиною истощенія ихъ крестьянъ по своимъ оборотамъ признаютъ они жидовъ. Напротивъ, одинъ изъ всей губерніи помѣщикъ, князь Любомирской, отозвался, что крестьяне его не отъ жидовскихъ промысловъ терпятъ въ хлѣбѣ недостатокъ, но отъ разныхъ непредвидимыхъ случаевъ и неурожаевъ; что ежели выслать ихъ изъ его владѣній, то онъ понесетъ немалой убытокъ по той причинѣ, что получаетъ съ нихъ знатные за аренды доходы и уплачиваетъ оными проценты въ банкъ. Тѣ ихъ отзывы (*), а равно и мнѣнія господъ губернатора, вице-губернатора и губернскаго прокурора въ подлинникахъ же здѣсь подъ литерою I. прилагаются.

По таковымъ древнимъ и новымъ о жидахъ примѣчаніямъ и разнымъ о нихъ мнѣніямъ, нахожу я *школы* ихъ ни что иное, какъ гнѣздо суевѣрствъ и ненависти къ христіанамъ; кагалы опасный status in statu, которыхъ благоустроенное политическое тѣло терпѣть *не долженствуетъ*. Въ Пруссіи они уничтожены. *Денежные сборы* болѣе къ угнетенію ихъ народа, нежели къ пользѣ служатъ, и по собственному ихъ хвастовству, вино у корчмарей для простаго народа, а деньги у кагальныхъ для прочихъ, суть такіе мечи, противъ которыхъ рѣдко кто устоитъ. *Хазаки*, коварный вымыслъ для содержанія въ единыхъ ихъ рукахъ всѣхъ откуповъ и арендъ, есть родъ самой вѣрнѣйшей монополіи. *Херимы*, святотатственныйі, непроницаемый покровъ самыхъ ужаснѣйшихъ злодѣяній, ко вреду общему и частному свершаемыхъ. *Коледы*— искусной грабежъ, подъ видомъ пріязни и дружескаго посѣщенія. *Аренды*, *корчмы*, *факторства*, *торговля* и всѣ прочія вышеописанныя ихъ установленія и дѣянія, ничто иное суть, какъ тонкіе вымыслы, подъ видомъ прибылей и услугъ ближнимъ, истощать ихъ имущество. Словомъ, ежели вообще ихъ нравы и поступки одобрить не можно, то нельзя правильнаго сдѣлать заключенія, чтобъ

(*) Тутъ прилагаются отзывы и тѣхъ самыхъ владѣльцевъ.

Евреи, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, были добрые люди, а потому и добрыми подданными почтены быть не могутъ, ибо извѣстно, что единственно благонравный образъ мыслей производитъ гражданскія добродѣтели. А при томъ, какъ большая часть изъ нихъ не имѣютъ даже своихъ домовъ и могутъ переходить, при всякомъ случаѣ, съ мѣста на мѣсто и въ другія государства, нося всѣ свои имущества съ собою, то и не можно признать ихъ собственно принадлежащими Россійскому государству. Многочисленность же ихъ въ Бѣлоруссіи, кромѣ вышеописанныхъ вредныхъ ихъ качествъ, по единой только уже несоразмѣрности съ хлѣбопашцами, совершенно для страны сей тягостна. Между многими вышеописанными въ первой части причинами, она есть единственная изъ главнѣйшихъ, которая производитъ въ семъ краю недостатокъ въ хлѣбѣ и въ прочихъ съѣстныхъ припасахъ. Въ разсужденіе чего, чтобъ исполнить волю Государя Императора и отвратить на будущія времена скудость въ Бѣлоруссіи хлѣба, съ одной стороны обузданіемъ жидовскихъ промысловъ, а съ другой нѣкоторымъ освобожденіемъ отъ нихъ сего края, ведетъ само собою необходимыя послѣдствія: что должно отъ ихъ связи освободить Бѣлоруссію и притомъ безъ нанесенія кому-либо вреда въ интересахъ; уменьшить ихъ число и облегчить тѣмъ продовольствіе коренныхъ ея обитателей, а оставшимся изъ нихъ дать лучшіе и безъобиднѣйшіе для другихъ способы къ ихъ содержанію, какъ равно и переселившимся въ другія мѣста; узнать вѣрное число ихъ и помѣстить въ классы, пристойные благоустроенному государству; привесть ихъ подъ единственное управленіе самодержавной власти, а для того ослабить ихъ фанатизмъ и нечувствительнымъ образомъ приблизить къ прямому просвѣщенію, не отступая однако ни въ чемъ отъ правилъ терпимости различныхъ вѣръ; вообще, истребивъ въ нихъ ненависть къ иновѣрнымъ народамъ, уничтожить коварные вымыслы къ похищенію чужаго добра; пресѣчь праздность и тунеядство; словомъ, устроить ихъ политически и нравственно, подобно просвѣщеннымъ народамъ. Все сіе заключаю я въ слѣдующихъ 10 отдѣленіяхъ».

Отдѣленіе 1. О возвѣщеніи преобразованія Евреевъ и о назначеніи для нихъ протектора и коммиссіи.

1) Всемилостивѣйшимъ манифестомъ объявить имъ высочайшее покровительство и сказать, что, по причинѣ ихъ примѣтнаго оскудѣнія, берется о нихъ попеченіе, для доставленія имъ средствъ къ продовольствію; при чемъ подтвердить плакатъ 1772 года, съ нѣкоторыми отмѣнами древнихъ ихъ установленій, съ образомъ благоустроеннаго христіанскаго монархическаго правленія несогласныхъ, и дозволить тѣмъ, кто не похочетъ подвергнуться сему установленію, выдти за границу

2) Опредѣлить имъ особливаго протектора.

3) Учредить коммиссію въ Бѣлоруссіи (изъ 3-хъ владѣльцовъ, 3-хъ купцовъ, 3-хъ Евреевъ и 3-хъ чиновъ губерніи) для разбору всѣхъ долговъ Евреевъ съ христіанами. Въ другихъ губерніяхъ должно будетъ учредить такія жъ коммиссіи, ибо нельзя ничего будетъ успѣть въ преобразованіи жидовъ, если не за всѣхъ вдругъ приняться.

Отд. 2. О разборѣ долговыхъ претензій и о разрѣшеніи ихъ.

1) Обнародовать тѣмъ же манифестомъ, что отъ опубликованія его въ 4 мѣсяца, всѣ христіане и Евреи въ коммиссію представили (бы) свои претензіи другъ на друга, подъ опасеніемъ уничтоженія ихъ, и въ сіе время, чтобъ уже никакого взаимнаго кредита между христіанами и Евреями дѣлано не было.

2) Въ вѣдомостяхъ обоихъ столицъ, коммиссія дастъ знать о поступившихъ въ нее претензіяхъ, кого и на комъ именно, не упоминая о суммахъ. Въ слѣдующіе за симъ 4 мѣсяца, обязаны всѣ должники явиться въ коммиссію и утвердить долгъ, представить залогъ или внести деньги. Молчаніе отвѣтчиковъ обвинитъ ихъ и впредь никакое оправданіе не примется.

3) Кто не представитъ залога или поручительства, съ тѣмъ поступить по законамъ. О спорныхъ деньгахъ сдѣлать рѣшительное постановленіе на основаніи законовъ; и на сіе полагается третій 4-хъ мѣсячной срокъ, поелику истцы и отвѣтчики будутъ на лицо.

4) Безспорнымъ долгамъ коммиссія сдѣлаетъ балансъ, сколько Евреи должны христіанамъ и сіи Евреямъ,—только и взыскивать,

а прочіе долги заверстать. Балансъ сей представить протектору, который утвердя оный, отдаетъ къ исполненію, безъ всякой аппеляціи; на сіе полагается еще 4 мѣсяца. И послѣ онаго сдѣланное обязательство не будетъ имѣть никакой законной силы.

Отд. 3. О сборѣ доходовъ и о платежѣ кагальныхъ долговъ по учрежденіи капиталовъ для преобразованія Евреевъ.

1) Всѣ сборы съ Евреевъ, окладные и неокладные, со дня объявленія манифеста, предоставятся на платежъ за бѣдныхъ людей и кагальныхъ долговъ, и на переселеніе и обзаведеніе ихъ; и потому предлагается съ остающихся на мѣстѣ 3 года, а съ переселенныхъ— 6 лѣтъ, сборы сіи не брать въ казначейство, а вносить въ коммиссію.

2) Коммиссія, по сложности 3-хъ прошедшихъ лѣтъ, сдѣлаетъ примѣрное расчисленіе, сколь велика должна быть сумма, собираемая въ годъ, подъ разными имянованіями, съ Евреевъ—и представить протектору.

3) Въ день изданія манифеста, коммиссія во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ есть кагалы и подкагалки и школы, запечатаетъ ящики и коробки съ деньгами, приставитъ выборнаго изъ Евреевъ, которой и сборы продолжать будетъ.

4) Сей казначей, собирая деньги съ росписками, записываетъ въ книги.

5) По прошествіи 4-хъ мѣсяцовъ, деньги и книги отсылаются въ коммиссію, которая хранитъ ихъ въ губернскомъ казначействѣ и, по прошествіи года, отчетъ приходамъ коммиссія представляетъ протектору.

6) Естли въ первой годъ нельзя будетъ приступить къ переселенію Евреевъ, по причинѣ, что сборы ихъ недостаточны къ тому будутъ, по заплатѣ долговъ, то запретя немедленно имъ торговать виномъ, предписать кагаламъ—бѣдныхъ и неимѣющихъ пропитанія, естьли найдутся, разослать на работы для трепанія льну и пеньки, или для проводу судовъ и рытія каналовъ.

7) Когда по окончаніи расплаты взаимныхъ претензій, по предписаннымъ въ семъ постановленіи правиламъ, изъ сборовъ еврейскихъ накопится довольная сумма, тогда начинается дѣйствительная реформа.

Отд. 4. О сочиненіи новой поголовной еврейской переписи.

Помянутымъ же манифестомъ повелѣть всѣмъ кагальнымъ старшинамъ, подъ лишеньемъ всего ихъ имѣнія и отсылки безъ женъ вѣчно въ Сибирь на работу, составить вѣрную поголовную перепись всѣмъ Евреямъ. При составленіи оной, для лучшаго удобства, впредь каждому Еврею прибавить прозвища россійскія, напр. Нота Хаимовичъ *Замысловатый*, Лейба Ицковичъ *Промышленный*, и проч., и объявить оныя каждому, дабы они помнили и назывались онымъ.

Отд. 5. О раздѣленіи Евреевъ на классы.

Предполагается раздѣлить ихъ на 4 класса: 1) купцы, 2) городовые мѣщане, 3) сельскіе мѣщане, 4) поселяне и ихъ работники.

Купцы раздѣляются на 3 гильдіи, по городовому положенію, и имъ дается всякая свобода безъотмѣнно, на прежнемъ основаніи.

Городовые мѣщане объявить должны капиталу отъ 1000 до 500 р. и остаются равномѣрно при своихъ выгодахъ; одна половина должна быть непремѣнно мастеровыми, а другіе—прикащиками и другими служителями по торговлѣ.

Казенные сельскіе мѣщане платятъ крестьянскія подати; объявить должны капиталу отъ 500 до 100 р. и будутъ селиться на казенныхъ земляхъ и заводить разныя фабрики.

Тѣ же, которые поселятся въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ, по особымъ контрактамъ, называются владѣльческими и живутъ на особыхъ улицахъ отъ христіанъ.

Четвертый классъ, хозяинъ изъ которыхъ каждый долженъ объявить отъ 50 до 100 р. капиталу и имѣть при себѣ 4 работниковъ, которые до тѣхъ поръ состоятъ у нихъ въ совершенномъ повиновеніи, пока сами накопятъ тотъ капиталъ и сдѣлаются хозяевами.

Когда между владѣльцами и Евреями послѣдуетъ согласіе къ поселенію ихъ въ мѣстечкахъ и усадьбахъ, тогда владѣльцы должны дать на себя правительству обязательство въ томъ, а) что въ мѣстечкахъ въ теченіи 3-хъ лѣтъ непремѣнно заведутъ они Евреями разныя мануфактуры, фабрики и рукодѣлья; а на усадьбахъ дѣйствительно ими же заведутъ хлѣбопашество, скотоводство и прочія сельскія работы, точно еврейскими руками, b) что они владѣльцы за Евреевъ подати государственныя платить будутъ исправно;

c) и довольствовать ихъ стануть, особливо въ случаѣ голоду; d) не будутъ давать имъ въ содержаніе арендъ, e) ни держать ихъ факторами, ни корчемъ на откупъ давать, ни позволять продавать вино, но постараются ихъ сдѣлать полезными работниками и мастеровыми.

За нарушеніе и неисполненіе всѣхъ сихъ статей, владѣлецъ сначала подвергается денежному штрафу, а напослѣдокъ и конфискаціи имѣнія въ казну, а Евреи высылаются въ Сибирь.

Сверхъ сего и между владѣльцомъ и Евреями непремѣнно должны быть заключены подробные контракты о всѣхъ съ обѣихъ сторонъ повинностяхъ и штрафахъ, означа при томъ, что Евреи остаются людьми вольными и по прошествіи 10 лѣтъ могутъ перемѣнить контрактъ и мѣсто жительства.

Отд. 6. О расчисленіи Евреевъ, сколько ихъ оставить въ Бѣлоруссіи и сколько выселить въ другія мѣста.

1) По полученіи новой поголовной переписи, коммиссія чрезъ земскіе суды и кагалы, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, соберетъ отъ всѣхъ Евреевъ объявленія, въ какой кто классъ вступить захочетъ и сколько капиталу покажетъ.

2) Посему сдѣлаетъ коммиссія расчисленіе, наблюдая строго политическое правило, чтобъ не отяготить одного города записскою многихъ купцовъ или мѣщанъ, а другаго не оставить съ малымъ числомъ—слѣдуя тому расчету, чтобъ по числу ревизскихъ душъ поселянъ какой либо округи, не было въ томъ городѣ купцовъ и мѣщанъ болѣе, какъ противъ ста одинъ купецъ и 4 мѣщанина.

3) И потому какъ въ Бѣлоруссіи жителей считается 632.009 душъ, то во всѣхъ городахъ должно быть купцовъ 6.320, мѣщанъ 25.280. Но какъ уже въ то число есть уже тамъ христіанскихъ купцовъ 1.259, мѣщанъ 16.768, еврейскихъ купцовъ 595, мѣщанъ 17.526, то и слѣдуетъ въ число купцовъ добавить 4.466, а изъ мѣщанъ убавить 9.014—по сему расчету. Остальныхъ всѣхъ Евреевъ, которые не поселятся въ усадьбахъ, отвести земли въ астраханской и новороссійской губерніяхъ, назнача къ переселенію самыхъ бѣднѣйшихъ. Обо всемъ этомъ коммиссія представитъ вѣдомость протектору.

Отд. 7. О пріуготовленіи къ переселенію.

1) По окончаніи новой ревизіи, кагалы должны избрать потребное число молодыхъ людей изъ купцовъ, мѣщанъ и поселянъ и коммиссія посылаетъ ихъ въ Петербургъ, Москву и Ригу для обученія бухгалтеріи, грамотѣ, ремесламъ и мастерствамъ и хлѣбопашеству.

2) Владѣльцы поселившихся у нихъ Евреевъ равномѣрно пекутся—научить разнымъ полезнымъ упражненіямъ.

3) По назначеніи мѣстъ и земель для переселенія, коммиссія чрезъ кагалы избираетъ расторопныхъ и тщательныхъ Евреевъ и посылаетъ ихъ туда для занятія мѣстъ, съ назначеньемъ въ каждомъ мѣстечкѣ не болѣе 300 домовъ, а въ деревнѣ—не болѣе 10 хозяевъ, или 40 дворовъ.

4) Сіи депутаты, по пріѣздѣ на мѣсто и получа планы селеніямъ, представляютъ протектору, которой относится къ губернатору о построеніи на первый случай нѣсколькихъ домовъ.

Отд. 8. О переселеніи Евреевъ изъ Бѣлоруссіи.

1) Слѣдуемое количество къ переселенію раздѣлится на партіи, и по одной отправляется напередъ, на построеніе на мѣстѣ домовъ другимъ, которые за ними послѣдуютъ.

2) При каждой партіи назначается изъ Евреевъ же по 3 проворныхъ; по переселеніи такимъ образомъ всѣхъ партій, дастся имъ льготы 6 лѣтъ. А оставшимся въ Бѣлоруссіи, правительство благоволитъ дать 3 года льготы; ибо хотя не большое, но претерпятъ разстройство отъ сей реформы. По прошествіи же сихъ лѣтъ, брать со всѣхъ Евреевъ подати наравнѣ съ прочими подданными, а не двойные; причемъ предлагается также, для поощренія заведенія фабрикъ, съ мѣщанъ подать собирать не деньгами, а сукномъ или полотномъ. Протекторъ же употребитъ всевозможное стараніе для заведенія мануфактуръ.

Отд. 9. О политическомъ образованіи Евреевъ.

1) Во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ живутъ Евреи, запретить и уничтожить кагалы и самое званіе ихъ, по примѣру какъ оно въ Пруссіи и Цесаріи уничтожены.

2) Во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ Евреи между собою и христіанами подвѣдомы быть должны узаконяемымъ на то правительствамъ.

3) По духовнымъ вѣдаются въ школахъ, состоящихъ подъ усмотрѣніемъ городничихъ, земскихъ полицій, приставовъ и владѣльцовъ.

4) Кагальные сборы отмѣнить; государственныя же подати собирать наравнѣ съ другими подданными одинокія.

5) Естьли же по установленіямъ ихъ вѣры и обычаямъ, неокладные сборы быть долженствуютъ, какъ то: за погребеніе мертвыхъ, съ коробокъ, райскихъ яблокъ и т. п., то неиначе, какъ родомъ добровольнаго подаянія и ни на что другое, какъ на благоугодныя дѣла.

6) Нужнымъ признается по губерніямъ учредить синагоги, а надъ оными въ столицѣ Сендаринъ, или вышній уѣздный судъ. Синагоги завѣдываютъ просвѣщеніемъ и дѣлами вѣры.

Отд. 10. О нравственномъ образованіи Евреевъ и просвѣщеніи.

Образовать школы, гдѣ бы преподаваніе шло на чистомъ еврейскомъ языкѣ; кромѣ обученія разнымъ наукамъ, ввести преподаваніе языковъ: русскаго, польскаго и нѣмецкаго. Отличіе и способности учениковъ должны быть внимательно награждаемы. Въ наставники выбирать, по преимуществу, людей кроткихъ и просвѣщенныхъ.

БЛИЖНІЕ ЛЮДИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ

ВЪ ПИСЬМАХЪ СВОИХЪ КЪ ГОСУДАРЫНѢ.

1742—1761 г.

(Матеріалы для русской исторіи XVIII вѣка).

СООБЩЕНЫ

М. И. Семевскимъ.

БЛИЖНИЕ ЛЮДИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ

ВЪ ПИСЬМАХЪ СВОИХЪ КЪ ГОСУДАРЫНѢ.

1742—1761 г.

(матеріалы для Русской исторіи XVIII в.).

Представляемъ читателямъ «Архива» сборникъ писемъ различныхъ сановниковъ, сановницъ, слугъ и служительницъ—близкихъ и довѣренныхъ лицъ императрицы Елисаветы. Въ настоящее собраніе вошло 78 писемъ—31-го лица. Не всѣ изъ этихъ документовъ одинаково интересны, но всѣ, какъ намъ кажется, полезны для того, кто пожелаетъ ближе ознакомиться съ событіями 1741—1761 годовъ русской исторіи и съ тѣми лицами, которыя имѣли въ то время значеніе. Какъ-бы ни были обстоятельны и подробны монографіи и очерки изъ этой интересной эпохи, но они ни въ какомъ случаѣ не могутъ представлять документовъ въ той полнотѣ, въ какой это возможно въ сборникѣ «матеріаловъ». Изслѣдователь обыкновенно выхватываетъ тѣ мѣста, которыя подходятъ подъ программу его изслѣдованія или обзора, между-тѣмъ какъ въ выпущенныхъ мѣстахъ можетъ заключаться что нибудь интересное для другой задачи; вотъ почему желательно, чтобы болѣе и болѣе являлось въ печати матеріаловъ въ ихъ сыромъ видѣ; этого въ особенности надо желать относительно такихъ эпохъ, каково напр. время съ 1741-го по 1761-й годъ. Время это не только не извѣстно въ настоящемъ своемъ свѣтѣ публикѣ, но съ нимъ даже мало знакомы лица, спеціально занимающіяся русской исторіей.

Въ представляемой нынѣ коллекціи писемъ и прошеній ближнихъ лицъ Елисаветы Петровны особенно интересны слѣдующіе документы:

NN 11 по 27-й, 61 по 62-й—въ нихъ Мих. Лар. Воронцовъ и Карлъ Сиверсъ передаютъ любопытныя подробности о пребываніи своемъ за границей, о Прусскомъ и Австрійскомъ дворахъ, о политическихъ новостяхъ, слухахъ и проч.

NN 70 по 78-й—представляютъ намъ трехъ Шуваловыхъ, довѣреннѣйшихъ лицъ государыни; изъ нихъ—письма и проекты графа Петра Ивановича ярко освѣщаютъ эту личность, которая еще ждетъ безпристрастнаго приговора.

Въ письмахъ Жеребцова, Кондоиди и Никиты Панина (NN 34 по 42, 44 по 49 и 54) находятся подробности о воспитаніи и развлеченіяхъ малютки Павла Петровича (съ 1755 по 1761 г.); обстоятельныя извѣщенія о томъ, что онъ кушалъ, когда проснулся, чѣмъ забавлялся и т. п. мелочи показываютъ, какое близкое участіе принимала Елисавета Петровна въ своемъ внучкѣ; письма Жеребцова, Кондоиди и Н. Панина могутъ служить вступленіемъ къ извѣстному дневнику С. Порошина.

У Александра Шувалова, еще болѣе въ письмахъ графини Румянцовой (NN 55—56) есть черты, характеризующія отношенія Елисаветы къ Екатеринѣ, и Екатерины къ ея мужу;—эта Румянцова играетъ довольно важную роль въ извѣстномъ сочиненіи великой княгини Екатерины Алексѣевны.

Письма знаменитаго богача Демидова (NN30—32) знакомятъ съ трудностями борьбы въ то время съ такимъ велемочнымъ сановникомъ, какимъ былъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ... Но мы считаемъ излишнимъ указывать на то, что заключается въ томъ или другомъ письмѣ, каждое изъ нихъ имѣетъ хоть какой нибудь интересъ, почему и выбрано нами изъ другихъ съ нимъ однородныхъ (*). Орѳографія того времени сохранена нами только въ немногихъ письмахъ, такъ какъ она всѣмъ извѣстна.

М. С.

(*) Госуд. Арх. при Мин. Ин. Дѣлъ. Вход. бумаги 1741—1761 годовъ.—Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что при печатаніи настоящихъ документовъ мы неоднократно провѣрили ихъ съ подлинниками.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМЪ БЛИЖНИХЪ ЛЮДЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

1742—1761 г.

№ письма.

I. Бутурлинъ графъ Александръ Борисовичъ 1760—1761. N 1 по 8.

1760 г.: 18 августа, 22 сентября—Нарва, 1 октября—Рига, неизвѣстн. числа, 3-го октября—девять миль отъ Митавы.

1761 г.: 11 и 15-го іюня—Познань, 6-го октября—Драмбургъ.

II. Бестужевъ-Рюминъ графъ Михаилъ Петровичъ 1757 г. 9.

1757 г.: 26-го декабря—Парижъ.

III. Бочкинъ Василій—завѣдывавшій гардеробомъ государыни 1754 г. 10.

1754 г.: 19-го марта—Торжокъ.

IV. Воронцовъ графъ Михайло Ларіоновичъ 1745 г. 11—17, 19—27.

1745 г.: 4-го января два письма—С.-п.-б.; 23-го января—Бронницы; 11-го іюня два письма—Питергофъ; 20-го іюня—С.-п.-б.; 18-го сентября—Митава; 28-го сентября, 2-го октября—Фрауенбургъ; 15-го октября, 19-го октября, 24-го октября—Берлинъ; 30-го октября—Дрезденъ; 2-го ноября—Прага; 15 ноября—Вѣна.

БУТУРЛИНЪ ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ БОРИСОВИЧЪ.

(1760—1761.)

1.

Всемилостивѣйшая государыня императрица! По высочайшемъ отсутствіи вашего императорскаго величества, короулъ при дворѣ мною принятъ, и состоитъ все благополучно. Ихъ высочествы сего дня ввечеру въ Люберицы отбыть соизволили.—Всеподданнѣйшій послѣдній рабъ, Александръ Бутурлинъ.

Августа 18 день (1760 г.)

2.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.—Продолжая мой путь по высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества, сего сентября 22 дня, пополудни, въ восьмомъ часу въ Нарву прибылъ, и отъѣзжаю сего жъ времени на первую станцію, гдѣ буду подждать высочайшаго вашего величества рескрипта. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, графъ А. Бутурлинъ.

Сентября 22 дня въ 9-мъ часу пополудни, 1760 года. Нарва.

3.

Всемилостивейшая государыня императрица и матерь отечества. Соблюдаю въ серце моемъ высочайшѣе повеленіе, слѣдуя къ арміи, въ Ригу 29-го сентября поутру прибылъ и поджидалъ въ пути вашего императорскаго величества указа (но отъ неполученія того пришолъ въ крайнее унылиіе). Осеннее время наступившее въ сохраненіи арміи вашего императорскаго величества принуждаетъ меня помышлять о контанирь и о винтеръ квартирахъ. А когда бъ удостоился скорымъ принятіемъ высочайшаго вашего императорскаго величества рескрипта, то бъ смѣлѣе мои мѣры во всѣхъ предпріятіяхъ подъ освященнымъ покровомъ вашего императорскаго величества предпринималъ, и не смотря на худую дорогу, могъ для

припятія команды скоряя поспѣшить. А себя всерабственно подвергая, вашего императорскаго величества последній, вѣрной рабъ, графъ А. Бутурлинъ.

1 ч. октября 1760 году. Рига.

4.

Государыня

душа і сердца і мысль і желание мое в Бозе і в тебѣ всегда по смерть мою пребиваетъ, і потому і дежурство срадостию і сверностию і схотениемъ принимаетъ и нарыцается последнимъ рабомъ

А. Бутурлинъ.

5.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашего императорскаго величества высочайшій рескриптъ, отъ 28 сентября, съ рабскимъ моимъ подобострастнымъ повиновеніемъ, впродолженіи пути моего, проѣхавъ Митаву 9 миль, принялъ. И подражая высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію, въ настоящій путь мой, не смотря на распутицу, со всевозможнымъ поспѣшеніемъ слѣдовать буду и всерачительное по прибытіи моемъ: 1) о дисциплинѣ, 2) о взятыхъ лошадяхъ въ партикулярныя руки, 3) и о уменьшеніи упряжки, какъ и до полученія вашего императорскаго величества высочайшаго благоволенія, заботливость о томъ уже имѣлъ и впредь стараться буду высочайшую волю вашего императорскаго величества во исполненіе приводить. 4) Принадлежащее до аперацыи и о зимнихъ квартирахъ, смотря по тамошнимъ мѣстамъ и обстоятельствамъ, и могу ли удовольственное пропитаніе арміи достать, не упущу всерабственно о томъ съ ближайшимъ разсужденіемъ разсматривать. 5) И хотя, всемилостивѣйшая государыня, въ мысли моей намѣреніе и предпринято, дабы на Одерѣ или близъ Одера, не отдаляясь отъ онаго, армію вашего императорскаго величества на контониръ квартиры расположить, а притомъ стараться и примѣчать, можно ли будетъ тамъ безопасно утвердиться, смотря по непріятельскимъ обращеніямъ и по движенію Аустрійской арміи, и безнужное про-

питаніе имѣть; но когда и то по обстоятельствамъ воспрепятствовано будетъ, въ такомъ случаѣ въ Помераніи, ежели невовсе опустошено и не раззорено, а подвозъ провіанта съ Віслы рѣки разставя станцыи изъ ихъ же обывательскихъ подводъ, попеченіе прилагать буду. . . . .

Почему, какъ скоро на Віслу прибуду, то тысячь до семи въ Померанію подвинуть намѣренъ.

А какъ за отдаленіемъ всѣ обстоятельства еще не вѣдомы, то точно, кромѣ мысли моей, и представить нынѣ не въ состояніи.

За всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества пожалованіе меня столовыми деньгами приношу мое всерабственное благодареніе. Въ прочемъ по моей вѣрности упованіе возлагаю на благословеніе божеское и вашего императорскаго величества освященное наставленіе. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Александръ Бутурлинъ.

№ 1. Октября 3 дня 1760 года. 9 миль отъ Митавы.

6.

Всемилостивѣйшая государыня.

За безприкладное вашего величества милосердіе ко мнѣ, хотя недостойному, по вѣрному рабу, и ко всей арміи вьобще отъ генералитета до послѣдняго солдата приклоняя колѣна сердецъ нашихъ благодареніе приносимъ, и за толики щедроты и благодѣянія къ всещедрому Богу теплыя молитвы возсылаемъ о сохраненіи вашего величества всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ драгоцѣннаго здравья, долгоденствія и благополучнаго царствованія до позднѣйшихъ вѣковъ, ожидая притомъ отъ всевышаго помощи, по усердію нашему ко исполненію всѣхъ высочайшихъ вашихъ намѣреній съ жертвованіемъ послѣдней нашей капли крови.

Позвольте, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ, наименьшему рабу вашему, яко орудію всѣхъ сихъ отсутствующихъ вѣрныхъ подданныхъ, рабολѣннѣйше себя и всѣхъ оныхъ къ стопамъ вашего величества подвергнуть, и всевысочайшей монаршеской матерной милости препоручивши, надѣюсь и крѣпко увѣренъ о себѣ чрезъ святыя молитвы вашего императорскаго величества невредимо къ неотмѣнному покровительству и благоволенію припасть.

Вашего императорскаго величества напослѣднѣйшій вѣрный рабъ, Александръ Бутурлинъ. Въ Познанѣ. 11 іюня, 1761 года.

7. [illegible]

Всемилостивѣйшая государыня.

Полагаяся на неисчетныя вашего императорскаго величества ко мнѣ, послѣднему рабу, являемыя монаршія милости, пріемлю смѣлость при теперешнемъ отъѣздѣ ко двору вашего величества сына моего, какъ онаго, такъ себя и всѣхъ мнѣ принадлежащихъ, подъ освященный покровъ вашего императорскаго величества повергнуть и въ матернее высочайшее освященіе, милосердіе и призрѣніе всенижайше препоручить. А я сейчасъ съ побѣдоносною вашею арміею отъ здѣшняго города къ непріятельскимъ землямъ во имя Господне и при благословеніи вашего величества въ походъ вступилъ. Пребываю съ должнымъ рабскимъ благоговѣніемъ, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, графъ А. Бутурлинъ.—Въ Познанѣ іюня 15 д., 1761 г.

8.

Всемилостивѣйшая государыня.

Неоцѣненный даръ вашего и. в-ва, всемилостивѣйшее писаніе, данное отъ 21 сентября, съ моимъ раболѣпнѣйшимъ благоговѣніемъ принялъ. И какъ въ моемъ чувствительномъ горестномъ состояніи нахожусь, то столь много вседражайшимъ милосердіемъ вашего величества порадованъ, что не токмо я съ малою моею фамиліею, ниже вся многочисленная армія умолить не можетъ, яже не токмо возблагодарить, ниже помыслить что либо подобное тому могу. Приношу токмо отъ всего моего сердца желанія, дабы всевышній творецъ пріумножилъ лѣта вашего величества, о чемъ я и вся армія къ богу теплыя молитвы возсылаемъ. А какъ мнѣ повелѣвается о снабденіи арміи вашего и. в.-ва, то я, вѣдая матернее вашего величества щедролюбіе ко всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ рабамъ и къ войску, всегда то наблюдалъ въ сердцѣ моемъ и пекся съ усердіемъ армію вашего величества снабдѣвать и сохранять. А себя подвергая подъ покровъ вашего императорскаго величества всепослѣднѣйшій рабъ, Александръ Бутурлинъ.

Въ Драмбургѣ, 6 октября 1761 года.

II. Бестужевъ-Рюминъ, графъ Михаилъ Петровичъ.

1757.

9.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня.

Я, будучи здѣсь уже нѣсколько мѣсяцовъ, примѣнялся какимъ образомъ мнѣ свою экономію распорядить и мочно ль будетъ прожить опредѣленными въ годъ двадцатью тысячьми рублями; но къ немалому моему сожалѣнію нахожу, что тѣмъ пробавится отнюдь невозможно, ибо во всемъ здѣсь дороговизна непомѣрная, какъ оное ваше императорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите изъ приложенной при семъ росписи о самыхъ токмо нужнѣйшихъ вещахъ, которыя ежеденно имѣть потребно; а колико еще къ тому въ прибавокъ становится наемъ дому, содержаніе экипажа, многихъ офиціантовъ, либерейныхъ служителей и работниковъ, не упоминая о другихъ разныхъ издержкахъ, кои нечаянно прилучаются. И понеже пребывающій при дворѣ вашего императорскаго величества французскій посолъ марки-Гопиталь получаетъ отъ короля, своего государя, свыше тридцати тысячъ рублевъ въ годъ и имѣетъ еще при семъ тотъ немалый овантажъ, что тамо всякій столовый обиходъ, равномѣрно жъ платежъ служителямъ и фуражъ на лошадей нетокмо въ полы, но и въ двѣ трети дешевле здѣшняго, изъ чего препорція является, что кто въ Петербургѣ прожить можетъ токмо десятью тысячьми рублями, тому здѣсь уже необходимо имѣть надлежитъ тридцать тысячъ или еще и онаго болѣе. Того ради, припадая къ монаршескимъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше прошу: вышеупомянутую здѣшнюю чрезвычайную дороговизну въ монаршеское разсужденіе принявъ, всемилостивѣйше повелѣть учинить мнѣ къ нынѣшнему годовому окладу достаточную прибавку, дабы я, наблюдая положенный на мнѣ отъ вашего императорскаго величества толь знатной характеръ, въ состояніи былъ противу другихъ, здѣсь обрѣтающихся пословъ, въ равенствѣ себя содержать и не показать иногда въ публикѣ какого недостатка.

Я, предая сіе на собственное и великодушное вашего императорскаго величества соизволеніе, пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Бестужевъ-Рюминъ.

Парижъ въ 26 день декабря, 1757 г.

III. БОЧКИНЪ ВАСИЛІЙ.

1754.

10.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Понеже по пріѣздѣ моемъ съ высочайшимъ вашего императорскаго величества гардеробомъ сего марта 19 числа, поутру, въ Торжокъ, посланный капралъ Синявинъ для требованія въ перемѣну испорченнымъ близъ онаго Торжку пятьнадцатми дровнямъ съ заплатою денегъ, по приходѣ его въ Торжской магистратъ захваченъ безъ всякаго резону купцами того магистрата и битъ до смерти съ четырмя человѣками солдатъ, и будущаго притомъ лакея Василія Летягина, выбѣжавъ изъ лавокъ, человѣкъ болѣе двухсотъ били же долгими шестами и паленьями смертельно, что видя, воевода онаго города, прапорщикъ Тулубьевъ приказалъ бить въ набатъ и звонить во всѣхъ церквахъ, и вышедъ, оный ихъ дневной гардеробу разбой едва съ нуждою пресѣчь могъ, изъ которыхъ пойманы шесть человѣкъ и содержатся подъ карауломъ въ той канцеляріи. Оные же битые едва живы находятся, что во всеглубочайшей моей рабской всенижайшей всепокорности представя, припадая къ освященнымъ стопамъ, высочайшей прошу всемилостивѣйшей резолюціи. Гардеробъ же вашего императорскаго величества въ путь далѣе слѣдовать началъ. Вашего императорскаго величества, державнѣйшей великой государыни, всеподданнѣйшій всенижайшій рабъ, Василій Бочкинъ.

Марта 19 дня 1754 года. Изъ Торжку.

IV и V. Воронцовы граф Михаил Ларионович и графиня Анна Карловна.

1745.

11.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что сюды я приехалъ в 38 часовъ, и немедленно имѣлъ честь мой нижайший поклонъ еѣ императорскому высочеству и еѣ Свѣтлости отдать. Причемъ весма милостиво меня приилять ізволили, и с несказанною радостию о Высочайшемъ здравии Вашего Імператорскаго Величества и Государя Великаго князя услышали. Впротчемъ здравие Еѣ Імператорскаго Высочества и Еѣ Свѣтлости обстоитъ благополучно.

На пути моемъ повстречался со мною почтолионъ с разными депешами, котораго я за потребно разсудилъ съ собою поворотить, дабы нужные дѣла отобрать, и газеты министерские переводные послать могъ, которые при семъ всеподданнейше прилагая, оные всѣ весма нужные для Інформации и Конексии нынѣшнихъ Европскихъ дѣлъ, дабы Ваше Імператорское Величество о всемъ свѣдомы быть соізволили. Впротчемъ с рабскою Вѣрностію до смерти пребываю Вашего Імператорскаго Величества всеподданнѣйший рабъ Г. Михайла Воронцовъ.

1745 генваря 4 дня. В Санктпитербурге.

12.

Всемилостивѣйшая государыня. Въ дополненіе къ всеподданнѣйшему моему письму имѣю всенижайше донести, что я сей же день обѣдать удержанъ былъ при столѣ ея высочества, и соизволила меня спрашивать, что видѣлъ ли я государя великаго князя, дабы потому о воспѣ лучшее извѣстіе имѣть могла, то я ея высочеству донесъ, что ваше величество не соизволили заблагоразсудить, дабы кто, кромѣ докторовъ, къ его высочеству ходилъ и тѣмъ какое нибудь обезпокоеніе нанести имѣлъ, только впрочемъ ея высочество увѣрить могу, что благодатію божію опасности никакой не осталось, и ея высочество уже нынѣ столь печалиться и сумнѣнія, какъ прежде сего было,

имѣть не изволитъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. М. Воронцовъ.

1745 Генваря 4 дня. Въ С.-Петербургѣ.

13.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая. Въ прибытіе мое сюда въ Бронницы сего момента получаю нарочнаго постиліона изъ С.-Петербурга, съ которымъ привезенныя имъ извѣстныя чужестранныхъ министровъ письма къ вашему и. в-ву при семъ всеподданнѣйше посылаю. До сего мѣста, всемилостивѣйшая государыня, я съ немалымъ отъ болѣзни моей трудомъ доѣхалъ и принужденъ былъ прошлую ночь всю простоять. Однако какъ-нибудь съ отдыхомъ далѣе поѣду и прямо въ Царское-Село. Между тѣмъ съ рабскимъ и вѣрнымъ желаніемъ всещедраго Бога молю, дабы ваше императорское величество съ государемъ великимъ княземъ благополучно дорогу окончать соизволили. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

Изъ Бронницъ. Генваря 23 дня, 1745, въ 7 часовъ пополудни.

14.

Всемилостивѣйшая государыня. Всеподданнѣйшей должности моей чаялъ, полученное извѣстіе отъ барона Мардефельда вашему императорскому величеству донести, которымъ меня увѣдомляетъ, что король его еще въ совершенной погонѣ за разбитыми войсками находится и къ нему прислалъ печатную реляцію о происшедшей баталіи, въ которой побито Саксонцовъ и Аустрійцовъ 4000 человѣкъ, въ полонъ взято 4 генерала, 200 человѣкъ офицеровъ и рядовыхъ 7000, а съ его стороны объявлено побитыхъ 1600 человѣкъ. Также писалъ ко мнѣ Мардефельдъ, что Каніони имѣлъ указъ тотчасъ изъ Дрездена выѣхать, сколь скоро увѣдомится, что Саксонцы въ Силезію вступятъ, еже и учинилъ. Напротивъ того, и король польскій своему министру изъ Берлина выѣхать повелѣлъ. И такъ, сіи оба короля почти въ явномъ уже непріятельствѣ между собою находятся. За симъ поручаю себя въ неотмѣнную

дражайшую вашего величества высочайшую милость, всенижайше пребывая вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745 Іюня 11 дня. Въ Питергофѣ.

15.

Всемилостивѣйшая государыня.

По всевысочайшему соизволенію вашего императорскаго величества, весь отпускъ къ камергеру Пушкину готовъ, и при семъ отправленіи весьма кстати извѣстная всевысочайшая ваша милость быть могла-бъ пожалованіемъ кавалеріи святыя Анны. Того ради, ваше императорское величество мнѣ ли здѣсь повелѣть соизволите его высочеству о семъ доложить, или кому другому описать изъ Царскаго Села повелите?—всеподданнѣйше ожидаю указа и пребываю съ рабскою истинною вѣрностію до смерти. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745. Іюня 11 дня. Въ Питергофѣ.

16.

Всемилостивѣйшая государыня.

Со всею моею рабскою покорностію всенижайшее благодареніе приношу за милостивое писаніе вашего императорскаго величества, которымъ меня удостоить и обрадовать соизволили чрезъ нарочно-присланнаго кабинетъ-куріера. По оному всевысочайшему соизволенію неотмѣнно исполнено будетъ, о чемъ я Алексѣю Петровичу (Бестужеву-Рюмину) и объявилъ. Ваше императорское величество весьма правильно разсуждать соизволили, что для выиграніи времени и прочихъ, можетъ быть намъ неизвѣстныхъ, резоновъ сіи отсрочки вашему императорскому величеству представляются.

При семъ же всеподданнѣйше доношу, что вчерась ввечеру возвратился обратно назадъ посланный куріеръ съ указомъ о опредѣленіи Пушкина министромъ къ шведскому двору, и отъ него получена реляція, въ которой весьма благодаритъ за милостивое вашего императорскаго величества объ немъ опредѣленіе, и съ радостію ѣхать въ Стокгольмъ собирается; только въ письмѣ своемъ ко

мнѣ пишетъ, что жена его около августа мѣсяца родитъ, и того ради опасается, чтобъ ей вредъ какой на морѣ не приключился и проситъ, чтобъ повелѣно было сухимъ путемъ ему ѣхать до Абова, хотя не заѣзжая въ Питербурхъ, и по сему его прошенію, мы отмѣнить не смѣемъ, и ежели ваше императорское величество соизволите повелѣть при прежнемъ намѣреніи остаться, или позволить сухимъ путемъ ему ѣхать, то всемилостивѣйшаго прошу опредѣленія и пребываю съ непремѣнною вѣрностію до смерти. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745. Іюня 20 дня. Въ С.-Петербургѣ.

17.

Всемилостивѣйшая государыня (*).

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу, что въ бытность мою въ Ригѣ генерально отъ всѣхъ жителей, подданныхъ вашихъ, слышалъ неописанное желаніе видѣть у себя вашего императорскаго величества лицо. И подлинно сказать, есть чего посмотрѣть сей край границъ вашихъ, какъ для любопытства натуральнаго вашего императорскаго величества, такъ и для поправленія въ немъ многихъ нужнѣйшихъ вещей, а особливо комерціи. Что же надлежитъ до дороги и покоевъ въ случаѣ высочайшаго шествія вашего императорскаго величества, я нарочно для извѣстія увѣдомилъ господина барона Черкасова, на которое нижайше ссылаюсь. Въ бытность же мою въ Ригѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества милости, принимаnъ былъ отъ всѣхъ съ великою ласковостію и почтеніемъ, которое все вашему величеству приписуя, всенижайше рабски благодарствую.

Здѣсь въ Курляндіи честные поступки и рабская вѣрность съ немалымъ исправленіемъ порученной должности полковника Ваейкова довольно выхвалить не могу; также и преданность господина Бутлера къ интересамъ вашего императорскаго величества есть подлинная.

(*) Письмо это съ пути за границу; Воронцовъ отправился путешествовать осенью 1745 г. и возвратился въ С.-Пб. въ исходѣ 1746 г.—Какъ вице-канцлеръ Россійской Имперіи (съ 1744 г.) и любимецъ государыни онъ былъ встрѣчаемъ за границей съ почетомъ.

Здѣсь же видѣлъ тотъ славный дворецъ, въ которомъ покойная императрица жить изволила. Оный ни малаго хорошества, ни покою какова не имѣетъ: бывшій дворъ Александра Львовича (*) съ садомъ невпримѣръ болѣе и лучше. А построенный отъ бывшаго герцога весьма манификъ бы былъ, когдабъ совсѣмъ отдѣланъ былъ.

Впрочемъ смерть одна прекратитъ вѣрность мою къ вашему императорскому величеству; она же и истребитъ память всѣмъ неисчисленнымъ великимъ милостямъ, которыми ваше императорское величество великодушно меня наградить соизволили; и препоруча себя въ неотмѣнную дражайшую оную милость, съ рабскою девоціею пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

Въ Митавѣ. Сентября 18 дня, 1745.

ВОРОНЦОВА ГРАФИНЯ АННА КАРЛОВНА (**).

18.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству всенижайше смѣлость приняла всеподданнѣйшій рабскій поклонъ написать, и всепокорнѣйше просить о продолженіи дражайшія милости, за которую николи не престану Бога молить о многолѣтнемъ и благополучномъ здравіи вашего императорскаго величества, и препоручаю себя и моихъ всѣхъ въ высочайшее покровительство вашего императорскаго величества, съ рабскою покорностію пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая раба, Г. Анна Воронцова.

Въ Митавѣ. Сентября 18, 1745.

(*) Нарышкина.

(**) Урожд. Скавронская—двоюродная сестра государыни, выдана за М. Л. Воронцова 21 января 1742 г.

ВОРОНЦОВЪ ГРАФЪ МИХАИЛЪ ЛАРІОНОВИЧЪ.

19.

Всемилостивѣйшая государыня.

Всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу, что въ проѣздъ мой чрезъ первый прусской городъ Мемель былъ я принятъ отъ генерала-поручика и комендантa съ немалымъ почтеніемъ и квартира въ городѣ отведена лучшая съ карауломъ солдатъ. Потомъ комендантъ пригласилъ меня смотрѣть на обычайной парадной плацъ, гдѣ всегда солдатъ учатъ и разводъ дѣлаютъ, и тамъ смотрѣлъ ихъ экзерцицію. При отданіи же пароля солдатству мнѣ честь оный генералъ учинилъ, объявя, что пароль содержитъ высочайшее имя вашего императорскаго величества—Елисаветъ. Послѣ смотру къ себѣ на обѣдъ звалъ и за высочайшее здравіе вашего императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ изъ пушекъ съ крѣпости палили. При отъѣздѣ же моемъ отдалъ мнѣ два листа королевскихъ указовъ, по которымъ значило, что какъ подставныя подводы безденежно учреждены, такъ и безъ всякаго осмотру мой багажъ въ дорогѣ пропущенъ быть имѣли, и хотя я съ надлежащею учтивостію отъ сей его величества короля Прусскаго милости уклониться хотѣлъ, только никакъ не могъ отговориться, чтобъ оные не принять. И о семъ не смѣлъ оставить, чтобъ по рабской моей должности вашему величеству не донести, пребывая съ неотмѣнною вѣрностію до смерти, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745, сентября 28 дня.

20.

Всемилостивѣйшая государыня.

Сейчасъ получилъ я всемилостивѣйшее писаніе вашего императорскаго величества. Какую чувствительную радость оное мнѣ причинило; также и какое рабское благодареніе принести имѣю, о томъ не токмо здѣсь перомъ изобразить могу, но ниже умомъ моимъ не понимаю; то великое дарованіе божіе, которое ваше императорское величество имѣете, уже есть неизрѣченное милосердіе больше матерняго и сожалѣніе о своихъ подданныхъ, которое я нынѣ наипаче чувствую всемилостивымъ сожаленіемъ вашимъ, дабы не пре-

терпѣлъ какихъ опасныхъ приключеній отъ польскихъ улановъ въ дорогѣ моей, и для того всемилостивѣйше повелѣть соизволили для безопасности моей отправить унтеръ-офицеровъ гвардіи. За сію высочайшую ко мнѣ милость, хотя бъ десять жизней имѣлъ, не довольнобъ было оныхъ сакрификовать (за толь великія милости), моя-же уже нѣсколько разъ обѣщана вашему императорскому величеству, и всеконечно ни за ково иново оную не потеряю прежде какъ охотно за ваше императорское величество.

Впрочемъ всеподданнѣйше доношу, чтоже хотя и слышно здѣсь о уланахъ польскихъ, только впаденія въ земли прусскаго короля еще понынѣ не учинили, и я весьма безопасно путь мой препроводить могу, а унтеръ-офицеровъ радостно въ Данцигѣ дожидаться буду, куда завтра обѣдать пріѣхать надѣюсь.

По всемилостивѣйшему повелѣнію вашего императорскаго величества буду отвсюду всеподданнѣйше писать, что достойно случится вѣденію вашего императорскаго величества, а наипаче когда увижу королевскіе дворы, чрезъ которые путь мой препроводить имѣю, а именно: Берлинскій, Саксонскій, Вѣнскій, Неаполитанскій Сардинскій, Французскій и ежели что важное случиться, то коллежскою цыферью писать буду.

Въ заключеніи сего всеподданнѣйшаго, рабское мое и ежечасное желаніе повторить имѣю, дабы всемилостивѣйшій Господь Богъ сохранилъ вашего императорскаго величества дражайшее здравіе на неисчетные годы и препоручая себя въ неотмѣнную матерьнюю милость вашего императорскаго величества, съ рабскою вѣрною покорностію до смерти пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745, октября 2 дня. Въ Фрауенбургѣ.

ВОРОНЦОВА ГРАФИНЯ АННА КАРЛОВНА.

21.

Всемилостивѣйшая государыня.

Съ какою несказанною радостію я услышала вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее принятіе моего рабскаго писанія, о томъ никакъ достойнѣйше рабскаго моего благодаренія принести не могу, только ежечасно не престану Бога молить о все-

дражайшемъ и многолѣтнемъ вашего императорскаго величества здравіи. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая раба, Анна Воронцова.

Октября 2-го, 1745.

ВОРОНЦОВЪ ГРАФЪ МИХАИЛЪ ЛАРІОНОВИЧЪ.

22.

Всемилостивѣйшая государыня.

Всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу, что его величество король польскій за своеручнымъ подписаніемъ прислать изволилъ ко мнѣ чрезъ Михаила Петровича (*) свободный пасъ проѣзда чрезъ его земли безъ всякаго осмотру моего багажа, также и безъ платежа надлежащихъ денегъ за почтовыя лошади. Я всѣ сіи, мнѣ оказанныя, дистинкціи безъ желанія и исканія моего получаю, единственно для всевысочайшаго имени вашего императорскаго величества, за что рабское мое благодареніе приношу.

Завтрашній день послѣ обѣда назначено намъ для поклону обѣимъ королевамъ быть ко двору. Прежде сего дня затѣмъ не были, что платья траурнаго при себѣ не имѣли. Ежели что достойнаго для извѣстія вашему императорскому величеству произойдетъ, о томъ рабски донести не премину.

Вчерашній день отправилъ назадъ унтеръ-офицеровъ, которыхъ ваше императорское величество всемилостивѣйше для охраненія моего въ пути всемилостивѣйше прислать благоволили, за которую высочайшую милость всеподданнѣйше благодарствую, пребывая до смерти съ рабскою вѣрностію. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745 г. октября «15» дня въ Берлинѣ.

23.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу, что 16 числа, послѣ комедіи придворной представленъ я былъ на вечеръ съ Анною Карловною (**) на поклонъ королевѣ владѣющей.

(*) Бестужева-Рюмина.

(**) Жена Воронцова.

Ея величество соизволила насъ милостиво принять и для игры картной, какъ потомъ и къ столу своему на ужину остаться повелѣть. При семъ случаѣ разговоръ непрестанно состоялъ о высокихъ добродѣтеляхъ вашего императорскаго величества и о щедрыхъ празентахъ, учиненныхъ ея свѣтлости принцессѣ Сербской, также и всей ея свитѣ, которую ваше императорское величество столь богато одарить соизволили.

На другой день званы мы были къ королевѣ матерѣ на случившуюся въ тотъ день при дворѣ ея свадьбу. Одна френлина Боркова отдана была замужъ за президента академіи и славнаго математика, называемаго Мопертуй, и при семъ случаѣ на ужину оставлены-жъ, гдѣ вся фамилія королевская присутствовала, и тутъ я имѣлъ честь имъ мой поклонъ отдать. При столѣ королева старая изволила говорить мнѣ о случившейся послѣдней баталіи въ Богеміи, и что ея величество надѣется, что ваше императорское величество соизволили не непріятно услышать о семъ происшедшемъ эвенементѣ, и что они здѣсь твердую надежду имѣютъ на дружбу и союзъ вашего императорскаго величества, что въ томъ участіе принять соизволили. На сіе я ея величеству отвѣтствовалъ, что ваше императорское величество всегда въ дружескихъ сентиментахъ, что надлежитъ до сего двора, пребывать соизволите, того ради я ничего противнаго ея величества мнѣнію донести не могу.

Впрочемъ же, всемилостивѣйшая государыня, намъ здѣсь генерально отъ всѣхъ для высочайшаго имени вашего императорскаго величества немалыя учтивости и атенціи показываются, хотя я и безъ наружныхъ знаковъ характера моего себя здѣсь содержу, и сей день, по исправленіи починкою багажа моего, отъѣхать намѣренъ былъ, только по приглашенію графа Подевилса, что король изъ арміи послѣ завтра сюда ожидается, я для учтивости еще на нѣсколько дней остаться принужденъ, и ежели что его величество со мною говорить будетъ достойное для увѣдомленія вашего императорскаго величества, о томъ всенижайше предъ отъѣздомъ моимъ отсюда донести не премину. Препоручая себя въ высочайшую вашего императорскаго величества милость, съ рабскою вѣрностію пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михаила Воронцовъ.

1745 октября 19 дня. Въ Берлинѣ.

24.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу, что вчерашняго числа приглашены мы были къ столу королевы матери, гдѣ и его величество король (*) со всею фамиліею присутствовать изволилъ. Во время стола за высочайшее здравіе вашего императорскаго величества король кушать изволилъ вино, и послѣ обѣда его величеству и королевамъ отпускной мой поклонъ учинилъ, и сей день отсюда чрезъ Дрезденъ далѣе въ путь мой отправился. И при семъ рабское мое благодареніе приношу за всѣ здѣсь показанныя мнѣ учтивости, довольства и откровенность, которую графъ Петръ Григорьевичъ(**), по волѣ вашего императорскаго величества, мнѣ оказалъ, и могу по вѣрности моей вашему императорскому величеству донести, что какъ онъ по характеру своему для высочайшей чести и славы вашего императорскаго величества честно и предъ многими другими довольнѣе и лучше, не смотря на здѣшнюю дороговизну, живетъ, такъ и въ интересахъ вашего императорскаго величества съ крайнимъ раченіемъ и ревностію поступки свои содержитъ, что я никакъ довольно выхвалить и описать не могу, и ежели ваше императорское величество соизволите милостивно наградить прибавкою жалованья и характеромъ полномочнаго министра, какъ и другіе все сіе имѣютъ, тѣмъ не токмо свою природную императорскую милость къ нему явить изволите, но и къ наивящей ревности всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ симъ примѣромъ поощрить соизволите, еже по рабской должности донести преминуть никакъ не могъ.—Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ г. Михайла Воронцовъ.

1745, октября 24 дня, въ Берлинѣ.

25.

Всемилостивѣйшая государыня.

Всеподданнѣйше вашему императорскому величеству доношу, что въ бытность мою здѣсь имѣлъ честь дважды у его величества короля польскаго при столѣ оставленъ быть и съ немалою милостію и почтеніемъ во все время содержанъ былъ. При отъѣздѣ же

(*) Фридрихъ II-й.

(**) графъ Чернышевъ.

моемъ его величество изволилъ мнѣ повелѣть, дабы я вашему императорскому величеству поклонъ его объявилъ со увѣреніемъ совершенной его величества дружбы и высокопочитанія къ вашему императорскому величеству, и изволилъ меня подарить шпагою съ бриліантами, а королева пожаловала Аннѣ Карловнѣ пахтишъ порцелиновой и сервисъ такой же, да табакерку каменную съ бриліантами.

Впрочемъ же отъ всѣхъ здѣшнихъ знатныхъ съ немалою учтивостію и ласковостію содержаны были, а паче отъ графа Бриля и супруги его, о чемъ довольно нахвалиться не могу, и за всѣ сіи дистинкціи вашему императорскому величеству всеподданнѣйшее благодареніе приношу, ибо все сіе мнѣ показано для высочайшаго имени вашего императорскаго величества.

Сей день отсюда чрезъ Прагу въ Вѣну отъѣзжаю, и ежели что достойное будетъ вѣдѣнію вашего императорскаго величества, о томъ донести не оставлю.

При семъ же смѣлость принялъ послать къ вашему императорскому величеству малую бездѣлицу—порцелиновую клѣтку для попугая, и всеподданнѣйше прошу милостиво оную принять, и меня дражайшею монаршею милостію не оставить, въ которую себя подвергая, съ рабскою вѣрностію до смерти пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745, октября 30 дня. Въ Дрезденѣ.

26.

Всемилостивѣйшая государыня.

Приближающійся торжественный день восшествія на родительскій вашего императорскаго величества престолъ, хотя всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ весьма радостный, наипаче же мнѣ оный весьма чувствительный есть, и хотя я очевидной сей радости чрезъ отлучку мою лишенъ, однакожъ чрезъ удовольствіе внутрь сердца моего сей неописанной радости свидѣтелемъ нахожусь, и съ всенижайшею рабскою покорностію всеподданнѣйшее поздравленіе приношу, всемилостиваго Бога моля о долголѣтномъ и благополучномъ здравіи и царствованіи вашего императорскаго величества.

При семъ же всеподданнѣйше прилагаю для извѣстія вашему

императорскому величеству нѣкоторое мое примѣчаніе въ цифири(*), которой ключъ въ иностранной коллегіи находится, и подвергая себя въ монаршескую вашего императорскаго величества милость, съ рабскою вѣрностію пребывая до смерти вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Г. Михайла Воронцовъ.

1745, ноября 2 дня. Въ Прагѣ.

27.

Всемилостивѣйшая государыня.

Всеподданѣйше вашему императорскому величеству доношу, что въ бытность нашу въ Вѣнѣ приняты были отъ ихъ величествъ цесаря и цесаревы римской съ немалымъ оказаніемъ милости, и вчерась приглашены были въ ихъ ложу для смотрѣнія фейерверка, который учиненъ былъ отъ здѣшнихъ мѣщанъ для оказанія ихъ радости о избраніи императорскомъ, и тамо мы имѣли честь съ ихъ величествами проститься, и сей день въ Венецію отъѣзжаемъ.

При семъ же всенижайшее благодареніе приношу за показанныя многія учтивости и асистенціи господина посланника Ланчинскаго, который, по указу вашего императорскаго величества, во всемъ конфидентно со мною поступалъ, и я имѣю довольную причину онымъ хвалиться.

Еще же всеподданнѣйше прошу милостиво отпустить мнѣ, что смѣлость принялъ писать о прошеніи графа Левольда, также камеръ-агента Симона, а въ чемъ состоятъ ихъ прошеніи, о томъ для донесенія вашему императорскому величеству къ графу Бестужеву пространно писано, и подвергая себя къ стопамъ вашего императорскаго величества, съ рабскою вѣрностію пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Г. Михайла Воронцовъ.

1745, ноября 15 дня. Въ Вѣнѣ.

(*) Цыфирнаго примѣчанія при письмахъ не находится.

VI. Веселовскій Федоръ Павловичъ (*).

28.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Съ какимъ неизрѣченнымъ милосердіемъ ваше императорское величество соизволили меня, всеподданнѣйшаго раба своего, по пріѣздѣ моемъ въ отечество мое въ 1743 году не токмо всемилостивѣйше призрить, но и съ того году взыскать и пожаловать чиномъ церемоніймейстера и рангомъ бригадира, не взирая на мою недостойность, по однимъ побужденіемъ природныхъ своихъ щедротъ по образу на всѣхъ сіяющаго и всеоживляющаго солнца. Всѣ сіи изліянныя на меня высочайшія монаршескія щедроты я больше въ глубинѣ моего сердца чувствую, нежели словами изобразить могу.

И хотя я, всенижайшій рабъ вашего императорскаго величества. отъ того времени по сей день всѣ должности, принадлежащія къ моему чину, всѣми силами моего усердія отправлялъ безпорочно и вседушевно желалъ бы за толикія высочайшія монаршескія щедроты не только сію подданническую маловажную службу до конца моего продолжить, но и положеніемъ живота моего заслужить; однакожъ чувствую и вижу, что десница всемогущаго положила человѣческой натурѣ предѣлы, далѣе которыхъ простираться всѣ устремленія и помышленія тщетны, ибо къ шестидесяти-двухлѣтней моей старости присовокупилась крайняя дряхлость, и всѣ мои чувства такъ ослабѣли, что не только глухъ и почти слѣпъ сталъ, но и памяти весьма лишился; и въ такомъ моемъ увѣчномъ состояніи не токмо предъ высочайшемъ лицомъ вашего императорскаго величества, но и при дворѣ вашего величества мнѣ являться стало непристойно и зазрительно.

Милосердѣйшая и правосуднѣйшая монархиня, которую всемогущій творецъ въ своемъ божескомъ призрѣніи даровалъ россій-

---

(*) Тайный совѣтникъ; онъ былъ при Петрѣ посломъ въ Австріи и въ 1720 году не возвратился, по призыву Петра, въ Россію. Посолъ страшился ареста и ссылки по подозрѣнію въ сочувствіи царевичу Алексѣю Петровичу; только въ 1743 г. кончилось его добровольное изгнаніе.

ской имперіи на славу, на радость и благополучіе,—покровительница и прибѣжище всѣмъ бѣднымъ и безпомощнымъ,—воззри милосердымъ окомъ на мою крайнюю дряхлость! И припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, со слезами прошу меня, всеподданнѣйшаго раба своего, уволить въ отставку со всемилостивѣйшимъ опредѣленіемъ на пропитаніе мое, яко неимущему за собою ни единыя души, какъ всеблаги богъ вашему императорскому величеству по сердцу положитъ, а я до кончины моей всемогущему неусыпныя мои молитвы приносить буду о дражайшемъ и многолѣтномъ здравіи вашего императорскаго величества, и дабы всевышняя его десница благословила вашего величества счастливую державу неисчисленными благополучіями и безсмертною славою.

Всемилостивѣйшая государыня, всепокорно прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ всеподданнѣйшемъ слезномъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ,

Федоръ Веселовскій.

VII. Гендриковъ графъ Иванъ Симоновичъ (*).

1750.

29.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству пріемлю смѣлость чрезъ сіе раболѣпственно донесть, что здѣшняя малороссійская старшина, по избраніи гетмана, презентовала меня денежною суммою въ десяти, да на канцелярію и свиту мою, въ трехъ тысячахъ рубляхъ состоящую. Еже мнѣ учинено не по моему достоинству, но точію единой ради чести и славы вашего императорскаго величества, и въ возблагодареніе той всевысочайшей милости, съ каковою меня, всеподданнѣйшаго раба, для объявленія толь неизреченнаго, ко всему здѣшнему народу, милосердія сюда отправить и удостоить изволили; за что приношу всеподданнѣйше рабское мое благодареніе, и молю со

(*) Двоюродный братъ императрицы Елисаветы.

усердіемъ всевышняго, да при всецѣломъ всегда сохраненіи дражайшаго вашего императорскаго величества здравія, даруетъ вашему августѣйшеству чрезъ множайшія множества лѣтъ благополучное государствованіе и счастливое во всѣхъ высочайшихъ предпріятіяхъ произшествіе, со всякимъ, по желанію высокомонаршаго вашего величества сердца, благоуспѣшествомъ. Я же при повержении себя къ высокомонаршескимъ вашего императорскаго величества стопамъ, съ подобающимъ благоговѣніемъ и со всеглубочайшимъ высокопочитаніемъ пребываю, вашего императорскаго величества, всемилостивѣйшей государыни, всеподданнѣйшій рабъ, Графъ Иванъ Гендриковъ.

Глуховъ, 16 апрѣля 1750.

VIII. Демидовъ Василій.
1751—1755.

30.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству извѣстно, съ какимъ секретомъ при здѣшнемъ портѣ купеческое во объявленіи низкою цѣною (для ущербу пошлинъ) воровство пресѣчено, и которые купцы чрезъ утайку фактуръ едва не всѣ товары свои несправедливо объявляли, и тѣмъ въ платежѣ пошлинъ многое уменьшеніе причиняли, онымъ способомъ и то отвращено и въ порядочное состояніе приведено, такъ что нынѣ всѣ въ томъ спокойными быть стали, и сами себя чувствительными учинили. Чрезъ которую диспозицію многія тысячи въ пользу государственную приращены и дѣйствительно собраны и собираются, и впредь собираться имѣютъ, что открыто было тогда таможенными управители Матвѣемъ Ивановымъ и Иваномъ Хамантовымъ, кои сначала того, а именно съ 1746 году, объявляемые низкою цѣною товары, хотя подписывали на свои и на другихъ таможенныхъ служителей имена, токмо тѣ товары браны все въ казну вашего величества, какъ имъ чинить было и повелѣно, чтобъ купцы не дознались, что то отъ высочайшаго вашего величества повелѣнія зависитъ. И ежели-бъ не такъ было поступлено, тобъ и донынѣ онаго воровства и траты не

малаго интереса прекратить было невозможно; въ чемъ нетолько они, но и я немалое тогда поношеніе терпѣли. Да и нынѣ въ томъ я неповинное преогорченіе терплю, однако предаю оное на ихъ волю, себя же оставляю въ единой по Бозѣ надеждѣ и защищеніи вашего императорскаго величества всевысочайшей милости.

Ваше императорское величество тѣмъ управителямъ чрезъ меня, всенижайшаго раба, всемилостивѣйше обѣщать изволили за трудъ вознагражденіе по нѣскольку процентовъ пожаловать, что слѣдовало изъ прибыльныхъ, ежелибъ въ тѣ подписные товары нѣкоторые въ продажу употреблены были; но понеже оные всѣ въ казнѣ остались, то ваше императорское величество, за ихъ радѣніе всемилостивѣйше пожаловали ихъ награжденіемъ чиновъ и прибавочнымъ жалованьемъ, чѣмъ они весьма предовольны и находятся въ непоколебимой вѣрности. Токмо то ихъ радѣніе приводитъ ихъ къ неповинному не токмо терпѣнію и безпокойству, но и къ крайнему раззоренію, какъ нынѣ ревизіонъ-контора съ ними беззаконно поступила, о чемъ необходимо принуждена себя нахожу ваше величество утруждать и о невинности тѣхъ бѣдныхъ людей донесть.

Положила та контора на нихъ взыскать, за отданные ими въ пошлину, за вышеобъявленные подписные на ваше величество въ 746 году въ іюлѣ мѣсяцѣ товары, мѣдными трехъ-копѣешниками по сту по двадцати по пяти копѣекъ за ефимокъ, у которыхъ послѣ учинилось сбавки, по силѣ именнаго вашего величества указу, 695 рублевъ 75 копѣекъ, яко бы за то, для чего они платили за подписные у иноземцовъ товары не ефимками, но россійскими деньгами, какой монеты имъ сыскать нигдѣ и никогда невозможно (ибо и сами иноземцы съ нуждою то достаютъ покупкою изъ за моря), да и не только оную сумму взыскиваетъ, но еще и вдвое, а по тарифу не токмо съ россійскихъ подданныхъ повелѣно пошлину въ казну брать россійскими деньгами, но и съ англичанъ, которые ефимковъ не имѣютъ, велѣно брать россійскими по сту по двадцати по пяти копѣекъ за ефимокъ, что они непротивно тому и чинили, ибо оные товары подписываны отъ большой части у англичанъ, а хотя нѣкоторые и у другихъ иноземцовъ, но когда уже ими подписаны, то стали быть подданныхъ вашего величества, ибо все, какъ пошлину, такъ и наддачу купцамъ платили они, къ тому жъ тотъ

платежъ пошлинъ отъ нихъ происходилъ не собственный, но казенный, и изъ казны въ казну жъ вашего величества, только чрезъ ихъ имяна, секрета ради. И вступили тѣ деньги изъ таможни въ рентерею до публикаціи о сбавкѣ той указа, а что въ таможнѣ осталось, и то тогда-жъ комерцъ-коллегіею освидѣтельствовано, въ чемъ они никакой винѣ не подвержены. А нынѣ ихъ изъ того непрестанно безпокоятъ: сыскныя посылаютъ, велятъ брать людей и самихъ ихъ подъ караулъ, хотя же я о томъ члену той конторы, ассесору Мамонцову, и объявлялъ, что то все казенное и происходило по высочайшему повелѣнію вашего величества, и требовалъ въ кабинетъ для усмотрѣнія и донесенія о томъ вашему величеству дѣла, и чтобъ до указу взысканіемъ обождали; но того дѣла не отпустили, и едино свое только исполняютъ неправильное положеніе, не смотря ни на ихъ оправданіе, ни на мое предложеніе, отчего и въ отправленіи ихъ должности помѣшательство и тѣмъ паче явное посягательство чинятъ, да и впредь тщатся и приводятъ къ тому, дабы и отъ мѣстъ ихъ неправдою отрѣшить, что и учинено бъ быть могло, ежели бъ не именной вашего императорскаго величества указъ ихъ защищалъ, понеже безъ именнаго вашего величества указу отъ тѣхъ дѣлъ перемѣнять и никуда отлучать ихъ не велѣно; оннжъ, видя такія нападенія, и сами нынѣ у вашего величества милосердія просятъ: или ихъ къ другимъ дѣламъ опредѣлить, или отъ вышеписаннаго неповиннаго взысканія всемилостивѣйше свободить, и впредь безъ высочайшаго вашего величества указу того съ ними не чинить, и тѣмъ ихъ защитить, понеже они другова мѣста и прибѣжища ко избавленію своему не имѣютъ.

Всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше прошу вашего величества на сіе всемилостивѣйшаго указу. Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, Василій Демидовъ.

19 марта 1751. Въ С. Петербургѣ.

31.

Всемилостивѣйшая государыня.

Крайняя и нестерпимая горесть принудила меня необходимо ваше императорское величество утруждать: помилуй, всещедрая мати, услыши гласъ моленія недостойныхъ рабъ своихъ и избави отъ гонящихъ насъ.

Господинъ генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, видя, что по всеподданнѣйшему моему прошенію, о неприсутствіи ихъ по моимъ дѣламъ, всемилостивѣйшаго вашего величества указу не послѣдовало, такъ со мною поступаютъ, какъ съ сущимъ злодѣемъ.

Сего августа 24 числа такъ нагло дѣлали, какъ бы по какому важному государственному дѣлу: искали меня въ домѣ дважды и посылали по дорогамъ до самаго Петергофа; нашедъ меня, офицеръ на приморской моей дачѣ объявилъ, чтобъ я 25 числа явился въ сенатѣ, а по какому указу и дѣлу, не объявилъ; почему я и явился въ 8-мъ часу поутру, гдѣ мнѣ дано мѣсто въ прихожей, какъ на площади, на удивленіе и поношеніе всѣмъ приходящимъ, почему я думалъ, какое имѣется до меня важное дѣло, и въ такомъ позорищѣ сидѣлъ съ два часа; по собраніи же всѣхъ господъ сенаторовъ призванъ былъ предъ нихъ, и вопервыхъ чрезъ оберъ-секретаря сказано мнѣ, что, по указу вашего величества и по опредѣленію правительствующаго сената, велѣно меня допрашивать, о чемъ буду спрашиванъ, и какъ я спросилъ: именной-ли вашего величества указъ объявляетъ? то мнѣ сказано: имѣется повелѣніе, котораго мнѣ не объявлено жъ, однако я и тому повинуясь страха ради, чтобъ меня больше не обидѣли, долженъ былъ объявить, что буду отвѣтствовать.

И какъ стали спрашивать, то не о иномъ чемъ, но по дѣлу о деревняхъ, и имѣніяхъ, и родственникахъ покойнаго генерала-маіора Томилова, которыя графъ Петръ Ивановичъ почиталъ и инстиговалъ вымороченными, кои такими не бывали. Я и въ томъ отвѣтствовать не отрекся, и показалъ родственниковъ, кого я знаю имянно, въ томъ числѣ и здѣсь находящагося брата его двоюроднаго, въ чемъ его сіятельства мнѣніе и произвожденіе неправеднымъ осталось.

Того не довольно. Стали спрашивать о крѣпостяхъ барона Строгонова и отъ него данныхъ женѣ и сыну моему, яко бы безденежно, приводя къ подлогу, котораго не имѣется, понеже баронъ Строгоновъ дѣлалъ не для подлогу, но для исполненія воли завѣщателевой и для церкви Божіи, чрезъ чтобъ на оную послѣ завѣщателя деньги получить, и хотя онъ закладную взялъ безденежно, но женѣ и сыну моему крѣпости давъ за деньги, чтобъ ихъ на церковь

отдать, которыя и отдаваны, а именно въ разныя числа дѣйствительно отдано четыре тысячи рублевъ; осталась тысяча сто рублевъ, и тѣ отданы быть имѣютъ, въ чемъ я имѣю явное доказательство и росписки душеприказчиковы. Оное жъ дѣло гласное, партикулярное и дѣлано не тайно, но публично, по приказнымъ обрядамъ, въ силу указовъ, какъ издревле и нынѣ чинится, и всѣ основанія и превращеніи на крѣпостяхъ состоятъ; ущерба же государственнаго интереса никакого, ниже челобитчиковъ и доносителей никакихъ нѣтъ, о чемъ я о всемъ, въ чемъ спрашиванъ, и отвѣтствовалъ безспорно и сущую правду.

Но и того не довольно. Какъ я только показалъ, что жена его, Томилова, у меня, то тотчасъ посланъ былъ капитанъ Созоновъ тайно на шлюпкѣ ко мнѣ въ домъ въ великую погоду взять ее и привесть въ сенатъ, и какъ только ей сказали о томъ, то въ такой страхъ пришла—думали, что ей тотчасъ и конецъ будетъ,—что можетъ засвидѣтельствовать оный капитанъ, который, видя ея такое опасное состояніе, посылалъ съ докладомъ вахмистра, на что получилъ приказъ объявить ей, чтобъ она отсюда не съѣзжала, и то можетъ быть по разсужденію другихъ. И нынѣ она отъ того лежитъ въ крайней опасности въ ея жизни; не меньше же того женѣ и дѣтямъ моимъ страхъ наведенъ, отчего и у жены моей кровь гортанью показалась. А оная вдова въ Москвѣ отъ сенатской конторы допрашивана, и тѣ допросы имѣются въ сенатѣ, въ чемъ ее и допрашивать больше не надлежитъ, ибо всѣ обстоятельства отъ меня показаны по ея вѣрющему письму. А по видимому, и впредь ее спокоемъ не оставятъ, пока жизнь ея не прекратится, и совершенно учинятъ дому моему насиліе,—что̀ все происходитъ для одного меня отъ вышепомянутыхъ двухъ персонъ изъ сильной злобы, на которыхъ, въ ихъ неправедныхъ докладахъ, имѣю я совершенное подозрѣніе, а паче на господина генерала-прокурора, по его (*) прежнимъ поступкамъ, что ваше величество изъ поданнаго при семъ приложенія всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите.

Всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше вашего величества милосердія прошу отъ такихъ наглыхъ нападеній самодержавною и всесильною вашего величества десницею насъ бѣдныхъ ра-

(*) Кн. Н. Ю. Трубецкаго.

бовъ своихъ въ правдѣ нашей защитить и всемилостивѣйше повелѣть оное дѣло въ правосудіи разсмотрѣть, кому ваше величество ни соизволите, только кромѣ тѣхъ двухъ персонъ, которые безвинно гонятъ и раззоряютъ, и животъ отнимаютъ неправедно, почему ваше величество соизволите усмотрѣть тогда, чья правда и вина явится.

Вашего императорскаго величества, нижайшій рабъ,

Василій Демидовъ.

26 августа, 1752.

32.

Всемилостивѣйшая государыня. Сего марта 9 дня сообщеніемъ изъ кабинета вашего императорскаго величества тайный совѣтникъ баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ объявилъ мнѣ, имяннымъ вашего величества указомъ, подать въ кабинетъ отвѣтъ: для чего я забиранымъ въ 1753 и 1754 годахъ у купцовъ кромѣ казенной прямо въ комнату товарамъ никакой записки не имѣлъ, будучи точно къ тому опредѣленъ и приставленъ? и по тому, вашего величества указу, отвѣтъ я подалъ. А вашему императорскому величеству симъ всеподданнѣйше доношу: о тѣхъ забранныхъ въ комнату вашего величества мимо казенной прямо отъ купцовъ товарахъ, что въ счетахъ ихъ показано, мнѣ было неизвѣстно и ни отъ кого о томъ не слыхалъ; чего ради и записки имѣть было не почему. О чемъ принося самую истину, какъ предъ самимъ Богомъ отвѣтъ дать могу. И повергая главу мою и послѣднюю жизнь всепресвѣтлѣйшимъ вашего величества стопамъ и высокомонаршей власти матерьнаго милосердія прошу, помилуй мя, недостойнаго раба своего! Вашего императорскаго величества нижайшій рабъ, Василій Демидовъ.— 11 марта, 1755 года.

IX. Еропкинъ Дмитрій (1742 г.).

33.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Елисаветъ Петровна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: сего генваря 28 дня вселюбезнѣйшій вашего императорскаго величества племянникъ, его королевское высочество герцогъ Голштинскій въ Ригу, по милости божеской, благополучно прибыть изволилъ; чѣмъ ваше императорское величество, по всеподданнѣйшей моей рабской должности, отъ всего моего усердія всенижайше рабски поздравляю. И въ прибытіе его королевскаго высочества для встрѣчи какъ армейскіе, такъ и гарнизонные, вѣденія моего полки и кирасирская брауншвейгскаго полку, и здѣшняго города Риги бургерскія двѣ роты поставлены были въ порадъ, по надлежащему порядку: съ пріѣзду отъ Двины рѣки даже до самой его королевскаго высочества квартиры; тако жъ и пушечная стрѣльба чинена была, по надлежащему-жъ. А на квартирѣ его высочество соизволилъ стать въ Ригѣ противъ гоубтвахты, въ домѣ здѣшняго городскаго доктора Гимзеля. А когда и котораго числа его королевское высочество соизволитъ путь свой до С.-Петербурга воспріять и отсюда отправиться, объ ономъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено быть имѣетъ.— Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ, Дмитрій Еропкинъ.

Генваря 28 дня 1742 года. Рига.

X. ЖЕРЕБЦОВЪ АЛЕКСѢЙ (1755—60 г.).

34.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: его императорское высочество государь великій князь Павелъ Петровичъ послѣ полудня изволилъ почивать; въ седьмомъ часу пробудиться. Забавлялся самъ барабаномъ, и немного изволилъ покушать молошной кашки, и милостію Господнею во всецѣломъ здравіи (*).

Вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій рабъ, Алексѣй Жеребцовъ.

Пополудни отъ 9-го часа, мая 24 дня 1755 года. С.-Петербургъ.

(*) Великому князю шелъ второй годъ отъ роду.

35.

Всемилостивѣйшая государыня.

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: его императорское высочество государь великій князь Павелъ Петровичъ послѣ полудня изволилъ во всякомъ удовольствіи почивать, въ седьмомъ часу пробудился и изволитъ веселиться. И милостію господнею и вашего императорскаго величества священнѣйшимъ благословеніемъ во всежелаемомъ здравіи.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Алексѣй Жеребцовъ.

Мая 25 числа, отъ 10-го часу, 1755 года. С.-Петербургъ.

36.

Всемилостивѣйшая государыня.

Господь да радуетъ непрестанно милосердѣйшее вашего императорскаго величества сердце во всемъ, какъ и въ его императорскомъ высочествѣ государѣ, великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, котораго дражайшее здравіе, за благословеніемъ вашего императорскаго величества, Богомъ сохраняемо есть всежеланно.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, Алексѣй Жеребцовъ.

По полудни отъ 10-го часа, августа 22-го дня 1755 года, изъ С.-Петербурга.

37.

Всемилостивѣйшая государыня.

По приказу его императорскаго высочества великаго князя, Павла Петровича, полевое платье, шпоры и все къ тому принадлежащее приготовлено и неотмѣнно предпріемлетъ путь свой въ Царское Село, чтобъ видѣть свою вседражайшую мать, и государыню, и удостоится радостнѣйшаго ея присутствія и на полѣ. Только когда еще точнаго повелѣнія не имѣемъ. А самъ, милостію Вышняго, почивалъ сладко и, за благословеніемъ вашего императорскаго величества во всежеланномъ здравіи. Всеподданнѣйше доношу в. и. в. всепод. рабъ

Алексѣй Жеребцовъ.

По полуночи отъ 10-го часа. 25 августа, 1755 года, изъ С.-Петербурга.

38 (букв.).

Всемилостивѣйшая государыня.

С какою неизреченною радостию всежеланное і драгоценнейшѣе вашего императорского величества пришествие ожидать изволитъ его імператорское высочество дражайшії государь великой князь Павелъ Петровичъ: того доволно описать не можно; і какъ пресладчайшѣе вашего імператорского величества імя называть, такъ вчерась и ко дверямъ, откуда ваше пришествие ежечастно подходить изволитъ; и радостно чювствуетъ ангелское и непорочное его серце, что сей день удостоитца вашего императорского величества всемилостивѣйшаго объятия і к восприятию горящее к вамъ свое серце достоінѣйше приуготовя; за милосердиемъ Господнимъ і вашего імператорского величества благословениемъ во всежеланномъ здравіи, почивалъ сладко и пробудитца изволилъ со веяким удовольствиемъ; да сподобитъ Господь і насъ всепоследнѣйшихъ рабовъ тогоже жаждущихъ всемилостивѣйшаго вашего імператорского величества благоволения.

Вашего імператорского величества всеподданнѣйшії рабъ Алексѣй Жеребцовъ.

По полуночи отъ 10-го часа, августа 27, 1755 г. изъ Петербурха.

39.

Всемилостивѣйшая государыня.

Его императорское высочество г. в. к. Павелъ Петровичъ съ великимъ неудовольствіемъ изволилъ остаться, что не могъ ускорить пріѣздомъ своимъ въ Царское село за неисправностію полеваго платья. А потомъ изволилъ услышать о всерадостнѣйшемъ пришествіи вашего императорскаго величества, и для того съ нестерпимымъ желаніемъ, за милосердіемъ Господнемъ и в. и. в—ва благословеніемъ, во всежеланномъ здравіи и веселіи онаго ожидать изволитъ. Всеподданнѣйше доношу в. и. в—ва всепод. рабъ.

Алексѣй Жеребцовъ.

Пополудни отъ 10-го часа 11 мая, 1756 г., изъ С.-Петербурга.

40.

Всемилостивѣйшая государыня.

Усердіе и вѣрность мою ко всякой наитруднѣйшей службѣ столь ревностно имѣю, какъ всякаго вашего императорскаго величества вѣрноподданнаго раба званіе требуетъ; но чтобы оную инако производить не въ моей волѣ, но въ собственномъ вашего императорскаго величества соизволеніи; а чтобы чрезъ такъ долговременное продолженіе при вашемъ императорскомъ величествѣ, къ чему употреблену быть, и за оную какого награжденія какъ прочимъ ожидать, предстательства никакого не имѣю, ниже впредь за то, что отначала надежду и вѣрность мою къ единственной вашего императорскаго величества персонѣ уже тридцать второй годъ продолжаю, имѣть вовсе не уповаю, и въ крайнемъ будучи отчаяніи толь наипаче о неспособности моей ни к чему, не только о какомъ награжденіи, ниже о надлежащемъ жалованіи утруждать смѣлости отнюдь не имѣю, хотя всѣ кромѣ и изъ насъ нѣсколькихъ, какъ при дворѣ, такъ и вездѣ по чинамъ своимъ получаютъ полное, а нѣкоторые и свыше. По взирая на неизрѣченные вашего императорскаго величества милосердіи ко всѣмъ, инова способа для крайняго моего неимущества не обрѣтаю, какъ о увольненіи меня ежели не вовсе, то хотя на нѣсколько лѣтъ въ бѣдныя мои деревнишки, сіе мое всеподданѣйшее употребить прошеніе.

Ей вселюбезнѣйшая мать отечества и государыня, едино то, что отлученіе отъ обоженной (*) вашего императорскаго величества персоны, при которой желалъ-бы въ моей вѣрности и усердіи окончать мою жизнь, со всегдашнею мнѣ горестію будетъ; но когда безчастное состояніе мое требуетъ, чтобъ и отъ всего сообщества удалитца, такъ я хотя того вашего императорскаго величества милосердого утѣшенія, припадъ къ драгоцѣннѣйшимъ вашего императорскаго величества ножкамъ со слезами, всеподданнѣйше прошу

вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ

Алексѣй Жеребцовъ.

Генваря дня
1757 года.

(*) Т. е. обожаемой.

41 (букв.).

Всемилостивейшая государыня.

Вашему императорскому величеству всеподданнейше даношу: государь великой князь, Павелъ Петровичь, милостію Всевышнего, во всежеланномъ здравіи, і для воспоминания бывшаго торжества изволилъ объдню, и малебенъ, в болшой церкви, в верьху слушать со удоволствиемъ.

Вашего імператорского величества всеподданнейшій рабъ
Алексѣй Жеребцовъ.

27 іюня 1757 года от 1-го часа пополудни из села царского.

42.

Всемилостивѣйшая государыня, вашему им-му вел-ву всеподданнѣйше доношу: государь великой князь Павелъ Петровичъ эту ночь почивалъ спокойнѣе, однако кашель почью одинъ разъ безпокоилъ, и передъ прежнимъ сегодня полутче.

В. и. в-ва всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ
Алексѣй Жеребцовъ.

20-го генваря, 760 г. С.-Петербургъ.

XI. КОЧЕПЕВСКІЙ ѲЕДОРЪ.

43.

Всемилостивѣйшая государыня матушка!

При отъѣздѣ моемъ съ царскаго села всемилостивѣйше соизволили мнѣ ваше императорское величество позволить писать къ вашему величеству, и того ради возымѣлъ смѣлость чрезъ сіе мое недостойное письмо рабскій свой всенижайшій до самыхъ ножонокъ вашего величества поклонъ отдаю, съ такимъ моимъ сердечнымъ желаніемъ: содержай во своей власти времена и лѣта Христосъ Богъ нашъ, той да продолжитъ въ должайшія лѣта здравіе вашего императорскаго величества, и да удостоитъ меня, вашего величества послѣдняго слугу, видѣть персону вашего императорскаго ве-

личества. Ей Богу, рано и вечеръ и всякую минуту о томъ Бога молю; милость вашего величества высочайшая, которою вы меня изволили жаловать, завсегда въ сердцѣ и памяти всякую минуту ей Богу находятся. И безъ васъ, моя матушка, весьма скучно. Ежели бъ я могъ получить по своей болѣзни облегченіе, тобы поѣхалъ къ тому солнцу, которое только однимъ промѣномъ своей свѣтлости когда только засвѣтитъ, то завсегда можно веселому быть при вашемъ величествѣ. Изволили ваше величество приказывать, чтобъ мнѣ пріискать дѣвушку, которая бъ могла пѣть; хотя съ великою трудностію вездѣ посылалъ искать, только лучшей не сыскалъ, кромѣ сей, которую къ вашему императорскому величеству при лакеи посылаю. Какъ вашему величеству покажется, только она до пѣсень весьма понмчива можетъ, и ежели ваше величество прикажите поучить, мнѣ сдается, что нѣсколько можетъ годиться. Матушка моя государыня, сколько я не старался, чтобъ такую сыскать, которая бъ схожа была на Романа пѣвчего, не сыскалъ, и ежели годится къ пѣнію, то не отдавайте, ваше величество, Ивану Павловичу учить, чтобы не выучилъ такъ, какъ поповну. Прошу вашего величества не погневатся на меня, что смѣлъ такъ написать

вашего императорскаго величества последнѣйшій слуга
Ѳедоръ Коченевскій.

XII. КОНДОИДИ ПАВЕЛЪ ЗАХАРЬЕВИЧЪ (1757—1759.) (*)

44.

Всемилостивѣйшая государыня.

Его императорское высочество благовѣрной государь великой князь Павелъ Петровичъ опочивать ложится изволилъ вчерась въ 10 минутъ десятова часу, а пробудился сего числа по утру же вступно въ 8 часовъ. Чрезъ оное время опочивалъ сладко и покойно и пробудился веселъ. Кушать изволитъ иной день больше, иной меньше, молошной кашицы, и испражненіе имѣетъ по пропорціи довольно, слѣдственно, благословеніемъ Всемогущаго, въ

(*) Лейбъ-медикъ Елисаветы Петровны и директоръ медицинской канцеляріи. Родомъ грекъ. Умеръ въ 1760-мъ году.

вожделенномъ находится здравіи. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій рабъ,
Павелъ Кондоиди.

Мая 25 дня 1755 г. въ 9 часовъ пополуночи.

45.

Всемилостивѣйшая государыня.

Его императорскаго высочества благовѣрнаго государя великаго князя Павла Петровича вседражайшее здравіе, Господу поспѣшествующу, за молитвами вашего императорскаго величества продолжается саможелательно, и во всемъ благополучно. По высочайшему вашего императорскаго величества всемилостивѣйшему указу, отъ господина камергера Воронцова намъ объявленному, всѣ посты около комнаты его императорскаго высочества осматриваны и гдѣ разсудилось надобно часовые прибавлены и приказъ отъ господина генерала-маіора князя Меншикова всѣмъ часовымъ вездѣ подтверждено за приключеніемъ барону Леутруту быть въ осторожности. О чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій рабъ,
Павелъ Кондоиди.

1755 г. августа 24 дня, пополудни въ 10 часовъ.

46.

Всемилостивѣйшая государыня.

Чрезъ нынѣ прошедшую ночь его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Павелъ Петровичъ опочивалъ довольно и хорошо, и пробудился веселъ, и въ прочемъ все благополучно. Уповатьже надобно, что въ годъ и съ зубкомъ будетъ, ибо десны стали весьма свербеть, что видно отъ того, что часто и почти непрестанно изволитъ ихъ терсть, но не инымъ чѣмъ, какъ своими пальчиками; на верхней же деснѣ перепонка день отъ дня

больше бѣлѣстъ. Богъ милосердый, за молитвами вашего императорскаго величества, да даруетъ благополучно, якоже и уповаю.

Вашего императорскаго величества
всенижайшій рабъ
Павелъ Кондоиди.

1755, 25 августа, по полуночи 10 часовъ.

47.

Всемилостивѣйшая государыня.

Сего числа, поутру, получилъ письмо отъ господина Өусадира, въ которомъ описуетъ приключившейся вчерашняго вечера в. величеству припадокъ, и притомъ сообщаетъ, что еще сверхъ того всемилостивѣйше соизволили ему объявить. И по описанію, не отъ иного чего тотъ припадокъ приключился, какъ отъ . . . . . . и совокупившимися . . . . , якоже и оказалося. Я уповаю на Господа, что тотъ припадокъ совершенно, тако-жъ и оставшіе малыя чувствія совершенно остановилися, чего и всей душею желаю; а ежели тое малое чувствіе еще продолжается, больное мѣсто масломъ деревяннымъ теплымъ мазать, и легко тереть, да сверхъ теплою салфетою покрыть, весьма будетъ полезно; и буде черезъ сей день . . . . . . не будетъ свободно, и паки боль вчерашняя возбудится, ... но паче всего всещедрый Богъ, да избавитъ вашего им-го величества отъ всякаго припадка и обстоянія болѣзни; а такъ рабски же вашего императорскаго величества и всеприлежно молю: квасъ безъ нужды и соку лишествомъ не пить; понеже напослѣдокъ желаемое дѣйствіе истинно учинить не будетъ. . . . . особливо съ нынѣшними фруктами. Желать надобно, чтобы . . . . по натурѣ вашего величества и обстоятельствами . . . . . было, ибо весьма прилежно на то смотрѣть надобно. Вашего импер. величества, всениж. рабъ

Павелъ Кондоиди.

25 августа 1755 г. 10 ч. по полуночи.

48.

Всемилостивейшая государыня. Его императорское высочество благовѣрный государь, великій князь Павелъ Петровичь благодаря

Всевышняго, находится въ само-желательномъ здравіи благополучно. Вчерась, въ 35 минутъ девятаго часа соизволилъ опочивать ложиться; а въ 50 минутъ девятаго же часа сегодня пробудился веселъ и соизволилъ приказать этими словами: «татуске Государинѣ імператрице поклониса».—Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Павелъ Кондоиди. 1757 мая 10-го дня. По полуночи десятый часъ.

49.

Всемилостивѣйшая государыня. Его и. в. благовѣрный государь, великій князь Павелъ Петровичь, благодаря Всевышняго, находится въ саможелаемомъ здравіи. Божественную литургію и молебенъ изволилъ выслушать въ самой церквѣ Воскресенія Христова благоговѣйно и очень хорошо, и сподобился причастится святыхъ Христовыхъ таинъ, со такимъ истинно благоговѣніемъ и тихостью, что мы всѣ тому и радовалися, и удивилися. По окончаніи молебна къ кресту изволилъ приложится очень изрядно; и на послѣдокъ всѣхъ находившихся въ церкви обоего пола къ ручкѣ изволилъ пожаловать. Изъ своей комнаты изволилъ видѣть и слышать поздравляющихъ барабанщиковъ; потомъ въ зало команду всю лейбъ-компанію къ ручкѣ пожаловалъ.—Пріемлю смѣлость вашего императорскаго величества всеусерднейше поздравить съ дражайшими имянинниками и мое рабское, всеподлжное благодареніе принесть за свиданіе съ моими дѣтьми. Вашего императорскаго величества всенижайшій рабъ Павелъ Кондоиди.—1757 г. іюня 29-го дня пополудни 2-ой часъ.

XIII. Пиловъ Михаилъ (1759 г.).

50.

(по титулѣ). . . . .

Въ прошломъ 1752 мъ году, по всевысочайшему в. и. в-ва всемилостивѣйшему имянному указу, изъ отписнаго Михаила Головкина жены его, Катерины Ивановой, недвижимаго имѣнья въ Керенскомъ уѣздѣ пожаловано мнѣ нижеименованному два села: Покровское и Никольское; да камеръ-фурьеру Игнатію Полтавцову се-

ло Благовѣщенское. И въ прошломъ же 754-мъ году просили мы именнованные, чтобъ оное, пожалованное намъ, недвижимое имѣніе, отъ смежныхъ помѣщиковъ, старую писцовую межу возобновить, а примѣрную землю, что въ нашихъ межахъ и дачахъ состоитъ, раздѣлить по числу душъ намъ именованнымъ, которою примѣрною землею, какъ прежніе помѣщики господа Салтыковы и Михайла Головкинъ, такъ съ пожалованія в. и. в. высочайшей милости онаго, всего недвижимаго имѣнія и мы владѣли. А въ прошломъ, 758 мъ году, Вотчинная Коллегія опредѣлила для размежеванія онаго недвижимаго имѣнія послать межевщика и геодезиста, старую писцовую межу по округѣ освидѣтельствовавъ возобновить, а что́ за указнымъ числомъ въ той межѣ сверхъ выше писанныхъ господъ Салтыковыхъ дачь явится примѣрной земли, то оную измѣрявъ въ десятины положить въ четверти, и на планъ назначить особливо. И оную примѣрную землю Вотчинная Коллегія во владѣніе дать намъ не намѣрена.

И того ради (слѣдуютъ обычныя обращенія) дабы повелѣно было, оную примѣрную землю, которою владѣли прежніе помѣщики, господа Салтыковы и жена Михаїлы Головкина, пожаловать во владѣніе мнѣ нижеименованному и дѣтямъ камеръ-фурьера Полтавцова. (за обычнымъ заключеніемъ подпись): оберъ кафешенкъ Михайла Половъ. Февраля... дня. 1759 года.

XIV. ОРЛОВЪ ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ (1748).

51. (букв.)

(по титулѣ):

«Отъ генераль маіора и оберь-штеръ криксъ камисара Івана Орлова всеподьданьнеішее доношенис, вашего императорского величества всевысочайшій указь со всераболепиемъ почтениемъ сего сеньтября 1 числа получить удостоился, и что такъ не по достоиньству, ниже по какимъ моимъ беднымъ заслугомъ, но токмо единымъ матернимъ ваше императорское величество высочайшимъ милосердиемъ поручить всемилостивеше соизволили, что я со всеподьданнейшимъ моимъ раболепствомъ, яко последній рабъ вашему императорскому величеству, по присяжной должности, следуещего происхождения самую истинную приношу.

Егда в приключившейся болезни покойному Генералу-Өелцейхместеру князю Репнину призванъ я былъ, то онъ мне объявилъ: «что я вижу, жизнь моя пресекается, и ежелі то достигнетъ, для того васъ прошу, чтоб имеющую при немъ (мнѣ?) шкатулку, в которой секретные указ и за собственною вашего императорского величества рукою инструкция, запечатать и содержать потъ смотрениемъ своимъ», и притомъ приказывалъ а содержани добраго порятъка при корпусе, какъ в пропитани, такъ и во всякихъ удоволствияхъ крайнее старание иметь. А потомъ призванъ былъ Генералъ-маеоръ Броунъ, что и Ему приказывалъ, и потому обьще съ нимъ броуномъ запечатали, а ключь имелся отъ той шкатулы у княгини покойного, жены ево. А по прибыти Генерала Леитнанта Ливина, по кончине на третей день, которої особлива в такомъ случае, по означенной вашего императорского величества инструкци, команду имеетъ принять, яко старшѣй генералъ-лейтънантъ, что ему необходима следовало к надлежащему при корпусе содержанию каманды оную инструкцыю и указы иметь, чего раді, по требованию его, та запечатанная нами шкатула претставлена была в домежъ покойного Генерала Өельцейхъ-местера, что онъ Генералъ-Лейтънантъ отперъ и печати спялъ, в которой шкатуле явились упоминаемые указы, инструкция подлежащая до корънуса, кои онъ и принелъ; которой же между темъ былъ собственъной вашего императорского величества руки указъ х покойному присланной в Гродну, чрезъ подънорутъчика чичерина, толка следавалъ до его покойного собьственной персоны, оной, также и бывшія притомъ на его чины патенъты и шкатулку одъдалъ тогдажь онъ генералъ-лейтънантъ обратно княгине, ибо и она притомъ была. А канъцелярию покойного бывшей секретарь Сопминов, что касалась по деламъ вспомогателного корпуса, отдалъ по описи ему-жъ генералу лейтънанту; а з делами, кои имелись, по артилери и по кадецкому корпусу, отправленъ оной секретарь въ санъкъ Питеръбурхъ.

Чтоже о несогласи его покойного къ генералу Ливину была, сколко я могъ приметить и что от него покойного слышел истинною мою приношу такъ вашему императорскому величеству, какъ верноподъданны и присляжны рабъ: когда ливенъ следовалъ сперво ю колоніею (колоною) пред нами впередъ, и что имъ усмотрено

была, по объстоятелству делъ покойному претъставлялъ; а особливо какъ ливинъ прибылъ в гродно предъ нами прежде несскалками неделеми и расположился с полками около заблудова, и претъставлялъ, чтобы ему не упуская зимнего пути, позволилъ маръшъ свой продолжать, что имъ покойнымъ весьма неприятно было привето, и не было дозволено, что былъ постоновленъ; но однова упоминалъ: что я-де и то помню, какъ ливенъ на моего брата князь Юрью претъставлялъ, якобы в непоряткахъ, когда онъ былъ в полше при команъде и потому-де братъ мой былъ сменетъ имъ ливиным—а болеежъ у насъ той шкатулъ имевшей под охраненіемъ писемъ никакихъ не имеетъца; всемилостивейшая Государыня вашѣго императорского величества всенижайшій и всеподъданнейшій рабъ Іванъ Орловъ (*).

Сентября 12 дня 1748 году. Чесловъ.

XV. ОДОЕВСКІЙ КНЯЗЬ ИВАНЪ. (1761 г.)

52.

По титулѣ.

Припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей государыни, посылаю вашему императорскому величеству, не угодно ли что будетъ для поста: малины бѣлой, красной, вишень, костеники, клубники, три бутылки морсу малиноваго, вишневаго и балбаринаго, да ящикъ подпеченыхъ яблокъ, боченокъ огурцовъ и боченокъ яблокъ изъ кислыхъ щей, пять бѣлыхъ рыбицъ. Всеподаннѣйше прошу, всемилостивѣйшая государыня, отъ послѣдняго, но вѣрнѣйшаго вашего императорскаго величества раба, милостиво принять, такъ какъ Христосъ Спаситель не возгнушался отъ вдовы принять самое малѣйшее приношеніе, и желаю, чтобъ что нибудь изъ посланнаго угодно было вашему императорскому величеству.

вашего императорскаго величества всеподаннѣйшій рабъ князь Иванъ Одоевскій. Марта 7 дня, 1761 года.

(*) Иванъ Михайловичъ Орловъ, нѣкогда деньщикъ Петра I-го и сердечный другъ извѣстной фрейлины Гамильтонъ.

XVI. Оболонская Татьяна. (1770 г.)

53.

По титулѣ.

Матернее вашего императорскаго величества къ сиротствующему моему дому высочайшее благоволеніе изобильно чувствуя, дерзаю пасть предъ всеавгустѣйшими вашего императорскаго величества стопами, и въ глубочайшемъ смиреніи прошу, зятя моего бунчуковаго товарища Василья Кочубея всемилостивѣйше пожаловать чиномъ подскарбія генеральнаго малороссійскаго, въ которомъ зять мой, при нынѣшнемъ вдовствѣ моемъ, могъ бы дѣлать охраненіе отъ обидъ, кои обыкновенно безпомощнымъ сиротамъ приключаются. Онъ же Кочубей отъ всей малороссійской націи избранъ между генеральные старшины кандидатомъ. Усугубляя о семъ рабское мое всенижайшее прошеніе, цѣлую скипетродержавныя вашего императорскаго величества руки, и полагая всю мою надежду на единое вашего императорскаго величества несказанное къ бѣднымъ благосердиѣйшее презрѣніе, съ истиннѣйшею вѣрностію и всеодолжнѣйшимъ раболѣпіемъ до конца жизни остаюсь. Вашего императорскаго всепресвѣтлѣйшаго величества всенижайшая раба,

Татьяна Оболонская.

1760 года, генваря 25 дня.

XVII. Панинъ Никита Ивановичъ.

54.

Всемилостивѣйшая государыня!

Дражайшій внукъ вашего императорскаго величества сію ночь покойно почивалъ, и теперь, благодаря Бога, въ добромъ здравіи.

Вчерась ввечеру я имѣлъ щастье получить всевысочайшее повелѣніе вашего величества, чрезъ генералъ-адъютанта Воейкова, и по оному завтра послѣ обѣденнаго кушанья его высочество отсюда поѣдетъ въ Царское село, какъ и я, въ его препровожденіи, подверг-

ну себя стопамъ вашего величества, пребывая со всеглубочайшимъ респектомъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Никита Панинъ.

С. П. Бургъ. 1 сентября, въ 11 часовъ по утру, 1761 года.

XVIII. РУМЯНЦЕВА ГРАФИНЯ МАРЬЯ.

55 (букв.).

всемилостивейшая Государыня,

въчерась, по высочайшему вашего величества повеленію, въ раненъбомъ приѣхала; иванъ симоновичъ встретилъ меня; я нехатела прежде къ ѣя высочеству ититъ, а далажить бы ѣво высочества, каторои изволитъ быть въ лагаре; но ѣя высочества изволила вакошъке меня видитъ, изволила татъчас по меня прислать; какъ я вашла, то изволила сказать: «канешна, недаромъ ты приѣхала»? я хатела пообождать ѣво высочества, но какъ ѣя высочества зачала горько плакать и проситъ меня, чтобъ я ѣи сказала, то я объѣвила; па что зъ горестию великою изъволила сказать: «серъце моѣ провещала кои час я сведала, что анна изволила туда ѣхатъ, то я сказала, что оноѣ гъ погибели ѣя и что не выѣжать»; но притомъ въдвоѣ печалъ чувъствителна, что такоѣ мудреноѣ апределениѣ зделано ѣя высочества за милостивоѣ вашего величества матернеѣ попечениѣ со слезами благодарениѣ приноситъ. А ѣго высочество приказалъ мне, черезъ ивана симонономвича, мне съказат, что я де хателъ ѣи въ середу объѣвитъ, а когда она стемъ прислана, пущаи объѣвляѣтъ, такъже благодаритъ великая кнеиня за показаную милостъ вашего величества брату: «мне ничево ненадобна, па милости ѣя величества,» изволила сказатъ, «толъко жалъ брата въ такихъ ѣго горъкихъ объстоятелъствахъ;» ѣя высочества жалуѣтъся грудию и безъмерно плачетъ, а ѣво высочества ѣще не имели честь видитъ и не присылалъ; истина такъ гаръка, что всю ночъ не апочивала и галовою жалуѣтъся; ѣя высочества со слезами проситъ ваше величества материнъского милосеръдоѣ, по природному великодушию и вручаѣт беднаго брата; я такъ писала, какъ сама изволила, на пастеле лежа, приказатъ.

вашего инъператоръскаго величества подданънеишая раба Г. М. Румянъцова.

56.

Всемилостивѣйшая Государыня. Діаконъ Ростовскаго собора Николай, который сказывалъ сыну моему, что у архіерія протодіаконъ еще его лучше, только въ ту пору его не было, а оный протодіаконъ не чернецъ; я хотѣла сама вашему величеству донести, но вчера, ѣдучи домой, всѣ лошади въ грязи пали, то принуждена сидѣть, покуда лошадей пріищу, и половину двора по грязи пѣшкомъ шла.

Г. М. Румянцева.

XIX. Репнинъ князь Петръ. (1757—1761 г.)

57.

Всемилостивѣйшая Государыня. Во исполненіе высочайшаго повелѣнія вашего императорскаго величества, только мнѣ показалось новаго здѣсь, или думаютъ, что оныя на новый вкусъ сдѣланныя, легкія парчицы, атласы разно-и одно-цвѣтные, толстыхъ и тонкихъ атласовъ, тафтъ брожированныхъ и простыхъ образцики, и съ цѣнами при семъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше посылаю. Еще разныхъ сортовъ шелковыхъ и флеровыхъ платковъ отправилъ, а притомъ приложилъ платокъ ситцевой, не для ради хорошества, но для его дорогаго имени, что иначе ихъ не называютъ, какъ *платки съ мамошками* (*). Писалъ-бы больше, но имѣя счастіе писать въ первый разъ къ моей монархинѣ, опасаюсь, чтобъ неумѣренная радость не прогнѣвала-бы въ чемъ ваше императ. величество недостатками моего изрѣченія. При окончаніи сего припадаю къ стопамъ вашего императ. величества, и прошу о неисключеніи всегдашней вашей монаршей милости. Всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ, князь Петръ Репнинъ.

Февраля «20» дня. 1757 г. Москва.

58.

Всемилостивѣйшая Государыня! Ваше императ. велич., при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, дозволить соизволили писать

(*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

прямо до вашего импер. величества; симъ высочайшимъ дозволеніемъ пользуясь, принялъ всеподданническое дерзновеніе принести при семъ случаѣ мое слѣдующее прошеніе: указомъ вашего импер. величества опредѣленъ ко мнѣ кавалеромъ посольства преображенскаго полку гвардіи сержантъ Яковъ Репнинскій, отъ роду ему «16» лѣтъ, человѣкъ изрядный, воспитанъ очень хорошо; а кромѣ того, что дворянину знать надобно, какъ то есть Исторіи, Географіи, Фортификаціи и Артиллеріи, но и въ трехъ языкахъ очень силенъ: во французскомъ, итальянскомъ и нѣмецкомъ. Не принялъ бы сего дерзновенія просить о его произвожденіи, ежели-бы онъ мнѣ не двоюродный братъ и не сирота былъ; а видя его при себѣ безо всякаго заступленія, осмѣлился припасть къ ногамъ вашего импер. величества, рабски прося, изъ единой монаршей милости, пожаловать его въ прапорщики гвардіи; зная, что ни я, а наименьше еще онъ заслужили просить о такомъ отмѣнномъ награжденіи; но полагаяся на извѣстныя монаршескія щедроты, побѣжденъ сей моей просьбой. Всемилостивѣйшая государыня, вашего импер. величества всеподданнѣйшій рабъ, князь Петръ Репнинъ.

Изъ Кракова, февраля 24-го, марта 7-го, 1761 г.

XX. РЖЕВСКАЯ ПРАСКОВЬЯ.

Всемилостивѣйшая государыня! Въ службѣ вашего импер. величества, при смольномъ дворѣ камисаромъ, потомъ при понуриицкомъ правленіи управителемъ бывшій мене мужъ Яковъ Ржевскій, въ прошломъ 749 году умре, и оставилъ меня при скудномъ дѣтскомъ домишкѣ, въ всекрайнѣйшей бѣдности. И я отъ той моей несносной печали, пришедъ вовся въ слабость здоровья моего въ лѣтахъ, къ старости приближающихся, себя пропитать чѣмъ, безнадежно пребываю. Чего для высокоматерней вашего императ. величества щедроты, въ защищеніе себѣ принявъ, съ глубочайшимъ смиреніемъ и рабски прошу, всемилостивѣйшимъ подаяніемъ моей бѣдности не оставить; за что по конецъ моей жизни о здравіи вашего импер. величества Бога молить удовинной мой долгъ имѣю.

Вашего императ. величества всенижайшая раба Прасковья Ржевская.

XXI. Румянцевъ графъ Петръ Александровичъ. (1761 г.)

60.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая великая государыня императрица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая!

Вашего импер. величества всемилостивѣйшій рескриптъ, отъ 21 минувшаго мѣсяца, со изъясненіемъ всевысочайшихъ вашего импер. величества благоугодности и благоволенія, ко мнѣ рабу вашему, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ «4» числа принять удостоился, за которую всевысочайшую милость, къ подножію трона вашего императ. величества, мое всеподданнѣйшее благодареніе приношу, и данное мнѣ всевысочайшее въ заключеніе повелѣніе сохранять буду.

Вашего императ. величества всеподданнѣйшій рабъ графъ Румянцевъ.

Октября «11» дня, 1761 года; лагерь за Перзантомъ, при деревнѣ Гринѣ.

XXII. Сиверсъ Карлъ (1755 г.).

61.

Всемилостивѣйшая государыня! По всеподданнѣйшей моей должности, я оставить не могъ, чтобъ вашему императ. величеству не донести, какимъ образомъ я подъ рукою слышалъ, что здѣсь въ народѣ говорится, якобы Россія, славы достойнѣйшаго, вашего импер. величества государствованія лишена, а вмѣсто того извѣстный Иванъ возвышенъ на престолъ. О семъ говорится и въ Пруссіи, какъ я о томъ увѣдомился отъ нарочно присланнаго ко мнѣ отъ графа Петра Ивановича Шувалова курьера съ высочайшими, вашего императ. величества, повелѣніями, касательно ушедшаго Волкова.

И хотя я вижу, что такія разглашенія происходятъ отъ злостныхъ людей, будучи увѣренъ, что Богъ всѣхъ вѣрноподданныхъ отъ такаго несчастія конечно сохранитъ, однакожe я по всей возможности стараюсь, чтобъ провѣдать, откуда такой безразсудный слухъ взялся? Подъ рукою-же я слышалъ, что здѣшняя императри-

ца королева приказала, чтобъ чрезъ репрезентатіонсъ-коллегіумъ, то есть, полицію, провѣдывано было, кто причиною есть такимъ злостнымъ разговорамъ, и откуда оные происходятъ, съ такимъ, притомъ, подтвержденіемъ, чтобъ всякъ и каждый, подъ опасеніемъ смертельнаго наказанія, воздержался отъ всѣхъ разговоровъ, которые о священной вашего импер. величества особѣ предосудительны быть могутъ.

Въ дополненіе всеподданнѣйшей моей реляціи, присланной въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, всенижайше симъ доношу, что императрица королева на аудіенціи въ разговорахъ со мною, очень хвалила особливую вашего импер. величества красоту и преизрядныя качества, спрашивая меня притомъ, часто-ли ваше императ. величество танцовать соизволите? она де слышала, что ваше величество хорошо танцуете. На сіе отвѣтствовалъ я надлежащимъ образомъ, съ такимъ присовокупленіемъ, что я за крайнее себѣ счастіе поставляю, что видѣлъ нынѣ наивеличайшихъ въ свѣтѣ государынь; императрица, не давъ мнѣ выговорить, сказала, что она съ вашимъ императ. величествомъ никоимъ образомъ сравнена быть не можетъ. Мнѣ здѣсь оказываются всякія учтивости и отличности. Впрочемъ я, какъ при здѣшнемъ, такъ и при Саксонскомъ дворѣ, весьма мало великолѣпства (нашелъ), напротивъ-же того, нѣсколько испанской спѣси нахожу. При дворѣ въ покояхъ такого убранства нѣтъ, какъ въ партикулярныхъ домахъ здѣшнихъ знатныхъ.

Въ бытность мою въ Дрезденѣ, познакомился я съ однимъ полковникомъ Остенымъ, который былъ напредъ сего въ россійской службѣ. Онъ очень ко мнѣ ласкался, однакожъ я ему не вѣрилъ, но старался его, сколько возможно, выспрашивать. Сей полковникъ сказалъ мнѣ, что въ Пруссіи имѣютъ ключь россійскимъ цифрамъ. По слабому моему разсужденію, вашему императ. величеству всепокорнѣйше предлагаю, не соблаговолено-ли будетъ приказать перемѣнить всѣ цифры, а особливо по причинѣ ушедшаго Волкова, о развѣдываніи котораго я крайнѣйше стараюсь, къ чему я и находящагося при мнѣ брата моего, оберъ-квартирмейстера, Сиверса употребляю, яко-же я отправленному отъ меня обратно въ С.-Петербургъ курьеру Стрекалову сказалъ, чтобъ онъ въ пути своемъ вездѣ, а особливо въ Пруссіи старался, какъ о Волковѣ провѣдать, такъ и об-

стоятельно выспрашывать, откуда такія злостныя извѣстія присылаются, какъ выше упомянуто.

Со всеглубочайшею покорностію и благоговѣніемъ пребываю всемилостив. государыня, вашего императ. величества всеподданнѣйшій рабъ Карлъ Сиверсъ.

Вѣна, генваря «8» дня, по новому стилю, 1755 годъ.

62.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донесть имѣю, какимъ образомъ, въ бытность мою здѣсь, даны были три придворные маскарадные балы, безъ лавръ, на которыхъ и я находился. Архигерцоги и архигерцогини, также и нѣкоторые изъ знатныхъ, здѣшняго двора, обоего пола, которые къ тому назначаются, были на первомъ балѣ въ шкарамутцкомъ платьѣ, цвѣта алаго съ чернымъ; на другомъ въ татарскомъ платьѣ разныхъ цвѣтовъ (а ежели бъ не сказали, что оное татарское платье, то бы за то признать нельзя). На третьемъ-же балѣ въ турецкихъ, персидскихъ, польскихъ и протчихъ платьевъ, представляя разныхъ націй. Оные балы начаты были минуэтомъ, отъ архигерцога Іосифа, со старшею своею сестрою. По нихъ прочіе архигерцогини и архигерцоги кадрилью танцовали, въ восемь паръ; а потомъ въ нѣсколько паръ стали танцовать здѣшніе камергеры: минуэты, контратанцы и нѣмецкіе танцы, которые очень смѣшны кажутся. На третьемъ балѣ танцовали и турецкіе танцы, съ такою же музыкою.

Ихъ величества, императоръ и императрица, меня на сихъ балахъ видѣли, а его величество императоръ со мною о индеферентныхъ матеріяхъ разговаривать соизволилъ. На сихъ балахъ я къ танцованію приглашенъ не былъ. Въ первый разъ подошедши ко мнѣ, отправляемый ко двору вашего императ. величества, камергеръ графъ Цинцендорфъ, сказалъ мнѣ между протчими разговорами: онъ-де сожалѣетъ, что, по здѣшнему этикету, одни только здѣшніе камергеры танцуютъ; на что я ему отвѣтствовалъ, что меня сіе не женируетъ и я довольно веселюсь смотрѣніемъ оныхъ танцевъ.

Знатные здѣшняго двора обходятся со мною видомъ ласково, и

чтятся тѣмъ себя показать, что зовутъ меня почти всякій день на обѣдъ.

Сверхъ упомянутыхъ маскарадныхъ баловъ, которые чрезъ нынѣшній карнавалъ по одному разу въ недѣлю продолжаются, и на которыхъ, кромѣ кадрили, всѣ въ доминахъ приходятъ, никакихъ при здѣшнемъ дворѣ аппартаментовъ не бываетъ, но вмѣсто того собираются всѣ по вечерамъ, здѣсь, у знатныхъ чиновниковъ на ассамблеи. По два раза въ недѣлю бываютъ здѣсь маскарады, которые хотя придворными называются, однакожъ надобно платить какъ за входъ, такъ и за все кто что ни спроситъ.

Данный мнѣ отъ его величества императора портретъ, осыпанный брилліантами, стоитъ по моей оцѣнкѣ двѣ тысячи пять сотъ, а данная отъ ея величества императрицы табакерка, брилліантами осыпанная жъ, съ брилліантовымъ перстнемъ, столько-же рублей, или можетъ быть и шесть тысячь рублей всего.

Впрочемъ, по своей вѣрноподданнической должности, преминуть не могъ, чтобъ вашему импер. величеству всенижайше не донесть, коимъ образомъ мнѣ отъ прибывшаго сюда изъ Хорваціи священника Филиппа Терпоховича, какъ ваше и-е в-во, изъ приложенной при семъ записки его, всемилостивѣйше усмотрѣть соизволите, представлено, что грекокаѳолическаго исповѣданія Сербскому и Хорватскому народу, обрѣтающемуся подъ владѣніемъ здѣшняго двора, всякія насильства причиняются: что имъ, подъ жестокимъ штрафомъ, приказано торжествовать всѣ римскіе праздники, что монастыри и церкви насильно отнимаются, отдаючи оные въ руки уніятамъ, что они не смотря на всѣ утѣсненія и угрозы, имѣютъ усердное желаніе быть въ подданствѣ и покровѣ вашего и-го в-ва, и освободиться отъ насильствъ въ своемъ законѣ.

На всевысочайшее в-го и-го в-ва разсмотрѣніе отдаю я все сіе дѣло, пребывая со всеглубочайшимъ респектомъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императ. величества всенижайшій рабъ.

Карлъ Сиверсъ.

Вѣна. 16/29 генваря, 1759 года.

XXIII. САЛТЫКОВА ПРАСКОВЬЯ (1759 г.)

63.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего императ. величества матерински̇я милости къ мужу моему и сыну столь велики суть, что послѣднѣйшія, но и рабскія всеподданнѣйшія благодаренія, какъ бы они велики не были, къ освященнѣйшимъ монаршимъ стопамъ принестися недостойны. И тако позвольте, всемилостивѣйшая государыня, съ подобострастнымъ благоговѣніемъ, прославляя оныя съ радостными слезами, цѣлуя дражайшія ваши государскія ножки, молить всеблагаго Творца нашего Бога, да сохранитъ в-го и-го в-ва вседражайшее здравіе, на несчетныя лѣта, всецѣло и непоколебимо, и да сподобитъ меня припавъ къ монаршимъ стопамъ в-го в-ва съ подобострастнымъ благодареніемъ, подвергнуть себя вашей материнской милости, которой со всеподданѣйшимъ рабскимъ благоговѣніемъ, яко милосердой и щедрой матери, осмѣливаюсь подвергнуть теперь приносителя сего, всеподданнѣйшаго сына моего, и съ таковымъ же рабскимъ благоговѣніемъ паки припадаю ко стопамъ монаршимъ. Всемилостив. государыня, в-го и-го в-ва послѣднѣйшая раба Прасковья Салтыкова.

Москва. 14 дня ноября, 1759 г.

XXIV. СКАВРОНСКОЙ ГРАФЪ МАРТЫНЪ. (1756—1758 г.)

64.

Всемилостивѣйшая государыня императрица!

Ваше императорское величество неоднократно мнѣ повелѣвали, чтобъ я, какъ послѣдній въ родѣ своемъ для фамиліи неотмѣнно женился; что многажды почти и съ гнѣвомъ подтверждать изволили. Оный, вашего величества гнѣвъ, столь чувствителенъ мнѣ былъ, что я, не смотря на доходъ свой, которымъ женатому мнѣ во всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ по пристойности себя содержать невозможно безъ прибавки всякой годъ нѣкотораго числа долгу, а только желая одну высочайшую волю вашу исполнить, женился, въ той надеждѣ, что высокомонаршею милостію и вспоможеніемъ оставленъ не буду. А что и прежде женится намѣренія

не имѣлъ, Богомъсвидѣтельствую, всемилостивѣйшая государыня, не для какого иного пристрастія, какъ только по чину и фамиліи моей совершенному недостачеству и предвидя, что женатому безъ долгу прожить невозможно будетъ, хотѣлъ вовсе не женится, и какъ тогда себѣ представлялъ, то дѣйствительно оное и сбылось: ибо послѣ женитьбы моей, заводясь всѣмъ нужнымъ, ужъ до 20000 рублей долгу нажилъ, къ чему и всякой годъ оной прибавлятся имѣетъ, отъ того что моимъ доходомъ, при дворѣ вашего величества какъ бы ни старался съ крайнимъ воздержаніемъ жить и долгъ оплачивать, оной недостаточенъ. Къ тому жъ, всемилостивѣйшая государыня, домъ мой здѣсь, въ которомъ живу, не только ветхъ, но и такъ тѣсенъ сталъ, что дѣтямъ жить негдѣ. Якъ не имѣя толикихъ достоинствъ и счастія сего, чтобъ какія заслуги оказалъ когда вашему величеству, для которыхъ бы просить могъ какого награжденія, а болѣе еще не по достоинству моему высочайшею милостію взысканъ, то по необходимости нынѣшняго моего состоянія принужденъ противъ воли своей всеподданнѣйше вашему императорскому величеству бить челомъ о увольненіи меня нижайшаго съ женою и съ дѣтьми въ Москву на три года, чтобъ могъ въ оное время какую деревню продать и означенный долгъ заплатить; а притомъ и житье свое такимъ образомъ уставить, чтобъ впредь въ такой долгъ не впасть, и презирая оный не придти въ неоплатный, и тогда бъ болѣе о всемилостивѣйшемъ избавленіи отъ онаго не утруждать. Ваше императорское величество, по природному великодушію и матернему высокомонаршему милосердію, сіи мои худыя обстоятельства во всемилостивѣйшее разсужденіе принять, и для упомянутыхъ моихъ необходимыхъ нуждъ всемилостивѣйше меня отпустить всенижайше прошу.

Всемилостивѣйшая государыня императрица, вашего императорскаго величества,

всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ Мартынъ Скавронской.

Декабря « » дня, 1756 года.

65.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всенижайше доношу: ихъ высочества государь великій князь и го-

сударыня великая княгиня, благодатію божескою находятся въ добромъ здравіи.

Всемилостивѣйшая государыня
вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшій рабъ
Мартынъ Скавронской.

Іюля «26» дня. 1758 г.

XXV. СТРОГАНОВА МАРЬЯ. (1750 г.)

66.

По титулѣ.

Вашего императорскаго величества высочайшимъ повелѣніемъ, указано мнѣ, всенижайшей рабѣ вашей, по рисунку и данной мѣрѣ вышить платье, которое и исполнено, и пріемлю дерзновеніе его при семъ случаѣ отправити; повергая купно себя къ высокомонаршескимъ ногамъ вашимъ, всеподданнѣйше прошу, по природному в. и. в-ва ко всѣмъ милосердію, не возгнушатися сего моего рабскаго приношенія. Притомъ же молю Всевышняго, да благоволитъ изліяти щедроты своя на вашу государскую особу, и со умноженіемъ всѣхъ благихъ, да сохранитъ вседражайшее здравіе ваше въ неисчетныя лѣта (слѣдуетъ обычное заключеніе).

Всенижайшая и всеподданнѣйшая раба Марья Строганова.

Москва. Мая «3» дня, 1750 года.

XXVI. ТРУБЕЦКОЙ КНЯЗЬ НИКИТА ЮРЬЕВИЧЪ. (1755 г.)

67.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По высочайшему вашего императорскаго величества, данному мнѣ сего мая «14» числа, изустному (повелѣнію) на всеподданнѣйшій отъ Сената, по дѣлу покойнаго генералъ-экипажъ-мейстера Зотова жены, указу, она Зотова сего числа, во время розыска и пытки одной по дѣламъ пришедшей къ тому женки, въ застѣнокъ приве-

дена, и съ пристрастіемъ, однако не токмо безъ пытки, но и безъ обнаженія, по увѣщеванію, во всемъ признався, принесла повинную. О чемъ съ поданнаго отъ Юстицъ-Конторы рапорта точную копію при семъ подношу. А по дѣйствительному въ Сенатѣ того дѣла рѣшенію, вашему и-му величеству немедленно всеподданнѣйше докладомъ обстоятельно донесено будетъ.

Всемилостивѣйшая государыня
вашего императорскаго величества,
всепослѣднѣйшій рабъ,
князь Н. Трубецкой.

24 мая 1755 года.

XXVII. ЧЕРНЫШЕВА ГРАФИНЯ ЕЛИСАВЕТА. (1755 г.)

68.

Всемилостивѣйшая Государыня и мать!

Отхожу отъ сего свѣта, взяла смѣлость, вѣдавъ милость вашего величества ко всѣмъ бѣднымъ и сиротамъ, дерзнула просить въ послѣдней моей жизни ваше императорское величество: по смерти моей не оставить мою бѣдную дочь и быть ей матерью; такожъ и бѣднаго моего мужа: и ежели Богъ соблаговолитъ дочь мою взять отъ сего свѣта, то слезно прошу ваше величество, какъ отца моего, такъ и матери моей деревни и все мое пожалованное отъ вашего величества приданое, милостиво пожаловать мужу моему, котораго любовь и милость его должна до смерти я чувствовать; такожъ прошу пожаловать приказать ему, мужу моему, милостивымъ указомъ вашимъ выдать изъ банка 20,000 рублей. А онъ, мужъ мой, будетъ оныя деньги выплачивать, по чему ваше императорское величество указать изволите. Вашего императорскаго величества,

всеподданѣйшая раба гр. Ел. Чернышева.

Октября «1» дня, 1755 года (*).

(*) Графиня Елисавета Осиповна Чернышева—урожденная Ефимовская—была родственницей государыни.—Умерла она 7-го октября 1755 года; мужъ ея—графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ—скончался генералъ-фельдмаршаломъ по флоту въ 1797 году.

XXVIII. Чоглокова Марья.

69.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшимъ вашего императорскаго величества матернимъ призрѣніемъ послѣ родителей моихъ оставшуюся меня въ малолѣтствѣ и сиротствѣ соизволили милосердо при дворѣ своемъ воспитать, и до нынѣшняго моего степени, не по достоинству моему возвести и наградить, за что до конца жизни моей о многолѣтнемъ дражайшемъ здравіи вашего императорскаго величества Бога молить не престану. Сколь нынѣшнее мое печальное и бѣдное состояніе съ семью малолѣтными дѣтьми велико есть, о томъ подробно описать, и тѣмъ утрудить в. и. в. не дерзаю; токмо, всемилостивѣйшая государыня! принуждена крайне бѣдныя мои обстоятельства великодушному и милосердому покрову вашего императорскаго величества всенижайше предъявить; изъ оныхъ ясно усмотрится, какіе долги я послѣ мужа моего имѣю, и по скольку въ годъ доходовъ получаю; изъ которыхъ должна домъ содержать, дѣтей моихъ обучать и долги платить. Того ради, всеподданнѣйше со слезами ваше императорское величество прошу сотворить со мною и съ бѣдными дѣтьми моими высокую милость и великодушно пожаловать нѣкоторую сумму денегъ для росплаты должникамъ моимъ сколько вашему величеству благоугодно будетъ, а для будущаго пропитанія дѣтей моихъ и моего собственнаго содержанія наградить изъ приложеннаго реэстра деревнями, какими в. и. величеству угодно будетъ меня пожаловать, дабы я, получа сію великую милость, какъ долги расплатить, и себя безъ нужды содержать, такъ и дѣтей моихъ прилично воспитать могла. За которую высочайшую милость всемогущій Богъ, по желанію в. и. в-ва, исполнить благоволитъ. В. и. в-ва всеподданнѣйшая раба Марья Чоглокова.

XXIX. ШУВАЛОВЪ ГРАФЪ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. (1753—1761.)

70. (букв.)

Всепресветлеішая Самодержица,
Государыня Всемилостивеішая.

При дворе вашего императорскаго величества состоитъ благополучно, чтожъ касается до московскихъ баталіоновъ гвардіи и протчихъ камандъ, о томъ вашему императорскому величеству за неизвестиемъ донесть не в состояніи, ибо репортовъ ни откудова не получаю, а требовать ихъ безъ высочаішаго вашего императорского величества повеленія не отважусь, і ежели, чего Боже сохрани, какоі припадокъ в командахъ или в москве произоідетъ, я ево отвратить буду не в состояніи; не соизволитесли, ваше императорское величество, повелеть отъ всехъ командъ о состояніи ихъ меня вседневно репортавать и быть послушнымъ, какъ то і в петербурхе; а паче придаю мудрому и проницательному вашего императорского величества разсмотренію, всемилостивеішая государыня, повергая себя къ высокомонаршимъ стопамъ вашего императорского величества.

Всеподданнеішіи рабъ,
графъ Петръ Шуваловъ.

Москва. 1753 году, 7 іюня.

71. (букв.)

Всепресветлеішая Самодержица,
Государыня всемилостивеішая.

По всевысочаішему вашего императорского величества повеленію, за отсутствиемъ его высочества, ибо изволилъ после кушанья ездить въ мібрицу смотреть строенія и обратно забавлятся псовою охотою, я былъ сперва у ее высочества, докладывалъ о здоровье. Она нижаішее благодарение приноситъ за милость и напамятованіе вашего императорского величества и очень ниско поклонилась, притомъ приказала донесть, что очень слаба и третеі день, какъ с постели вставать начела, токмо ис комнаты выттить не в состояніи; спросила о здоровье вашего императорского величества; я донесъ, что, Богу благодарение, в совершенномъ здоровье находится изво-

литъ; вторично благодарила за милость вашего императорского величества и просила нижайшеi се поклонъ донести. Ево высочество возвратился въ девятомъ часу, тогда повеленное донесъ, нижайшую благодарность свою за высочайшую милость вашего императорскаго величества не токмо упомянутыми словами, но и превеликими поклонами подтвердилъ и спросилъ о здоровье вашего императорского величества; я донесъ, что свыше; потомъ повторилъ мне благодарить ваше императорское величество за великую милость; я по совести моеi, не могу оставить не донесть вашему императорскому величеству, что в обоихъ ихъ высочествахъ кроме краiнего удовольствия i великоi радости приметить не нашлось; его высочество въ полномъ здоровье своемъ, а ее высочество весма худа и слаба. Катерина Барисовна вашего императорскаго величества милость сеi денъ исполнитъ. Всемилостивеiшая государыня! повергаю меня къ высокомонаршимъ стопамъ вашего императорского величества, всеподданнѣйшиi рабъ, графъ П. Шуваловъ.

Москва. 1753 г. 8-го іюля.

72.

Пресвѣтлѣйшая самодержица,
Государыня всемилостивѣйшая.

Счастіемъ вашего императорскаго величества, моей всемилостивѣйшей самодержицы и государыни, счастливъ былъ изобрѣсти въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ такъ великую сумму, что не токмо наполнитъ недостатки, но сверхъ того великій капиталъ доставитъ, которымъ въ нынѣшнюю войну издержки наградятся. А притомъ сохранитъ народъ отъ накладокъ, государство отъ всякаго вновь платежа, и въ состояніе приведетъ казну продолжать войну превосходящими силами, и преимуществовать воюющихъ неистощимымъ богатствомъ; а тѣмъ покажетъ всему свѣту могущество державы вашего императорскаго величества. Способы представленные такъ вѣрны, что неоспоримыми доказательствами утверждаются, какъ то изъ поданнаго сочиненія моего явно, по которому слѣдующія полезности быть имѣютъ:

Первая. Въ казну вступитъ 51,000,000 рублевъ, сверхъ того что уже по моимъ изобрѣтеніямъ въ казну болѣе 30,000,000 руб-

лей вступило, да и сверхъ того, что по симъ прежнимъ изобрѣтеніямъ ежегодно не менѣе 3,000,000 рублей вступать станетъ.

Вторая. Мѣдная монета истребится, а вмѣсто того все серебряная будетъ во обращеніи.

Третья. Обитатели въ державѣ вашего императорскаго величества получатъ способъ умножить продукты и увеличить коммерцію, чрезъ что публика и народъ достатокъ свой увеличатъ, а казна отъ умноженія пошлинъ приращеніе на продолженіе получитъ.

Четвертая. Во вредъ интересу низкій курсъ во власть казенную вступитъ, такъ что въ собственный прибытокъ обратится.

Пятая. Какъ нынѣ по расчету не болѣе считать можно 30,000,000 рублей крупной серебряной монеты во всемъ государствѣ, хотя ея до нынѣ до 60,000,000 сдѣлано, но по окончаніи поданнаго мною сочиненія обращаться будетъ въ государствѣ серебряной монеты до 95,000,000.

Шестая. Народъ и государство никакому вновь побору и накладкамъ не подверженъ будетъ, а напротивъ того два года въ платежѣ подушныхъ будетъ такъ облегченъ, что вмѣсто 70-ти коп. по 50-ти платить станетъ.

Всемилостивѣйшая государыня! въ славу вашего императорскаго величества, а пользу государства и народа, я сіе новое изобрѣтеніе и себя повергаю въ покровительство и милосердіе вашего императорскаго величества; счастіе мое не можетъ больше увеличено быть, какъ когда благоволенія и апробаціи вашего императорскаго величества удостоится, а я подданнѣйшій сподоблюсь достойнымъ быть вашего императорскаго величества монаршей милости.

Всемилостивѣйшая государыня,
вашего императорскаго величества,
всеподданнѣйшій рабъ
графъ Петръ Шуваловъ.

1760 года, іюня 23 дня.

73.

Всемилостивѣйшая государыня!

Ваше императорское величество единственная виновница моему

благополучію. Вашему императорскому величеству, пресвѣтлѣйшей моей самодержицѣ и государынѣ, единственно я и долженъ моею рабскою безпредѣльною благодарностію.

Мое попеченіе о томъ приложено, чтобъ привесть доходъ мой въ такое состояніе, дабы не принудили мои недостатки о вспоможеніи ваше императорское величество утруждать, потомковъ оставить съ достаткомъ, а кровнымъ учинить вспоможеніе, такъ чтобъ и въ будущее время хвалится могли, прославляя милосердіе вашего императорскаго величества къ нашей фамиліи простирающееся, предпріялъ разныя дѣла, а именно первое дѣло желѣза, второе откупъ табаку и отпускъ онаго за море и границы, третье откупъ винной продажи, о томъ при семъ экстрактъ всеподданнѣйше подношу.

Сіи дѣла требовали и требуютъ для своего производства великаго капитала; по недостатку моему долженъ былъ сдѣлать великіе долги, которые однакожъ, когда въ спокойномъ производствѣ упомянутыя дѣла останутся, чрезъ нѣсколько лѣтъ заплачены будутъ; а напротивъ того, буде одно или другое изъ оныхъ дѣлъ, по какимъ либо обстоятельствамъ, помѣшано будетъ, то и прочія за тѣмъ рѣшатся, такъ что съ крайнимъ разореніемъ и въ бѣдности съ сыномъ останусь въ поношеніе фамиліи, а кровныя безъ вспоможенія будутъ.

Всемилостивѣйшая государыня! вся фамилія наша взыскана, награждена и пожалована вашимъ императорскимъ величествомъ. Во упованіе той же монаршей милости, которою всемилостивѣйше взыскать изволили и продолжаете, всеподданнѣйше прошу:

1-е. Желѣзные заводы, состоящіе за мною, со всѣми къ нимъ, по даннымъ указамъ, принадлежностями, всемилостивѣйше конфирмовать быть за мною и наслѣдниками моими, а приписныхъ крестьянъ, по числу доменъ и молотовъ, то число какое къ онымъ, по силѣ о томъ указа, приписано, утвердить къ тѣмъ заводамъ неотъемлемо, дабы, по разсмотрѣнію моему, оныхъ по способности къ заводамъ переселять; деньги, слѣдуемыя въ казну вашего императорскаго величества за Гороблагодатскіе и къ нимъ принадлежащіе заводы, 186,000 рублей, чтобъ я заплатилъ на томъ основаніи, какъ съ расположеніемъ пошлинъ о томъ опредѣленіе Сенатомъ сдѣлано и въ тотъ срокъ, какъ имъ предписано.

2-е. Табачный откупъ и отпускъ онаго за море и за границу и винные откупы всемилостивѣйше конфирмовать, дабы за мною и наслѣдниками моими остались, по силѣ сенатской резолюціи, до урочныхъ лѣтъ, табачный до 777-го, а винные тобольской губерніи до 767, астраханской до 766 годовъ.

Всемилостив. Государыня! продолжающаяся милость къ фамиліи нашей и щедрота безпримѣрная вашего императорскаго величества меня подкрѣпили отважиться сію подданническую рабскую просьбу и себя повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества. Сія монаршая милость приведетъ меня въ состояніе долгъ заплатить, потомковъ моихъ счастливыми сдѣлать, а кровнымъ должное вспоможеніе учинитъ къ вѣчной благодарности вашему императорскому величеству; а чрезъ сіе же самое мнѣ оказанное милосердіе, чрезъ то, что оныя дѣла безъ помѣшательства въ точеніи находится будутъ, отъ тѣхъ поръ, какъ казенный долгъ за заводы и матеріалы, 186,000 рублей, въ назначенный терминъ Сенатомъ заплачу, по причинѣ размноженія желѣзныхъ заводовъ, въ казну вашего императорского величества вступать будутъ въ пошлинахъ предъ тѣмъ, какъ мнѣ отданы, знатный прибытокъ.

Всеподданнѣйшій рабъ

гр. Петръ Шуваловъ.

29 декабря 1760 года.

ЭКСТРАКТЪ.

(1) Въ 1742 г. когда у барона Шемберха желѣзные заводы, состоящіе за нимъ въ вѣчномъ и потомственномъ владѣніи, на ваше императорское величество отписать повелѣли, и тогдажъ указали желѣзные заводы отдать охочимъ надежнымъ людямъ изъ казны, въ партикулярное содержаніе, съ тѣмъ, дабы въ лучшее состояніе приведены были.

(2) Въ 754 г. въ силѣ вышеупомянутой вашего императорскаго величества резолюціи, данной 742 года, желѣзные, бывшіе за Шемберхомъ, заводы, по челобитью моему, отданы мнѣ отъ Сената, со всѣми принадлежностями, и со крестьяны, съ платежемъ за оные, и бывшіе на нихъ матеріалы толикаго числа денегъ, во что они въ казнѣ стали, за которые я долженъ еще остался 186,000 рублей.

Я стараясь железные заводы размножить, употребилъ великіе капиталы, чрезъ что они въ такое состояніе приведены и приведены будутъ, что несравненно превосходятъ предъ тѣмъ, какъ въ казенномъ содержаніи были, и доставятъ въ казну вашего императорскаго величества, платежемъ въ пошлинахъ ежегодно такую сумму, которая превосходить будетъ ту прибыль, какову при отдачѣ мнѣ отъ заводовъ казна получала, и я своевольно обязался въ 5 лѣтъ умножить того желѣза противъ казеннаго вдвое, которое самымъ дѣйствомъ исполняя, предпринялъ для прибытка государственнаго, отъ платежа пошлинъ, и противъ удвоеннаго числа еще удвоить; но какъ сего учинить инако было невозможно, кромѣ того что завесть въ отдаленіи отъ оныхъ молотовыя фабрики, то я билъ челомъ въ Сенатъ и въ Бергъ-коллегію, объ отведеніи подъ тѣ заводы мѣстъ, приспискѣ крестьянъ и прочаго, къ нимъ принадлежащаго, объ отсрочкѣ въ платежѣ казенныхъ денегъ, и о учрежденіи въ платежѣ пошлинъ, по которымъ челобитнымъ и резолюціи послѣдовали; почему съ употребленіемъ великаго капитала, новые желѣзные заводы, близь Камы, частію построены, а частію въ совершенство приходятъ, и какъ къ вышеписаннымъ, такъ и къ онымъ приписаны крестьяне, числомъ столько, сколько узаконено, по числу домецъ и молотовъ, безъ излишества.

Табачный торгъ, будучи въ казенномъ содержаніи отъ 726 по 745 годы, по сложности на всякій годъ въ казну приносилъ прибыли предъ тѣмъ, какъ окладъ былъ положенъ, съ великимъ уменьшеніемъ, въ 746 году отдалъ на откупъ, за окладную сумму 42000 рублей на 6 лѣтъ, а сверхъ того казна пошлину еще получать стала.

По окончаніи сего откупа отдалъ табакъ, по имянному вашего императорскаго величества повелѣнію, Горбышеву на 6 лѣтъ, какъ продажу внутри, такъ и отпускъ за море и за границу производить ему одному, съ платежомъ въ казну по 70000 рублей, а сверхъ того пошлины въ казну вступали.

Въ 757 году билъ челомъ въ Сенатѣ англійскій купецъ, чтобъ ему отдать, отдѣля отъ внутренней продажи, заморскій и заграничный отпускъ въ разсужденіи того, что Горбышевъ, кромѣ внутренней продажи, онаго не производитъ; и когда въ Сенатѣ резолюція полагалась на 20 лѣтъ тотъ торгъ ему англичанину отдать, то я

просилъ въ Сенатѣ, чтобъ на томъ основаніи, и съ тѣми кондиціями, какъ просилъ англичанинъ, мнѣ было отдано, почему отдача мнѣ и воспослѣдовала съ тою предосторожностію, что буде по окончаніи срока содержанія Горбылева внутренней продажи, которой еще оставалось 1½ года, за отдѣленіемъ заморскаго и заграничнаго отпуска, за внутреннюю продажу, даваемую имъ Горбылевымъ, сумму 70000 рублей никто давать не станетъ, а и Горбылевъ отъ содержанія того отречется, въ такомъ случаѣ, чтобъ я обязался принять и внутреннюю продажу, платя въ казну и съ пошлинами 75000 рублей.

А какъ по окончаніи содержанія охотниковъ къ торгу неявилось, а Горбылевъ отъ содержанія отрекся, то и внутренній откупъ, по причинѣ вышеупомянутаго моего обязательства, въ содержаніе ко мнѣ вступилъ на столько лѣтъ, какъ откупъ за море и за границу отдано.

(3) Откупъ продажи вина въ Астрахани и въ Тобольскѣ, по обыкновенному торгу, въ Камеръ-коллегіи, и заключеннымъ, какъ въ оной, такъ и въ сибирскомъ приказѣ, контрактомъ съ тѣми мѣстами, кои къ нимъ назначены, состоитъ за мною, Астраханскій по 1766, а Тобольскій по 1767 годы, съ платежемъ въ казну извѣстной суммы.

Графъ Петръ Шуваловъ.

XXX. ШУВАЛОВЪ ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ. (1754 г.)

74.

Всепресвѣтлѣйшая Самодержица

Государыня всемилостивѣйшая! Всеподданнѣйше в. и. величеству доношу:

ихъ императорскія высочества, благодатію Божіею, находятся въ добромъ здравіи; вчерась послѣ полудни изволили проѣзжатся въ Перово. При домѣ вашего императорскаго величества все состоитъ благополучно, и сегодня караулъ смѣненъ измайловскій преображенскимъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ,

графъ Александръ Шуваловъ.

Апрѣля 19 дня 1754 года.

75.

Всепресвѣтлѣйшая Самодержица, Государыня всемилостивѣйшая! Отъ полковъ гвардіи маіоры требовали отъ меня: дозволено-ль будетъ его императорскому высочеству оберъ-офицерамъ, которые перемѣнены чинами, благодарить? я не имѣя вашего императорскаго величества соизволенія того приказать не смѣю, на что ожидаю указа.

Вашего императорскаго величества
всеподданнѣйшій рабъ,
Графъ Александръ Шуваловъ.

11 іюня, 1754 года.

76.

Всепресвѣтлѣйшая Самодержица, Государыня всемилостивѣйшая.

Милость вашего императорскаго величества о заплатѣ 70,000 долгу, который на Голштиндіи я его императорскому высочеству донесъ, съ тѣмъ что вашего величества соизволеніе есть, чтобъ экономію въ Голштиндіи лучше содержать и собираемыми деньгами долги уплачивать, излишнихъ же людей, въ штатѣ находящихся въ Голштиндіи, умалить и полки распустить, а ваше императорское величество на мѣсто оныхъ полковъ въ толикомъ же числѣ людей отсюда со всѣмъ содержаніемъ здѣшнимъ пожаловать изволите, и что оные въ повелѣніи его высочества состоятъ будутъ и во всѣхъ голштинскихъ полкахъ не болѣе 1,000 человѣкъ состоитъ,—его императорское высочество милость вашего императорскаго величества съ великимъ обрадованіемъ принялъ и будучи оною доволенъ, нижайше проситъ, когда назначена будетъ для отправленія отсюда команда, то бы по числу оныхъ третья часть оберъ-офицерскихъ ваканцій оставить и помѣстить изъ тѣхъ полковъ, которые въ Голштиндіи.

Вашего императорскаго величества,
всеподданнѣйшій рабъ
графъ Александръ Шуваловъ.

Іюля «1» дня, 1754 года.

XXXI. ШУВАЛОВА ГРАФИНЯ МАВРА ЕГОРОВНА.

77.

Матушка Государыня! Для вашего імператорскаго величества Сумской гаспадинъ Захаревскиі 6 малчиковъ з голосами, которыхъ при семъ писме к Вашему Величеству посилаію, которые лутчи высланы і регестръ імъ при семъ посилаію, а я матушка сеі часъ еду, ясновельможноі гетманъ определилъ ко мне однаго судію Гадицкаго полку Івана Редзепко, которому приказалъ принять меня в Охтырки и проводить до Киева і от Киева до Севскаго. Остаюсь вашего імператорскаго величества раба последная

Г. Мавра Шувалова.

Маія «1» і дня. З Охтырки.

Все (хъ) детеі с охотаю к вашему величеству отдаію, знавъ милосердиіе ваше.

78.

Всемилостивеішаія Государыня

Імператрица матушка моія!

Данашу вашему величеству, что я вашими светыми малитвами севодні приехала в Лубны, і с сыномъ, благополучно. Ивидила светые мощи патриярха афанасія, которые мощи позаде праваго криласу в гробницы седящи, і все целы. А я матушка, по милости вашего величества, встала по просбѣ полковника Лубенскаго Петра апостола в єво доме і теперь приехавъ стала; покоінаго Ѳедора Івановича Каченевскаго Кирила Іванычъ сказывалъ, что сынъ болшоіі Ѳедора Іваныча воспою умеръ в Глухове; і полковникъ Галецкоі і сженою са мною до Лубенъ ѣхалъ, жалевши на моі в горесті случаі, і в дороге ему вчерась кровь із ноги пускали, что горломъ у него пошла, і я просила, чтобъ покоі взялъ остался; однако онъ со мною до Лубенъ доехалъ. Городъ Лубні ни то ни се—горы великіе; могу сказать, по милости Вашего Величества, велкую любовь вижу отъ маларосиянцовъ і от жонъ ихъ, что должна чувствовать вечно; жары превелкіе, пески частые, масты ускіе, і отсюда повезутъ меня

темъ трахтомъ, которымъ гетманъ ездилъ для мостовъ. Остаюсь вашему іmператорскому величеству

раба Г. Мавра Шувалова.

Маія 3 дня, Лубны.

Всѣ 78 приведенныхъ нами писемъ писаны на большихъ листахъ толстой, бѣлой бумаги. Большая часть документовъ писаны просителями и просительницами собственноручно.

М. С.

ПЯТЬ ПРЕДИСЛОВІЙ, НЕ ВОШЕДШИХЪ ВЪ ОПИСАНІЕ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ РЕМЕЗОВА», СОСТАВЛЕННОЕ А. Х. ВОСТОКОВЫМЪ (*).

I.

Чертежъ града Тоболска и пр. (№ 5).

Роспись Тобольскаго сына боярскаго Семена Ремезова, въ колко кратъ поимовъ въ лѣтѣхъ, по указнымъ грамотамъ великихъ государей, писанъ градъ Тоболскъ, подобне сему чертежу посадъ съ улицами, въ примѣръ. Писана сія роспись городу Тобольску и острогу посаду и Софѣйскому двору, Знаменскому и Дѣвичю монастырю и татарскимъ юртамъ и около близкимъ мѣстомъ измѣряно подробну и подписано съ цыфирнымъ числомъ имянно.

Первое написася во 192-мъ году ноября въ 28 число, писана смѣта острогамъ и слободамъ драгуномъ и бѣломѣснымъ казакомъ и крестьяномъ и ихъ дѣтямъ, братьѣ и племянникомъ и колко ружья и ходъ верстамъ. Второе тогожъ году февраля въ 8 число по всѣмъ рѣкамъ Тоболскаго уѣзду смѣчено было въ 32 острогахъ, а въ нихъ всякихъ чиновъ 10568 человѣкъ; ружья, 1362 мушкета, 60 винтовокъ, 302 лука, 130 копей, 200 сабель. Третіе во 193 году декабря въ 13 число мѣра всему городу и смѣта въ городѣ сколко числомъ дворовъ и во дворехъ сколко всякихъ чиновъ людей. Четвертое во 194 году іюля въ 5 число, городъ писанъ ради посольскаго двора; нынѣ на томъ мѣстѣ кузницы. Пятое во 195 году іюля въ 18 число въ городѣ и отъ города на всѣ стороны дороги. Шестое во 197 году (пробѣлъ) въ (пробѣлъ) городъ писанъ для городоваго валу—построенъ городъ земляной валъ. Седмое въ 203 году декабря въ 8 число мѣра и разстояніе града и что со 192 году по 203 годъ вновь построено слободъ и въ коихъ мѣстѣхъ описано, а иные

(*) См. «Описанія рукоп. Румянцовск. Музеума», СПБ. 1842 г. стр. 483—487. Подлинныя карты Ремезова (1701 г.) находятся въ настоящее время въ Московской Публичной библіотекѣ; но очень хорошіе списки съ нихъ хранятся въ библіотекахъ Императорской Академіи наукъ и въ Археографической Коммиссіи.

слободы сведены люди изъ двухъ въ одну слободу на житье. Восмое въ 204 году декабря въ 18 число мѣра всему городу, а писана мѣрою во 193 году декабря въ 13 число. Девятое, написанъ сей чертежъ по указу великаго государя и по приказу на Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніоса въ нынѣшнемъ 1701 году генваря въ 1 день со всякимъ городовымъ строеньемъ.

Градъ Тоболескъ стоитъ высотою на горѣ 100 саж. надъ Иртышемъ вверхъ рѣкою, на лѣвомъ берегу, прямо устья Тобола рѣки, по письму Малаго города длиною 88 саж. съ полусаженью, поперегъ отъ Спаскихъ воротъ отъ правой ободверины до тогожъ мѣста 159 саж. съ полусаженью; Софейскаго берега длины 88 сажень, поперегъ 73 сажени, а вкругъ отъ Соборнаго угла до тогожъ 300 саж. съ четью; Большой на городѣ посадъ по яру отъ города Наугольной башни до землянаго валу 478 саж. аршинъ 4 вершка; середи города длины отъ Спаской до Воскресенской башни 113 саж. аршинъ 13 вершковъ; поперешникъ среди города съ яру по Зубчаниновой улицѣ и по Казачьѣ до Казачьихъ воротъ 320 саж.; всего вокругъ Большаго города и съ Малымъ отъ Наугольной башни двѣ версты 174 саж. 1 аршинъ 14 вершковъ съ полвер. Нижной посадъ длины имѣетъ отъ Ермакова креста до Княжухи рѣчки 708 саж., поперегъ отъ тогоже креста подлѣ бугра и Софейскою землею до рѣчки Рырковки верста 143 сажени, а другой поперешникъ посаду по верхнему концу отъ усть Княжухи рѣчки до Тыркова болота 500 саж.; всего вкругъ Нижнаго Посаду отъ креста Ермакова до тогожъ 143 саж. Знаменскаго монастыря длины и поперегъ 93 саж. А вкругъ близкимъ мѣстомъ на востокѣ до деревни сынобоярскаго Андрея Тарыштина; на западъ до деревни сынобоярскаго Терентья Лутовинина, на полдень до медянскихъ юртъ, на сѣверъ до монастырской мелницы и вкругъ всего по три версты не со многимъ лишкомъ. А далѣ того облегли великіе и непроходные болота и великіе рѣки—крѣпости отъ воровскихъ воинскихъ людей неприступны, развѣ черезъ караулъ Абдишской острогъ сухой путь до Имескихъ къ Ишиму болотѣ.

II.

Чертежъ земли Тоболскаго города (№ 4).

По указной грамотѣ великого государя, въ 204 году апреля въ 17 день, велѣно въ Тобольску написать самымъ добрымъ мастерствомъ, на холстинѣ, чертежъ трехъ аршинъ, двухъ поперегъ; и на томъ чертежѣ описать подробну и подписать имянно: городу Тоболску со всякимъ городовымъ строеніемъ слободамъ, и острогамъ, и Тоболскаго уѣзду ясашнымъ волостямъ и рускимъ седамъ и деревнямъ, рѣкамъ и озерамъ, и немирныхъ иныхъ владѣлцовъ землямъ и коль далеко отъ города Тоболска и Тоболскаго уѣзду ясашные волости, села и деревни и непріятелные немирные и иныхъ владѣльцовъ земли, и до нихъ что сухимъ путемъ верстъ или дней ходу, такожде и водянымъ путемъ разстояніе пути описать.

И по вышеписанному указу, въ 205 году октября въ 28 число посланъ изъ Тоболска сынъ боярской Семенъ Ремезовъ въ Тоболскомъ уѣздѣ остроги и слободы, волости и урочища по наказу и по послушной памяти допрашивати и описати.

И въ посылкѣ Семенъ многихъ людей рускихъ и иноземцовъ, старожиловъ, бывальцовъ, вѣдомцовъ про урочища допрашивалъ и остроги и волости описалъ.

И вышеписанный чертежъ по доѣзду въ 207 году сентября въ 1 день въ указное число церкилнымъ размѣромъ въ линіяхъ и въ гранехъ разстояніе пути по компасу подъ Тоболскимъ городомъ клѣточка, и въ прочихъ длины по сту верстъ, поперегъ вверхъ къ компасу по 50 верстъ. Грани Тоболскаго розряду вкругъ облежащихъ жительствъ внутренніе Сибири написалъ граду Тоболску по прежней мѣрѣ со всякимъ городовымъ строеньемъ близкимъ и далнымъ мѣстамъ и окреснымъ Сибирскимъ городамъ, и великимъ, малымъ и среднимъ рѣкамъ и озерамъ, и на нихъ поселенныхъ Тоболскаго уѣзду вкругъ острогамъ и слободамъ, погостамъ рускимъ селамъ, и съ паселники, и иноземцовъ ясашные волости, и многіе земли владѣлцовъ, и немирныхъ различныхъ языкъ кочевья, и грани сосѣдъ, и древнихъ Чюдскихъ и Кучюмовскихъ жилья мольбища и городища, крѣпости и курганы, боры и дикіе лѣсы, болота,

смѣтники и суземья, и гдѣ о коихъ мѣстѣхъ каковъ звѣрь и птицы родятся и водятся.

И разстояніе пути отъ Тоболска города по смѣтѣ и по мѣрѣ верстъ, и днями пѣшего ходу сухимъ путемъ и конми и водянымъ путемъ, легкими стругп, и въ мотчаніи среднимъ и тежелымъ ходомъ описалъ подробну въ свидѣніи многихъ писцовъ, памятливыхъ старожиловъ, бывалцовъ въ непроходимыхъ мѣстѣхъ и каменѣхъ безводныхъ, на степѣхъ и на морѣхъ, по различнымъ землямъ подлежащихъ жительствъ языковъ. И по таковыхъ многихъ достовѣрныхъ свидѣтельствахъ таковъ вышеписанной по указу чертежь отъ Семена Ремезова съ дѣтми, по грамотѣ великаго государя, написанъ и посланъ изъ Тоболска къ Москвѣ въ Сибирской Приказъ въ 206 году сентября въ 18 день, и на Москвѣ свидѣтельствованъ и по описке явился похваленъ, паче иныхъ протчихъ въ полности мастерства чертежей. И въ Тоболескъ объ томъ прислана грамота въ 206 году декабря въ 15 день. И сей на бумагѣ чертежь имъ же Семеномъ съ дѣтми написанъ въ Тобольску, по приказу, на Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ, противъ прежняго на примѣръ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1701 году генваря въ 1 день.

III.

Чертежъ земли всей безводной и пр. (№ 22).

Надписаніе степи.

По указной грамотѣ великаго государя, велѣно въ Тоболску Тоболскому сынобоярскому Семену Ремезову въ 204-мъ году апрѣля въ 17 день, написать степи отъ Тоболска до Казачьи орды, и до Бухарей Болшей, и до Хивы, и до Ецка, и до Астрахани, куды ближе, и сколь далеко днями въ ходъ пути сухимъ и водянымъ, лѣтомъ и зимою, и рѣки числомъ и величиною, и кормъ людемъ и скоту безскуденъ бы, и переправы преходны бъ, и каменные горы проходныбъ, и урочища вѣдомыбъ, и всему учинить наличный чертежь трехъ аршинъ длины, поперегъ двухъ, и на чертежѣ подписать имянно.

И по вышеписанному указу великаго государя, Семенъ Ремезовъ подобие сему написалъ на бѣлой бязи наличной чертежь съ 204 году апрѣля съ 17 числа по 205 годъ марта по 5-е число Тобольскаго города и иныхъ городовъ всякихъ чиновъ людей старожиловъ, вѣ-

домцовъ, бывалцовъ, выхотцовъ и полоняниковъ руских и иноземцовъ, Бухаръ и Татаръ и Калмыковъ и новокрещеныхъ, отъ Тоболска про дороги, по указу, допрашивалъ, вывѣдывая и описывая немирныхъ владѣлцовъ земли и всякіе урочища, рѣки, рѣчки и озера, и каменные горы, и пески, и межъ ими разстояніе пути ходу коньми и водою чрезъ Адбашской острогъ отъ Тоболска по Вагаю рѣкѣ и волокомъ чрезъ Имезскіе болота, и по Ишиму, и чрезъ Ишимъ до верхнихъ бродовъ, по обоимъ сторонамъ рѣкъ Вагаю и Ишиму, и вверхъ по Тоболу слободами, и башкирскою дорогою по вершинамъ рѣкъ Алабуги Караталовъ и Торгаевъ чрезъ камень, каменемъ и степью до Казачьи орды на Сыртъ рѣку до города Тевтиханова Туркустана, ординскихъ жилищь пристойной путь входъ съ ратными людми скорымъ и въ мотчаніи, среднимъ и тежелымъ ходомъ, зимнымъ и лѣтнымъ, днищами, и по смѣтѣ верстами, коими и обозомъ, кормными мѣстами людемъ и скоту по рѣкамъ и урочищамъ, сухимъ путемъ каменнымъ, а не водянымъ, и до котораго урочища сколко ходу.

Къ тому же славный Алтай камень, имущему верхъ досязати выше облакъ, и путь имущему косогоры восхожденія вверхъ недѣлю, такожъ и нисхожденіе недѣлю, безводно искони Богомъ созданъ въ основаніи главою всѣхъ великихъ рѣкъ: Иртыша, Оби, Енисею, Селенги, Китайской Корги, Индейской Ганга и калмыцкихъ въ наличіи многихъ рѣкъ, и путь до Китаи, и всю степь съ городами и съ кочевьи немирныхъ жителей, иже прежде мало вѣдомыхъ написано въ свидѣтелствѣ подлинно и подписано именно.

IV.

Чертежъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ и проч. (№ 23).

Въ 206 году сентября въ 20 день, по указу великаго государя и по приказу на Москвѣ въ Сибирскомъ Приказѣ думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніюса, велѣно Тобольскому сынобоярскому Семену Ремезову написать, на Москвѣ бывше, всей Сибири два чертежа на бѣлой китайкѣ, другой на лощеной бязи, выбрать съ привезенныхъ къ Москвѣ со всѣхъ Сибирскихъ городовыхъ чертежей, писанныхъ по парчамъ на одномъ полотнѣ, вмѣстить всѣ Сибирскіе городы, остроги, и слободы, и погосты, селы и деревни, и ясашные

волости, и немирныхъ владѣлцовъ земли и орды, рѣки болшіе и средніе, озера, горы и лѣсы и всякіе урочища прозпатные, въ нихъ же въ вѣдомость разстояніе пути сухимъ ходомъ, такожъ и водяпымъ скорымъ и среднимъ и въ мотчаніи тяжелымъ, что ѣзду днями и верстами; и убравши вмѣстить на шести аршинахъ длины, на четырехъ поперешнику, по компасу церкилнаго розмѣру равнаго пути всѣхъ Сибирскихъ городовъ и остроговъ написалъ подлинно и подписалъ имяппо. И по вышеписанному приказу, вышеписанные чертежи Семенъ Ремезовъ, бывши на Москвѣ съ сыномъ Сенькою, спявши преводы съ парчей со всѣхъ городовыхъ чертежей 18 привезеныхъ къ Москвѣ, и на вышеписанныхъ полотнищахъ всѣ вышеписанные Сибирскіе городовые чертежи въ мѣру, убравши по компасу церкилнымъ розмѣромъ по приказу, всѣ вышеписанные урочища и ходъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ и до Москвы путь вмѣстилъ подобне сему образцу бумажному чертежу. И написавше наготово ноября 8 число 207 году подалъ въ Сибирскомъ Приказѣ думному дьяку Андрею Андреевичу Виніюсу, и за работу милостію великаго государя пожалованъ выходомъ и пять рублевъ денегъ.

Роспись верстамъ ходу отъ Тобольска города во всѣ стороны; писана по мѣрѣ и по смѣтѣ Тобольскаго уѣзду и всѣхъ Сибирскихъ городовъ.

Отъ Тобольска вверхъ по Тоболу сухимъ путемъ до Долгаго Яру 30 вер., а отъ Долгаго до Липоваго 30 вер., а отъ Липоваго до Березоваго 30 вер., а отъ Березоваго до усть Туры рѣки 23 версты, отъ устья Турою до митрополской слободы Покровской 7 верстъ, отъ Покровской до Тюмени Тюменскимъ уѣздомъ 60 вер., отъ Тюмени вверхъ по Турѣ Тюменскимъ уѣздомъ сухимъ путемъ до митропольской усть Ницынской 50 вер., отъ Тобольска 237 верстъ, отъ той до Ницынской 7 верстъ, отъ Ницынской съ усть Туры рѣки до Туринской слободы 7 верстъ, отъ Тобольска до Туринской 237 верстъ.

Слободы по Ницѣ: отъ усть Ницынской до Красной 7 вер., отъ Красной до Елани 23 вер., отъ Елани до Чюбаровой 7 вер., отъ Чюбаровской до Киргинской 7 вер., отъ Киргинской мимо слободъ Верхотурскаго уѣзду Ирбити до Ощепковы Ницынской, вверхъ по Ницѣ, до Рудной слободы 34 вер., отъ Рудной мимо Верхотурскаго уѣзду Невьянской слободы до Тобольской Мурзин-

ской слободы 25 вер.; а Мурзинская слобода поселена на Нейвѣ рѣки, и всего отъ Тобольска до Мурзинской слободы 393 версты.

Слободы по Тоболу: отъ устья Туры вверхъ по Тоболу: сухимъ путемъ до Евлуторовской слободы 60 вер., а отъ Тобольска 180 вер., а отъ Тюмени до нея жъ 60 вер.; отъ Евлуторовской до устья Исети рѣки 3 вер., а Исеть пала въ Тоболъ, а вверхъ по Исетѣ слободы отъ Евлуторовской до Бешкильской 5 вер., отъ Бекшильскаго до Устюжскаго монастыря Архангельскаго 7 верстъ, отъ Бешкильской до Ангалинской 6 вер., а отъ Ангалинской до Красногорской 5 вер., а отъ Красногорской до Исетскаго 7 вер., а отъ Исетскаго до Терьсюцкаго 23 вер., а отъ Исетскаго до Рафаиловой 5 вер., отъ Рафаилова до Коцкаго монастыря 17 вер., отъ Коцкаго до Терсюцкаго 7 вер., отъ Терсюцкаго до Мехонской 15 вер., отъ Мехонской до усть Міясу 7 вер., отъ усть Міясу вверхъ по немъ 3 вер. Міяская слобода, отъ Міяской Окуневская 23 вер., отъ Тобольска до сея 270 вер., отъ Евлуторской 90 вер., отъ Окуневской до Новой митрополей 20 вер., отъ Тобольска до Окуневской 293 вер., отъ Тобольска до Новой монастырской слободы 305 вер.

Слободы по Исетѣ: отъ Мехонскіе слободы по Исетѣ вверхъ до Масленки лѣсомъ и еланми 30 вер., отъ Масленки до Барневской 4 вер., отъ Барневской до Шадринской 9 вер., отъ Шадринской до Красномышской 10 вер., отъ Красномышской до Далматова 20 вер., отъ Далматова до Катайскаго 15 вер., отъ Катайскаго до Калчаданскаго дубровой 15 вер., отъ Калчаданскаго до Арамили 70 вер.; а она стоитъ подъ Каменемъ, отъ тоежъ по близку, въ 20 или въ 30 вер., жилья Уфинскихъ за Каменными Башкиры. И всего отъ Тобольска до Арамилскіе слободы 427 верстъ или 447; отъ Катайскаго въ степь, вверхъ по Течѣ, до Бѣлоярской слободы 50 верстъ.

Слободы по Пышмѣ рѣкѣ: отъ Тюмени Тюменскаго уѣзду 70 вер., Тобольская Бѣляковская слобода: отъ Тобольска до нея 250 вер., отъ Бѣляковской до Пышминской 16 вер., отъ Бѣляковской до Буткинской 35 вер., отъ Угетской 30 вер., отъ неяжъ до Куяровской 20 вер., отъ Куяровской по Пышмѣ, мимо слободъ Верхотурскихъ, до Тобольской Калиновской 34 вер., и всего отъ Тобольска до Калиновской 314 вер.; отъ Бѣляковской вверхъ по Бѣляковкѣ въ степь къ Исетѣ отъ устья 35 слободъ.

Слободы вверхъ по Тоболу: до Суерской слободы 30 вер., отъ Суерской до усть Суерской боромъ 8 вер., степью 12 вер., отъ усть Суерской до Бѣлозерской еланьми 25 вер., отъ Бѣлозерской до Бѣлоярской и Яковскіе слободы еланьми 15 вер., отъ Бѣлоярской до Царева Городища 20 вер., отъ усть Камыцкой 40 вер., и всего отъ Тобольска до Царева Городища 278 вер. или 283 версты.

Отъ Тобольска по Тоболу вверхъ до устія Тавды ходу 3 дни, по Тавдѣ до Кошуковъ 7 дней, отъ Кошуковъ до Пелыми города ходу 10 дней. Отъ Кирги до Ирбити 7 вер., отъ Ирбити до Бѣлослуцкой 20 вер., отъ Ирбити до Ощепковы 20 вер., отъ Ощепковы до Невьи 20 вер., отъ Невьянскія до Рудныя 3 вер., отъ Невьи до монастыря 10 вер., отъ монастыря до Арамашевы 35 вер., отъ Арамашевы до Мурзинской 35 верстъ.

Отъ Тоболска городами сухимъ путемъ: до Тары града ѣзду 7 дней, отъ Тары до Барабы 2 недѣли, отъ Барабы до Томскаго 2 недѣли, отъ Томскаго чрезъ Чюлымъ до Краснаго Яру 2 недѣли, съ Краснаго Яру до Енисейска 5 дней, отъ Енисейска до Братска 2 недѣли, отъ Братска до Иркутска недѣля, отъ Иркуцка чрезъ Байкалъ море три дни, до Селенгинска 7 дней, отъ Селенгинска до Иргенска 4 дни, отъ Иргенскаго до Нерчинскаго недѣля, отъ Нерчинскаго до Албазинскаго 4 недѣли, отъ Албазинскаго до Китайскаго царства ихъ людми ѣзду мѣсяцъ, чрезъ степь, старыхъ отъ Тобольска на полдень до Хвалынскаго моря, вверхъ по Тоболу рѣкѣ, мимо слободъ, отъ Тобольскаго розряду до вершины Тоболу и Енку 460 вер., а съ вершины Яика до Хвалынскаго моря ѣзду недѣля.

Изъ Нерчинска до Албазина плыть на низъ наскоро день и ночь, а на гребяхъ 6 сутки, а изъ Албазина до Нерчинскаго идти вверхъ наспѣхъ 3 недѣли, а внизъ по Амуру изъ Албазина до устья Зіи рѣки наскоро плыть 6 дней, а отъ Зіи до Быстрой плыть 4 дни, а отъ Быстрой до Шингальскаго устья плыть 6 дней, а отъ Шингалу до Хамунскаго устья внизъ по Амуру плыть 10 дней, а отъ Хамуна внизъ до моря плыть 10 дней.

195 году іюня въ 16 день, по указной грамотѣ великаго государя, Тобольской сынъ боярскій Любимъ Заяцевъ мѣрялъ государевой печатной сажению планъ въ версту по 1000 саженъ.

Отъ города Тобольска до Шишкиной деревни 5 вер., отъ Шишкиной до Мирямовыхъ юртъ 5 вер., отъ Мирямовыхъ юртъ до по-

госта Долгаго Яру 10 вер., а отъ Долгаго Яру до Липоваго Яру 20 вер., а отъ Липоваго Яру до Артемоновы деревни 19 вер., а отъ Артемоновы до митропольи Покровской слободы до деревни Космаковы 5 вер., а отъ Космаковы до Созоновы 30 вер., отъ Созоновы до города Тюмени 20 верстъ, и всего отъ города Тобольска до Тюмени по мѣрѣ 110 вер. Отъ города Тюмени до деревни Кулаковы 7 вер. 700 саж., отъ Кулаковы до Каменскаго погоста 5 вер. 800 саж., отъ Каменскаго погоста до Устьницынской митропольи слободы (*пробѣлъ*) до Новой Туринской слободы 9 вер., отъ Новой до Туринскаго острогу 30 вер. 800 саж., отъ Туринскаго острогу до деревни Старой Чюкреевы 13 вер., отъ Чюкреевы до Благовѣщенской слободы 8 вер., отъ Благовѣщенской слободы черезъ волокъ до деревни Подволошной Пашка Балакина 35 вер., отъ Балакиной до Онисимовой 9 вер., отъ Онисимовой до Салдинскаго погоста 21 вер., отъ Салдинскаго до города Верхотурья 12 вер. 400 саж.; и всего отъ Туринскаго до Верхотурья 98 вер. 400 саж. Отъ Верхотурья къ Соли-Камской до Ляленскаго погоста 20 вер., отъ Ляленскаго до Вогулской деревни 20 вер., отъ Павдинскаго Камени до Кырьи рѣчки 9 верстъ, отъ Кырьи рѣчки до Ростесу 9 вер., отъ Ростесу до Косвы рѣчки 9 вер., отъ Косвы до Молчану рѣки 9 вер., отъ Молчану до Чикману рѣки 9 вер., отъ Чикману до Ейвинскаго погоста 9 вер., отъ Ейвинскаго до Сурмага рѣки 9 вер., отъ Сурмага рѣки до Усалки 10 вер., отъ Усалки до Соли-Камской 11 вер., и всего отъ Верхотурья до Соли-Камской 133 версты. Отъ Верхотурья къ Пелыми до деревни Рычковы 15 вер., отъ Рычковы до деревни Ворошиловой за волокъ 20 вер., отъ Ворошиловой до юртъ ясашнаго Вогулетина Титка Щербакова 11 вер., отъ юртъ до деревни Толмачевской 29 вер., отъ Толмачевской до города Пелыми 15 вер., и всего отъ Верхотурья до Пелыми 95 верстъ.

Тогожъ году Тоболской дворянинъ Борисъ Черницынъ мѣрялъ рѣкою, а не напрямь: отъ града Тобольска внизъ по Иртышу, отъ Курдюмки рѣчки до конецъ Яру двѣ версты 800 саж. рѣкою, а отъ конецъ Яру до Кугаевскаго погосту 8 вер. 100 саж., а отъ погосту до Бронниковой деревни 6 вер. 500 саж., а отъ Бронниковы до Патцынскихъ юртъ 11 вер. 500 саж., а отъ Патцынскихъ до Карбинскихъ зимныхъ юртъ 6 вер. 500 саж., а отъ Патцынскихъ же до Малькака 12 вер. 400 саж., а отъ Малькака до Ясауловыхъ юртъ

10 вер., а отъ Ясауловыхъ до Бурентамацкихъ лѣтныхъ юртъ 40 вер., а отъ Бурентамацкихъ до Демьянскаго яму 25 вер. И всего отъ Тобольска до Демьянскаго яму 122 вер. 800 саж. А отъ Демьянскаго до Филиныхъ юртъ Баскакова 50 вер., а отъ Филиныхъ до Сотниковыхъ 27 вер., а отъ Сотниковыхъ до усть-Конды 32 вер., а съ усть-Конды до Самаровскаго яму 33 вер. И всего отъ Демьянскаго до Самаровскаго 142 вер.. Отъ Самаровскаго до Усть Салыма 45 вер., а отъ усть Салыма до Краснаго Яру 45 вер., а отъ него до Сургута 44 вер. 700 саж. И всего отъ Самаровскаго до Сургута 134 вер. 700 саж. А отъ Самаровскаго до Сухоруковыхъ 50 вер. И всего отъ Тобольска до Сухоруковыхъ юртъ 449 вер. 500 саженъ.

V.

Чертежъ и сходство наличіе земель и проч. (№ 25).

Надписаніе о Ординскихъ земляхъ.

Сей чертежъ наличіе земель написася междо рѣкъ и урощицъ грани и межи сосѣдъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ сходство по рѣкамъ городовъ и иноземскихъ волостей и кочевыхъ ордъ, коемуждо роду и языку по кое урочище съ сосѣдми владѣніе земли своей впредки. Они бо изъ своихъ жилищъ съ родныхъ границъ не выступаютъ и въ сосѣдскіе не вступаются. А буде изъ котораго языка орды въ которую землю вступятъ (съ) скотомъ или на промыслы какова буде звѣря уловить пріидутъ, и о семъ межь ими чинится межусобье и грабленіе. И о семъ въ Тобольску, по свидѣтельству преосвященнаго Корнилія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, во 181 году іюня въ 8 число, первее по допросамъ пословно и хлѣбосольно, во исполненіе Сибирскому чертежу, испытуя о всемъ вѣдомцовъ, бывалцовъ и старожиловъ, какая земля на вѣтрѣхъ въ коихъ мѣстахъ у ордъ съ сосѣди въ урочищахъ сходна. И сему по допросамъ въ различіи шаровъ и цвѣтовъ учинисъ сей въ наличіе Сибирскіи чертежъ сходство всей Сибири города Тоболска и всѣхъ розныхъ городовъ жилищъ и степи и иноземскихъ ордъ родовъ и языкъ, вкругъ облежащихъ сосѣдъ. О нихъ намъ повѣсти и чертежи въ подсвоеніе ясаку належатъ.

СТАРИННЫЕ ДОРОЖНИКИ.

I.

Роспись дорогамъ и что куды верстъ.

Съ Москвы до Олексіевского	5	верстъ.
Отъ Олексіевского до Пушкина	20	—
— Пушкина до Братовшины	5	—
— Братовшины до Талицы	10	—
— Талицы до Троицы	20	—
Отъ Троицы до Дубни	25	—
— Дубни до Переславля	35	—
Изъ Переславля до Вашекъ	20	—
Отъ Вашекъ до Дебалъ	28	—
— Дебалъ до Ростова	12	—
Изъ Ростова до Перевозу	5	—
Отъ Перевозу до Ярославля	55	—
Изъ Ярославля до Даниловского	60	—
Отъ Даниловского до Телячья	37	—
— Телячья до Грезнивицы	50	—
— Грезницы до Низовки	20	—
— Низовки до Огнева	20	—
— Огнева до Старого села	10	—
— села до Шуйского	20	—
Изъ Шуйского до Дароватки	30	—
Отъ Дароватки до Уваровицы	40	—
— Уваровицы до Усья Толшминского	25	—
— Усья Толшминского до Усья Печенского	30	—
— Усья Печенскаго до Тотмы	20	—
Съ Тотмы до Камчюга	20	—
— Камчуга до Коченги	20	—

Отъ Кочевги до Брусенца	23	верстъ.
— Брусенца до Слободы	17	—
— Слободы до Бобровского	50	—
— Бобровского до Тозмы	35	—
— Тозмы до Скорятина	45	—
— Скорятина до Устюга	40	—
Съ Устюга до Палниковъ	20	—
Отъ Палниковъ до Дору	25	—
— Дору до Лалского	15	—
Съ Лалского до Варжы	20	—
Отъ Варжы до Лоимы	40	—
— Лоимы до Озерокъ	55	—
— Озерокъ до Обьячева	5	—
— Обьячева до Койгородка	100	—
— Койгородка до Гидаева	110	—
— Гидаева до Кайгородка	36	—
Изъ Кайгородка до Юксіева	90	—
Отъ Юксіева до Косы	45	—
— Косы до Уролки	50	—
— Уролки до Вилвы	40	—
— Вилвы до Соли-Камской	15	—
— Соли-Камской до Верхъ-Усолки	20	—
— Верхъ-Усолки до Сурмуту	20	—
— Сурмуги до Яивы	20	—
— Яивы до Чикману	20	—
— Чикману до Косвы	16	—
— Косвы до Молчану	14	—
— Молчану до Ростесу	20	—
— Ростесу до Кырьи	19	—
— Кырьи до Павдинского	22	—
— Павдинского до Вогуличъ	23	—
— Вогуличъ до Мелехиныхъ	17	—
— Мелехиныхъ до Ляли	22	—
— Ляли до Верхотурья	41	—
Съ Верхотурья до Салды	26	—

Отъ Салды до Тагилу	51	верстъ.
— Тагилу до Туринской	80	—
— Туринской до Епанчина	44	—
Съ Епанчина до Елкина	67	—
Отъ Елкина до Каменки	24	—
— Каменки до Тюмени	20	—
Съ Тюмени до Созоновы	30	—
Отъ Созоновы до Березова Яру	68	—
— Березова Яру до Липова Яру	20	—
— Липова Яру до Тоболскаго	60	—
Изъ Тобольского до Демьянскаго яму	110	—
Отъ Демьянского яму до Самаровского яму	130	—
— Самаровского яму до Сургута	260	—
Изъ Сургута до Нарыму	700	—

II.

Роспись путю съ Москвы, рѣкой, до Макарья.

До Коломны	180	верстъ.
— Переславля Рязанскаго	60	—
— Старой Рязани	30	—
— Касимова	60	—
— Ялатмы	60	—
— Мурома	60	—
— Павлова перевозу	60	—
— Нижного	80	—
— Макарья	60	—

III.

Отъ Макарья до Москвы сухимъ путемъ.

До Лыскова	4	версты.
— Работокъ	20	—

До Великого Врагу	20	верстъ.
— Богороцкого села	40	—
— Троецкого села	15	—
— Лысенского перевозу	7	—
— Гороховца	15	—
— Везниковъ	30	—
— Володимера	90	—
— Покровского села	60	—
— Москвы	80	—

IV.

Дорога съ Вологды чрезъ Орелъ до Санктъ-Питеръ-бурха.

Отъ Вологды до Жукова	20	верстъ.
— Жукова до Домшина	19	—
— Домшина до Тварогова	20	—
— Тварогова до Суркина	20	—
— Суркина до Волкова	20	—
— Волгова до Гавина	20	—
— Гавина до Чаева	20	—
— Чаева до Орла	45	—
— Орла до Большой дороги	8	—
— Болшой дороги до Новой деревни	25	—
— Новой деревни до Смердовки	—	—
— Смердовки до Бѣлыхъ Крестовъ	—	—
— Крестовъ до Стулова	—	—
— Стулова до Патрикеева	45	—
— Патрикеева до Тихвина	45	—
— Тихвина до Вали	38	—
— Вали до Ладоги	40	—
— Ладоги до рѣки Лавы	—	—
— Лавы до Слюшенбурха	—	—
— Слюшенбурха до Санктъ-Питеръ-бурха	40	—

V.

Отъ Санктъ-Питеръ-бурха дороги и версты.

До Нарвы	164	версты.
— Ревеля моремъ	500	—
— Пскова	340	—
— Кронъ-Шлота	300	—
— Москвы чрезъ Новъ-градъ	716	—
— Котляна острова	30	—

VI.

Отъ Москвы дороги.

До Серпухова	90	верстъ.
Отъ Серпухова до Кошпры	40	—
— Серпухова до Олексина	40	—
— Серпухова до Колуги	80	—
— Серпухова до Тулы	70	—
— Тулы до Дѣдилова	20	—
— Тулы до Ливенъ	180	—
— Ливенъ до Елца	50	—
— Ливенъ до Курска	130	—
до Оскола	130	—
— Воронежа	180	—

VII.

Роспись изъ Енисейска до Иркуцка что верстъ.

Изъ Енисейска до усть Тунгуски	40	верстъ.
До Гареи	5	—
— Кулакова	25	—
— Рыбной	30	—
— Новопашенныхъ	4	—
— Кую	15	—

До рѣчки Ослянки . . . . 20 верстъ.
— Каменки . . . . 20 —
— Манзи . . . . 12 —
— Иркиніева . . . . 18 —
— Ярковъ . . . . 12 —
— Букучанъ . . . . 12 —
— заимки Букучанской . . . . 17 —
— Голтявина . . . . 12 —
— Павловыхъ . . . . 5 —
— верхного Чадомца . . . . 15 —
— Стріотню . . . . 20 —
— монастырской заимки . . . . 8 —
— монастыря . . . . 15 —
— Ковы . . . . 12 —
— Кѣжемского зимовья . . . . 30 —
— Кѣжемъ . . . . 30 —
— Верхныхъ Кѣжемъ . . . . 25 —
— Ортюги на острову . . . . 26 —
— Черныхъ . . . . 12 —
— Тушамы . . . . 20 —
— Невана . . . . 20 —
— Сизыхъ . . . . 10 —
— Бадармы . . . . 9 —
— усья Илимского . . . . 6 —

Отъ Усья Илимского до Симахи . . . . 2 —
До Зетей . . . . 6 —
— Кирила Сизово . . . . 5 —
— Зарубиныхъ . . . . 10 —
— Мураша . . . . 3 —
— Качина . . . . 6 —
— Сахаровскихъ . . . . 3 —
— Савиныхъ . . . . 4 —
— Тушамы . . . . 3 —
— Игнатьевыхъ . . . . 2 —
— Макаровыхъ . . . . 5 —
— Кривошеи . . . . полторы версты.

До Моденовыхъ . . . . 2 верстъ.
— Степанова . . . . 1 —
— Романа . . . . 1 —
— Прокофьевыхъ . . . . 1 —
— Вологжаниныхъ . . . . 4 —
— Игирмы . . . . 3 —
— Илимского . . . . 20 —

Изъ Илимского до Шестакова . . . . 25 —
До Селезня . . . . 4 —
— Борохтонка . . . . 26 —
— Наумовыхъ . . . . 18 —
— Солодковыхъ . . . . 23 —
— Обакцы . . . . 20 —
— Денисовыхъ . . . . 25 —
— Туны . . . . 5 —
— Кочерги . . . . 10 —
Конецъ по Илиму ѣзды.
— Подволошной . . . . 25 —
— Роспутина . . . . 3 —
— Горячкина . . . . 2 —
— Байкалова . . . . 8 —
— Ярафіева . . . . 4 —
— Наумова . . . . 5 —
— Криволоцкого . . . . 7 —
— Бутаковыхъ . . . . 8 —
— Захаровыхъ . . . . 8 —
— Оносовыхъ . . . . 2 —
— Яндовъ . . . . 2 —
— Ключей . . . . 2 —
— Милославскихъ . . . . 6 —
— Уды . . . . 2 —
— Сидоровыхъ . . . . 10 —
— Миніевыхъ . . . . 5 —
— Шиверы . . . . 8 —
— Ивана Клепикова . . . . 6 —
— заимки Клепикова . . . . 6 —

До Өедора Клешкова	4	версты.
— Балаганского	8	—
Изъ Балаганского до Байдонова	11	—
До Сереткина	6	—
— Евсивьева	4	—
— Каменки	11	—
— Буретеи	15	—
— Бадаю	8	—
— Телмы	12	—
— Китою	12	—
— Еловки	8	—
— Зуева зимовья	4	—
— Жылкина	10	—
— Иркуцкого	4	—

Изъ Илимского другая дорога на Ангару до Подволошной.
Изъ Илимского до Мамырей 80 верстъ волоку на Ангару.

До Мокинской	7	—
— Суворова	6	—
— Шумилова	3	—
— Грому	4	—
— Бухваста	4	—
— Исака Парилова	6	—
— Василья Суворова	15	—
— верхного Баяну	2	—
— Каменного острова	4	—
— Подволошной	20	—

VIII.

Изъ Иркуцка за море и до Селенгинска дорогою и сколко верстъ.

До Розводной	5	верстъ.
— Николы	35	—
— Лисвенишного	3	—
— Кадилного	17	—

До Голоустой	8	верстъ.
— Посолского монастыря за море	30	—
— Темлюю	20	—
— Яланя	4	—
— Брянскихъ	7	—
— Тресковы	2	—
— Торокановского	3	—
— Троецкаго монастыря	7	—
— Большой заимки	4	—
— Удинского	30	—
— Оронгою	25	—
— Арсеньева	10	—
— Селенгинского	10	—

IX.

Роспись изъ Енисейска до Иркуцка водянымъ путемъ, рѣками.

Изъ Енисейска до Стрѣлошного порогу	40	вер.
Отъ Стрѣлошного порогу до Гарен	5	—
— Гарен до Тотарского Быку	3	—
— Тотарскаго Быку до столбовъ	5	—
— Столбовъ	2	—
Отъ столбовъ до деревни Липаку	8	—
— Липаку до другихъ столбовъ	10	—
Столбовъ	3	—
— Столбовъ до черной рѣчки; тутъ Шивера Мурожная.	5	—
— рѣчки до Рыбной	5	—
— Рыбной до Гребней Быку	12	—
— Гребней до деревни Кокую	5	—
— Кокую до Выдомского Быку	6	—
— Выдомскаго до Оладьины Шиверы	6	—
— Оладьины Шиверы до Каменки	20	—
— Каменки до Манзи	12	—
— Манзи до Иркинѣева	18	—
— Иркинѣева до Ярковъ	12	—

От Ярков до Букучан . . . . 12 вер.
— Букучан до Овсяной Шиверы . . . . 5 —
— Овсяной Шиверы до Косой Шиверы . . . . 5 —
— Косой Шиверы до Голтявина . . . . 18 —
— Голтявина до Мурского порогу . . . . 4 —
— Мурского порогу до Безъимянной Шиверки . . . . 6 —
— Шиверки до Чадомца . . . . 6 —
— Чадомца до Кашыны Шиверы . . . . 8 —
— Кашыны Шиверы до монастыря . . . . 2 —
— монастыря до Шиверки . . . . 2 —
— Шыверки до Быку . . . . 1 —
— Быку до Шыверки . . . . 2 —
— Шиверки до Ковинской Шиверы . . . . 5 —
— Ковинской Шиверы до Гороховы Шиверы . . . . . 3 —
— Гороховы Шиверы до Аплинского порогу. . . . . 7 —
— Аплинского порогу . . . . 3 вер. Курейкая.
— Шиверки до Смолниковы Шиверы . . . . 18 вер.
— Смолниковы Шиверы до Игренковы Шиверы . . . 7 —
— Игренковы до Быку. . . . . 1 —
— Быку до Кежемъ . . . . 12 —
— Кежемъ до Верхнихъ Кежемъ . . . . 25 —
Тожъ и Панщина. Отъ Верхнихъ Кежемъ до Черныхъ 38 —
— Черныхъ до Тушамы . . . . 20 —
— Тушамы до Быку . . . . 5 —
— Быку до Невана . . . . 15 —
— Невана до Быка . . . . 2 —
— Быка до другого Быка съ полверсты за рѣкой. Оттудъ пойдутъ Лоси, Лосей . . . . 5 —
— Лосей съ полверсты Шиверка да Быкъ
— Быку до Сизыхъ . . . . 1 —
— Сизыхъ до Бадарманского Быку . . . . 9 —
— Бадарманского Быку до устя Илимского . . . . . 6 —
— Устья Илимского до Шаманского порогу . . . . . 40 —
— Шаманского до Быку . . . . 3 —
— Быку до Шиверы . . . . 4 —
— Шиверы до Быка . . . . 12 —
— Быка до Шаманского деревни . . . . 5 —

Отъ Шаманского заимки до Быка	3 вер.
— Быка Шаманского до Шиверы	13 —
— Шиверы до Вихоревы	7 —
— Вихоревы до Долгово порогу	10 —
Порогу	5 —
— Порогу до Шиверки	1 —
— Шиверки до Ильиныхъ	4 —
— Ильиныхъ до Падуна порогу	20 —
— Падуна до Быка	4 —
— Быка до Пьяного порогу	4 —
— Пьяного порогу до Похмѣлного порогу	5 —
— Похмѣлного порогу до Братского острогу	3 —
Изъ Братского острогу до Кежемъ	25 —
Отъ Кежемъ до Мамырей	6 —
— Мамырей до Громовъ	25 —
— Громовъ до Каменныхъ острововъ	30 —
— Каменныхъ острововъ до Подволошной	23 —
— Подволошной до Яндовъ	32 —
— Яндовъ до Уды	10 —
— Уды до Шиверы	22 —
— Шиверы до Балаганского	25 —
— Балаганскаго до Каменки	32 —
— Каменки до Буретей	15 —
— Буретей до Олонокъ	8 —
— Олонокъ до Усолья	8 —
— Усолья до Бале	10 —
— Балей до усь Куды	20 —
— усть Куды до Жилкина	6 —
— Жилкина до Иркуцкого	4 —

Изъ Иркуцкаго до Куды.

До Хомутовой.

— Оеку.

— мельницы.

— Усть-орды.

— Березова зимовья.

— Болшей Манзурки.

— Лисвенишнего.

До	Кудрина зимовья	[illegible]	вер.
—	Мельницы	7	—
—	Малой Манзурки	4	—
—	Голыхъ	6	—
—	Качегу	7	—
—	Макара	7	—
—	Кистенева	7	—
—	Юрки	6	—
—	Верхоленского острогу	9	—
—	Колотовкина	3	—
—	Брагина и Козлова	4	—
—	Бодуруева	3	—
—	Опушкина	2	—

Илимской ѣздъ.

До	Коркиныхъ	7	вер.
—	Заплескиныхъ	3	—
—	Григорья Молева	6	—
—	Петровской	1	—
—	Воробьевыхъ	5	—
—	Воробьева жъ	1	—
—	Козмы Рудова	2	—
—	Никифора Рудова	½	—
—	Давыдова	3	—
—	Ивана Буторина	3	—
—	Ѳеонасья Головного	1	—
—	Василья Рудова	2	—
—	Головныхъ	1	—
—	Тутурского погосту	2	—
—	Кузнецовыхъ	1	—
—	Зыряновыхъ	2	—
—	Жигаловыхъ	½	—
—	Устьинги	15	—
—	Орленской волости до Грузныхъ	10	—
—	Ботовъ	12	—
—	Шамановыхъ	5	—

До Голыхъ . . . . 7 верстъ.
— Матюшкиныхъ . . . . 3 —
— Торцовыхъ . . . . ½ —
— Тамшиныхъ . . . . ½ —
— Суровыхъ . . . . 2 —
— Дядиныхъ . . . . 6 —
— Закобени . . . . 2 —
— Басовыхъ Ѳедора и Леонтья . . . . 9 —
— Дуткиныхъ . . . . 2 —
— Травкина . . . . 6 —
— Орленского погосту . . . . 2 —
— Пуляевыхъ . . . . 1 —
— Высокихъ . . . . 3 —
— Тарасовыхъ . . . . 3 —
— Сѣдуновыхъ . . . . 1 —
— Скокиныхъ . . . . 10 —
— Боярскихъ . . . . 10 —
— Павловыхъ . . . . 5 —
— Ѳомолоева . . . . 7 —
— Сипюшкина . . . . 3 —
— Устькуцкой волости до Риги . . . . 5 —
— Шангина Каштака . . . . 7 —
— Туру . . . . 8 —
— Устьроткова . . . . 3 —
— Устькуцкого погосту . . . . 4 —
— Балаии . . . . 4½ —
— Якуриму . . . . 2½ —
— Созоновой заимки . . . . 7 —
— Подымахина, тожъ Казарки . . . . 7 —
— Епифана . . . . ½ —
— Борисовыхъ . . . . ½ —
— Кокую . . . . 3 —
— Усть Тюры рѣчки . . . . 5 —
— Деветерикова . . . . 6 —
— Пазаровыхъ . . . . 14 —
— Марковыхъ . . . . 10 —
— Тиры . . . . 7 —

До Криволуцкой волости до Уикану	4 версты.
— Брызгала	5 —
— Краснояровой	4 —
— Левоповской	4 —
— Потаповской	3 —
— Павловыхъ, оппжъ и Любавины	4 —
— Карасова	2 —
— Чипеша	1 —
— Веслопятова	1 —
— Папской	1 —
— Балашевской	1 —
— Макаровской	1 —
— Скобелской	2½ —
— Олонцова	1½ —
— Заборья	4 —
— Кривой Луки	1 —
— Вологдиныхъ	1 —
— Галашуевской	3 —
— Лазаревыхъ	2 —
— Киршиныхъ	3 —
— Мелиицы	1 —
— Чертовскихъ	6 —
— Кудриныхъ	2 —
— Кулебакиныхъ	3 —
— Полоротовъ	3 —
— Нижнекиренской волости до Черной слободы . .	1 —
— Хабарова	2 —
— Воронинской за рѣкой	2 —
— Киренского острогу	полверсты.
— Никольской Черепановой заимки	2½ —
— Мысовской	2½ —
— Змѣинова	1 —
— Алексѣевской	5 —
— Салтыкова	6 —
— Подкаменной	2 —
— Половинной	1 —
— Подъелнику	2 —

До Мысу	1	верстъ.
— Горбова	1	—
— Банщикова	1	—
— Грицкой	1	—
— Чюгуевской	1	—
Чечюйской волости до погосту	2	—
— Гребеней	1	—
— Кондрашиной	2	—
— Вешнякова	4	—
— Гладкова	1	—
— Берендилова	2	—
— Захаровской	3	—
— Суквева	3	—
— Сполошного погосту	2	—

X.

Роспись что пятисотныхъ верстъ изъ Селенгинска до Китайского государства.

Отъ Селенгинска до Сарачинъ	116	верстъ	35	саженъ.
До повороту въ Мунгалы черезъ Орконъ	23	—	425	—
— Толы рѣки	296	—	246	—
— Курулюну	176	—	199	—
— Гребней	247	—	411	—
— Первого валу земляного	193	—	262	—
— Писаного каменю	55	—	474	—
— Горы, называетца Карабль	121	—	393	—
— Цагана нора	85	—	291	—
— Пѣсковъ	19	—	479	—
— Песковъ	86	—	12	—
Отъ Песковъ до вторaго валу, тутъ же и пустой городокъ земляной	53	—	234	—
До Верхного Щерлопа	49	—	465	—
— Стѣны Калганской	53	—	234	—
— Вторыхъ Щерлоповъ, въ тѣхъ Щерлопахъ 6 стѣнъ	119	—	424	—

До Царства	60	—	489	верстъ.
— Посолского двора Царствомъ	5	—	478	—

Тойже Китайской дороги по урочищамъ тысешныхъ верстъ отъ Селенгинска.

До Сарачинъ	58 верстъ		35	саженъ.
— повороту въ Мунгалы черезъ Орконъ	69	—	925	—
— Толы рѣки	217	—	246	—
— Курулюна	305	—	199	—
— Гребней	428	—	911	—
— Первого валу земляного	524	—	762	—
— Писаного Каменю	551	—	974	—
— Горы, называетца Карабль	611	—	893	—
— Цагана Пора	653	—	891	—
— Песковъ	662	—	979	—
— Втораго валу, тутъ же и пустой городокъ земляной	753	—	667	—
— Верхного Щерлопа	777	—	965	—
— Стѣны Калганской	803	—	734	—
— Вторыхъ Щерлоповъ	862	—	924	—
— Царства	892	—	489	—
— Посолского двора	894	—	978	—

Тойже Китайской дороги урочища верстовые врознь.

Изъ Селенгинска до Сарачинъ	58 верстъ		35	саженъ.
До повороту въ Мунгалы черелъ Орконъ	11	—	925	—
— Толы рѣки	148	—	246	—
— Курулюну	88	—	199	—
— Гребней	123	—	911	—
— Первого валу земляного	96	—	762	—
— Писаного Каменю	27	—	974	—
— Горы, называется Карабль	60	—	893	—
— Цагана Пора	42	—	791	—
— Песковъ	9	—	979	—
Песковъ	43	—	12	—
Отъ Песковъ до второго валу, тутъ же и пустой городокъ земляной	47	—	655	—
— Верхного Щерлопа	24	—	965	—
— Стѣны Калганской	26	—	734	—

От Вторыхъ Щерлоповъ, въ тѣхъ Щерлопахъ 6 стѣнъ		59	верстъ	924	саженъ.
— Царства		30	—	489	—
— Посолского двора Царствомъ		2	—	978	—

Той же Китайской дороги разочтено по третямъ и по четвертямъ.

Половина дороги подалѣ Гребней	. . .	26	верстъ		саженъ.
Урочище, называется Цаганъ Булага Адакъ					
Треть дороги, не доходя до Курулюна	.	7	—	500	—
Вторая треть, не доходя до Карабля	. . .	17	—		

Четверть дороги, подалѣ Толы рѣки до повороту. Третья четверть въѣдучи въ Пески, полторы версты.

Сообщ. **и. п. корниловъ.**

РУССКІЕ ЗАКОНЫ О СОЮЗѢ СЕМЕЙСТВЕННОМЪ. (*)

II.

Расторженіе брака.

По общему правилу бракъ признается у насъ союзомъ крѣпкимъ, нерасторгаемымъ. Бракъ можетъ быть расторгнутъ только формальнымъ *духовнымъ* судомъ (X т. ч. 1-й ст. 45). Самовольное расторженіе брака безъ суда, *по одному взаимному согласію* супруговъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается; равномѣрно не допускаются и никакія между супругами обязательства или иные акты, заключающіе въ себѣ условіе *жить* имъ *въ разлученіи*, или же какіе либо другіе, клонящіеся къ разрыву супружескаго союза. Мѣста и лица гражданскаго вѣдомства не должны утверждать или свидѣтельствовать такихъ актовъ. Священникамъ и церковно-служителямъ также воспрещается, подъ опасеніемъ суда и лишенія ихъ сана, писать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и кому бы то ни было, разводныя письма (ст. 46). Однимъ словомъ, посредствомъ брака, мужъ и жена связываются на всю жизнь, лишаются возможности разойтись. Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ законъ признаетъ умѣстнымъ допущеніе развода, именно, по просьбѣ одного изъ супруговъ: 1) въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянія другаго супруга, или неспособности его къ брачному сожитію; 2) въ случаѣ, когда другой супругъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; 3) въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другаго супруга (ст. 45). Но прежде чѣмъ будемъ говорить о каждомъ изъ упомянутыхъ случаевъ въ отдѣльности, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать предварительно одно замѣчаніе.

Бракъ можетъ быть расторгнутъ, независимо отъ просьбы супруговъ, по требованію самаго закона, и то, впрочемъ, не всегда. Мы говоримъ о тѣхъ бракахъ, которые законодательствомъ не признаются дѣйствительными. Всѣ эти случаи перечислены въ 37

(*) Продолженіе критики на статью г. Филипова: «Взглядъ на русскіе гражданскіе законы». См. Архивъ, кн. III.

статьѣ. Здѣсь сказано, что законными и дѣйствительными не признаются: 1) Брачныя сопряженія, совершившіяся по насилію или въ сумасшествіи одного или обоихъ брачившихся; 2) брачныя сопряженія лицъ, состоящихъ въ близкомъ, то есть, въ запрещенныхъ церковными правилами степеняхъ, кровномъ или духовномъ родствѣ или свойствѣ; 3) брачныя сопряженія лицъ, которыя обязаны уже другими законными супружескими союзами, не прекратившимися и законно нерасторгнутыми духовнымъ начальствомъ ихъ вѣроисповѣданія; 4) брачныя сопряженія лицъ, которымъ по расторженіи брака возбранено вступать въ новый; 5) брачныя сопряженія лицъ, не достигшихъ возраста, церковію опредѣленнаго для вступленія въ бракъ, или же имѣющихъ отъ роду болѣе восьмидесяти лѣтъ, или вступившихъ въ четвертый бракъ; 6) брачныя сопряженія монашествующихъ, а равно и посвященныхъ уже въ іерейскій или діаконскій санъ, пока они пребываютъ въ этомъ санѣ; 7) брачныя сопряженія лицъ православнаго исповѣданія съ не-христіанами.

Какъ скоро бракъ признанъ недѣйствительнымъ, лица, вступившія въ него, немедленно, по сношенію епархіальнаго начальства съ мѣстнымъ гражданскимъ, *разлучаются отъ* дальнѣйшаго *сожительства* и виновные во вступленіи въ такой бракъ завѣдомо, подвергаются церковному покаянію, а иногда и гражданскому наказанію (ст. 38 X т. и Уложен. о наказ. ст. 2118—2150).

Разлученные вслѣдствіе признанія брачнаго ихъ союза незаконнымъ и недѣйствительнымъ, кромѣ лицъ, осужденныхъ на всегдашнее безбрачіе, имѣютъ право вступать съ другими лицами въ новые, законами невоспрещенные, браки. Тѣ, которые разлучены по недостатку церковнаго къ браку совершеннолѣтія, могутъ по достиженіи полнаго гражданскаго совершеннолѣтія, продолжать супружество: въ этомъ случаѣ союзъ ихъ подтверждается въ церкви, по установленному для того чинopоложенію (ст. 39).

Впрочемъ, законъ въ этомъ случаѣ вовсе не настаиваетъ на непремѣнномъ расторженіи брака. Мы знаемъ, что дѣла о признаніи такихъ браковъ недѣйствительными могутъ быть начинаемы только тѣмъ изъ супруговъ, который вступилъ въ бракъ во время этого несовершеннолѣтія; притомъ допускается это лишь до времени достиженія такимъ лицомъ церковнаго совершеннолѣтія, и только

въ случаѣ, если бракъ не имѣлъ послѣдствіемъ беременности жены (X т. ч. 2 ст. 802). Законъ ограничивается однимъ назначеніемъ наказанія за вступленіе въ бракъ прежде опредѣленнаго на то возраста (Улож. о наказ. ст. 2132). Точно также въ законѣ постановлено, что могутъ быть начинаемы дѣла о признаніи браковъ недѣйствительными, вслѣдствіе употребленнаго насилія, только тѣмъ изъ супруговъ, который подвергался насилію и притомъ въ теченіи извѣстнаго срока (6 мѣсяцевъ), если нельзя было начать иска немедленно (803 ст. X т. ч. 2-й).

Разлученныя отъ сожительства лица, потому что бракъ ихъ заключенъ при существованіи другаго, законнымъ образомъ не расторгнутаго и не прекратившагося брачнаго союза, могутъ продолжать сожительство съ своими по прежнему браку супругами, если на то согласны оставленныя ими лица; но не могутъ, и по смерти сихъ лицъ, вступать въ какой либо иной бракъ (ст. 40).

Если, напротивъ, оставленное лице не пожелаетъ быть въ бракѣ съ лицемъ, оставившимъ его и вступившимъ въ другой брачный союзъ, при существованіи перваго, то оно имѣетъ право о дозволеніи вступить въ новое супружество просить свое епархіальное начальство, которое въ этомъ случаѣ поступаетъ по законамъ церкви. Виновный же въ оставленіи супруга или супруги и во вступленіи въ новый бракъ при существованіи перваго, если не получитъ согласія оставленнаго лица возвратиться къ первому браку и разрѣшенія на то духовнаго начальства, осуждается на всегдашнее безбрачіе. Тому же подвергается и лице, оставившее супруга или супругу и болѣе пяти лѣтъ скрывающееся въ неизвѣстности. Однако же это не касается нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства, бывшихъ и болѣе пяти лѣтъ въ плѣну, или въ безвѣстной отлучкѣ на войнѣ: имъ не возбраняется, по возвращеніи, вступать въ новое супружество, если прежній бракъ ихъ уже расторгнутъ.

Когда обѣ стороны виновны въ заключеніи брака при существованіи прежнихъ законныхъ брачныхъ союзовъ, то, по уничтоженіи послѣднихъ браковъ ихъ, они оставляются въ первомъ своемъ брачномъ союзѣ, а въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшееся въ живыхъ лице не имѣетъ права просить ни о возстановленіи противозаконнаго брака его, ни о дозволеніи ему вступать въ новый бракъ (ст. 42).

Изъ всѣхъ приведенныхъ постановленій ясно открывается, что даже въ нѣкоторыхъ и изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ бракъ признается самимъ закономъ недѣйствительнымъ, все-таки строго преслѣдуется мысль о нерасторгаемости брака. Такъ въ случаѣ нарушенія закона о несовершеннолѣтіи и при совершеніи брака по насилію, разводъ необязателенъ; о разводѣ нужно просить, да и то въ предѣлахъ довольно ограниченнаго пространства времени.

Съ другой стороны, изъ этихъ же постановленій вытекаетъ, что въ случаѣ обмана, ошибки и т. п., для стороны невинной въ недѣйствительности брака, рождается само собою право на разводъ. И въ особенности въ томъ случаѣ, о которомъ говорится въ 40 и 41 статьяхъ, это право является совершенно одинаковымъ съ правомъ требовать развода по прелюбодѣянію, лишенію правъ состоянія, безвѣстному отсутствію другаго супруга. Покинутое лицо супругомъ, вступившимъ въ другой бракъ, или остается въ прежнемъ бракѣ или же получаетъ право требовать развода и вступить въ новый; какъ въ тѣхъ четырехъ случаяхъ, о которыхъ говорится въ 45 ст. X т. ч. 1, такъ и здѣсь зависитъ отъ невиннаго супруга поступить по собственному желанію. Стало быть, можно бы къ 45 статьѣ прибавить еще слова, что наконецъ тогда, «когда одинъ изъ супруговъ при жизни другаго, вступитъ въ новый бракъ, то этому второму супругу предоставляется право просить развода». При этомъ нужно, впрочемъ, замѣтить, что, вѣроятно, въ бо̀льшей части случаевъ это право на разводъ сводится къ такому же праву по причинѣ лишенія одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія. Потому что по 2123 ст. Уложен. о наказан., если лице христіанской вѣры, состоящее въ брачномъ союзѣ, вступитъ въ новый бракъ, при существованіи прежняго, то подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житьѣ въ губерніи томскую или тобольскую, съ заключеніемъ на время отъ одного до трехъ лѣтъ; но если будетъ доказано, что лице, обязанное прежнимъ супружествомъ, скрыло это для вступленія въ новый противозаконный бракъ и объявило себя свободнымъ, то виновный въ семъ обманѣ подвергается *лишенію всѣхъ правъ состоянія* и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Въ самомъ дѣлѣ, чтобъ женатому или замужней вновь вступить въ бракъ,

приходится скрывать существованіе прежняго: употребленное въ законѣ выраженіе «скрыло» слишкомъ неопредѣленно и потому примѣненіе его обширно. Нужно чтобъ знали и лица, совершавшія бракъ, и то лице, съ которымъ состоящее уже въ бракѣ лице вступаетъ въ союзъ, чтобы примѣнить первую часть 2123 ст. Улож. По всѣмъ этимъ основаніямъ, вѣроятно, законодательство о такомъ случаѣ и не упоминаетъ въ числѣ причинъ къ разводу.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, переходимъ къ разсмотрѣнію причинъ къ разводу по дѣйствующимъ законамъ.

1. *Неспособность одного изъ супруговъ.*

Искъ не можетъ быть основанъ на этой причинѣ, если неспособность одного изъ супруговъ не есть *природная*, или началась уже послѣ вступленія его въ бракъ (ст. 49). Г. Филиповъ, признавая законъ этотъ справедливымъ, но одностороннимъ, прибавляетъ, что «онъ понимается и примѣняется въ томъ смыслѣ, что расторженіе брака допускается только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одинъ изъ супруговъ признается судомъ и медицинскимъ осмотромъ совершенно неспособнымъ къ брачной жизни, чрезъ собственные недостатки; неспособность же вслѣдствіе тяжкихъ болѣзней и развратной жизни на практикѣ не принимается». Да и дѣйствительно, законъ этотъ не вполнѣ ясенъ на первый разъ. Природная неспособность, т. е. неспособность отъ самаго рожденія къ исполненію брачныхъ обязанностей, есть-ли единственная причина, или же вообще неспособность, до заключенія брака уже существовавшая, можетъ служить поводомъ къ разводу? По нашему мнѣнію, должно быть принято послѣднее толкованіе. Практика понимаетъ иначе совершенно неправильно. Если бы законъ имѣлъ въ виду только прирожденную неспособность, онъ былъ бы и несправедливымъ и жестокимъ; да и къ чему закону было бы въ такомъ случаѣ прибавлять слова: «или началась (неспособность) послѣ вступленія уже въ бракъ». Эти самыя слова и приводятъ къ тому толкованію, какое мы даемъ статьѣ закона.

Законъ постановляетъ еще, что искъ о неспособности одного изъ супруговъ къ брачному сожитію можетъ быть начатъ *только чрезъ три года* послѣ совершенія брака (ст. 48). Но что же зна-

чить это условіе и какое основаніе для назначенія столь продолжительнаго срока для начатія иска? Если принимать во вниманіе неспособность природную, то она можетъ быть или очевидна или скрыта. Въ первомъ отношеніи (въ судебной медицинѣ случаи такой неспособности весьма немногочисленны) бракъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ даже съ самаго начала, по крайней мѣрѣ нѣтъ положительно никакого основанія назначать трехъгодичный срокъ для начатія иска о разводѣ. Можетъ быть при этомъ даже ошибка въ личности, совершенно независимая отъ обмана, когда, напримѣръ, вступившіе въ брачный союзъ окажутся одинаковаго пола. Извѣстенъ случай, что въ 1765 г. французскій парламентъ уничтожилъ брачный союзъ дѣвицы Grand-Jean, у которой женскіе половые органы представляли такой необыкновенный видъ, что она сама считала себя мужчиною. Неужели и здѣсь нужно ждать три года. Что касается до скрытной неспособности, когда, по недостаткамъ одного изъ супруговъ, не происходитъ только оплодотворенія, то, разумѣется, о расторженіи брака по одной этой причинѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть сдѣлано вѣрныхъ заключеній и спеціалистами врачами; и потому опять излишнимъ оказывается назначеніе трехгодичнаго срока. Въ Пруссіи законъ въ этомъ отношеніи гораздо снисходительнѣе нашего. Тамъ бракъ расторгается и въ такихъ случаяхъ, когда у одного изъ супруговъ развилась послѣ заключенія брачнаго союза неизлечимая болѣзнь, препятствующая исполненію супружескихъ обязанностей (Tit. I Th. II § 696 Allg. Landrechts). Вообще же въ судебной медицинѣ принимается, что: 1) особы обоего пола признаются неспособными къ воспроизведенію породы только въ томъ случаѣ, когда существуютъ постоянныя физическія условія уродливости или случайныя пораженія, которыя очевидны, неизлечимы и дѣлаютъ плодотворное совокупленіе невозможнымъ; 2) число подобныхъ очевидныхъ препятствій къ оплодотворенію незначительно (отсутствіе ствола или яичекъ, и выворотъ пузыря у мущинъ, отсутствіе наружныхъ половыхъ частей и зарощеніе рукава у женщинъ); 3) всѣ остальныя причины неспособности или безплодія не заслуживаютъ вниманія въ судебно-медицинскомъ отношеніи (*).

(*) Бріанъ, Руков. къ суд. мед. стр. 51.

Въ связи съ вопросомъ о неспособности находится вопросъ о гермафродитахъ. Гермафродизма, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не существуетъ ни у людей, ни у животныхъ: у одного и того же существа не бываетъ, въ одно и тоже время, отправленій самца и самки. Иногда встрѣчаются люди, у которыхъ наружные половые органы устроены такъ, что трудно рѣшить, къ какому полу слѣдуетъ отнести этихъ особъ; потому и заключеніе о нихъ должно быть дѣлаемо весьма осмотрительно (*). Относительно же неспособности ихъ къ брачной жизни, какъ повода къ разводу, слѣдуетъ примѣнять общія правила о неспособности вообще; и потому гермафродизмъ не есть еще безусловная причина къ разводу. Встрѣчаются случаи, въ которыхъ гермафродиты оказывались способными къ дѣторожденію. Такъ, напримѣръ, Schweickhard обнародовалъ случай, въ которомъ одна особа считалась и воспитывалась какъ дѣвушка, пока не присваталась къ одной женщинѣ, сдѣлавшейся отъ нея беременною. Эта мнимая дѣвушка имѣла троихъ дѣтей (**).

2. *Прелюбодѣяніе.*

«Это основаніе,—говоритъ г. Филиповъ,—справедливое по своей сущности, требуетъ, по нашему каноническому и гражданскому праву, доказательства de visu, т. е. очевидцевъ, что на практикѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ возможно, даже собственное признаніе виновнаго супруга не принимается за доказательство: оно только должно служить, по выраженію закона, *печатью достовѣрности происшествія*. По этому бракоразводныя дѣла, основанныя на началѣ прелюбодѣянія, почти никогда не достигаютъ правильнаго исхода въ пользу обиженнаго супруга. Слѣдовательно, если законодательство допускаетъ ужъ это начало, то оно должно бы изыскать и мѣры, чтобы оно имѣло практическую пользу. Законодательство никакъ не можетъ опредѣлить, какія именно доказательства могутъ служить въ подтвержденіе факта прелюбодѣянія. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, могутъ быть ты-

(*) Бріанъ, стр. 52.
(**) Тамъ же, стр. 54.

сячи разныхъ оттѣнковъ, и какъ бы ни были совершенны формы и свойство доказательства, но они не могутъ удовлетворять всѣмъ даннымъ случаямъ. При такой недостаточности и несовершенствѣ формы доказательствъ, законъ могъ бы прибѣгнуть къ общественному мнѣнію и совѣсти. Это дѣлаютъ всѣ европейскія законодательства въ уголовныхъ дѣлахъ, прибѣгая къ суду присяжныхъ; это же самое могло бы у насъ быть въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи. Польза прибѣгать къ общественному мнѣнію еще потому важна въ дѣлахъ о развратной жизни кого либо изъ супруговъ, что, по большей части, прежде общество знаетъ о дурномъ поведеніи даннаго лица, нежели его супругъ. Тутъ авторитетъ общества былъ бы прямымъ выраженіемъ правды и справедливости».

Мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ автора. Но вотъ вопросы, которые могутъ встрѣтиться при разсмотрѣніи прелюбодѣянія, какъ причины къ разводу. Для развода необходимо нужна просьба со стороны того супруга, который считаетъ себя обиженнымъ другимъ супругомъ: если невинная сторона не проситъ развода, а только жалуется на прелюбодѣяніе другаго супруга, то этотъ послѣдній (ст. 2156 Улож. о наказ.) подвергается только заключенію въ монастырѣ, если въ томъ мѣстѣ находятся монастыри его исповѣданія, или же въ тюрьмѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ вину его, и, сверхъ того, если онъ принадлежитъ къ одному изъ христіанскихъ исповѣданій, предается церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Спрашивается, имѣетъ-ли невинный супругъ, послѣ произнесенія такого приговора надъ другимъ супругомъ, право требовать развода? По нашему мнѣнію, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Законъ не опредѣляетъ срока, въ теченіи какого времени можно просить о расторженіи брака по причинѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ; но было бы справедливо, кажется, принять въ основаніе, что право просить развода ограничивается лишь извѣстнымъ срокомъ (считая съ того времени, какъ супругу, просящему развода, сдѣлалось извѣстнымъ о паденіи другаго супруга). Такъ, если по жалобѣ одного супруга другой подвергся уже наказанію, опредѣленному въ 2156 ст. Уложенія, и потомъ брачное сожительство послѣ того продолжалось, невинная сторона тѣмъ самымъ должна

уже лишиться права на разводъ. Далѣе, въ 2156 ст. сказано, что въ томъ случаѣ, когда не было жалобы на прелюбодѣяніе, и оно открылось по производству какого либо иного дѣла, виновные отсылаются судомъ гражданскимъ къ суду духовному. Такъ-какъ невинная сторона могла не жаловаться потому, что не знала о прелюбодѣяніи другаго супруга; то, разумѣется, нельзя ее лишить права требовать развода, какъ скоро преступленіе уже доказано; конечно, и здѣсь также долженъ быть опредѣленъ извѣстный срокъ (*).

Относительно доказательствъ преступленія прелюбодѣянія слѣдуетъ замѣтить, что если жена родитъ выношеннаго младенца, между тѣмъ какъ мужъ не имѣлъ возможности сожительствовать съ нею въ промежутокъ времени отъ 180 до 306 дней (по русскимъ и французскимъ законамъ до 300 дней, по прусскимъ 210—302 дней) до родовъ, то онъ можетъ обвинить ее въ прелюбодѣяніи. Это преступленіе можно считать доказаннымъ также и въ томъ случаѣ, когда у жены здороваго мужа обнаружатся признаки сифилиса. Такимъ образомъ, при просьбѣ о разводѣ можетъ быть нужно опредѣлить врожденную или случайную неспособность къ выполненію супружескихъ обязанностей, возрастъ рожденнаго плода и сифилисъ у жены,—это уже дѣло судебной медицины (**).
Говоря о неспособности, мы невольно сталкиваемся съ мыслью, что иногда могутъ встрѣтиться такіе случаи, гдѣ право требовать развода принадлежитъ обоимъ супругамъ. Такая комбинація представляется, напримѣръ, когда одинъ супругъ оказывается неспособнымъ къ исправленію брачныхъ обязанностей, а другой супругъ, и именно жена, рождаетъ выношеннаго младенца: жена имѣетъ право требовать развода по неспособности мужа къ брачной жизни, а мужъ—по доказанному прелюбодѣянію своей жены. Разумѣется, что такіе супруги, по желанію одной которой-либо стороны, должны быть разведены, но съ лишеніемъ права вступать въ новый бракъ.

(*) Во Франціи жена имѣетъ право требовать развода за прелюбодѣяніе мужа только въ томъ случаѣ, когда мужъ совершилъ это преступленіе въ томъ домѣ, гдѣ онъ живетъ съ женою (Cod. Nap. art. 229).

(**) См. Бріана, руков. къ суд. мед. стр. 57—61.

3. *Безвѣстное отсутствіе.*

Когда одинъ изъ супруговъ, отлучившись по какому либо случаю изъ мѣста своего жительства, будетъ въ продолженіи пяти лѣтъ или болѣе находиться въ совершенно безвѣстномъ отсутствіи, то оставшемуся супругу дозволяется о расторженіи брака и о дозволеніи вступить въ новое супружество просить свое епархіальное начальство (ст. 54).

«Пятилѣтній срокъ,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Филиповъ, и формальности, требуемыя въ этомъ случаѣ закономъ, дѣлаютъ его неудобопримѣнимымъ въ практикѣ. Женщина, если остается въ 30 лѣтъ безъ мужа, никакъ не можетъ надѣяться, на основаніи безвѣстнаго отсутствія мужа, получить разводъ: 5 лѣтъ она должна его ожидать. Потомъ, когда она подала о томъ въ консисторію прошеніе, то требуемое закономъ формальное слѣдствіе о причинахъ отсутствія супруга и справки, забираемыя консисторіею, чрезъ всѣ россійскія губернскія правленія объ отсутствующемъ, могутъ долго не окончиться.... А тамъ наступилъ критическій возрастъ женщины и жизнь ея прошла безъ радостей и пользы человѣчеству!....»

А тутъ законъ прибавляетъ еще, что на подачу просьбъ о расторженіи брака военнослужащіе и крестьяне государственные, удѣльные, дворцовые и другихъ вѣдомствъ должны имѣть дозволеніе начальства? Почему стѣснительный уже самъ по себѣ законъ присоединяетъ еще другое стѣсненіе? И почему, наконецъ, такое дозволеніе нужно только для военнослужащихъ и крестьянъ, а не нужно такого дозволенія для дворянъ, духовныхъ, купцовъ и мѣщанъ? Какая можетъ быть разница въ этомъ случаѣ между лицами, принадлежащими къ тому или другому сословію? Всѣ эти, невольно рождающіеся въ умѣ, вопросы не находятъ себѣ яснаго разрѣшенія. Нужно имѣть дозволеніе начальства на подачу только просьбы о расторженіи брака на законномъ основаніи: значитъ, начальство, если ему благоугодно будетъ, можетъ и не дать такого дозволенія? Думаемъ, что такого права начальство не имѣетъ и имѣть не должно. По всей вѣроятности, законъ нужно такъ понимать, что дозволеніе начальства есть только удостовѣреніе, что подающее просьбу лице о расторженіи брака по безвѣстному отсутствію другаго супруга, дѣйствительно имѣетъ къ тому законныя основанія, на-

чальству извѣстныя. Въ такомъ случаѣ подобнаго рода удостовѣренія слѣдовало бы требовать отъ всѣхъ вообще сословій, и въ нихъ слѣдовало бы помѣщать тѣ свѣдѣнія, какія требуются 57-й статьей—о времени выбытія изъ мѣста жительства отсутствующаго супруга и о подачѣ явочнаго прошенія, а равнымъ образомъ и другія свѣдѣнія, объясняющія существо дѣла. Этимъ путемъ сокращались бы и время и бумажная переписка, столь медленная при устройствѣ нашихъ канцелярій и при тѣхъ огромныхъ разстояніяхъ, какія представляетъ Россія.

Общее правило о пятилѣтнемъ срокѣ (ст. 54) распространяется и на солдатскихъ женъ, если мужья ихъ, сдѣлавъ изъ мѣста службы побѣгъ, до истеченія пятилѣтняго срока не найдены и не зачислены по прежнему на службу. «Но тѣмъ изъ нихъ,—продолжаетъ законъ,— коихъ мужья пропали безъ вѣсти на войнѣ, или взяты въ плѣнъ непріятелемъ, дозволяется вступать въ новое супружество не прежде какъ по прошествіи *десяти лѣтъ* со времени, когда мужья ихъ взяты въ плѣнъ или пропали безъ вѣсти на войнѣ» (ст. 56). Десять лѣтъ! страшный срокъ, да еще съ прибавленіемъ, быть можетъ, тоже нѣсколькихъ лѣтъ, пока будетъ, наконецъ, дано разрѣшеніе оставшейся дома солдаткѣ. Такого рода сроки сами собою вовлекаютъ этихъ людей въ незаконныя сожительства, вступленія въ бракъ и т. п. преступленія; количество незаконнорожденныхъ солдатскихъ дѣтей естественно увеличивается.

Далѣе законъ (ст. 58) постановляетъ еще, что «когда епархіальное начальство не встрѣтитъ сомнѣнія о дѣйствительности брака просителя съ лицемъ отсутствующимъ, то относится къ мѣстному гражданскому начальству о спросѣ, при депутатѣ съ духовной стороны, родственниковъ отсутствующаго и жителей, какъ мѣстныхъ, такъ и окольныхъ: не знаетъ ли кто изъ нихъ о мѣстопребываніи его, *не проходило-ли о немъ какихъ либо слуховъ*, когда онъ отлучился, *какъ велъ себя, и не подалъ ли самъ проситель повода къ оставленію его*». Стало быть, заявленіе кого-либо изъ родственниковъ или мѣстныхъ жителей о слухѣ—самомъ неосновательномъ даже, даетъ поводъ къ изслѣдованію о достовѣрности этого слуха? Потомъ, какое значеніе имѣетъ отзывъ о дурномъ или хорошемъ поведеніи отсутствующаго супруга? Если предполагать, что дурнаго поведенія человѣкъ, отлучившись изъ мѣста

жительства, имѣлъ намѣреніе не возвращаться—значитъ есть поводъ къ расторженію брака, въ томъ вниманіи, что отсутствующій, вѣроятно, не возвратится; если же о поведеніи его сдѣланъ хорошій отзывъ—значитъ были важныя причины, почему онъ не могъ возвратиться, есть вѣроятность, что онъ и не возвратится, и потому есть поводъ къ расторженію брака. Такимъ образомъ, съ нашей точки зрѣнія, свѣдѣнія о поведеніи ведутъ къ одному результату и, слѣд., не прибавляютъ ничего къ болѣе вѣрному разрѣшенію дѣла о расторженіи брака. А какъ поступать въ томъ случаѣ, если окажется, что супругъ, просящій о разводѣ, далъ поводъ къ оставленію его отсутствующимъ супругомъ? Есть ли это только подтвержденіе того предположенія, что отсутствующій болѣе не воротится, не намѣренъ воротиться; или же такое заявленіе со стороны родственниковъ и жителей можетъ служить поводомъ къ отказу въ просьбѣ о расторженіи брака? Законъ не дастъ на это никакого отвѣта. Такой отказъ служилъ бы эквивалентомъ осужденію на всегдашнее безбрачіе. Кстати, укажемъ на законъ о присужденіи ко всегдашнему безбрачію. Оно назначается виновному въ оставленіи супруга или супруги и во вступленіи въ новый бракъ при существованіи перваго, буде не получитъ согласія оставленнаго лица возвратиться къ первому браку и разрѣшенія на то духовнаго начальства (*). «Сему же подвергается и лице, оставившее супруга или супругу и болѣе пяти лѣтъ скрывающееся въ неизвѣстности. Сіе однакоже не касается *нижнихъ чиновъ* военнаго вѣдомства, бывшихъ и болѣе пяти лѣтъ въ плѣну, или въ безвѣстной отлучкѣ на войнѣ: имъ не возбраняется, по возвращеніи, вступать въ новое супружество, если прежній бракъ ихъ уже расторгнутъ» (ст. 41). Читая этотъ законъ, опять видишь рядъ вопросовъ, возникающихъ при этомъ. Если бракъ расторгнутъ по безвѣстному отсутствію лица не изъ нижнихъ военныхъ чиновъ, отсутствующій потомъ возвратился и доказалъ, что онъ, по совершенно независящимъ отъ него причинамъ, не могъ возратиться ранѣе,—неужели и въ такомъ случаѣ онъ долженъ остаться безбрачнымъ? (**) Или же, если

(*) Намъ кажется, что въ такихъ случаяхъ легко бы обойтись и безъ подобнаго разрѣшенія, которое можетъ быть произвольнымъ. Къ чему поведетъ подобный отказъ въ разрѣшеніи?

(**) Что уважительныя причины безвѣстнаго отсутствія могутъ быть, въ томъ

просившій о разводѣ супругъ, получивъ разрѣшеніе, не пожелалъ вступить въ новый бракъ, можетъ ли разторгнутый уже бракъ, по обоюдному согласію, быть возстановленъ? По нашему мнѣнію, оба эти вопроса должны разрѣшаться утвердительно. По смыслу 41-й статьи, кажется, что бракъ можетъ быть возстановленъ и въ томъ случаѣ, если отсутствовавшая сторона оказалась виновною, но другая сторона изъявила согласіе на продолженіе брака.—Далѣе, въ 41 статьѣ говорится только о нижнихъ чинахъ военнаго вѣдомства; но въ плѣну или въ безвѣстной отлучкѣ на войнѣ могутъ находиться и не одни нижніе чины, но и офицеры. Почему же жены первыхъ должны подчиняться болѣе стѣснительному закону, установляющему двойной срокъ (10 лѣтъ), а послѣднихъ общему закону? права и тѣхъ и другихъ, да и вообще всѣхъ граждан должны бы быть одинаковыя, равныя, не слѣдовало бы въ этомъ случаѣ дѣлить людей на касты, на разряды, на ранги.—Наконецъ, еще одно замѣчаніе. Законъ (41 ст.) говоритъ, что осужденіе на всегдашнее безбрачіе не распространяется на нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства, бывшихъ и болѣе пяти лѣтъ въ плѣну, или въ безвѣстной отлучкѣ на войнѣ: имъ не возбраняется, по возвращеніи, вступать въ новое супружество, *если прежній бракъ ихъ уже расторгнутъ*. Но, сравнивая этотъ законъ съ 56 статьею, невольно спросишь: о какомъ расторженіи брака говоритъ здѣсь законъ? Если бракъ прекратился смертію остававшейся жены, то это самъ же законъ называетъ прямо *прекращеніемъ*, а не *расторженіемъ* брака. Бракъ не могъ быть равномѣрно расторгнутъ ни вслѣдствіе прелюбодѣянія, ни по неспособности къ брачному сожитію, ни вслѣдствіе осужденія на наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, бракъ не могъ быть ни въ какомъ случаѣ расторгнутъ вслѣдствіе безвѣстнаго отсутствія (что, кажется, и имѣлъ въ виду законъ), такъ какъ это было бы явнымъ нарушеніемъ 56 статьи, установляющей для того десятилѣтній срокъ. Кажется, безошибочнымъ будетъ предположеніе, что при редакціи 42 и 56 статьи не были между собою приведены въ согласіе.

нѣтъ никакого сомнѣнія. Такъ напримѣръ, сумасшествіе и другія тяжкія и продолжительныя болѣзни, заарестованіе, плѣнъ у непріятеля (хотя бы лице и не принадлежало къ военному сословію), и т. п.

«Если показанное въ безвѣстномъ отсутствіи лице можетъ по своему званію жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ, то изслѣдованіе о безвѣстности тогда только признается удовлетворительнымъ, когда не откроется пребыванія его по свѣдѣніямъ, потребованнымъ отъ всѣхъ губернскихъ правленій» (ст. 59). Другими словами, для такого рода лицъ безвѣстное отсутствіе опредѣляется не пятилѣтнимъ срокомъ, а гораздо бо́льшимъ и притомъ неопредѣленнымъ. Свѣдѣнія требуются отъ губернскаго правленія, но и оно, въ свою очередь, должно потребовать такихъ свѣдѣній отъ городскихъ и земскихъ полицій. И такимъ образомъ, пока эти послѣднія доставятъ свѣдѣнія въ правленія, а всѣ правленія доставятъ ихъ въ консисторію, при крайней медленности нашего дѣлопроизводства, пройдетъ пожалуй и не одинъ годъ. И притомъ, какая громадная переписка завязывается по всей обширной Россійской имперіи, если присутственныя мѣста будутъ буквально держаться разсматриваемаго закона. Очевидно, что законъ о пятилѣтнемъ срокѣ обращается въ номинальный, что тотъ же самый законъ ставитъ почти непреодолимыя препятствія къ расторженію браковъ по безвѣстному отсутствію. По этимъ дѣло еще не оканчивается. Положимъ, что всѣ требуемыя консисторіею отъ губернскихъ правленій свѣдѣнія получены, отыскиваемаго лица по этимъ свѣдѣніямъ нигдѣ въ Россіи на жительствѣ не оказалось. Въ такомъ случаѣ, говоритъ законъ (ст. 60), «епархіальное начальство полагаетъ рѣшеніе о расторженіи брака просителя и о дозволеніи ему вступить въ новое супружество». Кажется уже все исполнено и послѣ такаго рѣшенія лице можетъ вступить въ бракъ, чего такъ долго и терпѣливо оно ожидало. Но нѣтъ: законъ добавляетъ, что «если дѣло происходило о такомъ лицѣ, которое имѣетъ право жить въ Россіи, гдѣ пожелаетъ (а о такихъ-то именно лицахъ и собираются свѣдѣнія отъ всѣхъ губернскихъ правленій), то рѣшеніе епархіальнаго начальства, прежде исполненія, представляется на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода». И вотъ, дѣло еще отдаляется на значительное пространство времени, такъ что пятилѣтній срокъ едва не обращается въ десятилѣтній, назначенный для дѣлъ о расторженіи браковъ солдатскихъ женъ, мужья которыхъ попали въ плѣнъ или пропали безъ вѣсти на войнѣ. Такія дѣла рѣшаются епархіальнымъ начальствомъ окончательно (съ предоставленіемъ

апелляціи Синоду). Мы не будемъ послѣ этого удивляться, если статистика представитъ значительныя цифры незаконнорожденныхъ, конкубинатства, дѣтоубійствъ и подобнаго рода фактовъ.

Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе слова закона: «съ открытіемъ достовѣрнаго извѣстія о мѣстѣ пребыванія отлучившагося, дѣло прекращается» (ст. 60). Значитъ, назначаемый закономъ пятилѣтній срокъ есть не болѣе, какъ только срокъ, съ котораго лице можетъ лишь подать просьбу о расторженіи брака по безвѣстному отсутствію другаго супруга; съ этого только срока начинается дѣло, справки, изслѣдованія, и проч. и проч. И если по изслѣдованію окажется, что мѣстопребываніе разыскиваемаго супруга достовѣрно извѣстно, дѣло прекращается само собою; но какъ поступать въ томъ случаѣ, если отсутствующій супругъ по прежнему продолжаетъ отсутствовать, не изъявляетъ намѣренія даже возвратиться къ оставшемуся супругу, даже явно высказываетъ это? Мужъ еще можетъ вытребовать жену по начальству; но что дѣлать женѣ, куда дѣться, когда мужъ и видѣть ее не хочетъ? Вотъ вопросы, которые требуютъ законодательнаго обсужденія, вопросы, разрѣшеніе которыхъ невольно наводитъ на мысль о существенной необходимости дозволить, въ опредѣленныхъ случаяхъ, расторженіе браковъ по обоюдному согласію супруговъ и по приговору судебныхъ мѣстъ, и не духовныхъ (которымъ, кажется, тутъ нечего дѣлать), а общихъ гражданскихъ. Того требуетъ правда и справедливость, того требуетъ и самая святость брака, профанируемая существованіемъ до крайности стѣснительныхъ законовъ.

Г. Филиповъ, по поводу разсматриваемаго нами закона, высказываетъ, между прочимъ, такого рода соображенія. «На основаніи этого закона,—говоритъ онъ,—очень часто консисторіи расходятся въ своихъ рѣшеніяхъ съ уголовными палатами: послѣднія, когда данное лицо, нарушивъ паспортный уставъ, по публичному вызову, въ узаконенный срокъ, не явится, то признаютъ его безвѣстно-отсутствующимъ, хотя бы и мѣстопребываніе этого лица *за границею* было извѣстно. Консисторіи же придерживаются буквально вышеприведенному закону. Но спрашивается: какая польза требующему развода супругу, что открыто мѣстопребываніе его жены гдѣ нибудь за границею? Находящіяся за границею жены мо-

гутъ имѣть тамъ мужей, а мужья женъ. Наконецъ, тѣ и другіе могутъ больше не возвращаться въ свое отечество. Намъ кажется, что законъ, находя необходимымъ свое постановленіе, могъ бы пояснить, что оно должно относиться только къ Россіи». Мы находимъ въ нашемъ законодательствѣ два пути къ разрѣшенію недоразумѣній почтеннаго автора и, вмѣстѣ, къ опроверженію того близорукаго, узкаго взгляда, который въ подобныхъ случаяхъ (по словамъ автора), высказываютъ консисторіи, въ противоположность рѣшеніямъ уголовныхъ палатъ. Первый путь—указаніе на постановленія Уложенія о наказаніяхъ «о недозволенномъ оставленіи отечества». Прочитаемъ эти постановленія. «Кто, отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства, или вступитъ въ подданство иностранной державы, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается *лишенію всѣхъ правъ состоянія* и вѣчному изъ предѣловъ государства изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго потомъ возвращенія въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (ст. 367). Кто, отлучась изъ отечества, не явится въ оное обратно по вызову правительства, тотъ за сіе ослушаніе приговаривается также къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, если въ назначенный по усмотрѣнію суда срокъ онъ не докажетъ, что сіе учинено имъ по независѣвшимъ отъ него, или по крайней мѣрѣ уменьшающимъ вину его обстоятельствамъ, а дотолѣ почитается безвѣстно отсутствующимъ и имѣніе его берется въ опекунское управленіе, на основаніи постановленныхъ для сего гражданскими законами правилъ (ст. 368). Оставшійся за границею на жительствѣ долѣе опредѣленнаго на сіе, по состоянію его, законами срока, безъ особенныхъ признаваемыхъ достаточными для сего причинъ и не вслѣдствіе также особеннаго на то разрѣшенія отъ правительства, *равномѣрно считается безвѣстно отсутствующимъ* и имѣніе его берется въ опекунское управленіе...» (ст. 369). Этими постановленіями положительно разрѣшаются недоразумѣнія г. Филиппова. Какъ видно, вопросъ принимаетъ совершенно иное направленіе, и закону не было необходимости даже упоминать о той оговоркѣ, что статья 60 относится только до лицъ, живущихъ въ Россіи. Бракъ, безъ всякихъ иныхъ какихъ-либо условій, можетъ быть расторгнутъ, по желанію оставшагося

въ Россiи супруга не только на томъ основанiи, что жительствующiй за границею признанъ безвѣстно отсутствующимъ, но и на томъ, что онъ лишенъ всѣхъ правъ состоянiя—прямая, безусловная причина къ расторженiю брака. И въ этомъ случаѣ вопросъ не сводится къ безвѣстному отсутствiю въ теченiи пятилѣтняго срока,—бракъ можетъ быть расторгнутъ и гораздо ранѣе этого срока, какъ скоро отсутствующее лицо признано виновнымъ въ одномъ изъ тѣхъ преступленiй, о которыхъ говорится въ 367—369 ст. Уложенiя о наказанiяхъ. Другой путь къ разрѣшенiю слѣдующiй. Если бы мѣстопребыванiе отсутствующаго супруга за границею было достовѣрно извѣстно, если бы даже онъ не совершилъ ни одного изъ помянутыхъ выше преступленiй, но, вопреки 20 ст. Зак. Гражд., вступилъ въ новый бракъ во время существованiя прежняго закономъ не расторгнутаго, то и въ такомъ случаѣ, независимо и отъ того, возвратится онъ въ Россiю и въ какой срокъ, или и вовсе не возвратится, бракъ, по желанiю оставшагося въ нашемъ отечествѣ супруга, безусловно можетъ быть расторгнутъ на основанiи 40 и 41 статей Законовъ Гражданскихъ.

Изложивъ и разсмотрѣвъ постановленiя нашего законодательства о расторженiи браковъ по безвѣстному отсутствiю одного изъ супруговъ, намъ остается сказать только, что наши законы по этому предмету довольно стѣснительны и самое производство дѣлъ этого рода медленно и затруднительно. Потому нельзя не сочувствовать высказанной г. Филипповымъ мысли, о назначенiи годичнаго срока по этому предмету. «При этомъ срокѣ,—говоритъ авторъ,—можно даже допустить формальное слѣдствiе—только не о причинахъ отсутствiя супруга, а единственно о дѣйствительности отсутствiя, а для выигрыша времени это можетъ воспослѣдовать при самомъ началѣ иска о разводѣ. Подобное постановленiе удовлетворяло бы всѣмъ требованiямъ справедливости. Но для того, чтобы этотъ законъ не повлекъ за собою злоупотребленiя, отсутствующему супругу могъ бы быть запрещенъ новый бракъ. Это постановленiе было бы справедливымъ наказанiемъ мужу (а почему же и не женѣ?) за то, что онъ покинулъ жену свою». Конечно, мысль эта требуетъ болѣе глубокаго обсужденiя и всесторонняго разсмотрѣнiя. И если она когда-либо найдетъ себѣ примѣненiе въ нашемъ законодательствѣ, то для введенiя этого постанов-

ленія въ Сводѣ Законовъ есть и матеріалъ: въ уставѣ евангелическо-лютеранской церкви мы находимъ много прекрасныхъ правилъ, которыя могутъ служить руководствомъ. Конечно, эти правила должны быть согласованы съ другими постановленіями, касающимися браковъ лицъ православнаго исповѣданія. Въ этомъ уставѣ предусмотрѣны разнообразные случаи, которые не разрѣшаются нашими гражданскими законами о расторженіи браковъ православныхъ лицъ.

Не считаемъ нужнымъ излагать здѣсь этихъ постановленій, и потому отсылаемъ читателей къ самому уставу. Тамъ увидятъ они, что законы евангелическо-лютеранской церкви весьма обстоятельны и гуманны, сравнительно съ нашими.

4. *Политическая смерть одного изъ супруговъ.*

Въ статьѣ «Вліяніе ссылки на бракъ по русскимъ законамъ», помѣщенной въ майской книжкѣ журнала министерства юстиціи за 1861 годъ, мы показали уже, въ какой степени въ этомъ случаѣ несправедливъ авторъ; указали также, что совершенно напрасно обвинять наше законодательство въ томъ, будто бы оно не опредѣляетъ всѣхъ послѣдствій брачныхъ сочетаній лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, съ лицами неосужденными. Потому, не говоря болѣе объ этихъ замѣчаніяхъ, и отсылая читателей къ упомянутой статьѣ, мы приведемъ здѣсь только тѣ постановленія, какія существуютъ у насъ относительно семейственныхъ и имущественныхъ отношеній ссыльныхъ.

При ссылкѣ въ Сибирь преступниковъ, бракъ не прекращается самъ собою: жены и дѣти *могутъ* слѣдовать *за ними* (*); бракъ, оставшійся такимъ образомъ въ своей силѣ вслѣдствіе добровольнаго послѣдованія жены за осужденнымъ мужемъ въ ссылку, кромѣ прекращенія его естественною смертью, расторгается также по общимъ правиламъ, если мужъ подвергнется *вновь* влекущему за собою разрушеніе правъ семейственныхъ приговору, а жена не пожелаетъ послѣ того продолжать съ нимъ брачнаго союза. И въ такомъ случаѣ женщины, пришедшія въ Сибирь по собственной

(*) Уст. о ссыльн. ст. 755.

волѣ, имѣютъ свободу вступать въ новый бракъ, съ кѣмъ пожелаютъ, и съ вѣдома мѣстнаго начальства остановиться тамъ, гдѣ признаютъ за лучшее, или же возвратиться къ своимъ *родственникамъ* безъ всякаго препятствія (*). При оставленіи Сибири, имъ дозволяется брать съ собой дѣтей, рожденныхъ до исполненія надъ ихъ отцами приговора, дочерей незамужнихъ безъ различія возраста, и сыновей, не достигшихъ совершеннолѣтія (которое въ этомъ случаѣ считается въ 17 лѣтъ); если сыновья принадлежатъ къ податному состоянію, то на переходъ ихъ съ матерью должно быть истребовано предварительно, отъ общества, изъ котораго они выбываютъ, увольнительное свидѣтельство и согласіе того общества, къ которому они желаютъ приписаться (**). Замѣтимъ, что законъ установляетъ 17-ти-лѣтній возрастъ; вѣроятно, до этого возраста не нужно согласія сыновей? потому что лица неподатныхъ сословій всегда имѣютъ право возвратиться въ Россію и жить тамъ, гдѣ имъ угодно.

Что касается до новыхъ браковъ ссыльныхъ, то до дѣйствительнаго распредѣленія ихъ въ Тобольскѣ, имъ запрещается вступать въ бракъ между собою, но дозволяется на пути жениться на непреступницахъ (***); при распредѣленіи и отсылкѣ, жены остаются при своихъ мужьяхъ; женщина, не въ каторжную работу назначенная, выходя за мужъ за ссыльно-каторжнаго, и находясь вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, разумѣется, не употребляется въ работу (****).

Относительно браковъ ссыльно-каторжныхъ, существовавшія въ Сводѣ Законовъ постановленія, въ 1861 году отчасти пояснены, отчасти дополнены въ мнѣніи Государственнаго Совѣта. Въ уставѣ о ссыльныхъ (ст. 763) было постановлено только, что лица женскаго пола, назначенныя въ каторжную работу, или находящіяся въ этой работѣ, не должны вступать въ бракъ ни съ лицами свободнаго состоянія, ни съ такими ссыльными, которые имѣютъ другое назначеніе. Въ означенномъ же мнѣніи Государственнаго Совѣта изло-

---

(*) Думаемъ, что они имѣютъ право вообще возвратиться въ Россію, хотя бы и не имѣли тамъ родственниковъ: стѣснять ихъ свободу нѣтъ никакого основанія.

(**) Уст. о ссыльн., ст. 757—759.—(***) Тамъ же, ст. 760.—(****) Тамъ же, ст. 762 и примѣч.

жены такія правила: 1) Ссыльно-каторжные, мужчины и женщины, перваго разряда чрезъ три года, а третьяго разряда чрезъ одинъ годъ послѣ поступленія въ отрядъ исправляющихся, могутъ вступать въ бракъ, какъ между собою, хотя бы сроки, которые имъ слѣдуетъ пробыть въ работахъ, были не одинаковы, такъ и съ ссыльными, лишенными всѣхъ правъ состоянія. 2) Вступившіе въ бракъ ссыльно-каторжные обязаны, въ случаѣ окончанія однимъ изъ нихъ срока работъ прежде другаго, проживать съ женою или мужемъ, до окончанія того срока работы, до котораго долженъ пробыть остающійся изъ супруговъ; равнымъ образомъ, ссыльно-каторжныя женщины, вступившія въ бракъ съ ссыльно-поселенцами, не исключаются изъ числа каторжныхъ и не увольняются отъ работъ прежде истеченія законнаго срока. Объ этомъ вступающимъ въ бракъ должно быть объявляемо, съ подпискою, до совершенія еще брака. 3) Мужья преступницъ и жены преступниковъ, состоящихъ въ работѣ, когда они сами окончили срокъ работы или вовсе въ ней не находились, остаются въ выстроенныхъ ими на заводской землѣ домахъ; если же не имѣютъ такихъ домовъ, то водворяются, по ближайшему усмотрѣнію надлежащихъ начальствъ, вмѣстѣ съ другими, вблизи заводовъ, рудниковъ или другихъ заведеній, въ коихъ тѣ преступники или преступницы состоятъ. Этимъ новымъ закономъ разрѣшены нѣкоторыя сомнѣнія, которыя могли прежде возникать, а несчастнымъ лицамъ, присужденнымъ къ каторгѣ, предоставлена возможность имѣть утѣшеніе хотя въ брачномъ союзѣ. Но вотъ вопросъ: имѣютъ-ли теперь право женщины, назначенныя въ каторжную работу, или находящіяся въ этой работѣ, вступать въ бракъ съ лицами свободнаго состоянія? Думаемъ, нѣтъ, потому что новый законъ вовсе не отмѣнилъ дѣйствія 763 ст. Уст. о ссыльныхъ; по тому же основанію женщины ссыльно-каторжныя не могутъ вступать въ бракъ и съ такими ссыльными, *которые имѣютъ другое назначеніе.* Равнымъ образомъ, остается въ силѣ и слѣдующая статья, по которой лицамъ женскаго пола, осужденнымъ за преступленія къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ правъ состоянія, не исключая и сибирскихъ уроженокъ, когда онѣ *тоже* за преступленія переселяются по судебнымъ приговорамъ изъ мѣста ихъ жительства въ другія сибирскія губерніи и округи, дозво-

ляется вступать въ браки *съ одними только ссыльными*, также лишенными правъ состоянія. Когда эти женщины, по истеченіи опредѣленныхъ сроковъ, перечислены въ сословіе государственныхъ *поселянъ* или *крестьянъ (?)*, имъ дозволяется вступать въ браки на общихъ для лицъ сего сословія правахъ, но съ тѣмъ (ст. 100 примѣч. и 105 Зак. Гражд.), чтобы и вступающіе съ ними въ бракъ были обязываемы *подписками* не вывозить ихъ и самимъ не переселяться на постоянное жительство изъ Сибири, и чтобы браками этими не сообщались упомянутымъ женщинамъ права и преимущества мужа, когда онъ принадлежитъ къ состоянію высшему, и ни въ какомъ случаѣ не возвращались тѣ права и преимущества, которыхъ онѣ лишены по приговорамъ суда вслѣдствіе своего преступленія (*). Нужно замѣтить, что при существованіи перваго изъ условій, назначаемыхъ этимъ закономъ, бракъ, заключенный лицемъ свободнаго состоянія съ сосланною женщиною, причисленною въ сословіе государственныхъ крестьянъ, фактически можетъ быть расторгнутъ, независимо отъ воли и желанія обоихъ супруговъ. Такъ, если мужъ принадлежитъ къ податному состоянію, онъ можетъ быть, по очереди, отданъ въ военную службу и отправленъ въ россійскія губерніи на многіе годы. По закону, ни онъ не можетъ требовать къ себѣ своей жены, ни жена не можетъ отправиться къ нему. Другой вопросъ, который можетъ быть предложенъ здѣсь, относится къ лицамъ, не принадлежащимъ къ податнымъ сословіямъ. Положимъ, что чиновникъ, служащій въ Сибири, вступаетъ въ бракъ съ сосланною женщиною. Спрашивается: можетъ ли онъ быть переведенъ, по распоряженію начальства или по собственному желанію, на службу въ губерніи европейской Россіи? Строго держась закона, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. На томъ же основаніи, лицамъ, временно пребывающимъ въ Сибири или по обязанностямъ службы, или по собственнымъ дѣламъ, и обязаннымъ постояннымъ жительствомъ въ Россіи, не можетъ быть дано разрѣшеніе на бракъ съ женщиною, сосланною въ Сибирь.

Ссыльнымъ мужчинамъ дозволяются браки какъ съ сосланными преступницами, такъ и съ женщинами свободнаго состоянія (ст.

(*) Уст. о ссыльн., ст. 765.

766). Такимъ образомъ относительно брака, какъ мужчины, такъ и женщины поставлены въ одинаковое положеніе. Разница между тѣми и другими заключается только въ томъ, что отъ женщинъ свободнаго состоянія вовсе не требуются подписки, о которыхъ говорится въ 765 статьѣ. Да такія подписки и не нужны: женщина не сообщаетъ правъ своему мужу; съ другой стороны, и потому, что, по общему закону, жена должна имѣть одно и тоже мѣсто жительства съ своимъ мужемъ и не должна отъ него отлучаться, т. е. выѣзжать изъ Сибири. Мужчина свободнаго состоянія имѣетъ то преимущество передъ женщиною, что первый, оставивъ Сибирь, не стѣсняясь подпискою, можетъ оставаться въ Россіи сколько ему угодно (законъ не опредѣляетъ наказанія за несоблюденіе подписки); женщина же на выѣздъ въ Россію должна получить увольненіе отъ мужа и, въ случаѣ невозвращенія, можетъ быть вытребована имъ. Само собою разумѣется, что въ отношеніи къ бракамъ лицъ сосланныхъ (все равно—оба ли супруга сосланные, или только одинъ изъ нихъ) должны примѣняться также общія правила о расторженіи брака по прелюбодѣянію, неспособности къ брачному сожитію и безвѣстному отсутствію.

Законодательство ясно опредѣляетъ также и положеніе дѣтей. Дѣти всѣхъ вообще сосланныхъ въ Сибирь преступниковъ пользуются правами того состоянія, въ которомъ состояли отцы ихъ въ то время, когда они прижиты, т. е. рождены уже или зачаты до ссылки, или послѣ ссылки. Посему дѣти сосланнаго преступника, рожденныя или зачатыя *до исполненія* надъ нимъ *приговора*, остаются при прежнихъ правахъ своихъ, прижитыя же послѣ исполненія приговора приписываются къ податнымъ обществамъ, и перечисляются изъ одного мѣста или званія въ другое на основаніи общихъ правилъ (ст. 767). Это правило распространяется и на государственныхъ или политическихъ преступниковъ: дѣти ихъ, рожденныя послѣ произнесенія надъ отцами ихъ приговора, причисляются въ казенные поселяне (ст. 771). И дѣйствительная жизнь представляетъ намъ такіе примѣры.

Вопреки увѣренію г. Филипова, въ законодательствѣ нашемъ постановлены обстоятельныя правила и о порядкѣ наслѣдованія въ имуществахъ, оставшихся послѣ смерти ссыльныхъ. Законъ прежде всего постановляетъ: «осужденные къ ссылкѣ въ каторжную

работу или на поселеніе, какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія, не могутъ пріобрѣтать никакого *недвижимаго* имущества въ собственность; но дѣлаются исключенія закономъ только «для поощренія ихъ къ трудолюбію, бережливости и осѣдлой жизни и для обезпеченія пользъ не участвовавшихъ въ преступленіи женъ и дѣтей ихъ» (ст. 773). Осужденные въ Сибирь на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, могутъ пріобрѣтать такія имущества (домы и земли) только на имя Экспедиціи о Ссыльныхъ (ст. 774). Но пользуясь такими имуществами, ссыльно-поселенцы, до перечисленія ихъ въ государственные крестьяне, не могутъ располагать ими ни посредствомъ продажи или иной сдѣлки, ни закладывать или обременять; имъ дозволяется только просить начальство о промѣнѣ такого имущества на другое такое же недвижимое равной цѣны (ст. 783). При перечисленіи же въ государственные крестьяне, имущества Экспедиціею передаются имъ въ собственность посредствомъ данной (ст. 782). Этими постановленіями опредѣляется порядокъ пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. Слѣдующія постановленія опредѣляютъ порядокъ наслѣдованія вообще имуществами. Въ случаѣ смерти *пользующагося* купленнымъ Экспедиціею о Ссыльныхъ недвижимымъ имуществомъ ссыльно-поселенца, или же осужденія его за новое преступленіе къ ссылкѣ въ другое мѣсто или къ наказанію высшей степени, имущество это отдается въ собственность женѣ его или дѣтямъ и другимъ нисходящимъ отъ него, *если они находятся на жительствѣ въ той губерніи или области, гдѣ онъ былъ поселенъ, и не лишены правъ состоянія* (*). Когда же жена или дѣти его принадлежатъ также къ ссыльно-поселенцамъ, но не участвовали въ новомъ его преступленіи и остаются на прежнемъ мѣстѣ жительства, то имъ дозволяется владѣть и пользоваться имуществомъ на томъ же основаніи, какъ имъ пользовался удаляемый оттолѣ ссыльно-поселенецъ (785). Конечно, это естественное послѣдствіе изъ того общаго правила, которое выражено въ 773 ст., что осужденные къ ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе, какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія, не могутъ пріобрѣтать никакого имущества *въ собственность*.

(*) Иначе имущество, какъ вымороченое, продается съ публичнаго торга и деньги поступаютъ въ экономическій капиталъ ссыльныхъ той губерніи или области (ст. 787).

Изъ предъидущаго можно видѣть, что лишеніе правъ состоянія одного изъ супруговъ производитъ важное измѣненіе въ правѣ наслѣдованія: одному и тому же лицу можно дважды наслѣдовать. Когда послѣ сосланнаго остаются жена и дѣти, неучаствовавшія въ преступленіи, они наслѣдуютъ ему въ томъ имуществѣ, какое принадлежало ему до ссылки; потомъ, когда они послѣдовали за ссыльнымъ, снова наслѣдуютъ ему послѣ его естественной смерти или послѣ новой ссылки, если только находятся въ той губерніи или области, гдѣ онъ былъ поселенъ, когда сами не лишены правъ состоянія.

До сихъ поръ рѣчь шла только о ссыльно-поселенцахъ. Что же касается ссыльно-каторжныхъ, то до тѣхъ поръ, пока они не будутъ обращены въ разрядъ поселенцевъ, вообще ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ имъ не дозволяется пріобрѣтеніе и пользованіе недвижимою собственностію (ст. 787); только переведенные въ разрядъ исправляющихся могутъ получить дозволеніе построить для себя домъ на землѣ, принадлежащей заводу (ср. ст. 577), и если по смерти такихъ ссыльно-каторжныхъ останутся не принадлежащіе къ числу каторжныхъ жена, дѣти или иные нисходящіе, то они могутъ или сломать эти строенія и матеріалы употребить по своему усмотрѣнію, или же принять опредѣляемую заводскимъ начальствомъ, по его усмотрѣнію, сумму (ст. 789).

Собственныя *деньги*, равно какъ *и всѣ вообще движимыя имущества*, остающіяся послѣ смерти ссыльнаго и пріобрѣтенныя имъ въ Сибири, переходятъ къ находящимся въ Сибири прямымъ ихъ наслѣдникамъ и женѣ въ слѣдующей ей по закону части (ст. 790); при неимѣніи *прямыхъ* наслѣдниковъ, движимыя имущества поступаютъ къ женамъ ссыльныхъ, какъ къ пришедшимъ съ ними въ Сибирь по своей волѣ, такъ и вышедшимъ за нихъ замужъ во время ссылки (ст. 792). По смерти женъ ссыльныхъ, право этого наслѣдованія (ст. 791), на томъ же основаніи, принадлежитъ мужьямъ ихъ или родителямъ одного съ ними званія, или пришедшимъ съ ними въ Сибирь по своей волѣ (ст. 792). Если же нѣтъ послѣ умершихъ ссыльныхъ прямыхъ наслѣдниковъ и никого изъ упомянутыхъ въ 790—792 статьяхъ лицъ, имѣющихъ право на полученіе движимаго ихъ имущества, то оно *къ наслѣдникамъ*,

пребывающимъ во внутреннихъ губерніяхъ, не обращается, а поступаетъ, по распоряженію Экспедиціи о Ссыльныхъ, чрезъ продажу установленнымъ образомъ, въ экономическій капиталъ ссыльныхъ, и въ особенности въ ту губернію, гдѣ ссыльный по распредѣленіи находился (ст. 793). На тѣхъ же основаніяхъ (ст. 790—793) поступается и тогда, когда ссыльный за новое преступленіе будетъ удаленъ изъ мѣста жительства въ другую сибирскую губернію или область (ст. 794).

Всѣ эти, приведенныя нами, постановленія довольно ясно опредѣляютъ какъ личныя, такъ имущественныя отношенія лицъ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, также положеніе ихъ женъ и дѣтей. Конечно, въ законодательствѣ есть пробѣлы и недомолвки, многіе вопросы имъ не разрѣшены и не предусмотрѣны; но указывать на нихъ намъ не приходится здѣсь,—это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашего предмета. Кромѣ того, практика, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ закона или же восполняетъ его недостатки и пробѣлы; но объ этомъ мы ничего не можетъ сказать, потому что положительно не имѣемъ для того никакихъ данныхъ.

Далѣе, авторъ говоритъ *о послѣдствіяхъ расторженія брака*. Соглашаясь съ большею частью его положеній, мы не будемъ останавливаться на этомъ отдѣлѣ его сочиненія. Сдѣлаемъ только одно замѣчаніе о послѣдствіяхъ развода при лишеніи одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія.

«Относительно послѣдствій развода при лишеніи всѣхъ правъ состоянія, *хотя и нѣтъ прямаго закона*, — какъ утверждаетъ г. Филиповъ,—но онъ (?) косвенно разрѣшается закономъ объ открытіи наслѣдства (1222 ст. X т. кн. 1-й); тамъ ясно выговорено, что «лишеніе всѣхъ правъ состоянія есть поводъ къ открытію наслѣдства». Но и раньше этой статьи, есть другая, ближе еще, именно 1159. Въ ней сказано, что «ни мужъ при живой женѣ, ни жена при живомъ мужѣ, не могутъ требовать выдѣла указной части; но если одинъ изъ супруговъ, бывъ изобличенъ въ преступленіи, будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія: то другому, не участвовавшему въ таковомъ преступленіи, выдѣляется изъ имѣнія указная часть также, какъ и по смерти». Законъ совер-

шенно ясный, прямой, и никакого другаго и не нужно: будетъ ли разводъ или не будетъ его — все равно, указная часть выдается.

Въ заключеніе статьи о разводѣ, считаемъ необходимымъ упомянуть о тѣхъ предположеніяхъ, какія высказаны г. Филипповымъ для усовершенствованія нашего законодательства по этой части. Наши законы о расторженіи брака весьма стѣснительны и обставлены столь многочисленными формальностями, продолжительными сроками и другими условіями, что добиться развода даже по тѣмъ причинамъ, какія допускаются самимъ законодательствомъ, бываетъ вообще слишкомъ затруднительно, а иногда и совершенно почти невозможно. Между тѣмъ общественная жизнь очень часто представляетъ такія уродливыя явленія брачныхъ отношеній, что по правдѣ и справедливости необходимо допустить разводъ, ради пользы какъ частныхъ лицъ, такъ и самого общества и государства. Потому таже́ самая жизнь, не смотря на стѣснительность законодательныхъ постановленій, сплошь-да-рядомъ указываетъ на факты, гдѣ супруги сами собою навсегда расходятся; а такіе самовольные разводы по бо́льшей части сопровождаются невыгодными и печальными для общества результатами. Г. Филиповъ, для избѣжанія этихъ послѣдствій, считаетъ необходимымъ разводъ по *добровольному согласію.* Мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этой части его сочиненія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ: «Чѣмъ труднѣе разводъ, чѣмъ болѣе препятствій противуставляютъ ему, тѣмъ больше поводовъ къ безнравственности въ супружеской жизни; женщина, въ подобномъ случаѣ, подъ ширмой мужа, можетъ безнаказанно предаваться своимъ страстямъ; многія изъ нихъ только и выходятъ замужъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ имя. Поэтому въ такихъ обществахъ, гдѣ разводъ труденъ, мы видимъ, что супруги вынуждены расходиться. При разводѣ же они бы могли принести пользу обществу и не внесли бы въ него развратъ, вслѣдствіе своей разлуки; они могли бы вновь вступить въ супружество и осчастливить тѣхъ особъ, съ которыми бы они соединились...... Но въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ женщина получила почетное мѣсто, гдѣ она возвысилась на степень человѣка самостоятельнаго, въ такомъ обществѣ недопущеніе развода можетъ привести даже ко злу. Невинная дѣвица, безъ опыта, знанія свѣта и людей, часто, единственно по желанію и требованію

родителей и родственниковъ, выходитъ замужъ за человѣка, къ которому въ ней нѣтъ ни привязанности, ни уваженія. Спустя годъ, два, а иногда менѣе того, по закону человѣческаго сердца, она должна кого либо полюбить; но бракъ заковалъ ее въ свои цѣпи, а ей остается одно изъ двухъ: или съ геройскимъ самоотверженіемъ умертвить свое сердце, заглушить его вопли и протесты, или же броситься въ объятія любимаго человѣка..... Неужели и религія, нравственность и законъ могутъ желать и доводить человѣка до такихъ ужасныхъ мукъ, до такой страшной его борьбы со своими страстями, въ которой по большей части женщины падаютъ..... Допущеніе развода, по мнѣнію нашему, есть гарантія нравственности супружеской, мѣра заставить обѣ стороны свято и ненарушимо исполнять свои обязанности. Природа человѣка такъ странно устроена, что онъ дорожитъ тѣмъ, что онъ легко можетъ потерять. Приглядитесь къ тѣмъ обществамъ, гдѣ разводъ допускается, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ; не обращаю ужъ ваши взоры на европейскія государства, а посмотрите на нашихъ евреевъ: разводъ у нихъ допускается очень легко, а между тѣмъ мы не можемъ обвинить ихъ въ развратѣ; напротивъ того, они даже отличаются своими семейными добродѣтелями. Неужели такъ легко разлучиться съ человѣкомъ, который былъ намъ нѣкогда дорогъ, съ которымъ есть у насъ дѣти?....... Повторяю снова, приглядитесь къ обществу и вы увидите, что многіе остаются на всю жизнь холостяками, единственно изъ боязни связаться несчастливымъ и неудачнымъ бракомъ. Слѣдствія отъ этого неблагопріятны для общества: съ холостою жизнію вносятся въ него безнравственность и эгоизмъ. При возможности развода установлялось бы больше браковъ не по холодному разчету. Супруги перестали бы другъ на друга роптать, другъ друга чернить; никто не въ правѣ былъ-бы извинять порокъ и развратъ безвыходностію своего положенія; въ обществѣ установились бы возможная гармонія и добрые нравы. Разводъ не нарушаетъ послѣднихъ: онъ напротивъ того покровительствуетъ и составляетъ ихъ равновѣсіе; онъ не обращаетъ браковъ въ *неотразимую судьбу*, дѣлающую часто жизнь человѣка преждевременнымъ, ничѣмъ не заслуженнымъ адомъ.....

«Условіе развода, по нашему мнѣнію, есть то, что онъ долженъ быть по обоюдному согласію супруговъ: односторонность выраже-

нія воли въ подобномъ случаѣ имѣла бы характеръ деспотическій. Но на это, быть можетъ, возразятъ мнѣ, что при несогласіи одного изъ супруговъ на разводъ, благая цѣль закона, соединенная съ постановленіемъ *о добровольномъ согласіи*, рушится. На это возражу: если одинъ изъ супруговъ дурнаго поведенія и служитъ причиною требованія развода другимъ супругомъ, то сторона, желающая развода, можетъ заставить противника на согласіе по этому предмету угрозою: начать процессъ—о прелюбодѣяніи.

«Разводъ *по добровольному согласію*, при извѣстныхъ условіяхъ, допущенъ быть не можетъ. Напримѣръ: если женщина частыми родами растроила на столько свое здоровье, что ей не представляется больше возможности вступить въ новый бракъ; или когда она перешла критическій возрастъ; или когда у нея съ мужемъ прижито *нѣсколько* дѣтей, которыя живы,— во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ не можетъ допустить развода по добровольному согласію............ Женщина молодая, не истощенная супружескою жизнію, не связанная съ мужемъ дѣтьми, находясь въ цвѣтѣ лѣтъ, если и подвергается неудобствамъ этого закона, то ей можетъ предстоять перспектива новаго брака; притомъ же она можетъ обезпечить будущность своимъ брачнымъ контрактомъ. Другое дѣло—женщина, имѣвшая нѣсколько дѣтей съ мужемъ, или потерявшая здоровье въ брачной жизни, или перешедшая тотъ возрастъ, когда можно вступить въ новый бракъ,—такая женщина достойна защиты закона, достойна того, чтобы законъ не далъ мужу противъ нея оружіе. Да и какъ вы въ этихъ дѣлахъ рѣшите вопросъ относительно дѣтей при разводѣ? Кому отдать ихъ, на кого возложить обязанность ихъ воспитанія и образованія? И достоинъ ли мужъ снисхожденія закона, когда онъ рѣшается, по капризу, прогнать отъ себя жену, съ которой онъ прожилъ многіе годы, которая выстрадала своихъ дѣтей, которая за одни свои материнскія муки достойна того, чтобы ея мужъ оказывалъ ей если не любовь, то по крайней мѣрѣ уваженіе и почтеніе».

Нельзя не сознаться, что желаніе автора и высказанныя мысли заслуживаютъ полнаго одобренія; нельзя не согласиться съ общею мыслью его—о необходимости допущенія развода *по добровольному согласію* супруговъ. Можно оспаривать частныя положенія, можно прибавить къ нимъ свои соображенія; но основная идея все же

останется неприкосновенною. Мы воздерживаемся здѣсь отъ обсужденія этого, въ высшей степени важнаго вопроса: но желательно было бы, чтобы онъ былъ возбужденъ въ нашей литературѣ, чтобы обсужденъ былъ всесторонне, чтобы полнѣе и откровеннѣе высказались мнѣнія и за и противъ. Но мы остановимся нѣсколько на другомъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ вопросомъ о разводахъ.

Въ жизни постоянно встрѣчаются такіе случаи, гдѣ совмѣстная жизнь супруговъ крайне стѣснительна, крайне обременительна. Супруги волей-неволей должны разстаться, волей-неволей нарушаютъ законъ, хотя оба они или одинъ изъ нихъ не требуетъ развода или разводъ невозможенъ по особымъ обстоятельствамъ. Дѣйствительность представляетъ множество примѣровъ—ихъ не перечислишь. Напримѣръ, мужъ тиранитъ свою жену—и она все-таки должна жить съ нимъ; мужъ одержимъ неизлечимою, отвратительною болѣзнью, опасною для здоровья и жизни его жены и дѣтей—и все-таки законъ принуждаетъ ихъ жить вмѣстѣ. Мужъ дурнаго поведенія, пьяница, расточитель, странствующій (по праву своего состоянія) по разнымъ мѣстностямъ, требуетъ, чтобы и жена и дѣти также слѣдовали за нимъ; между тѣмъ у жены имѣніе, хорошее хозяйство, обезпечивающее существованіе ея и ея дѣтей, а отсутствіе и кочевая жизнь грозятъ имъ нищенствомъ, голодною смертью, можетъ быть развратомъ. Повторяемъ, такихъ примѣровъ тысячи, чтожъ дѣлать тутъ? Пока у насъ нѣтъ еще разводовъ по добровольному согласію, по контракту: по законамъ же дѣйствующимъ, разводъ невозможенъ. А между тѣмъ видимая жизнь проситъ помощи несчастнымъ, сама рвется изъ гнетущихъ ее рамокъ, не раздвигаемыхъ благодѣтельною рукою закона. Гдѣ помощь бѣдствующимъ?

Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ совершенно необходимо и въ высшей степени благодѣтельно было бы допустить *разлученіе мужа и жены*, по жалобѣ той или другой стороны, а при особенныхъ обстоятельствахъ и по просьбѣ обоихъ. Рѣшеніе этого вопроса должно подлежать не духовной власти, а власти гражданской, и не исполнительной, а непремѣнно судебной (*).

(*) Г. Филиповъ, въ своей статьѣ, доказываетъ ту мысль, что и самый разводъ есть предметъ гражданскаго, а не каноническаго права.

Если есть основаніе бракоразводныя дѣла предоставлять разсмотрѣнію духовнаго суда, то, конечно, потому, что бракъ въ нашей церкви признается за таинство и власть гражданская не вмѣшивается здѣсь, но призываетъ къ участію церковь. При разлученіи же мужа и жены отъ сожительства бракъ, какъ таинство, не прекращается; онъ прекращается, по особо уважительнымъ причинамъ, только фактически, и по миновапіи этихъ причинъ или и по обоюдной просьбѣ супруговъ онъ всегда можетъ быть возстановленъ фактически. Точно также разлученіе супруговъ не можетъ и не должно быть предоставляемо разсмотрѣнію власти полицейской: отъ полицейской власти всегда можно ожидать болѣе произвола и болѣе стѣсненій, чѣмъ отъ суда. Впрочемъ, и здѣсь полиція найдетъ свою роль: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ представляется настоятельная необходимость въ немедленной защитѣ стороны угнетенной (напр. при жестокомъ обращеніи мужа съ женою и съ дѣтьми), полиція можетъ, по просьбѣ обиженной стороны, дать разрѣшеніе на разлученіе, лишь до времени, когда окончится дѣло судебнымъ порядкомъ. Окончательное же разрѣшеніе вопроса о разлученіи, какъ разсмотрѣніе иска, долженствующаго основываться на доказательствахъ, составляетъ неотъемлемое право суда и рѣшеніе судебное можетъ быть отмѣнено не иначе, какъ судебнымъ же рѣшеніемъ высшей инстанціи.

Искъ о разлученіи долженъ начинаться обыкновеннымъ порядкомъ, съ низшей судебной инстанціи, и оканчиваться во второй степени суда, но съ правомъ аппеляціи недовольной рѣшеніемъ стороны Правительствующему Сенату. Какъ скоро будутъ объ этомъ предметѣ изданы положительные законы, не встрѣтится уже необходимости обращаться за разрѣшеніемъ къ верховной власти, развѣ въ особенно важныхъ только и исключительныхъ обстоятельствахъ.

Судъ, постановляя рѣшеніе о разлученіи мужа и жены, обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить и тѣ отношенія, какія должны существовать съ того времени между супругами. Онъ опредѣляетъ ихъ имущественныя отношенія и участь дѣтей, если они есть у нихъ и находятся при родителяхъ (т. е. не въ казенныхъ заведеніяхъ, не на службѣ, а дочери не замужемъ). Напримѣръ, судъ опредѣляетъ, что мужъ, обвиненный въ жестокомъ обращеніи съ женою,

обязанъ давать ей и дѣтямъ соотвѣтственное его состоянію содержаніе; если разлученіе допущено потому, что мужъ находится въ неизлечимой и заразительной болѣзни и не имѣетъ средствъ къ существованію, то жена, по своему состоянію, должна давать пропитаніе и т. п. Все это опредѣляется судомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, смотря по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что допущеніе разлученія мужа и жены въ извѣстныхъ случаяхъ, по судебному рѣшенію, нисколько не противорѣчитъ христіанской религіи, ибо оно, не разрывая брака, какъ таинства, поддерживаетъ даже вѣру въ него; оно устраняетъ тотъ страхъ, который служитъ препятствіемъ къ заключенію браковъ, потому что брачащіеся не будутъ видѣть въ немъ безъисходной кабалы, при какихъ-либо несчастіяхъ, дѣлающихъ совмѣстное сожительство невыносимымъ и невозможнымъ. Разлученіе нравственно и справедливо, потому что оно во многихъ и многихъ случаяхъ будетъ удерживать отъ пьянства, распутства, прямою дорогою ведущихъ къ самымъ страшнымъ преступленіямъ (убійству, ядоотравленію, самоубійству, и т. д. и т. д.). Мы вполнѣ увѣрены, что мысль о необходимости закона объ разлученіи мужа и жены уже давно созрѣла въ нашемъ обществѣ и самомъ правительствѣ.

П. МУЛЛОВЪ.

ЗАПИСКИ С. А. ПОРОШИНА.

И дилетанты, и присяжные ученые давно согласились, что памятныя записки (мемуары), веденныя въ тиши кабинетовъ литераторами, художниками, правительственными дѣятелями, а подъ часъ и простымъ грамотнымъ человѣкомъ составляютъ одинъ изъ лучшихъ и необходимѣйшихъ историческихъ матеріаловъ. Матеріалъ этотъ тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ въ наше время значенія, что только съ его помощію можно обрисовать общественную и домашнюю жизнь прошлыхъ эпохъ, во всѣхъ ея характеристическихъ мелочахъ и подробностяхъ, что только при внимательномъ его изученіи можетъ быть картина полна и краски ярки. Не смотря на то, записки издаются у насъ не всегда съ должною осмотрительностію и уваженіемъ къ памятникамъ подобнаго рода. Во многихъ случаяхъ видимъ мы произвольные пропуски, сокращенія, утаиванье именъ и отсутствіе коментарія. Не останавливаясь на причинахъ, ради которыхъ допускаются эти искаженія (что можетъ повести слишкомъ далеко), мы указываемъ на дѣло, какъ оно есть. Стóитъ только обратиться къ запискамъ Храповицкаго, напечатаннымъ въ Отечественныхъ Запискахъ Свиньина, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости нашего замѣчанія. Записки Медвѣдева, изданныя г. Сахаровымъ,— другой, не менѣе убѣдительный тому примѣръ. Впрочемъ, если высчитывать въ области историческихъ матеріаловъ все, что явилось у насъ въ печати исправленнымъ и неполнымъ, то съ этимъ не скоро покончить. Предметъ назидательный и любопытный! и будущіе историки по неволѣ должны будутъ посвятить свой досугъ его изслѣдованью; а мы пока остановимся на одной книгѣ.

Въ 1844 году были изданы въ С.-Петербургѣ: «Семена Порошина записки, служащія къ исторіи его императорскаго высочества, благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича, наслѣдника престолу россійскаго» (in 8º, въ типографіи К. Края, стр. XVIII и 563, съ портретомъ и снимками почерковъ). Изданіе это нельзя упрекнуть въ тѣхъ искаженіяхъ и той безпорядочности, какимъ подверглись многія другія записки; книга напечатана съ

знаніемъ дѣла, отчетливо и опрятно, но, къ сожалѣнію, и здѣсь нечего искать той безукоризненной полноты, которая составляетъ одно изъ первыхъ и настоятельныхъ требованій строго-ученаго изданія. Мы имѣли случай пользоваться копіей, списанной, въ 1787 году, съ подлинной рукописи Порошина для библіотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; по сличеніи этой копіи съ печатнымъ экземпляромъ, оказалось, что въ послѣднемъ нѣкоторыя (хотя и немногія) мѣста сокращены, два или три имени обозначены только первою буквою, а замѣтки о самыхъ первыхъ годахъ жизни великаго князя вовсе опущены. Въ печатномъ экземплярѣ записки Порошина начинаются съ сентября 1764 года; въ рукописи собрано все, что происходило съ цесаревичемъ въ царствованіе Елизаветы Петровны и что показалось автору записокъ особенно любопытнымъ. Такъ какъ замѣтки эти знакомятъ насъ съ особенностями тогдашняго воспитанія, а характеромъ воспитанія лучше всего поясняются нравственныя, духовныя стороны человѣка, то мы рѣшаемся привести эти разсказы Порошина вполнѣ:

«Фузадье съ самова рожденія шесть недѣль жилъ въ одной комнатѣ съ великимъ княземъ, и Потье тутъ-же. Потомъ Фузадье вышелъ, и въ то только время, какъ великій князь нездоровъ былъ, ночевалъ у него, перемѣняясь съ Кондоиди, а днемъ каждый день были. При обѣденномъ столѣ однакожъ обыкновенно бывалъ или Кондоиди или Фузадье; стояли только тутъ, а не обѣдали. Обѣдали съ великимъ княземъ до Никиты Ивановича (*) обыкновенно Иванъ Иванычъ Ахлебининъ, Савелей Даниловичъ и Анна Даниловна; прочіе женщины такъ служивали.

Какъ пришолъ Никита Ивановичъ, то изъ оныхъ за столомъ съ великимъ княземъ никто уже не обѣдалъ, а обѣдалъ только Никита Ивановичъ, Остервальдъ, Бахметевъ, Долгорукой и Сакенъ послѣ, хоть не всѣ вдругъ, и рѣдко кто изъ постороннихъ.

И по опредѣленіи уже Никиты Ивановича бабы всѣ тутъ были до 761-го году, и спали всѣ съ великимъ же княземъ въ одной комнатѣ по прежнему. Въ 761-мъ году началъ уже спать съ великимъ княземъ въ одной комнатѣ Никита Ивановичъ, такъ какъ и

(*) Панина.

нынѣ спитъ. А бабы поутру приходили перемѣнять бѣлье, также и днемъ; въ 762-мъ году совсѣмъ уже отлучены, получаютъ пенсіонъ, пріѣзжаютъ только въ годъ раза три-четыре къ его высочеству въ большіе праздники поздравить.

Какъ родился великій князь, въ самое ево малолѣтство покойная государыня ежедневно къ нему хаживала; иной день бывала раза по два и по три, и ночью иногда приходить изволила. Какъ повыросъ, то совсѣмъ почти не ходила, для того, что мамы ею такъ ево напугали, что онъ трясся, когда ее увидитъ. Мавра Егоровна также большею частью тому была причиной. (Сказывалъ Фузадье.)»

За тѣмъ слѣдуетъ перечень женскихъ именъ; вѣроятно, это тѣ, которыя состояли первоначально при великомъ князѣ:

«Бабушка Фандерша, галанка Фусадіе, мама Татьяна Афанасьевна, карлица, няня Матрена Костянтиновна, дочь ея, кормилица Матрена Дмитревна, жена окопничпова въ Сарскомъ селѣ мастера Матвѣя Ѳедорова, Пулхерія и Кристина каммеръ-юнферы Короткихъ, гоффурьерская жена Бергманша, взятая изъ московскова Вознесенскова монастыря дѣвушка Мавра Ивановна, дворянка Дарья Володимеровна Маслова, Ирина каммерметхенъ татарка.»

«1755-го года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ Савелей Даниловичъ Титовъ. До опредѣленія присылыванъ былъ для забавы, и какъ вел. князь въ первой разъ ево увидѣлъ, то весьма обрадованъ былъ, что увидѣлъ человѣчка такого-жъ малого, какъ и самъ былъ; изъявлялъ радость свою знаками и поставилъ ево съ собою у окошка на стулъ.

Въ томъ-же году ходилъ въ гости къ Матренѣ Костянтиновнѣ и увидѣлъ въ окно, что одинъ истопникъ въ водѣ, оборвавшись съ плоту, утонулъ было. На глазахъ его высочества изъ воды ево вытащили, что ему весьма чудно показалось.

Въ томъ-же годѣ, ходя по маленькому верхнему садику, увидѣлъ вырѣзанные на рѣшеткахъ около фонтана разные ордены; между прочимъ увидѣлъ шведской, и вспомнивши, что такой орденъ на бывшемъ тогда шведскомъ посланникѣ послѣ видѣлъ, показывалъ то знаками. На помочахъ водили тогда Матрена Костянтиновна, такъ какъ и обыкновенно она важивала. Кошка выскочила?

Въ томъ-же годѣ церемоніальной переѣздъ былъ изъ лѣтнева

дворца въ зимней; покойная государыня держала вел. князя на колѣняхъ. Кто-то въ трубку глядѣлъ.

1756-го году въ день Богоявленія, увидѣвъ вел. князь нищева, испугался, легъ въ постель и приказалъ закрыть окна, и послѣ того боялся нищихъ; однако скоро прошло. Въ тотъ-же день покойная государыня императрица пожаловала столовые форфоровые часы, у коихъ внизу представлена была кухня; весьма забавлялся ими.

Опредѣленъ Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ. Послѣ того, недѣли двѣ спустя, опредѣлена Савелья Даниловича родная сестра Анна Даниловна, которую вел. князь назвалъ *Аня*; прежде ее не называлъ никово. Ивана Иваныча называлъ *Жанъ;* солдатъ всѣхъ также называлъ *Жаны.*

Весьма любилъ всякихъ тварей: собачекъ, кошечекъ и тому подобныхъ, особливо кошекъ.

Подавали въ первой разъ особливо приготовленную молошную кашу, которая чрезвычайно поправилася.

Лѣтомъ поѣхали въ Сарское село, гдѣ его высочество водили на помочахъ, по покоямъ, шли вверхъ, по бывшей тогда съ низу до самой Китайской залы дубовой лѣстницѣ, которой нынѣ нѣтъ. Покои показывалъ лакей Волкодавъ. Тогда въ Сарскомъ селѣ спозналъ вел. князь сына нынѣшнева г. генерала Хомутова и еще двухъ артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, коихъ къ нему приводили.

Въ Сарскомъ селѣ въ саду у прудовъ былъ фонтанъ, къ коему весьма захотѣлось побѣжать; однако на помочахъ удержали.

Помнитъ, что планъ баталіи при Ловозицѣ показывалъ ему Савелей Даниловичъ».

1757 годъ.

«При взятьѣ Мемеля пруссаковъ шомполами били на вылазкахъ; какъ Петръ Ив. Панинъ съ извѣстіемъ о Эгерсдорфской баталіи съ трубящими почталіонами въ Сарское село пріѣхалъ, то вел. князь испугался. Тотъ день ужасной громъ.

Какъ великая княжна родилась, то вскорѣ послѣ рожденія ея ходилъ къ ней и весьма любилъ ее, цѣловалъ.

Писалъ (портретъ) Ротари и держалъ во рту эстампы, чтобъ его высочество глядя на нихъ сидѣлъ смирнѣе.

Червей лѣтомъ по садамъ много было; жаръ былъ ужасной. Государь вел. князь опочивалъ много цѣлую недѣлю».

1758 годъ.

«Въ генварѣ мимо зимнева дворца провели команды отъ Астраханскова, Ингерманландскаго и Великолуцкаго полковъ въ армію. Въ окно глядѣли съ Матреной Константиновной. Въ февралѣ или мартѣ вели новой корпусъ; одинъ унтеръ-офицеръ поскользнулся, чему весьма хохоталъ вел. князь. Въ этомъ году трусость напала; какъ Катерина Костянтиновна вошла и дверью хлопнула, то вел. князь испугался, бросился подъ столъ и ухватился за ножку.

Въ семъ году пріѣхалъ Өедоръ Дмитричъ. Вел. князь до пріѣзду очень боялся и думалъ, что наказывать будетъ. Тотъ-же день и посадилъ учить грамотѣ, съ нимъ вмѣстѣ и Ивана Иваныча, Савелья Симоновича и Анну Даниловну, кои притворялись, что не умѣютъ грамотѣ. Чрезъ полчаса самъ вел. князь вскочилъ. Өедоръ Дмитричъ спустя нѣсколько подарилъ его высочеству карту россійскую на паргаменѣ. На оной картѣ означены точно границы Россіи, также главные города и рѣки, дабы явственнѣе въ глаза металось. Надпись на ней слѣдующая: «Его Императорскому Высочеству Государю Великому Князю Павлу Петровичу.

Здѣсь видишь, Государь, наслѣдство и побѣды,
Что славные твои распространили дѣды:
Иванъ и Алексѣй, Петръ и Елисаветъ,
Изъ многихъ областей одинъ содвигли свѣтъ,
Гдѣ рѣкъ великихъ токъ, морей безмѣрныхъ воды,
Безчисленны къ тебѣ усердствуютъ народы,
Всечасно о тебѣ и мыслятъ, и твердятъ:
Ты радость, ты любовь, надежда всѣхъ отрадъ!»

Потомъ какъ покойная государыня пришла къ его высочеству, Өедоръ Дмитричъ представлялъ, чтобъ для его высочества сдѣлать россійскую карту, по коей бы ходить онъ могъ; но государыня изволила сказать, что еще рано.

Потомъ сдѣлали для его высочества костяныхъ гранодеровъ и

мушкатеровъ, у коихъ на бантахъ и на шапкахъ французскія литеры были; также сдѣлали деревянныхъ драгунъ, у коихъ на бантахъ русскія литеры были: складамъ по тому вел. князь учился.

Какъ великая княжна преставилась, то скрывали отъ него это; однакожъ догадался и весьма сожалѣлъ и плакалъ.

Нынѣшній архимандритъ Лаврентій поднесъ духовные концерты.

Хаживалъ какой-то кофешенкъ Осипъ Моисеичъ, съ коимъ вел. князь пріятно провождалъ вечеры.

Была раздвижная крѣпость съ нумера до осьмнадцати, по коей цифры показывалъ его высочеству Ѳедоръ Дмитричъ.—Помнитъ, что Иванъ Иванычъ Охлебининъ въ это время много игралъ въ карты; хаживалъ играть въ кофешенскую. Въ исходѣ сего году въ октябрѣ, ноябрѣ и проч. много рѣзвился мячами; валялись потомъ, шутили съ Савельемъ Данилычемъ, Иваномъ Иванычемъ. Мавра Ивановна, Анна Даниловна, Иванъ Ивановичъ, Савелей Данилычъ въ присѣстъ игрывали; а его высочество въ то время съ стуликами и съ столиками своими возился.

Пришолъ Дюфуръ снимать на парикъ мѣрку; онъ снималъ съ головы великова князя, а Савелей Данилычъ съ болвана, чѣмъ его высочество тѣшился. Ввечеру и Фавантенъ пришелъ для кафтана мѣрку снимать въ первой разъ; до того носилъ дѣтское платье; плакалъ. Какъ парикъ и платье поспѣли, то няня кропила святой водою, и послѣ всякой день въ парикѣ ходилъ.

Оная жъ игра и рѣзвости зимою продолжались.

Весною ложился или очень рано, часовъ въ восемь ввечеру, или уже часу въ первомъ по полуночи, по прихотямъ.

Хаживали пѣвчіе четыре человѣка и пѣвали».

1760 годъ.

«Опредѣлили шестерыхъ лакеевъ, а бывшихъ съ самаго рожденія при великомъ князѣ лакеевъ Березовскаго и Лѣтялина пожаловали въ каммеръ-лакеи. Оныхъ шестеро было: Тешъ, Игнатьевъ, Брежинской, Помаранцовъ, Сидоровъ, Трепольской. Вел. князю представлялъ ихъ Сиверсъ, и онъ всѣхъ поимянно перекликалъ.

Помнитъ его высочество, какъ польской курьеръ пріѣхалъ послѣ франкфуртской баталіи. Вел. Князь былъ тогда въ Монплезирѣ.

Въ комнатахъ оные лакеи катали его высочество сего году часто въ каретѣ, которая была сдѣлана двумѣстная и обита внутри зеленымъ бархатомъ. Вел. князь около кареты и самъ лазилъ и рѣзвился. Пока въ каретѣ важивали, то иногда и засыпалъ его высочество.

Гранадеры Преображенскіе любили; одинъ разъ рѣзвясь, спрятался за гранадера.

Учился изрѣдка писать и въ букварѣ заповѣди, въ коихъ былъ экзаменъ.

Въ саду верхнемъ Петергофскомъ гуливалъ и около редутовъ рѣзвливался. Бывшей у его высочества съ оными жъ шестерыми лакеями опредѣленный тафельдекеръ Ѳедоръ Панкратьичъ Торгашовъ представлялъ иногда комендапта.

Училъ ружьемъ оныхъ всѣхъ лакеевъ; его высочество, Иванъ Иванычъ и Савелей Даниловичъ были офицеры, Тешъ барабанщикъ, Березовской съ алебардой, протчіе съ ружьями въ гранадерскихъ бумажныхъ шапкахъ,—всякой день до Никиты Иваныча. При Никитѣ Иванычѣ раза два только учился ружьемъ, и потомъ никогда.»

Вступленіе Никиты Иваныча.

«Плакивалъ прежде, за мѣсяцъ еще до опредѣленья его, по разсказамъ. Мимо ѣхалъ старикъ въ парикѣ, и потомъ какъ у государыни Никита Иванычъ обѣдалъ, подсылалъ посмотрѣть его; сказали, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмой. Поѣхали въ Петергофъ.

2 іюня вел. князь былъ у покойной государыни, и тамъ съ нею стоя на галереѣ, что въ Петергофѣ между дворцомъ и церковью, увидѣлъ, что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами жолтыми бархатными, заключилъ, что это Никита Иванычъ и неописанно струсилъ, для того что уже размазано было, что какъ скоро онъ опредѣлится, то не будутъ допускать ни Матрену Костянтиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отнимутъ. Стрѣльба была потомъ для праздника ужасная. А вел. князь все воображеніемъ о предстоящей реформѣ упражденъ былъ; со страхомъ и сожа-

леніемъ пошелъ потомъ къ себѣ. Сѣлъ за столъ, и съ нимъ по обыкновенію Матрена Костянтиновна, Анна Даниловна, Савелей Данилычъ, Иванъ Иванычъ и прочіе. Вдругъ растворились двери: вошелъ Иванъ Иванычъ Шуваловъ, за нимъ графъ Михайло Ларіонычъ Воронцовъ, а за Михайломъ Ларіоновичемъ Никита Ивановичъ; и Иванъ Ивановичъ и Михайло Ларіоновичъ объявили, что Никита Ивановичъ пожалованъ къ его высочеству оберъ-гофмейстеромъ: *c'etoit un coup de foudre pour Son Altesse*. Покатилися въ три ручья слезы, и ничево не кушалъ. Иванъ Ивановичъ, Михайло Ларіоновичъ и Никита Ивановичъ тотчасъ потомъ вышли. Объявляли въ компатѣ, что(бъ) всѣ его сошлись, унялибъ на нѣсколько слезы у его высочества. Потомъ вошелъ опять Никита Ивановичъ и заставилъ играть его въ воланы. Сколько волей, вдвое тово неволей игралъ онъ—его высочество, когда увидѣлъ, что Матрена Костянтиновна и проч. при немъ. На другой день поутру повелъ Никита Ивановичъ гулять. Сѣли обѣдать опять съ Матреной Костянтиновной; Никита Ивановичъ и Павелъ Захарьичъ стояли у окошка и тихонько разговаривали, и вел. князь все косился и похныкивалъ. Какъ всталъ, то въ первой разъ сего дня Никита Ивановичъ приказалъ, чтобъ его высочество во рту пополоскалъ у себя; взявши воды въ ротъ, проглотилъ вел. князь; потомъ какъ пополоскалъ, ушелъ Никита Ивановичъ—въ первой день (*). Потомъ смотрѣлъ планы, поднесенные графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ; зашелъ Никита Ивановичъ, опять появились слезы. Приказалъ подвезти Никита Ивановичъ линею и поѣхалъ съ великимъ княземъ по саду гулять. Тутъ посадилъ было Никита Ивановичъ великова князя писать, но опять новыя слезы появились. Потомъ пріѣхавши, велѣли на столъ накрыть; ужинать сѣли съ его высочествомъ Никита Ивановичъ, подлѣ Никиты Иваныча Павелъ Захарьичъ, подлѣ Павла Захарьича Фузадье, подлѣ Фузадье Өедоръ Дмитричъ Бехтѣевъ; вотъ уже другая компанія! полились опять горькія слезы. Переплакавшись, спросилъ его высочество у Никиты Ивановича: для чего Ивана Иваныча и Савелья Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ по прежнему. Никита Ивановичъ отвѣтствовалъ только, что не должно. Опять заплакалъ. Иванъ Ивано-

---

(*) Во всемъ этомъ разсказѣ не соблюдена должная послѣдовательность; видно, что авторъ записывалъ съ чужихъ словъ и наскоро.

вичъ и Савелей Даниловичъ за столомъ у него стояли на третей день; Иванъ Ивановичъ заплакалъ, и Никита Ивановичь выслалъ его. Савелей Даниловичъ только стоя утѣшалъ. Вел. князь, увидя въ дверь Мавру Ивановну, приказалъ было для нее подать приборъ; но Никита Ивановичъ запретилъ; слезы пошли, съ слезами изъ-за стола всталъ, съ слезами и въ постель легъ.

На третей день, пришедши изъ саду, смотрѣлъ его высочество модели поднесеннымъ отъ графа Петра Ивановича всѣмъ онымъ чертежамъ, но ничто не утѣшало. Повелъ Никита Ивановичъ гулять по саду; тамъ встрѣтилъ его высочество многихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ и гулялъ долго. Поразвеселился было нѣсколько, но какъ пришедъ домой увидѣлъ, что большой столъ накрытъ и многіе изъ гулявшихъ за нимъ по саду кавалеровъ у стола оставлены, то взвылъ почти, и во весь столъ въ слезахъ былъ; не привыкъ въ такой компаніи кушать. Послѣ стола гулялъ съ оными кавалерами; не могли они развеселить его.

Чрезъ нѣсколько дней въ одну пору подъ вечеръ къ ужину (ужиналъ тогда его высочество часовъ въ шесть), какъ примѣтили, что его высочеству скучно было, то сказали: не изволитъ ли онъ приказать позвать лакеевъ и велѣть по комнатѣ помаршировать имъ? Кликнули лакеевъ и водилъ ихъ маленькой Иванъ Ильичъ Мироновъ, сынъ помошничей, которой вхожъ былъ въ комнату его высочества. Его высочество былъ смотрителемъ. Потомъ поводя ихъ, оной Иванъ Ильичъ повелъ ихъ строемъ въ кухню за кушаньемъ для его высочества.

Еще черезъ нѣсколько дней училъ лакеевъ его высочество самъ, и это послѣднее было ученье.

Въ Сарское поѣхали. Пріѣхали Неклесъ и Шварцеръ, сдѣлали у Ивана Иваныча концертъ. Вел. князь тамъ слушалъ; сказалъ про Лейлера: *а братъ нынѣча-та хорошо играетъ*. Потомъ скучилось. Тотъ же день былъ куртагъ. Вел. князь лишь только у Гельфердинга выучился поклониться; велѣли такъ кланяться, какъ государыня придетъ. Вошла государыня, зачалъ вел. князь кланяться—и насилу уняли: такое пошло шарканье.

Во время бытности въ Сарскомъ селѣ, опредѣлили Тимофѣя Ивановича Остервальда; не любилъ его великой князь; училъ столицы и исторію, дошелъ напослѣдокъ до Пинова сына, и вышло, что

изъ 30 государей ни одново не было хорошаго. Въ сіе время отъ государыни принесли пять арбузовъ. Стали ихъ разрѣзывать; четыре были негодны, одинъ годинъ. Великій князь сказалъ: *вотъ изъ тритцати государей не было ни одново хорошева, а изъ пяти арбузовъ хотя одинъ да сыскался хорошей.*

20 сентября, въ день рожденія его высочества кушалъ онъ въ Сарскомъ селѣ въ картинной залѣ съ государынею. Спросилъ про пажей, для чего ихъ нѣтъ, или нездоровы? Еще великій князь разговаривалъ по большой части съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Послѣ стола изволилъ пойтить къ государынѣ; дожидался тамъ близко часа. Напослѣдокъ вышла государыня, поговорила кое-что съ его высочествомъ, и потомъ пошелъ онъ къ себѣ; тамъ откланивался Александръ Борисовичъ Бутурлинъ, ѣхалъ къ арміи, и великій князь сказалъ: *Петръ Семеновичъ поѣхалъ миръ сдѣлать и миру не сдѣлалъ; а этотъ теперь конечно ни миру, ни войны не сдѣлаетъ.* Потомъ у великаго князя былъ балъ; онъ не танцовалъ, потому что только лишь *па* зачалъ дѣлать. На балѣ между прочими была княгиня Юсупова съ дочерьми, и въ большую Елисавету великій князь влюбился. Пошелъ къ себѣ во внутреннія покои, сѣлъ ужинать. Приходилъ въ сіе время къ Никитѣ Ивановичу Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ.

Въ оной-же день рожденія приняты Монсъ и Шилингъ.

Поѣхали изъ Сарскова села. Великая сумятица и скачка была тотъ день, какъ изъ Сарскова села пріѣхали сюда въ старой зимней деревянной дворецъ. Выходилъ съ Никитой Ивановичемъ на крыльцо; государыня нынѣшняя хаживала. Какъ послѣ взятья Берлина молебенъ былъ, то великій князь ходилъ къ молебну; пришелъ архіерей новгородской, стоялъ на амвонѣ. Надобно знать, что его высочество монаховъ и всѣхъ духовныхъ боялся, и такъ струсилъ, увидя архіерея на амвонѣ; однакожъ какъ повели къ благословенію, и архіерей съ амвону благословилъ, то нѣсколько поотдало отъ сердца и ободрился. Полюбился тутъ великому князю подъдьякъ его преосвященства маленькой калмычокъ».

1761 годъ.

«На Новой годъ обѣдалъ у государыни. Поздно встали. Великій князь спрашивалъ: который часъ? Говорили, что дурно при госу-

дарынѣ спрашивать; однако сказали, что шестой. Пришедъ, его высочество рѣзвился въ своемъ будуарѣ съ Иваномъ Ильичемъ. Ввечеру просился на фейерверкъ, но не пустили.

25 апрѣля день коронаціи. Въ первой разъ формально танцовалъ его высочество на балѣ. Смотри выше.

Когда Никита Ивановичъ не выѣзжалъ, то великій князь обыкновенно плакалъ; едва успокоить было можно.

Сего-жъ году весною поѣхали на краткое время въ Сарское село. Три дни поживши тамъ, государыня въ скорости отправила великаго князя въ Петербургъ, за тѣмъ что въ селѣ воспа была; сама тамъ изволила остаться. Возвратясь изъ Сарскова села, государыня въ Троицынъ день переѣхала поутру въ лѣтней дворецъ. Великій князь послѣ обѣда переѣхалъ.

Великій князь Петергофъ всегда лутче любилъ, нежели Сарское село.

Изъ лѣтнева дворца черезъ нѣсколько времени поѣхалъ въ Петергофъ; его высочество жилъ нынѣ подъ орломъ; радовался и прыгалъ, что жилъ на новой квартирѣ. Увеселялся между протчимъ вотъ какъ: сыскалъ гдѣ-то палочку и обручь, связалъ ихъ вмѣстѣ, что представляло у него валтору; оную валтору привязавши на долгую веревку, спускалъ съ балкону внизъ; внизу ходъ былъ по лѣсницѣ въ сѣни. Иногда проходящимъ валторою и въ голову попадало; его высочество забавлялся тѣмъ.

Въ одинъ праздникъ былъ балъ; ея величество покойная императрица изволила присутствовать тутъ. Танцовалъ великій князь; потомъ какъ ея величество изволила войтить въ компату, что подлѣ галлереи въ деревянномъ зимнемъ дворцѣ и сѣсть тамъ, то и его высочество тудажъ вышедъ, сталъ подлѣ ея. Государыня изволила разговаривать съ нимъ съ четверть часа, что его высочество за особливую почелъ милость, и очень радъ тому былъ, для того, что сіе рѣдко случалось. Къ великому князю ея величество въ годъ разъ или два ходить изволила—не болѣе, и великій князь во внутренніе ея покои никогда почти не ходилъ. Нынѣшняя государыня ѣзжать къ нему изволила довольно часто.

Какъ нѣкогда въ Петергофѣ гуляючи, въ Монплезиръ зашелъ къ Ивану Ивановичу...

24 ноября, Екатерининъ день. Ввечеру былъ балъ. Его высоче-

ство танцуючи сшибся съ каданcу и танцовалъ дурно. Влюбленъ тогда былъ въ Катерину Николаевну Чоглокову, что нынѣ за Рославлевымъ; просилъ потомъ Никиту Ивановича, чтобы заставилъ танцовать контрантанцы: стали танцовать контрантанцы—и я тутъ зѣвалъ, говорилъ его высочество.

30 ноября, Андреевъ день. Накапунѣ убранъ былъ въ папильеты. Ночью всѣ сбились. Поутру убирался. Убравшись въ орденское платье, изволилъ сказать: *хотѣлъ бы я знать, каковъ-та я теперь?* Его высочество въ первой разъ сего дня одѣлся въ орденское платье. Пошелъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ изъ опочивальни въ другую комнату; Иванъ Ивановичъ поставилъ его передъ зеркало на стулъ; смотрѣлъ великій князь на себя и удивлялся; убираючись, то и дѣло что съ стула спрыгивалъ. Пошли къ обѣдни. Ея величество покойная императрица выходить сего дня также изволила. Послѣ обѣдни пошелъ великій князь къ себѣ, и тамъ завтракалъ. Барабанщики передъ окнами били въ барабанъ. Никита Ивановичъ велѣлъ имъ роздать денегъ. Какъ убирался, то мамы тутъ были и его крестами осѣняли. Позавтракавши, за большой столъ уйтить изволилъ. Сѣли уже въ пятомъ часу въ исходѣ. Государыня была въ орденскомъ платьѣ. У ней по правую сторону сидѣлъ покойной государь, а по лѣвую великій князь мой Павелъ Петровичъ, далѣе прочіе того ордена кавалеры. За стуломъ стоялъ Никита Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и многіе придворные кавалеры. Я былъ кадетской прапорщикъ, и тутъ-же былъ въ старомъ деревянномъ дворцѣ въ галлереѣ, гдѣ столъ оной былъ. Великій князь просилъ арбузу, и ему не дали. Здоровье какъ зачали пить государынино, какъ гроссъ-мейстера, лишь пушка выпалила, тотчасъ вскочилъ. Государыня говорить съ нимъ изволила и шутить; Иванъ Ивановичъ Шуваловъ также, подходя за стулъ, шутилъ съ нимъ, и послѣ ево рѣчи государынѣ пересказывалъ. Я пришедъ домой, располагалъ, какъ-бы со временемъ попасть къ его высочеству. Пришедъ домой, сдѣлалъ изъ стулъ оркестръ и игралъ бѣгаючи кругомъ съ Иваномъ Ильичемъ и съ Ерменевымъ, которой послѣдней нынѣшнева году зачалъ ходить еще въ комнату отъ Ришара. Поигравши, легъ опочивать.

Въ протчіе будпишныя дни учился, только немного, и лѣнивенекъ былъ; дня почти безъ слезъ не проходило. Какъ волосы убе-

рутъ по утру, то долженъ былъ итить учиться, для того лишь буклю сдѣлаютъ, то рукой и испортитъ, и Дюфуръ принужденъ былъ передѣлывать. Наконецъ до тово дошло, что во время убиранья волосовъ и по французски учить приказалъ Никита Ивановичъ. Послѣ обѣда учился, но мало; впрочемъ игралъ съ Ерменевымъ и съ Иваномъ Ильичемъ; по доскамъ, изъ библіотеки взятымъ, ходили какъ по мосту, и разославъ сукно красное по полу, коимъ учительской столъ покрывался, валялись по оному.

Въ октябрѣ 1764 года Александръ Сергѣичъ Строгановъ говорилъ вел. князю, «чтобы изволилъ что-нибудь пожаловать г. Фирштеру, который его высочеству поднесъ пирамидою сдѣланные клавикорты. В. князь изволилъ обѣщать ему то; но при томъ говорилъ что клавикорты напрасно сдѣланы такъ малы, что совсѣмъ они для него негодны, и что для тово надобно и дать поменьше. Александръ Сергѣичъ говорилъ на то по французски: mais il a toujours voulu montrer son zéle, monseigneur! Его высочество съ нѣкоторымъ жаромъ весьма остро отвѣчать ему изволилъ: mais pourquoi a-t-il voulu montrer son zéle sur un petit clavecin?» Въ то же время зашла рѣчь о томъ, что при академіи собрались печатать лѣтописецъ Несторовъ. Его высочество изволилъ спрашивать меня, что это за Несторъ? Я доносилъ о немъ и о его лѣтописи. Наконецъ какъ я сказалъ, чтобъ не худо напечатать и *Степенную книгу* и *Ядро Россійской исторіи*, то опять великій князь спросить изволилъ: *что это за книги*? и я ему доносилъ о нихъ. За столомъ осмѣлился одинъ человѣченцо спросить между разговорами нашими великаго князя: *изволитъ ли онъ сегодня итить на комедію*? и какъ его высочество сказалъ, что не изволитъ, то человѣченцо говорилъ: *да какъ же не изволите? вить севодни русская комедія;* и потомъ перехвативъ самъ у себя: *да полно, за тѣмъ-то я чаю и не изволите итить, что севодни русская!* Великій князь ни одново слова не сказалъ на то. Я радъ, что я подлѣ оного господина не очень близко сидѣлъ; можетъ быть, припомнилъ бы ему, что онъ за столомъ великаго князя россійскаго, и въ жару бы что нибудь лишнее ему выговорилъ. (Слич. съ печатнымъ экземпляромъ, стр. 87—88).

За обѣдомъ 24 декабря 1764 года между прочимъ его превосходительство Никита Ивановичъ сказывалъ, что онъ знавалъ одного

человѣка, который за деньги себя показывалъ, въ томъ, что онъ могъ безпрестанно пить и безпрестанно при томъ....—лилъ сквозь себя такъ, какъ бы сквозь воронку (*).

11 генваря 1765 года великій князь одѣвшись изволилъ пойтить со мною въ жолтую комнату и сѣсть на канапе. Тутъ сказывалъ я его высочеству о разсѣваемыхъ о немъ въ Лишштадскихъ вѣдомостяхъ, подъ артикуломъ: изъ Кельна, злодѣйскихъ слухахъ. Докладывалъ я о томъ третьего дни его превосходительству Никитѣ Ивановичу, и получилъ отъ него позволеніе, чтобы сказать между рѣчей великому князю. Никита Ивановичъ на оной артикулъ приказалъ написать возраженіе. Какъ разсказалъ я обстоятельно его высочеству, то, перемѣнившись въ лицѣ, изволилъ сказать мнѣ: *экъ хто-то меня жалуетъ!* je m'en moque! Говорилъ я его высочеству, что пользуясь бездѣльническимъ онымъ разглашеніемъ, надобно вести себя осторожнѣе и съ состояніемъ своимъ сходственнѣе, особливо въ публикѣ, и при томъ безъ нужды больнымъ не сказываться, дабы злобные недоброхоты не имѣли поводу къ завистливымъ навѣтамъ. Очень благодарилъ меня великой князь за совѣтъ, и что я ему сказалъ о семъ. Съ полчаса времени поговорили мы о сей матеріи. (Смотри стр. 250.) 26 февраля великій князь разговаривалъ съ Порошинымъ о рудокопахъ и землетрясеніи. Подъ симъ и небольшая нѣкоторая аллегорія заключалась.» (стр. 286).

Весьма любопытны тѣ немногія замѣтки Порошина, въ которыхъ говоритъ онъ о нѣжныхъ чувствахъ своего маленькаго воспитанника и ихъ наивномъ дѣтскомъ выраженіи:

2-го сентября 1765 г. «послѣ обѣда, какъ ушелъ Тепловъ, спрашивалъ Никита Ивановичъ у его высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ? Признавался его высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого—того не сказывалъ, говоря, что про эту тайну, такъ какъ и про всѣ его тайны, я только одинъ вѣдаю, и что онъ мнѣ изволилъ дать слово, чтобы никому о томъ не сказывать. Сколько его превосходительство ни спрашивалъ, государь цесаревичъ повѣренности ему въ томъ не сдѣлалъ. Наконецъ говорилъ Никита Ивановичъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ? На сіе отвѣчалъ его высочество, что въ слѣдую-

(*) Къ стр. 222, передъ словами: «Разговорились о смерти гвардіи маіора кн. Меншикова.»

щемъ декабрѣ мѣсяцѣ годъ будетъ. Послѣ сего Никита Ивановичъ вскорѣ изволилъ пойтить къ себѣ, а государь великій князь, попрыгавши и будучи, какъ онъ мнѣ выговаривать изволилъ, весьма тѣмъ доволенъ, что секретъ свой удержалъ за собою,— изволилъ сѣсть за свои ученія» (стр. 394). 9-го октября великій князь «вошелъ въ нѣжныя мысли, и въ томномъ услажденіи по канапе поваливался. Подзывая меня, изволилъ говорить, что онъ видѣлъ свою любезную и что она отъ часу больше его плѣняетъ. Потомъ читали мы *Dictionnaire Encyclopédique*. Его высочество сыскалъ тамъ слово: *amour* и читалъ на него изъясненіе, которое чтеніе однакожъ перервать мы старались (стр. 456). «Въ другомъ мѣстѣ (*) Порошинъ замѣтилъ: «его высочество не имѣетъ еще явственнаго понятія о разности между мужскимъ и женскимъ поломъ; часто о томъ любопытствуетъ, но любопытство его допынѣ малые имѣло успѣхи. Изволилъ и сегодня (25 сент. 1765 г.) покушаться меня о томъ спрашивать; но я конечно не тотъ, который бы передъ государемъ цесаревичемъ когда нибудь выболталъ то, чего не надобно. Отвѣты мои состояли въ шуткахъ, кои отнюдь ничего не объясняли».

Разъ шутя говорили, что приспѣваетъ время вел. князю жениться; ему было двѣнадцать лѣтъ; онъ покраснѣлъ, и между прочимъ сказалъ: *«какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану, и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочетца, да та бѣда, что я одинъ разъ въ комедіи слышалъ, что такихъ рогъ и не видитъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъноситъ.*—Смѣялись мы много о сей его высочества заботливости». (стр. 445).

17 сентября 1765 г. «Я не былъ сегодня дежурный; однако государь цесаревичъ просилъ меня, чтобы... пришелъ я къ нему и поговорилъ съ нимъ о чемъ нибудь, или бы что прочиталъ ему. Его высочество откушалъ у себя въ опочивальнѣ одинъ. Пошли мы за его превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ за большой столъ обѣдать; съ вел. княземъ остался дежурный кавалеръ, мой товарищъ. Изъ-за стола хотѣлъ было я итить къ государю цесаревичу, дабы оной дежурной могъ отойтить обѣдать, но вмѣсто меня кавалеръ, которой былъ поддежурной захотѣлъ самъ итить къ его

(*) Къ стр. 430.

высочеству, такъ какъ ему и слѣдовало. Не противорѣчилъ я въ томъ ни мало, не хотя изъ такой бездѣлицы сдѣлать другому огорченіе; такъ и сдѣлалось. Пошелъ онъ другова смѣнить, а тотъ на ево мѣсто пришелъ обѣдать. Какъ обѣдъ нашъ совсѣмъ кончился, пришли мы всѣ за его превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ къ его высочеству въ опочивальню. Лишь вошелъ я, то примѣтилъ, что его высочество весьма раздраженъ и на вышепомянутова поддежурнова кавалера смотрѣлъ очень косо. Подошедъ, спрашивалъ я государя цесаревича, что онъ такъ гнѣвенъ? Изволилъ отвѣчать мнѣ, указывая на онаго кавалера: *вотъ дуракъ - атъ на меня сердитца, что я тебя люблю.* Я смѣючись говорилъ его высочеству, чтобы онъ успокоился, что всякой изъ моихъ товарищей конечно столько резонабеленъ, что сердитца на него не будетъ, какъ бы онъ меня не жаловалъ, а тогда конечно каждый изъ насъ будетъ на него сердиться, когда онъ что худое сдѣлаетъ. Со всѣмъ тѣмъ напослѣдокъ до того дошло, что его высочество жаловался Никитѣ Ивановичу на поддежурнова онова кавалера, что онъ на него сердится. Кавалеръ поддежурной, къ немалому моему удивленію, совсѣмъ изъ себя выступя, говорилъ его превосходительству, что какъ скоро пришелъ онъ изъ-за стола къ вел. князю смѣнить другова, то его высочество осердясь сказалъ ему: *зачѣмъ тебя чортъ принесъ, для чево не пришелъ ко мнѣ Порошинъ?* Еще въ жару своемъ продолжалъ оной кавалеръ, что его высочество по большой части изволитъ всегда разговаривать со мною, что гнѣвается, когда другой подойдетъ тутъ, что изволитъ говорить (хотя я этова и никогда не слыхалъ), что они всѣ меня ненавидятъ за то, что онъ меня любитъ, что изволитъ бранится и говорить, что какъ бы они меня ни ненавидѣли, онъ еще больше любить меня будетъ на зло имъ, что и самъ де Никита Ивановичъ приказываетъ ему давать мнѣ наставленія, а мнѣ его слушаться, и проч. Всѣ сіи слова тѣмъ страннѣе мнѣ казались, что я прежде о томъ ничего не слыхивалъ, и никогда въ голову мнѣ не приходило, чтобъ любовь его высочества и милость ко мнѣ могла служить къ чьему-нибудь ущербу; а тѣмъ меньше мыслилъ я о комъ-нибудь государю цесаревичу невыгодныя внушенія дѣлать или бы жаловаться, кто меня не любитъ, имѣя всегда отъ такихъ шильничествъ отвращеніе и почитая ихъ

гораздо себя ниже. И изъ сихъ записокъ можно нѣкоторымъ образомъ видѣть, въ чемъ состоятъ мои съ его высочествомъ разговоры. Могу сказать по чести, что и самыя его высочества слабости всегда стараюсь исправить и оборотить къ доброму такими путями, коихъ и самъ онъ иногда не усмотритъ. А такой образъ исправленія—не думаю, чтобъ человѣкъ какой съ смысломъ—худымъ называлъ. Для тово слушая оное ворчанье, я лишь только смѣялся; а ворчанье тѣмъ больше воспалялось. Его превосходительство Никита Ивановичъ кричалъ на вел. князя, для чего онъ такъ неучтиво съ кавалеромъ своимъ обходится, что̀ сдѣлать и надлежало неотмѣнно. Еще его превосходительство изволилъ говорить государю цесаревичу, что ежели онъ такъ поступаетъ, то его превосходительство запрещаетъ, чтобъ съ нимъ одинъ на одинъ никто не оставался, что очень дурно его высочеству такъ изъясняться, а что и тово дурняе, ежели оныя его рѣчи происходятъ отъ какихъ внушеній. Весьма много усматриваю я въ его превосходительствѣ прозорливости, чтобъ подумать, чтобы онъ, упомянувъ о внушеніяхъ, разумѣлъ обо мнѣ подъ тѣмъ. Такой несправедливости отнюдь я отъ нево не надѣюсь, а внутреннее мое увѣреніе о добротѣ моего сердца и о благородствѣ моихъ мыслей истребляетъ наималѣйшія мои въ семъ дѣлѣ сомнѣнія. Его высочество самъ засвидѣтельствовать можетъ, что ему отъ меня жалобы ни на ково не объявлено. Да что о семъ много распространяться? Правда не можетъ быть навсегда закрыта, и совѣсть моя возбраняетъ мнѣ безпокоиться. Государь вел. князь долго изволилъ ходить задумавшись и ко мнѣ подходилъ неоднократно; потомъ изволилъ разбирать съ корабля его принесенные сигнальные флаги» (стр. 414).

21 сентября случилось за обѣдомъ другое происшествіе. В. князь попросилъ себѣ одного кушанья; Панинъ отказалъ ему. «Досадно то показалося вел. князю: разсердился онъ, и положа ложку, отворотился отъ Никиты Ивановича. Его превосходительство въ наказаніе за сію неучтивость и за сіе упрямство вывелъ вел. князя тотчасъ изъ-за стола во внутренніе его покои.... Г. Сальдернъ также недоволенъ будучи симъ его высочества поведеніемъ, какъ и всѣ, сказалъ мнѣ про него съ сердцемъ: *c'est une tête de fer*. Когдабъ не такой былъ случай, и его высочество не столькобъ виноватъ былъ, тобъ я присовѣтовалъ ему, чтобы

выраженіе сыскалъ онъ другое нѣсколько помягче» (къ стр. 422).

На стран. 553-й печатнаго изданія записокъ выпущены слѣдующія интересныя свѣдѣнія, помѣщенныя въ рукописи въ самомъ началѣ «Предварительнаго изъясненія:»

«О сихъ запискахъ знаютъ понынѣ его высочество, Никита Ивановичъ, отецъ Платонъ, кадетскова корпуса маіоръ Глѣбовской, онаго жъ корпуса капитанъ Арсеней Беклешовъ и штатской совѣтникъ Рубановской. Всѣ оныя персоны отчасти ихъ видѣли и читали. Отъ его превосходительства Никиты Ивановича первыхъ тетрадей и понынѣ я не получалъ еще. Также показывалъ я сіи записки нѣкоторымъ изъ любопытныхъ купцовъ, особливо такія въ нихъ мѣста, кои о его высочествѣ могутъ подать высокое мнѣніе. Графамъ Захару и Ивану Григорьевичамъ Чернышевымъ сказывалъ я о сихъ запискахъ; они просили меня, чтобы я показалъ имъ ихъ; но донынѣ еще не случалось показывать, хотя и неоднократно о томъ я былъ прошенъ. Многіе изъ вышепомянутыхъ свѣдавъ, что я ихъ перерываю, наступали на меня съ сильными просьбами, чтобы продолжалъ ихъ, но я не согласился, и нельзя теперь, о чемъ въ продолженіи изъяснюсь болѣе.

«Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ, привели государя цесаревича, что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщался, чтобы никому объ оныхъ не сказывать, и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ обличеніе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ; и въ самомъ дѣлѣ и о сихъ запискахъ увѣряли его высочество, что они со временемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію, для того де, что лѣта ваши дѣтскія—такъ какимъ тамъ быть записнымъ дѣламъ великимъ, да прошлово-жъ де году вы часто плакивали—такъ ужь вѣрно и это внесено туда; просили у меня черезъ другихъ оные доброхоты, чтобы я показалъ сіи свои записки; льзяль этому статца!»

Записки Порошина прерываются въ генварѣ 1766 года; немногія замѣтки, относящіяся къ этому времени, также не вошли сполна въ печатное изданіе. Вотъ что̀ было выпущено:

«*Январь*. Въ новой годъ вышли доклады гвардейскіе и морскіе;

ввечеру былъ при дворѣ балъ и ужинъ въ аванъ-залахъ, что на Неву. Ея величество за столомъ присутствовать изволила. Государь цесаревичъ съ балу къ себѣ пройтить изволилъ, не очень здоровъ былъ.

Размышленію моему извѣстное дѣло, коимъ оно болѣе всего занято, раздѣлено у меня на три части: на выѣздъ, изъясненіе и рѣшительную негоціацію. Первая часть совершается сегодня; приступъ сдѣланъ; какъ всѣ три къ концу приведу, то въ рай преселенъ буду, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе. Во всѣхъ моихъ противностяхъ ты, божество мое, служишь мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ!

На другой день новаго года ввечеру была комедія *Mercure galant*, малая піеса *La soirée de Boulevard*, балетъ Гранжеевъ. Государь вел. князь изволилъ быть.

3-е, 4-е и 5-е число былъ я дома; не очень здоровъ былъ и разбиралъ хаосъ дѣлъ своихъ. Математическая метода и въ общежитіи таковою-же съ пользою употреблена быть можетъ, какъ и въ наукахъ; надобно только присовокупить къ тому знаніе сердца.—Новой годъ былъ въ воскресенье...» (стр. 555).

«7 генваря. Первую часть своего дѣла совершилъ я; былъ тамъ сегодня въ первой разъ, гдѣ обитаетъ мое благополучіе; коль быстро проходятъ тѣ минуты, въ которыя сердце наиприятнѣйшими чуствіями восхищается!» (къ стр. 556) (*)

(*) Сверхъ того, на разныхъ страницахъ замѣчены нами слѣдующія незначительныя сокращенія:

На стр. 64, строка 10: «давно ли онъ самъ говоритъ по русски и какъ давно началъ говорить по французски, и другихъ. . .»

Стр. 88, строка 27: «Его высочество быть тамъ не изволили.»

Стр. 131, строка 2: «о разводѣ гр. Александра Сергѣича.»

На стр. 246 и 250 не означено имя Пумерса, на стр. 404—имя графа Бестужева, на стр. 485—имя Вѣры Николаевны Чеглоковой, а на стр. 489-й—имя Дивіера.

Стр. 251, строка 4 снизу: «Разговоръ его утверждалъ всегдашнее мое мнѣніе о чувствительности его сердца и подавалъ мнѣ поводъ думать, что онъ современемъ не будетъ лѣнивымъ или непослушнымъ обитателемъ во странахъ цитерскихъ.»

Стр. 270, строка 20: «Ужиналъ у насъ графъ А. С. С—въ; говорилъ о госпожѣ Шлидшѣ, называя груди ея брустверомъ.»

Вотъ все, что замѣчено нами изъ тщательнаго сличенія печатнаго экземпляра записокъ съ рукописью и что признаемъ мы необходимымъ для возстановленія полнаго текста сочиненія Порошина. Желаемъ, чтобы при новомъ изданіи его мемуаровъ могли послужить на пользу и наши указанія.

А. Аѳанасьевъ.

На стр. 394, въ концѣ 2-го дня (сентября 1765 г.) пропущены три строки.

Стр. 396, строка 15: «умалить ее и отнять у него всѣ способы, чтобъ дѣлать вредъ обществу.»

Стр. 504, строка 12: «Я, будучи поддежурной съ однимъ изъ нашихъ стоялъ у его высочества на запяткахъ. Ѣхали мы луговою. . .»

Стр. 548, строка 7 снизу: «плясали; сидя за столомъ, Бѣлосельской про своихъ боярышенъ сказалъ между прочимъ, что онѣ изо всѣхъ закусокъ лутче любятъ сосульки.»

Стр. 551, строка 6 снизу: «по псаломщику: даны мнѣ ангели сатанины, да ми пакости дѣютъ.»

ЗАМѢТКИ О ГОРОДѢ ТОРЖКѢ.

Городъ Торжокъ одинъ изъ самыхъ древнихъ великороссійскихъ городовъ. По преданію, объ его основаніи разсказываютъ такъ. Мѣсто, гдѣ стоитъ *теперь* городъ, было прежде пусто. Но такъ какъ Тверца рѣка судоходная и мѣсто это торговымъ людямъ показалось удобнымъ для складки товаровъ, то и начали прежде складывать товары, а потомъ продавать ихъ оптомъ съ мѣста. Вотъ почему, какъ разсказываютъ, уже первые поселенцы назвали это мѣсто *торговымъ*; потомъ, когда торгъ сдѣлался очень великъ, его назвали *Торжищемъ*, а въ послѣдствіи это названіе перешло въ *Торжокъ*. По преданію также извѣстно, что Торжокъ стоялъ между дремучими лѣсами, изъ которыхъ строились какъ обывательскіе дома, такъ и церкви. Подтвержденіемъ преданія служатъ и до сихъ поръ стоящія двѣ деревянныя, древнія церкви, Вознесенская приходская и кладбищенская Христо-Рождественская, и двѣ церкви, разобранныя въ 1814 г., Филипповская и Никитская. Еще можно догадываться, что г. Торжокъ былъ окруженъ дремучими лѣсами, потому что въ простонародіи мѣсто, гдѣ онъ теперь стоитъ, называется *древлянскою землею*.

Г. Торжокъ дѣлается извѣстнымъ съ 1015 г. Въ этомъ году Ефремъ, служившій Борису и Глѣбу въ чинѣ конюшаго, пришелъ къ г. Торжку и за двѣ версты отъ него основалъ страннопріимный домъ. Чрезъ нѣсколько времени Ефремъ избралъ другое мѣсто, на правомъ берегу р. Тверцы, на возвышенномъ мѣстѣ, на посадѣ, отдѣлявшемся отъ города съ сѣверной стороны землянымъ валомъ, гдѣ и основалъ, около 1038 г., Борисо-глѣбскій монастырь (1).

Древній городъ мало занималъ пространства; границами его были съ востока рѣка Тверца, съ юга земляной валъ, съ сѣверозапада ручей Здоровецъ, впадающій въ р. Тверцу. Потомъ, когда такое пространство оказалось тѣснымъ отъ постоянно увеличивающагося народонаселенія, то приходившіе вновь въ г. Торжокъ начали селиться посадами

---

(1) Историческо-статистическое описаніе Новоторжскаго Борисоглѣбскаго манастыря іеромонахомъ Иліодоромъ.

вокругъ обозначеннаго мѣста, которое впослѣдствіи и было названо крѣпостью, а «на посадахъ и по конецъ посадовъ» строились монастыри и церкви. Слѣдовательно, прежде населилась правая сторона р. Тверцы, гдѣ стоялъ городъ и находился Борисоглѣбскій монастырь, а послѣ начала населяться и лѣвая сторона (²).

Г. Торжокъ въ древнія времена былъ окруженъ землянымъ валомъ. Прежде построена была каменная стѣна; но потомъ, когда и ее разрушили, деревянная, съ одиннадцатью башнями, изъ которыхъ 4 проѣзжихъ да 7 глухихъ; всѣ башни имѣли свои названія; изъ нихъ намъ извѣстны: 1) *Спасская* съ проѣзжими воротами, имѣвшая въ вышину до шатра 3 саж. и ½ вершк., кругомъ 10 саженъ съ третью; 2) *Петровская* на каменномъ фундаментѣ, слѣды которой до сихъ поръ видны, на углу къ р. Тверцѣ, мѣрою кругомъ 10 саж. съ полуаршиномъ; 3) *Борисоглѣбская*, мѣрою вокругъ 10 саж.; 4) *Михайловская* проѣзжая, кругомъ 11 саж.; 5) *Тайницкая*, мѣрою 9 саж., также проѣзжая. Эта деревянная стѣна съ башнями сгорѣла въ большой пожаръ 1742 г., а остался одинъ земляной валъ. Близъ сего вала до XIX-го столѣтія лежало около десяти стѣнобитныхъ чугунныхъ пушекъ съ чугунными же ядрами; но откуда и кѣмъ привезены были эти пушки, неизвѣстно. Изъ нихъ до сихъ поръ въ городѣ существуютъ четыре пушки. Какъ видно изъ документовъ Борисоглѣбскаго монастыря, въ немъ было такъ много чугунныхъ ядеръ, изъ которыхъ нѣкоторыя вѣсили болѣе одного пуда, что въ 1792 г. въ монастырскомъ соборѣ изъ нихъ вылиты были плиты и сдѣланъ полъ (³).

Кромѣ того, что г. Торжокъ раздѣлялся рѣкою Тверцою на двѣ части или половины, каждая половина раздѣлялась на концы или улицы, которыя назывались по имени находящихся тамъ церквей. Такихъ концевъ на правой сторонѣ Тверцы было 12, именно: Вознесенскій, Воскресенскій, Пятницкій, Богоявленскій, Егорьевскій, Знаменскій, Успенскій, Космодемьяновскій, Климентовскій, Мироносицкій, Ивановскій, Ипатскій. На лѣвой сторонѣ было пять такихъ концевъ: Ильинскій, Воздвиженскій или Царь-Константиновскій, Дмитровскій, Власьевскій, Никольскій.

Въ Ипатьевскомъ концѣ была Плотницкая слободка, гдѣ жили

(²) Изъ частныхъ записокъ жителей города Торжка.

(³) Изъ частныхъ записокъ и монастырскихъ документовъ.

плотники, въ Дмитровскомъ—Пищальная слободка. Кромѣ этихъ слободокъ были еще слободки, принадлежавшія монастырямъ г. Торжка, какъ-то: Рождественскому, Воскресенскому-Новодѣвичью, Пустынному, Васильевскому и Борисоглѣбскому.

Гдѣ находились загородныя старыя лавочныя мѣста, были городскіе ряды, въ которыхъ продавались разныя издѣлія и припасы и которые отъ продаваемыхъ въ нихъ товаровъ получили и названія, напримѣръ: москательный, сапожный, серебряный, калачный, хлѣбный, горшечный, овощный, молодожный, рыбный, соленый, мясной.

Были четыре мельницы мукомольныя на рѣкѣ Тверцѣ, изъ которыхъ одна принадлежала Борисоглѣбскому монастырю (¹).

Выписка изъ рукописи Нарбека о г. Торжкѣ. «Всего въ городѣ и на посадѣ дворовъ 302, а людей въ нихъ 323 человѣка, да 74 двора, а людей въ нихъ 105 человѣкъ бродящихъ, да вдовиныхъ 43 двора, а въ нихъ 64 вдовы бродящихъ, да 6 дворовъ бобыльихъ, а людей 12 человѣкъ, да 176 человѣкъ дворовыхъ пустыхъ, еще 5 пустыхъ, да еще 26 мѣстъ пустыхъ, пашетъ ихъ сотникъ стрѣлецкій по государевѣ грамотѣ изъ оброку, даетъ оброку въ государеву казну одинъ рубль 16 алтынъ 4 деньги, да пошлинъ два алтына 3 деньги. Да десятъ мѣстъ пустыхъ пашетъ съѣзжей избы подьячій Богданъ Андреевъ, по государевѣ грамотѣ, изъ оброку, а оброку дастъ въ государеву казну по 16 алтынъ и 4 деньги. Да Вознесенскій попъ пашетъ по государевѣ грамотѣ 5 мѣстъ дворовыхъ пустыхъ, да Козьмодемьянскому попу дано къ церкви 26 мѣстъ пустыхъ дворовыхъ. Да стрѣльцы пашутъ 14 мѣстъ пустыхъ дворовыхъ; да Новоторжецъ Павелъ Платовъ пашетъ по государевой грамотѣ 4 мѣста пустыхъ дворовыхъ; да Спаса соборныя церкви протопопъ Яковъ съ братьею пашетъ 44 мѣста пустыхъ по государевѣ грамотѣ; да Ипатцкой попъ пашетъ по государевѣ грамотѣ 9 мѣстъ пустыхъ, а владѣютъ ими монастыри, да перелогомъ поросло посадскихъ черныхъ тяглыхъ 139 мѣстъ».

«Да посадскимъ же тяглымъ людямъ давать оброку въ государеву казну съ 302 дворовъ земли, давать съ двора по десяти денегъ, и того 15 рублевъ три алтына и 2 денги. Да 74 дворовъ бродящихъ людей, да со вдовиныхъ 43 дворишковъ, оброку имъ давать съ земли и съ двора по четыре деньги, и того 2 рубли 18 алтынъ, да со

(¹) Изъ рукописи Нарбека.

шти (шести) дворишковъ бобыльскихъ, давать имъ со двора по гривнѣ, и того 20 алтынъ».

«Да посадскимъ же людямъ давати пятинныхъ и явочныхъ денегъ 6 рублевъ 22 алтына, полчетверти денегъ, да съ семидесяти съ полушести лавки давать по 2 алтына и 2 деньги, и того 5 рублевъ 14 алтынъ 2 деньги».

«Лавочныхъ пустыхъ мѣстъ 301 съ четвертью, 14 мѣстъ полковыхъ, да 107 мѣстъ анбарныхъ пустыхъ, да 85 каменныхъ пустыхъ. А кто на тѣхъ мѣстѣхъ впредь будетъ ставитца, то имъ давать оброку потомужъ 2 алтына и 2 деньги».

«Да около города пашни, что пашутъ Новоторжцы посадскіе люди, давать съ 208 десятинъ сѣннаго покоса оброкъ съ десятины по 8 денегъ».

«А владѣющимъ Новоторскимъ священникомъ разныхъ храмовъ пашнями по купчей, и съ тѣхъ нивъ оброку брать только по 8 денегъ съ десятины».

«А всего имъ платить посадскимъ людемъ и попомъ, съ десятины пашни и съ сѣннымъ покосомъ, по 10 рублевъ по 6 алтынъ по 4 деньги.

«Да въ монастыри и къ приходскимъ храмамъ посадскихъ же людей десятинныя пашни отданы по душамъ 29 десятинъ, и на тѣ десятины пашни перелогомъ поросло сто десятинъ, да лѣсомъ поросло 941 десят., опричь церковныхъ земель и ямскіе слободы пашень, въ полѣ и въ дву потомужъ».

«Да съ 4-хъ мельницъ оброку пошлинъ въ государеву казну по 2 рубля 18 алтынъ и по двѣ деньги».

Въ XVI столѣтіи были установлены въ г. Торжкѣ двѣ пошлины, *дрягильская и рукозновная*, которыя взимались по установленнымъ правиламъ, утвержденнымъ царскими указами и грамотами, за подъемъ, выгрузку, перевозку и за вѣсъ всѣхъ товаровъ, продаваемыхъ въ Торжкѣ. Деньги эти собирались въ казну. Потомъ грамотами Іоанна Грознаго, Бориса Годунова, Василья Ивановича Шуйскаго и Михаила Ѳедоровича, означенныя пошлины были уступлены Борисоглѣбскому монастырю. Но къ концу XVII столѣтія доходы отъ нихъ замѣнены другими; даже монастырь лишился по царскимъ грамотамъ 1654 г. пошлинъ съ Новоторжскаго кабака и таможни, но въ замѣнъ этого Новоторжскій воскобой былъ

отданъ въ пользу монастыря, который и получилъ съ этой статьи оброку въ годъ по 10 руб. на покупку свѣчей, ладану, краснаго вина, просфоръ и на содержаніе монастырской братьи ([5]).

Изъ монастырей замѣчательны слѣдующіе:

1) Рождественскій на посадѣ, на концѣ города, гдѣ стоитъ теперь тюремный острогъ; онъ былъ деревянный и рубленъ на клѣткахъ. Этотъ монастырь въ 1690 г. царскою грамотою былъ приписанъ со всѣми угодьями къ Борисоглѣбскому монастырю, а въ 1764 г. совершенно уничтоженъ и обращенъ въ приходскую Христорождественскую кладбищенскую церковь.

2) Василія Кесарійскаго на посадѣ; также «древянъ клѣтцки»; до Литовскаго раззоренія онъ былъ дѣвичьимъ, по возобновленіи же сдѣланъ мужскимъ; а въ 1764 обращенъ въ приходскую Васильевскую церковь.

3) Монастырь Никитскій, на посадѣ, «древянъ клѣтцки», на горѣ, названной Никитскою, по имени храма Великомученика Никиты. Въ 1764 г. былъ обращенъ въ приходскую Никитскую церковь, которая стояла до 1814 г.

4) Монастырь Троицкій, въ двухъ верстахъ отъ города «а по конецъ посаду, вверхъ по Тверцѣ по рѣкѣ». Въ 1764 году обращенъ въ приходскую кладбищенскую церковь.

5) Монастырь Пустынный, на лѣвомъ берегу рѣки Тверцы, «древянъ клетцки». Въ рукописи Нарбека говорится, что были въ монастырѣ боевые часы «и тѣ часы изъ монастыря взялъ воевода князь Михайло Бѣлосельскій да Иванъ Урусовъ, поставили въ городѣ (Торжкѣ), да и по ся мѣстъ тѣ часы стоятъ въ городѣ».

Есть часы на древней Введенской колокольнѣ Борисоглѣбскаго монастыря безъ ходу; не эти-ли часы изъ Пустыннаго монастыря?

Этотъ монастырь въ 1764 г. обращенъ въ приходскую Николо-Пустынскую кладбищенскую церковь.

([5]) Изъ описанія Борисоглѣбскаго монастыря. Говоря объ оброкѣ, можно кстати замѣтить, что въ описываемой мѣстности въ рублѣ считалось 400 полушекъ, 800 полуполушекъ, 1600 пироговъ, 3200 полупироговъ, 6400 четвертей пироговъ. Кромѣ того укажемъ на сохранившееся преданіе, что въ XVII столѣтіи, внизу большаго земляннаго вала въ Торжкѣ, найденъ боченокъ съ кожаными лоскутками; разсказываютъ, что эти лоскутки ходили въ древнія времена вмѣсто денежной монеты, были видомъ четверосторонніе (?) и имѣли около вершка длиною, съ изображеніемъ крюка или звѣздочки.

6) Воскресенскій Новодѣвичій монастырь основанъ былъ въ XVI-мъ столѣтіи. Есть описаніе этого монастыря, составленное іеромонахомъ Иліодоромъ, а потому я и не буду о немъ болѣе говорить, точно также какъ и о Борисоглѣбскомъ.

Кромѣ названныхъ монастырей, были еще прежде XVII столѣтія: Богословскій, что нынѣ кладбищенская церковь, и Вознесенскій, Богоявленскій, Мироносицкій.

Еще были монастыри, которые приписаны были къ Борисоглѣбскому: Пятницкій, Семеновскій (на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ страннопріимный домъ Ефремія), Богословскій Удаменскій, что теперь въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ Богословскій погостъ, отстоящій отъ города Торжка болѣе чѣмъ на 100 верстъ; къ Борисоглѣбскому монастырю онъ былъ приписанъ въ 1693 году (6).

Вотъ краткое описаніе всѣхъ монастырей, о которыхъ мнѣ удалось навести справки.

Храмы, существовавшіе въ XVII столѣтіи, по описанію Парбека.

Преображенскій каменный храмъ, основанный въ 1364 г., былъ построенъ новоторжскими и новгородскими купцами. Въ этомъ соборѣ въ 1372 г., во время разоренія г. Торжка тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, задохлись многіе жители, ища себѣ здѣсь спасенія. Этотъ соборъ существовалъ до 1814 года. Подлѣ него находилась деревянная церковь Аѳанасія и Кирилла; когда ее разорили—неизвѣстно.

Внутри города храмъ Николая Чудотворца, «древянъ клѣтцки». Потомъ выстроили каменную церковь, которая была разобрана въ 1840 году.

Изъ документовъ Борисоглѣбскаго монастыря видно, что еще былъ храмъ богоотецъ Іоакима и Анны, деревянный, на ручьѣ Здоровцѣ, въ 20 саженяхъ отъ настоящей каменной монастырской ограды. Онъ былъ приписанъ въ 1589 г. къ Борисоглѣбскому монастырю. На его мѣстѣ и до сихъ поръ стоитъ каменный крестъ съ слѣдующею надписью: «Водруженъ сей честный крестъ Христовъ на церковномъ мѣстѣ святыхъ богоотецъ Іокима и Анны, которая

---

(6) Изъ рукописи Парбека.

съ сего мѣста снесена и построена въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ каменная, въ царство благовѣрнаго царя и великаго князя Θеодора Ивановича, всея Русіи, въ 7197 г. (1589). Изображено сіе надписаніе въ лѣто 7194 (1686) Борисоглѣбскаго монастыря при архимандритѣ Тарасіѣ съ братіею».

Храмъ Іоанна Богослова,—судьба его таже какъ и предъидущаго. На старомъ мѣстѣ стоитъ крестъ съ надписью: «Водруженъ сей святый крестъ на церковномъ мѣстѣ святаго апостола Іоанна Богослова, которая съ сего мѣста, ради пустоты, снесена и построена по благословенію преосвященнаго Корнилія, митрополита Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ вмѣсто ся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на святыхъ воротахъ, каменная, въ придѣлѣ 1686 г., при архимандритѣ Тарасіѣ».

Храмъ во имя Рождества пресвятыя Богородицы, деревянный; онъ стоялъ въ нынѣшнихъ рыбныхъ рядахъ. Сгорѣлъ въ 1742 г. 17 апрѣля, когда былъ большой городской пожаръ.

Съ самаго основанія или, говоря точнѣе, съ тѣхъ поръ какъ сталъ извѣстенъ Торжокъ, т. е. съ 1015 до 1578 года, когда Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Торжокъ, этотъ городъ постоянно принадлежалъ къ области Новгородской. Новгородское вѣче распоряжалось имъ, назначая для управленія имъ князей и сажая посадниковъ. Какъ пограничный, онъ терпѣлъ частыя раззоренія во время княжескихъ междоусобій или войнъ Новгорода съ князьями. Случалось и такъ, что Торжокъ ни за что ни про что долженъ быть отвѣчать своими жителями и богатствами за споръ какихъ-нибудь двухъ князей, назначавшихъ разомъ двухъ намѣстниковъ. Такъ, напримѣръ, въ 1159 г. великій князь кіевскій Ростиславъ-Михаилъ оставилъ княжить въ г. Торжкѣ сына своего Давида. Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, князь владимірскій, съ согласія Новгородцевъ, выгналъ изъ Новгорода сына Ростислава Святослава, котораго они заключили въ Ладогѣ, а изъ Торжка Давида. Святославъ бѣжалъ изъ Ладоги, сыскалъ себѣ покровительство въ Суздальской области, и въ 1167 г. отомстилъ Новгород-

цамъ: онъ напалъ на городъ Торжокъ, обратилъ большую его часть въ пепелъ и ограбилъ окрестности (7).

Когда Новгородцы, прежде изгнавъ Ярополка Ростиславича въ угодность в. к. Всеволоду Георгіевичу, опять въ 1181 г. дали въ удѣлъ Ярополку г. Торжокъ, и Ярополкъ снова началъ безпрестанно тревожить Суздальскую область, граничившую съ Новгородскою близъ Торжка, то в. к. Всеволодъ Георгіевичъ въ 1182 г. осадилъ Торжокъ. Жители посылали въ Новгородъ за помощью, но не получивъ ее, мужественно оборонялись болѣе мѣсяца; наконецъ голодъ такъ увеличился, что они рѣшились сдаться; къ тому же и Ярополкъ былъ раненъ стрѣлою; в. князь взялъ Торжокъ, заковалъ въ цѣпи Ярополка, городъ сжегъ, а жителей отвелъ плѣнниками во Владиміръ. Но по ходатайству Новгородцевъ, Всеволодъ вскорѣ отпустилъ плѣнниковъ назадъ.

Въ рукописи Нарбека есть важное замѣчаніе, что въ 1210 г. Торжокъ такъ усилился, что князь Мстиславъ Мстиславичъ, который княжилъ тамъ, вздумалъ его обратить въ столицу и отложившись сдѣлаться самостоятельнымъ княземъ. Онъ зашелъ такъ далеко въ своихъ помыслахъ, что отказался платить дань дѣду своему в. князю Всеволоду Юрьевичу Владимірскому; но не могъ исполнить своего намѣренія, потому что былъ выгнанъ изъ Торжка сыновьями в. князя Константиномъ и Святославомъ.

Въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1207 г. значится только (8): «Тоя же зимы в. к. Всеволодъ посла сыны своя Костянтина съ братьею его на Мстислава Мстиславича на Торжокъ. Мстиславъ же слышавъ, аже идетъ нань рать, изиде изъ Торжку Новгороду, а оттуда иде въ Торопецъ въ свою волость; Костянтинъ съ своею братьею возвратившися со Тфери и Святославъ приде къ нимъ изъ Новгорода и ѣхаша вси къ отцю своему въ Володимерь».

Неизвѣстно, на сколько правдоподобно замѣчаніе Нарбека, но если свѣрить его съ выпискою изъ Лаврентьевской лѣтописи, то можно и повѣрить Нарбеку. Дѣйствительно, въ то время Торжокъ процвѣталъ торговлею хлѣбомъ и былъ довольно богатый городъ; для него еще тогда не наступала печальная година Татарскаго и

(7) Исторія Карамзина, т. 2, глава XVI и XVII.

(8) См. въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, изданныхъ Археограф. Коммиссіею Лаврентьевскую лѣтопись.

Литовскаго пораженій и очень можетъ быть, что когда Мстиславъ завладѣлъ Торжкомъ, то и явилась у него мысль отложиться и сдѣлаться независимымъ.

Зять Мстислава Храбраго Ярославъ былъ въ 1215 г. выгнанъ изъ Новгорода. Онъ засѣлъ въ Торжкѣ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новгорода сдѣлался неурожай; Ярославъ захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и ни воза не пустилъ въ столицу, вызвалъ оттуда жену свою, а когда Новгородцы послали къ нему пословъ съ миролюбивыми предложеніями, то онъ отвергнулъ ихъ и оковавъ цѣпями болѣе 2000 Новгородцевъ, услалъ ихъ въ Переяславль Залѣсскій. Мстиславъ собралъ войско, взялъ Торжокъ и принудилъ Ярослава бѣжать (9).

1238 годъ былъ самый тяжкій для Торжка. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ сѣверныхъ городовъ, надъ которымъ Татары выказали все свое варварство. 5 марта, не смотря на упорную защиту жителей, Татары взяли городъ; ожесточенные его сопротивленіемъ, они рѣзали мущинъ, насиловали и убивали женщинъ, не щадили даже младенцевъ, наконецъ ограбивъ, зажгли его. Это происшествіе описано слѣдующими словами: «А Измаелтяне оступиша Торжекъ по чистой недѣли на съборъ и бишась пороки по двѣ недѣли, и изнемогоша людіе въ градѣ, а изъ Новгорода не бысть имъ помощи, но уже тогда бяшеть сталъ кто же собѣ въ недоумѣніи и неустроеніи и въ страсѣ отъ поганыхъ; а они взяша градъ, и изсѣкоша всѣхъ отъ старець и до младенець, и отъ мужеска полу и до женьска, іерѣйскій чинъ весь и черноризскій, а все изобнажено и поругано, горькою и бѣдною смертію предаша душа своя Господеви, марта въ 5, на средокрестье; туже убіени быша: Иванко посадникъ Новоторжскій, Якимъ Влунковичь, Глѣбъ Борисовичь, Михаилъ Моисѣевичь» (10).

Едва Торжковцы успѣли опомниться отъ нанесеннаго имъ удара и уцѣлѣвшіе отъ Татаръ поселились около Борисоглѣбской каменной церкви, какъ насталъ 1243 годъ, въ который они должны были испытать новый ударъ отъ Литвы, надолго лишившій ихъ возможности опять поправиться. Но какъ это мѣсто было удобно для

(9) Исторія Карамзина, томъ 3, глав. IV.
(10) Полное собраніе русск. лѣтопис., т. IV, Новгородская лѣтопись.

торга, то оно не было совершенно покинуто. Такимъ образомъ, около уцѣлѣвшей каменной церкви Борисоглѣбскаго монастыря въ теченіи времени устроилось довольно большое селеніе, которое и было названо городомъ ([11]). Въ отличіе отъ прежняго ему дали имя *Новый Торгъ* или *Новый Торжокъ*, а уѣздъ его названъ *Новоторжскимъ*, жители же прозвали себя *Новоторжцами* ([12]).

Въ 1265 г. Новгородцы съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ, братомъ Александра Невскаго, сдѣлали договоръ, въ которомъ было постановлено, чтобъ въ Торжкѣ и Волокѣ были княжескіе и ихъ тіуны или судьи, чтобъ ни князю, ни боярамъ не имѣть селъ въ Волокѣ, Торжкѣ и проч.: «а се, княже, волости Новгородскые: Волокъ со всѣми волостями, Торжокъ, Бѣжице и проч.» ([13]).

Торжокъ былъ чрезвычайно важнымъ пунктомъ для Новгородцевъ въ отношеніи доставки хлѣба. Они называли его хлѣбнымъ городомъ и во всѣхъ для нихъ опасныхъ обстоятельствахъ старались, чтобъ лишній хлѣбъ доставлялся прежде въ Новгородъ. Въ лѣтописи есть извѣстіе, что когда Мстиславъ, князь Тверской, не сталъ исполнять договорной грамоты съ Новгородомъ, то Новгородцы начали съ нимъ ссоры. Михаилъ занялъ Торжокъ и не велѣлъ къ Новгородцамъ пускать хлѣба. Тогда Новгородцы встревожились и послали въ Тверь своего архіепископа Давида. Въ 1313 г. миръ былъ заключенъ: «Доконча архіепископъ миръ и князь воротъ отвори и пропусти хлѣбъ.... ([14])».

Въ 1340 г. в. к. Московскій Симеонъ Іоанновичъ послалъ своихъ намѣстниковъ въ Торжокъ для собранія дани. Бояре Новоторжскіе, недовольные этимъ, призвали Новгородцевъ, которые, заключивъ намѣстниковъ в. к. Московскаго, объявили ему, «что онъ только государь Московскій, а не Новгородскій, ибо Новгородъ самъ избираетъ себѣ князя». В. князь началъ готовить войско. Новгородцы вооружались тоже, но чернь требовала мира, а жители Торжка выгнали отъ себя Новгородскихъ чиновниковъ и бояръ своихъ, разломавъ у многихъ дома и убивъ одного знатнѣйшаго, освободили

([11]) Истор. Карамзина т. IV и Новгородская IV лѣтопись.

([12]) Изъ записокъ жителей города и изъ народныхъ преданій.

([13]) Истор. Карамзина, т. IV гл. III, примѣч. 107.

([14]) Истор. Карамзина, т. IV гл. VII.

намѣстниковъ Симеона и впустили в. князя съ войскомъ. Тогда Новгородцы послали архiепископа Василiя съ боярами въ Торжокъ требовать мира; уступили Симеону дань, именуемую *черный боръ*, собираемую въ области Торжка ([15]), и были довольны тѣмъ, что в. князь, по обыкновенiю, грамотою обязался соблюдать ихъ древнiе уставы.

Въ 1364 г. Новоторжцы съ помощью Новгородцевъ построили каменный соборъ во имя Преображенiя Господня.

Въ 1372 году Михаилъ Александровичъ Тверской, желая завладѣть Торжкомъ, изъ опасенiя возрастающей его силы, занялъ его и посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Новгородцы выгнали Тверскихъ намѣстниковъ, ограбили купцовъ и взяли съ Торжка клятву не измѣнять имъ. Князь Михаилъ немедленно обступилъ Торжокъ, требовалъ, чтобы виновные были выданы и чтобы жители опять приняли къ себѣ Тверскаго намѣстника. Бояре Новгородскiе выступили съ войскомъ изъ города, чтобы сразиться съ Михаиломъ. При первой же схваткѣ, воевода Новгородскiй Александръ Абакумовичъ съ своими товарищами палъ, другiе думали спастись бѣгствомъ, но были всѣ перебиты, конница Михаилова топтала ихъ трупы, и князь, разсерженный на жителей, велѣлъ зажечь городъ съ конца по вѣтру. Въ нѣсколько часовъ всѣ зданiя обратились въ пепелъ, въ томъ числѣ монастыри и церкви, кромѣ *трехъ каменныхъ*. Побѣдители освирѣпѣли и, по словамъ лѣтописца, дѣлали такiя злодѣйства, что, «и погани тако не творятъ». Весь городъ былъ ограбленъ, не оставили на образахъ ни золотаго, ни серебрянаго оклада. Женщинъ раздѣвали до нага и порочили монахинь. Нѣкоторые жители, спасаясь, задохлись въ Преображенскомъ каменномъ соборѣ, иные потонули въ Тверцѣ. Наконецъ, когда все было поругано, ограблено и сожжено, побѣдители съ толпами плѣнныхъ отправились восвояси ([16]). Вмѣстѣ съ другими монастырями и Бо-

---

([15]) Черный боръ-дань, собиравмая в. княземъ Московскимъ съ чернаго народа по областямъ Новгородскимъ (такъ говорится въ Ростовской лѣтописи). Но Языковъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, въ объясненiи этого слова, пишетъ, что черный боръ былъ производимъ по Новоторжскимъ областямъ, и приводитъ въ доказательство грамоту, найденную Карамзинымъ (И. Г. Р. т. V, примѣч. 283), въ которой Новгородское вѣче дозволяетъ в. князю Московскому собирать черный боръ по старинѣ по Новоторжскимъ областямъ.

([16]) Новгородская IV лѣтопись и истор. Карамзина, т. V. гл. I.

рисоглѣбскій былъ раззоренъ и ограбленъ; книги и всѣ монастырскіе документы, въ томъ числѣ и рукописное житіе Ефрема, были увезены въ Тверь, гдѣ сгорѣли во время большаго пожара, которому подвергся этотъ городъ въ XIV-мъ столѣтіи.

Но еще въ 1375 г., когда великій князь Дмитрій Іоанновичъ побѣдилъ Михаила, то въ заключенномъ между ними договорѣ помѣщено было слѣдующее условіе: «отпустить захваченныхъ бояръ и слугъ и всѣхъ людей съ ихъ имуществомъ; возвратить колокола, книги церковныя, оклады, сосуды, взятыя въ Торжкѣ вмѣстѣ съ имѣніемъ граждан».

Съ 1375 г. по 1404 г. въ Торжкѣ не произошло ничего, что могло клониться къ его упадку, напротивъ эти года прошли для него довольно мирно, а потому жители обогатились торговлею, и самый городъ сдѣлался больше и принялъ лучшій видъ.

Въ 1405 г. управляли Торжкомъ «вмѣстѣ пополамъ» двое князей, Юрій Святославичъ, князь Смоленской, и Симеонъ Мстиславичъ, князь Вяземскій. Во время пребыванія ихъ въ Торжкѣ, лѣтописецъ разсказываетъ единственный въ своемъ родѣ случай, описанный въ Новгородской лѣтописи такимъ образомъ: «Тойже осени (1406 г.) князь Юрей Смоленскій отъѣхалъ изъ Новогорода на Москву, и князь Василей дасть ему намѣстничество въ Торжьку, и онъ ту убилъ неповинно служащаго ему Семеона Мстиславича, князя Вяземьскаго; на его княгиню Ульяну уязвився окаяннымъ своимъ похотѣніемъ, на его подружіе; она же, предобрая мужелюбица, мужески воспротивися ему, иземши ножъ удари его въ мышцю на ложи его; онъ же възъяривсл въскорѣ самъ князя ея уби, а самой и нози и руки повелѣ отсѣщи, и въврещи и въ рѣку......» (17).

Но для того, чтобы дать болѣе точное понятіе объ этомъ событіи, необходимо обратиться назадъ за нѣсколько лѣтъ и прослѣдить дѣйствія Юрія.

Въ августѣ 1398 года князь Юрій Святославичъ и князь Олегъ Рязанскій подошли къ Смоленску. Въ это время были тамъ мятежъ и крамола—одни хотѣли Витольда, другіе «вотчича» князя Юрія.

Князь Юрій переговорами съ Смольнянами уговорилъ ихъ перейти на его сторону: тѣ отворили ворота и князь съ своимъ войскомъ

---

(17) Изъ Новгородской IV лѣтописи.

вошелъ въ Смоленскъ. Намѣстникъ Витольда, князь Романъ Михайловичъ Брянскій, былъ убитъ, его жену и дѣтей отпустили, а бояръ, которые не хотѣли ни Юрія, ни Брянскихъ, ни Смоленскихъ князей, «посѣкоша». И такъ Юрій овладѣлъ своею отчиною Смоленскомъ и началъ править ею.

Въ 1404 г. в. к. Витольдъ съ Свидригайломъ подступили съ войскомъ къ Смоленску; князь Юрій затворился со всѣми людьми. Витольдъ простоялъ подъ Смоленскомъ семь недѣль, палилъ изъ пушекъ, бился, но все-таки не могъ взять города; отступилъ и началъ грабить и жечь окрестности. Послѣ этого князь Юрій просилъ позволенія у в. к. Василія Дмитріевича Московскаго пріѣхать къ нему и когда получилъ позволеніе, то взявъ съ собою сына Ѳедора и нѣкоторыхъ бояръ и приказавъ ждать себя женѣ своей, отправился бить челомъ въ Москву къ в. князю, отдаваясь ему со всѣмъ семействомъ и со всѣмъ своимъ княженіемъ. Но Василій Дмитріевичъ былъ въ мирѣ съ Витольдомъ, и потому не принялъ его врага подъ свое покровительство. Между тѣмъ какъ Юрій былъ въ Москвѣ, Витольдъ опять съ огромнымъ войскомъ обложилъ Смоленскъ, зная что Юрія нѣтъ. Жители держались, пока голодъ не дошелъ до крайнихъ предѣловъ; наконецъ долгое отсутствіе Юрія также было не малою причиною, что они сдали городъ Витольду 25 іюня. Взявъ городъ, Витольдъ отправилъ въ Литву жену Юрія; бояръ, доброжелателей Юрія, однихъ ограбилъ, другихъ замучилъ, назначилъ своего намѣстника и послалъ изловить Юрія (18). Юрій узнавъ о случившемся, разсудилъ лучше убраться изъ Москвы въ Великій Новгородъ и пріѣхалъ туда съ сыномъ своимъ Ѳедоромъ. Новгородцы въ подобныхъ случаяхъ любили выказать себя великодушными. Мысль быть покровителями нѣсколькихъ знаменитыхъ княжескихъ семействъ русскихъ, которыхъ преслѣдуетъ король Польскій, польстило ихъ самолюбію и гордости. Новгородцы съ пріязнію приняли ихъ и даже дали въ управленіе имъ нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ и Торжокъ; но Юрій, привыкшій господствовать неограниченно, скучалъ своею зависимостію отъ Новгородскаго вѣча. Въ то время в. князь Василій

---

(18) Софійская первая лѣтопись, страница 252.

Дмитріевичъ вступился за Псковичей и пошелъ противъ Витольда. Юрій хотѣлъ воспользоваться этимъ и думая, что великій князь будетъ покровительствовать ему и что онъ опять возвратитъ себѣ свой удѣлъ, явился къ Василью Дмитріевичу и дѣйствительно былъ принятъ ласково и получилъ въ управленіе Торжокъ.

Въ 1405 г. началъ Торжкомъ править Юрій «вмѣстѣ пополамъ съ княземъ Семеномъ Мстиславичемъ Вяземскимъ» (19).

Теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ Юріи. Всѣ разсказы, которые я имѣлъ случай слышать о немъ, хотя излагались на разныя манеры, но сущность ихъ была одна и таже.

По преданію, князь Юрій былъ человѣкъ гордый съ людьми низшими по званію и подобострастный къ высшимъ, человѣкъ, который для исполненія какого бы то ни было своего замысла рѣшился бы на все возможное; наконецъ человѣкъ онъ былъ не богобоязливый, страстный, любившій чрезвычайно роскошь и притомъ человѣкъ жестокій.

Симеонъ Мстиславичъ былъ другъ и утѣшитель Юрія въ горести, раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ изгнаніе и всюду слѣдовалъ за Юріемъ. У Симеона была жена Ульяна, по словамъ лѣтописцевъ, а также и по устнымъ преданіямъ, женщина молодая, красавица собой, но чрезвычайно нравственная, богобоязливая, тихаго и кроткаго характера и страстно любившая своего супруга.

Симеонъ Мстиславичъ, какъ другъ Юрія, имѣлъ нѣкоторое надъ нимъ вліяніе, но и этого человѣка онъ сталъ удалять отъ себя. Юрій прельстился красотою Ульяны и старался и въ ней возбудить нѣжныя къ себѣ чувства, но такъ какъ при Симеонѣ ему все-таки было не ловко, онъ сталъ посылать его въ Москву, и въ другія мѣста, давая порученія, для исполненія коихъ Симеонъ долженъ былъ уѣзжать надолго.

Во время отсутствія Симеона, Юрій старался внушить Ульянѣ, что мужъ ей измѣняетъ, что онъ гораздо скорѣе могъ бы возвратиться, а между тѣмъ, передавая свои чувства, старался всѣми силами соблазнить ее. Но она не вѣрила ему и съ терпѣніемъ переносила разлуку съ человѣкомъ, котораго горячо любила, и когда Симеонъ возвращался, разсказывала ему, что говорилъ ей Юрій о его долгомъ отсутствіи.

(19) Новгородская IV лѣтопись.

Симеонъ началъ подозрѣвать Юрія въ нарушеніи его семейнаго счастія. Онъ старался отклонять отъ себя порученія, по которымъ онъ долго долженъ былъ быть въ отлучкѣ. Въ тоже время онъ въ такомъ видѣ представилъ женѣ своей Юрія, что она поклялась не принимать его и стараться избѣгать даже встрѣчи съ нимъ. Юрій зналъ всѣ дѣйствія Симеона и втайнѣ желалъ ему вредить, а между тѣмъ не оставлялъ своихъ преступныхъ замысловъ и рѣшился во чтобы то ни стало достигнуть своихъ цѣлей.

На лѣвой сторонѣ Тверцы, за городомъ, жилъ колдунъ. Къ этому колдуну является однажды одинъ молодой купецъ, который былъ ограбленъ на дорогѣ; онъ хотѣлъ узнать похитителей своего имущества и потому обратился къ колдуну. Когда купецъ разсказывалъ про свое несчастіе, вдругъ они увидѣли подъѣхавшаго къ дому князя Юрія. Купецъ, не желая встрѣтиться съ нимъ, залѣзъ подъ печь.

Князь Юрій вошелъ и не видя никого въ комнатѣ, началъ просить у колдуна, чтобы тотъ научилъ его какъ склонить Ульяну на невѣрность къ мужу. Колдунъ далъ Юрію зелья, научивъ, чтобы онъ подговорилъ прислужницу Ульяны влить это зелье въ какое нибудь питье. Князь, довольный совѣтомъ, взявъ зелье, отправился. Купецъ же, по уходѣ князя, тотъ часъ вылѣзъ изъ-подъ печи и побѣжалъ объявить обо всемъ слышанномъ княгинѣ. Ульяна въ благодарность за такую преданность заплатила купцу довольно щедро и тѣмъ покрыла его убытки. Услышавъ о такомъ умыслѣ Юрія, она стала чрезвычайно осторожна, удалила отъ себя прислужницъ, которыхъ могла заподозрить, оставивъ около себя самую преданную.

Между тѣмъ Юрій услалъ Симеона въ Москву съ порученіемъ, думая обдѣлать дѣло во время его отсутствія. Но какъ онъ ни старался подговорить прислужницу Ульяны, но все ему не удавалось, а потому онъ отправился опять къ колдуну за совѣтомъ.

Ульяна имѣла обыкновеніе гулять вечеромъ по той дорогѣ, по которой уѣзжалъ мужъ ея; колдунъ научилъ Юрія спрятаться за кустъ, и когда Ульяна подойдетъ близко, то совѣтовалъ ему выскочить изъ-за куста, бросить ей въ лицо порошку, которымъ онъ снабдилъ Юрія и перебѣжать ей дорогу. Колдунъ увѣрялъ Юрія, что если онъ исполнитъ это, то Ульяна полюбитъ его и отдастся

ему. Колдунъ объяснялъ это такъ, что когда Юрій броситъ порошокъ и попадетъ въ глаза, то этимъ онъ покажется въ глазахъ Ульяны необыкновенно красивымъ; тѣмъ, что онъ перебѣжитъ ей дорогу, пересѣчетъ таинственную связь, соединяющую Симеона съ Ульяною, и что послѣдняя съ этихъ поръ только и будетъ думать о Юріи.

Княгиня тотъ же вечеръ отправилась гулять съ дѣвушкой. Юрій сидѣлъ уже за кустомъ и дожидался ее. Княгиня шла задумавшись, опустивъ голову на грудь. Когда она стала подходить къ кусту, гдѣ сидѣлъ Юрій, онъ выглянулъ. Ульяна увидѣла и, испугавшись, отшатнулась назадъ. Служанка спросила ее: что, змѣя? Змѣя! отвѣчала княгиня и бросилась бѣжать домой.

Юрій былъ взбѣшенъ неудачею, но тѣмъ не менѣе желаніе осуществить задуманное дѣлалось все болѣе и болѣе; онъ рѣшился въ ту же ночь, безъ посредства колдуна, привести въ исполненіе свой умыселъ. Для того, чтобы быть смѣлѣе, онъ созвалъ своихъ пріятелей и началъ съ ними пить. Въ самомъ разгарѣ попойки, вдругъ является Симеонъ.

У Юрія не было и въ мысляхъ, что Симеонъ можетъ пріѣхать въ эту ночь, а потому это неожиданное появленіе раздражило Юрія и онъ встрѣтилъ Симеона укорами за то, что онъ возвратился не исполнивъ всѣхъ порученій. Тогда Симеонъ объявилъ, что дѣйствительно онъ пріѣхалъ нарочно ранѣе, чѣмъ могли ждать, для того чтобы самому увидѣть, что дѣлается въ его отсутствіи. Этого было достаточно, чтобы окончательно вывести изъ терпѣнія Юрія и безъ того разсерженнаго неудачами и къ тому же пьянаго. Онъ бросился было на Семеона и хотѣлъ убить его, но сынъ его Ѳедоръ удержалъ. Юрій приказалъ схватить Симеона и, заковавъ его, посадилъ въ подполье.

Когда настала ночь, онъ отправился къ дому Ульяны. Княгиня не спала. Юрій влѣзъ въ ея комнату чрезъ отворенное окно. Ульяна хотѣла убѣжать, но онъ удержалъ ее; она начала просить о пощадѣ; но когда онъ не хотѣлъ слышать ея моленій, и когда она увидѣла, что они не помогаютъ, то приняла грозный видъ и сказала: «почто, княже, всуе подвизаешся и вотще сіе неподобное дѣло дѣлаешъ; ты знаешъ, княже, что мужа имѣю, и како можно мнѣ честное это ложе осквернити? лучше умру, нежели таковое дѣло сотворю. А

если ты не оставишъ своего помышленія, то уязвенъ будеши отъ меня». Но онъ не внималъ ея словамъ, проникнутый одной страстью, которую хотѣлъ удовлетворить. Онъ крѣпко обнялъ Ульяну, но она вырвалась изъ его страстныхъ объятій, схватила ножъ и ударила его въ мышцу. Тогда чувство самосохраненія взяло верхъ; князь измѣнился въ лицѣ и началъ угрожать Ульянѣ смертью, но она все-таки была непреклонна и соглашалась скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить мужу. Въ это время послышался шумъ, и Юрій, испугавшись, выскочилъ въ окно. Дорогой, идя домой, онъ рѣшился убить Симеона, думая, что когда его не будетъ въ живыхъ, то Ульяну скорѣй можно склонить согласиться на его желаніе.

Возвратясь домой, онъ велѣлъ призвать Симеона, и когда тотъ не хотѣлъ отвѣчать, то Юрій выхватилъ свой мечь и отрубилъ ему голову; наконецъ онъ взялъ эту голову и опять отправился къ Ульянѣ, а когда его не пускали, то велѣлъ слугамъ своимъ разломать дверь и ворвался въ комнату къ княгинѣ. Онъ снова началъ уговаривать ее, но когда она все-таки не соглашалась, то онъ показалъ ей голову Симеона; пораженная этимъ, она, не помня что дѣлаетъ, бросилась стремительно на Юрія, чтобъ отнять у него голову своего мужа, но Юрій думая, что она хочетъ убить его, выхватилъ мечь и однимъ ударомъ убилъ ее.

Между тѣмъ въ городѣ сдѣлалась тревога; Юрій, услышавъ шумъ на дворѣ и не желая, чтобы его застали на мѣстѣ преступленія, отрубилъ у мертвой княгинѣ ноги и руки, выбросилъ ихъ какъ и остальное тѣло въ рѣку Тверцу, а самъ выскочилъ въ окно, пробрался, какъ то, домой, и съ нѣсколькими боярами, прежде чѣмъ все разъяснилось въ городѣ, ускакалъ изъ него.

Преданіе это имѣетъ чрезвычайно много общаго съ извѣстіями лѣтописцевъ, такъ напр. въ Архангельской лѣтописи говорится объ этомъ событіи: «И уязви діаволъ князя Юрія на княгиню», потомъ: «и на пиру у себя князь Юрій уби князя Семеона Мстиславича, и княгиню взя на постелю сильно; княгиня жъ князь Семеонова, не хотя осквернити тѣла своего, вземъ ножъ княжъ Юрьевъ, удари у постели въ гортань князя Юрья; онъ же защитися рукою и удари въ мышку, а побѣже князь Юрье и похвати мечь, догна ея на дворѣ и усѣче ея, а самъ побѣже въ Орду».

Дѣйствительно, послѣ этого поступка онъ убѣжалъ въ Орду.

Чрезъ годъ, т. е. въ 1407 г., Юрій, мучимый совѣстью, поболѣвъ немного, умеръ 13 сентября въ изгнаніи въ Рязанской землѣ, въ монастырѣ у нѣкоего христолюбиваго старца, игумена Петра (20).

Отъ 1407 г. о Торжкѣ упоминается въ лѣтописяхъ вскользь и въ судьбѣ его до 1478 г. не произошло ничего замѣчательнаго. Съ паденіемъ Новгорода онъ поступилъ подъ власть царей и великихъ князей Московскихъ.

Въ 1609 г. Торжокъ былъ раззоренъ Поляками; церкви и монастыри были ограблены, жители частію избиты, частію сожжены въ деревянной Введенской церкви Борисоглѣбскаго монастыря, съ архимандритомъ Константиномъ и братіею сего монастыря (21).

Кромѣ раззореній, которыя претерпѣлъ Торжокъ отъ непріятелей, онъ много разъ былъ подверженъ большимъ пожарамъ и моровой язвѣ; напр. въ 1300 г. іюня 3-го сгорѣлъ весь Торжокъ, въ 1698 г. пожаръ истребилъ много обывательскихъ домовъ, въ томъ числѣ сгорѣла земская изба съ находящимися тамъ дѣлами.

Въ 1365 г. была въ Торжкѣ моровая язва, которая истребила большое количество людей; въ 1426 г. опять была язва, называвшаяся *черною смертью*. Голодъ также много разъ истреблялъ народонаселеніе (22).

Объ обычаяхъ жителей г. Торжка нѣтъ свѣдѣній; но можно думать, что такъ какъ Торжокъ былъ въ Новгородской землѣ и имѣлъ съ Новгородцами постоянное сообщеніе, то Новоторжцы имѣли обычаи Новгородскіе и не отличались отъ нихъ особенно ни въ семейной, ни въ общественной жизни.

Теперь въ Торжкѣ существуетъ слѣдующее обыкновеніе. Если въ семействѣ есть дочь, то она выходитъ каждый вечеръ сидѣть на лавочку, нарочно сдѣланную у воротъ каждаго дома. Къ ней является молодой человѣкъ, который за ней ухаживаетъ. Онъ садится рядомъ съ ней, обнимаетъ ее, даже сажаетъ на колѣни къ себѣ, цѣлуетъ, и такимъ образомъ эти пары проводятъ каждый вечеръ и сидятъ далеко за полночь. Матери и отцы знаютъ это и нисколько не запрещаютъ дочерямъ проводить такъ вечера. Молодой человѣкъ, ходившій часто къ какой-нибудь дѣвушкѣ сидѣть на лавку,

(20) Новгородская четвертая лѣтопись.

(21) Описаніе Борисоглѣбскаго монастыря.

(22) Изъ рукописи Нарбека.

вовсе не обязанъ жениться на ней, и часто случается, что онъ, походивъ довольно долго къ одной, вдругъ бросаетъ ее и обращается къ другой; у покинутой же сейчасъ является утѣшитель.

Разсказываютъ, что когда Екатерина II проѣзжала черезъ Торжокъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ и остановилась въ немъ для закладки настоящаго Борисоглѣбскаго собора, то въ первый день пріѣзда, она, замѣтивъ это обыкновеніе, выразила свое неудовольствіе и желаніе, чтобы оно прекратилось. Не смотря на то, на другой день Новоторжская молодежъ опять собралась къ своимъ мѣстамъ. Во второй разъ было отдано приказаніе: «не дозволять развиваться такой безнравственности»; но и это приказаніе не было исполнено; тогда на третій день императрица объявила, что если кто ослушается приказанія, то будетъ сосланъ на поселеніе въ дальнія губерніи. На другой день вечеромъ она уѣзжала; садясь въ экипажъ, она съ удивленіемъ увидѣла, что всѣ пары въ праздничныхъ одеждахъ были на своихъ мѣстахъ. Екатерина приказала «распорядиться» и отправилась; но едва успѣла отъѣхать нѣсколько саженей, какъ у экипажа свалилось колесо, лошади испугались и понесли. Тогда со всѣхъ сторонъ кинулись добрые молодцы спасать свою государыню. Лошади были остановлены и императрица, въ знакъ благодарности, простила всѣхъ. Послѣ отъѣзда Екатерины, опять пошло все своимъ порядкомъ и никто уже не мѣшалъ молодымъ сходиться по вечерамъ побалагурить да понѣжничать. «А вѣдь это Богъ хотѣлъ наказать государыню то матушку, за то что хотѣла древній обычай нашъ измѣнить», заключилъ разсказчикъ.

Съ какихъ временъ существуетъ этотъ обычай—неизвѣстно.

Одежда женщинъ въ Торжкѣ была совершенно другая, чѣмъ въ Новгородѣ. Новоторжки носили узкій, коротенькій до колѣнъ сарафанъ, подолъ котораго вышивали золотомъ, серебромъ и шелками. Бѣлая рубашка, у женщинъ съ высокимъ воротомъ, стягивающимся надъ горломъ запоной; у дѣвушекъ шея открытая, рукава сборчастые приподнятые. Дѣвушки заплетали волосы въ косу, женщины носили парчевые и бархатные шитые золотомъ кокошники, которые имѣли видъ опрокинутой плоскодонной чашки, съ подзатыльникомъ, т. е. снурками позади; богатыя украшали кокошники дорогими каменьями. Башмаки какъ дѣвушки, такъ и женщины носили сафьянные

разноцвѣтные: въ большомъ употребленіи были башмаки изъ краснаго сафьяна, шитые золотомъ.

Душегрѣйки, которыя онѣ теперь носятъ, по словамъ однихъ, вошли въ моду съ царствованія Алексѣя Михайловича, а по словамъ другихъ носятся здѣсь съ древнихъ временъ. Душегрѣйка имѣетъ видъ небольшаго шугая, сзади короткаго съ широкими сборами; спереди она вышивается золотомъ галунами; одѣвается же на одинъ правый рукавъ, такъ что лѣвый остается всегда безъ употребленія.

Сергѣй Сухаржевскій.

ДРЕВНІЕ АКТЫ АРХИВА ПЕРЕСЛАВСКАГО ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.

Не о всѣхъ древнихъ актахъ монастырскаго архива мы будемъ говорить здѣсь, но только о тѣхъ, которыми опредѣлялся домашній бытъ вотчинныхъ крестьянъ этого монастыря, укрѣплялись взаимныя ихъ отношенія въ этомъ быту; къ такимъ актамъ мы относимъ: 1) духовную память, 2) данныя, 3) межевую память, 4) купчія, 5) записи: a) дополнительныя къ другимъ актамъ, b) раздѣльную, c) поступную, d) мировую, 6) мірскую выборную, 7) межевыя полюбовныя книги, 8) заемныя кабалы.

1) *Духовная память.*

Содержаніе духовныхъ памятей монастырямъ составляло пожертвованіе отъ частныхъ лицъ въ монастырь на поминъ своей души и душъ сродниковъ своихъ. Въ архивѣ Данилова монастыря есть такой актъ 1586 года. Онъ начинается словами: «во имя Отца и Сына и Св. Духа Троицу единосущную и нераздѣльную»; за тѣмъ: «Се язъ рабъ Божій Матвѣй Дмитріевъ Пыжовъ пишу сее духовную память цѣлымъ умомъ и разумомъ, кому что дати, и на комъ что взяти и кому моя душа поминати. Приказываю свою душу поминати отцу своему духовному, Духовскому игумену Марку, да приказываю свою душу поминати Троицкому Данилова монастыря государю своему архимандриту Сергію съ братьею. А далъ есми въ домъ живоначальные Троицы и препод. Даніилу по своихъ родителѣхъ и по своей душѣ, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ, на поминокъ, вотчину свою отца моего благословеніе Дмитрія Ивановича Пыжова, да дяди моего благословеніе Ѳедора Ивановича Пыжова въ Юрьевѣ Польскомъ, въ Кривцовѣ стану, на р. Шахѣ, сельцо Микульное, да къ тому селцу пустошь Бузаново, въ срокъ безъ выкупа, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ». Благочестивый завѣщатель не просто завѣщаваетъ поминать свою душу; но, кромѣ всеобщаго поминовенія, назначаетъ особые дни, въ которые душа особенно нуждается въ поминовеніи и молитвахъ церковныхъ. «А поминати, говоритъ

онъ далѣе, моя душа архимандриту Сергію съ братьею за тотъ вкладъ четыредесятницу (т. е. сорокоустъ) обѣдню служити по всякъ день, а на третины и на девятины и на полусорочины обѣдніижъ служити и панихиды пѣти соборомъ». Устроивши, такъ сказать, по себѣ поминовеніе, завѣщатель начинаетъ заботиться о поминовеніи душъ сродниковъ своихъ. «Да архимандритужъ Сергію съ братьею послѣ моего живота впрокъ за тотъ вкладъ поминати дѣда моего Ивана, да отца моего Дмитрея и матерь мою Ульяну и дядю моего Θедора, мои родители, и дважды въ годъ на братью кормы чинити, и дѣда моего и отца моего и матерь мою и меня въ сенодикъ написати во вседневной, и иныхъ моихъ родителей написати въ общей сенодикъ». Во вкладъ его въ монастырь, послѣ смерти его, могли вступиться его родственники, могли, какъ родовымъ имѣніемъ, воспользоваться, отнять его у монастыря;—на этотъ случай въ духовной помѣщена угроза суда божія надъ ними. «А что есми далъ въ домъ живоначальные Троицы и препод. Даніилу, до того дѣла нѣтъ никому, послѣ меня ни роду моему, ни племени не вступатися. А кто учнетъ въ ту вотчину которымъ бездѣльемъ вступатись, и тронетъ моею костью и моихъ родителей, и тому съ нами судитися предъ истиннымъ Богомъ нашимъ въ день судный». У отходящаго въ другой міръ, кромѣ означенной вотчины, остается еще много пожитковъ,—онъ и ихъ собираетъ всѣ, и жертвуетъ въ монастырь. «Да взяти мнѣ на бывшемъ на зятѣ своемъ Григорьѣ Львовѣ отца моего живота и сестры моей 30 рублевъ денегъ, да на 60-ти чертвертяхъ насѣяно ржи въ землѣ, да на стѣ сорокѣ четвертяхъ овса въ землѣ, да стоячаго хлѣба двѣсти сотницъ ржи, да четыреста сотницъ овса, да моloченаго хлѣба 150 четв ржи, да 350 четв овса, да 30 четв ячменю, да 15 четв пшеницы, да 3 четв сѣмени коноплянаго, да двѣ четв сѣмени льнянаго, да четыре кони: конь чубаръ, конь сивъ, конь рыжъ, конь сѣръ, да 15 страдныхъ лошадей, да жеребятъ полтретьядцать, да 15 воловъ, да 20 коровъ, да 50 овецъ, да полтретьядцать боровковъ и свиней, да 20 гусей, да 50 куровъ, да 3 доспѣха, да 3 шолома, да 8 сайдаковъ (*), да 8 сабель; и язъ Матвей и тѣ денги 30 рублевъ, и тотъ животъ весь отца моего и вотчину свою приказалъ въ домъ живонач. Троицы и

(*) Влагалище, въ которое кладется лукъ стрѣлометный.

препод. Даніилу и архимандриту Сергію съ братьею. А кто учнетъ въ ту нашу вотчину бездѣльемъ вступатись и учнутъ ту мою вотчину у монастыря отымати, и не буди на нихъ молитва родителей моихъ и наша. А сію духовную написавъ, положилъ еми въ дому живонач. Троицы и у препод. Даніила и ходити архимандриту Сергію съ братьею по тому, какъ въ сей духовной писано».— У сей духовной сидѣли и руки приложили: отецъ его (завѣщателя) духовный, два брата, 5 другихъ свидѣтелей и 3 послуха.

2) *Данныя.*

Девять данныхъ пока открыто мною въ монастырскомъ архивѣ, и всѣ онѣ принадлежатъ къ XVI вѣку. Содержаніе данныхъ тоже, что и духовныхъ памятей, т. е. пожертвованіе въ монастырь какой нибудь вотчины на вѣчный помнокъ души жертвователя и его сродниковъ. При семъ было объясняемо вкладчикомъ, что «та вотчина, кромѣ архимандрита Данилова монастыря, иному никому не продана, не промѣнена, ни по душѣ и въ приданые никому не отдана, ни въ кабалахъ денежныхъ ни въ хлѣбныхъ не заложена ни у кого, ни въ поручныхъ ни въ переводныхъ записѣхъ, ни въ иныхъ крѣпостяхъ не укрѣплена ни у кого ни въ чемъ; а у кого явится на ту вотчину купчая или мѣновная, или рядная, или данная, или духовная, или кабала денежная или хлѣбная, или поручная, или переводная запись или иная какая крѣпость ни буди,—и мнѣ та вотчина очищати ото всѣхъ крѣпостей,—архимандрита же съ братьею въ той своей вотчинѣ убытка ни котораго не довесть». Если вотчина была купленная, то купчая отдавалась при семъ архимандриту.

Иногда, впрочемъ, жертвуема была вотчина въ монастырь не за одно поминовеніе души вкладчика послѣ смерти его; но и для того, чтобы при жизни постричь его въ монастырь. Такъ въ 1576 году нѣкто Иванъ Юрьевъ далъ въ монастырь свою вотчину половину сельца Исакова, да двѣ трети сельца Михѣева, и написалъ въ данной: «меня Ивана постричь въ монастырь, какъ время мое дойдетъ, да и покоити имъ меня, какъ покоятъ и прочую братью,—да у меня Ивана жити въ кельѣ человѣку моему, а пити ему и ѣсти монастырское. А Богъ по мою душу пошлетъ по Иванову, и архиман-

дриту съ братьею меня Ивана и мою жену въ сенодукъ написати, на памѧть и на преставленье обѣдни служити и панихиды пѣти».

Иногда въ данной содержалась не только жертвованная въ монастырь вотчина, но и проданная. Такъ въ 1577 году дѣти Носовы Казаринъ и Данило Никитины дали въ монастырь по своихъ родителяхъ и по себѣ въ вѣчный покой свою вотчину въ Юрьевскомъ уѣздѣ половину пустоши треть сельца Игумнова, а другую половину треть того же сельца продали архимандритужъ, и взяли съ него сорокъ рублей, да пополнки *шубу бѣлью*.

Если вкладчикъ видѣлъ, что въ его вотчину могутъ вступиться его дѣти; то и это было обезпечено въ данной монастырю. Такъ въ 1569 году нѣкто Рюма далъ въ монастырь на помянъ своей души свою вотчину вытку Десятово, и между прочимъ написалъ въ данной: «а будетъ дѣтямъ—Гришкѣ, да Бажану дѣло до отца своего вытки, и имъ дати по купчей Рюминѣ полтретьядцать рублевъ въ домъ живоначальной Троицѣ».

Иногда вкладчикъ не самъ дѣлалъ данную, а поручалъ душеприкащикамъ своимъ написать ее послѣ смерти своей. Такъ въ 1576 году священникъ Митрофанъ и Жданъ Плишкинъ, конюхъ государской стремянной, дали въ Даниловъ монастырь архимандриту съ братьею «Иванову вотчину Андреева, государскаго крестоваго дьяка, *по его приказу*, деревню Ильцыно... а дана по Ивановѣ душѣ и по его женѣ и по ихъ родителяхъ впрокъ безъ выкупу, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ».

3) *Межевая память.*

Межевая память содержитъ въ себѣ подробное описаніе межи купленной или инымъ способомъ пріобрѣтенной земли. Въ ней обозначается и то, кто былъ на лицо при размежеваньи изъ владѣльцевъ какъ этой земли, такъ и смежныхъ съ ней. Подписались и руки приложили къ ней лица, составлявшія между собою сдѣлку о землѣ, и нѣсколько послуховъ.

4) Купчія.

16 купчихъ отысканы въ Даниловскомъ архивѣ: изъ нихъ 9 относятся къ XVI вѣку, 3 къ XVII и 4 къ началу XVIII вѣка. Купчая была актомъ, которымъ укрѣплялась покупка однимъ лицомъ у другаго недвижимой собственности. Здѣсь обозначалось также, за какую сумму куплено извѣстное имѣніе, и если пріобрѣтеніе дѣлалось самимъ монастыремъ, то означалось въ ней не только одно количество отданныхъ за него денегъ, но и то, какія это деньги. Такъ въ 1525 году препод. Даніилъ купилъ сельцо Старое Будовское за 210 рублей, и въ купчей написано: «а купили есмя то сельцо тѣми деньгами, что далъ къ Пречистой Похвалѣ по себѣ на село въ вѣчный поминокъ князь Дмитрей Ивановичъ, сынъ великаго князя Ивана Васильевича, всеа Руссіи, полтораста рублевъ, а къ тому есмя прибавили монастырскихъ денегъ 60 рублевъ». Въ 1566 году архимандритъ Кириллъ купилъ сельцо Кичибухино и селище Дорожаевское за полтретьяста рублей, и въ купчей означено: «а купили есмя то сельцо и селище на Алексѣевы деньги Данилова, Басманова, что далъ онъ по своихъ родителѣхъ и по себѣ въ домъ къ живонач. Троицѣ и всѣмъ святымъ 200 р., да сынъ его Ѳедоръ Алексѣевичъ далъ по своихъ родителѣхъ и по себѣ 50 рублевъ денегъ». Иногда въ купчей означались подробно и межи купленнаго владѣнія, до коихъ оно простиралось (купчая 1527 г).

Въ купчей отъ продавца объяснялось иногда, «что проданная имъ вотчина не продана и не заложена ни у кого, ни въ данныхъ ни въ приданыхъ никому не отдана, ни въ который монастырь по душѣ не отдана, опричь Данилова монастыря архимандрита, ни въ кабалахъ ни въ хлѣбныхъ ни въ денежныхъ, ни въ записѣхъ поручныхъ, закладныхъ, ни въ иныхъ ни въ которыхъ крѣпостяхъ не написана; а гдѣ явится на ту вотчину купчая или мѣновная или кабала закладомъ или запись мѣновная, и мнѣ... отъ тѣхъ ото всѣхъ крѣпостей очищать, а до архимандрита убытка не довесть никотораго» (см. купч. 1566 и 1583 г.).

Въ купчихъ XVII вѣка замѣтны большія предосторожности для укрѣпленія акта. Правда, въ нѣкоторыхъ купчихъ и XVI вѣка писалось иногда, что *купили есмя со государева докладу* (*); но не

(*) Напр. купч. 1525 и 1566 г.

видно, чтобы со стороны государя былъ на ту покупку какой либо письменный видъ; въ XVII же вѣкѣ купчія обезпечиваются царскою грамотою и внесеніемъ ихъ въ писцовыя книги. Такъ въ 1677 году архимандритъ Варѳоломей купилъ у Переславскаго протопопа дворъ внутри города, и написана была купчая въ той же формѣ, какъ и купчія XVI вѣка; но этого было недостаточно. Архимандритъ билъ челомъ царю Ѳедору Алексѣевичу, чтобы онъ пожаловалъ, велѣлъ на то ихъ монастырское купленое дворовое и огородное мѣсто противъ купчей дать имъ свою в. государя грамоту, которая и дана была отъ царя на имя воеводы. Въ ней изложена была сполна вся купчая и, между прочимъ, предписывалось воеводѣ: «и какъ къ тебѣ ся наша в. государя грамота придетъ, а тотъ дворъ и съ мѣстомъ и съ огородомъ буде не церковной и не тяглой, построенъ на бѣломъ мѣстѣ и спору о томъ дворѣ никѣмъ не будетъ, и тыбъ тѣмъ дворомъ и мѣстомъ и огородомъ велѣлъ владѣть Данилова монастыря архимандриту Варѳоломею съ братьею и впредь кто по немъ будутъ въ томъ монастырѣ иные власти и братья, а что по сей нашей в. государя (грамотѣ) о томъ дворѣ учинено будетъ, и тыбъ къ намъ, в. государю, писалъ, а отписку велѣли подать въ Монастырскомъ Приказѣ окольничему нашему Ивану Большому Севастьяновичу Хитрово...» Въ 1686 г. апрѣля 21-го стольникъ Михайло Чемодановъ продалъ свою вотчину, половину пустоши Дубровки, нѣкоему Василью Сназину и обязался въ купчей «записать своя вотчина за нимъ Васильемъ по писцовымъ книгамъ *и къ допросу на Москвѣ стать въ Помѣстномъ Приказѣ* и руки приложить въ нынѣшнемъ во 194 году въ іюнѣ мѣсяцѣ». Въ этой же купчей написаны опредѣленныя правила на случай вмѣшательства въ проданное владѣніе родственниковъ Чемоданова. «А буде, сказано въ ней, кто похощетъ изъ родственниковъ моихъ тое мою вотчину половину пустоши Дубровки выкупить у него Василья, и на томъ выкупщикѣ взять ему Василью тѣ свое данные деньги тридцать рублевъ, а за новоросчистную землю и за хоромное вотчинное строеніе и за крестьянскую селитву, что онъ Василей на той половинѣ пустоши Дубровкѣ впредь построитъ и землю расчиститъ и крестьянъ поселитъ, взять ему Василью на тѣхъ же выкупщикахъ и за новопоселенныхъ крестьянъ, что у него Василья на той вотчинной половинѣ пустоши Дубровки бу-

детъ поселено, взять ему Василью на томъ выкупщикѣ противъ указу в. государей и Соборнаго Уложенья».

Купчія XVIII вѣка представляютъ еще бóльшее развитіе формъ въ обезпеченіе дѣйствительности акта. Здѣсь подтвержденіе того, что проданное владѣніе иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни въ чемъ ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено, дѣлается новымъ лицомъ, *поручителемъ*. 1702 года Срѣтенскіе сотни Аѳанасій Яковлевъ продалъ подьячему Василью Скурихину дворъ свой въ Бѣломъ городѣ, и въ купчей на этотъ дворъ написано: «а въ очисткѣ въ той дворовой порозжей землѣ ручался книгъ печатнаго двора батыйщикъ (*) Григорей Яковлевъ; а буде кто у него Василья въ тое дворовую землю станетъ вступатца по какимъ крѣпостямъ или по чему ни есть, и мнѣ порутчику и ему продавцу очищать и убытка никакого не доставить; а буде не очистимъ въ той дворовой землѣ, и ему Василью и женѣ ево и дѣтямъ взять на насъ, на мнѣ порутчикѣ и на немъ продавцѣ даные свои деньги или той земли очистка».

Къ купчей прилагали руки — самъ продавецъ, поручитель, свидѣтели и духовные отцы продавцовъ. Съ купчихъ, относящихся къ концу XVII и началу XVIII вѣка брались пошлинныя деньги. Подъ двумя купчими 1702 года подписано такъ: «1702 года августа въ 8-й день сія крѣпость перечнемъ въ книгу записана и денегъ шесть алтынъ четыре деньги за письмо и отъ записи взято, а о совершенной сей крѣпости запискѣ бить челомъ и пошлины платить въ томъ Приказѣ, въ которомъ по указамъ надлежитъ, а буде въ указныя числа заплачена не будетъ, и она не въ крѣпость». И дѣйствительно утвержденіе купчихъ этимъ не кончалось, потому подъ двумя купчими 1702 и одной 1717 г., на концѣ послѣдней, читаемъ: «1717 года февраля въ 17-й день въ канцеляріи земскихъ дѣлъ предъ ближнимъ кравчимъ и московскимъ губернаторомъ Кириломъ Алексѣевымъ Парышкинымъ съ товарищи вышеозначенные купчіе чтены, и съ тѣхъ купчихъ в. государя пошлины съ денегъ двухъ сотъ рублевъ по гривнѣ съ рубля, и того двадцать рублевъ, да съ прежнихъ незаписныхъ дву купчихъ съ денегъ со ста съ пяти

(*) Батыйщикъ или батырщикъ—одинъ изъ печатниковъ, который посредствомъ мацъ или валика набиваетъ чернилами набранныя буквы.

рублевъ по три деньги съ рубля, и того рубль девятнадцать алтынъ съ деньгою въ канцелярію земскихъ дѣлъ взяты, и вышеозначенные купчіе въ книгу, а пошлины въ приходъ записаны».

5) Записи:

а) Дополнительныя условія къ актамъ.

Къ такимъ условіямъ принадлежали, во первыхъ, условія, соединявшіяся съ проданнымъ имуществомъ. Въ 1527 году Степанъ Щереда Корсаковъ съ своими братаничами, продавъ игумену Данилу и всей братіи вотчину свою сельцо Новое Будовское, пишетъ въ записи: «и язъ Степанъ Щереда съ своими братаничи изымался по томъ сельцѣ игумену Данилу и всей братьѣ въ кабальномъ долгу и въ своемъ, что намъ ко игумену Данилу и всей братьѣ того долгу не привести, долгъ намъ кабальный и межи очищать». Въ 1566 году Иванъ Карсаковъ и Захарій Олтуфьевъ продали по духовной памяти Осипова сына Карсакова и по приказу его въ Даниловъ монастырь сельцо Кичибухино. Но какъ въ томъ сельцѣ осталось послѣ него Корсакова нѣкоторое количество хлѣба, то продавцы на этотъ предметъ записью постановили такія условія: «И въ томъ сельцѣ остался хлѣба три скерды ржи, да три скерды овса стараго и новаго, а молотить было тотъ хлѣбъ тѣмъ же крестьяномъ сельца Кочибухина сыромолотію изъ корму, и мы тотъ хлѣбъ рожъ и овесъ продали архимандриту же съ братіею въ томъ сельцѣ Кочибухинѣ, а взяли семя у архимандрита тридцать рублевъ денегъ, а и во ржи намъ имъ выдати передъ Переславскою торговою цѣною по двѣ деньги съ четверти со ржи, а за овесъ намъ имати за старой и за новой по алтыну; а умолотивъ тое ржи сыромолотію, да послати въ торгъ продати дважды или трижды на испытъ, по чему въ Переславлѣ въ торгу продадутъ, и намъ изъ тое цѣны передъ торговою выдать по двѣ деньги, и будетъ умолотитца ржи и овса больше тридцати рублевъ, и намъ у архимандрита доняти по тойже цѣнѣ, а недостанетъ тое ржи и овса съ тридцать рублевъ денегъ, и намъ изъ тѣхъ денегъ архимандриту уворотити по росчету». Эти записи суть купчія по главному предмету ихъ содержанія. Во 2-хъ, условія, которыя постановлялись при отдачѣ владѣнія

въ оброкъ на извѣстные годы. Въ 1675 году Ѳеодоръ Трусовъ и Андрей Ковырдаевъ отдали свою землю, треть пустоши Мелкишева, крестьянамъ села Биберева и Самарова на сорокъ лѣтъ. «А оброку, сказано въ записи, взяли мы за тѣ всѣ годы напередъ двѣсти рублевъ денегъ всѣ сполна, и на той пустоши въ тѣ урочные годы на сорокъ лѣтъ имъ крестьяномъ пашня пахать и сѣно косить и лѣсъ чистить и всякими угодьи владѣть; а до тѣхъ урочныхъ лѣтъ тое своей помѣстной пустоши трети Мелкишева Данилова монастыря села Самарова и села Биберева у крестьянъ не отымать и на сторону никому не отдать и самимъ не владѣть, и впредь послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ тоя свою помѣстную пустошь потомужъ отдать имъ Даниловскимъ крестьяномъ, кои въ сей записи писаны, въ оброкъ, а опроче ихъ никому на сторону не отдать. А кто у нихъ въ тое нашу пустошь учнетъ вступатца, и намъ очищать, а имъ крестьяномъ убытка никакого не доставить; а буде мы тою пустошью до тѣхъ урочныхъ лѣтъ Данилова монастыря крестьяномъ владѣти не дадимъ или на сторону кому отдадимъ, или сами владѣть, или послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ тое свою пустошь мимо ихъ кому изъ оброку отдадимъ, и на насъ крестьяномъ Данилова монастыря взяти по сей записи тѣ свои оброчныя деньги двѣсти рублевъ назадъ всѣ сполна». Эти условія, какъ видимъ, были обязательны больше для того, кто отдалъ владѣніе въ оброкъ; но вотъ и условія для другой стороны. Въ 1656 году нѣкто Андріанъ Петровъ взялъ по свой животъ у Даниловскаго архимандрита въ оброкъ монастырскую вотчину половину села Долгаго, и пишетъ въ записи: «И мнѣ Андреану въ тѣ годы тое монастырскую вотчину изъ поля не продать и не заложить, и по душѣ ни въ которой монастырь вкладу не отдать, и въ приданыя и ни въ какіе крѣпости не написать и не освоить никоторыми дѣлы, и по государеву указу какъ поѣдутъ писцы и мѣрщики или дозорщики, и мнѣ Андреану ту ихъ монастырскую вотчину пашни и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей за собою и за дѣтьми и за сродники своими не написать и никакими дѣлы не укрѣпить, и писцовыхъ межъ Андрея Загражскаго съ товарищи той монастырской вотчины мнѣ Андреану и крестьяномъ моимъ не взорать и не перепортить, и ямы не заровнять, и столбовъ не выметать, и граней не подтесать, и всякихъ признакъ не испортить; а оброку мнѣ

Андреану за ту ихъ вотчину платить по 16-ти рублевъ на годъ на срокъ Николинъ день вешній ежегодъ безпереводно; а Богъ сошлетъ по мою Андреанову душу, и женѣ моей и дѣтямъ послѣ меня и крестьяномъ до той монастырской вотчины ни въ чемъ дѣла нѣтъ и не вступатца, а казать ее послѣ моего живота сусѣдми и по писцовымъ книгамъ всю сполна по прежнему въ Даниловъ монастырь архимандриту». Въ случаѣ неисполненія имъ вышеписанныхъ условій, обязывался онъ, Андріянъ, заплатить архимандриту двѣсти рублей. «А будетъ, пишется наконецъ въ записи, по государеву указу и государя патріарха, изъ той монастырской вотчинной ихъ земли писцы или мѣрщики вымѣряютъ церковные земли, и мнѣ Андреану изъ той цѣны изо шестнадцати рублевъ оброчныхъ денегъ не выбавливать, въ томъ я Андреанъ на себя и сію запись далъ».

Записи такого рода суть оброчныя. Въ 3-хъ, условія, опредѣлялись при промѣнѣ владѣній одного на другое. Въ 1655 году нѣкто Иванъ Шестаковъ промѣнялъ Даниловскому архимандриту свою вотчину пустошь Псаково (межи которой въ записи означены по писцовымъ книгамъ) на Даниловскія отхожія кулиги въ д. Савельевѣ; въ записи по этому случаю написаны такія условія: «а объ росписке и о той мѣновной вотчинной землѣ бити челомъ в. государю и принести челобитная въ Помѣстный Приказъ Данилова монастыря съ архимандритомъ Тихономъ съ братьею, за своими руками вмѣстѣ, чтобъ тѣ наши мѣновныя вотчинныя земли промежъ нами росписать; а буде я Иванъ объ роспискѣ въ той вотчинной мѣновной землѣ съ архимандритомъ не учну вмѣстѣ государю бити челомъ или челобитной за своими руками вмѣстѣ не принесемъ, и на мнѣ Иванѣ взяти архимандриту съ братьею по сей записи, сто рублевъ денегъ». Записи такого рода по своему содержанію называются *мѣновными*. Записей этихъ въ монастырскомъ архивѣ много. Въ 4-хъ, условія при займѣ денегъ. 1690 года князь Иванъ Дмитріевъ Барятинскій занялъ у архимандрита Данилова монастыря и братіи 50 р. денегъ, да 30 четвертей ржи, и за тѣ заемныя деньги далъ во владѣніе ему свою вотчину изъ лѣсной дачи села Самарова 2 четверти пашни вѣчно, съ такимъ обязательствомъ: «и впредь мнѣ князь Ивану и женѣ моей и дѣтямъ и родственникамъ моимъ тою землею не владѣть и въ тое землю не вступаться и при

писцахъ той земли ничѣмъ не спорить; а ему архимандриту о тѣхъ заемныхъ деньгахъ и о хлѣбѣ на меня князь Ивана и на жену мою и на дѣтей великимъ государемъ не бить челомъ и не искать никоторыми дѣлы; а буде я князь Иванъ или жена моя и дѣти или родственники въ тое вышеписанную землю учнемъ вступатца или владѣть или при писцахъ учнемъ спорить, и на мнѣ князь Иванѣ и на женѣ моей и на дѣтяхъ и на родственникахъ, кто учнетъ въ тое землю вступатца, взять имъ Данилова монастыря архимандриту съ братьею, по сей записи, тѣ заемные деньги и хлѣбъ и убытки по своей сказкѣ».

Записи эти суть *«заемныя»*.

Наконецъ въ 5-хъ, обязательства лицъ, поступавшихъ въ приходахъ на должности священника и дьячка.

Сюда относится слѣдующая запись 1676 года. «Юрьевскаго уѣзду Польскаго, вотчины живоначальные Троицы Данилова монастыря села Березниковъ Предтеченской попъ Власъ, да церковной дьячекъ Степанъ Ивановъ дали есми на себя сю запись государю отцу архимандриту Варѳоломею съ братьею въ томъ, что жить намъ въ томъ селѣ Березникахъ смирно и немятежно какъ Бога боячся, и о церкви Божіи радѣть и въ воскресные дни и въ господскіе праздники и великихъ святыхъ, и въ среду и въ пятокъ и въ иные дни пѣнію Божію быть у насъ непрестновенно, и властемъ во всемъ слушать и почитать, и крестьянъ намъ страху Божію учить и къ церкви Божіи такожде въ воскресные дни и въ господскіе праздники и великихъ святыхъ къ заутренямъ и къ вечернямъ и къ обѣднямъ крестьянамъ съ дѣтьми велѣть приходить безъ лѣности, и по правилу святыхъ отецъ во святый великій постъ и въ иные посты крестьянамъ тожъ велѣть къ церкви Божіи приходить поститися, и мнѣ попу о христіанскихъ душахъ радѣть и заказывать накрѣпко, чтобъ они живучи въ томъ селѣ Березникахъ не пили и не бражничали, а на улицѣ отъ бѣсовскихъ игралищъ и отъ борьбы крестьянъ и дѣтей ихъ отрывать; а буде тѣ крестьяне какое кто безчинство или дурно учинятъ и къ церкви приходити и въ посты поститися и во всемъ слушать насъ не станутъ, и намъ возвѣщать о томъ въ монастырѣ властемъ; а ихъ крестьянъ тожъ намъ напрасно ни въ чемъ не изобижать и съ ними жить смирно и въ совѣтѣ, а собою не управливатся; а буде мы попъ да

дьячекъ въ томъ селѣ Березникахъ жить учнемъ не смирно и мятежно, и о церкви Божіи, о всякомъ пѣніи и о христіанѣхъ и о постѣ и къ церкви Божіи приходить (не станемъ) и станемъ пить и бражничать, и о томъ не станемъ радѣть и христіанамъ отъ всякихъ бѣсовскихъ игралищъ и отъ борьбы и отъ безчинствъ не станемъ слушать, и поучать и властемъ возвѣщать, или властей не станемъ заказывать или съ крестьяны въ чемъ станемъ собою управливатца, и на насъ на попѣ и на дьячкѣ монастырская пеня, а пени что власти укажутъ, да сверхъ того намъ монастырское жестокое смиреніе. Въ томъ мы на себя и запись дали. 7185 года декабря въ 11 день».

b) Раздѣльная запись.

Такъ называется запись о полюбовномъ раздѣлѣ имѣнія. Въ 1716 году Переславскою вдовою Анисьею, послѣ смерти мужа ея съ свекровью Мавроіи: послѣдняя взяла изъ движимой и недвижимой собственности три доли, а сноха четвертой жеребей. Три доли составляли дворъ въ бѣломъ городѣ съ каменнымъ строеніемъ и три доли животовъ, а Анисья за четвертую долю того двора взяла изъ движимыхъ пожитковъ мужа ровное число той долѣ, да изъ недвижимыхъ пожитковъ четвертую долю всю сполна, да сверхъ того свое приданое, съ которымъ она замужъ вышла. За тѣмъ въ записи читаемъ: «а недѣленаго у насъ ничего не осталось, и о томъ о всемъ вышеписанномъ другъ на друга никому намъ нигдѣ не бить челомъ и не вчинать, и сего полюбовнаго раздѣлу ничѣмъ намъ не спорить, а владѣть намъ вѣчно по любовному нашему раздѣлу, что сій свекрови моей весь дворъ и три доли животовъ досталось, а мнѣ Анисьѣ ево за четвертую долю двора и четвертой жеребей изъ животовъ все движимымъ имѣніемъ досталось; а порознь что намъ досталось, тому всему взяла я вдова Анисья у ней свекрови своей впредь для вѣдома роспись, за рукою сына ея дьякона Петра Скурихина; а таковажъ роспись я Анисья дала ей свекрови своей за рукою отца моего Леонтья Грача; а ежели явятца мужа моего какіе письменные долги, и тѣхъ письменныхъ долговъ платить ей свекрови моей три доли, а мнѣ платить четвертую долю тѣхъ долговъ; а ежели я вдова противъ сей записи въ чемъ вышеписанномъ не устою, и сій свекрови моей взять на мнѣ Анисьѣ и на мужѣ моемъ,

за кого я выйду замужъ, за неустойку, денегъ тридцать рублевъ, а сія запись сіи свекрови моей и впредь въ запись же». Запись засвидѣтельствовали духовной отецъ Анисьи и стряпчій Леонтьевъ и крѣпостныхъ дѣлъ московскихъ подъячій Василій Ѳеодоровъ. Пошлинъ взято 21 алтынъ и 4 деньги, да съ поперечника двороваго съ 12-ти саженъ съ полуполутретью по алтыну съ сажени 12 алтынъ съ полуденьгою.

c). *Поступная запись.*

Поступныя записи заключаютъ въ себѣ договоръ объ уступкѣ имущества или правъ, съ означеніемъ соединенныхъ съ этимъ условій. Такого рода слѣдующія двѣ записи Даниилова монастыря. 1571 года на мужѣ Марьи Товарищевой былъ долгъ Ивану Манасѣину 300 рублей денегъ. Мужъ ея умеръ, долгъ остался неуплаченъ, а между тѣмъ остался актъ на тотъ долгъ за рукою мужа. Жена взяла на себя расплатиться за мужа и вмѣсто тѣхъ денегъ отдала должнику вотчину своего мужа, половину пустоши сельца Исакова и двѣ трети селища Михѣева, и написала въ записи: «въ книги мнѣ Марьѣ на Москвѣ за Иваномъ та вотчина написати по сей записи за недѣлю до Семеня дни лѣтопроводца нынѣшняго 79 году, а не запишу я Марья тое вотчины на Иваново имя въ книги на Москвѣ на тотъ срокъ, и мнѣ Марьѣ тѣ деньги триста рублей дати Ивану по сей записи. А та мужа моего вотчина... не продана никому и не заложена ни у кого ни въ чемъ, и гдѣ будетъ на ту вотчину выляжетъ какая крѣпость, и мнѣ Марьѣ очищати и Ивану убытка не привести по сей записи; а не учну я Марья тое вотчины очищати, и что будетъ въ той вотчинѣ Ивану убытка станетъ, и то на мнѣ на Марьѣ тѣ убытки Ивану взяти двое, по сей записи, что Иванъ скажетъ». 1671 года Даниловскій архимандритъ Гурій съ братьею въ Москвѣ въ Судномъ Приказѣ искалъ на бояринѣ кн. Иванѣ Барятинскомъ пожилыхъ денегъ за бѣглыхъ вотчинныхъ крестьянъ Данилова монастыря (въ числѣ 8 человѣкъ съ женами и дѣтьми), которые оказались жившими въ Алатырскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ кн. Барятинскаго и убѣжали оттуда неизвѣстно куда. 1688 года кн. Барятинскій, не ходя въ судъ, за тѣхъ бѣглыхъ людей и за пожилыя деньги за нихъ, согласился уступить архиман-

дриту крестьянъ сельца Внукова и бобылей, всего 27 душъ съ женами, дѣтьми, братьями, племянниками и внучатами, и написалъ въ записи: «а тѣ мои вотчинные крестьяне, опричь сей поступной записи, никому не проданы и не заложены и никому не поступлены, и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни за кѣмъ не укрѣплены и не записаны, и впредь родственникамъ моимъ никому до тѣхъ моихъ крестьянъ и бобылей дѣла нѣтъ и не вступатца никоторыми дѣлы... а буде родственники мои кто-нибудь учнутъ въ тѣ мои поступные крестьяне какими дѣлы нибудь вступатца и бить челомъ в. государемъ и Данилова монастыря на властяхъ искать, по сей записи плачу пять сотъ рублевъ денегъ и бѣглыхъ своихъ монастырскихъ крестьянъ за вешную голову за всякаго человѣка по указу в. государей».

d) Мировая запись.

Не смотря на различныя названія такого рода записей, онѣ называются тоже просто договорными, а иногда сдѣлочными; сущность ихъ заключается въ полюбовномъ соглашеніи на прекращеніе какихъ либо спорныхъ между двумя лицами отношеній, съ обозначеніемъ условіемъ такой сдѣлки. Къ разряду такихъ актовъ въ Даниловѣ монастырѣ принадлежитъ документъ слѣдующаго содержанія. Царемъ Иваномъ В. даны были въ этотъ монастырь деревни—Верхнее и Нижнее, которыя были за боярскими дѣтьми—Иваномъ и Ширяемъ Пороватыми; въ 1537 г. архимандритъ монастыря Кириллъ билъ челомъ государю, что «у тѣхъ деревень межъ не знаютъ ото всѣхъ земель и отъ ево государевы земли и отъ княжихъ и отъ боярскихъ и отъ монастырскихъ въ землѣ въ пашенной и въ лузѣхъ и въ лѣсу» и просилъ размежевать эти земли. В. князь далъ на имя Василья Брянцова и Константина Изъѣдинова грамоту, коею повелѣлъ «собрать тѣхъ дѣтей боярскихъ Ширяя и Ивана и ихъ племянниковъ, что тѣ дѣти боярскіе и куды межу укажутъ кругъ тѣхъ деревень ото всѣхъ земель». Дѣти боярскіе указали межи выборнымъ отъ государя. Борисоглѣбскій игуменъ съ нѣкоторыми изъ Добриловскихъ крестьянъ учинилъ споръ, такъ какъ ихъ земли лежали около земель тѣхъ деревень. Выборные опять развѣдывали про тѣ земли и написали списокъ, а ямъ

не копали, а назначили срокъ за спискомъ стать имъ на Москвѣ на крещенье Христово къ докладу. Даниловскій архимандритъ и Борисоглѣбскій игуменъ на тотъ срокъ *на Москвѣ стали, не ставяся у докладу предъ бояры, и промежъ себя въ той спорной землѣ помирились,* полюбовно учинили межу и обязались записью: «чрезъ сю полюбовную межу въ землю пашенную ни во что не вступатися и царю великому князю о той землѣ не бити челомъ и за спискомъ у докладу не ставитися, а миръ свой бояромъ объявити и на спискѣ подписати. А учну, пишется далѣе, я игуменъ Варсонофей съ братьею и со крестьяны у архимандрита Кирила и у крестьянъ чрезъ сю полюбовную межу въ землю и въ пожни вступатися, какъ въ сей мировой писано, и царю государю бити челомъ, и за спискомъ ставитися, ино на мнѣ на игуменѣ со крестьяны взяти архимандриту Кирилу по сей записи сто рублевъ денегъ».

6. *Мірская выборная.*

Мірская выборная писалась при выборѣ кого либо на выполненіе мірскаго дѣла. Такъ для размежеванія въ земляхъ съ спорящею стороною міръ выбиралъ изъ среды себя *людей добрыхъ, душею прямыхъ и животомъ прожиточныхъ.* Имена выборныхъ записывались въ записи, въ коей имъ внушалось *развести межи въ правду безо всякія хитрости и душевредства;* «а будетъ, сказано далѣе, онѣ по нашему выбору учинятъ какую хитрость и въ томъ межевомъ разводѣ какую неправду и ссору какимъ нс дѣломъ, и на насъ на крестьянѣхъ монастырская пеня, а пени, что власти государи наши укажутъ».

7. *Межевыя книги или росписки.*

Въ книгахъ этихъ подробно обозначались полюбовно размежеванныя межи спорному владѣнію; онѣ скрѣплялись по противнямъ лицами обѣихъ спорящихся сторонъ. Иногда на межеваньѣ былъ губной староста, который также скрѣплялъ книги своимъ подписомъ. Иногда полюбовныя межеванья чинились съ докладу государя, котораго напередъ просили въ челобитьѣ, чтобы онъ послалъ изъ Помѣстнаго Приказу для описи полюбовной межи подъячаго,

который бы написалъ ее въ книги. Такъ въ 1699 году полюбовно размежевались между собою архимандритъ Данилова монастыря Варѳоломей, да холопъ сытнаго дворца стряпчей Михайло Редриковъ. А подъ 1671 годомъ мы находимъ въ межевыхъ книгахъ Данилова монастыря слѣдующее дѣло, заключающее въ себѣ три различные акта. Именно, въ этомъ году между крестьянами Чудова монастыря села Вашкѣ дер. Окинѳеевой и Данилова монастыря села Рушинова д. Григоровой оказалось одно спорное мѣсто, состоящее изъ сѣнныхъ покосовъ. По указу Чудова монастыря архимандрита Іоакима и соборныхъ старцевъ и Данилова монастыря архимандрита Гурія съ братьею, велѣно крестьянамъ тѣхъ селъ и деревень выбрать изъ среды себя по 10 человѣкъ *лутчихъ сверстныхъ людей* и, выбравъ, «разыскать имъ межи въ правду писцовыми межевыми книгами, а гдѣ будетъ не межевано или учинится споръ, и тѣ мѣста развесть старожиломъ въ правду и тому разводу учинить межу, и по межѣ покопать ямы и грани покласть и всякіе признаки учинить и въ томъ росписаться и росписи межевыя на обѣ стороны рознять по противнямъ». Мірскимъ выборомъ выбрано для этаго дѣла по 10 человѣкъ съ каждой стороны; имена ихъ написаны въ записи. Это *мірская выборная*. Выборные съѣзжались на то спорное мѣсто, осматривали, гдѣ бы учинить полюбовную межу; но въ писцовыхъ книгахъ той земли не оказалось, никакихъ признаковъ не сыскано, крестьянъ старожиловъ не нашлось, и такимъ образомъ развесть межи было нечему. Десять съ обѣихъ сторонъ выборныхъ крестьянъ выбрали и излюбили изъ среды себя по одному человѣку—со стороны Чудова монастыря крестьянина Василья, а отъ Данилова монастыря крестьянина Тимофея, и обязались «по ихъ отводу межу чинить, по межѣ ямы копать и грани тесать и всякіе признаки класть, и во всемъ слушать и ни въ чемъ не спорить и не прекословить, и ту межу учиня по ихъ полюбовному разводу и промежъ собою полюбовныя межевыя записи написать по противнямъ, за руками тѣ записи рознять». Это *договорная мировая запись*. Тѣ двое излюбленныхъ крестьянъ полюбовную межу учинили, по той межѣ ямы покопали, грани потесали и всякіе признаки учинили и все это записали *въ межевыя полюбовныя книги*.

8. Заемныя кабалы.

Въ нихъ обозначалось, сколько взято въ заемъ денегъ, что отдано подъ залогъ, и содержались обязательства, соединенныя съ симъ займомъ. Такъ въ 1665 году нѣкто Гаврило Сиверицынъ занялъ у Никиты Баранова 6 рублей денегъ московскихъ ходячихъ, отъ весенняго Николина дня до зимняго, и заложилъ ему свою вотчину, свою долю въ Долгомъ полѣ со всякимъ угодьемъ. «И ту мою вытку, пишется въ кабалѣ, Никитѣ за росты пахати и пожни копати и лѣсъ сѣчи и всякимъ угодьемъ владѣти, а полягутъ деньги по сроцѣ, и Никитѣ пахати и всѣмъ владѣть потомужъ».

Иногда, впрочемъ, кабалой должникъ не обязывался платить росту, но уже послѣ срока. Въ 1576 году нѣкто Иванъ Манасѣинъ занялъ у казначея Данилова монастыря монастырскихъ казенныхъ денегъ полтораста рублей отъ Петрова дня до Р. Христова *до сроку безъ росту*. «А полягутъ деньги, пишется въ кабалѣ, по сроцѣ, и мнѣ Ивану имъ ростъ давати по расчету, какъ идетъ въ людехъ, на пять—шестой».

Священникъ Александръ Свирѣлинъ.

ЗАМѢТКИ О МУЖЕСКО-ЖЕНСКИХЪ МОНАСТЫРЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «Русскіе монастыри въ періодъ Монгольскій», напечатанной въ сентябрской книжкѣ Христіанскаго Чтенія за 1861 годъ, на стран. 193 и 194 сказано: «между женскими монастырями были, кажется, монастыри какъ бы приписные къ мужескимъ, составлявшіе вмѣстѣ съ ними двѣ половины однихъ и тѣхъ же монастырей подъ управленіемъ однихъ настоятелей. Къ такимъ мужеско-женскимъ монастырямъ не безъ основанія можно относить: Хотьковъ, въ которомъ приняли постриженіе и погребены отецъ и мать преп. Сергія Радонежскаго; Лазаревскій Городецкій, гдѣ въ 1367 году, во время вечерни, страшный громъ побилъ черноцовъ и черницъ; тверскій Богородичный на Шѣшѣ и новгородскій Воскресенскій на Красной горкѣ, которые названы въ лѣтописяхъ *общими* монастырями, хотя это названіе можно принимать и въ значеніи монастырей общежительныхъ (*). Самымъ же яснымъ доказательствомъ существованія у насъ тогда мужеско-женскихъ монастырей служатъ слѣдующія слова митрополита Фотія новгородцамъ, направленныя противъ этихъ монастырей: «если въ какомъ монастырѣ находятся чернецы, тамъ бы черницы не жили; но чернецы жили бъ себѣ въ монастырѣ, а черницы себѣ въ особомъ монастырѣ» (**).

Къ этимъ свѣдѣніямъ о существовавшихъ у насъ въ старину женскихъ монастыряхъ, которые были соединены съ мужескими подъ однимъ настоятельствомъ, присовокупляемъ новое свѣдѣніе еще объ одномъ такомъ монастырѣ, найденное въ архивѣ вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря. Близь этого монастыря, въ разстояніи отъ стѣнъ его къ сѣверу около 100 саженъ, существовалъ въ XVII столѣтіи женскій Николаевскій монастырь, имѣвшій свое

(*) Здѣсь авторъ, кромѣ исчисленныхъ выше четырехъ женскихъ монастырей, соединенныхъ съ мужескими, упоминаетъ въ примѣчаніи еще о пятомъ, а именно, Леонтіевскомъ въ вологодскомъ уѣздѣ, который устроенъ былъ препод. Діонисіемъ Глушицкимъ, въ двухъ верстахъ отъ его лавры, и надъ которымъ онъ поставилъ настоятелемъ игумена—старца.

(**) Акт. Экспед. томъ 1, стр. 462.

названіе отъ приходской во имя Николая чудотворца церкви (*), подлѣ которой находился. Время основанія его, равно и уничтоженія, неизвѣстно; первое свѣдѣніе о немъ найдено въ 1623 году, изъ чего съ вѣроятностію можно заключать, что онъ существовалъ и ранѣе XVII вѣка. Монастырь этотъ главнымъ образомъ зависѣлъ въ своемъ существованіи и управленіи отъ Спасоприлуцкаго, но для внутренняго ближайшаго надзора имѣлъ свою настоятельницу—игуменью. Въ 1653 году число сестеръ въ этомъ монастырѣ было 24, въ томъ числѣ 17 постриженицъ (старицъ) и 7 бѣлицъ. Сестры раздѣлялись еще на вкладчицъ и невкладчицъ; первыхъ въ показанное время было 15, вторыхъ 9. Вкладчицы, за сдѣланныя ими въ Спасоприлуцкій монастырь извѣстной цѣнности пожертвованія, получали отъ него по смерть свою, или во время бытности въ монастырѣ, пропитаніе и одежду, а нѣкоторыя пользовались и кельями казенными (**); впрочемъ большая часть вкладчицъ имѣли собственныя кельи. Невкладчицы жили въ своихъ кельяхъ и вѣроятно на своемъ содержаніи. Въ означенномъ 1653 году всѣхъ келей въ этомъ монастырѣ было 16 и двѣ полукельи; казенныхъ келей было только пять, прочія принадлежали монастыркамъ. Въ двухъ кельяхъ въ то время жили два міряина, одинъ по найму въ казенной кельѣ, а другой по наслѣдству послѣ покойной родственницы—старицы (***). Такое помѣщеніе въ монастырѣ, рядомъ съ кельями монахинь, келей, населенныхъ мірянами мужескаго пола, показываетъ, что этотъ монастырь не былъ строго отдѣленнымъ отъ мірскихъ вліяній обществомъ, подобно нынѣшнимъ правильно устроеннымъ обителямъ: таковы, можетъ быть, были и тѣ женскіе монастыри, которые исчисляетъ авторъ вышеупомянутой статьи Христіанскаго Чтенія и которые онъ называетъ приписными къ мужескимъ.

(*) Церковь эта доселѣ существуетъ на посадѣ, прилегающемъ къ Спасоприлуцкому монастырю и пишется: *Николаевская, что на Валухѣ.*

(**) Для того, чтобы имѣть право на пожизненное пользованіе монастырскимъ содержаніемъ, требовались, вѣроятно, вклады немалоцѣнные; но какая именно долженствовала быть цѣнность вкладовъ, дававшихъ такое право, опредѣленно неизвѣстно. Изъ нижеприводимой *вкладной* (см. докум. N 2) видно, что за пожертвованіе 20 рублей уже принимаемы были на казенное содержаніе лица, желавшія поступить въ монастырь.

(***) Въ 1678 году такихъ келей, населенныхъ вкладчиками-мірянами, было пять (см. докум. N 5).

За симъ приводимъ самые документы, изъ которыхъ заимствованы вышеозначенныя свѣдѣнія и изъ которыхъ читатель еще яснѣе увидитъ и устройство упомянутаго женскаго монастыря.

1. Обыскъ по одному слѣдственному дѣлу, въ которомъ упоминается Никольскій дѣвичій монастырь, что на Валухѣ, съ настоятельницей игуменьей, 1623 года.

«Лѣта 7131, декабря въ 27 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи, указу, и по наказной памяти столника и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова, да дьяка Тимоѳѣя Агѣева, пріѣзжалъ въ Прилуцкой монастырь осадной голова Дмитрей Лукичъ Рындинъ, обыскивалъ Прилуцкого монастыря келаремъ Іоною Гнѣвашевымъ съ братьею по иноческому обѣщанью: въ нынѣшнемъ во 131 году, ноября въ 25 день, у Спаса на Прилукѣ въ Никольскомъ монастырѣ, что на Валухѣ, Спасского крестьянина деревни Ярыгиной, Марка Окулова, хто ево убилъ до смерти, и про што его убили, и противъ чьея кѣльи его Марка убили, и Никольскаго монастыря старица Елена прежде сего у себя въ кельѣ корчму, вино и пиво, на продажу, держала ли, и какіе люди и откуды къ ней старицѣ Оленѣ для корчемного питья приходили-ли, и Никольскаго монастыря отъ игуменьи Маремьяны съ сестрами въ ее Оленинѣ воровствѣ на нея старицу Олену въ корчмѣ и въ иномъ въ какомъ воровствѣ въ монастырѣ келарю Іонѣ Гнѣвашеву съ братьею извѣтъ и явки бывали-ли преже сего, и нынѣ на нее Олену явки въ монастырѣ есть-ли? И Прилуцкого монастыря келарь старецъ Іона Гнѣвашевъ, да конюшей старецъ Аѳонассій Дашковъ, старецъ Кириллей Скобятинъ, казначей старецъ Исаія, черной священникъ Селиверстъ, да старецъ Семіонъ Шапошникъ, черной священникъ Давыдъ, купчина (*) старецъ Іосиѳъ, старецъ Мака-

(*) Въ приходорасходныхъ книгахъ Спасоприлуцкаго монастыря XVII столѣтія постоянно упоминаются *два* монастырскіе *казначея:* одинъ изъ нихъ назывался *большимъ*, который завѣдывалъ всей монастырской казною; другой именовался *казначеемъ купчиною,* который, получая отъ большаго казначея на монастырскій расходъ деньги, завѣдывалъ всѣми хозяйственными по мона-

рей, старей Аврамей, старецъ Леванидъ, старецъ Іоиль, старецъ Θеодоритъ, и вся братія Прилуцкого монастыря сказали, черные священники по священству, а келарь старецъ Іона Гнѣвашевъ съ братьею по иноческому обѣщанію: въ нынѣшнемъ во 131 году, ноября въ 25 день, билъ намъ челомъ, келарю съ братьею, нашъ монастырской крестьянинецъ Пятунка Окуловъ, а сказалъ: шли-де изъ города братья его Пятункины, Селя да Марко Окуловы, отъ Булгакова прикащика, и какъ-де будутъ въ Никольскомъ монастырѣ противъ келіи старицы Мареы Бутаковы, и изъ кельи-де выскочила дочь ея старица Олена со многими невѣдомыми людми, и брата-де его Марка убили до смерти; и мы, по его челобитью, отъ себя изъ монастыря посылали старца Аврамья досматривать, и тотъ-де крестьянинъ Марко Окуловъ лежитъ у тестя своего у Митки Желобова во дворѣ битъ; живъ еще, а не говоритъ, а хто его билъ имянемъ и гдѣ били, и мы того не вѣдаемъ, и на другой день тотъ крестьянинъ Марко Окуловъ и умеръ. Да въ прошломъ во 130 году, отъ игуменьи отъ старицы Маремьяны въ монастырь намъ келарю Іонѣ съ братьею въ корчемномъ питьѣ на старицу Олену извѣтъ былъ, а хто какіе люди къ ней для корчемного питья приходятъ, и про то намъ игуменья старица Маремьяна не извѣщала, и мы того не вѣдаемъ; а писмяные явки въ монастырь на нея старицу Олену въ корчемномъ питьѣ и въ иномъ ни въ какомъ воровствѣ ни отъ кого не бывали: то наши рѣчи; а обыскные рѣчи писалъ монастырской дьячекъ Симанко Обросимовъ».

2. Вкладная, 1626 года, въ Спасоприлуцкій монастырь одной крестьянки, изъявившей желаніе поступить на жительство въ Никольской женскій монастырь.

«Лѣта 7134 году, октября въ 30 день, всемилостиваго Спаса и пречистые Богородицы и преподобнаго Димитрія чюдотворца Прилуцкого монастыря при игуменѣ Питиримѣ, при келарѣ старцѣ Варфоломеѣ Бутаковѣ, при казначеѣ старцѣ Іонѣ Гнѣвашевѣ, при соборныхъ старцѣхъ: при старцѣ Аѳонасьѣ Дашковѣ, при конюшемъ старцѣ Варламѣ Зиновьевѣ, при черныхъ священникахъ:

стырю расходами. Такъ въ приходорасх. книгѣ 1605 года сказано: «*купчина казначей* старецъ Митрофанъ взялъ *у большева казначея* у старца Александра десять рублевъ денегъ».

при священникѣ Селиверстѣ, при уставщикѣ черномъ священникѣ Пахомiѣ, при житникѣ старцѣ Давыдѣ, при черныхъ священникѣхъ: при священникѣ Ермогенѣ, при священникѣ Ермогенѣ, при свящ. Тимоѳеѣ, при свящ. Кирилѣ, при старцѣ Алимпiѣ Порошинѣ, при старцѣ Корнилiѣ Тучковѣ, при купчинѣ старцѣ Леванидѣ и при всей братiи Прилуцкаго монастыря: далъ вкладъ ко всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ и преподобному Димитрiю чюдотворцу на Прилукъ въ монастырь Комельскiе волости крестьянинъ деревни Борискова Ефремъ Терентьевъ, за жену свою Марину, въ прошломъ во 132 году, маiя въ 12 день, двѣ коровы черны комолы, да корову пестру, за шесть рублевъ, да четыре рубля денегъ. Да въ прошломъ же во 133 году, генваря въ 30 день, вдова Марина, послѣ мужа своего Ефрема, къ первому своему вкладу, что въ прошломъ во 132 году мужъ ея Ефремъ за нее далъ, дала вкладъ за себя ко всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ и великому чюдотворцу Димитрiю на Прилукъ пять четп ржи за два рубли съ полтиною. Да въ томъ же во 133 году, маiя въ 22 день, она жъ вдова Марина дала за себя вкладъ три рубли шеснатцать алтынъ четыре деньги. Да въ нынѣшномъ въ 134 году, октября въ 30 день, она жъ вдова Марина, въ додачу къ первому своему вкладу, дала четыре рубли денегъ. И всего ея вкладу дано ко всемилостивому Спасу и пречистой Богородицѣ и великому чюдотворцу Димитрiю скота и ржи и денегъ, на дватцать рублевъ. И за тотъ ея вкладъ намъ вдову Марину къ Николѣ чюдотворцу въ дѣвичъ монастырь принять, и кормить и поить, какъ и прочихъ вкладчицъ; а по времяни вдова Марина похочетъ постричись, и намъ ея у Николы чюдотворца въ дѣвичѣ монастырѣ постричь, и кормить и поить и платье черническое и сапоги давать, какъ и прочимъ вкладчицамъ старицамъ».

3. Челобитная одного служителя Спасоприлуцкаго монастыря о дозволенiи ему жить въ пустой кельѣ Никольскаго дѣвичья монастыря, около 1653 года.

«Государю архимариту Серапiону и государю келарю старцу Селивестру, еже о Христѣ съ братьею, бьетъ челомъ Спасовъ и вашъ государей своихъ монастырской служебничишко квасоварной службы, Пашка Ивановъ: есть, государи, въ Никольскомъ монастырѣ

на Валухѣ келья, что жила вкладчица старица Ія Шестаковская; и нынѣчи, государи, та келья стоитъ впустѣ. Государь святый архимаритъ Серапіонъ и государь келарь старецъ Селивестръ съ братьею, пожалуйте меня сироту своего, благословите меня въ той кельѣ пожить покамѣстъ до жилца; а язъ нынѣчи сирота скитаюсь по многимъ подворьямъ и сынишка своего Мишку поженилъ; а кортомою за жилое той кельи какъ вы, государи, пожалуйте. Государи, смилуйтеся».

4. Имянная перепись старицъ и бѣлицъ Никольскаго дѣвичья монастыря, 1653 года.

«161 году, іюня въ день, Прилуцкаго монастыря по приказу государя архимарита Серапіона и государя келаря старца Селиверста, яже о Христѣ и съ братьею, переписаны въ Никольскомъ дѣвичѣ монастырѣ старицы и бѣлицы, вкладчицы и невкладчицы, и хто изъ нихъ въ монастырскихъ кельяхъ живутъ, или въ своихъ куплевыхъ и своего поставленья.

Въ кельѣ вкладчица бѣлица Маремьяна Чашниковская; келья де она поставила на свои деньги; у нея Маремьяны три подворницы невкладчицы-старицы: старица Улія, старица Анисья, старица Улія жъ.

Въ кельѣ вкладчица бѣлица Дарья Борисовская; келья подъ нею монастырская, куплена монастырскими казенными денгами у слуги у Максима Кудрявцова въ нынѣшномъ во 161 году.

Въ кельѣ невкладчица Николская просфирня старица Парасковья, живетъ въ своей кельѣ купленой.

Въ кельѣ двѣ вкладчицы, старица Еупраксія Жиряковская, да старица Доминка: келья монастырская.

Въ кельѣ вкладчица Ѳекла: келья-де свое поставленье; на подворьѣ сестра ея бѣлица Ѳедосья невкладчица.

Въ кельѣ старица Дарья Поугородова, вкладчица: келья свое поставленье; подворница невкладчица старица Ирина.

Въ кельѣ вкладчица старица Ульянѣя Опраксина: келья строенье отца ея, чернаго священника Іоны Опраксина.

Въ полукельѣ вкладчица старица Варсоноѳья, а въ другой полукельѣ невкладчица старица Агаѳія Корыткова; келья у нихъ свое поставленье.

Келья пуста невкладчицы покойной старицы Киликѣи Ярыгинской: по духовной памяти приказана продать слугѣ Мирону, отдать по душѣ *(послѣ приписано:* «куплена въ монастырь»).

Въ кельѣ двѣ вкладчицы, старица Катерина да старица Ѳеодора; келья у нихъ монастырская.

Въ кельѣ вкладчица бѣлица Соболя Бохтюскихъ; келья свое поставленье.

Въ кельѣ невкладчица старица Ілія Юшкова; живетъ въ своемъ поставленьѣ.

Въ кельѣ вкладчица старица Марина япанешница; келья свое поставленье.

Въ кельѣ Пашка квасоваръ (*), а келья монастырская старицы I и Шестаковской.

Въ кельѣ Ермолка Горбунъ; а келья тетки ево вкладчицы старицы Натальи Гордіевскоіі; отказана ему Ермолкѣ по духовной памятѣ.

Вкладчица бѣлица, вдовая Муроносицкая попадья Мавра; подворница у нея невкладчица старица Маремьяна Комелиха; дворъ свое поставленье.

Вкладчица бѣлица Василиса Титовская жена Бохтюского; келья свое поставленье.

Вкладчица бѣлица Марья Алексѣевская жена Лежня; келья свое поставленье.

Пять келей монастырскихъ, а старицъ вкладчицъ 9 человѣкъ, да бѣлицъ вкладчицъ 6 человѣкъ, да старицъ невкладчицъ 8 человѣкъ, девятая бѣлица.

И всѣхъ вкладчицъ, старицъ и бѣлицъ 15 человѣкъ, да невкладчицъ старицъ да бѣлица 9 человѣкъ. И всѣхъ вкладчицъ старицъ и бѣлицъ и невкладчицъ 24 человѣка.

3. Состояніе Никольскаго дѣвичья монастыря по переписной книгѣ 1678 года.

. . . . . «Да въ селѣ Коровничьѣ (**) дворы монастырскихъ вкладчиковъ:

(*) Тотъ самый, который подавалъ вышеприведенную N 3 челобитную.

(**) Подмонастырное село Прилуцкаго монастыря, въ которомъ находился Никонскій монастырь, называется доселѣ Коровничье, Выпрягово тожъ.

Дворъ: вкладчикъ Антипка Осиповъ сынъ Крутковъ, прежъ сего былъ государева села Фрязинова во крестьянѣхъ; у него сынъ Ѳедотка двадцати лѣтъ.

Дв. Андронко Козминъ вкладчикъ же.

Дв. вкладчица вдова Анютка Ѳаддѣева дочь, вологодской съѣзжей избы подъячаго Воиновская жена Семенова; у ней подворникъ нищей Никишка Нестеровъ сынъ.

Дв. вкладчикъ Ивашко Григорьевъ сынъ Ащеринъ, отпущенной дворовой человѣкъ Василья Уконского; у него два сына, Ивашко да Гришка двадцати лѣтъ.

Дв. вкладчикъ Мелешка Демидовъ сынъ, Устюжанинъ; у него сынъ Кирюшка двѣнадцати лѣтъ.

Въ кельѣ вкладчица старица Анисья.

Въ кельѣ вкладчица вдова Маринка Дмитреева дочь, монастырского слуги Мироновская жена.

Въ кельѣ вкладчица старица Февронья.

Въ кельѣ вкладчикъ Куземка Евфимовъ сынъ; въ той же кельѣ вкладчикъ Васька Сергѣевъ сынъ.

Въ кельѣ вкладчица вдова Ѳеклица Ефремова дочь.

Въ кельѣ вкладчица старица Ѳедосья.

Въ кельѣ вкладчица старица Наталья.

Въ кельѣ старица Ульянея.

Въ кельѣ вкладчица старица Настасья.

Въ кельѣ вкладчица вдова, дьяконовская жена, Анисьица Михайлова дочь.

Въ кельѣ вдова Каптелинка Клементьева дочь Анисимовская жена, съ Вологды.

Въ кельѣ вкладчица вдова Варварка Никифоровская жена Ѳедорова, послуживца вологоцкого; у нее сынъ Ромашка шти лѣтъ.

Въ кельѣ старица Ульянея: у нея два племянника: Автамошка двадцати лѣтъ, Ивашко шти лѣтъ, Григорьевы дѣти Зубова.

Вкладчики и вкладчицы пьютъ и ядятъ и носятъ все монастырское за вкладъ ихъ» (*) . . . . . .

(*) Кромѣ вышеприведенныхъ пяти документовъ, разсматриваемый нами монастырь упоминается еще въ документѣ 1691 года, а именно по тому случаю, что въ предыдущемъ 1690 году «въ маѣ мѣсяцѣ вологодскій помѣщикъ Василей

Если условіе, при которомъ могъ составиться и существовать вышеописанный женскій монастырь, а именно—*принятіе въ Спасоприлуцкій монастырь вкладовъ отъ лицъ женскаго пола съ обязательствомъ давать этимъ лицамъ пожизненное содержаніе, управу и должное покровительство*,—если, говоримъ, это условіе наблюдалось и въ другихъ богатыхъ мужескихъ монастыряхъ, то имѣемъ основаніе думать, что число такъ называемыхъ мужеско-женскихъ монастырей въ старину было гораздо болѣе того, которое показано авторомъ упомянутой статьи Христіанскаго Чтенія.

Н. СУВОРОВЪ.

Денисьевъ сынъ Мизгиревъ привезлъ въ подмонастырное село Коровничье въ Николаевской дѣвичь монастырь ко вкладчицамъ пострижену сноху свою старицу Варвару, бывшую брата его Васильева родново Аѳонасьевскую жену Денисьева же сына Мизгирева, и билъ челомъ онъ Василей, чтобъ ея старицу Варвару принять въ тотъ дѣвичь монастырь жить со вкладчицами и поить и кормить изъ монастыря, какъ и прочихъ вкладчицъ». . . Старица была принята и при смерти своей въ 1691 году завѣщала въ Прилуцкій монастырь все свое имущество «ради поминовенія души ея».

ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЕННАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

Ниже предлагаемый документъ 1662 года, найденный въ архивѣ вологодской консисторіи, сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній о количествѣ, качествѣ и о цѣнности аммуниціи и вооруженія конныхъ ратниковъ XVII вѣка. Сколько можно судить по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, тогдашній конный ратникъ имѣлъ слѣдующій нарядъ и вооруженіе: на немъ былъ кафтанъ, или зипунъ изъ сукна зеленаго и лазореваго; ожерелье кафтана (воротникъ) обшито было столбцами, или веревками; подкладка подъ полами кафтана изъ крашенины травчатой; штаны суконные зеленые; на головѣ шапка, на рукахъ рукавицы, на ногахъ сапоги. Поверхъ кафтана бѣлая япанча; вооруженъ карабиномъ и парою съѣзжихъ пистолей съ ольстрами.

Вотъ самый документъ, изъ котораго заимствованы этѣ свѣдѣнія, и въ которомъ означены и цѣны всѣхъ принадлежностей ратника:

«Роспись архіепископлимъ (*) служилымъ коннымъ дѣтемъ боярскимъ, кои въ нынѣшнемъ во 170 (1662) году отпущены съ Вологоды на государеву службу Софѣйского дому съ сыномъ боярскимъ съ Козмой Макаровымъ, Титу Передкову съ товарыщи, семи человѣкомъ, что́ на нихъ по архіепископлю указу сдѣлано платья и куплено оружья и всякой служилой збруи на домовые казенные денги:

«Куплено Титу Передкову съ товарыщи, семи человѣкомъ, на семь проѣзжихъ кофтановъ (**) верхнихъ, сукна зеленого да лазоревого, по 4 аршина на кафтанъ, и того 28 арш., по полтора рубли аршинъ, и того за все сукно дано 42 рубли.

«Да къ тѣмъ жѣ кафтанамъ куплено пять снурковъ да двѣ нашивки, за все дано 2 рубли, 10 алт., 2 денги.

«Да подъ тѣжъ кафтаны пошло подъ полы и въ подпушку крашенины травчатой 12 арш., дано за всю 1 руб. 27 алт. 2 денги.

(*) Вологодскаго архіепископа.

(**) Въ другой подобной росписи того же года сказано: «Куплено имъ на проѣзжіе кафтаны на *зипуны* сукна зеленово да лазор.»

«Да кругъ ожерелѣй на столбцы (*) на опушку куплено шелку и на шитье тѣхъ кафтановъ питей на 1 руб. 13 алт., на 2 деньги.

«Да отъ шитья тѣхъ кафтановъ дано отъ портища по полтинѣ, и того 3 руб. съ полтиною.

«И всего на тѣ на семь кафтановъ издержано казенныхъ денегъ 50 рублевъ 27 алтынъ, 2 деньги. А всякой кафтанъ сталъ по 7 руб. по 8 алт. по 4 деньги.

«Да имъ же куплено семь шапокъ, по 1 руб. 8 алт. 2 ден. шапка, и того за всѣ дано 8 руб. 25 алт.

«Да имъ жъ сшиты семеры штаны суконные зеленые, сукна аршинъ по полтора рубли, во всѣ штаны пошло сукна пол-осма аршина, и того за все сукно 11 рубл. алт. 2 деньги.

«Да отъ шитья дано по 5 алт. отъ штановъ, и того 1 руб. 1 алт. 1 денга.

«И всего отъ всѣхъ штановъ дано за сукно и отъ шитья 12 руб. 10 алт. по 1 рублю, по 25 алт., по 1½ деньгѣ за штаны.

«Да имъ же куплено оружья: семь карабиновъ съ крюками и съ перевезми, по 4 рубли съ полтиной карабинъ, и того за всѣ карабины дано 31 рубль, 16 алт. 4 деньги.

«Да съѣзжихъ пистолей семь паръ съ олстрами, по 10 рублевъ пара, и того 70 рублевъ.

«Да имъ же куплено по япанчѣ (**), япанча по 4 рубли, и того 28 рублевъ.

«Да имъ же куплено по сѣдлу съ подсѣдельниками и со всѣми сѣдельными снастями, да по уздѣ, сѣдло со всѣмъ и съ уздою по 4 руб., и того 28 рублевъ.

«И всего куплено на служилыхъ конныхъ людей на семь человѣкъ платья и оружья на 299 рубл. на 12 алт. на 2 деньги.

«На всякого человѣка издержано на покупку по 42 руб, по 25 алт. по получетвертѣ деньгѣ.»

Нельзя не замѣтить, что цѣны на всѣ предметы показаны въ этой «росписи» слишкомъ высокія, даже сравнительно съ нынѣшними. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что цѣны означены на мѣдныя извѣстнаго чекана деньги, выпущенныя въ царствова-

---

(*) Въ другой росписи сказано: «да кругъ ожерелей на *веревки* куплено шелку....»

(**) Въ другой росписи япанчи названы *бѣлыми*.

ніе Алексѣя Михайловича съ нарицательнымъ достоинствомъ серебряныхъ и вскорѣ весьма упавшія въ своей цѣнности. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только сравнить цѣны тѣхъ же предметовъ въ другіе годы того столѣтія. Въ «росписи» наприм. цѣна сукна показана 1½ рубля аршинъ, крашенины по 5 алт. аршинъ. Изъ многихъ, извѣстныхъ намъ, документовъ XVII столѣтія (*), видно, что сукно средняго сорта—(«сукно летчина, сукна яренки») продавалось въ 1628, 1637 и 1671 годахъ по 6 алт. по 2 ден. и по 6 алт. по 4 ден. за аршинъ; «англинского» сукна аршинъ въ 1612 г. стоилъ 13 алт. 2 деньги; сукно высокаго сорта («архіепископу на ряску») куплено было въ 1669 году по 1 руб. 6 алт. 4 деньги аршинъ. Крашенины лучшей, «тонкой», аршинъ постоянно продавался по 1 алтыну, а низшихъ сортовъ по 3 и по 4 деньги. Слѣдовательно, въ росписи цѣны этихъ двухъ предметовъ показаны по крайней мѣрѣ въ пять разъ дороже цѣнъ обыкновенныхъ. Тоже надобно разумѣть и о другихъ предметахъ: наприм. въ росписи пара съѣзжихъ пистолей означена въ 10 рубл.; но въ 1649 г., какъ видно изъ приходорасходной книги, пара съѣзжихъ пистолей показана только въ 1 руб. 22 алт. 4 деньги, слѣдов. также въ пять разъ дешевле цѣнъ росписи.

И такъ, уменьшая не нормальныя цѣны «росписи» въ пять разъ, найдемъ, что цѣнность полной аммуниціи и вооруженія коннаго ратника, показанная въ ней въ 42 руб. 25 алт., была въ обыкновенные годы того столѣтія 8 рубл. 18 алт. 2 деньги.

Н. Суворовъ.

(*) Изъ приходорасходныхъ книгъ волог. архіер. дома и волог. Спасоприлуцк. монастыря почти за цѣлое это столѣтіе.

ПРОШЕНІЕ ПОТОМКА ПОЛКОВНИКА ИСКРЫ (*).

Сіятельнѣйшій графъ!

Порываемый ревностію услужить государю, прадѣдъ мой полковникъ Искра, намекнувъ про измѣну Мазепы, но за то имѣніе и голову потерялъ какъ шапку; въ тотъ моментъ пояснилась правда его, *но голова не карнизъ.*

Государь, поправя ошибку своею особою, предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ; послѣ Украину отдалъ Полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ замѣну въ Малой Россіи; но тѣ были тогда малолѣтны; покуда возмужали, государь скончался; и тогда и теперь все равно, вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. *Это древность, графъ.*

Я просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отставили въ чистую, словно какъ будьто бы то въ награжденіе, чтобъ за долговременную и безпорочную службу околѣлъ съ голоду; *а это, графъ, прошедшее.*

Я сюда доѣхалъ то изъ дружбы, на облучку, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣсто былъ въ полсита и подъѣзжалъ на извощикахъ, другой и третей пѣшій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ, служить негдѣ, а дома жить не у чего: *вотъ это настоящее, графъ.*

Но то для вельможи не новызна, а для чувствительной души сострадапіе; ваша преисполнена сей доброты,—такъ помогите мнѣ. Вѣкъ времени проходитъ, что правительствы бывшей Малороссіи, гетманъ и генералъ-губернаторъ тамошніе, а наконецъ и сенатъ за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ, но и поднесь мы въ чаяніи будущихъ благъ; докладъ сената два года лежалъ у господина Державина, хотя и послѣдовала всевысочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцовъ лежитъ у го-

---

(*) Судя по времени, это прошеніе могло быть писано къ графу Зубову или къ графу Салтыкову.

сподина Попова, которому Императрица пмянно и точно повелѣть благоволила взять и доложить; *а я все хлѣбаю завтреки.*

Братъ мой, тоже маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки, а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: *подайте Христа ради,* и тогда когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ непрерывная суть жертва вѣрности.

Сіятелнѣйшій графъ! ревнитель истинны и у престола ходатайствующій о ней, заступи насъ, единое слово ваше сдѣлаетъ намъ больше, нежели столѣтіе, а мы естли незабвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя: *благъ бо мужъ щедря, рогъ его вознесется во славу.*

Вашего Сіятельства

всепокорнѣйшій слуга

Андрѣй Искра.

ч. 15-го февраля
1794-го года.

ніе, какъ убить человѣка. А между тѣмъ это ослушаніе почти всегда, и совершенно справедливо, влечетъ за собою тоже наказаніе, что и убійство. Поэтому наказаніе должно соразмѣряться еще *съ опасностью, которой преступленіе подвергаетъ общество.*

Но если одно и тоже наказаніе, хотябы оно и соединяло въ себѣ всѣ вышеозначенныя условія, опредѣляется различнымъ лицамъ, то оно можетъ оказаться чрезвычайно неравномѣрнымъ, а стало-быть и несправедливымъ, вслѣдствіе большаго или меньшаго развитія ихъ чувствительности физической и нравственной. Отсюда третья соразмѣрность наказанія *съ этой двоякою чувствительностью.*

Соберемъ же теперь воедино всѣ характеристическія особенности законнаго наказанія. Оно должно быть публичнымъ исправимымъ, превышающимъ, по возможности, преступленіе, меньшимъ, чѣмъ предупреждаемое зло, но достаточно сильнымъ, чтобъ ему воспрепятствовать, и соразмѣрнымъ съ преступленіемъ самимъ по себѣ, съ опасностью для общества и съ физической и нравственной чувствительностью виновнаго. Или, другими словами, совершенство уголовныхъ законовъ заключается, не говорю вмѣстѣ съ маркизомъ Беккаріа (*)—въ надлежащей соразмѣрности преступленій съ наказаніями, но *въ надлежащей степени строгости.*

Степень эта и самая сущность этой строгости зависятъ отъ начала относительной безопасности, примѣненнаго къ уголовнымъ законамъ, потому что одно и тоже наказаніе можетъ быть справедливымъ въ одной странѣ и несправедливымъ въ другой, смотря по тому, достигаетъ ли оно своей цѣли или нѣтъ.

Можетъ быть, возразятъ, что постановленныя мною правила,

(*) Въ этомъ-то существенно и разнится моя уголовная система отъ его системы, и, смѣю думать, этимъ я исправилъ его ошибку. Но это отнюдь не мѣшаетъ знаменитому писателю быть первымъ преобразователемъ уголовныхъ законовъ: онъ первый пролилъ свѣтъ въ тѣ мрачныя темницы, въ которыхъ слабый и виновный испытывали гораздо большія бѣдствія, нежели какія они причиняли. Человѣчество трепетно пошло туда вслѣдъ за нимъ—и отступило отъ ужаса; судьба этихъ несчастныхъ была облегчена. Цѣлая Европа преобразовала свои тюрьмы. Безсмертная слава главному виновнику этихъ благодѣяній!

сами по себѣ справедливыя, непрактичны по чрезвычайной трудности примѣнить ихъ ко всѣмъ наказаніямъ, ко всякому человѣку.

Возраженіе основательное; но въ какой мѣрѣ? Безъ сомнѣнія, преступленія и наказанія, различные роды и степени чувствительности, до безконечности разнообразные, укрываются отъ самой глубокой проницательности. Но если человѣкъ не можетъ обнять ихъ всѣхъ, то по крайней мѣрѣ онъ способенъ уловить общія ихъ черты, характеристическія, рѣзко выдающіяся. Не трудно понять такимъ образомъ, что убійство есть преступленіе болѣе важное, чѣмъ воровство, что смерть сама по себѣ есть наказаніе болѣе жестокое, чѣмъ ссылка или общественныя работы. Не трудно также понять, что бываютъ однакожъ люди, которые по своему рожденію, воспитанію, состоянію, предпочтутъ смерть ссылкѣ въ отдаленныя мѣстности или общественнымъ работамъ, даже и не такъ утомительнымъ, тогда какъ другіе страшатся перваго наказанія, но ставятъ ни во что послѣднія.

Такъ какъ особенные и личные оттѣнки не подлежатъ вѣдѣнію закона, то въ примѣненіи постановленныхъ началъ онъ долженъ обращать вниманіе на общіе оттѣнки, свойственные извѣстному классу гражданъ, извѣстному роду преступленій и наказаній.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Необходима ли смертная казнь?

Никогда ни одинъ вопросъ такъ сильно не занималъ страждущее человѣчество, какъ этотъ. Какая тема для обсужденій!

Если наказаніе, сколь возможно легкое, достаточно для удержанія отъ предвидѣннаго зла, то по какому праву стали бы налагать за это сильное наказаніе? И послѣднее, бывъ постановлено закономъ, несправедливымъ по своему принципу, не было ли бы въ сущности тождественно съ чисто произвольнымъ насиліемъ?

Но опытъ доказалъ, что въ обыкновенномъ ходѣ вещей, можно какъ нельзя лучше управлять государствами, и государствами обширными, и что личная и имущественная безопасность можетъ въ нихъ поддерживаться какъ нельзя лучше и безъ ужаснаго примѣра такого наказанія, отъ котораго содрогается природа, котораго и исправить нельзя, которому, слѣдовательно, человѣкъ, по природѣ своей склонный къ заблужденіямъ, не долженъ бы былъ

подвергать подобное себѣ существо и которое, наконецъ, есть величайшее зло, какое только можетъ быть.

Я сказалъ: величайшее зло, потому что изо всѣхъ страстей та, которая имѣетъ надъ ними власть самую продолжительную, самую безусловную, самую всеобщую, есть любовь къ жизни. Напрасно всякаго рода несчастія удручаютъ человѣка, напрасно разсудокъ говоритъ ему, что онъ можетъ покончить ихъ всѣ разомъ, что смерть вовсе не несчастье, а напротивъ, прекращеніе всѣхъ несчастій: непреодолимо привязанный къ жизни, онъ переноситъ горе, не слушается разума, продолжаетъ жить. Лишить жизни, иначе величайшаго блага, какимъ только можемъ мы наслаждаться, значитъ причинить величайшее изъ бѣдствій.

Мнѣ возразятъ, что лучше погибнуть на эшафотѣ, т. е. перенести физическую боль, которая будетъ ничтожна по своей быстротѣ, нежели влачить долговременное жалкое существованіе, при которомъ человѣкъ вмѣстѣ съ физической болѣзнью подвергается еще другой, гораздо сильнѣйшей—болѣзни воображенія или мысли. Да вы же сами, прибавятъ къ этому, сей часъ сказали, говоря о необходимости соразмѣрять наказанія съ преступленіями, что бываютъ люди, которые предпочитаютъ смерть ссылкѣ, общественнымъ работамъ.

Это возраженіе, справедливое предъ судомъ разсудка, оказывается несправедливымъ предъ судомъ чувства, которое не разсуждаетъ. Поставьте съ одной стороны эту несчетную толпу людей, которые въ состояніи будучи прекратить свои злополучные дни, скорѣе согласятся изнывать подъ бременемъ лишеній и страданій, съ перваго взгляда возмущающихъ человѣчество, а съ другой стороны тѣхъ несчастныхъ, которые, достигнувъ высшей точки бѣдствій, гдѣ горе превосходитъ даже удовольствіе жизни, разрушаютъ ее вслѣдствіе того, что она сдѣлалась рѣшительно невыносимой—и посмотрите, какъ незначительно это число въ сравненіи съ первыми.

Но законъ, какъ я уже замѣтилъ, можетъ уловить только общіе оттѣнки; частные же отъ него ускользаютъ. Онъ долженъ всегда имѣть въ виду массу народа, а не нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно, онъ долженъ разсматривать смертную казнь какъ самое жестокое изъ всѣхъ наказаній для наибольшаго числа людей.

*

Основываясь на вышеизложенныхъ соображеніяхъ, на той соразмѣрности, которую правосудіе и человѣчество установляютъ вообще между преступленіями и наказаніями, на опытѣ странъ, въ которыхъ смертная казнь отмѣнена безъ всякаго неудобства, я кажется смѣло могу утверждать, что этого наказанія, величайшаго изъ всѣхъ, потому что оно неисправимо, котораго всего болѣе страшится человѣческая натура,—законъ освящать не долженъ; что общественная безопасность не требуетъ его въ своемъ обычномъ ходѣ вещей. Присуждать самыхъ закоренѣлыхъ злодѣевъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ напр. кнуту или къ общественнымъ работамъ—значитъ налагать на нихъ довольно сильное наказаніе и дѣлать его вдвойнѣ полезнымъ обществу— и примѣромъ, и трудомъ, но все же оставлять имъ жизнь, первое изъ благъ. Если и есть лица, которыя предпочитаютъ смерть тому или другому наказанію, то это не должно служить основаніемъ къ тому, чтобы казнить ихъ смертью; гораздо правильнѣе не подвергать ихъ ни тому, ни другому наказанію, такъ какъ оба они не соотвѣтствуютъ ихъ физической и нравственной чувствительности.

Но не такъ слѣдуетъ поступать при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда всѣ страсти возбуждены до крайности, становятся глухи голосу человѣчества, презираютъ увѣщаніями закона, грозятъ и силятся ниспровергнуть всѣ оплоты общественной безопасности; когда дерзаютъ покушаться на священную и неприкосновенную особу государя; когда жизнь и имущество гражданъ становятся игралищемъ и добычей подлой черни, которая не знаетъ болѣе границъ ни своей ярости, ни своеволію. Тогда законъ, обязанный охранять общество, противопоставляетъ силу силѣ и предаетъ смерти возмутителей общественнаго спокойствія и безопасности, разбойниковъ, для которыхъ болѣе ничего нѣтъ святаго. Тогда смертная казнь законна, признана самимъ человѣчествомъ, которое, проливая нѣсколько капель крови, сберегаетъ цѣлые потоки ея въ будущемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О правѣ помилованія.

Можно ли наказаніе, законное по своему принципу и постановляемое закономъ, не налагать на виновнаго, который его заслужи-

вастъ? Если законъ справедливъ . . . даже, если только онъ существуетъ, то уже долженъ быть исполняемъ. Если же онъ несправедливъ, то его надобно измѣнить; но это необходимое измѣненіе не дастъ права ни законодателю, ни судьѣ, ни главѣ государства имѣть обратно-дѣйствующую власть надъ самимъ закономъ, изрекая помилованіе за неисполненіе его. Безнаказанность ободряетъ своеволіе. Гдѣ была бы общественная безопасность, еслибъ всѣ виновные избавлялись отъ наказанія, которому подлежатъ по закону? И къ чему изрекать помилованіе однимъ, выдѣляя другихъ? . . . Но моя душа возмущается противъ этихъ вопросовъ. Я человѣкъ, я слабъ, я нуждаюсь въ снисхожденіи. И кто изъ насъ въ немъ не нуждается? Если бъ надобно было наказывать за всякіе проступки и всякія преступленія, то не пришлось бы ничего другаго дѣлать, и общество рушилось бы вслѣдствіе того самаго принципа, который бы долженъ его поддерживать. Къ тому же значительное число наказаній ослабляетъ ихъ дѣйствіе. Бывали нерѣдки прощенія, и общественная безопасность ничуть отъ того не страдала. Можно ли послѣ этого спрашивать, законно ли помилованіе? Изгонимъ же строгость, которая становится преступною, коль-скоро она безполезна, и почтимъ милосердіе, благословляя того, отъ кого оно исходитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О раздѣленіи преступленій и наказаній на виды.

Если бы кто захотѣлъ опредѣлить для всякаго преступленія особенное наказаніе, онъ бы никогда не кончилъ. Поэтому всѣ преступленія должны быть подраздѣлены на виды.

Коль-скоро будутъ опредѣлены эти виды, то самая сущность преступленій, которыя войдутъ въ нихъ, ясно обнаружитъ степень ихъ взаимной важности. Такъ преступленія противъ жизни гражданъ важнѣе преступленій противъ ихъ собственности.

Сообразно съ этою-то взаимною важностью и слѣдуетъ размѣстить эти виды одинъ за другимъ, начиная съ важнѣйшаго. Этотъ послѣдній долженъ заключать въ себѣ преступленія противъ государя, верховной власти и государства—преступленія, первая степень которыхъ представитъ сильнѣйшее изъ всѣхъ наказаній, какія

предполагается установить. Это послужитъ исходной точкой для опредѣленія всѣхъ другихъ наказаній, въ уменьшающихся степеняхъ.

За тѣмъ, для каждаго вида преступленій должно установить шесть особенныхъ степеней важности ихъ и столько же соотвѣтственныхъ имъ наказаній, наблюдая при этомъ, чтобъ наказаніе за преступленіе втораго вида *въ первой степени* равнялось наказанію, опредѣляемому за преступленіе перваго вида *во второй степени*; то же самое и въ отношеніи другихъ видовъ и ихъ различныхъ степеней, и всегда въ нисходящей прогрессіи.

Но такъ какъ первый классъ, вслѣдствіе этой прогрессіи, оставитъ второму, а второй третьему и т. д. только пять степеней наказанія, то надо прибавить шестую, которая должна быть еще меньше, нежели шестая степень предыдущаго класса.

Однако, не удаляясь отъ этой нисходящей прогрессіи, можно и отступить отъ того правила, что наказаніе въ первой степени втораго вида должно быть *именно* то же самое, какъ и наказаніе во второй степени перваго вида и т. д.; но въ такомъ случаѣ надобно установить какое-нибудь другое наказаніе, лишь бы оно было легче наказанія въ предыдущей степени того же вида, и чтобъ эта предыдущая степень, если она будетъ первая, была бы въ свою очередь низшею передъ первою степенью предыдущаго вида.

Можно также, даже наблюдая постановленное правило, увеличить, уменьшить или совершенно измѣнить какое-либо наказаніе въ различныхъ степеняхъ важности, если измѣненіе это необходимо или по различію преступленій, или по нисходящей прогрессіи, болѣе или менѣе быстрой, тѣхъ или другихъ степеней важности, потому что прогрессія, въ дѣлѣ закона, не подлежитъ той строгой точности, которая составляетъ удѣлъ только точныхъ наукъ. Въ слѣдствіе такой операціи измѣнится только сущность наказанія, но не степень его важности.

Но преимущественное вниманіе должно быть обращено на способъ установленія и опредѣленія различныхъ степеней преступленій и наказаній, такъ какъ болѣе или менѣе быстрый переходъ происходитъ иногда въ этомъ опредѣленіи просто отъ недосмотра.

Для всякой степени преступленія должно быть опредѣлено по

два различныхъ наказанія, изъ коихъ одно—для гражданъ, изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а другое—для гражданъ, не изъятыхъ отъ нихъ, когда сущность преступленія требуетъ подобнаго наказанія.

Всякое тѣлесное наказаніе должно имѣть три степени, изъ коихъ первая—для людей крѣпкаго сложенія, вторая—для менѣе дюжихъ, и третья—для остальныхъ.

Если кто-либо, однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ окажется виновнымъ въ двухъ преступленіяхъ, относящихся къ двумъ различнымъ родамъ или классамъ, то онъ долженъ подвергнуться двумъ наказаніямъ, за нихъ опредѣленнымъ, если только одно не заключается уже въ другомъ.

ГЛАВА XII.

О власти судебной.

Надлежащее отправленіе правосудія требуетъ трехъ вещей: сообразности судебныхъ рѣшеній съ законами, безпристрастія, скорости.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О сообразности судебныхъ рѣшеній съ законами.

Судебныя рѣшенія могутъ быть сообразны съ законами, когда послѣдніе, бывъ собраны въ одномъ и томъ же Сводѣ и изложены съ ясностью, простотой и точностью, составляютъ для честнаго и безпристрастнаго судьи надежное руководство, отнимая у коварнаго и продажнаго судьи всякое средство къ уловкамъ. При побужденіяхъ самыхъ чистыхъ, нѣтъ никакой возможности судить сообразно съ законами, когда они перепутаны, двусмысленны, темны и противорѣчатъ одинъ другому.

Подобные законы представляютъ обширное поле для обмана, криводушія, для всякаго рода злоупотребленій. Судебныя рѣшенія, постановляемыя при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, почти всегда произвольны; изъ этого слѣдуетъ, что судебныя мѣста, учрежденныя для защиты гражданъ, становятся для нихъ притѣснительными и грабителями.

Высшая задача редакціи законовъ—сдѣлать ихъ до того ясными и точными, чтобъ даже ребенокъ могъ понимать ихъ и чтобъ профессія юрисконсульта и адвоката стала совершенно излишнею.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О безпристрастіи.

Для того, чтобъ безпристрастіе соблюдалось на столько, на сколько это дозволяетъ человѣческая слабость, необходимо, чтобы судебная власть была совершенно отдѣлена отъ прочихъ. Будучи въ одно и то же время и законодателемъ, и судьей, и военачальникомъ и духовнымъ пастыремъ, деспотъ, облеченный такою громадною властью, легко могъ бы направить ее противъ любаго отдѣльнаго лица, и гражданская свобода погибла бы. И ежедневный опытъ доказываетъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ соединеніе властей, правосудіе отправляется съ возмутительнымъ лицепріятіемъ: его достаютъ тамъ при помощи большихъ хлопотъ и протекціи; это какая-то особенная милость, только никакъ не правосудіе.

Судебная власть должна быть поэтому независимою отъ власти законодательной, которая не можетъ имѣть на нее обратнаго дѣйствія. Тѣмъ болѣе она должна находиться въ независимости отъ власти исполнительной, одно названіе которой показываетъ уже, что она учреждена для исполненія, а не для постановленія рѣшеній. Она должна быть также независимою и отъ религіозной власти, обязанность которой заключается не въ примѣненіи законовъ, по крайней мѣрѣ къ другимъ лицамъ, кромѣ лицъ подвѣдомственныхъ церкви, но въ увѣщаніи соблюдать ихъ.

Говоря о равновѣсіи различныхъ властей, я уже достаточно развилъ эти важныя истины. Связь ихъ съ предметомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заставляетъ меня повторить ихъ. Отчего же и не напомнить объ истинахъ, имѣющихъ такую огромную практическую пользу?

Но обезпеченія судебной власти отъ другихъ властей будетъ мало: надобно еще обезпечить ее, такъ сказать, отъ самой себя. Для этого судебныя власти должны быть раздѣлены на двѣ различныя, одна отъ другой независимыя части, изъ коихъ одна констатируетъ фактъ, а другая примѣняетъ къ нему законъ.

Первый предметъ принадлежитъ суду присяжныхъ (jury), столь извѣстному и прославленному, что здѣсь нѣтъ никакой нужды пускаться въ подробности касательно его назначенія—учрежденіе достопамятное, которое дѣлаетъ честь человѣчеству и служитъ оплотомъ гражданской свободы.

Второй предметъ естественно подлежитъ вѣдѣнію судовъ, учрежденныхъ для отправленія правосудія.

Другой путь обезпеченія безпристрастія—не судей, а самыхъ законовъ, заключается въ установленіи судопроизводства такимъ образомъ, чтобъ оно могло доставлять противнымъ сторонамъ, и истцу и отвѣтчику, обвинителю и обвиняемому, всѣ средства къ заявленію ихъ правъ, претензій и показаній.

Судопроизводство заключаетъ въ себѣ слѣдующія части (*):

I. Обвиненіе. II. Позывъ обвиненнаго къ суду и обезпеченіе личности какъ его, такъ и обвинителя. III. Доказательства и улики въ преступленіи. IV. Защита обвиняемаго. V. Судъ.

Приступаю къ разсмотрѣнію этихъ пунктовъ.

I. *Право обвиненія*, предоставленное всѣмъ гражданамъ, установляя между ними взаимный надзоръ, служитъ дѣйствительнымъ средствомъ къ предупрежденію или пресѣченію преступленій. Слѣдовательно, оно какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ общественной и частной безопасности.

Но какъ въ то же самое время ненависть, мщеніе и клевета легко могутъ употребить его во зло, то оно служило бы скорѣе къ нарушенію, нежели къ упроченію этой безопасности, если бъ оно было предоставлено всѣмъ гражданамъ безъ различія. Поэтому право обвиненія надобно соединить съ трудностью оклеветанія.

Для достиженія этой цѣли, необходимо было бы прежде всего постановить, что ложный обвинитель подвергается тому же самому наказанію, которому бы слѣдовало подвергнуть обвиняемаго въ случаѣ если бы преступленіе было доказано.

Потомъ слѣдовало бы вдвойнѣ ограничить право обвиненія: относительно лицъ и относительно преступленій.

(*) Я постараюсь опредѣлить одинаковыя основныя начала и правила и для гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. Чѣмъ болѣе однообразія въ судахъ, тѣмъ легче запечатлѣвается въ умахъ гражданъ и тотъ порядокъ, которому они должны слѣдовать, и тѣмъ менѣе въ нихъ злоупотребленій. Этимъ-то путемъ и достигается *общеизвѣстность* (популярность) процедуры.

Относительно *лицъ*, дѣти не должны пользоваться имъ противъ своихъ родителей, жена противъ мужа, слуги и крѣпостные противъ своихъ господъ—ни въ дѣлахъ гражданскихъ, которыя не касаются до нихъ самихъ, ни въ дѣлахъ уголовныхъ, которыя для этихъ лицъ не особенно важны сами по себѣ, или въ которыхъ они не заинтерессованы лично. Это изъятіе, такимъ образомъ ограниченное, упрочило бы отношенія подчиненности, въ которыхъ всѣ члены семейства должны находиться къ своей главѣ: тогда въ семейной жизни было бы больше довѣрія, спокойствія и безопасности.

Относительно *преступленій*, право обвиненія слѣдовало бы предоставить и даже предписать какъ строгую обязанность, всѣмъ гражданамъ безъ исключенія, во всѣхъ преступленіяхъ, которыя близко касаются общественной и частной безопасности, какъ напр. въ заговорахъ и измѣнѣ противъ государя и государства, въ убійствѣ, въ произвольномъ взятіи подъ стражу, въ разбояхъ, въ поддѣлкѣ денегъ и т. п. Но коль-скоро безопасность не затронута до такой степени, то право обвиненія надлежало бы предоставить въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ только такимъ лицамъ, которыя не находятся къ обвиненному въ указанныхъ мною отношеніяхъ. Только ни въ какомъ случаѣ оно не должно быть предоставлено сыну противъ отца или матери, потому что здѣсь безопасность не была бы достаточнымъ поводомъ, такъ какъ она не можетъ быть дѣломъ самой черной неблагодарности и забвенія чувствъ, наиболѣе достойныхъ уваженія.

Подобными распоряженіями законодатель установилъ бы въ обществѣ общій и взаимный надзоръ, не посѣвая въ немъ смятеній и раздоровъ.

Предоставленіе всѣмъ гражданамъ свободы обвиненія не мѣшаетъ имъ однакожъ отказываться отъ роли обвинителей по нѣкоторымъ преступленіямъ. Общественная и частная безопасность требуетъ, чтобъ были назначены особыя должностныя лица, съ обязанностью розыскивать и преслѣдовать эти преступленія. Но дѣятельность ихъ при этомъ должна быть ограничена: они не должны чинить суда и расправы, а обязаны только замѣнять собою частныхъ обвинителей; въ случаѣ же ложнаго извѣта, подкупа и измѣны ихъ слѣдуетъ подвергать тѣмъ же наказаніямъ, какъ и послѣднихъ.

Ни въ какомъ случаѣ *народная молва и тайный доносъ* не должны служить достаточнымъ поводомъ къ арестованію, преслѣдованію и преданію граждапъ суду. Народная молва легко заблуждается, особенно когда публика предубѣждена противъ извѣстныхъ лицъ. Тайный же доносъ уже потому самому подозрителенъ, что онъ тайный. Благоразумное правительство должно выслушать его, воспользоваться имъ при случаѣ, какъ указаніемъ (потому что изъ самаго зла можно извлечь пользу, для предупрежденія золъ еще большихъ) и презирать имъ; оно не должно никогда наказывать частныхъ лицъ на основаніи одного лишь тайнаго извѣта, не должно никогда пренебрегать судебными формами. Вотъ какимъ образомъ благоразумныя дѣйствія могутъ согласоваться съ строгостью основныхъ началъ. Далѣе распространяться объ этомъ нечего. Сердце государя справедливаго и просвѣщеннаго склонится на мои слова. Я пишу не для слабоумныхъ и жестокихъ.

II. *Позывъ* обвиненнаго къ суду долженъ дѣлаться прежде всего самимъ обвинителемъ, который обязанъ сообщить ему о предметѣ своей жалобы, для того, чтобы послѣдній могъ приготовиться къ защитѣ. Затѣмъ оба должны являться одновременно въ судъ, для изложенія—одинъ своей жалобы, другой — своего отвѣта. Этимъ простымъ дѣйствіемъ устранялось бы множество проволочекъ и безполезныхъ формальностей.

Такой порядокъ могъ бы быть соблюдаемъ какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, съ тою разницею, что въ первомъ случаѣ нѣтъ надобности являться истцу лично, лишъ бы въ узаконенный срокъ получены были его жалоба или отвѣтъ и чтобы они имѣли надлежащую форму; даже и въ маловажныхъ уголовныхъ дѣлахъ точно также можно было бы обойтись безъ личной явки, необходимой только въ особенно важныхъ уголовныхъ процессахъ.

Но еслибъ обвиненный не представилъ своего отвѣта или не явился бы лично въ назначенный срокъ, въ такомъ случаѣ онъ долженъ получить отъ надлежащаго судебнаго мѣста формальную повѣстку о явкѣ къ суду; если бъ и тогда онъ упорствовалъ, то судебное мѣсто должно распорядиться о наложеніи на него *личнаго ареста.*

Равнымъ образомъ слѣдовало бы подвергать личному аресту и

обвинителя и обвиняемаго, послѣ перваго допроса, въ уголовныхъ дѣлахъ чрезвычайной важности, если ни тотъ ни другой не представили достаточныхъ порукъ въ томъ, что они останутся въ странѣ до окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ такомъ случаѣ ихъ должно помѣщать въ надежномъ мѣстѣ, удобномъ и снабженномъ чистымъ воздухомъ. Тамъ они получали бы здоровую, сытную пищу, но въ очень умѣренномъ количествѣ, если бъ не въ состояніи были запасаться ею сами. Всякому дозволялось бы видѣться съ ними, для того чтобъ они имѣли всѣ возможныя средства къ оправданію и утѣшенію, ибо отнюдь не должно упускать изъ виду, что они пока суть еще только граждане заподозрѣнные, но не осужденные и признанные виновными.

Можетъ случиться, что обвиненный, или и самъ обвинитель, при началѣ или въ продолженіи процесса, совершатъ побѣгъ. Слѣдуетъ ли на этотъ побѣгъ смотрѣть какъ на признаніе въ преступленіи, какъ на явную измѣну, или же просто какъ на обстоятельство, говорящее не въ пользу убѣжавшаго? Столь много причинъ могутъ побудить къ этому гибельному поступку, что судъ, всегда справедливый и осторожный, обязанъ смотрѣть на этотъ побѣгъ просто какъ на актъ неповиновенія государю или установленнымъ властямъ, который долженъ повлечь за сособою наказаніе, опредѣленное закономъ; что же касается до самаго предмета обвиненія, то онъ долженъ опредѣляться на основаніи уже имѣющихся данныхъ и тѣхъ, которыя еще можетъ доставить ему сторона, находящаяся на лицо; смотря по количеству свѣдѣній и по степени убѣжденія, до котораго онъ достигнетъ, за исключеніемъ невольныхъ заблужденій, онъ или оправдаетъ убѣжавшаго, если обвиненіе явнымъ образомъ несправедливо, или же въ противномъ случаѣ осудитъ его *за упрямство*.

Хотя осужденный такимъ образомъ, будетъ ли онъ виновенъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ долженъ быть подвергнутъ наказанію за побѣгъ, но можетъ быть освобожденъ отъ наказанія за упрямство, если ему удастся оправдаться посредствомъ доказательствъ, представленныхъ или лично имъ самимъ, или сообщенныхъ суду какимъ-либо инымъ путемъ.

Есть страны, гдѣ законъ предоставляетъ всѣмъ и каждому право убивать виновныхъ въ такомъ упрямствѣ. Достаточно

упомянуть объ этомъ законѣ, чтобы дать почувствовать все его варварство.

III. Перехожу къ доказательствамъ, которыя суть: a) добровольное сознаніе, b) свидѣтельскія показанія, c) документы, или письменныя доказательства, d) присяга, e) улики.

a) *Признаніе*, сдѣланное добровольно, въ полномъ разсудкѣ, безъ всякаго принужденія или насилія, должно быть разсматриваемо, и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ самое сильное законное доказательство.

Кто-либо имѣетъ притязаніе на мою собственность, опираясь на нѣкоторыя сомнительныя права; она присуждается ему, и затѣмъ онъ дѣлаетъ признаніе, которое разсѣеваетъ эти сомнѣнія. Не слѣдуетъ ли меня снова ввести во владѣніе моимъ имуществомъ?

Совершено ужасное преступленіе; наводятъ о немъ справки; мучимый совѣстію, виновный самъ сознается въ немъ, предаетъ себя на казнь. Не слѣдуетъ ли подвергнуть его этой казни?

Мнѣ кажется, что признаніе, вызванное совѣстію, религіей и нравственностью, есть самое блестящее торжество истины.

Однакожъ нѣкоторые философы смотрятъ на это совершенно иначе: они утверждаютъ, что признаніе, по крайней мѣрѣ въ уголовныхъ дѣлахъ, до того противно природѣ, что человѣка, дѣлающаго его, надобно заподозрить въ слабоуміи, умопомѣшательствѣ, и что стало-быть вѣрить его словамъ не слѣдуетъ.

Римская юриспруденція, далеко не признавая этого доказательства, приняла за аксіому, что *никто не бываетъ свидѣтелемъ противъ себя самого*. Поэтому она отнюдь не допускала *внѣсудебнаго* признанія и даже не дозволяла обвиняемому, сознавшемуся, отказаться отъ своихъ показаній. Эдиктъ императора Севера запрещалъ судьѣ включать въ число ясныхъ доказательствъ преступленія собственное сознаніе виновнаго, и осуждать его, если другія доказательства не подтверждали справедливости этого сознанія.

Но переходя отъ излишней снисходительности къ излишней жестокости, законы римскіе дозволяли призывать въ судъ всякаго раба, имѣвшаго несчастіе быть свидѣтелемъ преступленія, и даже всякаго свободнаго человѣка, не имѣвшаго права носить ни тоги, ни оружія; пытки дозволяли они при малѣйшемъ подозрѣніи, дабы можно было

опереться на показанія, исторгнутыя ужасными муками. Нелѣпыя и жестокія въ то же время, онѣ такимъ образомъ становили людей на одну доску съ неодушевленными существами.

На подобную жестокость и возражать не стоитъ. Но коль скоро нѣтъ сомнѣнія въ здравомъ умѣ подсудимаго, то по чему бы не дать вѣры его добровольному сознанію? Вѣдь это значитъ желать найти затрудненія тамъ, гдѣ ихъ и нѣтъ совсѣмъ, и съ большимъ трудомъ отыскивать другихъ доказательствъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ, когда доказательство самое ясное уже существуетъ и избавляетъ отъ этого ненужнаго отыскиванія.

Въ Швеціи законъ вдался въ излишнюю мелочность, совершенно противоположно закону римскому. Виновный, не смотря на доказательства, не подлежащія ни малѣйшему сомнѣнію, не можетъ быть осужденъ на смерть, если самъ не сознался въ своемъ преступленіи.

Хорошее законодательство должно тщательно избѣгать этихъ крайностей: оно не должно отвергать добровольнаго признанія, когда оно представится само собою; но не должно прибѣгать и къ насилію, чтобы вынудить это признаніе; тѣмъ болѣе оно не должно допускать, чтобъ личная и имущественная безопасность могла пострадать отъ безнаказанности виновнаго, который упорно запирается въ своемъ преступленіи, не смотря на самыя сильныя, самыя ясныя доказательства.

Таковы причины, заставляющія меня признать, какъ законное доказательство, добровольное и достаточно подтвержденное признаніе. Говорю: достаточно подтвержденное, потому что если бы другія доказательства оказались противорѣчащими этому признанію, то оно перестало бы быть доказательствомъ, такъ какъ опровергалось бы многочисленностью и очевидностью другихъ доказательствъ.

b) На чемъ теперь основывается *свидѣтельство?* На опытѣ и на разумѣ: одинъ доставляетъ данныя, другой обобщаетъ ихъ посредствомъ закона вѣроятности.

Человѣкъ обвиненъ по гражданскому иску или уголовному. Другой представляетъ доказательства противъ обвиненнаго. Оба они до времени обвиненія были безукоризненнаго поведенія. Законъ, всегда безпристрастный, долженъ оказать къ нимъ одинаковую степень довѣрія. Возраженіе, что обвиняемому выгоднѣе

отрицать, нежели свидѣтелю подтверждать, справедливое въ извѣстныхъ случаяхъ, бываетъ несправедливо во многихъ другихъ; и такъ какъ шансами для обвиняемаго уравновѣшиваются шансы для свидѣтеля, то законъ долженъ установить между ними совершенное равенство.

Но къ первому свидѣтелю присоединяется второй и подтверждаетъ тотъ же фактъ: равновѣсіе приходитъ уже въ легкое колебаніе. Потомъ еще третій свидѣтель присоединяется къ двумъ первымъ, за нимъ нѣсколько другихъ—колебанія становятся сильнѣе и чаще, по мѣрѣ увеличенія числа свидѣтелей; вскорѣ отъ сомнѣнія переходятъ къ вѣроятности, а отъ нея къ достовѣрности—и перевѣсъ остается совершенно на сторонѣ свидѣтелей противъ обвиняемаго. Таковъ обычный ходъ ума человѣческаго; такимъ образомъ пріобрѣтаетъ онъ свѣдѣнія, основанныя на вѣроятности (vraisemblance).

Происхожденіе свидѣтельства хотѣли объяснить еще иначе: именно чрезвычайнымъ затрудненіемъ, какое встрѣчаютъ два свидѣтеля, допрашиваемые порознь, въ томъ, чтобы передать одинаковымъ образомъ обстоятельства, могущія сопровождать изслѣдуемое преступленіе; изъ чего есть полное основаніе заключить, что одна только истина можетъ сдѣлать ихъ показанія одинаковыми.

Но да позволено мнѣ будетъ замѣтить, что хотя этотъ доводъ и очень благовиденъ, но самъ по себѣ онъ неоснователенъ, и потому на немъ не можетъ быть утвержденъ принципъ свидѣтельства.

Рѣдко когда два свидѣтеля, люди весьма честные, образованные и съ прекрасными побужденіями, передадутъ всѣ обстоятельства какого-либо факта совершенно одинаково. Относительно самаго факта показанія ихъ обоихъ будутъ согласны, но относительно обстоятельствъ выйдетъ разница. Ссылаюсь въ этомъ случаѣ на опытъ всякаго. Кому не доводилось слышать, ка̀къ нѣсколько очевидцевъ разсказываютъ про одно и то же происшествіе на нѣсколько разныхъ манеровъ?

И это такъ справедливо и такъ часто случается, что совершенно одинаковый отзывъ всѣхъ свидѣтелей обо всѣхъ обстоятельствахъ

слѣдовало бы разсматривать какъ несомнѣнный признакъ ихъ стачки.

Если бъ малѣйшей разницы въ показаніяхъ было достаточно для уничтоженія силы ихъ и важности, то доказательства преступленія сдѣлались бы очень трудны и почти невозможны, и безнаказанность тогда поощрялась бы.

Съ другой стороны, еслибъ, не дѣлая строгаго требованія относительно отдѣльныхъ обстоятельствъ, довольствовались согласнымъ отзывомъ двухъ свидѣтелей о фактѣ, то имъ было бы легче стакнуться.

Для предупрежденія того и другаго неудобства слѣдовало бы принять за правило, что когда свидѣтели будутъ согласны на счетъ факта и обстоятельствъ, съ нимъ нераздѣльныхъ, тогда слѣдуетъ давать имъ вѣру, если бъ даже они и разнились въ показаніяхъ на-счетъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть болѣе или менѣе отдѣлены отъ факта.

Если окажется, что это средство недостаточно для обезпеченія невинности отъ опасностей, которымъ она подвергается, то можно будетъ придать показаніямъ бо̀льшую силу и очевидность, требуя въ важныхъ случаяхъ скорѣе бо̀льшаго числа свидѣтелей, нежели большей степени одинаковости въ ихъ показаніяхъ. Чѣмъ больше будетъ свидѣтелей, подтверждающихъ одинъ и тотъ же фактъ, тѣмъ труднѣе будетъ имъ стакнуться, хотя они и будутъ сильнѣе разниться на счетъ обстоятельствъ факта, болѣе или менѣе постороннихъ.

Понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій, что если бъ они стали разниться въ обстоятельствахъ, нераздѣльныхъ съ фактомъ, то ихъ свидѣтельство съ самаго же начала потеряло бы свою важность.

Впрочемъ, допускать безъ различія всѣхъ и каждаго къ свидѣтельствованію, значило бы пренебрегать всѣми правилами благоразумія и смысла, потому что опытъ набрасываетъ сомнѣніе и подозрѣніе на такихъ свидѣтелей, которые лично заинтересованы предметомъ спора или обвиненія, равно какъ и на свидѣтелей безумныхъ и помѣшанныхъ, и здравый смыслъ предписываетъ устранять ихъ.

Законъ, опирающійся на то и на другое, опредѣляетъ число свидѣтелей и способность ихъ къ свидѣтельствованію, постановляя,

что ихъ нельзя отвергать подъ условіемъ количества, разсудка и безпристрастія.

c) Письменное доказательство есть то, которое засвидѣтельствовано судомъ или какимъ-либо должностнымъ лицомъ.

Это доказательство можетъ быть опровергнуто лишь обвиненіемъ въ подлогѣ; но если подлинность документа подтверждена тѣмъ самымъ судомъ или лицомъ, которое его засвидѣтельствовало, то обвиненіе становится клеветой, и доказательство получаетъ высшую степень силы, ясности и очевидности.

d) Люди нерелигіозные и безнравственные, соединяя въ себѣ нечестіе съ неправдой, легко могутъ дать ложную присягу; другіе, хотя такъ же несправедливые, имѣютъ однакожъ нѣкоторую религіозную совѣстливость или суевѣріе; отважные въ преступленіи, они трепещутъ предъ религіозными торжественными обрядами, при которыхъ обираются отъ нихъ показанія въ этомъ преступленіи; третьи, руководимые нравственностію и религіей, скорѣе готовы презрѣть наказанія и смерть, нежели измѣнить своимъ чувствамъ чрезъ лжесвидѣтельство; всѣ наконецъ, каково бы ни было ихъ образованіе и образъ мыслей, придаютъ бо́льшую важность своимъ поступкамъ и словамъ предъ судомъ и алтаремъ, чѣмъ поступкамъ и словамъ въ обществѣ и общежитіи.

Если таково есть, если таково всегда и было настроеніе умовъ, то на присягу по необходимости приходится смотрѣть, какъ на доказательство весьма существенное и весьма сильное относительно огромнаго большинства людей.

Не признавая эту истину, утверждали однакоже, что обвиняемаго не слѣдуетъ приводить къ присягѣ, потому что клятвопреступленіе для него почти неизбѣжно, такъ какъ ему гораздо выгоднѣе отпираться отъ обвиненія, а что къ этому доказательству должны допускаться только обвинители и свидѣтели.

Но если оно допускается *противъ* него, то почему бы не допускать такое доказательство и *за* него? Почему обвинители и свидѣтели въ правѣ подтверждать подъ присягой, тогда какъ онъ не въ правѣ отпираться подъ присягой? Почему предполагать въ немъ меньше религіи и нравственности, чѣмъ въ его противникахъ? Сколько бываетъ между обвинителями и свидѣтелями негодяевъ и безнравственныхъ! Извѣтъ, который самъ по себѣ не имѣетъ ни-

чего предосудительнаго, который во многихъ случаяхъ составляетъ важную обязанность, стоитъ такъ низко въ общественномъ мнѣніи именно только вслѣдствіе слишкомъ большаго числа подлыхъ доносовъ.

Къ тому же не совсѣмъ вѣрно и то, что отпираться для обвиняемаго всегда выгоднѣе, чѣмъ для обвинителя и свидѣтеля подтверждать. Это можетъ имѣть мѣсто развѣ только въ тяжкихъ преступленіяхъ, но къ-счастію, они весьма рѣдки. Въ массѣ же обыкновенныхъ, а слѣдовательно и болѣе частыхъ преступленій, эта выгода, бывъ уменьшена до безконечности, едва ли бы одержала верхъ надъ религіозными и нравственными чувствами, болѣе или менѣе господствующими въ большей части людей.

Скажу болѣе: въ тѣхъ странахъ, гдѣ законъ подвергалъ бы ложнаго обвинителя томуже наказанію, какое назначено за преступленіе, обвиненія дѣлались бы весьма рѣдко, но за то имѣли бы большую силу. Обвинителю было бы гораздо выгоднѣе оставаться при своихъ показаніяхъ, чѣмъ въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ бы этого закона не существовало; а для клеветника гораздо было бы выгоднѣе оставаться при своей клеветѣ подъ лжеприсягой. Такимъ образомъ при подобномъ законѣ, который къ тому же есть вѣрнѣйшій оплотъ гражданской свободы, интересъ обвинителя совершенно былъ бы тождественъ съ интересомъ обвиняемаго и свидѣтелей. Я уже сдѣлалъ это самое замѣчаніе говоря о свидѣтеляхъ, какъ доказательствѣ.

Поэтому я думаю, что присяга, какъ доказательство, должна быть предоставляема всѣмъ тяжущимся безъ различія; но чтобы слабость, подлость и нечестіе менѣе злоупотребляли сю, для этого слѣдовало бы постановить, что одна она еще не можетъ опредѣлять собою судейскаго рѣшенія или приговора, если нѣтъ другихъ совмѣстныхъ доказательствъ.

Въ этомъ-то, по моему, и заключается средина между употребленіемъ и злоупотребленіемъ присяги.

e) Улика есть начало, первая степень доказательства, или легчайшее доказательство, какое только возможно.

Чѣмъ больше уликъ, тѣмъ полнѣе доказательство.

На основаніи только одного доказательства, лишь бы это не было добровольное и подтвержденное самимъ обвиняемымъ сознаніе,

нельзя приговаривать обвиняемаго къ лишенію жизни, чести, свободы, имущества; но во всѣхъ другихъ случаяхъ, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, одного основательнаго доказательства достаточно для того, чтобъ направить судейское рѣшеніе или приговоръ.

IV. Должно предоставить самому обвиняемому выборъ наиболѣе выгодныхъ способовъ защиты, лишь бы это было въ порядкѣ, предписываемомъ законами.

Но ему должно воспретить все, что бьетъ на краснорѣчіе, на внѣшній эфектъ, все что́ способно лишь возбудить въ судьяхъ участіе, сострадание, чувствительность. Строгій, неумолимый законъ требуетъ и толкователей такихъ же; толкователи эти должны имѣть въ виду только его, дѣйствовать только посредствомъ его, рѣшать на основаніи только его: все остальное должно быть для нихъ чуждымъ.

Понятно, до какой степени нелѣпы и опасны всѣ эти защитительныя рѣчи, которыми щеголяетъ судебное краснорѣчіе. Если онѣ излагаютъ истину, то она не нуждается въ прикрасахъ; если же содержатъ въ себѣ ложь, то зачѣмъ прикрывать ее прелестями краснорѣчія? Не значитъ ли это сбивать съ толку судей, которымъ и безъ того немало хлопотъ стоитъ констатировать факты, оттѣняющіеся до безконечности, и примѣнять къ нимъ законы, которые, не имѣя такихъ оттѣнковъ, представляютъ всегда болѣе или менѣе препятствій къ правильному ихъ примѣненію?

Не должно также допускать личностей и обидъ, ни словесныхъ ни письменныхъ, потому что это своего рода насиліе, равно какъ неуваженіе къ самимъ судамъ.

Поэтому слѣдовало бы, чтобы защита, какъ и всѣ части процесса, излагалась въ выраженіяхъ ясныхъ, безъ краснорѣчія и поносныхъ словъ. Давайте голую истину, и ничего больше, кромѣ истины.

V. Большинства голосовъ достаточно ли для постановленія рѣшенія, или же необходимо единогласное рѣшеніе?

Единогласное рѣшеніе слишкомъ бы потворствовало виновному; безусловное же большинство могло бы быть пагубно для невиннаго. Одинъ судья взявъ сторону виновнаго, своею упорною оппозиціею можетъ не допустить самаго справедливаго и необходимаго приго-

вора. Одинъ судья, когда голоса раздѣлились бы между двумя различными мнѣніями поровну, соглашаясь съ той или другой стороной, рѣшалъ бы вопросъ о жизни, чести, свободѣ гражданина.

Между этими крайностями есть средина. Въ обыкновенныхъ искахъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, можно бы постановлять рѣшеніе по безусловному большинству голосовъ; но въ уголовныхъ дѣлахъ особой важности постановлять рѣшеніе слѣдовало бы только самымъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, напр. большинствомъ трехъ-четвертей всего числа судей.

Когда существуетъ *юридическая достовѣрность*, т. е. убѣжденіе въ томъ, что извѣстный фактъ юридически доказанъ и что къ нему долженъ быть примѣненъ такой-то законъ,—нужна ли тогда еще *достовѣрность нравственная*, т. е. личное убѣжденіе судьи въ томъ, что такое-то лицо, совершившее такое-то дѣяніе, подлежитъ отвѣтственности за его послѣдствія; нужно ли, говорю я, нравственную достовѣрность сочетать съ достовѣрностью юридическою, для того чтобъ мотивировать и опредѣлить судейское рѣшеніе? Могутъ ли судьи уклоняться отъ постановленія приговора, когда нравственное убѣжденіе ихъ противорѣчитъ убѣжденію юридическому?

Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ посредствомъ другихъ, весьма простыхъ вопросовъ. Не есть ли судья толкователь закона? Ктó изъ нихъ долженъ постановлять рѣшеніе—судья ли, или законъ? Юридической достовѣрности достаточно для постановленія приговора.

Но какъ ужасно осудить человѣка, *почитаемаго* невиннымъ, хотя юридическія доказательства и говорятъ противъ него! Согласенъ; но слѣдуетъ ли также, изъ-за такого мнѣнія о человѣкѣ, основательнаго или неосновательнаго, налагать молчаніе на законы и лишать обезпеченія личную и имущественную безопасность?

Если замедленіе въ рѣшеніи, за недостаткомъ нравственной достовѣрности, и можетъ иногда благопріятствовать невинному, то не менѣе того оно можетъ благопріятствовать и виновному, предлагая при этомъ въ судьяхъ даже самыя лучшія побужденія. Въ этомъ случаѣ возможность добра уравновѣшивается возможностью зла. Но если мы примемъ въ соображеніе, какъ рѣдки честные и образованные люди, что, не смотря на эти качества, они могутъ быть слишкомъ робки и имѣть слишкомъ слабый характеръ, что

огромное большинство ихъ легко можетъ ошибиться подъ вліяніемъ невѣжества и заблужденія, а равно и множества побудительныхъ причинъ, касающихся личнаго интереса; если мы посовѣтуемся съ опытомъ, свидѣтельствующимъ, что нерѣдко человѣкъ уклоняется отъ своихъ обязанностей изъ-за страстей и нуждается въ постоянныхъ усиліяхъ, чтобъ исполнить однѣ и преодолѣть другія,—то убѣдимся, что если принять систему нравственной достовѣрности, шансовъ для безнаказанности будетъ гораздо больше, чѣмъ для невинности.

Приговоръ, произнесенный и объявленный виновному, слѣдовало бы приводить въ исполненіе какъ можно скорѣе и съ возможно-большею торжественностью. Промежутокъ между объявленіемъ приговора и исполненіемъ его есть величайшее наказаніе для осужденнаго. Продлить этотъ промежутокъ—значитъ продлить самое наказаніе. Кромѣ того необходимо, чтобъ наказаніе было такъ связано съ преступленіемъ посредствомъ скорости его исполненія, чтобъ нельзя было подумать о преступленіи, не увидавши тотчасъ же наказанія. Это одно изъ лучшихъ средствъ къ предупрежденію зла.

Чѣмъ больше будетъ торжественности при исполненіи приговора, тѣмъ сильнѣе будетъ поражено воображеніе зрителей. Вотъ другое средство къ предупрежденію преступленій. Эта торжественность не увеличиваетъ мукъ виновнаго, но увеличиваетъ страхъ въ томъ, кто бы вздумалъ явиться ему подражателемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О скорости.

Она зависитъ отъ числа судовъ, отъ ихъ внутренняго устройства и взаимной независимости.

Число судовъ, равно какъ и опредѣленіе пунктовъ, долженствующихъ служить имъ мѣстопребываніемъ, опредѣляется большимъ или меньшимъ, дознаннымъ на практикѣ, количествомъ судебныхъ дѣлъ, производимыхъ въ извѣстномъ краѣ или области, и мѣстными обстоятельствами.

Подъ внутреннимъ устройствомъ я разумѣю порядокъ производ-

ства дѣлъ, способъ приведенія въ дѣйствіе различныхъ частей судопроизводства. Отъ устройства зависитъ форма процесса, отъ судопроизводства—его сущность.

Устройство должно быть какъ можно проще и яснѣе. Стоя между двухъ огней—между слишкомъ большими или слишкомъ малыми предосторожностями и юридическими формальностями, законодатель, во избѣжаніе того и другаго, всего бы лучше сдѣлалъ, еслибъ шагъ за шагъ слѣдовалъ за всѣми дѣйствіями, необходимыми какъ для уясненія или повѣрки факта, такъ и для правильности и подлинности рѣшенія,—дѣйствіями, на которыя указываетъ самая сущность вещей. За тѣмъ, сравнивши это естественное устройство съ тѣмъ, какое обыкновенно принято въ судахъ, онъ въ точности опредѣлилъ бы какія формальности слѣдуетъ удержать и какія отмѣнить.

Но ничто такъ сильно не способствуетъ безполезной проволочкѣ процесса и раззоренію тяжущихся, какъ та постепенность судовъ, изъ коихъ одинъ весьма часто кассируетъ рѣшеніе другаго, какъ тѣ безконечныя инстанціи и апелляціи, которыя какъ-будто придуманы единственно для выгоды судей, но никакъ не правосудія: другой причины установленія такого рода порядка, или лучше-сказать систематическаго безпорядка, и привести нельзя. Не заключается ли она въ необходимости исправлять въ высшихъ судахъ ошибки, сдѣланныя въ судахъ низшихъ? Но ошибки высшихъ судовъ кто же будетъ исправлять? Эти суды, исправляя будто-бы чужія погрѣшности, развѣ въ свою очередь не впадутъ въ нихъ? Сколько есть примѣровъ того, что правильное рѣшеніе первой инстанціи кассируется во второй и снова востановляется въ третьей! Такимъ образомъ эта судебная іерархія, если можно такъ выразиться, нисколько не уменьшитъ ошибокъ, дѣлаемыхъ ими: напротивъ, она еще увеличиваетъ ихъ число, ихъ важность, потому что гдѣ больше людей, тамъ разумѣется и ошибокъ больше; да и кромѣ того, тутъ неизбѣжна большая потеря времени, хлопотъ и денегъ, потеря, которой слѣдовало-бы избавить несчастныхъ тяжущихся, учредивъ суды, съ обязанностью судить въ первой и послѣдней инстанціи.

Отъ этого много бы выиграла скорость—качество, существенно необходимое для всякаго хорошаго отправленія правосудія, такъ

какъ промежутокъ времени между совершеніемъ преступленія и исправленіемъ его представляетъ на дѣлѣ отказъ въ правосудіи. Продлить этотъ промежутокъ, значитъ продлить самую несправедливость.

Изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее: вотъ то, что можетъ дѣлать человѣческая мудрость. Скорое правосудіе, не смотря на нѣкоторые недостатки, лучше того правосудія, которое, во всемъ остальномъ бывъ совершеннымъ, если только возможно, имѣло бы одинъ недостатокъ—чрезвычайную медленность.

Прежде всего, если бъ правосудіе нуждалось въ какой-либо другой поддержкѣ, кромѣ одного себя, то я сказалъ бы, что скорость, съ какою оно отправляется, благопріятствуетъ единственно интересу государства, ибо, прекращая въ самое короткое время всякое недоразумѣніе относительно права владѣнія, оно поощряетъ полезныя предпріятія, увеличиваетъ массу предметовъ необходимости и удовольствія, которые обращаются въ средѣ націи.

Чтоже касается до частныхъ лицъ, то если послѣ хлопотъ, ожиданія, хожденія, просьбъ, даже униженій, вынуждаемыхъ проволочкой и проводами правосудія, одной сторонѣ и удается возвратить себѣ права, то тѣмъ не менѣе другая сторона терпитъ изъ-за неизвѣстности, столь продолжительной, жестокой и раззорительной. Еще болѣе: нерѣдко случается, что частныя лица, имѣя права какъ нельзя болѣе основательныя, отказываются отъ защиты ихъ цѣною стольнихъ жертвъ.

Скажутъ, что эти черты преувеличены, что тяжущіеся въ правѣ окончить свой процессъ въ самомъ же началѣ, въ первой инстанціи, объявивъ, что они согласны на постановленное рѣшеніе; что если имъ желательно подавать на апелляцію въ высшія инстанціи и подвергаться затрудненіямъ, при этомъ неизбѣжнымъ, то сами въ томъ виноваты; что наконецъ большая часть этихъ затрудненій, потеря времени, неизвѣстность и издержки—предвидятся заранѣе и покрываются вознагражденіемъ, которое неправый тяжущійся обыкновенно уплачиваетъ противной сторонѣ, по окончаніи тяжбы. Мой отвѣтъ таковъ.

Тяжущійся, довольный рѣшеніемъ первой инстанціи, желаетъ остаться при немъ и тѣмъ покончить дѣло; но противникъ его, же-

лая измѣнить это рѣшеніе, обращается къ высшимъ судамъ: поневолѣ приходится слѣдовать туда за нимъ.

Недобросовѣстный тяжущійся, въ надеждѣ выиграть свое дѣло такъ или иначе, рѣшается пройти чрезъ всѣ инстанціи. Онъ наказывается за это, проигрываетъ, уплачиваетъ. Но долженъ ли законъ доставлять пищу его криводушію, и потомъ наказывать его за то, что онъ поддался искушенію?

Тяжущійся, у котораго правота дѣла уничтожила всякаго рода сомнѣнія, полагая, что въ первой инстанціи его обвинили неправильно, обращается ко всѣмъ прочимъ инстанціямъ. Онъ ошибается: проигрываетъ, платитъ. Долженъ ли законъ наказывать невинное заблужденіе?

Тяжущійся ведетъ правое дѣло, и въ первой инстанціи оно рѣшается въ его пользу. Всѣ другія инстанціи осуждаютъ его, или хоть только послѣдняя. Онъ лишенъ своего права: проигрываетъ, платитъ. Долженъ ли законъ къ несправедливому проигрышу законной тяжбы прибавлять еще вознагражденіе, не менѣе несправедливое?

Какъ ни смотрѣть на эти инстанціи, во всякомъ случаѣ въ нихъ видно множество неудобствъ, которыхъ не покроютъ никакія выгоды. Выгоду отъ исправленія неправильнаго приговора, постановленнаго въ первой инстанціи, нельзя принимать въ расчетъ: она перевѣшивается приговоромъ, справедливымъ въ первой инстанціи и несправедливымъ въ послѣдней; къ тому же она возможна лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, и слѣдовательно незначительна, потому что суды, которые по заведенному обыкновенію судятъ дурно, не должны и существовать совсѣмъ, какъ безполезные, вредные. Не лучше ли было бы выдавать *нѣкоторымъ* тяжущимся вознагражденіе изъ казны, тѣмъ именно, которые отъ времени до времени проигрывали бы свои тяжбы явнымъ образомъ несправедливо, и примѣрно наказывать судей, нежели подвергать *всѣхъ* тяжущихся безъ различія заранѣе извѣстнымъ и неисчислимымъ неудобствамъ судебныхъ постепенностей? Это была бы двойная услуга со стороны государя или главы правленія.

Но такъ какъ онъ обремененъ множествомъ другихъ важныхъ дѣлъ, равно требующихъ его заботливости и вниманія, то необходимы ревизіонные суды, которые, будучи почтены его довѣріемъ

и имѣя единственной обязанностью ревизовать гражданскія тяжбы, представляли бы ихъ ему въ настоящемъ видѣ, опредѣляя въ нужныхъ случаяхъ вознагражденіе обиженнымъ сторонамъ, наказаніе корыстолюбивымъ судьямъ и награду судьямъ честнымъ.

Здѣсь мой доводъ могутъ обратить противъ меня же. Эти ревизіонные суды, скажутъ мнѣ, не могутъ развѣ постановлять приговоры то справедливые, то несправедливые? Добро не будетъ ли перевѣшиваться зломъ? Это средство придать правосудію большую правильность—не такъ же ли будетъ недостаточно, какъ и высшія инстанціи, предметъ вашихъ осужденій и преобразованій?

Я не могу согласиться, что эта мѣра представляетъ столько же зла, сколько и добра; напротивъ, я утверждаю, что выгодъ отъ нея гораздо больше, чѣмъ неудобствъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно человѣческое учрежденіе. Представьте себѣ тяжущагося, которому несправедливо отказано въ искѣ: онъ лишается всего своего состоянія, зло падаетъ на него всею своею тяжестью. Представьте себѣ съ другой стороны неправаго тяжущагося, получающаго по приговору ревизіоннаго суда вознагражденіе: зло, проистекающее изъ этого вознагражденія, взятаго изъ общественной казны, раскладывается на всѣхъ платящихъ повинности: оно раздробляется до безконечности, приводится къ самой незначительной величинѣ. И выходитъ, что добра больше, нежели зла.

Что касается до наказанія судей, то оно опредѣлялось бы судомъ и утверждалось государемъ не иначе, какъ только *въ самыхъ крайнихъ случаяхъ*, какъ *самыхъ явныхъ*. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ, когда преступленіе не доказано, не должно полагаться никакого наказанія. Такимъ образомъ наказывать приходилось бы справедливо: это было бы величайшее благо, которымъ уравновѣшивалось бы зло, происходящее отъ безнаказанности—спасительнымъ страхомъ отвѣтственности личной и имущественной. Прибавьте къ этому основательную надежду на полученіе заслуженной награды. Отсюда большая правильность въ администраціи.

Есть, впрочемъ, существенное различіе между высшими судами существующими и тѣми, которые я предлагаю: первые кассируютъ рѣшенія низшихъ судовъ, а послѣдніе никогда ихъ не кассируютъ,

ограничиваясь лишь повѣркою дѣйствій судей. Стало быть ревизіонный судъ не есть новая инстанція.

Тѣ же самые поводы къ надеждѣ, страху и отвѣтственности существуютъ и для судовъ уголовныхъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ ихъ рѣшеній нельзя было отмѣнять, какъ рѣшенія судовъ гражданскихъ? Здѣсь ошибки всегда можно исправить, а тамъ онѣ очень часто неисправимы. Человѣкъ, напримѣръ, былъ бы осужденъ на смерть по приговору уголовнаго суда; потомъ доказывается его невинность, по крайней мѣрѣ достовѣрно, что онъ не заслужилъ такого сильнаго наказанія: какъ исправить подобную ошибку? Наказаніе судей, дѣйствительно могущее болѣе или менѣе предупредить такіе пагубные недосмотры, развѣ воскреситъ жертву законовъ?

Отвѣчаю и на эти вопросы, какъ отвѣчалъ на предыдущіе, представивъ уравновѣшеніе благопріятныхъ шансовъ и шансовъ противныхъ. Низшій судъ неправильно можетъ присудить къ неисправимому наказанію, а высшій развѣ не можетъ сдѣлать то же самое? Въ спокойное время уголовное правосудіе отправляется почти всегда безпристрастно: рѣдко когда изъ личныхъ видовъ приговорятъ человѣка къ смерти; природа возмущается противъ такого ужаснаго приговора: надобно преодолѣть ее, и въ этой борьбѣ состраданіе побѣждается лишь самой очевидной справедливостью и самой безусловной необходимостью поддерживать установленный порядокъ. Вотъ тотъ духъ, тѣ чувства, какими бываютъ тогда проникнуты высшіе и низшіе суды. Если въ чемъ и можно опасаться ошибокъ, то никакъ не въ строгости, а скорѣе въ снисхожденіи. Во времена смятеній и раздоровъ, суды, наиболѣе близкіе къ центру администраціи, къ этому вмѣстилищу дѣлъ, интригъ и происковъ, поддаются наиболѣе вліянію волненій, мстительности, неистовства партій и это обыкновенно высшіе суды. Всѣ сильныя страсти, приведенныя въ движеніе, какъ ненависть и ужасъ, заставляютъ молчать и природу и разсудокъ. Несправедливость, жестокость тогда торжествуютъ: головы правыхъ и виноватыхъ безъ разбора падаютъ на эшафотѣ; тогда не ошибокъ приходится бояться, а мщенія. Для предупрежденія послѣдняго слѣдовало бы прибѣгать къ судамъ менѣе пристрастнымъ и несправедливымъ, т. е. къ судамъ первой инстанціи, болѣе удаленнымъ отъ центра администраціи и слѣдовательно

болѣе безпристрастнымъ. Поэтому судебныя ступени, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, безполезны или вредны. Но слѣдуетъ ли отсюда, что рѣшенія тѣхъ и другихъ не должны вовсе подлежать отмѣнѣ?

Безъ сомнѣнія такъ, если только какія-нибудь другія причины, кромѣ правильности и безпристрастія, не побуждаютъ къ измѣненію уголовныхъ рѣшеній: я говорю о необходимости установленія и поддержанія равновѣсія между учредительными властями общества, посредствомъ права помилованія виновныхъ, предоставляемаго государю или главѣ государства. Изъ этого права естественно вытекаетъ право смягчать, т. е. перемѣнять наказаніе на другое, болѣе легкое, но ни въ какомъ случаѣ не право усиливать его, потому что послѣднее заключало бы въ себѣ противорѣчіе. Поэтому необходимы ревизіонные уголовные суды, которые не только представляли бы государю на усмотрѣніе наказанія и награды судьямъ, но и помилованіе виновныхъ или уменьшеніе для нихъ наказанія.

Вознаграждать тяжущихся, несправедливо понесшихъ убытки, наказывать или награждать судей, ни въ какомъ случаѣ однакожъ не кассируя ихъ рѣшеній, изрекать помилованіе виновнымъ или облегчать ихъ участь, но отнюдь не дѣлать ея тяжелѣе—вотъ чѣмъ должно ознаменовываться участіе государя или главы государства въ отправленіи правосудія, участіе, которое не установляетъ никакой инстанціи, никакой ступени въ судебной іерархіи, такъ какъ вознаграждать или миловать не значитъ отмѣнять или кассировать.

Допустимъ же, какъ основное начало административнаго правосудія, что необходимо достаточное число судовъ, которые бы руководствовались сводомъ законовъ, столько же ясныхъ, сколько и точныхъ, наблюдали безпристрастное судопроизводство, равно какъ простой и точный порядокъ въ дѣлопроизводствѣ, постановляя окончательное рѣшеніе въ предѣлахъ своего вѣдомства и подвергались отвѣтственности какъ личной, такъ и имущественной.

ГЛАВА XIII.

О власти исполнительной.

Первая обязанность правителя государства заключается въ поддержаніи безопасности. Вслѣдствіе этого онъ наблюдаетъ за

внутреннимъ благочиніемъ, охраняетъ и защищаетъ лица и имущества, увеличиваетъ и облегчаетъ пути сообщенія и проч.

Для исполненія этихъ обязанностей, ему необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи общественную казну и силу.

Онъ слѣдовательно налагаетъ подати, предписываемыя закономъ, наблюдаетъ за употребленіемъ ихъ, предписываемымъ имъ же; потому что еслибъ онъ не имѣлъ этого права, то могъ бы, пожалуй, оказаться недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, и государство было бы въ опасности.

Одинъ онъ не въ состояніи управлять общественными силами, а тѣмъ еще менѣе исполнять другія обязанности: онъ долженъ имѣть подъ своимъ начальствомъ достаточное число гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ.

Чиновники эти должны имѣть извѣстную сферу дѣятельности, и дѣйствовать въ этой сферѣ на основаніи извѣстныхъ правилъ. Эти два важные предмета должны опредѣляться главою государства, при чемъ дѣла поручаются разнымъ министерствамъ, которыя снабжаются особыми инструкціями для исполненія законовъ и общихъ постановленій.

Самое существенное свойство исполнительной власти есть скорость въ ея дѣйствіяхъ. Вотъ почему этой властью необходимо облечь одно лицо, а не цѣлую коллегію, которая должна ограничиваться совѣщаніями, но не дѣйствовать своимъ именемъ. Это начало примѣнимо впрочемъ только къ конституціоннымъ странамъ, гдѣ власть, будучи раздѣлена и слѣдовательно ослаблена въ своемъ источникѣ, требуетъ большей энергіи въ исполненіи законовъ. Не то въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ власть, весьма энергичная въ своемъ источникѣ, должна умѣряться въ исполненіи законовъ исполнительными мѣстами и лицами.

ГЛАВА XIV.

О власти религіозно-нравственной.

Не смотря на мудрые законы, на точное примѣненіе ихъ и на скорость ихъ исполненія, бываетъ всегда множество преступленій, которыхъ они не въ состояніи преслѣдовать, не повлекши за собою,

изъ-за неумѣстныхъ розысковъ, затрудненій, золъ несравненно бо́льшихъ, чѣмъ эти преступленія.

Наказывать ихъ, и чрезъ то восполнять недостаточность человѣческихъ законовъ, предоставляется религіозно-нравственной власти. Надеждою на награду и страхомъ сверхъестественныхъ наказаній она уничтожаетъ оскорбленіе, для котораго въ законѣ не полагаетъ мѣръ исправленія; принуждаетъ возвращать чужую собственность, на удержаніе которой гражданскій законъ даетъ иногда право; помощію совѣсти, она заставляетъ открывать тайное преступленіе; наконецъ, она мало что пресѣкаетъ зло, но еще дѣлаетъ добро.

Для произведенія такихъ спасительныхъ дѣйствій, необходимо, чтобъ религія укрѣпляла нравственность, и обѣ вмѣстѣ укрѣпляли законы. Какъ достичь этого счастливаго согласія? Что́ надо дѣлать чтобы поддержать его? Объ этомъ мы намѣрены поговорить теперь.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О происхожденіи религіозно-нравственной власти.

Человѣкъ, выходя изъ рукъ природы, поражается блестящими явленіями, которыя происходятъ на землѣ и на небѣ. Должны же быть какія-нибудь причины этихъ явленій: это сверхъестественныя существа, боги.

Эти явленія бываютъ или полезны, или вредны, смотря по тому, производятъ ли они удовольствіе или непріятное чувство. Стало быть есть божества благодѣтельныя и злыя.

Эти явленія происходятъ на землѣ и на небѣ; поэтому божества суть земныя и небесныя.

Небо у насъ надъ головой, оно усѣяно звѣздами, величественныя свѣтила плаваютъ въ безконечномъ пространствѣ. Эта отчизна благодарнѣе и прекраснѣе земли, которую мы попираемъ: небесные боги суть слѣдовательно высшія божества, земные—низшія.

Вскорѣ единый Богъ присвоиваетъ себѣ власть надъ всѣми другими, какъ отважный вождь надъ покорнымъ племенемъ. Этотъ Богъ должно быть весьма могущъ, когда распоряжается другими богами: онъ обитаетъ въ горнемъ жилищѣ, онъ мещетъ молнію.

Мы снискиваемъ благоволеніе, обезоруживаемъ гнѣвъ моленіями,

воздаяніемъ почестей и дарами. Тѣми же средствами надо снискивать благоволеніе и умилостивлять благодѣтельныя и злыя божества. Отсюда богопочитаніе (культъ).

Люди, отличающіеся добрыми качествами и энтузіазмомъ, честолюбіемъ или жадностью, лицемѣріемъ или суевѣріемъ, утверждаютъ, будто бы воля боговъ имъ извѣстна: они становятся толкователями и провозвѣстниками ея, по согласію и уступчивости болѣе или менѣе ясной, болѣе или менѣе слѣпой, ихъ послѣдователей. Отсюда сословіе жрецовъ.

Одно изъ самыхъ пылкихъ желаній нашихъ заключается въ продолженіи нашего существованія; одно изъ самыхъ возмутительныхъ нашихъ понятій есть понятіе о нашемъ ничтожествѣ. Люди послѣ своей смерти должны же быть гдѣ-нибудь; тамъ они бываютъ или счастливы, или несчастны, смотря по тому, исполняютъ ли во время земной своей жизни велѣнія божескія, т. е. жреческія. Отсюда елисейскія поля, адъ, адскіе судьи.

Не довольствуясь опредѣленіемъ первоначальной причины всѣхъ явленій, люди стали пытаться объяснить себѣ сущность этой причины, отличительныя свойства бога.

Прежде всего ему были приданы всѣ безъ различія человѣческія способности, вмѣстѣ съ могуществомъ, превосходящимъ могущество людей: Юпитеръ сдвинетъ бровь—и весь Олимпъ трепещетъ. Потомъ сочли болѣе благороднымъ приписывать ему только умственныя способности, но придавъ власть еще болѣе неограниченную.

Такимъ образомъ, охарактеризовывая божество, посредствомъ разныхъ перестановокъ и отвлеченій,—безплоднымъ идеаломъ человѣческаго духа, люди впали въ двойной антропоморфизмъ, котораго легко бы избѣгли, если бъ, восходя отъ вселенной къ ея создателю, охарактеризовывали одну помощію другаго. Но разумъ не открылъ еще настоящаго пути къ познанію божества.

Между тѣмъ какъ это невѣдѣніе вводило человѣка въ заблужденія въ размышленіяхъ его о началѣ и сущности вещей, онъ уже давно оказывалъ быстрые успѣхи въ открытіи основныхъ началъ справедливости и нравственности. Здѣсь важнымъ пособіемъ служили ему чувство и совѣсть. Еще будучи идолопоклонникомъ, онъ уже наблюдалъ нѣкоторыя правила, вѣрно опредѣлявшія образъ его дѣйствій относительно другихъ людей.

Послѣ множества различныхъ и противорѣчащихъ мнѣній, умъ человѣческій перешелъ наконецъ къ изслѣдованію коренной основы своихъ познаній. И онъ достигъ своей цѣли, принявъ за эту основу практическія истины.

Убѣдясь на опытѣ въ существованіи другихъ существъ и самого бога, онъ увидѣлъ, что именно въ богѣ и слѣдуетъ полагать начало и сущность вещей, норму для нашихъ обязанностей и источникъ нашихъ упованій: вѣрный путь былъ наконецъ проложенъ, и вскорѣ потомъ человѣкъ совершенно вступилъ въ естественное состояніе.

Но прекрасные начатки человѣческаго мышленія и морали долго оставались въ тѣсномъ кругу немногихъ привилегированныхъ мыслящихъ существъ; они долго были удѣломъ философіи, а религія и не думала создавать для себя что-либо подобное. Народы были преданы грубѣйшему суевѣрію, жрецы—ненасытной алчности; первые полагали необходимыми жертвы, вторые приношенія; не было иного отношенія между небомъ и землей, между религіей и политикой.

У язычниковъ культъ составлялъ все, а нравственность ничто, или почти ничто, такъ какъ она не вмѣшивалась въ тѣ дѣйствія, которыя будто бы способствовали снисканію благоволенія боговъ и укрощенію ихъ гнѣва. Въ томъ и другомъ случаѣ религія предписывала не какой-нибуть актъ благодѣянія, а какое-нибудь жертвоприношеніе. Мало того, обоготворились даже страсти. Было ли это средствомъ къ обузданію ихъ?—жертвенникъ безпрерывно орошался кровью, иной разъ даже человѣческою. Было ли это средствомъ къ смягченію нравовъ? Но, если древность и представляетъ намъ изумительно-высокія черты геройства и доблести, то ихъ слѣдуетъ приписывать совсѣмъ не языческой религіи, а философіи, которая успѣшно шла впередъ, не смотря на суевѣріе и предразсудки вѣка, той философіи, которая основывалась на истинахъ полезныхъ для людей, а не заключалась въ сомнѣніи и невѣріи. Отрѣшенная отъ морали, могла ли религія состоять въ связи съ законами?

Евреи первые установили у себя эту связь между гражданскими учрежденіями и религіозными. Моисей, этотъ великій законодатель, такъ смѣшалъ одни съ другими, что всякій законъ сдѣлался, такъ сказать, предписаніемъ религіи. Оттого-то учрежденія евреевъ и остались неизмѣнными, не смотря на разрушеніе ихъ храма и

паденіе ихъ царства. Разсѣянные по лицу земли, они сохранили ихъ почти во всей ихъ цѣлости, потому что это не просто законы, предписанные премудростью людской или глупостью: учрежденія эти образуютъ у нихъ и законы, и нравы, и религію; они передаются изъ рода въ родъ; они будутъ продолжать свое существованіе, пока будетъ существовать и принявшее ихъ племя.

Но эти учрежденія, изумительныя по своему единству, не таковы сами по себѣ. Моисеевъ законъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ: онъ не допускаетъ, столь утѣшительной и благотворной, догмы о безсмертіи души; наказанія и награды онъ ограничиваетъ жизнью въ настоящемъ; Мессія для евреевъ есть только временный владыка, который доставитъ имъ господство надъ вселенной. Но этотъ Мессія сдѣлалъ гораздо больше: онъ пополнилъ ихъ законъ, т. е. сдѣлалъ его совершеннымъ. Богъ Израиля —ревнивый Богъ, гнѣвны, истребитель. Нравы евреевъ заключаются въ обрядахъ, которые стремятся поставить народъ израильскій особо отъ другихъ народовъ и питаютъ въ немъ глубокое невѣжество, гордое презрѣніе ко всякой другой націи, какую-то глупую надменность, какое-то безпорядочное самолюбіе. Ни одинъ народъ не простиралъ больше евреевъ скупости и лихоимства, такъ способныхъ подавить порывы къ изящному, къ высокому.

Нація съ подобными нравами или законами (выраженія равно значащія у евреевъ) не могла оказать большихъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ. Она ихъ и не оказала, и въ этомъ быть-можетъ заключается одна изъ причинъ, почему этотъ народъ такъ долго сохраняетъ свои учрежденія въ ихъ первобытной простотѣ. Достигнувъ извѣстной степени цивилизаціи, законодатель долженъ выбирать любое: или прогрессъ, или застой.

Является I. Христосъ, и высочайшая мудрость вѣщаетъ его устами: онъ проповѣдуетъ милосердіе, благодѣяніе, любовь къ ближнему, повиновеніе законамъ, смиреніе, прощеніе обидъ—какъ добрыя дѣла, за которыя уготовано царство небесное. Ученіе онъ подтверждаетъ примѣромъ: на мѣсто казни онъ идетъ безъ слабости. Распятый на крестѣ, осыпаемый поносными словами и проклятіями, преданный черныо ужаснѣйшимъ мукамъ, онъ возвышается надъ людьми, надъ муками и смертью, говоря: «отпусти имъ, Боже: не вѣдятъ бо, что творятъ!»

По этой высокой чертѣ, по этому последнему усилію добродѣтели, дальше котораго ничего и представить себѣ невозможно, былъ узнанъ богочеловѣкъ. Образовалось общество христіанъ; его стали преслѣдовать, но отъ этого оно только еще болѣе окрѣпло, распространилось, развѣтвилось до безконечности. Отсюда христіанство и торжество его, благодаря второстепеннымъ причинамъ.

Одна лишь эта религія соединяетъ съ ученіемъ о существованіи Бога и безсмертіи души самую чистую и высочайшую нравственность. Вотъ почему она заключаетъ въ себѣ все, что нужно для того, чтобъ возвысить душу, очистить сердце, управлять воображеніемъ и произвесть самое полное убѣжденіе относительно ея ученія и правилъ; вотъ почему она имѣетъ огромное вліяніе на всѣ человѣческія дѣйствія; вотъ почему она всего болѣе способна помогать силѣ законовъ при всѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ законы не могутъ и не должны дѣйствовать.

Найдите другую религію, которая бы соединяла въ себѣ эти свойства въ такой высокой степени. Религія языческая, отрѣшенная отъ нравственности, вмѣсто того, чтобы говорить сердцу, говорила только воображенію. Религія и законы еврейскіе, правда, сливались въ одну систему, но эта система точно также погрѣшала со стороны нравственности, которая много-что запрещала дѣлать зло, но не повелѣвала оказывать добра. Магометанство содержитъ въ себѣ высокія истины, но оно ограничиваетъ кораномъ все знаніе человѣческое, освящаетъ невѣжество, дѣлаетъ изъ него одинъ изъ основныхъ пунктовъ своего ученія—и турки, подобно евреямъ, цѣлыя вѣка остаются въ томъ же самомъ состояніи цивилизаціи (*). Ученіе Зороастра формально установляетъ жреческій деспотизмъ, подчиняя лучшія дѣйствія одобренію жрецовъ, безъ котораго они не могутъ имѣть никакого значенія.

Но, замѣтятъ мнѣ, сколько пролито крови изъ-за того, чтобъ утвердить христіанскую религію, такъ превозносимую! Сколькимъ

(*) Это положеніе не слѣдуетъ принимать въ самомъ безусловномъ смыслѣ, потому что, собственно говоря, ни одинъ народъ не находится въ состояніи застоя: онъ болѣе или менѣе идетъ впередъ на пути къ просвѣщенію. Но это движеніе у нѣкоторыхъ націй такъ мало чувствительно, что можно его принять за застой. А разсмотрите эти націи въ отдаленнѣйшія эпохи, и вы всегда найдете хоть какую-нибудь разницу, хоть какой-нибудь прогрессъ.

преслѣдованіямъ подвергались съ своей стороны христіане, уже достигнувъ могущества! Сколько возмутительныхъ злоупотребленій внесло въ общество ихъ духовенство!

А чѣмъ не злоупотребляли люди? На кого не взводили они клеветы? Согласенъ, что индиферентизмъ язычества, происходившій вслѣдствіе самой многочисленности божествъ и вслѣдствіе политическихъ и гражданскихъ причинъ, сильно благопріятствовалъ общей тишинѣ и спокойствію. Согласенъ и съ тѣмъ, что если христіанство само по себѣ и отличается терпѣливостью, имѣя основаніемъ милосердіе и любовь къ ближнему, то христіане были не таковы: они усвоили себѣ тотъ духъ нетерпѣливости и преслѣдованія, который родился у евреевъ, ихъ предшественниковъ въ дѣлѣ религіи. Но возьмите вѣсы вѣчнаго правосудія: положите съ одной стороны зло, съ другой добро, произведенное христіанствомъ, и вы увидите, что зло было только временное, а добро—непрерывное, неисчислимое. Можно ли тоже самое сказать о религіи языческой? Ни добра, ни зла тамъ не видать: индиферентизмъ—его девизъ, безполезность—его характеръ.

И какъ-будто злоупотребленіе вещью составляетъ ея сущность! Да тотъ же самый мечъ, который служитъ охраною правосудія, служитъ и къ его угнетенію. Развѣ въ наше время не совершались ужаснѣйшія злодѣйства подъ покровомъ философіи? Если люди, заблудившіеся и развращенные, худо разсуждали и еще того хуже дѣйствовали—такъ развѣ это достаточный поводъ къ тому, чтобъ стереть ее съ лица земли, родъ человѣческій снова погрузить въ состояніе первобытнаго звѣрства, остановить—если только это возможно—развитіе нашихъ способностей и унизить человѣка, это существо, одаренное разумомъ и волей?

Извѣстно мнѣ, что бо́льшую часть религіи можно упрекать за заблужденія; но что значатъ заблужденія религіи, что̀ значатъ заблужденія философіи, когда они безвредны и когда, далеко не причиняя зла сами по себѣ, они, напротивъ, могутъ еще содѣйствовать пользѣ? Философскія заблужденія суть только первыя усилія достигнуть полнаго развитія разума; они составляютъ необходимое условіе этого развитія. Можно ли требовать отъ ребенка, который только-что еще учится ходить, чтобъ онъ не падалъ? Религіозное настроеніе имѣетъ ту осо-

бенность, что оно въ высшей степени занимаетъ воображеніе и успокоиваетъ душу, представляя одному картину будущей жизни, а другой—несомнѣнность этой жизни.

Не безъизвѣстно мнѣ также, что при надлежащемъ употребленіи разума можно придти къ многимъ такимъ же убѣжденіямъ. Но убѣжденіе разума никогда не будетъ имѣть той степени силы, какую имѣетъ убѣжденіе, производимое религіей. Первое есть дѣло насъ самихъ, которое мы можемъ измѣнять смотря по направленію нашихъ мыслей; второе же происходитъ вслѣдствіе стеченія не зависящихъ отъ насъ обстоятельствъ, которыхъ произвесть мы не въ силахъ, которыхъ и измѣнить невозможно; первое есть только мнѣніе, второе же образуетъ другую природу.

Если меня спросятъ, какіе же успѣхи окажетъ умъ человѣческій, пропитанный религіозными предразсудками,—то я отвѣчу, что, безъ сомнѣнія, умозрительная и нравственная философія, основныя начала законодательства и политики не окажутъ ни очень большихъ, ни очень быстрыхъ успѣховъ, особенно если къ этимъ предразсудкамъ присоединятся еще нетерпимость и преслѣдованіе; но что предразсудки эти все-таки совмѣстны съ нѣкоторыми науками и благопріятны для *всѣхъ* искусствъ. Математика ровно ничего не имѣетъ общаго съ религіозными и нравственными убѣжденіями. Такимъ образомъ величайшій ханжа можетъ быть величайшимъ астрономомъ, геометромъ, физикомъ, химикомъ, географомъ. То что̀ въ метафизикѣ и морали есть наиболѣе разумнаго, именно сознаніе бытія Божія, загробной жизни, любви къ ближнему, то должно входить во всякую порядочную религію и существеннымъ образомъ составляетъ отличительный характеръ христіанства. Какими успѣхами поэзія и изящныя искусства не одолжены религіи, ея культу, храмамъ, пастырямъ, великолѣпію, обрядамъ, а особенно чудесамъ! Что̀ бы стали дѣлать поэты и художники безъ тѣхъ пособій, которыя они изъ нихъ извлекаютъ, чтобъ согрѣть свой геній и воображеніе? Настроенные ею, они устремляются въ безконечныя пространства, создаютъ новыя существа, новые предметы, новый міръ и производятъ великіе образцы, составляющіе предметъ удивленія всего человѣчества.

Такого рода независимостью, въ какой находятся иногда науки

и искусства по отношенію къ религіознымъ убѣжденіямъ, объясняется и то повидимому странное, но въ сущности весьма естественное явленіе, которое замѣчается у наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ. Не смотря на большіе успѣхи просвѣщенія и цивилизаціи, они не могутъ обойтись безъ священниковъ, безъ культа, безъ благочестивыхъ, по мнѣнію ихъ обрядовъ, словомъ—безъ религіи.

Кромѣ того, о чемъ идетъ рѣчь, объ основаніи ли новой религіи, или о пользованіи тою, которая уже есть? Религіи суть дѣло времени, нравовъ, обычаевъ, привычекъ, философскихъ и нравственныхъ убѣжденій народовъ. Измѣнить ихъ, переиначить, или ограничить ихъ содержаніе—не во власти обыкновеннаго законодателя: для этого нуженъ законодатель высшаго разряда, человѣкъ вдохновенный свыше, пророкъ, посланникъ неба, самъ Богъ. Все что можетъ сдѣлать обыкновенный человѣкъ, это—установить общественное отправленіе ея и ограничить власть священнослужителей. Но и это часто подвержено почти непреодолимымъ трудностямъ.

Когда религія и философія сходятся въ самыхъ существенныхъ пунктахъ, въ тѣхъ, которые всего ближе касаются счастья человѣка и безопасности общества, тогда на другіе пункты законодатель долженъ смотрѣть только какъ на посторонніе, сами по себѣ маловажные, и слѣдовательно требующіе не большаго снисхожденія. Онъ долженъ остерегаться отъ нарушенія столь спасительной гармоніи, не истребляя преждевременно страстей, враждебныхъ общественному порядку и спокойствію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О средствахъ къ поддержанію согласія между законами и религіею.

Согласіе это зависитъ отъ правильнаго опредѣленія церковныхъ правъ и ограниченій, указываемыхъ опытомъ. Разовьемъ эту истину.

Въ числѣ неотъемлемыхъ правъ человѣка одно изъ драгоцѣннѣйшихъ есть свобода выраженія мысли, и потому самому свобода отправленія религіи.

Это отправленіе, неограниченное въ естественномъ состояніи, ограничивается въ состояніи общественномъ, какъ и всякія права, безусловною и относительною безопасностью.

Невозможно постановить особыхъ узаконеній, которымъ бы слѣдовала всякая страна при всякомъ обстоятельствѣ, касающемся религіи. Опредѣлить ихъ и какъ можно удобнѣе сблизить съ общими узаконеніями—предоставляется проницательности народнаго законодателя.

Послѣднія напротивъ не подвержены такимъ затрудненіямъ, потому что вытекаютъ изъ правъ и обязанностей, какія гражданинъ имѣлъ всегда и вездѣ. Съ помощію разума и здраваго смысла опредѣлить ихъ нетрудно.

Если каждый гражданинъ въ частности имѣетъ право исповѣдывать ту религію, которую онъ считаетъ за лучшую, лишь бы она сама по себѣ была безвредна, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ граждане вообще имѣютъ право соединяться въ общество для исповѣданія одной и той же религіи; что это общество или церковная община (*) пользуется, по отношенію къ своей религіи, властью законодательной, судебной и исполнительной; что оно само регулируетъ свое ученіе, свой культъ, свои нравственныя убѣжденія, только во всякомъ случаѣ съ исключеніемъ, сейчасъ упомянутымъ; что однимъ словомъ, оно само себѣ господинъ.

Всякая религіозная община, пользуясь, въ качествѣ такой общины, совершенной независимостью, не должна ни нарушать независимости другихъ общинъ религіозныхъ, ни стараться о пріобрѣтеніи себѣ новыхъ членовъ иными путями, кромѣ кротости и убѣжденія. Таково основаніе—не говорю вѣротерпимости, но свободы богослуженія.

Въ силу того же начала, никакая религіозная община не въ правѣ противиться успѣхамъ наукъ и искусствъ, естественному ходу цивилизаціи подъ предлогомъ искорененія мнѣній, противныхъ ея ученію.

При самомъ началѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ общинъ, напри-

(*) Подъ этимъ названіемъ я разумѣю нетолько монашескій орденъ, но всѣхъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, принадлежащихъ къ одному и тому же обществу или исповѣдающихъ одну и ту же религію.

мѣръ у первыхъ христіанъ, всѣ члены одинаково участвовали во власти и управленіи церковномъ: не было духовнаго сословія. Но по мѣрѣ того какъ община становилась многочисленнѣе, спорные вопросы сложнѣе, обряды продолжительнѣе—явилась потребность предоставить всю власть нѣсколькимъ членамъ (*). Съ тѣхъ поръ явное или тайное согласіе продолжало и освящало это первоначальное предоставленіе власти. Таково основаніе *правъ духовенства вообще и христіанскаго въ особенности.*

Духовенство, пользуясь только властію, возложенною на него религіозною общиною, будучи лишь установленнымъ, но не установляющимъ тѣломъ, не должно дозволять себѣ ничего противнаго этой предоставленной ему власти. Такъ поступаетъ оно, когда отказывается совершать св. таинства, крестить, исповѣдывать, хоронить, словомъ—исполнять обряды, составляющіе сущность какой-либо религіи. Но это ограниченіе не препятствуетъ священнослужителямъ *совершенно* оставлять священническій санъ и общину, когда имъ заблагоразсудится, по примѣру другихъ членовъ-мірянъ.

Изъ права учреждать религіозныя общины, богослуженіе и священнослужителей, вытекаетъ право ихъ обезпечивать. Такимъ образомъ всякій гражданинъ въ правѣ отказать въ пользу церкви какую ему угодно недвижимую или движимую собственность, и законодатель долженъ смотрѣть на эти даренія какъ на всякія другія имущественныя отношенія между частными лицами.

Изъ того же права признанія религіи проистекаетъ для религіозной общины право наблюдать и слѣдить за дѣйствіями всѣхъ своихъ членовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, допускать въ свою среду или изгонять изъ нея кого ей заблагоразсудится; предписывать, запрещать и наказывать, на основаніи особыхъ правилъ, которыя она сама для себя начертала касательно богослуженія, т. е. на основаніи своего собственнаго ученія. Но эти права, какъ и другія, нуждаются въ передачѣ. Отсюда духовныя мѣста судебныя и административныя.

Но религіозныя общины, взятыя въ общемъ ли ихъ составѣ, или

(*) Я знаю и уже сказалъ въ предыдущемъ отдѣленіи, что священническій санъ у большей части народовъ, особенно во время ихъ младенчества, имѣлъ иное происхожденіе; но здѣсь рѣчь не о предразсудкахъ и не о насильственномъ захватѣ власти, не о *фактѣ*, а о *правѣ*.

каждая отдѣльно, никогда не перестаютъ составлять часть государства, быть гражданами. Поэтому онѣ никогда не должны переставать пользоваться правами и исполнять обязанности прочихъ гражданъ. Такъ въ Римѣ верховный жрецъ (понтифексъ) могъ быть консуломъ и начальствовать надъ войскомъ.

Вслѣдствіе этого религіозныя общины и принадлежащія къ нимъ духовныя лица должны, подобно другимъ государственнымъ чинамъ, безусловно повиноваться верховной главѣ страны, лицу физическому или юридическому, верховному судьѣ того, чего требуетъ безопасность этой страны; равнымъ образомъ онѣ обязаны отправлять повинности, личныя и денежныя.

И если государь освобождаетъ отъ нихъ духовенство, если, кромѣ того, онъ даетъ ему отличія и почести, то это дѣлается никакъ не въ силу права, принадлежащаго духовнымъ лицамъ, а въ видѣ привилегіи, справедливо даваемой, если ихъ религія содержитъ въ себѣ чистую и святую нравственность и когда они стараются внушить къ ней довѣріе и распространить ее посредствомъ проповѣдей и пастырскихъ увѣщаній.

Коль скоро священники, какъ священники, а не какъ граждане, принимаютъ участіе въ общественныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, то они выступаютъ изъ той сферы дѣятельности, которая опредѣлена для нихъ сущностью ихъ правъ, т. е. изъ сферы, ограничивающейся дѣлами чисто религіозными.

Предположите представительную монархію, въ которой одни лишь владѣльцы допускались бы въ законодательное собраніе: священникъ, какъ владѣлецъ, имѣлъ бы право быть туда допущеннымъ. Но онъ бы не могъ быть туда допущенъ, по крайней мѣрѣ не въ правѣ былъ бы требовать этого единственно по своему званію, хотя бы и пользовался всѣми имуществами духовенства, потому что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы администраторомъ, лицомъ пользующимся доходами, а не настоящимъ владѣльцемъ.

Духовное лицо, владѣлецъ или управитель церковныхъ помѣстьевъ, имѣетъ ли оно тяжбу съ какимъ либо другимъ духовнымъ лицомъ или гражданиномъ, нанесетъ ли оскорбленіе, совершитъ ли преступленіе—судить эти дѣла должны свѣтскіе суды, гражданскіе или уголовные. Но дѣло духовнаго лица или гражданина, об-

винненнаго въ пренебреженіи своими религіозными обязанностями, подлежитъ вѣдомству судовъ духовныхъ.

До сихъ поръ говорило одно лишь право; послушаемъ также, что говоритъ опытъ.

Государь не можетъ запретить духовному лицу имѣть личную собственность, не нарушая тѣмъ одного изъ неотъемлемыхъ правъ человѣка; но онъ можетъ запретить имѣть такую собственность духовенству въ полномъ его составѣ и назначить ему, въ замѣнъ этого, годичный окладъ жалованья изъ общественной казны, ибо опытъ доказалъ, что духовныя лица, коль скоро они не отцы семейства, ни владѣльцы недвижимыхъ имѣній, ни граждане, но просто служители церкви, тратятъ свои богатства лишь на удовлетвореніе своимъ прихотямъ и корыстолюбію, увеличиваютъ свое значеніе и могущество и посѣваютъ въ государствѣ безпорядки и смятенія.

Руководствуясь примѣромъ прошедшаго, государь можетъ даже объявить себя верховнымъ главою церкви, удержать за собою право назначенія на высшія духовныя мѣста и проч.

Всѣ эти мѣры были признаны въ большей части государствъ до такой степени необходимыми, что ихъ можно обратить въ основныя начала абсолютной безопасности.

Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ опытъ не освятилъ бы ихъ, онѣ были бы лишь безполезнымъ ограниченіемъ права собственнаго распоряженія собственностью, были бы со стороны государя только беззаконнымъ отнятіемъ власти у духовенства.

Если строго наблюдать границы, опредѣляемыя правомъ и опытомъ, между властью духовною и свѣтскою, между духовнымъ лицомъ и гражданиномъ, то духовенство никогда бы не могло пріобрѣсть слишкомъ большаго могущества и нарушать общественное спокойствіе, потому что не могло бы, по крайней мѣрѣ прямо, вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Что же касается до его косвеннаго вліянія, то оно уравновѣшивалось бы—въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это вліяніе могло бы быть опасно—массою свѣтской власти и успѣхами просвѣщенія.

Скажу болѣе: къ этимъ ограниченіямъ нѣтъ нужды прибѣгать въ тѣхъ странахъ, гдѣ религія дозволяетъ духовенству вступать въ бракъ и владѣть недвижимыми имѣніями на пра-

вахъ всякой другой личной собственности, потому что тогда званіе гражданина одерживаетъ въ немъ верхъ надъ званіемъ духовнаго лица. Вотъ одна изъ причинъ, почему многобожіе производило у древнихъ такъ мало смутъ.

Воодушевляемая нравственностью, отрѣшенная отъ злоупотребленій, возвеличенная почестями и отличіями, религія подкрѣпляла бы законъ и себѣ находила бы въ немъ подкрѣпленіе: отсюда полнѣйшее согласіе ихъ между собою.

Кажется, я достаточно уяснилъ этотъ пунктъ; дальнѣйшія подробности не входятъ въ планъ настоящаго сочиненія.

ГЛАВА XV.

О международномъ правѣ.

Народы, находящіеся въ отношеніи къ другимъ въ состояніи естественномъ, должны въ взаимныхъ своихъ сношеніяхъ слѣдовать естественному закону.

Но, какъ уже было замѣчено, законъ естественный есть не что иное, какъ выраженіе индивидуальной безопасности въ самомъ обширномъ смыслѣ, также какъ законы государственные и гражданскіе суть не что иное, какъ выраженіе безопасности общественной. Поэтому и международное право будетъ не инымъ чѣмъ, какъ выраженіемъ народной безопасности.

Оно бываетъ или естественное, или обычное, или договорное.

Международное право естественное есть естественный законъ, примѣненный къ чужеземнымъ народамъ, разсматриваемымъ въ собирательномъ смыслѣ или индивидуальномъ.

Въ смыслѣ общественномъ, народа къ народу, это право и этотъ законъ составляютъ рѣшительно одно и тоже.

Но въ смыслѣ индивидуальномъ, отдѣльнаго лица къ чужеземной націи, естественное международное право отличается отъ закона естественнаго взаимными правами и обязанностями, которыя каждое отдѣльное лицо должно наблюдать въ отношеніи ко всякой чужеземной націи, коль-скоро они имѣютъ между собою сношенія.

Международное право обычное основывается на обычаяхъ, введенныхъ между націями временемъ, обычаяхъ, которые могутъ

болѣе или менѣе разниться отъ закона естественнаго, не становясь однакоже съ нимъ въ противорѣчіе. Въ такомъ случаѣ они образуютъ собою *дѣйствительныя* обязательства, такъ какъ безъ предварительнаго объявленія никакъ не слѣдуетъ нарушать ихъ.

Наконецъ *международное право договорное* имѣетъ основаніемъ формальные договоры, заключаемые между націями. Здѣсь естественный законъ подвергается безконечнымъ видоизмѣненіямъ, зависящимъ исключительно отъ обстоятельствъ.

Но международное право и естественный законъ имѣетъ величайшее неудобство—никакой законной гарантіи въ первенствующей державѣ, которая, превосходя собою всѣ индивидуальныя силы, заставляетъ, какъ въ быту общественномъ, уважать права и исполнять обязанности. Націи, равно какъ и отдѣльныя лица, находятъ для себя эту гарантію, эту столь драгоцѣнную безопасность, лишь въ своей собственной силѣ. Но коль скоро не существуетъ никакого судебнаго мѣста для націй, то имъ приходится самимъ не только пресѣкать возникающія несправедливости, но и предупреждать всѣ могущія произойти впослѣдствіи.

Такимъ образомъ международное право, основанное на естественномъ законѣ, ограничивается еще опытомъ, т. е. примѣромъ прошедшаго и опасеніемъ за будущее.

Все что́ я буду говорить объ этомъ важномъ предметѣ законодательства будетъ лишь развитіемъ этого начала.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О международномъ правѣ естественномъ, по отношенію его къ народу.

Всякая нація должна пользоваться *самой безграничной независимостью* по отношенію ко всякой другой. Обезпеченное пользованіе этой независимостью есть національная безопасность, которой нельзя отдѣлять отъ безопасности личной и имущественной.

Не было бы основательно національную независимость *совершенно* смѣшивать съ индивидуальной безопасностью: нація не отдѣльное лицо; будучи лицомъ нравственнымъ, она можетъ утратить свое политическое существованіе, тогда какъ отдѣльное лицо, въ качествѣ лица физическаго, сохраняетъ свое существованіе, ста-

новясь членомъ какого-либо другаго государства; безопасность отдѣльныхъ лицъ можно уважать, нарушая независимость націи: нація исчезаетъ, а отдѣльныя лица всегда остаются.

Независимость націи заключается въ свободномъ и неограниченномъ отправленіи трехъ властей, установляющихъ всякое общество, т. е. законодательной, судебной и исполнительной.

Такъ какъ государственное устройство есть не что иное, какъ совокупность этихъ трехъ властей, то оно имѣетъ исключительное право приводить въ дѣйствіе, отъ имени націи, общественную силу какъ внѣ, такъ и внутри.

Коль скоро отправленіе этихъ властей ограничено или умѣрено *одностороннимъ образомъ*, то нація теряетъ долю своей независимости вслѣдствіе этого односторонняго ограниченія или умѣренія, сдѣланнаго другою націею или ея собственнымъ правительствомъ.

Говорю, *одностороннимъ образомъ*, потому что если это ограниченіе дѣлается свободно и обоюдно между двумя или нѣсколькими націями, то взаимная независимость ихъ или первенство остается неприкосновеннымъ.

Никакая нація не въ правѣ посягать на независимость другой націи, если не побуждается къ тому обезпеченіемъ своей собственной независимости. Но необходимо, чтобъ оно оправдалось долговременнымъ опытомъ. Тогда, не смотря на формальныя обязательства, нарушеніе ихъ допускается, хотя бы оно и не было вызвано никакимъ враждебнымъ дѣйствіемъ, лишь бы было о немъ предупреждено во-время, лишь бы побудительныя къ тому причины были заявлены или бы предложены были крайнія условія для мѣръ.

Ссылаться на вѣрность договоровъ, какъ на препятствіе къ ихъ нарушенію, какъ бы впрочемъ эта вѣрность ни была необходима для упроченія національной независимости, значитъ худо знать истинное значеніе договоровъ, значитъ *содержаніемъ* жертвовать *формѣ*.

Никакое обязательство не обязательно, коль скоро соблюденіе его рано или поздно приводитъ къ дѣйствительной или предполагаемой утратѣ національной независимости, утратѣ, которая можетъ наконецъ повлечь за собою утрату безопасности личной и имущественной. По первое, самое святое обязательство націи относительно себя самой заключается въ томъ, чтобы предупредить это ужасное послѣдствіе, это униженіе своего нравственнаго достоинства. Коль

скоро заговоритъ это обязательство, всѣ остальныя должны умолкнуть.

Быть-можетъ, меня спросятъ: что станется съ вѣрностью и святостью договоровъ съ той поры, когда люди увѣруютъ въ возможность нарушенія ихъ по поводамъ безопасности, нерѣдко пустымъ и сомнительнымъ? Возражаю: что станется съ національною независимостью; что станется съ личными и имущественными правами, весьма тѣсно связанными съ этою независимостью, хотя бы они и не были совершенно отъ нея нераздѣльны, если, убѣдясь въ злыхъ замыслахъ врага, съ которымъ я состою по договору въ мирѣ, я не предупрежу его во́-время, разорвавъ гибельный союзъ, начавъ войну, справедливую по своимъ поводамъ, политическую по своїмъ послѣдствіямъ? «Но какъ легко, скажутъ мнѣ, злоупотребить этими поводами!» Совершенная правда; но это неудобство немощи человѣческой природы, а не строгости и точности предложенныхъ началъ. Не гоняясь далеко за примѣрами, возьмемъ примѣръ Австріи и Пруссіи. Послѣ гигантскаго похода Бонапарта въ Россію, эти двѣ державы развѣ несправедливо объявили себя противъ него, не смотря на формальные договоры, заключенные съ этимъ похитителемъ верховной власти?

Но когда повода сохраненія собственной независимости не существуетъ, тогда посягательства на чужую независимость суть предосудительныя насилія, внушаемыя духомъ завоеванія, честолюбія или алчности.

При существованіи же причины къ сохраненію національной независимости, понудительныя средства будутъ законны или незаконны, смотря потому, будутъ ли они достаточны или нѣтъ, или болѣе чѣмъ достаточны для достиженія этой цѣли. Выборъ этихъ средствъ будетъ дѣломъ *политики*.

Если иногда и дозволяется уничтожить независимость націи, непримиримо-враждебной, то ни въ какомъ случаѣ не дозволяется уничтожить независимость отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ эта нація, т. е. личную и имущественную ихъ безопасность, потому что это значитъ унижать человѣческую природу, совершать умышленное насиліе, ставить себя въ невозможность заключить какое-либо *дѣйствительное* обязательство съ нравственно-униженными существами.

Даже и тогда, когда независимость націи, по природѣ враждебной, оказалась бы несправедливо уничтоженной, имѣли бы право отказаться отъ ея возстановленія, еслибъ, вслѣдствіе измѣненія политическихъ обстоятельствъ, его нельзя было бы совершить иначе, какъ съ величайшими затрудненіями и опасностями для внѣшней безопасности націи, уничтожившей эту независимость.

Просвѣщенная нація ни въ какомъ случаѣ не поднимается цѣлой массой во время войны съ другими народами: ея правительство выводитъ противъ непріятеля войска. Изъ этого слѣдуетъ, что побѣдою надъ этими войсками и низпроверженіемъ этого правительства, достигается величайшій успѣхъ, какой только возможенъ при войнѣ: можно предписать мирныя условія, составляющія цѣль законной вражды. Къ чему же тогда нападать на отдѣльныя лица и на ихъ имущества?

Отравленіе оружій, колодцевъ, съѣстныхъ припасовъ и проч., направляемое всегда противъ отдѣльныхъ лицъ, которыя могутъ быть устранены отъ участія въ войнѣ и безъ этого возмутительнаго средства, не заслуживаетъ никакаго оправданія и благородная нація никогда не должна прибѣгать къ нему.

Изо всего этого видно, какъ несправедливо и жестоко мнимое право обращать побѣжденныхъ народовъ въ рабство. Эта варварская мѣра гибельна для безопасности даже самихъ побѣдителей, потому что рабы всегда покушаются разорвать свои оковы и напасть на своихъ притѣснителей, между тѣмъ какъ новые подданные, допущенные къ правамъ, которыми пользуются прежніе подданные, въ скоромъ времени образуютъ вмѣстѣ съ послѣдними одинъ народъ.

Во всякомъ случаѣ, за недостаткомъ *собственныхъ средствъ*, правительство въ правѣ требовать въ непріятельской землѣ личной службы и денежныхъ пособій, *крайне необходимыхъ* для дѣйствій и потребностей войскъ.

Говорю: «за недостаткомъ собственныхъ средствъ» и «крайне необходимыхъ», потому что за исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, требованія и контрибуціи, безполезно падая на невинныхъ или безоружныхъ лицъ, теряютъ свой характеръ законности, и на самомъ дѣлѣ суть только грабежъ, который напрасно силятся прикрыть другими приличными названіями.

Примѣняя эти начала къ тѣмъ непомѣрнымъ требованіямъ, какія

дѣлаются въ наше время въ непріятельскихъ земляхъ, къ морскимъ набѣгамъ на мирныхъ пловцовъ, ко всякаго рода препятствіямъ къ торговлѣ нейтральныхъ державъ, безвинныхъ частныхъ лицъ и проч., не трудно убѣдиться, что насилія эти, жестокія и безполезныя въ то же время, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ справедливой войнѣ, безчестятъ просвѣщенныя націи, которыя позволяютъ себѣ такъ дѣйствовать.

Посредствомъ примѣненія тѣхъ же самыхъ началъ мнѣ можно будетъ столь же легко разрѣшить и знаменитый вопросъ: судно покрываетъ ли, или же конфискуетъ грузъ? Судно, уже потому одному, что оно не военный корабль, должно быть уважаемо, какъ и грузъ его, если бъ даже они принадлежали непріятельской націи.

А возмездіе, спросятъ меня, развѣ также несправедливо? Самое лучшее возмездіе—презрѣніе всѣхъ народовъ къ тому, который изъ войны дѣлаетъ средство къ грабежу.

Ясно, что я осуждаю здѣсь только насилія противъ частныхъ лицъ, ни въ чемъ невиноватыхъ, дѣлаемыя подъ видомъ возмездія; но блокировать военные порты, овладѣть какой-нибудь областью, затѣмъ чтобы принудить державу, съ которой ведется война, уступить справедливымъ требованіямъ—значитъ совершать непріязненныя дѣйствія противъ цѣлой націи, а не противъ отдѣльныхъ лицъ, значитъ вести войну, а не дѣйствовать изъ возмездія.

Какъ велика была бы нація, которая, отказываясь отъ несправедливыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ малодушныхъ средствъ, употребляла бы только средства мужества, умѣнья и способностей для удержанія и упроченія своей системы независимости и внѣшней безопасности, нація, которая подала бы современнымъ и грядущимъ поколѣніямъ высокій примѣръ—никогда не вести войны съ народами, а только съ арміями, никогда не вести ея въ духѣ завоеванія, а только въ духѣ безопасности!

Повторимъ въ короткихъ словахъ сказанное. Независимость есть высшій законъ для націи: всякое средство, *необходимое* для ея поддержанія, законно; всякое обязательство, направленное къ ея нарушенію, ничтожно, совершенно ничтожно; нація въ правѣ уничтожить независимость другой націи, непримиримо съ нею враждебной, чтобъ обезпечить свою независимость; но она не можетъ и

не должна никогда нарушать безопасность личную и имущественную.

А. Средства къ сохраненію національной безопасности.

Они проистекаютъ изъ природы человѣка и изъ сущности правительства, подъ которымъ онъ живетъ, равно какъ и отъ страны, въ которой онъ обитаетъ: поэтому они бываютъ *умственныя*, *нравственныя*, *политическія и физическія.*

Умственныя.—Усовершенствованіе нашихъ способностей увеличиваетъ наши природныя силы. Эта истина, такъ ясно доказываемая опытомъ, можетъ обойтись безъ всякаго другаго доказательства. Еслибъ Римлянамъ былъ извѣстенъ порохъ, то ихъ имперія не была бы разрушена варварами. А какая-нибудь горсть людей, при помощи этого изобрѣтенія, подчинила своей власти цѣлое полушаріе.

Нравственныя.—Нація, въ которой господствуетъ гражданская свобода, всегда отличается высокими началами и чувствами. Любовь къ отечеству, соединяясь съ нею, производитъ тотъ энтузіазмъ, который презираетъ опасностями и смертью для спасенія, защиты и славы родины. И тогда многочисленность замѣняется мужествомъ: примѣръ—Греки при Ѳермопилахъ и Платеѣ.

Не то мы видимъ у народа, состоящаго изъ господъ и рабовъ, гдѣ одни наслаждаются жизнью, а другіе работаютъ, потому что изнѣженность первыхъ и униженіе послѣднихъ дѣлаютъ ихъ неспособными противостоять напору мужественнаго и предпріимчиваго непріятеля, хотя бы онъ былъ и слабѣе ихъ числомъ, а тѣмъ болѣе, если онъ еще превосходитъ силами. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ паденія древнихъ республикъ.

Политическія. — Эти средства столько же относятся къ сущности правленія, сколько и къ дѣйствіямъ его относительно иностранныхъ державъ.

Учредительныя государственныя власти, надлежащимъ образомъ установленныя и поддерживаемыя, не представляютъ добычи врагамъ государства. Греція и многія другія страны были покорены благодаря лишь внутреннимъ раздорамъ, возникшимъ вслѣдствіе неправильнаго соединенія этихъ властей, вслѣдствіе дурнаго управленія, которое бываетъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ этого недостатка.

Но благоразумное и дальновидное правительство съумѣетъ выбрать и принять мѣры, наиболѣе способствующія къ утвержденію внѣшней безопасности: оно во-время и заключитъ миръ, и вступитъ въ войну, оно заключитъ наступательный и оборонительный союзы, смотря по обстоятельствамъ, будучи убѣждено, что бездѣйствіе можетъ быть столь же роковымъ, какъ и дѣйствіе, невмѣшательство въ дѣла столь же гибельнымъ, какъ и война.

Физическія.—Жители должны быть крѣпкаго тѣлосложенія и въ достаточномъ числѣ; страна должна имѣть естественныя преграды.

Физическая сила націи зависитъ отъ надлежащаго раздѣленія ея труда, которое поддерживаетъ здоровье и крѣпость во всемъ обществѣ (*); а это раздѣленіе зависитъ въ свою очередь отъ гражданской свободы. Въ государствѣ, состоящемъ изъ однихъ лишь граждан, не можетъ произойти никакого злоупотребленія, никакого истощенія физическихъ силъ въ самомъ значительномъ большинствѣ націи. А когда люди, уже сами по себѣ крѣпкіе, къ тому же еще находятся въ достаточномъ количествѣ, то разумѣется они представляютъ собою огромныя матеріяльныя средства къ защитѣ и нападенію.

Не говорю о вліяніи различныхъ климатовъ: всѣ климаты производили людей сильныхъ и мужественныхъ.

Географическое положеніе страны удивительно какъ содѣйствуетъ ея внѣшней безопасности. Обширное протяженіе земли, высокія горы, быстрыя рѣки, бурныя моря и проч. представляютъ собою естественныя преграды, одолѣть которыя болѣе или менѣе трудно.

Если страна, довольно населенная и довольно пространная, обладаетъ естественною преградою, то она едва ли поступитъ хорошо, покидая эту преграду, затѣмъ чтобы расширить свои предѣлы. Но если у нея нѣтъ этой преграды, то она должна искать для себя внѣшней безопасности не въ укрѣпленіяхъ, не въ пограничной стражѣ и не въ ограниченіи своихъ предѣловъ, болѣе или менѣе значительномъ, но въ ослабленіи, въ раздѣленіи силъ, въ рѣшительномъ пораженіи непріятеля.

(*) См. гл. X, отд. 1.

B. Всемірная монархія и политическое равновѣсіе.

На сколько эти системы согласуются съ положенными нами началами внѣшней безопасности?

Если насиліе не было ни причиной, ни слѣдствіемъ этихъ системъ, если онѣ не были дѣломъ несправедливыхъ войнъ, предпринятыхъ въ духѣ завоеванія, а не вслѣдствіе желанія достигнуть безопасности, если онѣ не только не подавили неотъемлемыхъ правъ человѣка, гражданской свободы, а напротивъ, поддерживали ихъ и упрочивали—тогда эти системы находятся съ упомянутыми началами въ согласіи.

Римляне, приводя въ исполненіе планъ всемірной монархіи, внушенный сладостью господства и жаждою завоеваній, удерживали однакожъ за народами права въ томъ же видѣ, въ какомъ застали ихъ во время завоеванія. Скажу болѣе: значительное число городовъ было допущено ко всѣмъ правамъ римскихъ гражданъ—самымъ обширнымъ правамъ, о какихъ только сохранилась память въ исторіи. Наконецъ, науки и искусства, промышленность и торговля, внесенныя ими къ большей части покоренныхъ народовъ; правосудіе самое безукоризненное и строжайшая дисциплина, спокойствіе, которымъ міръ никогда не наслаждался такъ долго и съ такой безопасностью; благоразуміе и твердость правительства—все это заставляло позабывать ихъ прежнія несправедливости.

Система политическаго равновѣсія, явившаяся въ новѣйшія времена, сама по себѣ справедлива, такъ какъ она имѣетъ исключительною цѣлью поддержаніе независимости націй. Но она не имѣла, да и не можетъ имѣть такихъ же благодѣтельныхъ послѣдствій, какъ всемірная монархія. Лишь двѣ великія державы ведутъ между собою войну, то всѣ остальныя должны принимать въ ней участіе повсюду,—и вотъ во всемъ свѣтѣ запылала война.

Чѣмъ больше будетъ дѣйствительно-независимыхъ государствъ, тѣмъ больше будетъ и войнъ: это очевидная истина, подтверждаемая лѣтописями всѣхъ народовъ. Войны уменьшаются по мѣрѣ того какъ государства увеличиваются: сильныя массы, уравновѣшиваемыя однѣ другими, производятъ промежутки мира и войны болѣе или менѣе кратковременныя; одна лишь всемірная

монархія можетъ уничтожить зародыши войны; одна она доставляетъ прочный и продолжительный миръ, по крайней мѣрѣ на сколько это дозволяетъ человѣческая немощь. Но политическое равновѣсіе поддерживаетъ независимость націй, тогда какъ всемірная монархія разрушаетъ ее до основанія.

Для того, чтобъ установить, а въ особенности поддержать всемірную монархію, необходимо, чтобы народъ, покорившій себѣ всѣхъ другихъ, стоялъ несравненно выше всѣхъ ихъ по образованію; только при этомъ условіи онъ постепенно можетъ передавать имъ свои нравы, свою религію, свое правленіе, искусства, просвѣщеніе—словомъ, отождествить націи; цивилизація освятитъ и упрочитъ дѣло силы и насилія. Но безъ такого превосходства, безъ такого отождествленія, малѣйшее благопріятное обстоятельство, первый способный и отважный человѣкъ между побѣжденными пробудитъ народную непріязнь, начнетъ войну и уничтожитъ всемірную монархію.

Вотъ почему она и могла существовать въ древности; вотъ почему въ нашу пору она можетъ существовать только временно. Ни одна нація, по крайней мѣрѣ въ Европѣ—не говоря о туркахъ, которыхъ въ этомъ отношеніи нельзя приводить въ паралель—не имѣетъ теперь надъ другими такого огромнаго превосходства по образованію, какое имѣли надъ всѣми народами Римляне. Исключеніе отсюда составляли только Греки; но они были слишкомъ раздроблены.

Такимъ образомъ въ наше время политическое равновѣсіе есть единственная система, которая только можетъ расчитывать на прочность и продолжительность.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О международномъ правѣ естественномъ, по отношенію къ отдѣльному лицу.

Всякое государство имѣетъ неотъемлемое право запретить иностранцамъ въѣздъ въ свои владѣнія; но коль скоро этого запрета не существуетъ, коль скоро человѣкъ вступилъ на чужую землю, онъ тѣмъ самымъ заключаетъ обязательство уважать законы этой земли, а правительство—обязательство покровительствовать ему.

Вслѣдствіе этого, иностранецъ долженъ соблюдать всѣ требуемыя формальности, чтобъ удостовѣрить въ своемъ имени, званіи, состояніи, занятіи и проч., долженъ платить установленныя пошлины, какъ напр. за право въѣзда и выѣзда, таможенныя и проч., долженъ подвергаться наказаніямъ, опредѣляемымъ закономъ за совершенныя имъ преступленія.

Но сверхъ этихъ обязанностей, правительство этой страны не должно ничего требовать отъ иностранца—ни присяги въ вѣрности или въ подданствѣ, ни личной службы, ни денежныхъ контрибуцій, ни религіознаго, государственнаго или гражданскаго какого-либо обязательства; оно не можетъ ни посадить его подъ стражу, ни подвергать наказанію за преступленія, совершенныя въ другомъ государствѣ, такъ какъ всякое наказаніе должно служить примѣромъ, а наказаніе иностранца не имѣло бы этого свойства. Наконецъ, иностранецъ имѣетъ право неограниченно располагать собой и своею собственностью.

Но коль скоро онъ пріобрѣтаетъ въ чужомъ краю недвижимое имущество, то онъ входитъ въ составъ этого края. Тогда можно требовать, чтобъ онъ или продалъ эту собственность, или объявилъ себя гражданиномъ той страны, въ которой она находится, и какъ гражданинъ, онъ долженъ подвергнуться тѣмъ же самымъ обязательствамъ, какъ и прочіе граждане.

По этой же причинѣ, всякій споръ о недвижимомъ имуществѣ долженъ быть разбираемъ мѣстными судьями и на основаніи мѣстныхъ законовъ, равно какъ и всякій безъ различія процессъ между иностранцами и мѣстными жителями. Но процессъ между иностранцами объ имуществѣ движимомъ можетъ быть рѣшаемъ судьями ихъ собственной страны и на основаніи законовъ ихъ же страны, въ силу существующихъ договоровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О международномъ правѣ обычномъ.

Привести нѣкоторые общепринятые обычаи, значитъ дать вѣрное понятіе объ этомъ правѣ.

Принято за обычай считать *не подлежащими* законамъ территоріальности всѣхъ коронованныхъ особъ и другихъ царствующихъ

государей и признанныхъ таковыми, когда они посѣщаютъ чужую страну.

Въ силу этого права иностраннымъ монархамъ предоставляется также юрисдикція (по крайней мѣрѣ гражданская) надъ лицами, принадлежащими къ ихъ свитѣ.

Аккредитованные посланники при иностранномъ дворѣ пользуются тѣмъ же правомъ—не подлежать законамъ территоріальности, если только они не совершатъ преступленій противъ частныхъ лицъ или противъ государства. Въ первомъ случаѣ ихъ удаляютъ, во второмъ есть основаніе подвергнуть ихъ личному аресту, если безопасность государства того требуетъ.

Они изъяты отъ всякихъ личныхъ налоговъ и еще въ отдаленной древности обычай сохранялъ за ними разныя льготы—таможенныя, акцизныя и др. Но это послѣднее преимущество, вслѣдствіе происшедшихъ отъ него злоупотребленій, было въ нѣкоторыхъ странахъ ограничено и даже совсѣмъ уничтожено.

Изо всѣхъ державъ одна лишь Оттоманская Порта да варварскія государства слѣдуютъ еще обычаю надѣлять иностранныхъ посланниковъ или деньгами, или съѣстными припасами.

Въ случаѣ смерти посланника, дозволяется хоронить его въ сосѣднемъ мѣстѣ или переслать бальзамированный трупъ его во владѣнія его государя. Въ такомъ случаѣ обычаемъ принято дѣлать для него изъятіе отъ взиманія пошлинъ даже во владѣніяхъ стороннихъ державъ, чрезъ которыя онъ провозится.

Довольно часто встрѣчается обычай удерживать на нѣкоторое время за вдовой посланника, дѣтьми ея и прислугой тѣ льготы, которыми она пользовалась при жизни своего супруга. Всякое государство однакожъ имѣетъ право назначить для этого срокъ.

У древнихъ народовъ на объявленіе войны непріятелю смотрѣли какъ на существенное условіе того, что война законна. Точно такъ и въ Европѣ до XVII вѣка сохранялся обычай торжественнаго объявленія войны непріятелю чрезъ герольдовъ. Впослѣдствіи этотъ обычай исчезъ, и о войнѣ объявляется лишь у себя, издавая манифесты и объясненія поводовъ къ ней, и сообщая ихъ различнымъ иностраннымъ дворамъ.

Естественный законъ не дѣлаетъ для монарха-непріятеля и его семейства изъятія отъ непріязненныхъ дѣйствій, на которыя война

вообще дает право. Но между просвещенными державами Европы уже съ давнихъ поръ признается противнымъ законамъ войны— цѣлиться въ голову непріятельскаго монарха или принца крови; съ семействомъ непріятельскаго государя обходятся какъ нельзя лучше, не подвергаютъ его заключенію и т. под.

Я бы могъ привести еще другіе примѣры изъ обычнаго права, если бъ это казалось мнѣ необходимымъ; но достаточно замѣтить, что вся сила этого права, коль скоро оно не противно закону естественному, основывается на справедливомъ предположеніи, что будетъ принятъ обычай, существующій у всѣхъ народовъ, предположеніе, которое не оправдывается, когда нарушаютъ этотъ обычай безъ предварительнаго объявленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О международномъ правѣ договорномъ.

Я сказалъ, что оно основывается на формальныхъ договорахъ, существующихъ между націями.

Собраніе всѣхъ договоровъ, существующихъ между государствами или державами, составляетъ поэтому *договорное международное право.*

Оно постоянно измѣняется въ своихъ случайныхъ постановленіяхъ, ограничивая то независимость или территорію государствъ, то политическія или торговыя сношенія между ними, нерѣдко даже уничтожая существованіе ихъ какъ государствъ; но гораздо менѣе измѣняется оно въ своихъ началахъ, потому что они не минутное дѣло страстей человѣческихъ, а медленный и поздній плодъ успѣховъ и совершенствованія цивилизаціи.

Должно замѣтить, что основныя начала договорнаго международнаго права новѣйшей Европы приближаются какъ нельзя болѣе къ естественному закону или къ естественному международному праву; они даже допустили силу нѣкоторыхъ обычаевъ, не предписываемыхъ ни тѣмъ, ни другимъ. Но надобно также сознаться, что эти начала, по отношенію къ возмездію вообще и къ морскимъ набѣгамъ въ особенности, не согласуются съ разумомъ, справедливостью и человѣколюбіемъ. Не говорю здѣсь о требованіяхъ, какія дѣлаются на континентѣ: они непозволительны лишь по своей

чрезмѣрности: они дѣлаются потому, что хотятъ этого, а не потому, чтобы считали себя въ правѣ такъ поступать: здѣсь оно не убѣжденіе, а воля; что же касается до возмездія и набѣговъ, то здѣсь есть заблужденіе какъ со стороны воли, такъ и со стороны мысли.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ (*).

Смыслъ этого сочиненія таковъ: всякаго рода правленіе хорошо, коль скоро оно *соотвѣтствуетъ* дѣйствительному положенію страны.

Но это не мѣшаетъ стремиться, помощію послѣдовательныхъ и медленныхъ средствъ, къ такому правленію, на которое опытъ указываетъ какъ на самое полезное, которое и разумъ признаетъ такимъ, такъ какъ оно всего лучше пресѣкаетъ злоупотребленія, связанныя съ людской немощью.

Каково бы правленіе ни было, но если оно поддерживаетъ гражданскую свободу, которая есть не что̀ иное какъ естественная свобода, не говорю ограниченная, но распространенная законами, то оно все болѣе будетъ пріобрѣтать прочность: оно на дѣлѣ будетъ правленіемъ конституціоннымъ.

Если, съ одной стороны, законъ стѣсняетъ естественную свободу, то съ другой онъ доставляетъ ей, тысячью разныхъ способовъ, такую высокую степень безопасности, что не только не причиняетъ ей ущерба, но еще распространяетъ ее далеко за естественные ея предѣлы.

Просвѣщеніе, стремясь постоянно впередъ, проясняетъ основныя начала, увеличиваетъ силы, исправляетъ злоупотребленія: для государства оно есть тоже, что̀ благодѣтельный дождь для почвы, иссушенной сильнымъ зноемъ.

На постоянность въ улучшеніяхъ намъ указываетъ и ходъ самой природы, всегда медленной въ дѣлѣ производительности, и голосъ чувства, которое отказывается отъ насильственныхъ преобразо-

---

(*) Этотъ обзоръ писанъ въ подлинникѣ рукою Михаила Александровича Салтыкова.

ваній, и самый разсудокъ, который, устраняя, какъ нелѣпость, возможность достигнуть блага путемъ зла, запрещаетъ подъ страхомъ наказанія, которое воспослѣдуетъ рано или поздо, всякія крутыя и разрушительныя для общественнаго порядка нововведенія.

Угнетенія не должно быть, какова бы ни была его сущность; не должно быть и возмущенія, каковъ бы ни былъ поводъ къ нему.

Конецъ.

2007065962